

МЕЖДУНАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ «МИТСО»

КАЗАХСКАЯ АКАДЕМИЯ ТРУДА И СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ТРУДОВЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

**ЦЕНТР ЧАСТНОПРАВОВЫХ И
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

Конференция проведена в рамках выполнения
Дополнительного соглашения о научно-исследовательском сотрудничестве
от 25 января 2018 г. к Договору № 389 от 16 февраля 2015 г.
«О сотрудничестве Учреждения образования Федерации профсоюзов Беларуси
«Международный университет «МИТСО» и
«Казахской Академии труда и социальных отношений»

**ОБЩЕСТВО, ПРАВО, ЛИЧНОСТЬ:
ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ, ФИЛОСОФСКИЕ
И СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ
РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ ШЕСТОГО
ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО УКЛАДА**

Сборник статей
Международной научно-практической конференции
г. Минск, 18–20 апреля 2018 г.

ВЫПУСК СЕДЬМОЙ

Минск
Международный университет «МИТСО»
2018

УДК 1:316+33
ББК 60.027+65
О 28

Рекомендовано к опубликованию
Научно-методическим советом
(протокол № 8 от 24.04.2018)

Редакционный совет:

С. Н. Князев, доктор юридических наук, профессор, ректор Учреждения образования Федерации профсоюзов Беларуси «Международный университет «МИТСО» (председатель редакционного совета).

Л. С. Мальцев, доктор политических наук, кандидат социологических наук, проректор по научной работе Учреждения образования Федерации профсоюзов Беларуси «Международный университет «МИТСО».

А. Н. Данилов, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник центра частноправовых и социально-экономических исследований НИИ ТиСО Учреждения образования Федерации профсоюзов Беларуси «Международный университет «МИТСО».

И. А. Маньковский, кандидат юридических наук, доцент, начальник центра частноправовых и социально-экономических исследований НИИ ТиСО Учреждения образования Федерации профсоюзов Беларуси «Международный университет «МИТСО» (гл. ред.).

В. С. Шемет, кандидат юридических наук, заместитель директора НИИ ТиСО Учреждения образования Федерации профсоюзов Беларуси «Международный университет «МИТСО».

В. П. Шиенок, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник центра частноправовых и социально-экономических исследований НИИ ТиСО Учреждения образования Федерации профсоюзов Беларуси «Международный университет «МИТСО».

О 28 **Общество, право, личность: историко-правовые, философские и социологические предпосылки развития экономики шестого технологического уклада** : сб. ст. междунар. науч.-практ. конф., Минск, 18–20 апр. 2018 г. / Междунар. ун-т «МИТСО» ; редкол. : И. А. Маньковский (гл. ред.) [и др.]. – Выпуск седьмой. – Минск : Междунар. ун-т «МИТСО», 2018. – 268 с.

ISBN 978-985-6421-91-7.

В издании представлены научные статьи, освещающие историко-правовые, философские и социологические предпосылки развития в Республике Беларусь, Российской Федерации, Республике Казахстан и в Азербайджане экономики шестого технологического уклада.

Адресовано научным работникам, преподавателям, студентам I и II ступени получения высшего образования, интересующимся современным состоянием и перспективами развития общественных отношений на территории постсоветских государств.

УДК 1:316+33
ББК 60.027+65

Научное издание

Общество, право, личность: историко-правовые, философские и социологические предпосылки развития экономики шестого технологического уклада

Сборник статей Международной научно-практической конференции
г. Минск, 18–22 апр. 2018 г.

Ответственный за выпуск И. А. Маньковский
Подготовка оригинал-макета И. А. Маньковский
Корректор Н. И. Рудович

Подписано в печать 04.07.2018. Формат 60×84¹/₈. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 31,16. Уч.-изд. л. 32,5.
Тираж 99 экз. Заказ № .

Учреждение образования Федерации профсоюзов Беларуси
«Международный университет «МИТСО».
Ул. Казинца, 21-3, 220099, Минск.

Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий № 1/423
от 02.09.2014.

Отпечатано в Производственном дочернем унитарном предприятии
«Типография Федерации профсоюзов Беларуси».
Свидетельство о государственной регистрации издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 2/18 от 26.11.2013.
ЛП № 02330/54 от 12.08.2013.
Пл. Свободы, 23/103, г. Минск.

ISBN 978-985-6421-91-7

© Международный университет «МИТСО», 2018

ОРГКОМИТЕТ КОНФЕРЕНЦИИ

Станислав Никифорович КНЯЗЕВ, ректор Учреждения образования Федерации профсоюзов Беларуси «Международный университет «МИТСО», доктор юридических наук, профессор (председатель).

Баян Мусаевна БЕСБАЕВА, ректор Казахской Академии труда и социальных отношений, кандидат биологических наук, профессор.

Леонид Семенович МАЛЬЦЕВ, проректор по научной работе Учреждения образования Федерации профсоюзов Беларуси «Международный университет «МИТСО», доктор политических наук, кандидат социологических наук.

Жолдыбай Тюльматович УСПАНОВ, проректор по науке и международным связям, кандидат юридических наук, профессор.

Надежда Бисеновна ЖИЕНБАЕВА, директор департамента магистратуры, доктор психологических наук, профессор.

Игорь Александрович МАНЬКОВСКИЙ, начальник центра частноправовых и социально-экономических исследований Научно-исследовательского института трудовых и социальных отношений Учреждения образования Федерации профсоюзов Беларуси «Международный университет «МИТСО», кандидат юридических наук, доцент.

Вадим Сергеевич ШЕМЕТ, заместитель директора Научно-исследовательского института трудовых и социальных отношений Учреждения образования Федерации профсоюзов Беларуси «Международный университет «МИТСО», кандидат юридических наук.

СЕКЦИЯ 1

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЛЫКИ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ ШЕСТОГО ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО УКЛАДА

25-ЛЕТИЕ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН С РЕСПУБЛИКОЙ КЫРГЫЗСТАН: СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА

Абдулина Аксункар Турсуновна,

доцент Казахской Академии труда и социальных отношений, г. Алматы,

кандидат исторических наук, доцент

Недавно канувший в Лету 2017 год ознаменовался для истории внешнеполитической деятельности Казахстана памятными датами по установлению дипломатических отношений со странами ближнего и дальнего зарубежья, признавшими де-юре нашу независимость и суверенитет. Обзор публикаций в СМИ показал, что наиболее широко на межгосударственном уровне были отмечены юбилейные даты дипломатического взаимодействия Казахстана с Россией, Азербайджаном, Беларусью, Украиной, а также с Китаем, Соединенными Штатами и Федеративной Республикой Германия.

Из стран Центрально-Азиатского региона лишь с Узбекистаном прошли межгосударственные мероприятия по празднованию 25-летия отношений, что стало возможным в связи с приходом к власти в соседней стране в конце 2016 года Шавката Мирзиева. Фактически тихо эта дата была обозначена в казахстанско-туркменских и казахстанско-таджикских отношениях, что тоже является показателем недостаточного уровня совместного взаимодействия региональных государств. Заговором молчания можно назвать отсутствие каких-либо публикаций по поводу 25-летия установления дипломатических отношений Казахстана с Кыргызстаном, связанных между собой тесными политическими, экономическими, гуманитарными и прочими контактами, членством в ЕАЭС. Причина заключается в очередном витке обострения отношений между государствами в связи с обвинениями Кыргызстана в адрес Казахстана о вмешательстве в выборы президента в начале октября 2017 г., практически накануне юбилейной даты установления отношений (15 октября 1992 г.). Очевидно, что эти недружественные действия Кыргызстана, взявшего пример с США во время предвыборной кампании президента Д. Трампа, вскрывают накопившиеся проблемы за 25 лет суверенного развития двух государств.

Республика Казахстан, являющаяся лидером региона по своим макроэкономическим показателям и уровню жизни населения, является партнером всех центрально-азиатских государств, но в особенности тесные отношения сложились у Казахстана с Кыргызстаном в силу не только общего исторического прошлого, но и общих приоритетов, стоящих перед республиками в настоящем. Прежде всего, сложились тесные торговые отношения между соседними государствами. Они носят взаимовыгодный характер для обоих государств. Так, удельный вес Казахстана во внешнеторговом обороте Кыргызстана составляет 16 %, занимаемая среди стран СНГ второе место после РФ (19,2 %) [1, с. 89]. Между тем этот показатель для Казахстана намного меньше: удельный вес Кыргызстана в общем объеме товарооборота Казахстана всего лишь 0,9 % [2]. На первый взгляд, можно сделать вывод, что торговля с Казахстаном более значима для Кыргызстана, который более ориентирован в торговых потоках на своего крупного партнера. Однако при более детальном рассмотрении объемов и структуры экспорта и импорта во взаимной торговле обоих государств выявляется картина больших преимуществ Казахстана от взаимной торговли. По данным 2016 года, торговый баланс Казахстана с Кыргызстаном был положительным, составив 175,7 млн долл. США. Экспорт из Казахстана в Кыргызстан был на уровне 376,2 млн долл. США, а импорт в Казахстан из Кыргызстана – всего лишь 200,6 млн долл. [3]. Несмотря на то, что со вступлением Кыргызской Республики в ЕАЭС ей удалось увеличить свой импорт в Казахстан на 10,2 % относительно показателя 2015 года, все же больше выгод получает от членства Кыргызстана в ЕАЭС именно Казахстан, доминирующий по импорту. Кыргызстан теперь занял среди стран данного интеграционного объединения также 2-е место для Казахстана по торговле: в 2017 году товарооборот Казахстана с Кыргызстаном был уже на уровне 4,3 % общего объема товарооборота (469,8 млн долл.), превысив показатель товарооборота с Беларусью (3,5 % объема ЕАЭС, или 375,6 млн долл.) [4]. Экспорт Казахстана в Кыргызстан почти в 2 раза превышает сумму импорта. Приведенные цифры свидетельствуют об асимметричности торговых отношений в пользу Казахстана, экономико-демографические показатели которого намного выше (величина экономики, уровень ВВП, наличие углеводородного сырья, минеральных ресурсов, численность населения и пр.).

Структура казахстанского экспорта в Кыргызстан не столь уж разнообразна, это преимущественно нефть и нефтепродукты (9 % суммы экспорта), плоский прокат из железа, нержавеющей стали – 8,6 %, пшеница и меслин (смесь пшеницы и ржи) – 8,1 %, мазут – 6,1 %, алкогольные и безалкогольные напитки – 4,1 %. Палитра кыргызского импорта более красочна: Кыргызстан ввозит в Казахстан также нефть и нефтепродукты (продукция глубокой переработки – бензин АИ-92 и выше, керосин и реактивное топливо), изделия из камня и стекла, керамические изделия, драгоценные металлы и изделия из них (в основном металлические трубы и плоский прокат), а также экологически чистые молочные продукты (5,4 % всего импорта из соседней страны), мучные изделия, электроэнергию, швейные изделия и пр. [4].

Как видим, после вступления Кыргызстана в ЕАЭС у потребителей казахстанского рынка появилась возможность приобретать по более низким ценам продукты питания и прочие товары, не уступающие по своим качественным характеристикам аналогичным казахстанским. В свою очередь, такая конкуренция подстегивает казахстанских производителей к снижению цен и выдвиганию обвинений в демпинге по отношению к кыргызской стороне. Кроме того, превалирование в структуре кыргызского импорта нефтепродуктов высокой переработки и бензиновый кризис 2017 года в Казахстане ставит вопрос перед руководством нашей страны о необходимости строительства дополнительных нефтеперерабатывающих заводов к существующим в Атырау, Шымкенте и Павлодаре. Кыргызстан, обладающий, сравнительно с Казахстаном, малыми запасами нефти – в основном в Ферганском нефтегазоносном районе, имеет в настоящее время семь нефтеперерабатывающих заводов, осуществляя экспортные поставки автобензина в Афганистан и Таджикистан; дизельного топлива – в Афганистан и Узбекистан, мазута – в Китай, авиакеросина – в Россию, ОАЭ, Турцию, Китай и Афганистан [5].

Кроме того, после вступления Кыргызстана в ЕАЭС и развития транспортных коридоров Казахстана с Китаем ужесточилась конкуренция между нашими странами в реэкспорте товаров преимущественно из Китая в третьи страны. Казахстанская сторона неоднократно выражала недовольство ростом контрабанды китайских товаров из Кыргызстана, в том числе из крупнейшего в Центральной Азии вещевого рынка «Дордой», в результате чего Казахстан нес большие потери от недопоступлений таможенных платежей. В обстоятельствах недавнего конфликта по инициативе недавно ушедшего в отставку президента Кыргызской Республики А. Атамбаева Казахстан в качестве мер давления воспользовался противоречиями по реэкспорту и ужесточил с 10 октября 2017 г. таможенный контроль на границе, введя ряд ограничительных мер [6]. В ответ Кыргызстан подал жалобы во Всемирную торговую организацию (ВТО) и Евразийскую экономическую комиссию (ЕЭК) и пригрозил с 18 октября начать сброс воды из Кировского водохранилища на реке Талас, которая питает город Тараз (бывший Джамбул) и его окрестности водой [7]. Лишь через полтора месяца после состоявшихся 15 октября выборов нового президента Кыргызстана – 2 декабря в Астане – была подписана дорожная карта урегулирования приграничного конфликта. Этот документ снял остроту проблемы, но включил в себя пункты по усилению совместного контроля за проходящими через границу грузами [8]. Многокилометровые очереди на границе, от которых особенно страдали перевозчики быстропортящихся продуктов питания, постепенно рассосались.

Анализ упомянутого острого политического конфликта между лидерами двух государств вскрыл еще одну, так сказать, «язву» в их взаимоотношениях – раздел водных ресурсов и проблему водоснабжения. Казахстан как государство, занимающее первое место в Центральной Азии по дефициту воды, весьма болезнен к любым отклонениям Кыргызстана от ранее достигнутых в этой сфере договоренностей, которые могут нарушить установившийся баланс. Среди наиболее важных многосторонних соглашений по водной проблеме кыргызский политолог М. Т. Бостонкулова называет межправительственные соглашения Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана от 5 апреля 1996 г. по ликвидации хвостохранилищ и рекультивации отвалов горных пород, оказывающих трансграничное воздействие, в Ферганской долине; об использовании водно-энергетических ресурсов бассейна реки Сырдарья от 17 марта 1998 г., предусматривающее с учетом проблем Аральского моря регулирование режима по пропуску воды для сельскохозяйственных нужд из Нарын-Сырдарьинских и Токтогульского водохранилищ и передачу Казахстану и Узбекистану поровну дополнительно выработанной каскадом Нарын-Сырдарьинских ГЭС электрической энергии на компенсационной основе (поставки в Кыргызскую Республику в эквивалентном объеме энергоресурсов и пр. или в денежном выражении); Договор о союзнических отношениях между Республикой Казахстан и Кыргызской Республикой от 25 декабря 2003 г., который включал статьи по рациональному использованию водных ресурсов [9, с. 194].

В 2014 году два соседних государства при содействии Агентства США по международному развитию (USAID) установили межгосударственную систему водоизмерения, производящую автоматические замеры на нескольких участках вдоль реки Аспара по обе стороны границы. Также по обе стороны реки созданы малые бассейновые советы, которые начнут следить за тем, чтобы все спорные вопросы решались мирным путем [10]. Между жителями приграничных сел Казахстана и Кыргызстана периодически возникают споры по поводу водопользования и территориальных претензий, которые в 2012 и 2013 гг. приводили к взаимному перекрытию воды [10]. По сей день существует проблема затоплений некоторых районов Южного Казахстана в результате сброса воды в осенне-зимний период из крупнейшего в Кыргызстане Токтогульского водохранилища, а летом воды казахстанским сельхозпроизводителям для ирригации не хватает [9, с. 195]. Между тем с 2013 года Казахстан не осуществляет закупку электроэнергии в Кыргызстане в связи с энергодефицитом в самом Кыргызстане, ненадежностью кыргызских поставок и сокращением числа потребителей электроэнергии в Казахстане. Летом 2017 года Казахстан отказался от приобретения у Кыргызстана 500 млн кВт · ч в связи с переизбытком воды в Токтогульском водохранилище [11]. Потеря для Кыргызстана весьма емкого казахстанского электроэнергетического рынка может обернуться снижением уровня сотрудничества в смежных областях, в том числе и водной проблеме.

Если в сфере торговли Кыргызстан оказывается в минусе, то на другом направлении Таможенного союза, а именно в сфере создания единого рынка рабочей силы, он получает большие преимущества. С начала 2016 года Казахстан упростил регистрацию трудовых мигрантов из Кыргызстана [12] согласно требованиям ЕАЭС. Причем, несмотря на снижение темпов прироста ВВП, в 2016 году из Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана приехало в нашу страну на 320 тыс. больше (более 1,2 млн человек), чем в предыдущем

году [13]. По официальным данным, в Казахстане находятся от 50 000 до 90 000 трудовых мигрантов из Кыргызстана. Основной поток гастарбайтеров устремляется в Российскую Федерацию, имеющую большие возможности для трудоустройства и неплохих заработков мигрантов, направляющих их затем на историческую родину для материальной поддержки родственников. Политика в отношении трудовых мигрантов – это еще один инструмент воздействия руководства Казахстана на Кыргызстан в случае обострения политических отношений. Могут быть усилены проверки по выявлению мигрантов, нарушивших условия въезда или пребывания на территории Казахстана, что влечет за собой их депортацию.

К экономическому блоку примыкает проблема собственности в отношении четырех курортных санаториев на Иссык-Куле, отошедших после распада СССР к нашей республике, но далее оспариваемых кыргызской стороной. Кратко о предыстории данного вопроса. В 60-х гг. XX в. КПСС принимает решение о развитии Иссык-кульской области, в частности о превращении во всесоюзную здравницу северного побережья озера Иссык-Куль (между Чолпон-Атой и Пржевальском). К началу 70-х гг. вдоль этого участка уже существовала сеть курортов союзных республик: Узбекистана, Казахстана и, естественно, Кыргызстана. Отметим, что решающую роль в возведении многих курортных объектов сыграл именно Казахстан, обеспечивавший соседа строительным материалом. Именно по этой причине Казахстану отдавались самые лучшие участки территории для строительства санаториев, к тому же всесоюзные санатории на побережье Иссык-Куля посещали в основном казахстанцы. Конечно, казахстанские курорты подразделялись по уровню комфорта и сервиса, инфраструктуре, но все же казахстанская санаторная зона всегда считалась самой лучшей на Иссык-Куле [14].

После распада СССР, 9 октября 1992 г., представителями восьми республик, среди которых были Казахстан, Кыргызстан, Армения, Россия, Таджикистан, Беларусь, Молдова, Узбекистан, было подписано так называемое «Бишкекское соглашение» («О взаимном признании прав и урегулировании отношений собственности»). Однако Кыргызстан отказался от подписания 4-й статьи данного соглашения, касающегося урегулирования прав собственности на владение курортными зонами для каждой из вышеуказанных республик. Кыргызская сторона была недовольна передачей ведомственных санаториев в собственность республики-владельца, несмотря на территориальное расположение объектов, тогда как общесоюзные санатории делились между республиками-участниками данного договора [14]. Фактически казахстанские курорты остались во владении нашей страны.

В 2003 году, вопреки «Бишкекскому соглашению», правительство Кыргызстана заявило о намерении забрать казахстанские курорты. Выбор пал на самые прибыльные объекты: дома отдыха «Самал» и «Автомобилист Казахстана» (ныне «Спортивно-оздоровительный центр «Олимп»), санаторий «Казахстан», спортивно-оздоровительный лагерь РГП «КазНУ им. аль-Фараби». Казахстанская общественность была недовольна попыткой конфискации имущества своей республики, поскольку тысячи граждан Казахстана вложили в строительство этих курортов не только материальные средства, но и собственный труд. Население Кыргызстана было возмущено тем, что стоявшие на кыргызской земле здравницы не приносят прибыли в казну. Не имеющий природных ресурсов и экономических благ, достаточных для обеспечения безбедной жизни населения, сосед пытается оградить от рецидива распродажи природных богатств самое дорогое для кыргызов – жемчужину гор – озеро Иссык-Куль. Туризм является одной из наиболее важных отраслей экономики, способной прокормить простых людей, и от того, какой поток туристов был летом, зависит их жизнь зимой. Именно поэтому все слои населения Кыргызстана были заинтересованы в возвращении этих санаториев.

В Министерстве иностранных дел Республики Казахстан действия кыргызской стороны были признаны как неправомерные и создана соответствующая комиссия, а также подписан Межправительственный протокол о признании прав собственности (2003 год). Позже, 4 июля 2006 г. в Астане после проволочек по передаче Казахстану данных курортов было заключено уже соглашение о регулировании прав собственности Казахстана на курорты Иссык-Кульской области при условии вложений существенных инвестиций в их развитие (доведение до уровня трех- или четырехзвездочных отелей) и наем обслуживающего персонала из кыргызов. Это соглашение также подразумевало, что в собственность переходили только строения, но не земля под ними. Тем не менее, кыргызские патриоты были недовольны этим соглашением и обвиняли правительство в распродаже земель Кыргызстана. Именно поэтому в 2009 году решением кыргызского парламента было одобрено соглашение о передаче в долгосрочную аренду этих четырех пансионатов.

Вопрос о казахстанских пансионатах стал вновь активно муссироваться после апрельской революции 2010 года, в ходе которой был отстранен от власти президент К. Бакиев. Речь шла о национализации этих пансионатов [15] в связи с обвинениями Казахстана в экономической блокаде по причине закрытия границы и вмешательства в дела соседнего государства по факту экстрадиции свергнутого главы Кыргызстана. Президент Республики Казахстан Нурсултан Назарбаев после переговоров с Москвой и Вашингтоном принял решение о содействии в экстрадиции 15 апреля президента Кыргызской Республики К. С. Бакиева в Казахстан. Президент Республики Беларусь Александр Лукашенко, согласился предоставить ему политическое убежище и защиту в городе Минске [16]. Республика Казахстан, с одной стороны, являясь в 2010 году председателем ОБСЕ, должна была способствовать разрешению конфликта, а с другой – давно налаженные дружеские межличностные отношения между президентами Кыргызской Республики и Республики Казахстан сыграли огромную роль в принятии последним данного решения. Однако действия Н. А. Назарбаева не были одобрены полностью ни казахстанской, ни кыргызской общественностью. Поскольку, несмотря на добрые намерения, факт вмешательства во внутривнутриполитические дела Кыргызстана все же был.

Апрельская революция сопровождалась межэтническими столкновениями между кыргызами и узбеками (10 – 15 июня 2010 г.) в южных городах Ош и Джалал-Абад, приведшими к исходу беженцев. Трагические события 2010 года в Кыргызстане явились предметом обсуждения в рамках ОДКБ, но от ввода коллективных сил члены организации воздержались, а Российская Федерация ограничилась направлением военных самолетов с гуманитарной помощью [16]. После водворения относительного спокойствия и стабилизации политической ситуации в Кыргызской Республике новое руководство отказалось от претензий на пансионаты, заверив в своей приверженности международному праву и межгосударственным соглашениям. Однако не исключено, что эта проблема вновь будет актуализирована.

Общее советское прошлое привело к появлению другой сложной проблемы в отношениях соседних государств – приграничных территориальных споров. Соглашение о границе протяженностью примерно 1241 км было выработано в трудных переговорах в 2001 года. Если казахстанская сторона ратифицировала его еще в 2003 году, то кыргызская – уже при Бакиеве в 2008 году, поскольку местные жители пограничных кыргызских сел выступили в 2002 году зачинщиками беспорядков с человеческими жертвами. Спорные участки в урочище Каркыра были разделены этим соглашением: 625 га – Казахстану, 1136,6 га – Кыргызстану. В 2013 году жители Кара-Бурунского района Таласской области вышли на акцию протеста против передачи земли Астане и перекрыли канал «Ахмед» («Быстроток»), снабжающий водой пограничные районы Жамбылской области Казахстана. Конфликт удалось урегулировать путем переговоров премьер-министров двух стран [9, с. 195]. Как нам видится, территориальные споры будут осложнять отношения двух государств, пока не повысится уровень благосостояния их сельских жителей, осуществляющих давление на свои правительства. Именно поэтому весьма позитивно можно оценить подписание в мае 2006 г. меморандума о приграничной торговле между Жамбылской областью Казахстана и Таласской и Чуйской областями Кыргызстана по созданию центров приграничного сотрудничества для реализации сельскохозяйственной продукции последней.

Несмотря на имеющиеся разногласия по ряду вопросов и частые смены власти в Кыргызстане, политический диалог между двумя республиками всегда конструктивен. Нет ярких противоречий по общим вопросам международной политики. Переговоры на высшем уровне между государствами проходят с завидной регулярностью. На основе Договора о союзнических отношениях от 25 декабря 2003 г. был заложен надежный институциональный базис сотрудничества, структуру которого составляют Высший Межгосударственный Совет; казахстанско-кыргызский Межправительственный совет; Совет министров иностранных дел Республики Казахстан и Кыргызской Республики [17]. Особенно активизировалось партнерство в 2012 году, когда проходили межгосударственные мероприятия по празднованию 20-летия установления дипломатических отношений. Уже в качества президента, а не премьер-министра Кыргызской Республики нашу страну 10 – 11 мая 2012 г. с официальными визитами посетил А. Атамбаев. В ответ 22 августа этого же года, впервые в истории кыргызско-казахстанских отношений, состоялся визит Президента Республики Казахстан Н. А. Назарбаева в Кыргызстан со статусом «государственный», завершившийся подписанием сразу восьми документов о сотрудничестве. Казахстан взял обязательство по поставкам соседям 200 тыс. тонн зерна с отсрочкой по выплате и почти 100 млн кубов казахстанского газа [18].

Во время этих встреч риторика кыргызского президента в отношении Казахстана и ее лидера была весьма возвышенной и учтивой, но все изменилось в 2017 году в преддверии новых президентских выборов. Из уст Атамбаева весьма неожиданно прозвучали весьма жесткие обвинения в адрес Назарбаева и государственной власти Казахстана. По мнению эксперта по внешней политике Института мировой экономики и политики при Фонде первого Президента РК (ИМЭП) Ж. Сарабекова, это было связано с неуверенностью Атамбаева в шансах своего кандидата С. Жээнбекова на победу в борьбе за президентское кресло. По рейтингам явным лидером был оппозиционный политик, лидер фракции партии «Республика – Ата-Журт» и бывший премьер-министр Омурбек Бабанов, который встречался в сентябре 2017 г. с президентом РК Назарбаевым, что и послужило поводом для обвинения Казахстана во вмешательстве в избирательную кампанию и навязывании Кыргызстану лояльной нам кандидатуры. «Президент Атамбаев сознательно играет на обострение казахстанско-кыргызских отношений. И с помощью «антиказахстанской» карты действующие власти рассчитывают мобилизовать электорат в пользу поддерживаемого ими кандидата на предстоящих выборах», – сказал эксперт [19]. В настоящее время отношения уже урегулированы, но, как говорится, осадок остался, и необходимо время для полной стабилизации двусторонних отношений. Хотя первая встреча вновь избранного президента Кыргызской Республики С. Жээнбекова с лидером нашей страны в Минске 30 ноября и затем последующий государственный визит 25 декабря 2017 г. в Астану, который является вторым для кыргызского президента после визита в Ташкент, уже разрядили обстановку и заложили основу для последующих добрососедских отношений, выгодных для обеих сторон.

В этом контексте, в условиях активизации в регионе международного религиозного терроризма и экстремизма на фоне мирового экономического кризиса и роста определенных негативных тенденций внутри и внешнеполитического характера, проблема совместных усилий по предотвращению распространения терроризма становится все более актуальной. В Кыргызстане, где имеются большие узбекские, таджикские диаспоры и целый ворох социально-экономических проблем, уже имеются свои экстремистские организации. Так, созданная в 2007 году организация «Жамаат Кыргызстана Жайшуль Махди» в 2010 году совершила взрыв в Бишкеке, за которым последовал целый ряд громких террористических актов [20]. Причем теракт в Санкт-

Петербурге в апреле 2017 г. с участием гражданина Кыргызстана показал расширение географии деятельности террористов, тем более Казахстан, где также имеются подобные террористические организации и с регулярным постоянством звучат взрывы и выстрелы, должен подумать о сотрудничестве в этой сфере. Двум странам необходимо усилить взаимодействие в рамках ОДКБ и ШОС в качестве содействия обеспечения стабильности в Центрально-Азиатском регионе.

Таким образом, для Казахстана и Кыргызстана свойственны общие приоритеты как во внешней политике, так и во внутривластной сфере. К тому же асимметричность наших государств снимает проблему конкуренции за региональное лидерство, которая присутствует в отношениях Казахстана и Узбекистана. Республики Казахстан и Кыргызской Республики взаимозависимы, так как являются пограничными государствами. От ситуации в соседней республике зависит благополучие граждан республики-партнера. Именно поэтому главы наших государств заинтересованы в дружеском сосуществовании, развитии сотрудничества в экономической, туристической, культурной сферах. Надеемся, что такой подход, несмотря на наличие проблем, осложняющих взаимодействие Республики Казахстан и Кыргызской Республики, позволит им добиться еще больших высот на региональном и международном уровнях. Необходимо заметить, что Казахстан в качестве лидера региона Центральной Азии выступает для Кыргызстана в качестве одного из наиболее значимых стратегических партнеров наряду с Узбекистаном, на который делает главную ставку новое руководство соседней республики. Бишкек в большой степени заинтересован в расширении взаимодействия с Казахстаном в целях обеспечения собственной безопасности и решения ряда экономических проблем.

Список использованных источников

1. Солтогулова, М. У. Внешняя торговля Кыргызской Республики: проблемы и тенденции развития / М. У. Солтогулова // Изв. Иссык-кульского форума бухгалтеров и аудиторов стран Центральной Азии. – 2017. – № 1–2. – С. 87–92.
2. Ибраева, А. Какие торговые отношения связывают Казахстан и Кыргызстан сегодня? (19.10.2017) [Электронный ресурс] // Kursiv.kz. – Режим доступа: <https://www.kursiv.kz/news/tendencii-weekly/>. – Дата доступа: 18.05.2018.
3. Взаимная торговля Казахстана с Кыргызстаном [Электронный ресурс] // Export.gov.kz. – Режим доступа: [www.export.gov.kz/public/files/analytics/countryReview/./Кыргызстан %202016.pdf](http://www.export.gov.kz/public/files/analytics/countryReview/./Кыргызстан%202016.pdf). – Дата доступа: 18.05.2018.
4. Дубовая, М. Что происходит с товарооборотом между Казахстаном и Кыргызстаном, показали в цифрах (19.10.2017) [Электронный ресурс] / М. Дубовая // Информбюро. – Режим доступа: <https://informburo.kz/novosti/>. – Дата доступа: 18.05.2018.
5. Нефтяная промышленность Киргизии [Электронный ресурс] // Сайт Центрального диспетчерского управления топливно-энергетического комплекса. – Режим доступа: <http://www.cdu.ru/articles/detail.php?ID=309594>. – Дата доступа: 18.05.2018.
6. Страны ЕАЭС потеряли миллиарды долларов из-за Кыргызстана – Сагинтаев (25.10.2017) [Электронный ресурс] // Tengrinews.kz. – Режим доступа: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/stranyi-eaes-poteryali-milliardy-dollarov-iz-za-329476/. – Дата доступа: 18.05.2018.
7. Разлад Киргизии с Казахстаном: конфликт превращается в водораздел? (17.10.2017) [Электронный ресурс] // Сайт информационного агентства «Регнум». – Режим доступа: <https://regnum.ru/news/polit/2335290.html>. – Дата доступа: 18.03.2018.
8. Кыргызстан отзовет жалобы на Казахстан из ВТО и ЕЭК (05.12.2017) [Электронный ресурс] // Zakon.kz. – Режим доступа: <https://www.zakon.kz/4892364-kyrgyzstan-otzovet-zhaloby-na-kazakhstan.html>. – Дата доступа: 18.03.2018.
9. Бостонкулова, М. Т. Развитие дипломатических отношений Кыргызстана и Казахстана в период социально-политических перемен / М. Т. Бостонкулова // Наука, новые технологии и инновации. – 2015. – № 3. – С. 193–195.
10. Казахстан упростил регистрацию трудовых мигрантов из Кыргызстана (25.02.2016) [Электронный ресурс] // Tengrinews.kz. – Режим доступа: <https://tengrinews.kz/sng/>. – Дата доступа: 18.03.2018.
11. Муканов, Б. Активность трудовых мигрантов из ЦА в Казахстане показали на объемах денежных переводов (18.09.2017) [Электронный ресурс] / Б. Муканов // Информбюро. – Режим доступа: <https://informburo.kz/novosti/>. – Дата доступа: 18.03.2018.
12. Муминов, А. Все реки текут. КР и РК начали водный диалог (27.06.2014) [Электронный ресурс] / А. Муминов // Kursiv.kz. – Режим доступа: <https://www.kursiv.kz/news/obshestvo/>. – Дата доступа: 18.03.2018.
13. Казахстан не будет покупать электричество у Кыргызстана (24.07.2017) [Электронный ресурс] // Евразия. Эксперт. – Режим доступа: <http://eurasia.expert/>. – Дата доступа: 18.03.2018.

14. Гурьева, Е. Киргизия забирает себе «Казахстан». Война Иссык-Кульских санаториев (19.08.2003) [Электронный ресурс] / Е. Гурьева, Ж. Канафина, О. Демченко // Центральная Азия. – Режим доступа: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1061241900>. – Дата доступа: 18.03.2018.

15. В собственности Казахстана останутся четыре пансионата на Иссык-Куле (01.07.2011) [Электронный ресурс] // Tengrinews.kz. – Режим доступа: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/. – Дата доступа: 18.03.2018.

16. Революция в Киргизии [Электронный ресурс] // Википедия. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/>. – Дата доступа: 18.03.2018.

17. О сотрудничестве Кыргызской Республики и Республики Казахстан [Электронный ресурс] // Сайт посольства Кыргызской Республики в Республике Казахстан. – Режим доступа: <http://kyrgyzemb.kz/index.php/ru/>. – Дата доступа: 18.03.2018.

18. Кулчуманов, Б. Назарбаев прилетел в Кыргызстан с первым за 20 лет государственным визитом [Электронный ресурс] / Б. Кулчуманов // Сайт телеканала КТК. – Режим доступа: <http://www.ktk.kz/ru/news/video/2012/8/22/18714>. – Дата доступа: 18.03.2018.

19. Казахстанско-кыргызские отношения Алмазбек Атамбаев обостряет сознательно – эксперт (10.10.2017) [Электронный ресурс] // BNEWS. – Режим доступа: <https://bnews.kz/ru/news/>. – Дата доступа: 18.03.2018.

20. Мироглов, А. Зачем сбежавшие из тюрьмы кыргызские убийцы рвутся в Казахстан [Электронный ресурс] / А. Мироглов // 365info.kz. – Режим доступа: <https://365info.kz/2015/10/>. – Дата доступа: 18.03.2018.

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ КАЗАХСКОЙ ЭТНОЭСТЕТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Акбаева Лейла Наурызбаевна,
доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин
Казахской Академии труда и социальных отношений, г. Алматы,
кандидат философских наук

Акбаева Акмарал Наурызбаевна,
ассоциированный профессор кафедры истории Казахстана
кандидат философских наук

Тлеубаев Советхан Байнович,
заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин
Казахской Академии труда и социальных отношений, г. Алматы,
кандидат филологических наук, доцент

История развития казахской эстетической мысли насчитывает почти 13 столетий (с конца IX в.). «В отличие от европейской эстетики казахская эстетика носит не теоретический, а эмпирический характер, что было связано прежде всего с кочевым (номадным) образом жизни казахов. Основная эстетическая мысль казахского народа характеризуется тем, что эстетическая теория была растворена в художественной практике» [1, с. 6]. Отсюда сосуществование этноэстетической мысли в двух эстетических формах – имплицитной и эксплицитной, с превалированием имплицитной формы.

«Имплицитная (то есть неадекватная логико-теоретическому мышлению) форма связана с выражением эстетического сознания казахского народа в виде саморефлексии творцов искусства, представленной в репрезентативном эмпирическом материале, содержащем эстетические идеи в «рассыпанном» состоянии, в творчестве как народных, так и профессиональных деятелей национальной духовной культуры. Эксплицитная (в виде логически четко сформулированных положений) форма связана с выражением эстетических идей в теоретически оформленных произведениях, выполненных в форме трактатов (посвященных различным видам искусства), разделов или фрагментов сочинений (научных и художественных) или же самостоятельных произведений (научных и художественных)» [2, с. 131–132].

Если генезис эксплицитной этноэстетики восходит к творчеству основателя теоретической «светской» эстетики Абу Насыру аль-Фараби (конец IX в.), воплотившего свои эстетические воззрения в теоретически законченной форме, изложенной в трактатах, то имплицитная форма выражения этноэстетических идей, в основном представленных в русле литературных произведений, зачастую поэтических, восходит к творчеству акынов-жырау (конец XIV в.). Превалирование имплицитной этноэстетической мысли обусловлено отсутствием в казахском обществе (вплоть до XIX в.) профессиональной письменности и существованием в течение долгого времени этноэстетических идей в фольклорной форме народного искусства и в форме казахской традиционной культуры. Данные формы интегрируют в своем содержании этнолитературоведческие, этнофилологические, этнопедагогические, этноискусствоведческие мысли, а с зарождением казахской профессиональной научной мысли (XX в.) они переросли в специализированные научно-теоретические области знания. Вследствие этого с середины XX в. выделились четыре научные тенденции развития казахской эстетической науки – этнолитературоведческая, этнофилологическая,

ская, этнопедагогическая, этноискусствоведческая, каждая из которых специфически обогащает предмет этноэстетики, расширяя саму сферу эстетического освоения действительности в трех главных объектах исследования – национальной природе, человеке и искусстве.

Каждый этап развития казахской эстетической мысли обогащает предмет этноэстетики, расширяя саму сферу эстетического освоения действительности в трех главных объектах исследования казахской эстетики – природе, человеке, искусстве. Наряду с ними один из определяющих аспектов изучения казахской этноэстетики составляют основные эстетические категории – прекрасное и безобразное, возвышенное и низменное, комическое и трагическое. В круг главных предметов исследования в казахской эстетике входит проблема формирования эстетического идеала, первые образцы которого в виде воина-рыцаря созданы в творчестве казахских акынов-жырау (поэтов-сказителей).

Аль-Фараби своими исследованиями по эстетике заложил теоретические основы категориального аппарата эстетики, разработав основную категорию эстетики – «прекрасное» и основное эстетическое понятие – «гармония». Кроме того, он рассмотрел основной объект эстетики – «искусство», в частности такие его виды, как музыка и поэзия, вместе с их нормами и принципами (ритм, пропорция, мера и т. д.).

После формирования эстетически-идеального образа казахского воина и эстетики природы акынов-жырау начиная с Асана-Кайгы (Асана Печального) поэты эпохи «Зар заман» в силу их идейного направления, связанного с оплакиванием своей эпохи (периода после присоединения Казахстана к России), интерпретировали эстетическую категорию «трагическое» в социально-нравственном контексте. Трагическое они связывали с эсхатологическими мотивами о «грядущем конце света» и развивали в духе пессимистической концепции пантрагизма, тем самым способствуя зарождению казахской экзистенциальной эстетики.

Эстетика казахского Просвещения в лице ее знаменитых представителей Чокана Валиханова, Ыбрая Алтынсарина и Абая Кунанбаева в целостном виде исследована в монографии Р. Казыхановой «Эстетическая культура казахского народа» (1973 год). Разрозненные эстетические взгляды казахских просветителей представлены в работах К. Бисембиева «Мировоззрение Абая Кунанбаева», К. Нурлановой «Формирование и развитие художественно-эстетической культуры казахского народа», в статьях об эстетическом в творчестве Абая А. Есенжанова, Ж. Абдильдина, Т. Нуртазина, Е. Байзакова, С. Узакбаевой, в диссертации А. Сабировой и др. Эстетическое в творчестве Ч. Валиханова рассмотрено в работах Б. Казыхановой «Эстетическая культура казахского народа», О. Сегизбаева «Казахская философия XV – начала XX в.». Эстетические воззрения И. Алтынсарина отражены в работе С. Узакбаевой «История развития и проблемы совершенствования музыкально-эстетического воспитания учащихся в общеобразовательных школах Казахстана».

Все три представителя казахского Просвещения не оставили специальных трудов по эстетике, поэтому исследование эстетического в их творчестве осуществляется посредством теоретического анализа их литературного наследия или педагогической деятельности (Ы. Алтынсарин). Многочисленные исследования позволяют сделать вывод, что наибольший вклад в развитие казахской эстетической науки внес Абай Кунанбаев, в то время как творчество Валиханова носит культурно-эстетический, а Алтынсарина – эстетико-воспитательный характер. О. Сегизбаев отмечал, что Валиханов, «не ставя перед собой цели дать разработку собственной... эстетической теории, ... отчетливо выразил свое отношение к основополагающим вопросам... эстетики», стремясь «раскрыть... естественные основы... эстетических понятий и законов художественного творчества вообще» [3, с. 296].

Немаловажную роль играют идеи Чокана Валиханова, локализованные в различных статьях, посвященных анализу устного народного творчества – казахского и киргизского. Таким образом, эстетическое в творчестве Чокана связано с разработкой такой важной составляющей казахской эстетической культуры, как народное поэтическое творчество – фольклор. Причем деятельность его в данном направлении носила как практический, так и теоретический характер. В практическом плане Валиханов собрал и приумножил лучшие образцы казахского и киргизского народнопоэтического творчества. В теоретическом, во-первых, дал многосторонний (в том числе эстетический) анализ произведениям фольклора, во-вторых, классифицировал и исследовал различные жанры народного поэтического творчества.

Казахский народный эпос Ч. Валиханов характеризовал как более близкий к индогерманскому, нежели к восточному, что подтверждает евразийский характер казахского фольклора, имеющего определенный культурологический статус. «Народ наш имеет богатую и не лишённую поэтических достоинств растительную литературу, более близкую к индогерманскому эпосу, чем к восточным произведениям этого рода» [4].

Народному творчеству как части эстетической культуры Чокан отводил выполнение следующих функций: 1) отражение действительности на быденном (народном) уровне; 2) придание мифотворческого характера национальному художественному наследию. «История народов кочевых, и вообще народов, не имеющих письменности, заключается (прежде всего) в их полубаснословных представлениях, нежели фактах. Все кочевые племена имеют обыкновение сохранять в поэтической форме предания о деяниях своих героев и о важных происшествиях (в) народе и передавать их в виде домашних воспоминаний позднейшему потомству. Почетное сословие рапсодов – (главный носитель этих преданий)» [5].

В статье «О формах казахской народной поэзии» Валиханов через классификационный анализ основных форм казахской поэзии представил одну из первых жанровых систем устного поэтического творчества казахов, состоящую из джира, джилава, каима, караулена, улена и др. При анализе каждой из этих форм Валиханов берет за основу соответствие формы произведения его содержанию. Например, определяя джир как рапсодию по жанру (форме), его сущностно-смысловую (содержательную) сторону

Чокан связывает с жизнью и подвигами известного народного батыра. «Джир собственно значит рапсодия. Все степные джиры обыкновенно поются речитативом под аккомпанемент кобыза. Предметами джира обыкновенно бывают жизнь и подвиги какого-нибудь известного в древности народного витязя» [6]. Другие формы поэзии он характеризует следующим образом: джилав – как «надгробные песни», сочиняемые женщинами; каим – как «песни, употребляемые при свадьбах, состоящие в вопросах и ответах между молодыми людьми и девицами», включающие «загадки, эпиграммы и, наконец, шуточную брань, доходящую до самого отчаянного цинизма выражений»; караулен – как «обыкновенную песню, она состоит из четырехстиший, заключающих в себе каждая отдельную идею». «Улен. Эта форма употребляется теперь всеми новейшими поэтами как для импровизации, так и для поэм» [6]. В исследовании Валихановым различных жанров казахской поэзии «получили освещение такие эстетические категории, как форма и содержание художественного творчества» (Казыханова Б. Эстетическая культура казахского народа) [7]. Казыханова также отмечает народность истоков фольклора, выявленную Валихановым.

Другой просветитель Ыбрай Алтынсарин «воплотил свои эстетические взгляды в педагогической деятельности». В частности, он первым ввел в русско-казахские школы уроки пения с использованием музыкальных инструментов (рояль, домбыра) при разучивании текстов и мелодий песен, а также организовал первые коллективы художественной самодеятельности в степи. Алтынсарин заложил практические основы музыкально-эстетического воспитания в Казахстане, являющегося важнейшей сферой казахской эстетической культуры. Художественная самодеятельность, созданная Алтынсариним, не только стала своеобразным спутником профессионального искусства казахского народа, но вошла в состав казахской эстетической культуры в качестве ценного источника пополнения кадров профессионального сценического искусства. В работе С. Узакбаевой «История развития и проблемы совершенствования музыкально-эстетического воспитания учащихся в общеобразовательных школах» (1982) подмечен вклад Ы. Алтынсарина в «совершенствование методики слухоподражательного обучения музыке и пению» [8].

Из трех деятелей Просвещения наиболее значительную роль в развитии эстетических проблем в Казахстане сыграл Абай Кунанбаев, чьи взгляды являются наиболее изученными. Эстетика казахского Просвещения представлена в основном эстетическими воззрениями Абая Кунанбаева, в творческой эволюции которого прослеживается поиск прекрасного и его проявлений в трех классических объектах эстетики – природе, человеке и искусстве. В плане эстетизации образа человека Абай создал тип эстетического идеала, отличающийся от акынов-жырау, – идеал прекрасной казахской девушки. Абай также разработал музыкальную эстетику, обусловленную созданием нового песенного стиля.

Последователь Абая Шакарим вслед за ним развивал музыкальную эстетику, особое же место в его творчестве занимала категория «трагическое», которую С. Торайгыров рассматривал в соотношении с категориями «прекрасное» и «безобразное», выявляя их социально-нравственную природу. «Главным источником трагического во всех его проявлениях у С. Торайгырова является феодальное общество с его уродливыми предрассудками. Не случайно почти все романы, поэмы, рассказы и стихотворения С. Торайгырова – трагедии» [9].

В конце XIX – начале XX вв. эстетическая мысль в Казахстане развивалась в основном в творчестве казахских литераторов, выражаясь в типологизации видов искусства и определении сущности художественного творчества у А. Байтурсынова, в специфике эстетического воспитания и эстетической категории «трагическое» у М. Жумабаева. Вопросы театрального искусства, в частности теории драмы, впервые проанализировал Ж. Аймауытов, исследовавший такие аспекты эстетики, как художественное воображение, эстетические чувства, эстетическое воспитание. Продолжая развивать категорию «трагическое», он подобно Ш. Кудайбердиеву и С. Торайгырову связывал ее с трагической судьбой казахской женщины. М. Ауэзов вслед за Ж. Аймауытовым продолжил изучение театральной проблематики (теории и истории казахского театра, теории драмы), а также устно-поэтического творчества казахского народа на основе взаимодействия эстетических понятий «традиционное» и «новаторское». Из эстетических категорий в прозаических и драматических произведениях (пьесах) М. Ауэзова особое развитие получила категория «трагическое», представленная в личностном, социальном, моральном аспектах.

В советский период эстетическая мысль в Казахстане развивалась в двух направлениях: 1) как и в предыдущие периоды в имплицитной форме, характерной для творчества казахских писателей и поэтов; 2) в эксплицитной форме (научно-теоретической базе), представленной четырьмя основными тенденциями: литературоведческой, философской, педагогической, искусствоведческой. Имплицитная форма нашла яркое проявление в творчестве С. Сейфуллина, поставившего ряд таких эстетических проблем, как устно-поэтический фольклор как часть казахской эстетической культуры, эстетика природы и человека, а также в творчестве Г. Мусрепова, в прозе которого диалектически сопоставляются эстетические категории «героическое», «возвышенное», «комическое».

Эксплицитная форма прежде всего проявилась в литературоведении, будучи связанной с именами литераторов-эстетиков М. Каратаева, З. Кабдолова, Р. Нургалиева, А. Сейдембекова, Т. Акшолокова, Ш. Алибекова, С. Садырбаева, М. Базарбаева и других, разрабатывавших эстетические проблемы литературы (специфика художественной литературы как вида искусства, литературные стили). Именно казахские литературоведы определили предмет эстетики как науки, классифицировали виды искусства, дали анализ эстетических категорий «комическое», «трагическое», «героическое», «фантастическое», представили историю развития западной, русской, казахской эстетической мысли (М. Каратаев, З. Кабдолов, Р. Нургалиев), выявили эстетические особенности художественного произведения (Т. Акшолоков), разработали эстетические проблемы казахского устно-поэтического фольклора (Ш. Алибеков), а также проблемы киноискусства (К. Мухамеджанов) и т. д.

Философская тенденция связана с учеными Б. Казыхановой, К. Нурлановой, С. Акатаевым, Е. Байзаковым, Б. Калмырзаевым и другими, каждый из которых внес определенный вклад в развитие теории эстетической науки. К примеру, Казыханова сформировала основы теории и истории казахской эстетической науки, осветив общую проблематику эстетики в лоне казахской художественной эстетической культуры – этноэстетике. Нурланова впервые исследовала эстетическую специфику устной поэтической культуры казахского народа, исходя из ее составляющих. Акатаев проанализировал основные эстетические категории. Байзаков разработал эстетику труда и вопросы эстетической организации труда.

Педагогическая тенденция рассматривает проблемы эстетического воспитания, опираясь на этнопедагогические средства – национальное традиционное искусство и его виды, художественную культуру казахского народа, образовательные приемы и методы. Наиболее видными педагогами-эстетиками являются М. Балтабаев, С. Узакбаева, Р. Дуйсембинова, Ш. Кульманова и др.

Искусствоведческая тенденция, будучи взаимосвязанной с музыкальной эстетикой, выявляет формирование музыкально-эстетических категорий казахской инструментальной музыки (Р. Джуманиязова), общеэстетических аспектов казахской народной инструментальной музыки (А. Мухамбетова, П. Шегебаев), песенного творчества (М. Ахметова), эстетики песенных стилей казахских композиторов (А. Сабирова) и т. д.

Таким образом, специфика истории развития казахской эстетической мысли заключается в диалектическом единстве двух эстетических форм – имплицитной и эксплицитной, а также в воплощении эстетических идей казахского народа преимущественно в устно-поэтическом творчестве и художественной литературе.

Список использованных источников

1. Акбаева, Л. Н. Основы казахской этноэстетики : учеб. пособие / Л. Н. Акбаева. – Алматы : Атамұра, 2012. – С. 264.
2. Акбаева, Л. Н. Основы этноэстетического образования в Казахстане / Акбаева Л. Н. // Высш. шк. Казахстана. – 2003. – № 1. – С. 172–175.
3. Сегизбаев, О. А. Казахская философия XV – начала XX веков : учеб. пособие / О. А. Сегизбаев. – Алматы : Ғылым, 1996. – С. 472.
4. Валиханов, Ч. Собр. соч. в пяти томах / Ч. Валиханов. – Алма-Ата : Наука, 1985. – Т. 4. – С. 81.
5. Валиханов, Ч. Собр. соч. в пяти томах / Ч. Валиханов. – Алма-Ата : Наука, 1985. – Т. 2. – С. 45.
6. Валиханов, Ч. Избранные произведения / Ч. Валиханов. – М. : Наука, 1986. – С. 235, 238.
7. Казыханова, Б. Эстетическая культура казахского народа / Б. Казыханова. – Алма-Ата, Казахстан, 1973. – С. 112.
8. Узакбаева, С. История развития и проблемы совершенствования музыкально-эстетического воспитания учащихся в общеобразовательных школах / С. Узакбаева. – Алма-Ата, Мектеп, 1982. – С. 21.
9. Акбаева, Л. Н. Об идеальном человеке и идеальном обществе в мировоззрении Султанмахмута Торайгырова / Л. Н. Акбаева, А. Н. Акбаева // Вестн. развития науки и образования. – 2017 – № 3–4. – С. 37–44.

ПРОСВЕЩЕНИЕ АРЕСТАНТОВ В ТЮРЕМНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ АСТРАХАНСКОЙ ГУБЕРНИИ В XIX – 20-Е ГОДЫ XX ВЕКА

Пчелкина Елена Витальевна,
научный сотрудник, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин
Международного юридического института, филиал в г. Астрахани,
кандидат юридических наук

Актуальность исследования проблем гуманистической историографии в XIX – начале XX вв. определяется тем, что утвердившиеся в конце XVIII в. теоретические взгляды на наказание и его цели повлекли серьезные изменения в практике организации пенитенциарной политики в Российском государстве. Исправление тюремного контингента, в том числе его просвещение как цель наказания положило начало новой эпохе в деле правового регулирования исполнения наказаний. Обращение же к историческому опыту тюремных преобразований, попыток их реализации на примере Астраханской губернии приобретает практическое значение для нынешнего реформирования исправительных учреждений региона.

Необходимо подчеркнуть, что источниковую базу работы составили письменные опубликованные (законодательные источники, делопроизводственные документы, статистические материалы, труды пенитологов-теоретиков и тюремоведов-практиков) и неопубликованные региональные материалы (источники архивного фонда – Государственного архива Астраханской области (далее по тексту – ГААО)).

Отечественное законодательство во второй половине XIX – начале XX вв. не ограничивалось просвещением заключенных, и их образование рассматривалось как часть нравственного воспитания. Во исполнение Предписания Попечительного о тюрьмах комитета от 23.08.1869 № 881 в Астраханском тюремном замке (далее по тексту – АТЗ) была учреждена школа. Так как помещения для обучающихся не было, для этого была приспособлена арестантская камера [1, л. 4].

Особым видом служения Церкви, в том числе в Астраханской губернии, в исследуемый период являлось окормление арестантов, основой которого и стало нравственное воспитание спецконтингента. Именно поэтому первоначально преподаванием в АТЗ, согласно рапорту смотрителя АТЗ от 02.09.1869 № 10, занимался дьякон, состоящий на «дьячковской должности при Церкви Святого Петра и Павла из Калмыцкого племени Петр Авдеев (который с 1865 по 1869 гг. был наставником в сельском Теплинском училище)» и имевший положительную характеристику от законоучителя тюремного замка протоиерея Васильковского. Но ввиду того, что он в «часы занятий в классе постоянно может быть свободен», должность учителя занял дьякон Давыдов. Позже для воспитания стали привлекать не только служителей Церкви, но и учителей (в 1884 году обучением осужденных в АТЗ уже совместно занимались тюремный священник и учитель) [2, с. 23; 3, с. 49].

Для учебы закупались преимущественно книги: краткий Катехизис, Священная история, а также книги, преподаваемые для чтения в крестьянских школах, сочинения Гловинского и родное слово, арифметика для счетоводства. Азбуки и прописи имелись в библиотеке АТЗ в достаточном количестве (рапорт смотрителя АТЗ № 610 от 02.09.1869) [1, л. 3–4].

Кроме приобретенных изданий, книги арестантам передавались различными комитетами. Так, распоряжением от 27.09.1869 № 34 из Комитета грамотности, состоящего при Императорском вольном экономическом обществе, смотрителю АТЗ были переданы 120 трудов, которые он «должен был записать в приход и по мере надобности выдавать учителю школы Дьякону Давыдову и арестантам тюремного замка для чтения»; 08.11.1869 были переданы еще 12 наименований книг, среди которых: Сказка о Рыбаке (12 шт.); рассказы Петрушенкова (5 шт.); арифметика Лева (20 шт.) [4]; ручная книжка (10 шт.) и др. [1, л. 14]. Тюремные библиотеки Астраханской губернии снабжались, регулярно пополнялись и журналами духовно-нравственного содержания, например в 1896 году в АТЗ – журналами «Мир Божий», «Воскресенье» и «Родина», а в уездных тюрьмах – «Воскресенье».

Для обучения арестантов рапортом смотрителя замка № 42 от 16.09.1869 было запрошено «приобрести через вольных мастеров вещей на сумму 13,25 руб. серебром» [1, л. 7]. 28.10.1869 рапортом № 34 смотритель замка отчитался о приобретении «3 счет для обучения счетоводству; 3 линованных досок для обучения письму, окрашенных черной масляной краской, величиной каждая в длину 8, а в ширину 6 вершков; 1 липовой доски для арифметических задач, окрашенная черною масляною краской, величиною в длину 1 ½ аршина, а шириной 1 ¼ аршина; к ней триножки, на которых должна стоять доска; 2 столов и 2 скамеек» [1, л. 8].

Таблица – Количество учеников в Астраханском тюремном замке

	Год / количество лиц						
	01.01.1869 [1, л. 4]	01.01.1888 [5, с. 46]	01.01.1890 [6, с. 57]	01.01.1891 [3, с. 65]	01.01.1897 [7, с. 2]	01.01.1898 [8, с. 48]	01.01.1899 [8, с. 48]
Грамотных	*	13	11	7	*	8	*
Малограмотных	*	8	13	11	*	9	*
Неграмотных	*	7	10	24	*	11	*
ВСЕГО	17	28	34	42	103	28	24

Примечание: * – данные отсутствуют.

Ученики разделялись на три группы: безграмотные (45 человек); малограмотные (34 человека); грамотные (24 человека). Таким образом, преобладающим было число лиц, стремящихся к получению первоначальной грамоты. Число обучавшихся составляло около 9,0 % от общего числа арестантов.

Неграмотные изучали азбуку по звуковому методу, чтение по Родному слову, нумерацию до тысячи и понятие о значении знаков по местам.

Малограмотные упражнялись в чтении с объяснением непонятных слов; писали по двум линейкам; из арифметики изучали первые два правила и решали на них задачи.

Грамотные упражнялись в чтении; письме под диктовку; из арифметики изучали четыре правила и задачи на них. Из Закона Божия изъяснялись молитвы, заповеди; предлагались в последовательном порядке рассказы из священной истории Ветхого завета и из истории христианской церкви [7, с. 2].

В уездных тюрьмах школ не было [8, с. 48]. Для чтения арестантам выдавались книги, соответствующие уровню их развития, один раз в неделю, одновременно в количестве не более трех книг на человека, не считая Евангелия, Библии и молитвенника. Независимо от этого, арестантам с особого разрешения начальника места заключения выдавались в необходимом количестве словари, географические карты и другие пособия для занятий. Периодические издания выдавались для чтения арестантам не ранее года после их выхода в свет [9, с. 36].

Приведенное выше краткое исследование по просвещению тюремного контингента в Астраханской губернии в XIX – 20-е гг. XX вв. позволяет говорить о том, что тюрьма не способна исправлять преступника, не создав благоприятных условий его содержания. К ним можно отнести обучение арестантов профессии,

организацию производительных работ с дифференцированной оплатой, и главное – получение спецконтингентом образования. Эффективность пенитенциарной системы того времени, на наш взгляд, обуславливалась разумным сочетанием этих факторов. Опыт предшествующих поколений позволяет сегодня выработать правовые основы исполнения уголовных наказаний, учесть ошибки и недостатки предшественников.

Список использованных источников

1. Государственный архив Астраханской области (ГААО). – Ф.15. Оп. 3а. Д. 43. Л. 3, 4, 7, 8, 14.
2. Обзор Астраханской губернии за 1884 г. (приложение ко Всеподданнейшему отчету). – Астрахань, 1885. – С. 23.
3. Обзор Астраханской губернии за 1890 г. (приложение ко Всеподданнейшему отчету). – Астрахань, 1891. – С. 49, 65.
4. Лева, А. А. Арифметика для начальных народных училищ / А. А. Лева. – 3-е изд. – СПб. : Типография Ретгера и Шнейдера, 1872. – 72 с.
5. Обзор Астраханской губернии за 1887 г. (приложение ко Всеподданнейшему отчету). – Астрахань, 1888. – С. 46.
6. Обзор Астраханской губернии за 1889 г. (приложение ко Всеподданнейшему отчету). – Астрахань, 1890. – С. 57.
7. Астраханские губернские ведомости. – 1898. – 17 февр. – С. 2.
8. Обзор Астраханской губернии за 1898 г. (приложение ко Всеподданнейшему отчету). – Астрахань, 1899. – С. 48.
9. Ушаков, С. Н. Основные права заключенных в тюрьмах дореволюционной России / С. Н. Ушаков // Право и государство: проблемы, тенденции, перспективы : сб. науч. тр. – Владимир, 2005. – С. 36.

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ФОРМИРОВАНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ПЕРИОДА «ВЕЛИКИХ РЕФОРМ» И КОНТРЕФОРМ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX ВВ.)

Сабанина Наталья Олеговна,
заместитель директора Новомосковского института
Международного инновационного университета, г. Новомосковск,
кандидат исторических наук, доцент

Кузнецова Надежда Владимировна,
заведующий учебным отделом Новомосковского института
Международного инновационного университета, г. Новомосковск

К середине XIX ст. Российская империя, потерпевшая поражение в Крымской войне, стояла перед острой необходимостью проведения буржуазных реформ, которые должны были избавить общество и государство от феодальных пережитков, тормозивших развитие капитализма. Нельзя не согласиться с мнением выдающегося юриста и историка М. М. Ковалевского, который полагал, что реформы Александра II распространяли в обществе идеи свободы и равенства всех перед законом [1], более того, это была попытка европейской самоидентификации России, попытка возвращения на национальной почве ростков гражданского общества и правового государства.

Однако Великие реформы Александра II, несмотря на всю их значимость, во многом носили половинчатый характер, и, пожалуй, судебная реформа, была самой последовательной из них [2].

Царю-реформатору в наследство досталась запутанная и сложная система судов, в которых было великое множество судебных инстанций и форм судебного процесса. Процесс проходил с серьезными проволочками. Низким уровнем квалификации отличался судейский корпус, к тому же зависящий от администрации. Судебные заседания были закрытыми [3]. Все вышесказанное, безусловно, говорило о необходимости преобразований в сфере судопроизводства.

«Судебная реформа, – писал А. Ф. Кони, – призвана была нанести удар худшему из видов произвола, произволу судебному, прикрывающемуся маской формальной справедливости. Она имела своим последствием оживление в обществе умственных интересов и научных трудов. Со старой судебной практикой науке было нечего делать» [4].

Судебной реформе предшествовала серьезная подготовительная работа. В 1861 – 1864 гг. было рассмотрено множество теоретических разработок и предложений, результатом стали законопроекты, которые после обсуждения в Государственном совете были подписаны императором 20 ноября 1864 г.

В императорском указе Сенату объявлялось: «Рассмотрев сии проекты, мы находим, что они вполне соответствуют желанию Нашему утвердить в России суд скорый, правый, милостивый и равный для всех подданных наших, возвысить судебную власть, дать ей надлежащую самостоятельность и вообще утвердить в народе нашем то уважение к закону, без которого невозможно общественное благосостояние» [5].

Александром и его сподвижниками была создана стройная, соответствующая своему времени судебная система, низшим звеном которой являлись мировые суды со съездами мировых судей. Основная нагрузка ложилась на окружные суды и судебные палаты. Высшим судебным органом оставался Сенат, в структуре которого действовало два кассационных департамента – по гражданским и уголовным делам, кроме того, в Сенате рассматривались уголовные дела особой важности. Наиболее важные политические дела рассматривал Верховный уголовный суд, дела в который передавались по повелению императора в исключительных случаях [6].

Проводя параллели с особенностями устройства судебной системы современной России и Российской империи середины XIX ст., необходимо отметить их схожесть, поскольку, несмотря на значительно более усложненную систему судов в настоящее время, она все же в основе своей имеет деление на две группы – федеральные суды и суды субъектов [7], так же как и в пореформенной России XIX ст.: общие суды и мировые суды.

Окружные суды территориально распространяли свою юрисдикцию на несколько уездов. В состав окружного суда, назначаемый императором по представлению министра юстиции, входили председатель и члены. Окружные суды, в свою очередь, делились на отделения, возглавляли которые товарищи председателя [8].

Уголовное судопроизводство включало в себя предварительное следствие, которое, в свою очередь, делилось на 2 стадии: дознание и предварительное следствие и собственно рассмотрение дела. Дознание – установление факта преступления – осуществлялось полицией. При окружных судах был создан институт судебных следователей, которые должны были осуществлять изъятую из компетенции полиции предварительное следствие [9]. По результатам работы предварительного следствия прокурор, который извещался о начале расследования и его результатах, выносил решение либо о прекращении дела, либо о передаче его в суд. Суд, в свою очередь, назначал защитника (если это не делал обвиняемый), время проведения заседания и состав суда присяжных.

В компетенцию окружных судов входило рассмотрение уголовных дел, наказание за которые предусматривало «лишение всех прав состояния» [10], а также гражданских дел, которые не попадали под юрисдикцию мирового суда.

Второй инстанцией для окружных судов была Судебная палата, состоявшая из департаментов. В нее поступали жалобы на решения окружных судов. По первой инстанции Судебная палата рассматривала дела о государственных и должностных преступлениях [11].

Верховной кассационной инстанцией был Сенат. Его департаменты по уголовным и гражданским делам рассматривали просьбы и представления о нарушении приговора в случае вновь открывшихся обстоятельств в отношении дел, по которым приговор вступил в законную силу; жалобы на неправильную трактовку законодательства; дела о служебных преступлениях, а также любые дела в случае нарушения порядка судопроизводства в нижестоящих судебных инстанциях.

Особенно хотелось бы остановиться на мировом суде, который предоставил доступ к правосудию всем слоям населения Российской империи. Мировой суд, разрешавший мелкие гражданские и уголовные дела, понятный и доступный для простого человека, разбиравший дела оперативно, без лишних проволочек, в системе пореформенного правосудия выступивший как достаточно самостоятельная единица, явился проводником идеи социального представительства и гражданского общества.

Выборы в мировые судьи осуществлялись из местных жителей уездными земствами, срок их полномочий составлял 3 года. Мировые судебные округа создавались на территории уездов, мировая юстиция имела относительную самостоятельность, определяемую выборностью судей и наличием своей апелляционной инстанции в виде съезда мировых судей округа.

Существовали два территориальных типа мировых судебных участков: сельский (в пределах нескольких волостей) и городской (включал территорию уездного города) [12].

Так, например, в Чернском мировом судебном округе Тульской губернии местом пребывания мирового судьи первого участка устанавливалось село Троицкое, а второго – село Одинцово [13]. Расселение участковых мировых судей в рамках своих участков (территория нескольких волостей) обеспечивало возможность прикрепить судью к территории участка. Таким образом, создавались условия для свободной коммуникации участкового мирового судьи с населением участка.

Для того, чтобы по законодательству середины XIX ст. стать мировым судьей, необходимо было соответствовать следующим требованиям: достигнуть возраста 25 лет, иметь среднее или высшее образование, практиковать в суде не менее 3 лет, кроме того, преодолеть достаточно высокий имущественный ценз [14]. Очевидно, что мировыми судьями могли стать достаточно состоятельные люди: дворяне; лица, состоящие на государственной службе или крупные предприниматели. Так, в Тульской губернии вводился имущественный ценз в размере 400 десятин земли [15].

В законодательстве был установлен минимальный размер имущественного ценза, дающего право на выдвижение кандидатуры в процессе выборов мировых судей. На практике имущественный ценз мировых судей был дифференцирован в достаточно широких рамках земельной собственности.

Размеры земельных участков среди участковых мировых судей Белевского уезда лежали в пределах 430 – 850 десятин. Например, судья 3-го участка В. В. Левашев имел 546 десятин в с. Погорелое, тогда как судья 4-го участка Н. Г. Клингель владел 795 десятинами земли в с. Прилепы. Значительная имущественная разница была среди почетных мировых судей. Среди них размеры владения земельным участком составляли в пределах 530 – 5000 десятин. Так, И. И. Черкасов владел 4923 десятинами земли. Другая система определения имущественного ценза применялась в отношении лиц купеческого сословия. В данном случае использовалась денежная оценка недвижимого имущества. В Белевском уезде размеры стоимости недвижимого имущества варьировалась примерно в рамках 5800 – 10 400 руб. серебром [16].

В процессе выборов мировых судей уездное земское собрание помимо имущественного ценза учитывало образование и опыт юридической деятельности (при этом большинство мировых судей не были профессиональными юристами).

В основном мировые судьи имели военное образование: Институт корпуса инженеров путей сообщения, Петербургский кадетский корпус, школа гвардейских юнкеров и т. д. Среди участковых мировых судей Белевского мирового судебного округа юридическое образование имел только судья 2-го участка И. Ф. Озеров (Петербургское училище правоведения) [17].

Остальные участковые мировые судьи получали образование в учреждениях военной подготовки: Д. А. Подымов – Санкт-Петербургский кадетский корпус, В. В. Ливашв и Н. Г. Клингель – Московский кадетский корпус [18].

Примечательно, что большинство мировых судей имели опыт работы в мировой юстиции.

Причем мировых судей можно было разделить по принципу наличия или отсутствия у них жалования на участковых и почетных. Важно отметить, что почетных мировых судей было намного больше, чем участковых. В соответствии со списками мировых судей от 1866 года в Тульском мировом судебном округе было 18 почетных судей (при этом участковых – 8) [19]. Таким образом, в среднем на одного участкового мирового судью приходилось по 2 – 3 почетных мировых судьи.

Как уже отмечалось выше, мировые судьи рассматривали мелкие уголовные дела, санкции за которые предусматривались в виде штрафа в размере до 300 руб., ареста не более 3 месяцев или заключение в тюрьму на срок до 1 года. Так, в рамках уголовного судопроизводства им были подведомственны следующие виды преступлений: кражи, присвоение чужих вещей, мошенничество, незаконные вырубki леса.

В гражданское судопроизводство мировые судьи могли взять дела, связанные с личными обязательствами или договорами, но сумма не должна была превышать 300 руб., а также по вопросам возмещения ущерба, но на сумму не более 500 руб.

Если лица, обратившиеся в мировой суд, оставались недовольны его решением, они могли обжаловать его на съезде мировых судей, являвшемся кассационной инстанцией. Причем решение, вынесенное съездом мировых судей, становилось окончательным [20].

Таким образом, мировые суды стали трансляцией идеи гражданского общества. Данное утверждение подтверждается равными возможностями различных социальных групп относительно занятия должности мирового судьи (при условии имущественного ценза). К тому же реформы Александра II отменяли сословные ограничения. Списки кандидатов в мировые судьи по Богородицкому уезду Тульской губернии за 1866 год демонстрируют данное утверждение: дворяне и купцы фактически уравнивались в правах в плане выдвижения кандидатуры на пост мирового судьи.

Дальнейшая судьба института мировых судей в России весьма терниста, поскольку мировой суд на всем протяжении существования судопроизводства неоднократно упразднялся и воссоздавался. В современной российской правовой действительности мировой суд получил законодательное закрепление с принятием Конституции Российской Федерации 1996 года.

Еще одним итогом судебной реформы царя-реформатора стало введение надзора за чиновниками судебного ведомства, возглавил который министр юстиции, бывший одновременно и генерал-прокурором. По поводу данного положения было сломано множество копий учеными мужами стран постсоветского пространства, поскольку оно в известной мере дискредитирует принцип независимости судей. Так, ныне действующий Закон «О прокуратуре Российской Федерации» [21] заменил прокурорский надзор за судом участием в рассмотрении судами уголовных и гражданских дел.

Еще одним результатом судебной реформы Александра II стало введение демократических принципов судопроизводства, актуальность которых неоспорима и по сей день. В частности, провозглашался принцип несменяемости судей, означавший, что никто из судей без личного согласия не мог быть переведен в другой суд или уволен, кроме случаев, если вступил в силу приговор суда по уголовному делу либо если судья тяжело болен.

Судопроизводство происходило в устной форме и гласно с представлением устных и письменных доказательств и привлечением адвокатов.

Принцип состязательности был реализован путем учреждения института присяжных поверенных – адвокатов. Адвокатом мог стать русский подданный, достигший 25 лет, имеющий профессиональную подготовку, несудимый и не состоявший на государственной службе или оплачиваемых выборных должностях.

Адвокатура в пореформенной России заняла достойное место в либерально-буржуазных кругах и весьма ярко проявляла себя не только в залах судебных заседаний, но и в политической жизни страны.

Развитие в Российской империи буржуазных отношений не могло не сказаться на реформе судопроизводства, примером тому служит создание системы нотариата, призванного, прежде всего, в связи с активизацией товарообмена и созданием новых организационно-правовых форм хозяйствования, повысить уровень легализации документооборота.

Иерархически четко была выстроена система прокуратуры, возглавляемая министром юстиции.

Важным институтом, призванным демократизировать судебную систему Российской империи, стало введение института присяжных заседателей при рассмотрении окружными судами уголовных дел.

Согласно законодательству 1864 года к присяжным заседателям, избираемым по всеобщему принципу, предъявлялись следующие требования: дееспособные, знающие русский язык, возрастной ценз от 25 до 70 лет, отсутствие судимости либо увольнения со службы за «нравственные пороки», не уличенные официально в расточительности. Присяжными заседателями не могли быть наемные рабочие, военные, священники, прислуга и учителя.

Список присяжных составлялся на год. За 3 недели до судебного заседания проходила жеребьевка, в результате которой председатель суда отбирал 30 очередных и 6 запасных присяжных заседателей. Однако на выходе участие в суде принимали только 12 присяжных, поскольку правом отвода заседателей обладали и подсудимый и прокурор.

После того, как существо дела было изложено и прения сторон заканчивались, председатель суда обращался к присяжным: он объяснял им «правила о силе доказательств» и законы, регулирующие правоотношения сторон. Затем заседателю-старшине выдавались письменные вопросы о виновности или невиновности подсудимого. Решение выносилось присяжными большинством голосов, равенство голосов трактовалось в пользу подсудимого. Если суд после вынесения присяжными решения, приходил к выводу, что осужден невиновный, то дело рассматривалось новым судом присяжных, вердикт которого был окончательным.

Если присяжные выносили обвинительный вердикт, меру наказания назначали в любом случае судьи.

Консервативно настроенное окружение Александра III стремилось свернуть нововведения, инициированные великими реформами. Не обошли стороной контрреформы и суд присяжных, так, списки заседателей стали утверждаться губернатором, из подсудности окружных судов изъяли дела о преступлениях против власти, однако суд присяжных как один из признаков буржуазной монархии продолжал существовать вплоть до прихода к власти большевиков в 1917 году [22].

Кроме того, во время правления Александра III произошел некоторый возврат к прежней судебной системе. На местах мировые судьи были заменены земскими участковыми начальниками, выбиравшимися из дворян. Некоторые категории дел были изъяты из ведения суда присяжных, а в судопроизводстве по политическим делам была ограничена гласность. Всего к началу XX в. в России действовало 105 окружных судов и 14 судебных палат.

И вновь, проводя параллели России современной и России пореформенной XIX ст., необходимо отметить, что начало суду присяжных в XX в. было положено в 1993 году, первоначально он возник в пяти регионах России, а с 1 января 2003 г. его распространение началось на всей территории Российской Федерации [23].

Обращаясь к современному состоянию института присяжных заседателей, необходимо отметить, что ему по-прежнему отводится важная роль в реализации справедливого, непредвзятого правосудия, кроме того, в настоящее время он находится в стадии реформирования.

В частности, Президент В. В. Путин внес в Государственную Думу законопроект, согласно которому численность присяжных заседателей должна сократиться в судах областного звена с 12 до 8 человек, а в районных судах численность присяжных должна составить 6 человек. Данные изменения вступят в силу с 1 июля 2018 г.

Однако по поводу данного нововведения, которое коснется прежде всего организационных аспектов работы судов и не приведет, по мнению ряда экспертов [24], к существенному улучшению ситуации по защите прав и свобод граждан, продолжают ломаться копыя, поскольку здесь существует множество как позитивных, так и негативных моментов. К его плюсам можно отнести, во-первых, предоставление возможности большему кругу лиц обратиться с просьбой о рассмотрении их дел с участием коллегии присяжных заседателей, во-вторых, ускорится процесс формирования коллегии присяжных, в-третьих, это позволит повысить открытость правосудия и избежать лишних финансовых затрат. Однако в названных «плюсах» кроются и свои «минусы»: сокращение количества присяжных может привести к большему влиянию на вынесение ими решения, поскольку на 6 или 8 человек повлиять все же легче, нежели на 12, кроме того, расширение круга судов (районные и гарнизонные военные суды), в которых будут участвовать присяжные заседатели, неизбежно повлечет за собой финансовые затраты, поскольку они пока не приспособлены для данной процедуры [25].

К тому же реформа не коснулась многих важных аспектов судопроизводства с участием присяжных заседателей, так многие специалисты полагают, что присяжные должны присутствовать при обсуждении относимости и допустимости доказательств, чтобы судья не имел возможности предать на их рассмотрение «отфильтрованные» доказательства, формирующие мнение о виновности подсудимого, и присяжные имели возможность составить для себя полную картину, зная о доводах о недействительности доказательств, которые приводит сторона защиты. К сожалению, данный аспект проблемы остался вне поля зрения законодателя и нуждается в дальнейшем осмыслении.

Кроме того, по мнению практикующих юристов, необходимо увеличить количество составов преступлений, рассматриваемых судом присяжных, поскольку это позволит создать большую открытость процесса и повысит роль состязательности сторон.

Таким образом, в результате реформ Александра II произошло существенное упрощение системы судопроизводства, основными принципами судебного процесса стали независимость суда, несменяемость судей, гласность и состязательность судопроизводства. Произошло разделение дознания и предварительного следствия, причем осуществлялся контроль со стороны прокуратуры за инициированием начала судебного процесса. Кроме того, были введены институт присяжных заседателей, институт адвокатов (присяжных поверенных), нотариат и институт прокуратуры.

В результате на деле были реализованы международные стандарты и буржуазные принципы осуществления правосудия, заключавшиеся в отделении судебной власти от административной на основе принципа разделения властей, введении принципов всесловности суда, невозможности осуждения человека без приговора суда и призванные внести существенный вклад в трансформацию Российской империи из буржуазной монархии, коей она стала в результате Великих реформ, в монархию конституционную.

Тем не менее, контрреформы Александра III существенно ограничили демократические принципы, которые приобрело правосудие благодаря череде Великих реформ, в частности ограничиваются либо частично отменяются принципы независимости и несменяемости судей, гласности и состязательности судопроизводства, рассмотрение дел с участием присяжных заседателей, подсудимые ограничиваются в своих правах, практически упраздняется мировая юстиция.

Однако реформы Александра II были столь прогрессивны, что и в современной российской судебной системе прослеживается возвращение к уже зарекомендовавшим себя в дореволюционном суде институтам: возрождены суды присяжных, и их роль увеличивается (с 2018 года присяжные появятся в районных судах и гарнизонных военных судах), в 1998 году вновь появились мировые судьи. Менее масштабный, но тоже интересный пример: недавно заговорили о возвращении в уголовное право существовавшего в XIX в. понятия «уголовно наказуемого проступка» для незначительных преступлений; так, старые правовые конструкции оказываются актуальны в условиях современности.

Список использованных источников

1. Ковалевский, М. М. Очерки по истории политических учреждений в России / М. М. Ковалевский. – СПб. : Изд-во Н. Глаголева, 1908. – С. 183.
2. Василевский, А. Отзывы русских газет и журналов о судебной реформе / А. Василевский // Журн. М-ва юстиции. – 1863. – № 4. – С. 77–78.
3. Курас, Т. Л. Реформирование судебной системы в России: исторический опыт и современные проблемы, региональный аспект [Электронный ресурс] / Т. Л. Курас // Сибирский юрид. вестн. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/reformirovanie-sudebnoy-sistemy-v-rossii-istoriya-i-sovremennost>. – Дата доступа: 24.02.2018.
4. Кони, А. Ф. Отцы и дети судебной реформы (Къ пятидесятилетию Судебныхъ Уставовъ) 1864 – 1914 / А. Ф. Кони. – М. : Типография Т-ва И. Д. Сытина Пятницкая улица, свой домъ, 1914. – С. 3.
5. Сведения о ходе работ по введению в действие судебной реформы // Журн. М-ва юстиции. – 1865. – № 10. – С. 51.
6. Курас, Л. В. Иркутская судебная палата (1897 – февраль 1917 гг.) / Л. В. Курас, Т. Л. Курас, Н. Н. Щербаков. – Улан-Удэ, 2013. – С. 25.
7. О судебной системе Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации, 31 дек. 1996 г., № 1-ФКЗ : в ред. от 05.02.2014 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2018.
8. Климанов, А. Ю. Из отечественной истории реформирования судебной системы: судебная реформа 1864 года [Электронный ресурс] / А. Ю. Климанов // Вестн. Междунар. ин-та экономики и права. – 2017. – № 1 (26) // КиберЛенинка. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/iz-otechestvennoy-istorii-reformirovaniya-sudebnoy-sistemy-sudebnaaya-reforma-1864-goda>. – Дата доступа: 24.02.2018.
9. Исаев, И. А. История государства и права России / И. А. Исаев. – М. : Проспект, 2009. – С. 447.
10. Устав уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 г. Хрестоматия по истории государства и права России : учеб. пособие / сост. Ю. П. Титов. – М. : Проспект, 2012. – Ст. 10.
11. Исаев, И. А. История государства и права России / И. А. Исаев. – М. : Проспект, 2009. – С. 451.
12. Ефимушкин, В. М. Выборы мировых судей в Тульской губернии во второй половине XIX века [Электронный журнал] / В. М. Ефимушкин // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 3. – Режим доступа: <http://www.science-education.ru/109-r9164>. – Дата доступа: 25.09.2017 г.
13. Тульские губернские ведомости. – 1866. – 19 нояб. – № 47.
14. Учреждения судебных установлений от 29 ноября 1864 г. Хрестоматия по истории государства и права России : учеб. пособие / сост. Ю. П. Титов. – М. : Проспект, 2012. – Ст. 19.
15. Учреждение судебных установлений: судебные уставы 20 ноября 1864 года с изложением рассуждений на коих они основаны. – СПб. : Изд. Государственной Канцелярии, 1867. – Ч. 3. – С. 37–45.
16. Список кандидатов в мировые судьи по Белевскому уезду на 2-е трехлетие // Журналы Белевского уездного земского собрания. Второго очередного – второго трехлетия. – Тула : Типография Н. И. Соколова, 1869.
17. Ефимушкин, В. М. Должность мирового судьи в Российской империи во второй половине XIX века (по материалам Тульской губернии) [Электронный ресурс] / В. М. Ефимушкин // КиберЛенинка. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/mirovye-sudy-v-rossiyskom-gosudarstve-vtoroy-poloviny-xix-veka>. – Дата доступа: 24.02.2018.

18. Парамонова, И. Ю. Летопись Тульской судебной системы : 1777 – 2007 / И. Ю. Парамонова. – Тула : Дизайн-Коллегия, 2007. – С. 135.
19. Учреждения судебных установлений от 29 ноября 1864 г. Хрестоматия по истории государства и права России : учеб. пособие / сост. Ю. П. Титов. – М. : Проспект, 2012. – Ст. 51.
20. О прокуратуре Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федер. закон Рос. Федерации, 17 янв. 1992 г., № 202-ФЗ : в ред. от 31 дек. 2017 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2018.
21. Фетищев, Д. В. Теоретико-методологические проблемы развития судебной власти в системе государства: историко-правовой аспект : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / Д. В. Фетищев. – М., 2008 – С. 6.
22. Иванова, В. В. Институт присяжных заседателей как насыщенный институт судебной системы в России [Электронный ресурс] / Иванова В. В. // Актуальные проблемы права : материалы V Междунар. науч. конф., Москва, дек. 2016 г. – М. : Буки-Веди, 2016. – С. 137–140. – Режим доступа: <https://moluch.ru/conf/law/archive/224/11487/>. – Дата доступа: 25.02.2018.
23. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с расширением применения института присяжных заседателей : Федер. закон Рос. Федерации, 23 июня 2016 г., № 190-ФЗ // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2018.
24. Погуляев, Д. Реформа суда присяжных. Изменения, которые вступят в силу с 1 июня 2018 года [Электронный ресурс] / Д. Погуляев // Гарант.ру. Информ.-правовой портал. – Режим доступа: <http://www.garant.ru/ia/opinion/author/pogulyaev/1156054/>. – Дата доступа: 24.02.2018.

ОБ ИСТОКАХ ДЕЛЕНИЯ СУДОПРОИЗВОДСТВ НА ВИДЫ

Болохонов Борис Сергеевич,
преподаватель кафедры гражданского права и процесса юридического факультета
Гродненского государственного университета им. Я. Купалы, г. Гродно,
магистр юридических наук

Как отмечает И. А. Юхо, в период XVI – XVII вв. действовали две системы судебных органов: общие суды для всего населения, которые основывались как на древнем обычном праве, так и на законах, и сословные суды только для шляхты, которые были отделены от администрации, созданы на основе закона в соответствии с теорией разделения властей и в значительной мере ограничивали судебные функции органов государственного управления [2, с. 115]. Таким образом, правовую основу деятельности судебных органов того времени составляло государственное законодательство, которое содержалось в Статутах ВКЛ 1529, 1566, 1588 гг., решения местных органов власти, обычаи.

Применительно к праву Великого княжества Литовского можно отметить, что Статут ВКЛ 1588 года, так же как и Судебник 1497 года, – свод законов Русского государства – не отделял гражданский процесс и уголовный. Процесс носил исключительно исковой характер, согласно которому истец сам должен был собирать доказательства, предъявлять их суду и поддерживать обвинение [3, с. 113]. Однако, на наш взгляд, как и в случае с римским гражданским процессом [4], назвать гражданский процесс ВКЛ исключительно исковым нельзя. Проанализировав нормативные документы того времени, можно предположить, что с помощью иска как единственного возможного способа проходила защита субъективных прав и охраняемых законом интересов, защита которых современным законодателем отнесена к неисковым видам производства.

На наш взгляд, подобная ситуация сложилась ввиду нескольких важных моментов. Во-первых, наука о гражданском процессе хоть и была революционной для своего времени, но только зарождалась. Как справедливо отмечает И. Н. Кузнецов: «Судебная система Великого княжества Литовского была прогрессивной и своеобразной, пережила существование самого государства» [5, с. 40]. После присоединения Литвы и Беларуси к Российской империи статут ВКЛ 1588 года продолжал действовать (за исключением ряда норм) в Витебской и Могилевской губерниях до 1831 года, а в Виленской, Гродненской и Минской – до 1840 года [6, с. 178]. Однако, несмотря на свою прогрессивность, она была несовершенна. Например, истец не мог добиться исполнения судебного решения в случае, если ответчиком был крупный феодал, который мог укрыться в своем городе или замке.

Во-вторых, правовые нормы, действовавшие в то время, в большинстве своем основывались на рецепции из римского частного права, которое И. Ф. Колонтаевская называет «системой иском» в связи с тем, что в римском гражданском процессе без иска нет права [7, с. 12].

Высшим всеобщим коллегиальным судом ВКЛ был Господарский суд, который до 1581 года (до учреждения Главного суда) преимущественно выступал как апелляционный суд (суд 2-й инстанции). По 1-й инстанции Господарскому суду были подведомственны наиболее важные дела, затрагивающие интересы государства и шляхты: дела о государственных преступлениях; дела, затрагивающие имущественные интересы государства; об установлении принадлежности к сословию шляхты и, в некоторых случаях, дела иностранных купцов. Поскольку великий князь одновременно был королем Польши и в силу этого часто отсутствовал, то дела, поступающие в Господарский суд, часто рассматривались либо судом панов-рады, в состав которого входили члены Рады, либо комиссарским судом [8, с. 69].

С 1 марта 1581 г., с целью разгрузить Господарский суд в отношении рассмотрения апелляционных жалоб на решения местных судов, учреждается Главный суд, или Главный трибунал. Но по некоторой категории дел он

выступал как суд 1-й инстанции. Так, например, он стал рассматривать дела, которые были раньше подсудны Господарскому суду, а именно жалобы на незаконные действия и злоупотребления местных должностных лиц и судей [2, с. 117]. Именно такие категории дел, на наш взгляд, можно отнести к делам, рассматриваемым в современный период в производстве по делам, возникающим из административно-правовых отношений. В данном случае можно рассматривать такие иски, как жалобы на неправомерные действия (бездействие) государственных органов, иных организаций и должностных лиц.

Со временем в ВКЛ появлялись и другие суды. Например, в 1609 году был образован Скарбовый Трибунал – административно-судебный орган государства, в компетенцию которого входило вынесение решений по преступлениям, совершенным против казны государства и должностных лиц, деятельность которых была связана с казной государства, рассмотрение споров между купцами, споров, связанных с торговыми контрактами и векселями. Этот суд осуществлял конфискацию товаров, рассматривал споры, которые касались армии, жалоб обычных граждан на военнослужащих и наоборот [6, с. 214]. Именно этот суд, на наш взгляд, стал прообразом судов, осуществляющих экономическое правосудие на территории Беларуси.

На местном уровне действовала система судов ВКЛ, созданных в большинстве согласно реформе 1565 года. К местным судам относились замковый (гродский), земский, подкоморский, магистратский, копный и чрезвычайный каптуровый суды.

Земскому суду были подведомственны как уголовные, так и гражданские дела, кроме дел, отнесенных к компетенции Господарского, Главного, гродского и подкоморского судов [8, с. 73]. В земский суд также могли подаваться жалобы на незаконные действия должностных лиц этого повета, что также можно отнести к категории дел, возникающих из административно-правовых отношений.

Другим судом, отделенным от органов администрации, стал подкоморский суд – особый суд, учреждаемый в каждом повете. Он был образован в 1566 году, заменив по своей компетенции комиссарский суд. Особенность его заключалась, во-первых, в том, что он был учрежден для рассмотрения только одной, но очень важной для шляхты категории гражданских дел – межевых (земельных) споров; во-вторых, дела рассматривались исключительно в месте нахождения спорной земельной межи; в-третьих, дела рассматривались единолично судьей-подкоморием; в-четвертых, решения суда немедленно приводились в исполнение, хотя могли быть обжалованы в Господарский, а с 1581 года – в Главный суд [8, с. 73].

Копный суд – это судебный орган для простых людей. Членами его были копные мужи и копные старцы, проживающие на территории данного копного округа, который не превышал в радиусе 15 – 20 км. Существовало две формы работы суда – обычная и гвалтовная. Обычный суд рассматривал гражданские дела (межевые, имущественные споры), мелкие кражи, ссоры, применение ущерба, колдовство и собирался по инициативе заинтересованных лиц в заранее определенное время [9, с. 220–221].

Несмотря на отсутствие четкого деления гражданского процесса на виды, можно с уверенностью сказать, что судопроизводство было не только исковым. Анализируемое законодательство рассматриваемого в статье исторического этапа позволяет, на наш взгляд, говорить о наличии иных неисковых видов производства. В частности, мы можем говорить о наличии категорий дел, рассматриваемых в современном производстве по делам, возникающим из административно-правовых отношений.

Список использованных источников:

1. Исаев, И. А. История Государства и права России : курс лекций / И. А. Исаев. – Изд. 2-е. – М. : Юристъ, 1996. – 446 с.
2. Юхо, I. A. Крыніцы беларуска-літоўскага права / I. A. Юхо. – Мінск : Беларусь, 1991. – 238 с.
3. Вішнеўскі, А. Ф. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі : вучэб. дап. / А. Ф. Вішнеўскі. – Мінск : Акад. МУС Рэсп. Беларусь, 2003. – 319 с.
4. Болохонов, Б. С. Развитие взглядов на классификацию видов судопроизводства: от Римского права к современности / Б. С. Болохонов // Устойчивость и прогрессивное развитие правовых систем в контексте интеграционных процессов : сб. науч. ст. : в 2 ч. / ГрГУ им. Я. Купалы ; редкол.: С. Е. Чебуранова (гл. ред.) [и др.]. – Гродно : ГрГУ, 2017. – Ч. 1. – С. 221–223.
5. Кузнецов, И. Н. История государства и права Беларуси / И. Н. Кузнецов, В. А. Шелкопляс. – Минск : Тесей, 2004. – 320 с.
6. Довнар, Т. I. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі : вучэб. дапам. / Т. I. Довнар. – Мінск : ДІКСТ БДУ, 2011 – 552 с.
7. Колонтаевская, И. Ф. Римское право : учеб.-практ. пособие / И. Ф. Колонтаевская, Т. Ю. Большакова. – М : МГУТУ, 2004. – 128 с.
8. Аргучинцев, Г. К. История Государства и права Республики Беларусь : учеб. пособие / Г. К. Аргучинцев. – Минск : Амаффея, 2015. – 380 с.
9. Судолова, Л. А. Судебная система и проблемы разрешения экономических споров в эволюции государства и права России с IX по XX вв. (историко-правовой аспект) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Л. А. Судолова. – СПб., 2008. – 22 с.

СЕКЦИЯ 2

ВЛИЯНИЕ СИСТЕМ ПРАВА ПОСТСОВЕТСКИХ ГОСУДАРСТВ НА ПРОЦЕССЫ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ ШЕСТОГО ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО УКЛАДА

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ДИНАМИКИ РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРОГРАММ АДАПТАЦИИ ЭТНИЧЕСКИХ РЕПАТРИАНТОВ В СТРАНАХ БЛИЖНЕГО И ДАЛЬНОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Ажинурина Динара Ажинуровна,
декан факультета социальных наук и права
Казахской Академии труда и социальных отношений, г. Алматы,
кандидат юридических наук, доцент

В определенных странах ближнего и дальнего зарубежья разработаны и введены в действие государственные программы адаптации репатриантов, данные программы имеют различные наименования, но по своей сути и функциональности они однородны.

Компаративный анализ действующих программ адаптации и интеграции, поддержки соотечественников за рубежом в странах ближнего и дальнего зарубежья необходим в целях предоставления казахстанским государственным органам более широкого поля возможностей выбора, наиболее отвечающего современным реалиям варианта правового регулирования положения этнических репатриантов (оралманов).

Анализ должен быть проведен не только с целью выяснения сходств или различий, безусловного и бездумного внедрения в правовую базу определенных положений, а именно с целью выявления закономерностей развития данных программ в различных странах, определения возможности интегрирования определенных норм с учетом нужд, диктуемых нынешней ситуацией в Республики Казахстан.

Для того, чтобы подвергнуть оценке положения зарубежных программ, в первую очередь, необходимо дать краткое описание отечественной программы.

В 2008 году в Республике Казахстан была разработана Программа «Нурлы кош», период реализации которой обозначен в рамках 2009 – 2011 гг.

Основной целью реализации данной программы является рациональное расселение и содействие в обустройстве этническим иммигрантам; бывшим гражданам Казахстана, прибывшим для осуществления трудовой деятельности на территории Республики Казахстан; гражданам Казахстана, проживающим в неблагоприятных районах страны [1].

Для достижения цели Программы предусматривается решить следующие задачи:

- стимулирование расселения участников Программы в соответствии с потребностями экономики в трудовых ресурсах и для реализации прорывных проектов;
- разработка и реализация новых механизмов социальной поддержки участников Программы;
- обеспечение участников Программы жильем путем кредитования жилищного строительства и покупки жилья;
- обеспечение устойчивой занятости участников Программы;
- совершенствование нормативной правовой базы регулирования миграционных процессов [1].

Участниками данной программы являются:

- 1) этнические иммигранты;
- 2) бывшие граждане Казахстана, прибывшие для осуществления трудовой деятельности на территории Республики Казахстан;
- 3) граждане Республики Казахстан, проживающие в неблагоприятных районах страны.

Вышеназванная программа определяла зоны расселения участников программы, в соответствии с утвержденной Стратегией территориального развития Республики Казахстан до 2015 года [2]. Зоны расселения были определены в соответствии со стратегическими осями территориального развития: Северная, Южная, Центральная.

Приведем ниже выдержку их Стратегии территориального развития Республики Казахстан до 2015 года:

«Северная ось развития сложится в направлении Усть-Каменогорск – Семипалатинск – Павлодар – Астана – Костанай (Кокшетау, Петропавловск) – Актобе – Уральск с выходом на Каспийскую (Атырау, Актау) и Алматинскую (Талдыкорган, Достык) территориально-хозяйственные системы и по всему периметру оси – на приграничные регионы Российской Федерации. Ось свяжет благоприятные для проживания и хозяйственной деятельности территории сплошного освоения на севере и западе страны, так называемый «зерновой пояс», с развитыми торгово-экономическими и транспортно-коммуникационными связями с Российской Федерацией, с основными выходами в европейское, ближневосточное и восточноазиатское (через Центральную ось) экономическое пространство и образует Североказахстанский трансевразийский торгово-экономический коридор.

Наряду с укреплением существующего экономического потенциала территорий, входящих в ось, перспективной задачей является укрепление и наращивание потенциала суббосового коридора Костанай – Актобе, а также создание выхода на Каспийскую территориально-хозяйственную систему (Атырау, Актау).

Южная ось развития сложится в направлении граница Китайской Народной Республики (Достык, Хоргос) – Талдыкорган – Алматы – Тараз – Шымкент – Кызылорда – Атырау, Актау с выходом по всему периметру на приграничные регионы центральноазиатских государств.

Ось свяжет благоприятные для проживания и хозяйственной деятельности территории сплошного освоения на юге страны с развитыми торгово-экономическими и транспортно-коммуникационными связями с государствами Центральной Азии, а также обособленные экономические узлы Кызылординской, Актобинской (южная часть), Атырауской и Мангистауской областей с основными выходами в европейское, ближневосточное, восточноазиатское и южноазиатское экономическое пространство, образует Южноказахстанский трансевразийский торгово-экономический коридор (возрожденный Великий шелковый путь).

Опорным каркасом экономического пространства страны станет Центральная ось, которая свяжет Южную и Северную оси развития в центральной части страны.

Центральная ось развития сложится в направлении Астана – Караганда – Алматы с ответвлениями на Балхаш, Достык и выходом на Китай, а также на Жезказган с перспективой выхода в направлении морских портов Западного Казахстана.

Особенностью развития территорий, включаемых в ось, является низкая степень их освоенности, неблагоприятные для проживания и хозяйственной деятельности условия, обособленность сложившихся территориально-хозяйственных систем и неразвитость транспортно-коммуникационных сетей. В то же время центральные территории страны являются ее резервной ресурсной зоной.

Освоение территорий, расположенных вдоль оси, наряду с развитием локальных межосевых сетей Актобе – Атырау, Актау и Семипалатинск – Усть-Каменогорск – Алматы должно стать основой формирования единого внутреннего экономического пространства страны, торгово-экономических коридоров в направлении: азиатская часть Российской Федерации – Центральная и Южная Азия (Север – Юг)» [2].

На сегодняшний день действует Прогнозная схема территориально-пространственного развития страны до 2020 года, которая была утверждена Указом Президента Республики Казахстан от 21 июля 2011 г. № 18.

В соответствии с данной Прогнозной схемой на основе анализа и оценки экономического потенциала регионов даны направления территориально-пространственного развития и прогнозные параметры развития страны.

Оси развития Республики Казахстан, в соответствии с которыми были определены и зоны расселения этнических мигрантов, остаются прежними.

Все направления расселения этнических репатриантов (оралманов) отражены в региональной квоте приема оралманов.

В соответствии с действующим законодательством под региональной квотой приема оралманов понимается предельное число семей оралманов, прибывающих для постоянного проживания в регионы, определенные Правительством Республики Казахстан, которые обеспечиваются мерами государственной поддержки, предусмотренными участникам активных мер содействия занятости в соответствии с законодательством Республики Казахстан о занятости населения.

Аналогичные казахстанским программам наиболее известные программы поддержки и стимулирования возвращения на историческую родину в зарубежных странах следующие:

«Алия» – репатриация евреев в Израиль;

«Соотечественники» – государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом

«Репатриация репрессированных поляков» – программа возвращения поляков, репрессированных и высланных за Урал и Азиатские республики СССР;

«Поздние переселенцы» – программа репатриации этнических немцев из стран Восточной Европы и бывшего СССР в Германию;

«Кайрылманы» – репатрианты в Киргизию.

По историческим меркам в хронологическом порядке наиболее ранней программой является Программа «Алия» Израиля. Истории известны следующие периоды алий: а) 1882 – 1903 гг., б) 1904 – 1914 гг., в) 1919 – 1923 гг., г) 1924 – 1929 гг., д) 1929 – 1939 гг., е) нелегальная иммиграция в 1933 – 1948 гг. (Алия-бет), массовая алия 1950-х гг.

Свое законодательное закрепление Программа «Алия» нашла в период обретения государством Израиль независимости.

Причем первоначально был принят так называемый Закон о возвращении, провозглашающий право каждого еврея репатрироваться в Государство Израиль (принят Кнессетом 5 июля 1950 г.). Главный тезис закона выражен в первой его статье и звучит так: каждый еврей имеет право на репатриацию в Израиль. Этот закон юридически выражает идеологическую доктрину, лежащую в основе возникновения и существования Государства Израиль в качестве еврейского национального государства. Как известно, создание Государства Израиль произошло в рамках сложного политического процесса, начавше-

гося с появления движения политического сионизма в 1897 году и завершившегося уже после провозглашения в 1948 году Декларации независимости после победы в Войне за независимость и принятия соответствующих решений ООН в 1949 году [3, с. 82–85].

«В рамках рассматриваемого вопроса интерес представляет Закон о гражданстве государства Израиль, принятый Кнессетом в 1952 году ... Итак, согласно Главе первой названного Закона 1952 года приобретение гражданства Израиля осуществляется в силу репатриации, в силу проживания в Израиле, в силу рождения, в силу рождения и проживания в Израиле, в силу усыновления и в силу предоставления гражданства. Примечательно, что среди прочих оснований репатриация занимает первое место. Закон о возвращении 1950 года является правовой основой для предоставления израильского гражданства по Закону о гражданстве от 1952 года, который предусматривает автоматическое получение статуса гражданина каждым евреем, прибывшим в страну на основании Закона о возвращении. Репатриация осуществляется в соответствии с въездной визой репатрианта (иммиграционной визой). Причем виза нового репатрианта выдается каждому еврею, выразившему желание поселиться в Израиле, за исключением случаев, в которых министр внутренних дел убедился, что обратившийся за визой осуществлял действия, направленные против еврейского народа; может представлять опасность для здоровья граждан страны или безопасности Израиля; имеет криминальное прошлое, которое может представлять опасность для общественного порядка. После этих процедур лицо получает удостоверение репатрианта и фактически становится гражданином. Устанавливается, что каждый еврей, репатриировавшийся в Израиль до вступления Закона в силу, а также каждый еврей, родившийся в Израиле как до вступления в силу Закона, так и после этого, рассматривается как репатриировавшийся» [3, с. 82–85].

В соответствии с Законом Республики Казахстан «О гражданстве Республики Казахстан» в гражданство Республики Казахстан в упрощенном (регистрационном) порядке могут быть приняты:

- 1) оралманы, постоянно проживающие на территории Республики Казахстан на законных основаниях, независимо от срока проживания;
- 2) реабилитированные жертвы массовых политических репрессий, а также их потомки, лишенные или утратившие гражданство без их свободного волеизъявления, постоянно проживающие на территории Республики Казахстан на законных основаниях, независимо от срока проживания;
- 3) этнические казахи, обучающиеся в высших учебных заведениях Республики Казахстан [4].

Главным отличием казахстанского и израильского законодательства о гражданстве является срок получения гражданства для репатриантов (Казахстан – 3 месяца с момента подачи заявления до получения гражданства, репатриант должен приобрести статус оралмана; Израиль – автоматическое получение гражданства с момента получения визы, удостоверение репатрианта уравнивает его с гражданами Израиля во всех правах и обязанностях).

Таким образом, в отличие от израильского закона, казахстанский закон предусматривает лишь упрощенный порядок приобретения гражданства, который выражается в сокращении сроков рассмотрения заявления на получение гражданства (с общего пятилетнего срока до трехмесячного срока).

Список использованных источников

1. Об утверждении Программы «Нұрлы көш» на 2009 – 2011 годы [Электронный ресурс] : постановление Правительства Респ. Казахстан, 2 дек. 2008 г., № 126 // Tengrinews Приложения Tengrinews. – Режим доступа: https://tengrinews.kz/zakon/pravitelstvo_respubliki_kazahstan_premier_ministr_rk/hozyaystvennaya_deyatelnost/id-P080001126/. – Дата доступа: 11.06.2016.
2. Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. – 4-е изд. – М. : Сов. энциклопедия, 1989. – 1632 с.
3. Позднышов, А. Н. Репатриация как форма приобретения гражданства / А. Н. Позднышов, А. Ю. Головенко // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2015. – № (62). – С. 82–85.
4. О гражданстве Республики Казахстан [Электронный ресурс] : Закон Респ. Казахстан, 20 дек. 1991 г., № 1017-ХП // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. – Режим доступа: http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z910004800_#z5. – Дата доступа: 20.07.2016.

О НОРМОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Алиев Ильхам Малик оглы,
старший научный сотрудник Института права и прав человека
Национальной академии наук Азербайджана, г. Баку,
кандидат юридических наук

На современном этапе в Азербайджанской Республике происходит обновление общества во всех областях его жизни, а в условиях успешного становления правового государства и создания гражданского общества особое значение приобретает обеспечение реализации требований Конституции Азербайджанской Республики и, соответственно, дальнейшее совершенствование процесса нормотворчества и правотворчества. Азербайджанская Республика после восстановления своей государственной независимости примкнула к цивилизованному руслу общественного и государственного развития, взяв курс на построение правового, демократического государства. Одним из важных направлений исследовательского поиска в рамках современной правовой науки выступает анализ процессов правового нормотворчества. Отметим, что ведущие принципы организации органов государственной власти закреплены в Конституции Азербайджанской Республики. Суверенитет народа – основа и источник демократического правового государства, государственной власти, всех ее ветвей. Это положение подчеркивается в первых же статьях Конституции Азербайджанской Республики, которая начинается с утверждения того, что «...в Азербайджанской Республике единственным источником государственной власти является народ Азербайджана» (ст. 1). Далее, в следующей статье закрепляется, что народ осуществляет свое суверенное право непосредственно путем всенародного голосования – референдума и посредством избираемых им своих представителей в органах государственной власти [1, с. 4]. Кстати, необходимо отметить, что действующая Конституция Республики 1995 года, в отличие от всех предыдущих, была принята и тем самым легитимирована путем всенародного референдума.

Одна из ветвей государственной власти – исполнительная власть, ведущей деятельностью которой является претворение в жизнь законов, издание актов, равносильных законам, и издание подзаконных актов. Эта нормотворческая деятельность основывается также на ряде принципов, исходящих из принципов государственной власти.

Продолжая исследование, нам в первую очередь необходимо разобраться с такими понятиями, как «нормотворчество» и «правотворчество», которые очень схожи между собой. Над раскрытием данных понятий трудились многие известные ученые-правоведы, и научные исследования по этому вопросу продолжают. Под правотворчеством обычно рассматривается часть механизма правового регулирования, в результате которого появляются нормы права, направленные на регулирование различных общественных отношений. Также правотворчество является одним из основных признаков государства, так как только государство в лице своих компетентных органов принимает, изменяет или отменяет правовые нормы, которые имеют обязательную силу для всего населения страны [2, с. 32].

Сравнивая вышеприведенные определения, следует отметить, что в юридической науке иногда данные понятия употребляются как синонимы, иногда высказывается мнение о том, что правотворчество является неотъемлемой частью понятия нормотворчества, его главной составляющей и основной структурной единицей, наряду с юридической и законотворческой техникой, процессом создания и закрепления социальных норм поведения.

Нам ближе взгляды, в соответствии с которыми категория «правотворчество» включает в себя «нормотворчество» наряду с иными правотворческими функциями, проявляющимися в различных формах, а именно: разработка (участие в разработке) проектов нормативных правовых актов, принятие которых входит в компетенцию других государственных органов и должностных лиц; заключение международных договоров (межведомственных соглашений); подготовка отзывов и заключений на проекты нормативных правовых актов; систематизация нормативных правовых актов.

Понятие «нормотворчество» сложилось из двух слов: «норма» и «творчество». Норма, то есть «общеобязательное, формально определенное правило поведения, установленное и обеспечиваемое государством и направленное на урегулирование общественных отношений» – это продукт нормотворческой деятельности, та цель, которую преследует нормотворческий процесс [3, с. 129]. Творчество можно определить как интеллектуальную деятельность, процесс созидания, создания чего-то качественно нового.

Нормотворческая деятельность осуществляется не только законодательными органами власти. Органы исполнительной власти принимают нормативные правовые акты, в которых закрепляются волеизъявления руководителей данных органов разного уровня, их заместителей. Это обеспечивает существование четкой вертикали принятых решений, без которой эффективное управление и осуществление государственной политики в той или иной сфере представляется невозможным.

Правотворческая деятельность – эта форма осуществления функций государства посредством издания его органами новых правовых актов, а также изменения или отмены действующих норм права [4, с. 548]. Особое место в правотворчестве государства занимает законодательная деятельность, осуществляемая уполномоченным на то высшим представительным органом государственной власти. В научно-практическом комментарии к Конституции Азербайджанской Республики, составленном азербайджанским ученым Ш.

Алиевым, однозначно закрепляется основной принцип – «необходимость и неизбежность прав и свобод человека», которому призваны следовать в своей нормотворческой деятельности органы исполнительной власти. Отступление от этого принципа означает утрату правового содержания нормативно-правового акта [5, с. 16].

При ближайшем рассмотрении указанных понятий невозможно обойти вниманием также понятие «источник права». Традиционной при исследовании источников права является проблема соотношения понятий «источник права» и «форма права», которая решается неоднозначно. В одних случаях указанные понятия отождествляются, в других, напротив, различаются. Указанная проблема была дискуссионной еще в советской юридической литературе. Источниками права, в частности, стали называть не только внешнюю форму выражения права, но и предпосылки (общественные отношения), субъект правотворчества (государство), его деятельность, организационные формы принятия нормативного правового акта (акт волеизъявления, правотворческое решение).

Ряд советских авторов (например, И. Я. Дюрягин) указывали на возможность разрешения данного терминологического неудобства посредством замены термина «источник права» термином «форма права». Однако неприемлемость такого подхода объяснялась тем, что сам термин «форма права» также многозначен, ибо предполагает как внутреннюю структуру системы права (разграничение права на отрасли и институты), так и внешнюю форму выражения правовых норм (нормативно-правовой акт, его статьи). При этом термин «источник права» считался более удобным. Тогда же для обозначения форм выражения правовых норм употреблялся термин «источники норм права» (С. Л. Зивс). Различались также термины «источник права» и «юридический источник права». Под первым понимали социальные условия и предпосылки права, а под вторым – правотворческое решение компетентного органа о принятии, изменении или отмене нормативного правового акта (Р. О. Халфина). В таком случае законы об утверждении Основ законодательства и кодексов рассматривались как «юридические источники», а сами Основы и кодексы – в качестве «источников правовых норм». В 1989 году на уровне Верховного Совета СССР велась работа над проектом «Закон о законах», и для обсуждения с научной общественностью была опубликована концепция этого закона. Однако в связи с развалом Советского Союза этот закон не был принят. После распада Советского Союза большинство нынешних независимых государств, находившихся в составе бывшего СССР, в том числе Азербайджанская Республика, приняли специальные законы о нормативно-правовых актах. Конституционный закон Азербайджанской Республики «О нормативных правовых актах», который определяет порядок разработки, принятия, оформления, публикации, действия, толкования и систематизации нормативных правовых актов, был принят 21 декабря 2010 г. Этот Закон вступил в силу 17 февраля 2011 г и в связи с вступлением указанного Закона в силу, утратил свою силу аналогичный, одноименный Закон от 26 ноября 1999 г.

В соответствии со ст. 1 Закона «О нормативных правовых актах» от 21 декабря 2010 г. основные понятия, используемые в настоящем Конституционном законе, имеют следующие значения:

- нормативный правовой акт – официальный документ установленной формы, принятый в пределах компетенции уполномоченного государственного органа или путем референдума с соблюдением установленной Конституцией Азербайджанской Республики процедуры, содержащий общеобязательные правила поведения, рассчитанные на неопределенный круг лиц и неоднократное применение;
- законодательные акты – нормативные правовые акты, составляющие законодательную систему Азербайджанской Республики;
- акт нормативного характера – официальный документ установленной формы, принятый государственным органом или органом местного самоуправления, предусмотренными настоящим Конституционным законом, отражающий общеобязательные правила поведения для неопределенного круга лиц и предусмотренный для неоднократного применения;
- правовой акт – нормативный правовой акт, акт нормативного характера или ненормативный правовой акт;
- систематизация законодательства – деятельность по упорядочению нормативных правовых актов, приведению их в согласованную внутреннюю единую упорядоченную систему;
- инкорпорация – объединение нормативных правовых актов в сборниках (собраниях) в определенном порядке, без изменения их содержания;
- кодификация – объединение нормативных правовых актов в единый нормативный правовой акт путем переработки формы и содержания;
- свод законов – систематизированное собрание, объединяющее законодательство Азербайджанской Республики;
- пробелы в законодательстве – отсутствие законодательных норм, регулирующих конкретные общественные отношения;
- аналогия закона – применение к общественным отношениям вследствие отсутствия норм законодательства, регулирующих данные общественные отношения, норм законодательства, регулирующих сходные общественные отношения;
- аналогия права – применение к общественным отношениям вследствие отсутствия норм права, регулирующих не только данные, но и сходные общественные отношения, смысла законодательства, общих принципов права и принципов конкретных отраслей права;

- коллизия нормативных правовых актов – противоречие (несоответствие) норм, действующих нормативных правовых актов, регулирующих одни и те же общественные отношения;
- нормотворческая деятельность – деятельность по подготовке, экспертизе, принятию, внесению изменений, толкованию, приостановлению действия либо отмене нормативных правовых актов;
- субъект нормотворческой деятельности – органы (лица), принимающие участие в нормотворческой деятельности;
- нормотворческая инициатива – официальное представление субъектом, установленным ч. 1 ст. 96 Конституции Азербайджанской Республики, проекта закона на обсуждение в Милли Меджлисе Азербайджанской Республики;
- оформление нормативного правового акта – подписание нормативного правового акта уполномоченным лицом и внесение в Государственный реестр нормативных правовых актов Азербайджанской Республики;
- нормотворческий орган – государственный орган, уполномоченный принимать нормативные правовые акты;
- нормотворческий процесс – нормотворческая деятельность государственного органа по разработке и принятию нормативных правовых актов, введению их в действие;
- нормотворческая техника – система правил подготовки проектов нормативных правовых актов;
- обнародование нормативного правового акта – официальное доведение нормативного правового акта до всеобщего сведения путем опубликования его в официальной печати, распространения через другие средства массовой информации или иные общедоступные средства коммуникации;
- локальный нормативный правовой акт – нормативный правовой акт, действие которого ограничено рамками одного или нескольких государственных органов.

В 5-й главе вышеуказанного Закона говорится о порядке применения общепринятых международно-правовых принципов и норм, содержащихся в нормативно-правовых актах Азербайджанской Республики, а также норм международных договоров, стороной в которых выступает Азербайджанская Республика. Кроме того, в Законе присутствуют нормы об обязательном проведении правовой и лингвистической экспертиз, а также экспертизы на предмет злоупотреблений в проекте нормативно-правового акта [6].

В Конституционном Законе Азербайджанской Республики «О нормативно-правовых актах» также нашли отражение вопросы коллизии нормативно-правовых актов, пробелов законодательства, общие требования к нормативно-правовому акту и положения о видах и структуре нормативно-правовых актов, а также нормотворческий процесс и информация о государственном реестре правовых актов. Существуют различные определения нормативно-правового акта. Так, нормативно-правовой акт определяется как «правотворческий акт уполномоченных на то субъектов, устанавливающий, изменяющий или отменяющий правовые нормы», «выраженное в письменной форме решение компетентных государственных органов, в которых содержатся нормы права», «акт, содержащий предписания общего характера и постоянного действия, рассчитанные на многократное применение»; «правоустановительный акт государства, содержащий новые нормы действующего права», «официальный документ, созданный компетентными органами государства, устанавливающий юридические нормы, вводящие их в действие, изменяющий или отменяющий правила общего характера», «резервуар, из которого люди черпают сведения о юридических нормах» [7, с. 127].

Помимо доктринальных определений, в постсоветской правотворческой практике имеют место случаи легализации соответствующих дефиниций. Так, определение нормативного правового акта содержится в ст. 1.0.1 вышеупомянутого Конституционного Закона Азербайджанской Республики «О нормативных правовых актах» от 21 декабря 2010 г.

Таким образом, понятие нормативно-правового акта легализовано в Азербайджанской Республике. Следует сказать, что практика легализации правовых понятий в настоящее время распространена в постсоветском законодательстве стран СНГ. Так, понятие и содержательные элементы действующего права даны в ст. 4 Конституции Республики Казахстан, в которой говорится: «Действующим правом в Республике Казахстан являются нормы Конституции, соответствующие ей законы, иные нормативные правовые акты, международные договоры и иные обязательства Республики, а также нормативные постановления Конституционного Совета и Верховного Суда Республики. Конституция имеет высшую юридическую силу и прямое действие на всей территории Республики. Международные договоры, ратифицированные Республикой, имеют приоритет перед ее законами и применяются непосредственно, кроме случаев, когда из международного договора следует, что для его применения требуется издание закона. Все законы, международные договоры, участником которых является Республика, публикуются. Официальное опубликование нормативных правовых актов, касающихся прав, свобод и обязанностей граждан, является обязательным условием их применения» [8].

Понятие терминов, используемых в нормотворческой деятельности, изложено в ст. 1 Закона Республики Беларусь «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» от 10 января 2000 г., которая называется «Основные термины, применяемые в нормотворческой деятельности» [9].

В 5-й главе Закона Азербайджанской Республики «О нормативных правовых актах» от 21 декабря 2010 г. говорится о порядке применения общепринятых международно-правовых принципов и норм, содержащихся в нормативно-правовых актах Азербайджанской Республики, а также норм международных договоров, стороной в которых выступает Азербайджанская Республика.

Проблем совершенствования нормотворческого процесса вполне достаточно, и, несомненно, они нуждаются в скорейшем решении. Один из путей решения – это обобщение имеющегося положительного опыта и его внедрение в организацию нормотворческого процесса как государственных, так и муниципальных образований. Немаловажна и роль науки в этом процессе, который можно словами В. Н. Кудрявцева назвать «Научными предпосылками правотворчества» [10, с. 110]. Научные разработки в области теории правовых актов, юридической техники, антикоррупционной экспертизы, правотворчества в целом могут быть положены в основу принимаемых правовых актов.

Также необходимым является повышение юридической грамотности депутатов представительных органов и муниципальных служащих, деятельность которых связана с подготовкой и принятием нормативных правовых актов, путем проведения систематической учебы, направленной на разъяснение законодательства, изучение научных работ в области нормотворческой работы.

Список использованных источников

1. Конституция Азербайджанской Республики : принята 12 нояб. 1995 г. : с изм. и доп. от 24 авг. 2002 г. – Баку : Ганун, 2016. – 60 с.
2. Гулиев, А. И. Основы государства и права / А. И. Гулиев. – Баку : Ганун, 2015. – 51 с.
3. Малько, А. В. Теория государства и права в вопросах и ответах : учеб.-метод. пособие / А. В. Малько. – М. : Юристъ. – 1999. – 426 с.
4. Марченко, М. Н. Теория государства и права / М. Н. Марченко. – М. : Проспект, 2011. – 640 с.
5. Алиев, Ш. М. Научно-практический комментарий к Конституции Азербайджанской Республики / Ш. М. Алиев. – Баку : Юрид. лит., 2000. – 726 с.
6. О нормативных правовых актах : Конституц. закон Азербайджанской Республики, 21 дек. 2010 г., Баку : Ганун, 2011. – 64 с.
7. Лебедев, В. А. Теория государства и права / В. А. Лебедев, Е. А. Маркина. – М. : МГУ, 2003. – 215 с.
8. Конституция Республики Казахстан : принята на респ. референдуме 30 авг. 1995 г. : с изм. и доп. от 10.03.2017 // Ведомости Парламента Республики Казахстан. – 1996. – № 4. – Ст. 217.
9. О нормативных правовых актах Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 10 янв. 2000 г. : в ред. Закона от 02.07.2009 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
10. Кудрявцев, В. Н. Закон, поступок, ответственность / В. Н. Кудрявцев. – М. : Наука, 1986. – 448 с.

ОБ АСПЕКТАХ МОДЕРНИЗАЦИИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ И СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Алимова Жанья Хайруловна,
доцент кафедры правовых дисциплин
Казахской Академии труда и социальных отношений, г. Алматы,
кандидат юридических наук

В Стратегии «Казахстан-2050» Президент Нурсултан Назарбаев отметил: «Государство и дальше будет модернизировать, и укреплять судебную систему, которая должна стать главным механизмом защиты прав граждан. Будет делаться все для роста авторитета судебной власти, доверия к ней со стороны общества». Выступая на IV съезде судей, Президент Казахстана Н. А. Назарбаев подчеркнул, что современная судебная система является одним из основных компонентов государства и одним из рычагов его демократического развития в процессе осуществления социальной, экономической и политической модернизации [1].

Осуществляя свои функции, судебные органы способствуют решению наиболее важных задач, возникающих перед правовым государством, таких как защита прав и свобод человека, поддержание режима правовой законности в сфере управления и стабилизации государственной власти. Состояние судебной власти, отношение к ней в обществе, направления ее развития оказывают существенное воздействие на все стороны жизни общества: экономическую, политическую, культурную, статус человека, обеспечение и защиту его прав и свобод.

В соответствии с государственными программными документами судебные преобразования в Казахстане прошли несколько этапов и характеризуются дальнейшим развитием судебной системы в направлении укрепления конституционных гарантий права граждан на судебную защиту и независимости судебной власти.

В настоящее время мы можем констатировать, что проводимые реформы по совершенствованию судебной системы ориентированы на внедрение лучших практик и международных стандартов.

В Плате Нации «100 конкретных шагов – современное государство для всех» за судебной системой закреплены реализация 11 шагов, которые осуществляются с 2016 года, поскольку именно эффективность правосудия становится определяющим фактором модернизации экономики и общества [2].

Реформы судопроизводства в рамках реализации Плана Нации «100 конкретных шагов» приблизили нашу республику к вхождению в первую тридцатку стран мира и усилению верховенства закона.

Следует отметить, что казахстанское правосудие перешло от прежней пятиступенчатой системы к трехуровневой – первая, апелляционная и кассационная. Новая модель судопроизводства полностью соответствует высоким мировым стандартам, она ускоряет вступление судебных решений в силу, снижает возможность искусственного затягивания процесса и, соответственно, уменьшает коррупционные риски. В связи с переходом к трехзвенной судебной системе и приданием Верховному Суду статуса и функций кассационной инстанции внесены соответствующие изменения в ст. 81 Конституции.

В соответствии с Законом «О внесении изменений и дополнений в Конституцию Республики Казахстан» от 10 марта 2017 г., в ст.81 Основного Закона вместо функции Верховного Суда по осуществлению надзора за деятельностью местных и других судов определено, что Верховный Суд в предусмотренных законом случаях рассматривает отнесенные к его подсудности судебные дела [3].

Совершенствование действующего законодательства направлено на создание оптимальной модели судопроизводства, упрощение и повышение эффективности процесса.

Мировая практика показывает, что наличие промежуточных инстанций ведет к затягиванию судебных процессов. На сегодняшний день можно констатировать, что сокращение числа судебных инстанций приблизило начало уголовного процесса к итоговому разрешению и привело к обоснованной процессуальной экономии.

Переход к трехзвенной системе значительно усилил роль судов первой и апелляционной инстанций, в которых свое разрешение находит большинство дел.

Ведь правом рассмотрения уголовного дела по существу обладает суд первой инстанции. Суд апелляционной инстанции, выполняя функцию суда по пересмотру судебных актов районных и приравненных судов, не вступивших в законную силу, также наделен правом рассмотрения дела по существу, по правилам, предусмотренным для суда первой инстанции, с вынесением процессуального решения, что обусловлено целями устранения затягивания судебных процедур.

То обстоятельство, что судебные акты суда первой инстанции на момент их рассмотрения в апелляционной инстанции еще не вступили в законную силу, предоставляет широкую возможность суду апелляционной инстанции на восполнение пробелов главного судебного разбирательства путем выполнения действий, необходимых для правильного разрешения дела, и не только своевременно выявить судебные ошибки, но и полностью их устранить. Наделение апелляционной инстанции такими правами является дополнительной гарантией правосудности и справедливости судебных актов и, следовательно, защиты прав субъекта правоотношений.

Суды первой и апелляционной инстанций, находясь в единой и целостной системе, обладают широкими процессуальными полномочиями в исследовании и оценке доказательств для установления юридически значимых обстоятельств.

Производство в кассационной инстанции – исключительная стадия уголовного судопроизводства, поскольку пересмотр производится в отношении окончательных, вступивших в законную силу судебных актов, которые уже подвергались прежде проверке в апелляционном порядке, осуществляемая конечной судебной инстанцией страны – Верховным Судом Республики Казахстан.

Для организации оптимальных условий для судопроизводства по новой модели в судебной системе активно идут процессы модернизации путем внедрения проекта электронного суда.

Большая роль в обеспечении доступности и прозрачности судебной деятельности, упрощении и ускорении судопроизводства принадлежит современным информационным технологиям.

В настоящее время все суды республики обеспечены залами с аудио- и видеофиксацией, позволяющими изготавливать протоколы судебных заседаний с использованием указанных технических средств, которые обеспечивают точное фиксирование хода судебного разбирательства.

Ранее ознакомление участниками процесса с протоколами судебных заседаний по многоэпизодным и сложным делам, которые содержали большой объем, занимало длительное время, что создавало неудобства другим участникам процесса, в этих случаях требовалось составление графика с распределением времени ознакомления, участники процесса при ознакомлении с протоколом судебных заседаний делали выписки, вносили замечания.

С введением аудио-, видеофиксации судебных заседаний в выполнении этих действий отпала необходимость. Применение указанных технических средств устранило также споры по поводу текста самого протокола. Теперь участники процесса для ознакомления с протоколом судебных заседаний могут заявить соответствующее ходатайство и получить копию аудио- и видеозаписи. Эти меры способствовали процессуальной экономии судопроизводства.

Использование технических средств в судопроизводстве предоставили возможность вызова в судебное заседание, направления извещения путем СМС-сообщений. В рамках АВФ развивается также возможность дистанционного отправления правосудия путем оснащения судов системами видеоконференцсвязи.

Видеоконференцсвязь в суде – это техническая возможность обеспечения присутствия в судебном заседании путем передачи аудио- и видеоданных.

Как свидетельствует судебная практика, иногда участники процесса в силу объективных причин лишены возможности лично участвовать в судебном заседании. В таких случаях суды вынуждены откладывать судебное разбирательство, что приводит к затягиванию процесса.

Обеспечение нового уровня электронного взаимодействия с судами, введение информационных технологий, а именно оборудование видеоконференцсвязи, позволяет сократить сроки рассмотрения дел, органу исправительной системы исключить этапирование, конвоирование подсудимых (осужденных) в суд, а подсудимому давать показания посредством видеоконференции прямо из мест отбывания наказания.

В настоящее время продолжается работа технического оснащения залов судебного заседания, предоставляющего возможность непосредственного осмотра вещественных доказательств участниками процесса.

В Верховном Суде Республики Казахстан работает автоматизированная информационно-аналитическая система «Төрелік», включающая в себя электронный архив судебных документов, интернет-ресурсы судов, сервис «Судебный кабинет», «Судебная повестка», «Ознакомление с судебными документами».

В целом благодаря внедряемым в судебную систему техническим инновациям удалось добиться существенного повышения оперативности и прозрачности судопроизводства, снижения нагрузки в сфере документооборота, доступности и открытости судебной системы.

В целях совершенствования судебной системы осуществляется расширение специализации судов. С 1 января 2016 г. впервые в Казахстане создано судопроизводство по инвестиционным спорам.

Для обеспечения правовой защиты инвестиций введена специализация судов по рассмотрению инвестиционных споров путем создания специализированной коллегии в Верховном Суде по рассмотрению споров с участием крупных инвесторов, а также образования специализированного состава в суде города Астаны по рассмотрению других инвестиционных споров.

Динамика роста поступающих заявлений, исков свидетельствует о повышении доверия инвесторов к правосудию, уверенности в строгом соблюдении условий заключенных инвестиционных договоров, которые являются главными индикаторами благоприятного инвестиционного климата.

В целях внедрения передовых международных стандартов правосудия в судебно-правовой системе Казахстана создан консультативно-совещательный орган – Международный совет, в состав которого вошли авторитетные национальные и зарубежные судьи, эксперты и ученые. Возглавляет Совет Председатель Верховного Суда Республики Казахстан. Законодательно закреплено право суда запрашивать заключения ученых и специалистов Международного совета при рассмотрении инвестиционных споров, что свидетельствует о его значительных полномочиях.

Эти меры способствуют улучшению инвестиционного климата в стране.

Сегодня в судебной системе проводится активная работа по совершенствованию законодательных и процессуальных норм деятельности судов, внедрению альтернативных способов разрешения споров, новых технологий, обеспечению максимальной доступности и эффективности судебной системы.

Все вышеуказанные меры направлены на обеспечение свободного доступа к правосудию, повышение прозрачности судебной системы и укрепление независимости судов.

Следует отметить, что «Электронное правосудие» уже стало неотъемлемой частью отечественной судебной системы. Сегодня все залы судебных заседаний оснащены системами аудиовидеофиксации (АВФ). Успешно используется дистанционное правосудие посредством видеоконференции.

Учитывая, что судебная практика – основной критерий соответствия законодательства времени и необходимости новых юридических норм, Верховный суд Республики Казахстан ведет системную работу по модернизации законодательства. В частности, Верховный Суд выступил разработчиком Гражданского процессуального кодекса (ГПК) в новой редакции.

Новый ГПК существенно расширил примирительные и упрощенные процедуры в судопроизводстве. В настоящее время в упрощенном порядке рассматривается более 60 % гражданских дел [4].

С вводом в действие с 1 января 2015 г. нового УПК, в Республики Казахстан введены такие новые правовые институты, как сделка с правосудием, следственный судья, ускоренное досудебное расследование и др. [5].

Существенно расширяется судебный контроль, упраздняется институт дополнительного расследования, вводятся новые механизмы упрощения производства. Соответственно, это приводит к сокращению сроков судопроизводства.

В связи с введением в действие Закона «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам модернизации процессуальных основ правоохранительной деятельности» изменились порядок и основания задержания граждан, применения мер пресечения и санкционирования следственным судьей следственных действий, регистрации в Едином реестре досудебных расследований. Сущность изменений заключается в нацеленности на укрепление защиты прав человека в досудебном расследовании [6].

Законом сокращен срок задержания лица без санкции суда с 72 до 48 часов, для несовершеннолетних – до 24 часов. Лишь при совершении наиболее опасных для общества и граждан деяний лицо может быть задержано на 72 часа.

К ним относятся совершение преступления: в составе преступной группы, в ходе массовых беспорядков, связанного с незаконным оборотом наркотиков, против половой неприкосновенности несовершеннолетних, террористических (экстремистских) преступлений, а также умышленных преступлений, повлекших смерть человека.

По новым требованиям, содержание под стражей граждан по подозрению в экономических преступлениях, за исключением рейдерства, подделки денег, контрабанды, создания финансовых пирамид и совершения преступления в составе ОПГ, не допускается.

Только суд будет санкционировать применение меры пресечения залога, а также проведение принудительного освидетельствования и получение образцов.

Орган досудебного расследования обязан в течение 24 часов уведомить собственника об ограничении его права распоряжаться имуществом. Через 10 дней ограничение снимается либо направляется ходатайство в суд для получения санкции на арест имущества.

Согласно нововведениям начали действовать институты приказного производства и электронного уголовного дела.

Приказное производство будет проводиться по делам об уголовных проступках и преступлениях небольшой тяжести в сокращенные сроки.

Кроме того, у следователя появляется возможность расследовать уголовные дела в электронном формате. Это сделает уголовный процесс прозрачным, исключит утерю и фальсификацию доказательств, повысит защиту прав участников процесса.

Орган расследования будет уведомлять лицо о проведенном в отношении него негласном следственном действии. Если такое действие незаконно или причинило ущерб данному лицу, то оно вправе обратиться в суд с иском.

Законом запрещено начинать досудебное производство по заявлениям и сообщениям, в которых отсутствуют сведения о нарушениях действующего законодательства, об ущербе, существенном вреде либо незаконном доходе, подтвержденные актами проверок, ревизий, аудита и другими, когда их наличие является обязательным признаком уголовного правонарушения.

Также не допускается регистрация заявления о нарушениях, основанных на неисполнении или ненадлежащем исполнении гражданско-правовых сделок.

Кроме того, с 1 марта 2018 г. санкционирование негласных следственных действий будет производиться судом.

В целом Закон укрепляет защиту конституционных прав граждан, усиливает судебный контроль и повышает состязательность сторон в уголовном процессе.

Вместе с тем, несмотря на меры, принимаемые в отношении совершенствования организационных основ судебной власти и самого судопроизводства, которые привнесли в нее определенные позитивные изменения, еще рано говорить о том, что судебная реформа состоялась и все проблемы, связанные с формированием судебной власти во всех ее проявлениях, разрешены. Свидетельством этому является принятие Концепции правовой политики Республики Казахстан на период с 2010 до 2020 гг., составной частью которой являются положения, предусматривающие развитие судебно-правовой системы на основе преемственности и поэтапности [7].

Конечной целью проводимой реформы является наличие в Республике Казахстан профессиональной, сильной и независимой судебной власти, которая оказывает положительное влияние как на уровень правосознания отдельных судей, так и на судейский корпус в целом, что в свою очередь укрепляет важнейшую демократическую ценность – верховенство закона, а следовательно, признание прав, свобод и законных интересов граждан.

В настоящее время совершенствование любой сферы в современном обществе не происходит без новых технологий. Век информатизации заставляет всех пересматривать многие устаревшие механизмы в работе. Отечественный уголовный процесс не стал в этом исключением. Изживающие себя методы и многолетние подходы не только затрудняют процесс, но не отвечают ожиданиям общества. Сталкиваясь с излишними бюрократическими процедурами, волокитой, люди справедливо дают оценку, которая, к сожалению, еще невысока.

В настоящее время судам и прокуратуре приходится работать с большим объемом информации. Поэтому судебная система запустила эффективную информационную базу «Төрелік». Способствуя процессу отправления правосудия, она существенно позволила облегчить доступ к судебной защите.

Одновременно и прокуратура как надзорный орган поставила перед собой важную цель сделать уголовный процесс с момента начала досудебного расследования до рассмотрения дел в судах более открытым, прозрачным и удобным для всех, и на постоянной основе проводится реализация этих задач.

В 2011 – 2012 гг. в Казахстане внедрена электронная регистрация всех заявлений и сообщений о преступлениях (КУЗ). С 2015 года заработал Единый реестр досудебных расследований (ЕРДР). В настоящее время регистрация в ЕРДР служит практически началом уголовного процесса.

Вместе с тем информационные системы «Төрелік» и ЕРДР велись отдельно друг от друга. В результате данные следствия не передавались в судебную базу. Отсутствовала и обратная связь. Если дело направлено в суд, не виден был дальнейший процесс и результат. Приходилось собирать информацию вручную, а это отнимало, как правило, много времени и ресурсов.

Интеграция аналитической информационной системы суда (Төрелік) и органов прокуратуры (ЕРДР) позволила Верховному Суду и Генеральной прокуратуре дать старт новому совместному проекту «Зандылык».

Разработчиками нового проекта внедрены такие программные обеспечения, которые предотвратят нарушения прокурорами требований уголовного кодекса, в том числе и судьями, при рассмотрении дел в судах первой инстанции.

Внедрена база данных приговоров и позиций гособвинителей с возможностью автоматизации получения аналитических отчетов, отображения судебной практики по той или иной категории дел.

В конечном итоге ожидается, во-первых, улучшение качества и состояния уголовного правосудия за счет устранения ошибок при применении норм УК, во-вторых, уменьшение жалоб от участников процесса, в-третьих, устранение ненужного документооборота, в-четвертых, формирование единой судебной практики по конкретным категориям дел, в-пятых, повышение оперативности и качества аналитических данных о состоянии дел в системе уголовного правосудия.

Последнее больше поможет в решении ведомственных задач и в оптимизации существующих процедур. Ведь работа на местах в основном сводилась к показателям, многочисленным отчетам. Предлагаемые меры освободят нижестоящих прокуроров от написания множества аналитических справок, сбора информации. За год прокуратуры областей направляли порядка 720 обобщений в Генеральную прокуратуру. В целом по республике на этой работе было задействовано более 600 сотрудников.

С помощью «Зандылык» один сотрудник Генеральной прокуратуры без направления запросов будет оперативно получать доступ к любой необходимой информации. Таким образом, весь процесс от начала регистрации досудебного расследования до назначения наказания будет как на ладони. Важным продолжением этой работы станет дальнейшее совершенствование и оптимизация уголовного процесса, перевод уголовных дел в электронный формат. В рамках реализации поставленных в Послании задач актуальность данного вопроса возрастает, как никогда. За основу берется передовой международный опыт.

Существенно заметна экономия средств на услуги почты, которая доставляет для изучения многотомные дела из регионов в центр и обратно. В год из одной точки в другую доставляется почти 900 тыс. дел. Теперь же у надзирающих прокуроров не будет необходимости истребовать дела, затрачивать на это много времени. Они смогут в режиме онлайн отслеживать всю работу следователя, при обнаружении нарушений имеют возможность незамедлительного реагирования. Тем самым это даст возможность обеспечения прозрачности процесса, позволит сократить время ожидания его участников. Сегодня на расследование уголовных дел уходят месяцы. Возрастает недовольство граждан, вовлеченных в сферу уголовного преследования, связанное с постоянными хождениями по кабинетам, необоснованной волокитой. Даже по ускоренному процессу затрачивается в среднем 40 дней. К примеру, в Саудовской Аравии большинство дел расследуется в течение двух дней. В этой стране перешли на ведение электронных уголовных дел девять лет назад, при этом на 80 процентов сократились сроки расследования. Генеральный прокурор имеет возможность через информационную систему увидеть ход расследования любого дела. Работа становится прозрачной, а процесс открытым.

Успешный опыт правоохранительной реформы Грузии также связан с их переходом в 2011 году на электронный формат уголовного дела. Полезен и опыт других стран, достигших в этих вопросах существенных результатов. Среди них Южная Корея, Сингапур, Эстония и др.

Пилотный проект «Е-уголовное дело» запущен по линии Комитета государственных доходов в г. Астане и Карагандинской области.

Особо уделяется внимание информационной безопасности новых систем. Кроме того, все действия сотрудников будут «логироваться», и их невозможно будет удалить из системы.

В перспективе планируется все кабинеты допросов в органах уголовного преследования оборудовать видеокамерами. Это позволит предотвратить факты недозволенных методов ведения следствия, в том числе пыток. Также будут оснащаться видеорегистраторами сотрудники правоохранительных органов при задержании ими лиц, изъятии вещественных доказательств (наркотиков, оружия, денег). Усиливается роль и дежурных прокуроров в зданиях ОВД. Их кабинеты оборудуются необходимыми информационными базами. Без направления дел в прокуратуру они на месте будут изучать все обстоятельства, незамедлительно реагировать на все нарушения прав и законных интересов граждан.

С учетом изложенного, переход в электронно-цифровой формат станет важным условием укрепления доверия населения и в конечном итоге обеспечит решение задач, вытекающих из Послания Президента в части обеспечения безопасности, оптимизации многих процессов, противодействия коррупции и равенства всех перед законом и судом.

Список использованных источников

1. Участие в работе VII съезда судей Казахстана [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента Респ. Казахстан. – Режим доступа: http://www.akorda.kz/ru/events/astana_kazakhstan/participation_in_events/uchastie-v-rabote-vii-sezda-sudei-kazahstana. – Дата доступа: 05.02.2018.
2. План нации – 100 шагов по реализации пяти институциональных реформ Н. А. Назарбаева (май 2015 г.) [Электронный ресурс] // Параграф. Информ. системы. – Режим доступа: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31977084. – Дата доступа: 05.02.2018.
3. О внесении изменений и дополнений в Конституцию Республики Казахстан : Закон Респ. Казахстан от 10 мар. 2017 г. // Казахстанская правда. – 2014. – 17 мар. – № 51 (28430).
4. Темирова, А. Судебная власть в зеркале достижений [Электронный ресурс] // А. Темирова // Информ. ресурс «Капитал». – Режим доступа: <https://kapital.kz/gosudarstvo/65480/sudebnaya-vlast-v-zerkale-dostizhenij.html>. – Дата доступа: 06.02.2018.

5. Уголовно-процессуальный кодекс Респ. Казахстан : 4 июля 2014 года [Электронный ресурс] // Параграф. Информ. системы. – Режим доступа: http://online.zakon.kz/m/Document/?doc_id=31648958. – Дата доступа: 06.02.2018.

6. О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам модернизации процессуальных основ правоохранительной деятельности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Казахстан от 21 дек. 2017 г. // Параграф. Информ. системы. – Режим доступа: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=35167041#pos=0;0. – Дата доступа: 12.02.2018.

7. О Концепции правовой политики Республики Казахстан на период с 2010 по 2020 годы [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Казахстан, 24 авг. 2009 г., № 858 // Казахстанская правда. – 2009. – 27 авг. – С. 3, 4.

О СМЫСЛЕ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Афанасьева Татьяна Ивановна,
заведующий кафедрой государственно-муниципального управления
и предпринимательского права Иркутского института (филиала)
Всероссийского государственного университета юстиции
(Российская правовая академия Министерства юстиции России), г. Иркутск,
кандидат юридических наук

К категории «смысл гражданского законодательства», как известно, правоприменительная практика обращается в тех случаях, когда дать однозначную юридическую оценку возникшей ситуации, исходя из законодательных установлений, не представляется возможным в силу противоречивости или пробела в правовом регулировании. Как верно отмечают В. А. Микрюков и Г. А. Микрюкова, даже при формальном отсутствии пробела гражданско-правовая норма может оказаться дефектной, что будет свидетельствовать о наличии пробела по существу [1, с. 134].

В судебной практике нередки ссылки суда в мотивировочной части решения на соответствие или противоречие деяния смыслу гражданского законодательства.

К примеру, по одному из дел, ставших предметом рассмотрения Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, суд указал, что по смыслу гражданского законодательства торги могут быть признаны недействительными в случае, когда допущены такие существенные нарушения, которые могли повлиять на определение результата торгов (определение ВАС РФ от 05.08.2008 № 10137/08 по делу № А56-778/2007). Верховный Суд Российской Федерации, рассматривая требование о пересмотре в кассационном порядке судебных актов о прекращении производства по делу о признании недействительной сделки по принятию карточки образцов подписей и оттиска печати к расчетному счету должника, отказал в передаче дела в Судебную коллегия по экономическим спорам, поскольку оспариваемые действия не являлись сделкой по смыслу гражданского законодательства, в связи с чем не могли быть оспорены в арбитражном суде (определение Верховного Суда Российской Федерации от 31.10.2017 № 301-ЭС17-15720 по делу № А82-13977/2015). Отрицательный ответ относительно квалификации юридического действия в качестве сделки был дан Арбитражным судом Западно-Сибирского округа также со ссылкой на смысл гражданского законодательства (постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 26.08.2003 № Ф04/3976-576/А67-2003). Арбитражный суд Московского округа не признал изменение курса валют по смыслу гражданского законодательства существенным изменением условий договора, влекущим последствия в виде его расторжения (постановление арбитражного суда Московского округа от 02.09.2016 № Ф05-10684/2016 по делу № А41-99042/2015). Арбитражный суд Северо-Западного округа отказал во взыскании упущенной выгоды в виде неполученной субсидии, поскольку получение из бюджета субсидии не является результатом какой-либо экономической деятельности предпринимателя и не может рассматриваться как доход в смысле гражданского законодательства (постановление ФАС Северо-Западного округа от 24.07.2014 № Ф07-4765/2014 по делу № А13-4628/2013). Арбитражный суд Уральского округа, рассматривая вопрос о правовой природе доли в уставном капитале общества, указал, что по своей сути она не является имуществом (вещью) и объектом права собственности по смыслу гражданского законодательства, а предоставляет ее обладателю комплекс имущественных и неимущественных прав (постановление ФАС Уральского округа от 15.02.2010 № Ф09-11325/09-С4 по делу № А60-27198/2009-С4). Санкт-Петербургский городской суд признал незаконным и нарушающим права потребителя-заемщика взимание банком-кредитором комиссии за ведение ссудного счета, поскольку ссудные счета не являются банковскими по смыслу гражданского законодательства (определение Санкт-Петербургского городского суда от 10.10.2012 № 33-14261/2012). В судебной практике встречаются дела, направляемые вышестоящей инстанцией на новое рассмотрение с указанием на необходимость руководствоваться общими началами и смыслом гражданского законодательства (постановление ФАС Поволжского округа от 22.12.2010 по делу № А72-19111/2009).

Можно привести еще много примеров дел, где имеется ссылка на смысл гражданского законодательства без разъяснения его содержания (см., к примеру, определение Верховного Суда Российской Федерации от 20.11.1995; постановление ФАС Московского округа от 20.07.2009 № КГ-А40/6195-09 по делу № А40-

83569/08-155-685; постановление ФАС Московского округа от 17.02.2000 № КГ-А40/412-00; постановление ФАС Поволжского округа от 08.11.2010 по делу № А12-7104/2010; постановление ФАС Северо-Западного округа от 23.03.2010 по делу № А05-14506/2008; постановление ФАС Северо-Западного округа от 19.01.2010 по делу № А56-9172/2009; решение арбитражного суда Свердловской области от 15.09.2015 по делу № А60-4557/2015).

Из анализа судебной практики видно, что чаще всего к смыслу гражданского законодательства суд обращается, когда встает вопрос о юридической квалификации того или иного действия или объекта, о применении мер гражданско-правовой ответственности за нарушение договорного обязательства (постановление арбитражного суда Уральского округа от 31.10.2016 № Ф09-9952/16 по делу № А71-7895/2015; постановление арбитражного суда Уральского округа от 23.11.2016 № Ф09-10351/16 по делу № А71-9995/2015; постановление ФАС Уральского округа от 14.04.2009 № Ф09-2048/09-С5 по делу № А50-12366/2008-Г16; постановление ФАС Центрального округа от 14.10.2005 № А64-2138/04-8; определение Московского городского суда от 14.12.2011 по делу № 33-41442).

Вместе с тем ни в нормативных актах, ни в актах высших судебных инстанций Российской Федерации не предпринимались попытки содержательного наполнения термина «смысл гражданского законодательства». Каждый правоприменитель, сталкиваясь с необходимостью использования этой категории, принимает решение, руководствуясь своим представлением о ней и внутренним убеждением. Однако проблема единообразного толкования смысла гражданского законодательства остается открытой. В. Л. Слесарев по этому поводу высказал предложение о рассмотрении Верховным Судом Российской Федерации вопросов применения гражданского законодательства по аналогии и принятии соответствующего постановления [2, с. 23].

Возможно, не всегда является оправданным и необходимым формулирование понятия того или иного явления. Однако, как нам кажется, использовать понятие без хоть сколько-нибудь одинакового понимания его сути в правоприменительной практике чревато неправильными выводами и серьезными ошибками, по существу означающими нарушение прав и законных интересов совершенно конкретного субъекта права. Чтобы применять смысл гражданского законодательства для толкования норм права или квалификации ситуации, необходимо представлять себе его достаточно четко. В этой связи нами предпринята попытка наполнить содержанием термин «смысл гражданского законодательства».

Очевидно, что понятие смысла гражданского законодательства не может быть исследовано исключительно с позиции права, поскольку анализируемое выражение состоит из компонентов, в своем единстве создающих универсальный регулятор общественных отношений, лежащих в плоскости гражданского права, – «смысл», «гражданское законодательство». Считаем важным рассмотреть заявленный вопрос с опорой на достижения не только юридической науки, но и философии, логики, психологии и лингвистики.

В анализе полисемичного термина «смысл» прежде всего обратимся к такому разделу лингвистики, как словообразование. Ценность словообразовательной цепочки в том, что она позволяет узнать истоки слова и благодаря этому более полно и точно понять его значение. Если обратиться к теории словообразования, то совершенно очевидно происхождение слова «смысл» – оно явилось следствием словообразовательной цепочки, в которой к слову «мысль» добавили приставку «с», создавшую слово «смысл». То есть «смысл» – значит «с мыслью о чем-либо».

Следует, однако, согласиться с учеными-психологами Д. А. Леонтьевым и А. Ф. Корниенко в том, что порождение мысли не приводит автоматически к порождению смысла. А. Ф. Корниенко пишет: «Возникновение мысли является необходимым, но не достаточным условием порождения смысла. Проблема в том и состоит, чтобы выяснить, что и как связывается с мыслью, образуя то, что можно назвать “смыслом”». В своих размышлениях о механизме смыслопорождения автор приходит к выводу, что смысл – «это возникающий в результате мышления сложный образ, в составе которого находится мысль о “чем-то”, связанная с образом “чего-то”» [3, с. 18–19]. По мнению Д. А. Леонтьева, психологической основой смысловых ориентаций личности является порождение смысла в непосредственном взаимодействии с миром [4, с. 133].

Смысл, безусловно, является базовой философской категорией, и без раскрытия его сущности и содержания с позиции философии исследование было бы неполноценным. В философии смысл раскрывается как «внутреннее содержание, значение чего-либо; то, что может быть понято» [5, с. 775]. Действие, сообщающее объекту смысл, придает ему и определенную ценность, поэтому качество смыслового содержания зависит от индивидуальных особенностей в данной иерархии ценностей. При этом смысл, вкладываемый в объект, зависит и от его сущности [6, с. 420].

Изучением проблем смысла занимается специальный раздел логической семантики – теория смысла. Сформировавшиеся здесь трактовки смысла также существенно различаются: некоторая правильно организованная мысль [7, с. 231]; существенное содержание диалога между Я и Другим [8, с. 129]; сущностный образ, репрезентированный в имени и имеющий объективно-значимое содержание; выражение объективно-тождественного содержания высказывания и указания на условия его применимости; предназначение; результат интерпретации [9, с. 245–247].

Стоит отметить, что ни в одной из упомянутых наук не сложилось единого и достаточно точного определения понятия «смысл». Вместе с тем прослеживается единство в понимании того, что смысл всегда имеет субъективную окраску, поскольку придание смысла предметам и явлениям присуще только человеку как существу, наделенному разумом.

Полагаем, проблема формулирования общенаучного представления о смысле далека от решения. И мы остаемся в этом поиске лишь в одной из многих сфер человеческой деятельности – сфере законодательства. Применительно к заявленному к исследованию вопросу, опираясь на теоретические выкладки на тему смысла, под смыслом будем понимать мысль о предназначении явления, отражающем его существенные свойства. Таким образом, в контексте нашего исследования смысл гражданского законодательства можно раскрыть через его предназначение.

Следует согласиться с В. М. Шафировым: в смысле законодательства отражена современная конституционная модель правопонимания, с опорой на которую совершаются все правоприменительные действия, касающиеся прав человека [10, с. 3]. Согласно ст. 18 Конституции Российской Федерации права человека определяют смысл, содержание и применение законов.

Разумеется, гражданское законодательство базируется на данном конституционном установлении. Предназначением гражданского права и, как следствие, гражданского законодательства является упорядочение взаимодействия субъектов в частной сфере, т. е. сфере, где на первый план выходят имущественные интересы физических и юридических лиц. Предназначение гражданского права предопределяет императивы правового воздействия на эту область человеческих отношений, именуемые основными началами гражданского законодательства. Именно в основных началах гражданского законодательства, на наш взгляд, отражается его смысл. Такими императивами служат:

- требования справедливости, разумности и добросовестности;
- презумпция диспозитивности в правовом регулировании частных отношений;
- гарантия приобретения и осуществления гражданских прав по своему усмотрению на равных с иными участниками отношений;
- гарантия восстановления нарушенных прав.

Исходя из указанных императивов, в ст. 1 Гражданского кодекса Российской Федерации сформулированы принципы гражданского законодательства: равенство участников гражданских отношений, неприкосновенность собственности, свобода договора, недопустимость произвольного вмешательства в частные дела, беспрепятственное осуществление гражданских прав, обеспечение восстановления нарушенных прав, их судебная защита.

Таким образом, смысл гражданского законодательства, на наш взгляд, заключается в установлении таких правил для участников гражданских правоотношений, при которых обеспечивается нормальное функционирование гражданского оборота с максимально возможным учетом интересов всех его участников, признаваемых равноценными.

Применение аналогии права по сути означает оценку правовой ситуации с позиции смысла гражданского законодательства, в связи с чем упоминание в ч. 2 ст. 6 Гражданского кодекса Российской Федерации основных начал гражданского законодательства и требований добросовестности, разумности и справедливости представляется излишним. Более того, полагаем, при разрешении гражданско-правовых конфликтов из смысла гражданского законодательства следует исходить всегда, каждый раз оценивая, не является ли применение избранных норм формализмом, не противоречит ли решение смыслу гражданского законодательства.

Список использованных источников

1. Микрюков, В. А. Некоторые вопросы применения гражданского законодательства по аналогии / В. А. Микрюков, Г. А. Микрюкова // Вестн. Пермского ун-та. – 2014. – Вып. 1 (23). – С. 133–144.
2. Слесарев, В. Л. Применение судами гражданского законодательства по аналогии / В. Л. Слесарев // Вестн. ун-та им. О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2015. – № 10. – С. 16–23.
3. Корниенко, А. Ф. Общее понятие смысла и механизмы его порождения / А. Ф. Корниенко // Гуманитарные науч. исслед. – 2015. – № 4–3 (44). – С. 13–21.
4. Леонтьев, Д. А. Психология смысла: природа, строение, и динамика смысловой реальности / Д. А. Леонтьев. – 3-е изд., доп. – М. : Смысл, 2007. – 511 с.
5. Философия : энциклопедический словарь / под ред. А. А. Ивина. – М. : Гардарики, 2004. – 1072 с.
6. Философский энциклопедический словарь / ред.-сост. Е. Ф. Губский, Г. В. Кораблева, В. А. Лутченко. – М. : ИРФРА-М, 1998. – 576 с.
7. Кравец, А. С. Теория смысла Ж. Делеза: pro и contra / А. С. Кравец // Логос. – 2005. – № 4 (49). – С. 227–258.
8. Демина, Л. А. Прологомены к критике единой теории смысла / Л. А. Демина // Логическая семантика: перспективы для философии языка и эпистемологии : сб. науч. ст., посвященных юбилею Е. Д. Смирновой / отв. ред. Е. Г. Драгалина-Черная, Д. В. Зайцев. – М. : Креативная экономика, 2011. – С. 240–256.
9. Михель, И. В. становление теории смысла с позиций феноменолого-герменевтической версии в философии культуры / И. В. Михель // Вестн. Самарской гуманитарной акад. – 2009 – № 2 (6). – С. 122–129. – (Серия «Философия. Филология»).
10. Шафиров, В. М. Установление смысла законодательства и аналогия права / В. М. Шафиров // Рос. юстиция. – 2009. – № 8. – С. 2–3.

СУИЦИД: ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫМИ И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫМИ СРЕДСТВАМИ

Бахур Олег Иванович,
заместитель начальника кафедры уголовного права и криминологии
Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь, г. Минск,
кандидат юридических наук доцент

Примаченок Анатолий Андреевич,
профессор кафедры уголовного права и криминологии
Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь, г. Минск
кандидат юридических наук, доцент

Жизнь человека как неповторимое, не имеющее эквивалента благо обладает неизмеримой социально-материальной ценностью. Смерть человека, а тем более преждевременная, является большой утратой для семьи, его близких, общества и государства. В основном законе государства – Конституции Республики Беларусь записано: «Человек, его права, свободы и гарантии их реализации являются высшей ценностью и целью общества и государства» [1, с. 3]. Одной из гарантий охраны жизни человека является предусмотренность в уголовном законе ответственности за посягательство на жизнь человека (статьи 139 – 146 УК). Жизнь человека как непосредственный объект преступления охраняется независимо от ее качества, пола, возраста, социального положения и других признаков потерпевшего. В действующем УК предусмотрена ответственность за убийство, причинение смерти по неосторожности, а также за доведение до самоубийства и склонение к самоубийству [2, с. 82–84].

Ответственность за посягательство человека на свою жизнь в УК не предусмотрена, т. е. человек вправе распорядиться своей жизнью по своему усмотрению. Вместе с тем следует отметить, что как до рождения ребенка, так и в последующее время семья, государство вкладывают значительные социальные и материальные ценности (средства) в его становление и развитие. Однако вместо общественно полезной деятельности на благо отечества и семьи некоторые лица лишают себя жизни. Согласно выборочным исследованиям количество жертв суицида значительно превышает количество убийств и причиненных смертей по неосторожности вместе взятых. В связи с этим традиционно сложившаяся концепция, что человек вправе распорядиться своей жизнью по своему усмотрению, представляется не такой уж и бесспорной, особенно с точки зрения как морально-этической, так и аксиолого-прагматической. Иными словами, жизнь человека является не только его личным достоянием.

Идеология уголовно-правовой политики Республики Беларусь исходит из позиции защиты жизни человека не только от преступных посягательств, но в некоторых ситуациях от своих собственных действий. Так, согласно уголовному законодательству, к лицу, страдающему психическим заболеванием и совершившим общественно опасное деяние, могут быть применены принудительные меры безопасности и лечения (статьи 101, 102 УК), а также предусмотрено применение таких мер к лицу, страдающему хроническим алкоголизмом, наркоманией или токсикоманией (ст. 107 УК). Подобные цели преследуются (наряду с другими) при установлении ответственности за потребление наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов (статьи 328, 328² УК). Следовательно, проблема противодействия суициду является не только частной, семейной, но и государственной (государство теряет активного гражданина, труженика, а в некоторых случаях потенциального защитника отечества) проблемой.

В сложившейся практике противодействие суициду осуществляется правоприменительными органами, во-первых, путем привлечения к уголовной ответственности за доведение до самоубийства или склонение к самоубийству (статьи 145, 146 УК соответственно), во-вторых, путем установления при производстве по уголовному делу факта нарушений норм иных отраслей законодательства, причин и условий, способствующих совершению преступлений, и внесения представлений в соответствующие органы или должностным лицам об их устранении (ст. 199 УПК) [3, с. 147]. Однако, как показывает статистика, уголовных дел, квалифицируемых по статьям 145 и 146 УК, возбуждается незначительное количество, а направляется в суд и того меньше, а это, в свою очередь, обуславливает минимальное количество соответствующих представлений. Более того, направляемые представления по своему содержанию характеризуются локальной ограниченностью установленных причин и условий суицида. Поэтому участие следственно-судебных органов в противодействии суициду уголовно-правовыми и уголовно-процессуальными средствами ограничено. В связи с увеличением случаев суицида и минимальным количеством судебных дел этой категории авторами предпринята попытка исследования как причин и условий суицида, так и причин относительно низкой эффективности уголовного и уголовно-процессуального законов (в пределах возможного и с учетом ограниченности использования фактического материала по этическим соображениям).

Эффективное противодействие суициду предполагает одновременное изучение причин и условий, ему способствующих, с проводимым расследованием уголовного дела или рассмотрением иных материалов, связанных с фактом суицида. При этом исследование причин и условий суицида необходимо и важно не только и не столько для подготовки представлений по их устранению, а в связи с тем, чтобы установить конкретное лицо,

действия которого повлекли суицид (установление причинной связи между деянием и последствием как признака объективной стороны состава преступления), поскольку причин в таких случаях несколько и лиц, причастных к формированию умысла к содеянному потерпевшим, как правило, несколько.

Согласно сложившейся в теории криминологии методике исследования и иерархической классификации причин преступности и других негативных социальных явлений, они делятся на общие, специальные (видовые) и конкретно-индивидуальные, непосредственные. Приведенную криминологическую классификацию причин и условий суицида следует иметь в виду при определении иерархии потенциального адресата направляемого представления (одного или нескольких по одному и тому же делу).

Проведенное авторами выборочное панельное исследование (вероятно, недостаточно репрезентативное по ряду обстоятельств) причин и условий суицида, спектр которых весьма разнообразен, позволило установить и сгруппировать следующие общие, а также видовые и непосредственные причины:

1) аномальное депрессивное психологическое состояние (временное расстройство психики). При этом состояние депрессии могут вызывать как социально-экономические, так и культурно-этические факторы (точнее, недостаточно вежливое отношение лиц бытового окружения, а нередко и бескультурно-хамское оскорбительное поведение лиц социального окружения), кроме того, аморальное поведение близких родственников, а также отсутствие возможности проведения традиционно-привычного досуга и даже климатические условия (например, уменьшение количества солнечных дней оказывает дискомфортное, гнетущее воздействие на психику человека). К временному расстройству психики можно отнести и аффективное состояние, вызываемое оскорблением или насильем в отношении потерпевшего, распространение клеветнических измышлений;

2) сфокусированность воспитательного процесса в современном обществе преимущественно на примерах, пропагандирующих обогащение за счет нетрудовых доходов, достижений поставленных целей, высоких результатов благодаря случайному стечению обстоятельств, в том числе и путем выигрыша в казино, пари и других азартных игр;

3) недостаточно целенаправленное, фрагментарное формирование общественного сознания, направленного на удовлетворение разумных потребностей, соразмерных имеющимся средствам их удовлетворения; низкая культура взаимодействия (соблюдения правил взаимоотношений в семье, с коллегами и подчиненными по работе, с лицами по совместному отдыху, занятию спортом и др.);

4) увеличение числа лиц, страдающих тяжелыми хроническими болезнями, сопровождающимися сильными болями, а также психическими расстройствами (заболеваниями), в том числе на почве хронического алкоголизма или наркомании, токсикомании;

5) посткриминальный суицид (раскаяние в совершенном преступлении, нежелание или страх нести наказание);

б) недостаточно активное выявление и привлечение к административной ответственности за нанесение побоев, клевету, оскорбление, а также к уголовной за причинение легких телесных повреждений, истязание, клевету и оскорбление (повторные).

Отметим, что при этом перечисленные общие причины оказывают воздействие на потерпевшего в разной степени, но в совокупности, как правило, одновременно все или несколько из перечисленных. Причинно-следственная связь реализуется при наличии соответствующих, способствующих их развитию условий, которые также весьма разнообразны.

К видовым (они же нередко и непосредственные) причинам суицида, которые воздействуют на личность потерпевшего наряду с общими, относятся:

1) непреодолимые (по мнению потерпевших) тупиковые конфликтные ситуации на почве межличностных отношений в семье, в среде друзей, в коллективе, в том числе неразделенная любовь, нарушение супружеской верности;

2) конфликтные ситуации с руководством по месту работы, учебы, занятия спортом, влекущие увольнение с работы, исключение из спортивной секции, учебного заведения, чаще всего несправедливое, по мнению потерпевшего, и отсутствие перспектив последующего трудоустройства, занятости, лишшающее человека средств к существованию либо продолжению учебы, занятиям спортом и др.;

3) несправедливое или незаконное, по мнению потерпевшего, рассмотрение должностными лицами жалоб, в том числе и судебными инстанциями; лица, склонные к суициду, характеризуются обостренным чувством законности и социальной справедливости;

4) экономическое банкротство, повлекшее лишение средств существования потерпевшего или его семьи, отсутствие средств для возврата займа либо лишение всего состояния в результате проигрыша в азартных играх;

5) тяжело протекающие хронические болезни, психические расстройства;

б) ограниченная возможность восстановления своего доброго имени в результате клеветы, необоснованного обвинения в совершении преступления;

7) низкая организация и недостаточная активность психологической помощи населению.

Как показывает проведенное исследование, нередко совершение суицида влечет наслоение нескольких причин и условий, воздействующих на психику человека одновременно, приводящих потерпевшего к суициду.

Из изложенного следует, что предупреждение совершения суицида является нравственной, а в некоторых случаях и правовой обязанностью семьи, общества (прежде всего, его организационных формирований), государства. При этом необходимо использовать арсенал средств идеологических, экономических, организационных, культурно-воспитательных и правовых, в том числе и применение мер административного взыскания за оскорбление, клевету, побои. Полагаем, что чем больше будет возбуждаться уголовных дел указанной категории, тем меньше будет случаев суицида.

Прежде всего, следует повысить культуру управления социально-экономическими процессами органов государственной власти, местного самоуправления, общественных организаций, сфер торговли и бытовых услуг, спортивных и других массовых мероприятий. Например, в правовых актах, инструкциях, регулирующих порядок и сроки рассмотрения жалоб и заявлений граждан, нужно предписывать вежливое обращение с гражданами, особенно при отказе в удовлетворении жалобы, разъяснять, при возможности ссылаясь на правовые нормы, причины отказа в положительном для гражданина решении вопроса по жалобе или заявлению (не ограничиваясь формулировками: «нет оснований» и т. п.). При разработке и реализации социально-экономических программ следует акцентировать внимание на мероприятиях, направленных на укрепление семьи, повышение ее роли как субъекта взаимодействия и среды формирования здорового образа жизни.

Зачастую при опросе родственников лиц, совершивших покушение на суицид, последние указывают на имевшие место факты грубого отношения к пациентам со стороны медицинского персонала и администрации лечебно-реабилитационных учреждений, отмечается низкий уровень ухода и внимания к лицам, страдающим тяжкими и трудноизлечимыми болезнями (раковые болезни, ВИЧ-инфекции и др.), а также недостаточно эффективное медицинское лечение от хронического алкоголизма, наркомании и токсикомании. Последнее связано с недостаточно активным внедрением в медицинскую практику новых методик лечения лиц, страдающих хроническим алкоголизмом, наркоманией, токсикоманией.

Представляется, что оценку эффективности работы административного персонала всех предприятий, учреждений, организаций следует осуществлять с учетом уровня поддержания поведенческой культуры не только персонала, но и клиентов, пациентов, покупателей, посетителей. Иными словами, администрация учреждений, организаций, предприятий должна нести ответственность за обеспечение порядка и надлежащее поведение всех лиц, находящихся в сфере их деятельности (начиная от покупателей в магазинах и заканчивая болельщиками на стадионе). Следует также отметить, что поскольку в быту населения укоренился обычай употребления спиртных напитков, а почти 40-летний опыт борьбы с неумеренным потреблением спиртных напитков показал низкую эффективность запретительных мер, то целесообразно наряду с ограничительно-запретительными мерами применять внедрение в бытовую практику культуру употребления спиртных напитков в минимальных количествах, с предпочтением слабоалкогольных напитков по примеру отдельных западноевропейских стран.

Изучение причин и условий суицида органами дознания, расследования (ст. 90 УПК) не только расследуемых уголовных дел, но и отказных материалов и прекращенных дел (а также судом при рассмотрении уголовных дел) рассматриваемой категории должно быть в центре их внимания с обязательным направлением представлений или писем, называющих причины случившегося суицида и рекомендующих принятие конкретных мер, позволяющих устранить конкретные причины и условия, создающие психологическую напряженность в коллективе, микросреде, обстановку, поощряющую аморальное или неправомерное поведение, либо имеющие место факты нарушения или неисполнения закона, проявления грубо-скандального отношения к подчиненным, клиентам, пациентам, заявителям, посетителям.

Следует отметить, что в противодействии суициду недостаточно эффективную роль играет применяемое административное, уголовное и уголовно-процессуальное законодательство как с точки зрения ответственности, так и предупреждения. Так, количество совершаемых самоубийств или покушений на него несопоставимо с единичными случаями уголовных дел, возбужденных по ст. 145 УК (доведение до самоубийства) или ст. 146 УК (склонение к самоубийству). Обычно такие дела возбуждаются при оставлении писем, записок лицами, совершившими суицид. В диспозиции ст. 145 УК указывается на способ совершения этого преступления – «путем жестокого обращения с потерпевшим или систематическим унижением его личного достоинства», т. е. сам по себе способ совершения данного преступления в ряде случаев содержит признаки оскорбления, телесного повреждения или истязания, что образует самостоятельное основание применения административно-правовых мер воздействия либо уголовно-правовых мер. Так, в диспозиции ст. 9.3 КоАП указывается: «Оскорбление, то есть умышленное унижение чести и достоинства личности, выраженное в неприличной форме» влечет наказание, а в ст. 189 УК предусмотрена ответственность за оскорбление, совершенное в течение года после наложения мер административного взыскания за оскорбление или клевету [4, с. 42]. Иными словами, нередко своевременное принятие правовых мер воздействия за оскорбление или клевету способствовало бы предупреждению суицида. Изложенное в равной мере относится и к принятию административно-правовых мер воздействия за умышленное причинение легкого телесного повреждения, не повлекшего за собой кратковременного расстройства здоровья или незначительной стойкой утраты трудоспособности (ст. 9.1 КоАП), и к привлечению к уголовной ответственности за умышленное причинение легкого телесного повреждения (ст. 153 УК) или за истязание (ст. 154 УК).

При этом следует обратить внимание, что при проведении дознания или расследования преступлений, предусмотренных статьями 145 и 146 УК, возникают затруднения в установлении причинной связи совершенного суицида с действиями подозреваемых, когда потерпевший не оставляет записки или других доказательств по делу. Указанные затруднения связаны также с тем, что обычно причин суицида несколько, и связаны они с различными

лицами, действия каждого из которых способствовали суициду. В таких ситуациях большое значение имеет умение следователя установить главную непосредственную причину суицида в каждом конкретном случае.

Нередко при расследовании дел о суициде выясняется, что при жизни потерпевший подвергался истязанию, в отношении которого сроки давности привлечения к ответственности не истекли. В таком случае содеянное следует квалифицировать по совокупности преступлений (по статьям 145 и 154 УК), т. е. имеет место идеальная совокупность преступлений. Против такой квалификации возможны возражения, во-первых, в связи с тем, что понятие «жестокое обращение» может включать и «причинение продолжительной боли или мучений способами, вызывающими особые физические и психические страдания потерпевшего, либо систематическое нанесение побоев», а во-вторых, в связи с тем, что дела об истязании относятся к возбуждаемым по требованию потерпевшего, а он сам реализовать это право не может.

Аргументы в пользу квалификации по совокупности преступлений, предусмотренных статьями 145 и 154 УК, следующие: 1) по степени тяжести и категории эти преступления идентичны (максимальное наказание в виде лишения свободы по ч. 1 – 3 года, по ч. 2 – 5 лет); 2) квалификация по совокупности преступлений в подобных ситуациях устойчиво сложилась в судебной практике (например, вовлечение в кражу ребенка, не достигшего 14 лет, квалифицируется по совокупности преступлений – по статьям 205 и 172 УК); 3) в пользу предложенного порядка квалификации свидетельствует рекомендация постановления Пленума Верховного Суда о квалификации хулиганства, сопряженного с уничтожением имущества в крупном или особо крупном размере, по совокупности преступлений [5] – идеальная совокупность; 4) в связи со смертью потерпевшего – заявление о защите его прав и интересов могут передать родственники либо возбуждение уголовного дела может инициировать прокурор. Подобным образом следует поступать при совокупности преступлений, предусмотренных статьями 145 и 153 УК. Кроме этого, следует отметить, что своевременное установление фактов жестокого обращения, предусмотренных ст. 145 УК, причинения мучений потерпевшему и привлечение к ответственности виновного по статьям 153 или ст. 154 УК, способствовало бы в некоторых случаях предупреждению суицида.

В ст. 146 УК предусмотрена ответственность за склонение к самоубийству. В диспозиции этой статьи указано, что таковым является умышленное «возбуждение у другого лица решимости совершить самоубийство». Сопоставление приведенного содержания диспозиции ст. 146 УК и содержания ч. 5 ст. 16 УК (соучастие в преступлении), в которой указано: «Подстрекателем признается лицо, склонившее другое лицо к совершению преступления», позволяет сделать вывод, что в ст. 146 УК предусмотрена ответственность не только за подстрекательство к самоубийству, но и за одобрение мнения или возникшего умысла у другого лица совершить самоубийство, т. е. за склонение к самоубийству должен нести ответственность как подстрекатель к суициду, так и одобритель суицида.

Субъектом преступлений, предусмотренных статьями 145, 146 УК, может быть лицо, достигшее 16-летнего возраста. Однако в связи с тем, что в ч. 2 названных норм предусмотрен в качестве квалифицирующего признака несовершеннолетний возраст потерпевшего, т. е. лица, не достигшего 18-летнего возраста, то возникают ситуации, когда младший на два года подросток склонил старшего к самоубийству или младший подросток совершил доведение старшего до самоубийства. Поскольку ответа на данный вопрос ни в нормах, ни в примечаниях к рассматриваемым статьям в УК не содержится, поэтому представляется возможным применение указаний постановлений Пленума Верховного Суда Республики Беларусь по сходным делам. Так, например, в постановлении этого суда «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными веществами и их прекурсорами, сильнодействующими и ядовитыми веществами (статьи 327 – 334 УК)» с последующими изменениями и дополнениями записано: «Действия субъекта в возрасте от шестнадцати до восемнадцати лет по склонению другого несовершеннолетнего к употреблению наркотических средств или психотропных веществ при отсутствии в его действиях других квалифицирующих признаков, указанных в ч. 2 ст. 331 УК, квалифицируются по ч. 1 ст. 331 УК» [5].

Таким образом, объективное проведение дознания и расследования уголовных дел о доведении до самоубийства или склонении к самоубийству, правильная квалификация деяния и правовая оценка действий (бездействия) прикосновенных лиц, направление представлений по каждому делу, а по некоторым – в два или три адреса об устранении причин и условий, способствующих наступлению такого общественно опасного результата, позволит значительно сократить случаи суицида.

Список использованных источников

1. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2016. – 62 с.
2. Уголовный кодекс Республики Беларусь : 9 июля 1999 г. № 275-3 [Электронный ресурс] : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобрен Советом Республики 24 июня 1999 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г. № 295-3 : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобрен Советом Республики 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 08.01.2018 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

4. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 21 апр. 2003 г. № 194-3 : принят Палатой представителей 17 дек. 2002 г. : одобр. Советом Респ. 2 апр. 2003 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 04.01.2007 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

5. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными веществами и их прекурсорами, сильнодействующими и ядовитыми веществами (ст. 328 – 334 УК) [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верховного Суда Респ. Беларусь, 26 марта 2003 г., № 1 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

ОБЩЕЕ ТРЕБОВАНИЕ ДОБРОСОВЕСТНОСТИ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

Вабищевич Светлана Степановна,
профессор кафедры адвокатуры юридического факультета
Международного университета «МИТСО», г. Минск,
кандидат юридических наук, доцент

Субъективное гражданское право, как известно, имеет смысл только лишь в связи с возможностью своего осуществления, теория которого получила развитие преимущественно через категории принципов и пределов. Разумеется, осуществление гражданских прав должно подчиняться всем принципам, которые составляют основу правового регулирования общественных отношений, образующих предмет гражданского права в целом. В число начал (наряду с началом разумности), на которых основывается гражданское законодательство (ст. 2), действующий Гражданский кодекс Республики Беларусь (далее – ГК) включает добросовестность.

Связь с началом «доброй совести» уже давно обнаруживается в принадлежащих разным национальным и историческим правовым традициям нормам как основном способе разрешения коллизий интересов одного субъекта с интересами других субъектов, их коллективов и всего общества. Это обстоятельство, с одной стороны, свидетельствует об онтологической связи права с моралью и нравственностью, а с другой – о существовании некоего предела возможностей правового инструментария в выработке нормативных моделей взаимоотношений между людьми. Применительно к российскому гражданскому праву Т. В. Дерюгина отмечает, что «в современной интерпретации осуществления субъективных гражданских прав законодатель слишком углубился в ценностные категории, носящие нравственно-правовой характер: не использовать право во зло, действовать разумно и добросовестно и т. д.» [1, с. 5]. В то же время в результате законодательного закрепления таких категорий, на наш взгляд, добрая совесть не стала сколько-нибудь заметной и существенной принадлежностью отечественного гражданского права как в доктринальном, так и в прикладном значении, что во многом объясняется кратким временным пределом ее существования и особенностями легального оформления, на которых и следует остановиться.

Абзац 7 ч. 2 ст. 2 ГК официально закрепляет в качестве начала гражданского права принцип «добросовестности и разумности участников гражданских правоотношений», однако его легальное содержание образует общая презумпция добросовестности и разумности: «добросовестность и разумность участников гражданских правоотношений предполагается, поскольку не установлено иное». Прямое указание на презумпцию добросовестности еще раз повторяется в п. 4 ст. 9 ГК Республики Беларусь.

В то же время нормы п. 3 ст. 573 и ч. 2 ст. 633 ГК указывают на наличие принципов добросовестности и разумности, которые в силу буквального толкования названных норм являются самостоятельными.

Законодатель не ограничивается использованием категории добросовестности в качестве принципа и презумпции. Она находит свое применение также в качестве:

- специального требования к процессу осуществления гражданских прав;
- предела осуществления гражданских прав;
- особого требования, предъявляемого к поведению субъекта, которое выражается чаще всего в действии (осуществлении) (см., например, п. 3 ст. 49, 221, 283) или использовании (владении) (см., например, ст. 235, п. 3 ст. 1025 ГК) [2, с. 19–28].

Таким образом, понятие «добросовестность» и производные от него используются при построении разнородных правовых явлений. При этом мысль законодателя применительно к сущности и правовому значению добросовестного отношения участника гражданского оборота к совершению юридически значимых действий до конца не ясна. Эта неясность проявляется уже на стадии конструирования основных начал и презумпции.

Добросовестности, как отмечалось, с одной стороны, придается значение универсального, правда, неоднозначно сформулированного требования к организации гражданского оборота («определяющего и регламентирующего гражданские отношения» (ч. 1 ст. 2 ГК). С другой стороны, в соответствии с п. 4 ст. 9 ГК «в случаях, когда законодательство ставит защиту гражданских прав в зависимость от того, осуществлялись ли эти права добросовестно и разумно, добросовестность и разумность участников гражданских правоотношений предпола-

гается». При буквальном толковании этой нормы следует вывод, что ситуации зависимости защиты гражданских прав от добросовестности их осуществления должны быть прямо названы в законе. Однако такой вывод не согласуется с логикой всего гражданского законодательства, которое создается и применяется в расчете на добросовестных участников гражданского оборота с исключениями, сделанными в самом законодательстве. Например, в ситуации, когда подрядчик своевременно не предупредил заказчика о необходимости превышения указанной в договоре цены работы (ч. 2 п. 5 ст. 663 ГК), действие презумпции добросовестности изменяется на противоположную. При формулировке презумпции законодатель связывает с добросовестностью только лишь осуществление субъективных прав, не упоминая об их приобретении и прекращении, а также стадиях существования юридических обязанностей.

Следует отметить, что в зарубежных правовых порядках легально закрепленный принцип добросовестности представляет собой общее требование, предъявляемое к поведению участников оборота. Например, в соответствии с § 157 общей части Германского гражданского уложения «договоры следует толковать в соответствии с требованиями добросовестности, принимая во внимание обычаи делового оборота». В силу § 242 «должник обязан осуществлять исполнение добросовестно, как этого требуют обычаи делового оборота». Невзирая на устанавливаемое § 242 ограничение применения требования добросовестности (только к исполнению обязательства), доктрина и судебная практика распространили принцип добросовестности в качестве принципа договорного права на возникновение договорных отношений (ответственность при ведении переговоров), на случаи частичного или ненадлежащего исполнения обязательства по причине отсутствия специальных норм и на судебную защиту прав сторон договора [3, с. 30].

В соответствии с нормой ст. 2 Швейцарского Гражданского кодекса «каждый обязан осуществлять свои права и исполнять свои обязанности в соответствии с правилами добросовестности».

Аналогичным образом поступил российский законодатель (п. 3 ст. 1 Гражданского кодекса Российской Федерации), реализовавший положения Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации, в соответствии с которой принцип добросовестности закреплен в ГК Российской Федерации в качестве «общего начала гражданского права таким образом, чтобы его действие пронизывало все элементы правовой системы, чтобы он оказывал общее воздействие на развитие гражданского правоотношения» (п. 6 раздела).

Поскольку в отличие от современного российского и западноевропейских гражданских законов ГК Республики Беларусь не включает принцип добросовестности как всеобщую обязанность поведения, белорусские суды в качестве дополнительного (кроме ст. 2 ГК) нормативного обоснования сравнительно редкого применения принципа добросовестности при принятии решения об отказе в защите права используют положения ст. 9 ГК, не уточняя при этом, в чем именно выражается допускаемое одновременно недобросовестное поведение стороны и злоупотребление правом [4, с. 28–31].

Таким образом, позитивация материально-правового принципа и иных правовых конструкций со ссылкой на добросовестность требует полноценного теоретического и практического осмысления на основе сравнительно-правовой и исторической методологии.

Список использованных источников

1. Дерюгина, Т. В. Теоретические проблемы в сфере осуществления субъективных гражданских прав : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03 / Т. В. Дерюгина ; Волг. ин-т экон., соц. и права. – Волгоград, 2010. – 437 с.
2. Вабищевич, С. С. Значение понятий «добросовестность» и «недобросовестность» в сфере гражданско-правового регулирования / С. С. Вабищевич // Актуальные проблемы гражданского права : сб. науч. ст. ; редкол.: И. А. Маньковский (гл. ред.) и [и др.]. – Минск : Междунар. ун-т «МИТСО», 2016. – № 1 (7). – С. 19–28.
3. Looschelders, D. Schuldrecht Allgemeiner Teil / D. Looschelders. – München : Verlag Franz Vahlen, 2013. – 463 p.
4. Вабищевич, С. С. Злоупотребление правом и недобросовестное осуществление гражданских прав: соотношение понятий в гражданском праве и судебной практике / С. С. Вабищевич // Актуальные проблемы гражданского права : сб. науч. ст. ; редкол.: И. А. Маньковский (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Междунар. ун-т «МИТСО», 2017. – № 1 (9). – С. 26–43.

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ЗАРУБЕЖНОЙ ПРАКТИКИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ В ПУБЛИЧНОЙ СФЕРЕ

Василевич Григорий Алексеевич,
заведующий кафедрой конституционного права юридического факультета
Белорусского государственного университета, г. Минск,
доктор юридических наук, профессор

Законодательство и практика противодействия коррупции в зарубежных странах имеет как общие черты, так и отличается определенной дифференциацией. Общность подходов в значительной степени обуславливается влиянием международных документов, направленных на противодействие коррупции, в том числе борьбу с ней. В литературе даже в этой связи говорят об унификации правовых механизмов в данной сфере [1, с. 576]. Различия вызваны историческими, национальными и культурными особенностями развития страны, традициями национальной правовой системы.

Справедливо обращается внимание на то, что от страны к стране имеются различия в определении понятия «коррупция»: одни и те же деяния в одних государствах расцениваются как преступления, в других – как административные правонарушения, в третьих – как безнравственные действия [1, с. 576].

Термин «коррупция» стал активно внедряться в законодательство стран континентальной Европы благодаря Европейской конвенции от 26 мая 1997 г. «О борьбе против коррупции среди чиновников Европейского союза и функционеров стран – участниц Европейского союза». Данная Конвенция подписана на основе Маастрихтских соглашений. Важным положением Конвенции является принцип экстерриториальности привлечения к уголовной ответственности коррупционеров, т. е. для этого действует процессуальная возможность внутри Европейского союза.

Антикоррупционное зарубежное законодательство развивается динамично, так как приходится постоянно реагировать на изменяющиеся способы совершения коррупционных деяний: коррупционеры постоянно «совершенствуют» свои навыки в умении «обойти» закон. Коррупционные деяния эволюционируют, они могут охватывать все новые сферы общественной и государственной деятельности. Это требует постоянного законодательного обновления мер по противодействию коррупции. Вместе с тем, можно выделить основные векторы противодействия коррупции тем условиям, которые ее порождают. Среди них выделяют подотчетность, открытость и прозрачность деятельности парламентариев, государственных и муниципальных служащих, всех представителей публичной власти, в том числе судей, сотрудников правоохранительных органов; установление ясной процедуры взаимоотношений граждан и органов государства, должностных лиц; внедрение специальных структур для выявления и прекращения коррупционной деятельности; усиление контроля и ответственности за лицами, которые могут извлечь незаконную выгоду из своего должностного положения, включая арест и конфискацию коррупционных доходов, совершенствование налогового и финансового законодательства как важнейшего средства предупреждения коррупции [1, с. 580].

Значительные усилия в зарубежных странах сосредоточены на подборе государственных служащих на работу, особенно на коррупциогенные должности, усилении контроля за их деятельностью. С целью обеспечения прозрачности деятельности государственных служащих на них возлагается обязанность декларирования сведений об имуществе, производимых расходах. Есть общедоступный реестр доходов, получаемых членами Палаты общин. Аналогичные правила действуют и по отношению к чиновникам местной публичной власти. Реестры с информацией размещаются в интернете.

Наблюдается тенденция к отказу от привлечения так называемых независимых экспертов для оценки проектов закона: это диктуется интересами противодействия лоббизму. И наоборот, к экспертной деятельности привлекаются специализированные научные учреждения, создаваемые при государственных органах. Запрещены подарки государственным служащим. Проведена ревизия законодательства об иммунитетах государственных служащих. Гарантии распространяются только на профессиональную деятельность депутатов, судей, некоторых иных должностных лиц. Расширяются возможности журналистских расследований и освещения их результатов в средствах массовой информации.

Минимизация и ликвидация последствий коррупционных правонарушений также характерна для развития законодательства зарубежных стран. Это проявляется в усилении эффективности восстановительных мер.

В зарубежной практике существуют споры относительно того, какие деяния следует относить к коррупционным. В литературе отмечается стремление определить коррупцию как «использование публичной власти в частных целях; как злоупотребление властью, повлекшее обогащение должностного лица, этой властью обладающего; как пренебрежение принципом разделения частной и профессиональной жизни» [2, с. 233].

Некоторые авторы подвергают критике позицию Всемирного банка, который, касаясь коррупции в Польше, определил, что коррупция – это не что иное, как «использование публичного учреждения в личных целях», в силу отсутствия в таком определении каких-либо границ и что следование этому определению приведет к отнесению к коррупционным преступлениям всех корыстных преступлений [2, с. 233–234]. Однако с таким опасением не стоит соглашаться, так как в позиции Всемирного банка выражена суть данного явления. Кроме того, иные авторы в том же издании полагают, что «предусмотреть исчерпывающий перечень коррупционных деяний вряд ли возможно, поскольку разновидности коррупционной деятельности постоянно совершенствуются, меняются в зависимости от средств противодействия» [2, с. 35].

В одних странах nepoтизм рассматривается как злоупотребление властью, в других (как в Сингапуре) нет. В Российской Федерации коррупционный протекционизм, nepoтизм рассматриваются как злоупотребление властью [3].

Конвенция ОЭСР от 17 декабря 1997 г. «О борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных деловых операций» предусматривает преследование виновных в даче взяток иностранному должностному лицу независимо от того, подписала данную конвенцию соответствующая европейская страна или нет.

Если определять в общем масштабе меры по противодействию коррупции как факторы, которые работают на позитивный результат, можно выделить три направления: 1) кадры, то есть подбор должностных лиц – как тех, кто наделен властными решениями по распоряжению ресурсами государства, так и тех, кто призван вести работу по противодействию коррупции; заметим, что как бы ни было совершенно законодательство, тот, кто захочет его нарушить, найдет для этого путь; 2) законодательство (насколько в нем учитываются общие и специальные, антикоррупционные, требования к его качеству): чем хуже сформулированы нормы, тем легче их «обходить» (см. п. 1); 3) правоприменительная практика, ее адекватность и эффективность.

Справедливо замечание, что противодействие коррупции не может сводиться к улучшению правоприменительной практики, принятию антикоррупционного законодательства, то есть актов, направленных на борьбу с этим явлением, принятию превентивных мер. Важны также усилия по предотвращению коррупционности законодательства [2, с. 58].

Опыт свидетельствует, что за рубежом уделяется много внимания непосредственно лицам, принимаемым на государственные должности, их соответствию выполняемой работе по моральным качествам. Важнейшим фактором влияния на государственных служащих, обеспечения соблюдения ими законодательства является транспарентность их деятельности. Например, в Великобритании еще в 1974 году предусмотрено создание доступного для всеобщего ознакомления Реестра доходов, получаемых членами Палаты общин. Он свидетельствует о любых финансовых поступлениях и доходах. Аналогичные правила установлены и для чиновников органов местного самоуправления [1, с. 577]. Полезность такой меры вполне реальна. Однако в большей степени, на наш взгляд, проблема заключается в выявлении доходов теневого характера (то, что поступает публичным образом и подконтрольно общественности, вряд ли будет нелегальным). По крайней мере, такие должностные лица постараются их скрыть.

В поле зрения законодательных органов за рубежом находится проблема конфликта интересов лиц, осуществляющих властные функции в публичной сфере. Ориентиром здесь является независимость, объективность и беспристрастность указанных лиц. Поэтому лицам, занимающим публичные должности, запрещается состоять в советах директоров коммерческих организаций, владеть ценными бумагами, средствами в каких-либо проектах. В этих целях нормы о предотвращении конфликта интересов могут быть предусмотрены в законах о государственной службе, кодексах поведения должностных лиц либо могут приниматься соответствующие законы, как, например, в Латвии закон «О предотвращении конфликта интересов в деятельности государственных должностных лиц». В Конституции Сербии даже есть положение о недопустимости конфликта интересов.

Пересматривается отношение к иммунитетам выборных и некоторых иных должностных лиц. Иммунитеты еще сохраняются на такие категории лиц, как судьи, депутаты, некоторые иные лица, но в связи с их профессиональной деятельностью. В Конституции США указано, что члены Конгресса США не могут быть арестованы во время сессии или во время следования на сессию, если только они не совершат измену, тяжкое преступление и нарушение общественного порядка (раздел 6 ст. 1).

Сдерживающим фактором совершения коррупционных правонарушений является активная работа в данной сфере средств массовой информации, проведение журналистских расследований. Здесь наблюдается сужение пределов вторжения в частную жизнь.

Декларирование доходов и приобретенного имущества лицами, занимающими публичные должности, является важным направлением противодействия коррупции. Хотя и здесь законодательство существенно различается по кругу лиц, обязанных подавать декларации. Полагаем, что законодательная регламентация выполнения этой обязанности будет все более совершенствоваться по мере развития информационных технологий. Подчеркнем, что значительное внимание уделяется декларированию доходов и имущества при назначении на должность. Важным направлением является контроль за расходами как внутри страны, так и за ее пределами. При этом речь может идти как о расходах самого лица, осуществляющего публичные функции, так и иных лиц, действующих в интересах должностного лица.

Интересно содержание декларации в Китае, в которой предусмотрено сообщать в том числе о выезде за границу в частном порядке, о браках детей с иностранными лицами и лицами без гражданства, о характере их работы, а также о характере работы супруга. В литературе в этой связи подчеркивается, что в зарубежной практике, когда речь идет об имущественных и финансовых интересах, имеют в виду как основные виды доходов, так и основные виды расходов, включая все связанные с этим сделки. Под контролем находятся подарки, компенсации, страховые выплаты, финансовые выгоды и преимущества, которые получены или могут быть получены в связи с деятельностью должностного лица, государственного служащего [1, с. 585].

Существует внутренний и внешний контроль за декларированием доходов и расходов лиц, замещающих должности в публичном секторе.

В абсолютном большинстве современных государств проводится экспертиза проектов нормативных правовых актов на предмет выявления в них положений, содержащих потенциал для коррупционных деяний. Обычно такая экспертиза проводится в рамках юридической экспертизы. Специально такую стадию, как антикоррупционная экспертиза, в западных странах не выделяют. Она присуща странам постсоветского пространства, а также странам Азии и Африки. В постсоветских странах она проводится соответствующим подразделением (органом). Например, в Азербайджане и России экспертиза законопроектов на коррупциогенность проводится в аппарате Президента. В Армении экспертиза проводится Министерством юстиции. В Литве систематическую экспертную оценку нормативных правовых актов на коррупциогенность осуществляет Служба специальных расследований Литовской Республики.

Мощным фактором противодействия закреплению коррупционных норм в законах является обсуждение проектов в рамках парламентских дискуссий (в парламентской комиссии, на общем заседании палаты или парламента в целом). Полезно на этот аспект парламентской деятельности обратить внимание в регламентах палат Национального собрания Республики Беларусь, предусмотрев там соответствующие требования. Соответствующую экспертизу проводят также юридические службы парламентов.

Менее оптимистичным сейчас является отношение к лоббизму. В частности, более критическое отношение присутствует по отношению к так называемым независимым экспертам, так как они также обычно представляют чьи-то интересы. В литературе отмечается, что экспертизу законопроектов в Германии, Канаде, Нидерландах, Франции проводит Министерство юстиции этих стран собственными силами [1, с. 577].

Есть и другие механизмы, помимо антикоррупционной экспертизы, благодаря которым выявляется коррупция в законодательном процессе. У нас можно было бы и Конституционному Суду при осуществлении предварительного конституционного контроля также акцентировать на этом внимание.

Достижение успеха в противодействии коррупции в публичной сфере возможно при комплексном подходе, системном использовании мер.

Список использованных источников

1. Коррупция: природа, проявление, противодействие : монография / отв. ред. Т. Я. Хабриева. – М. : Юриспруденция, 2012. – 688 с.
2. Коррупциогенность законодательства: причины, факторы, преодоление : монография / Н. А. Абузарова [и др.] ; отв. ред. Е. И. Спектор, А. М. Цирин. – М. : Ин-тут законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Рос. Федерации ; Контракт, 2013. – 304 с.
3. Зорин, О. Л. Протекционизм как преференция в военно-служебных отношениях / О. Л. Зорин // Право в Вооруженных Силах. – 2012. – № 4. – С. 27–31.

К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ОБЛАСТИ ТРАНСПЛАНТАЦИИ ОРГАНОВ И ТКАНЕЙ ЧЕЛОВЕКА

Василевич Дмитрий Григорьевич,
кандидат юридических наук, доцент,
г. Минск

Среди основных субъектов отношений по поводу трансплантации органов и тканей человека наряду с медицинским учреждением и медицинским персоналом можно выделить донора (живого и умершего человека), его близких и реципиента. Каждый из этих субъектов обладает определенным статусом.

Живой донор. В ст. 7 закона «О трансплантации органов и тканей человека» определено, кто не может быть донором: лица, не являющиеся супругом (супругой) или близкими родственниками реципиента (за исключением случаев забора костного мозга, гемопоэтических стволовых клеток); несовершеннолетние лица (за исключением случаев забора костного мозга, гемопоэтических стволовых клеток); лица, признанные в установленном порядке недееспособными, а также лица, страдающие психическими расстройствами (заболеваниями); лица, у которых обнаружены заболевания, являющиеся опасными для жизни и здоровья реципиента; беременные женщины; дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей. В отличие от нашего законодательства, Руководящие принципы ВОЗ по трансплантации человеческих клеток, тканей и органов, утвержденные в мае 2010 г. на 63-й сессии Всемирной ассамблеи здравоохранения, несколько иначе рекомендуют решать данный вопрос: не допускается брать для пересадки клетки, ткани или органы у живого донора, не достигшего совершеннолетнего возраста, за редкими исключениями, разрешенными в рамках национального законодательства. Должны существовать специальные меры для защиты несовершеннолетних, и, где это возможно, следует получить согласие несовершеннолетнего до процедуры изъятия органа. Положения, применимые к несовершеннолетним, также применимы к любому недееспособному лицу. Истории известны случаи, когда донором выступал брат-близнец, спасавший таким образом жизнь своему брату.

К кругу близких родственников законом отнесены родители, усыновители (удочерители), дети, в том числе усыновленные (удочеренные), родные братья и сестры, дед, бабушка, внуки.

Наш законодатель считает, что ограничение круга живых доноров родственниками (близкими и в перспективе не очень близкими: имеется в виду расширение круга доноров) решает проблему предупреждения теневого рынка органов. Руководящим принципам ВОЗ по трансплантации человеческих клеток, тканей и органов, утвержденным в мае 2010 г. на 63-й сессии Всемирной ассамблеи здравоохранения, предусмотрено, что по общему правилу живые доноры должны находиться в генетической, правовой или эмоциональной связи со своими реципиентами.

Изъятие органов и (или) тканей у живого донора допустимо только в случае, если его здоровью по заключению консилиума врачей-специалистов не будет причинен значительный вред; у нас в законе – при наличии письменного предупреждения о возможном ухудшении его здоровья в связи с забором органов для трансплантации; в российском законе «О трансплантации органов и (или) тканей человека» – если донор предупрежден о возможных осложнениях для его здоровья в связи с предстоящим оперативным вмешательством по изъятию органов и (или) тканей (ст. 11).

Согласно Инструкции о порядке создания и ведения Единого регистра трансплантации, утвержденной постановлением Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 18.03.2013 № 19 (в ред. от 10.04.2015), включению в Единый регистр подлежат сведения о лицах, которые заявили о несогласии на забор органов для трансплантации после смерти, а также о лицах, которым проведена трансплантация органа (органов) и (или) тканей. Полагаем, что следует предусмотреть в этом Регистре сведения о лицах, у которых изъяли органы – как у живых доноров, так и у мерших лиц. Интересно, есть ли к нему доступ круглосуточный или в праздничные дни?

Согласно ст. 9 Закона живой донор после осуществления у него забора органов имеет право на получение компенсации расходов, связанных с необходимостью восстановления его здоровья в связи с забором органов. Советом Министров Республики Беларусь определяются порядок выдачи и размеры этой компенсации, а также получение пособия по временной нетрудоспособности в размере 100 %-го заработка на период нетрудоспособности, наступившей в связи с забором органов. Инвалидность живого донора, наступившая в связи с забором органов, приравнивается к инвалидности, связанной с несчастным случаем на производстве или профессиональным заболеванием. Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 16.07.2007 № 904 (в ред. от 23.12.2008) «О компенсации расходов, связанных с необходимостью восстановления здоровья живого донора в связи с забором органов и (или) тканей» установлено, что живым донорам предоставляется за счет средств республиканского и местных бюджетов компенсация расходов, связанных с необходимостью восстановления здоровья в связи с забором у них органов и (или) тканей, в следующих размерах: за забор почки, части печени, фрагмента кишечника и части поджелудочной железы – по 50 базовых величин; за забор костного мозга – 30 базовых величин; за забор гемопоэтических стволовых клеток и участков кожи – по 20 базовых величин.

Принцип равенства означает всеобщий доступ к трансплантации всех людей, законно проживающих на территории Беларуси. Гарантией принципа равенства является также бесплатность пересадки органов. Это означает, что пациент получает необходимый орган, ткань или клетки вне зависимости от его социального или экономического положения.

Было бы правильно в законе предусмотреть право для иностранных граждан на пересадку органов с учетом факта постоянного проживания в Республике Беларусь. Одно дело, если они постоянно проживают. Видимо, на этом этапе развития практики трансплантации в нашей республике «трансплантационный туризм» имеет позитивное значение и с коммерческой точки зрения, и с престижной стороны. Но к примеру, в Испании, которая отличается успехами в данной области, по рекомендации Всемирной организации здравоохранения и Совета Европы был запрещен такой туризм, так как это может привести к ущемлению прав граждан, постоянно проживающих в Испании, и значительно увеличить сроки ожидания дня спасительной операции. Несмотря на то, что Испания является мировым лидером по количеству трансплантаций, около 10 % нуждающихся в пересадке органов пациентов умирают, не дождавшись операции.

Умерший донор. Согласие на получение органов и тканей от умерших может быть «четко выраженным» или «предполагаемым». Закон «О трансплантации органов и тканей человека» был дополнен статьей 10¹ закона от 13 июля 2012 г., предусмотревшей право граждан на выражение несогласия на забор органов для трансплантации после смерти. Закон опубликован на Национальном правовом Интернет-портале Республики Беларусь (19.07.2012, 2/1959). Но у всех ли есть доступ к Интернету или к базе нормативных правовых актов? Желательно такого рода нормы публиковать также в газетах, определенных в качестве официальных изданий для опубликования законов.

Необходимо получить информированное, добровольное и осознанное согласие донора и реципиента, а в случаях, когда это невозможно, то членов их семей или законных представителей.

Полезно было бы утвердить Правила прижизненного добровольного пожертвования тканей (части ткани) и (или) органов (части органов) после смерти в целях трансплантации.

Согласно ст. 27 Закона Республики Беларусь от 12.11.2001 № 55-3 (в ред. от 08.01.2015) «О погребении и похоронном деле» волеизъявлением умершего является, в частности, сделанное им при жизни распоряжение о добровольном согласии на передачу после смерти его тела, органов, тканей в организацию здравоохранения. То есть здесь предусмотрена презумпция несогласия на изъятие органа, в то время как согласно закону «О трансплантации органов и тканей человека» действует презумпция согласия на изъятие органов.

Мировые конфессии, в принципе допуская донорство, вместе с тем обуславливают данное вмешательство соблюдением определенных условий и процедур. Есть особенности исламского подхода (пересадка органов возможно только от живых доноров, исповедующих ислам и давших на то свое согласие).

Трансплантация осуществляется только с письменного согласия реципиента. При этом реципиент должен быть письменно предупрежден о возможном ухудшении его здоровья в результате предстоящего медицинского вмешательства. Если реципиентом является несовершеннолетнее лицо, которое не приобрело дееспособности в полном объеме, либо лицо, признанное в установленном порядке недееспособным, то трансплантация осуществляется с письменного согласия его законного представителя.

Трансплантация реципиенту, не способному по состоянию здоровья к принятию осознанного решения, осуществляется с письменного согласия супруга (супруги) или одного из близких родственников. В исключительных случаях, когда промедление в проведении трансплантации угрожает жизни реципиента, а указанные выше лица отсутствуют или установить их местонахождение невозможно, решение о проведении трансплантации принимается врачебным консилиумом, а при невозможности собрать его – врачом-специалистом, осуществляющим трансплантацию, с оформлением записи в медицинских документах и последующим уведомлением об этом должностных лиц государственной организации здравоохранения в течение суток.

Сведения о доноре, реципиенте и проведенных операциях – трансплантации органов, изъятии, заготовке и консервации донорских органов – разглашению не подлежат. Сведения о предоставлении такого согласия считаются конфиденциальной информацией. Однако, полагаем, что для большего побуждения лиц становиться донорами органов (ведь спрос на такого рода операции выше, чем «предложение») как раз с согласия доноров и реципиентов можно было бы рассказывать об успехах и значении трансплантации.

Нехватка имеющихся для пересадки органов не только способствовала разработке во многих странах процедур и систем для увеличения предложения, но также стимулировала рост незаконной торговли человеческими органами, особенно от живых доноров, не имеющих родственных связей с реципиентами. Эта проблема также должна быть в поле зрения органов государственной власти.

Как уже отмечалось, помимо учета доноров и реципиентов, а также изъятых органов и тканей человека, желательно обеспечить доступ реципиентов к информации о наличии донорских органов и других анатомических материалов человека.

АКСИОМЫ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ПРАВЕ

Ветрила Елена Валерьевна,
доцент кафедры уголовного права
Международного инновационного университета, г. Сочи,
кандидат юридических наук

История развития уголовно-процессуального законодательства России свидетельствует о том, что уже начиная с первых источников правовое регулирование уголовного судопроизводства постоянно меняется. Еще более активно вносятся предложения по изменению законодательства в теории уголовно-процессуального права. Однако зачастую эти предложения, имеющие целью совершенствование судопроизводства, прямо противоположны друг другу, хотя и подкреплены массивом аргументов. Большинство вносимых предложений не реализуется в законодательстве и выступает в качестве теоретической базы для последующих исследований. Такая ситуация складывается по многим вопросам, но наиболее острым из них в настоящее время остается проблема стадии возбуждения уголовного дела.

Одна группа ученых приводит достаточно убедительные аргументы в пользу того, что от этой стадии следует отказаться вовсе [1–4], другая – что данная стадия является обязательной, и ее исключение из системы стадий уголовного процесса России невозможно [5–8]. Обе позиции подкрепляются весомыми аргументами, сопоставление которых, однако, не позволяет прийти к однозначному выводу. Законодатель периодически вносит изменения в УПК Российской Федерации относительно объема и порядка деятельности в данной стадии, расширяя компетенцию следователя, наделяя участников стадии конкретными правами, отчасти «размывая» ее сущность как самостоятельного этапа уголовного судопроизводства.

Решение таких двояких ситуаций в сфере естественных наук зачастую происходит путем проведения эксперимента, результаты которого подтверждают или опровергают выдвинутые гипотезы. Что же касается юридической науки, то здесь любые эксперименты влекут за собой как финансовые, так и существенные политические последствия. В связи с этим в теории уголовно-процессуального права следует оперировать лишь законами логики, а также определенными критериями. При этом для разрешения таких спорных вопросов требуется единый критерий, оглядываясь на который возможно вносить любые перемены в правовом регулировании. Такие критерии должны быть неоспоримы и оставаться таковыми достаточно продолжительное время, то есть выступать своеобразными аксиомами. Но на данном этапе возникает вопрос, существуют ли такие аксиомы в теории уголовно-процессуального права? Изменяются ли они со временем или под влиянием политической обстановки?

Представляется, что такие аксиомы существуют. Уголовно-процессуальное право, как никакая другая из отраслей, должно проистекать из необходимости обеспечить реализацию и неприкосновенность неотъемлемых прав человека, закрепленных и подтвержденных в Основном законе – Конституции. Именно права человека в том виде и в том толковании, в каком они зафиксированы в Конституции Российской Федерации, должны быть положены в основу всех аргументаций при внесении изменений в уголовно-процессуальное законодательство. Вся сущность уголовного судопроизводства, его назначение свидетельствуют именно о том, что во главу угла поставлены не политические интересы общества (например, достижение социалистической законности), не финансовые результаты (экономия бюджетных средств, пополнение бюджета и т. д.), а именно охрана прав и законных интересов всех граждан, которые вовлекаются в сферу уголовного судопроизводства.

Принимая во внимание наличие данного критерия как существующей аксиомы, представляется возможным детальный анализ назначения стадии возбуждения уголовного дела в уголовном процессе России.

Так, уголовное судопроизводство России состоит из нескольких стадий, в каждой из которых вплоть до вынесения приговора проводится доказывание, установление виновности. При этом каждая последующая стадия является проверочной по отношению к предыдущей, ко всем действиям и решениям, принимаемым на предыдущем этапе. Но и в дальнейшем, уже после вынесения приговора, проверка доказанности, законности и обоснованности принятых решений не прекращается, а переходит в разные судебные инстанции. Именно такая многоступенчатая система стадий в современной литературе вызывает немало критики из-за своей излишней громоздкости. В то же время, думается, что именно такая конструкция взаимосвязанных этапов уголовного судопроизводства имеет своим предназначением реализацию такого права человека, как право на справедливый суд, предусмотренное ст. 47 Конституции Российской Федерации. На каждом из этапов судопроизводства существует возможность прекратить производство и освободить лицо от уголовной ответственности и наказания.

Начальным этапом в такой структуре, безусловно, должна оставаться стадия возбуждения уголовного дела. Представляя собой своеобразный фильтр, именно данный этап уголовного судопроизводства не дает далее развиваться уголовно-процессуальным правоотношениям, если нет признаков состава преступления. Также следует учитывать, что вся деятельность в стадии возбуждения уголовного дела подчинена одному решению, которое представляет собой юридический факт, порождающий новые уголовно-процессуальные правоотношения в стадии предварительного расследования. Если предположить, что такое решение должно быть принято без предварительной деятельности, то это может привести уже на начальном этапе к нарушению права на справедливый суд, поскольку такое решение будет принято без достаточных на то оснований [9].

С другой стороны, приверженцы позиции о превалировании права на доступ к правосудию пострадавших не берут во внимание, что данное право возникает в случае действительного причинения вреда какому-либо лицу. А установить факт причинения такого вреда возможно как раз путем проведения определенных действий, которые сегодня охватываются стадией возбуждения уголовного дела. Поэтому стадия возбуждения уголовного дела выступает также гарантией реализации и права на доступ к правосудию, и права на справедливый суд.

В то же время несколько спорными относительно обеспечения иных прав человека выступают некоторые изменения, касающиеся порядка возбуждения отдельных категорий уголовных дел.

Так, в соответствии со ст. 20 УПК Российской Федерации, уголовное преследование может осуществляться в форме публичного, частного или частно-публичного обвинения. Дела частного обвинения, производство по которым в полной мере зависит от воли потерпевшего, являются таковыми, поскольку сами преступления затрагивают сугубо частные интересы лица. Одни составы (ст. 115 УК РФ, ст. 116.1 УК РФ) – это преступления, зачастую совершаемые членами одной семьи, и только в воле пострадавшего будет определение способа разрешения конфликта. Другое преступление (ст. 128.1 УК РФ) предусматривает, что именно конкретный пострадавший может с полной уверенностью воспринять определенную информацию как клевету, и поэтому возбудить уголовное дело вне его волеизъявления невозможно. Основной целью частного обвинения выступает охрана прав человека не менее ценных, чем право, на которое посягает преступление. С одной стороны, государство охраняет права лиц, пострадавших от преступлений, но с другой – оберегает право на тайну личной жизни, данные о которой могут быть раскрыты в ходе производства по делу. Поэтому частный порядок производства по делам о таких преступлениях оправдан.

Такая же ситуация долгое время сохранялась и относительно возбуждения уголовных дел по делам частно-публичного обвинения. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР предусматривал лишь два состава для дел частно-публичного обвинения. К ним относились ч. 1 ст. 117 (изнасилование) и ст. 141 (нарушение авторских и изобретательских прав) Уголовного кодекса РСФСР. Частно-публичный порядок для данной категории дел был предусмотрен, так же как и по делам частного обвинения, во-первых, с целью оградить пострадавшую от разглашения данных о ее личной жизни, а во-вторых, обеспечить охрану авторского права при осознании автором того, что в отношении него совершено преступление. Охраняя в первую очередь право на тайну личной жизни, после возбуждения уголовного дела для охраны прав потерпевшего от преступления подключается весь правоохранительный механизм государства.

С принятием УПК Российской Федерации в 2001 году данная категория дел постепенно расширялась. На сегодняшний день в круг составов, предусмотренных ч. 2 ст. 20 УПК Российской Федерации относятся ч. 1 ст. 131 (изнасилование), ч. 1 ст. 132 (насильственные действия сексуального характера),

ч. 1 ст. 137 (нарушение неприкосновенности частной жизни), ч. 1 ст. 138 (нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений), ч. 1 ст. 139 (нарушение неприкосновенности жилища), ст. 145 (необоснованный отказ в приеме на работу или необоснованное увольнение беременной женщины или женщины, имеющей детей в возрасте до трех лет), ч. 1 ст. 146 (нарушение авторских и смежных прав), ч. 1 ст. 147 (нарушение изобретательских и патентных прав).

И если отнесение вышеуказанных преступлений к категории частно-публичного обвинения не вызывает особых вопросов, то спорным видится включение в данную группу ст. 159 (мошенничество), 159.1 (мошенничество в сфере кредитования), 159.2 (мошенничество при получении выплат), 159.3 (мошенничество с использованием платежных карт), 159.4 (мошенничество в сфере предпринимательской деятельности), 159.5 (мошенничество в сфере страхования), 159.6 (мошенничество в сфере компьютерной информации), 160 (присвоение или растрата), 165 (причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием) УК Российской Федерации, если они совершены индивидуальным предпринимателем в связи с осуществлением им предпринимательской деятельности и (или) управлением, принадлежащим ему имуществом, используемым в целях предпринимательской деятельности, либо если эти преступления совершены членом органа управления коммерческой организации в связи с осуществлением им полномочий по управлению организацией, либо в связи с осуществлением коммерческой организацией предпринимательской или иной экономической деятельности. В то же время в УПК Российской Федерации делается оговорка о том, что частно-публичный порядок предусмотрен для данных преступлений в том случае, если они не причинили вред государству.

Возникает вопрос, какие права ограждаются частно-публичным порядком при возбуждении уголовного дела о мошенничестве, совершенном частным предпринимателем? Какое право в данных случаях может быть превыше права собственности? Почему начало производства по мошенничеству, совершенному индивидуальным предпринимателем, должно зависеть от воли потерпевшего?

Конечно, многие изменения в последнее время вносятся с целью предотвратить злоупотребления со стороны следователей, чтобы избежать необоснованного возбуждения уголовных дел. Но с другой стороны, данные положения не в полной мере соответствуют назначению уголовного судопроизводства. Нельзя сказать, что в отнесении определенных видов мошенничества, совершенного отдельной категорией субъектов, к делам частно-публичного обвинения реализуется положение о защите прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, или о защите личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. Более того, если в ходе расследования одного эпизода мошенничества следователем будут выявлены признаки других эпизодов преступной деятельности, то без заявления пострадавшего лица следователь обязан будет вынести постановление об отказе в возбуждении уголовного дела. При этом и общий ущерб от преступной деятельности, степень общественной опасности будут установлены не в полной мере [10; 11]. Таким образом, охрана права собственности, для обеспечения которой и была предусмотрена уголовная ответственность, не будет реализована в полной мере, а, следовательно, такие изменения не соответствуют критерию соблюдения и реализации прав человека. В связи с этим данный вопрос еще требует своего тщательного изучения, а все вносимые поправки в УПК Российской Федерации должны быть проверены на соответствие требованиям обеспечения прав человека, отсутствие противоречий им, а также механизм их реализации.

Список использованных источников

1. Вицин, С. Е. Институт возбуждения уголовного дела в уголовном судопроизводстве / С. Е. Вицин // Российская юстиция. – 2003. – № 6. – С. 56.
2. Гаврилов, Б. Я. Стадия возбуждения уголовного дела: нужна ли она современному российскому уголовному судопроизводству? / Б. Я. Гаврилов // Публичное и частное право. – 2015. – № IV. – С. 141–157.
3. Гирько, С. И. Актуальные проблемы производства дознания / С. И. Гирько // Юридический консультант. – 2006. – № 6. – С. 14–17.
4. Деришев, Ю. В. Стадия возбуждения уголовного дела – реликт «социалистической» законности / Ю. В. Деришев // Российская юстиция. – 2003. – № 8. – С. 34–36.
5. Балакшин, В. С. Возбуждение уголовного дела прокурором / В. С. Балакшин // Законность. – 2008. – № 8. – С. 22–23.
6. Быков, В. М. Проблемы стадии возбуждения уголовного дела / В. М. Быков // Журн. Российского права. – 2006. – № 7. – С. 54.
7. Валов, С. В. Стадия возбуждения уголовного дела: pro et contra / С. В. Валов // Уголовный процесс: от прошлого к будущему : материалы Междунар. науч.-практич. конф., Москва, 21 марта 2014 г. : в 2 ч. – М. : Акад. Следственного комитета Рос. Федерации, 2014. – Ч. 1. – С. 82–86.
8. Диденко, Н. С. Процессуальные особенности возбуждения уголовных дел по делам частного обвинения / Н. С. Диденко // Уголовно-правовая, уголовно-процессуальная политика и современные проблемы борьбы с преступностью : материалы Всерос. науч.-теоретич. конф. – 2016. – С. 76–83.
9. Ветрила, Е. В. К вопросу об основаниях возбуждения уголовного дела в уголовном процессе России / Е. В. Ветрила // Государство и право в XXI веке. – 2013. – № 2. – С. 11–14.

10. Сплавская, Н. В. Очередная реформа МВД Рос. Федерации: достижения и проблемы в разрезе эффективности работы субъектов предупреждения преступности / Н. В. Сплавская // Вестн. СевКавГТИ. – 2016. – № 3 (26). – С. 75–78.

11. Сплавская, Н. В. Сущность уголовно-правового компромисса и его возможности / Н. В. Сплавская // Государство и право в XXI веке. – 2016. – № 2. – С. 48–53.

КОНТИНУАЛЬНОЕ ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВООТНОШЕНИЕ: СТРУКТУРА И СОДЕРЖАНИЕ

Витушко Владимир Александрович,
профессор кафедры адвокатуры юридического факультета
Международного университета «МИТСО», г. Минск,
доктор юридических наук, профессор

Содержанием гражданского правоотношения по обыкновению считаются взаимные права и обязанности субъектов данного правоотношения. В порядке исключения гражданское законодательство содержит понятие договора в пользу третьего лица, по которому третье лицо приобретает некоторые права и обязанности из договора, в котором оно не участвует (ст. 400 ГК Беларуси). Примером такого договора в пользу третьего лица является договор перевозки, по которому грузоотправитель адресует груз грузополучателю, третьему лицу.

Классическим представлением о структуре гражданского правоотношения является определение структуры как внутренней формы взаимосвязанных элементов какого-либо явления природы и общества [1, с. 636, 656]. Соответственно, такая внутренняя форма гражданского правоотношения состоит из субъектов, объектов и содержания, которое включает совокупность взаимных прав и обязанностей.

Договоры и иные правоотношения в современном правоведении рассматриваются как индивидуально обособленные и конфиденциальные правоотношения. Данные представления проистекают, в частности, из того, что классическое экономическое определение обмена товарами, работами и услугами включает только связь конкретного производителя (продавца) и покупателя (потребителя). Эта связь в экономической теории и правоведении получила название горизонтальной. Причем в таких представлениях, производителю (продавцу) и покупателю предоставляется полная свобода и независимость от третьих лиц и общества в целом [2, с. 106].

Но проведенные исследования начиная с договоров подряда на капитальный ремонт зданий позволили установить, что все гражданские правоотношения в той или иной мере закрепляют обязанности их субъектов на совершение активных действий по реализации прав и законных интересов третьих лиц. При этом третьи лица вправе своей волей определять и предъявлять соответствующие требования к субъектам договорных правоотношений еще до заключения ими договоров, в которых третьи лица не участвуют. Воздействие на права и законные интересы третьих лиц проистекает как из относительных, так и из абсолютных правоотношений.

Анализ договоров подряда на капитальный ремонт многоквартирных жилых домов, по которым заказчиками и подрядчиками являются юридические лица, показал следующее: заказчиками в таких договорах выступают государственные и частные жилищно-эксплуатационные организации, управляющие организации, жилищные кооперативы, товарищества, иные организации. Подрядчиками при подрядном способе выполнения работ являются строительные и ремонтно-строительные организации государственной или частной формы собственности. Заключая и исполняя договоры подряда на капитальный ремонт многоквартирных жилых домов, его стороны должны принимать заявки жителей на выполнение конкретных работ в их квартирах, а также учитывать градостроительные, экологические, противопожарные, санитарные и иные требования, затрагивающие права и законные интересы третьих лиц, граждан нанимателей и собственников жилых помещений в ремонтируемых домах. Права третьих лиц, жильцов, в таких случаях вытекают из их гражданских правоотношений с заказчиками по найму, обслуживанию жилых помещений и др.

При капитальном ремонте производственных зданий организаций заказчиков данные заказчики и подрядчики должны учитывать права и законные интересы работников, которые будут работать в отремонтированных зданиях. В ремонтируемых производственных зданиях, в частности, должны быть выполнены работы по улучшению условий труда, обеспечению надлежащего уровня охраны труда и техники безопасности. Таким образом, были сделаны выводы, что у хозяйственных договоров подряда на капитальный ремонт жилых и производственных зданий есть такой признак как их соответствие правам и законным интересам граждан потребителей, а также иных субъектов гражданских прав. Соответствующие обязанности заказчиков вытекают из их правоотношений по трудовым договорам найма работников, к которым субсидиарно применяются нормы гражданского права (ст. 1 ГК Беларуси). Содержание договоров подряда на капитальный ремонт производственных зданий должно включать не только права и обязанности, отражающие интересы его сторон, но и права и обязанности сторон, направленные на удовлетворение прав и законных интересов третьих лиц [3, с. 11, 12, 17].

В то же время приведенные здесь примеры договоров подряда на капитальный ремонт зданий отличаются от договоров в пользу третьего лица, предусмотренных ст. 400 ГК Беларуси. Права и обязанности третьего лица по договорам в пользу третьего лица возникают непосредственно из договоров в пользу третьего лица. При этом договоры в пользу третьего лица заключаются либо при наличии соответствующих

гражданских правоотношений между третьим лицом и одной из сторон договора в пользу третьего лица, либо в силу полномочий одной из сторон договора в пользу третьего лица. Так, основанием заключения договора перевозки в пользу третьего лица может быть договор поставки между грузоотправителем и третьим лицом. Здесь связь поставщика и третьего лица носит обязательственный, относительный характер, что указывает на индивидуальную обособленность договора поставки и договора перевозки, связывая их лишь временно. А связь третьего лица с перевозчиком носит еще и случайный характер, особенно тогда, когда у грузоотправителя есть выбор перевозчиков.

В рассмотренных договорах подряда на капитальный ремонт зданий права третьих лиц в отношении субъектов договоров подряда, в частности заказчиков, основаны, во-первых, на бессрочных договорах найма и (или) обслуживания жилых домов. Во-вторых, основанием прав третьих лиц в отношении субъектов договоров подряда на капитальный ремонт зданий является гражданское законодательство о капитальном ремонте зданий. Будучи predetermined законодательством и имея бессрочный характер, соответствующие обязанности организаций заказчиков по договорам подряда на капитальный ремонт зданий носят абсолютный, а не относительный характер. Абсолютный характер таких обязанностей predetermined еще и тем, что конкретный перечень действий, которые заказчики обязаны совершать при капитальном ремонте зданий, заранее предусмотреть в договорах найма, обслуживания жилых помещений и иных нельзя. А с учетом динамики свободных обменов жилых помещений гражданами, изменений штатного состава работников на предприятиях, иных изменений субъектного состава нанимателей и собственников жилых помещений, а также состава трудовых коллективов заказчики являются обязанными перед неопределенным кругом лиц.

Да и в отношении подрядчиков обязанности становятся абсолютными, когда подрядчик берет на себя заключить соответствующий подрядный договор и обременить себя такими обязанностями. Заключив договор с заказчиком, подрядчик поступает в юридическую зависимость от нанимателей и собственников многоквартирных жилых домов, работников предприятий и др. Данным абсолютным характером обязанностей сторон договора подряда на капитальный ремонт зданий в отношении третьих лиц и отличаются договоры подряда на капитальный ремонт зданий от договоров в пользу третьих лиц.

Таким образом, ни о какой независимости и свободе действий заказчиков и подрядчиков по договорам подряда на капитальный ремонт зданий говорить не приходится. Они тотальным образом зависимы от прав и законных интересов третьих лиц, пока существуют их договорные обязательства. А заказчики абсолютно зависимы от третьих лиц и до заключения подрядных договоров.

При этом договор в пользу третьего лица также нельзя рассматривать как традиционный пример обособленного товарообменного договора, стороны которого не зависят от третьих лиц и общества. Структура договора в пользу третьего лица включает не только традиционно понимаемых субъектов, объект и содержание. Структура данного договора, понимаемая как внутренняя форма договора, включает, связывая три гражданских правоотношения. Одно – это правоотношение между грузоотправителем и грузополучателем, другое – это правоотношение между грузоотправителем и перевозчиком, а третье – между перевозчиком и грузополучателем. Так, грузополучатель может предъявлять претензии и иски по спорам о ненадлежащем качестве поставленного товара как к перевозчику, так и к поставщику, в зависимости от характера, причин повреждений товара и иных обстоятельств исполнения поставки и перевозки. Перевозчик может потребовать от грузополучателя произвести доплату, если изменились тарифы либо нарушены условия приемки груза.

Договор в пользу третьего лица после его заключения абсолютно связывает стороны с правами и законными интересами третьего лица, намеренного воспользоваться предоставляемыми ему правами. Соответственно, и в этом договоре стороны утрачивают свою абсолютную свободу и независимость от третьих лиц, и общества, пока существует данный договор. А содержание договора в пользу третьего лица утрачивает качества индивидуальной обособленности, выражаемой только в наличии взаимных прав и обязанностей его сторон.

В процессе исследования вопросов взаимосвязи горизонтальных гражданских правоотношений с другими гражданскими правоотношениями было выявлено, что все горизонтальные гражданские правоотношения связаны с какими-либо иными гражданскими правоотношениями [4, с. 19–23; 5, с. 66–67].

Примеры связи нескольких гражданских правоотношений неисчислимы. Все субъекты горизонтальных гражданских правоотношений всегда одновременно связаны по обязательствам с иными своими кредиторами и должниками, имеющими интерес к содержанию горизонтальных гражданских правоотношений. Такая сложная система взаимосвязанных гражданских правоотношений заложена в конструкции производных вещных прав. Вступая в договорные и иные гражданские правоотношения, субъекты производных вещных прав всегда связаны с правами и законными интересами собственника.

В праве общей собственности также присутствует сложная система связанных гражданских правоотношений. Здесь есть внутренние относительные правоотношения между собственниками и неразрывно связанные с ними внешние абсолютные правоотношения собственников с неопределенным кругом третьих лиц. Причем современное гражданское законодательство и право уже не ограничивается указанием на то, что во внешних правоотношениях собственности собственники наделены только правами требовать от неопределенного круга третьих лиц не ущемлять право собственности. Ныне собственники имущества, особенно способного причинить вред, обременены обязанностями совершения активных действий по надлежащему содержанию своего имущества. Так, собственники зданий и сооружений подвергаются контролю на предмет соответствия принадлежащего им имущества требованиям технических нормативных правовых актов, включая экологические, противо-

пожарные, санитарные и иные нормативы. Такими нормативами являются государственные стандарты, технические условия и др. Предназначением данных нормативных правовых актов является понуждение собственников к совершению активных действий, направленных на учет прав и законных интересов неопределенного числа третьих лиц. Особые требования соответствия предъявляются к источникам повышенной опасности. Нарушение таких требований влечет ответственность собственников.

Конструкция юридического лица также включает внутренние корпоративные относительные правоотношения и внешние правоотношения юридического лица с неопределенным кругом третьих лиц. Так, коммерческие организации, вступая между собой в гражданские правоотношения, имеют частноправовые связи со своими учредителями, наемными работниками, кредиторами по смежным договорам. В свою очередь, у учредителей (участников), собственников, кредиторов и наемных работников физических лиц есть гражданско-правовые связи с иными собственными кредиторами, должниками, а также членами своих семей. Особо охраняются гражданским законодательством интересы третьих лиц кредиторов при реорганизации и ликвидации юридических лиц (ст. 56 ГК Беларуси).

Заключая и исполняя хозяйственные договоры, его субъекты одновременно являются участниками и иных гражданских правоотношений. Иные гражданские правоотношения могут быть основаны на законе, договоре или внедоговорном обязательстве. Хозяйственный договор как базовое горизонтальное правоотношение связано с рядом смежных гражданских правоотношений. Их всегда бывает как минимум два, поскольку у каждого субъекта хозяйственной деятельности всегда есть контрагенты по другим гражданским договорным и внедоговорным обязательствам, а также контрагенты в абсолютных вещных правоотношениях, правоотношениях интеллектуальной и (или) промышленной собственности.

Непрерывная связь гражданских правоотношений проявляется и в неразрывной связи обязательственных и вещных правоотношений, например в договорах ренты, лизинга и др. [6, с. 277]. Так, переход права собственности на недвижимое имущество к плательщику ренты по договору пожизненного содержания с иждивением не является абсолютным. При существенном нарушении обязательств плательщиком ренты получатель ренты вправе расторгнуть договор и вернуть себе право собственности на недвижимое имущество (п. 2 ст. 576 ГК Беларуси). Неразрывная связь всех правовых институтов, их многофункциональное предназначение указывает на универсальную природу гражданско-правовых подотраслей, институтов и иных частей системы. Это отражается в рамках процесса унификации правового регулирования различных гражданско-правовых институтов и иных элементов системы гражданского права.

Специальные положения гражданского права вытекают из его общих положений. Императив учета прав и законных интересов третьих лиц (общества) формально закреплен в принципах гражданского законодательства (ст. 2 ГК Беларуси). В частности, в ст. 2 ГК Беларуси указывается, что осуществление гражданских прав не должно противоречить общественной пользе и безопасности, наносить вред окружающей среде, историко-культурным ценностям, ущемлять права и законные интересы других лиц. Развивают эти принципы нормы о пределах осуществления гражданских прав (ст. 9 ГК Беларуси).

Единство вертикальных и горизонтальных гражданских правоотношений закреплено и в методах гражданского права. Известно, что гражданско-правовой метод включает как императивные, так и диспозитивные нормы, общедозволительные и разрешительные подходы, а также такие способы регулирования, как дозволения, запреты и предписания. И все они едины и неразрывны.

Таким образом, у всякого кредитора, должника и иного бенефициара всегда есть иные кредиторы, должники и иные лица, с которыми есть гражданско-правовые связи. Эти связи в гражданском праве могут быть выражены в виде по меньшей мере двух правоотношений. Одно из них традиционно называется горизонтальным, и дополнительно мы его называем базовым. Другое, связанное с первым и отражающее права и законные интересы третьего лица гражданское правоотношение, мы называем смежным.

Всякое горизонтальное гражданское правоотношение, будучи всегда связанным с некоторым числом смежных гражданских правоотношений, есть сложно структурированная система. В отличие от представлений об индивидуально обособленном горизонтальном правоотношении, такого рода система связанных гражданских правоотношений включает и обязательства в отношении третьих лиц, общества. Это значит, что все гражданские правоотношения включают в свою структуру несколько гражданских правоотношений.

Сложная структура гражданско-правовых отношений обусловлена следующим: во-первых, в составе всякого гражданского правоотношения присутствует традиционная связь между субъектами данного правоотношения, их правами и обязанностями. Во-вторых, во всяком гражданском правоотношении присутствуют связи между каждым из этих субъектов и целым, системой, которая выражается в форме данного горизонтального правоотношения, связывающей общими целями, интересами и взаимными обязательствами его субъектов. Само понятие гражданского договора как соглашения означает компромиссное отражение в нем такого единства взаимных интересов его сторон. Да и во внедоговорном правоотношении стороны могут найти компромиссное удовлетворение своих прав и законных интересов, а в случае спора суд вынесет решение, которое принудительно и законным образом будет восстанавливать солидарность интересов с позиции общественных интересов (рода). Данная связь субъектов (частей правоотношения) с объединяющей их системой (как целым и родовым явлением) носит иерархический, т. е. вертикальный характер. Она подкрепляется правовыми принципами солидарности интересов, партнерства, сотрудничества и др.

Соответствующая связь субъектов правоотношения с объединяющей их формой есть основное условие существования вертикальных гражданских правоотношений. Вертикальная взаимосвязь, таким образом, отличается по меньшей мере двуликостью. Одно ее проявление выражается в родовой природе базового гражданского правоотношения по отношению к индивидуальным интересам его субъектов. Другое проявление вертикальности выражается в наличии дополнительных, смежных гражданских правоотношений.

Связь базовых горизонтальных и смежных вертикальных гражданских правоотношений создает цепь неопределенного числа неразрывно связанных гражданско-правовых отношений.

В силу указанной связки частей и целого, а также для наглядной иллюстрации связи базовых горизонтальных и неопределенного числа смежных гражданских правоотношений смежные гражданские правоотношения объединены в одно понятие вертикального гражданского правоотношения.

Схематично связка базового горизонтального и вертикального гражданского правоотношения отображается в виде креста. Такая крестообразная связь природных и общественных явлений изображалась Декартом в виде системы координат. Сегодня эта система активно используется в математических, статистических и иных исчислениях. Крестообразная форма использовалась с древнейших времен у различных народов. Так, древнеегипетский символ жизни – дерево жизни – изображался в виде креста. У христианских народов символ креста приобрел значение трагического и одновременно спасительного и животворящего явления. Аналогичную крестообразную структуру имеет и молекула генома человека. Как известно, ДНК точно выглядит в виде креста, а объемно связь генов выражается в виде двойной спирали. При пересечении спиралей мы также видим крестообразную связь.

Крест является наиболее абстрактной формой отображения человеческим разумом связей в природе и обществе. Система таких связей присуща всей окружающей человека среде, включая космос и социум, имеет единое вселенское и цивилизационное значение. Она является основой жизни и существования отдельного человека, его малых и больших сообществ. Поэтому крестообразная форма используется всеми науками о человеке, включая философию, биологию, математику и иные естественные и общественные науки.

Крестообразную связь явлений природы в общенаучной методологии называют континуальной. Понятие континуума происходит от лат. *continuum*, означающего непрерывность. Понятие континуума имеет важное общенаучное методологическое значение, устраняющее негативизм скачкообразных, прерывных представлений о развитии природы, используется для анализа проблем причинности, соотношения части и целого [1, с. 275].

Поскольку каждое гражданское правоотношение в крестообразной связке имеет свое место (пространство) в правовом поле, а пространство в окружающем человека мире является как минимум трехмерным, то и правовые связки включают как минимум три правоотношения. При этом, надо признать, субъект базового горизонтального правоотношения, будучи и субъектом смежных правоотношений, всегда находится одновременно минимум в трех местах правового пространства.

Вертикальное гражданское правоотношение, совместно с горизонтальным гражданским правоотношением связывают права и законные интересы неопределенного числа субъектов гражданско-правовых отношений в непрерывную правовую связь. В своем абстрактном выражении такую всеохватывающую связку вертикального и горизонтального правоотношения мы называем континуальным гражданским правоотношением. Континуальное гражданское правоотношение отражает всеобщую взаимосвязь и зависимость субъектов товарообменных договоров от общества и отдельных его членов как субъектов гражданских и иных частных правоотношений.

Однако в юриспруденции данное общенаучное понятие не заняло должного места. Термин континуум применяется отчасти в конституционном и парламентском праве. Так, он означает преемственность в развитии права и правосубъектности государств, в случае смены правительств. В парламентском праве данный термин используется для обозначения непрерывности заседаний парламента и происходит от лат. *continuitas* и англ. *continuity* [7, с. 436].

Применение понятия континуума для отражения неразрывной взаимосвязи гражданских базовых и смежных правоотношений позволяет избежать крайностей неконтролируемой абсолютизации индивидуализма в праве и товарообменных отношениях. Континуальное гражданское правоотношение ориентирует всех субъектов гражданских правоотношений на активный учет прав и законных интересов неопределенного числа третьих лиц и всего общества. В конечном счете это служит и интересам самих должников в базовых правоотношениях. Такое гражданское правоотношение является правоохранительным. Как юридический факт оно является основой для возложения на всех субъектов гражданского оборота обязанностей совершать активные действия, направленные на удовлетворение прав и законных интересов неопределенного числа участников данного оборота.

Континуальная конструкция гражданского правоотношения имеет важное воспитательное и профилактическое значение. Оно привносит в правовую и общую культуру участников гражданских правоотношений императивы всеобщего партнерства и сотрудничества в современных цивилизованных формах, выработанных в развитых странах за последнее столетие. На этой основе действуют принципы всеобщей солидарности интересов и социальной ответственности, всеобщего улучшения благосостояния граждан и предпринимателей, а также другие правовые принципы социально и разумно организованной общности людей.

Таким образом, понятие континуального гражданского правоотношения привносит в правопонимание, правотворчество и правореализацию представления об универсальной и непрерывной взаимной связи всех субъектов гражданского оборота, единстве и сбалансированном сочетании их прав и законных интересов.

Важно отметить и то, что абсолютизация континуальных представлений в праве также может быть ущербной, как и индивидуализация и обособленность горизонтальных гражданских правоотношений. Абсолютизация континуальности и универсальности в праве способно привести к умалению естественных индивидуальных особенностей и потребностей личности, смешению до безликости правовых понятий, институтов и иных правовых явлений. Поэтому индивидуализм и континуальность в праве объединяются в понятие единой комплексно-индивидуальной методологии права. Но учитывая господство индивидуализма и обособленности прав, обязанностей и правоотношений субъектов гражданского оборота, сегодня требуется акцентировать внимание на тотальной континуальной взаимосвязи гражданских правоотношений как таковых. А конкретизацию прав и обязанностей субъектов данных правоотношений нужно осуществлять не только в одной связке правоотношений в пространственном континууме, но и с учетом временного фактора, а также иных конкретных обстоятельств развития гражданских правоотношений.

Говоря о системе континуальных гражданских правоотношений, надо учитывать и непрерывность процесса изменения данных правоотношений, независимо от воли их субъектов во времени. С течением времени меняются не только люди и их индивидуальный правовой статус, объекты гражданских правоотношений и их правовой режим, но и правопонимание, хотя законодательство могло не меняться. Понимание закона и права субъектами гражданского оборота и правоприменительными лицами непрерывно меняется [8, с. 50, 51]. Это и влечет непрерывное, континуальное изменение гражданских правоотношений.

Данное обстоятельство указывает на непрерывное изменение прав и обязанностей субъектов связанных правоотношений, постоянство процесса изменения содержания гражданско-правовых отношений в их объективном и субъективном смысле. Содержание всякого гражданского правоотношения, существующего с меньшей или большей продолжительностью, всегда зависит от обстоятельств места, времени их совершения и последующего развития, субъектного и объектного состава, а также иных обстоятельств развития.

Континуальная структура всякого гражданского правоотношения имела место всегда, со времени первого товарного обмена. «Чистого рынка» никогда не было и не могло быть, поскольку, совершая даже первый товарный обмен, его участники сформировали свое сообщество как родовое явление по отношению к себе и должны были подчиниться интересам данного сообщества. Но тогда и до настоящего времени континуальность применяется подсознательно. Именно в силу влияния подсознания на правопонимание и творчество в действующем гражданском законодательстве и отражаются рассмотренные выше примеры континуальных гражданско-правовых связей. На осознанном уровне правового мышления тотальная непрерывность правовых связей не воспринята должным образом. В отечественном правоведении это обусловлено тем, что при переходе к рынку в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в. в распадавшемся советском государстве активно внедрялись в правовое и экономическое мышление западные буржуазные идеи об абсолютных свободах субъектов имущественных правоотношений. Данная абсолютизация индивидуализма была внедрена и в новое рыночное законодательство. В проектах Модельного ГК СНГ, ГК России и ГК Беларуси включались положения о том, что граждане и юридические лица приобретают и осуществляют гражданские права «своей волей и в своих интересах». И несмотря на предложения Р. О. Халфиной и других ученых исключить данные положения, они не были исключены из проектов гражданских кодексов [9, с. 71]. Абсолютизация индивидуализма в гражданских и иных частных правоотношениях продолжает культивироваться и ныне. И как показал опыт рыночных преобразований за прошедшие десятилетия, капитализм на постсоветском пространстве приобрел индивидуалистический олигархический характер. Причем он замешан на коррупционных и иных, отвергнутых во всем цивилизованном мире связях частного капитала с государственным капиталом. Это указывает на сходство рынка на постсоветском пространстве с тем рынком, который сформировался в мировой практике в конце XIX в. и получил название государственно-монополистического империализма как наиболее жестокой формы эксплуатации трудящихся. В таком рынке нет места для естественных прав на жизнь детей, не говоря о праве на достойный уровень жизни, включая достойное жилье, одежду, питание и иные условия для всего населения, как это прописано, например, в ст. 23 Конституции Республики Беларусь.

Сложная система связей нескольких гражданских правоотношений существует всегда и везде, когда сталкиваются интересы хотя бы двух субъектов гражданских правоотношений. Она менее стабильна, чем в физических системах. Такая связь в механических, а тем более космических системах представляется безусловной и абсолютной, хотя и подверженной малым изменениям во временных рамках. А в социальных, особенно правовых системах, время заключения и исполнения договоров может длиться секунды. Поэтому такую абсолютную зависимость субъектов договоров от третьих лиц можно не успеть обнаружить и осознать. Тем не менее, она также реальна, как реален весь окружающий нас природный и социальный мир.

Вертикальные гражданские правоотношения есть придаток к основным горизонтальным. Но их нельзя смешивать с акцессорными правоотношениями. В отличие от акцессорных правоотношений вертикальные гражданские правоотношения присутствуют всегда, а акцессорные могут и не применяться вовсе. Кроме того, акцессорные правоотношения содержат только обязанности обеспечительного характера. Смежные правоотношения, в свою очередь, – это традиционные гражданские правоотношения, называемые горизонтальными. Но в рамках юридического континуума они ставятся в положение вертикальных, поскольку в конкретной ситуации горизонтальным считается какое-либо одно правоотношение, требующее специального анализа. Соответственно, наряду с ним рассматриваются и смежные правоотношения.

Вертикальность гражданских правоотношений может быть выражена добровольно или принудительно в силу законодательного понуждения или преддоговорных и иных правоотношений. Добровольность

проявляется через свободное волеизъявление субъекта горизонтальных отношений на учет общественных интересов, интересов третьих лиц, и, следовательно, добровольную привязку себя к таким вертикальным отношениям. Это основная цивилизационная форма отражения вертикальности.

Вертикальная зависимость субъектов гражданско-правовых отношений проявляется при заключении договоров и выражается в наличии соответствующих обязанностей заключить договор. Обязанности заключить договор могут закрепляться законодательством, как, например, обязанность производителя (продавца) заключать публичные договоры (ст. 396 ГК Беларуси) с неопределенным числом потребителей. Либо обязанность заключить договор может предусматриваться в предварительном договоре (ст. 399 ГК Беларуси). Обязанность заключить договор может возникать из организационных договоров (годовых, навигационных и аналогичных договоров по организации перевозки грузов), являющихся разновидностью предварительного договора. Такие обязанности могут возникать и из иных оснований, например, по результатам тендеров (ст. 418 ГК Беларуси), в силу государственного заказа и др.

Зависимость субъектов всех гражданских правоотношений имеет разнообразные юридические основания. Одним из таковых является признание современного государства социальным, о чем указывается в конституциях, принимаемых после Второй мировой войны. Кроме того, принятие Декларации ООН о правах человека 1948 г., которая признала личности, ее права и свободы наднациональной ценностью, также требует от всех государств принятия такого законодательства, которое бы охраняло права и законные интересы неопределенного числа третьих лиц. Граждане, а также субъекты предпринимательской деятельности, также понуждаются к активному учету прав и законных интересов третьих лиц.

Одновременно и право следует квалифицировать социальным. Социальное право основывается на императивах всеобщей солидарности интересов, социальной ответственности, партнерства и сотрудничества, взаимного учета прав и законных интересов неопределенного числа третьих лиц и др. [10].

Гражданско-правовые континуумы горизонтальных и вертикальных связей и отношений, как и все правовые явления, подразделяются на континуумы родового и видового характера. Так, всякое смежное гражданское правоотношение всегда может быть представлено как базовое гражданское правоотношение для иных смежных правоотношений. Соответственно, бесконечное число смежных гражданских правоотношений, являющихся одновременно и базовыми гражданскими правоотношениями, включается в иные системы континуумов гражданских правоотношений. Таким образом, в гражданском праве присутствует непрерывная связь гражданских правоотношений как континуальных явлений.

Понятие континуального гражданского правоотношения привносит в правопонимание, правотворчество и правореализацию представления об универсальной и непрерывной взаимной связи всех субъектов гражданского оборота, единстве и сбалансированном сочетании их прав и законных интересов. Система принципов и иных норм гражданского права включает в содержание всех гражданских правоотношений права и обязанности сторон в отношении неопределенного числа третьих лиц.

Структура гражданского правоотношения имеет двоякое проявление. Во-первых, она традиционно включает субъектов, объекты и содержание. Во-вторых, структура всякого гражданского правоотношения включает неразрывную связь минимум одного базового и двух смежных гражданских правоотношений, называемых вертикальными. Присутствие вертикальных гражданских правоотношений проистекает, во-первых, из природы всякого гражданского правоотношения, выполняющего, с момента своего возникновения, функцию объединяющего начала для сторон данного правоотношения. Эта объединяющая внутренняя форма отражает общность целей и интересов субъектов всякого гражданского правоотношения, даже деликтного. Во-вторых, вертикальное гражданское правоотношение возникает в связке с горизонтальным, поскольку в рамках горизонтального правоотношения присутствуют права и обязанности его сторон относительно неопределенного числа третьих лиц.

Список использованных источников

1. Философский энциклопедический словарь / редкол.: Л. Ф. Ильичев (гл. ред.) [и др.]. – М. : Сов. энциклопедия, 1983. – 840 с.
2. Экономическая теория : учеб. пособие / А. В. Бондарь [и др.]; под общ. ред. А. В. Бондаря, В. А. Воробьева. – Минск : БГЭУ, 2011. – 479 с.
3. Витушко, В. А. Договор подряда на капитальный ремонт зданий / В. А. Витушко : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Минск : БГУ, 1986. – 24 с.
4. Витушко, В. А. Философия креста. Кооперация: события, факты, комментарии / В. А. Витушко. – Минск : Белорусская Советская Энциклопедия» им. Пятруся Бровки, 1990. – С. 19–23.
5. Витушко, В. А. Выступление / В. А. Витушко // Гражданское законодательство Рос. Федерации: состояние, проблемы, перспективы : материалы Междунар. науч.-практич. конф., Москва, 17–19 мая 1994 г. – М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Рос. Федерации, Высш. Арбитражный Суд Рос. Федерации, 1994. – С. 66–67.
6. Брагинский, М. И. Договорное право. Книга первая. Общие положения / М. И. Брагинский, В. В. Витрянский. – Изд. 2-е, испр. – М. : Статут, 2000. – 848 с.

7. Тихомирова, Л. В. Юридическая энциклопедия / Л. В. Тихомирова, М. Ю. Тихомиров. – Изд. 5-е, доп. и перераб. / под ред. М. Ю. Тихомирова. – М. : Изд-во Тихомирова М.Ю., 2005. – С. 436 ; Большой юридический словарь / под ред. проф. А. Я. Сухарева. – 3-е изд., доп. и перераб. – М. : ИНФРА-М, 2008. – Т. VI. – 858 с.
8. Иоффе, О. С. Вопросы теории права / О. С. Иоффе, М. Д. Шаргородский. – М. : Госюриздат, 1961. – 380 с.
9. Халфина, Р. О. Выступление / Р. О. Халфина // Гражданское законодательство Рос. Федерации: состояние, проблемы, перспективы : материалы Междунар. науч.-практич. конф., Москва, 17–19 мая 1994 г. – М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Рос. Федерации, Высш. Арбитражный Суд Рос. Федерации, 1994. – С. 70–72.
10. Витушко, В. А. Государственное гражданско-правовое регулирование рынка : монография / В. А. Витушко. – Минск : Белорусский государственный экономический университет, 1996. – 176 с.

К ВОПРОСУ О НЕОСТОРОЖНОМ СОУЧАСТИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Грибков Александр Васильевич,
заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин
Института законоведения и управления ВПА, г. Тула,
кандидат юридических наук, доцент

Совокупность преступлений, совершаемых по неосторожности, является особой частью преступности. Как отмечали исследователи преступной неосторожности, ее «специфика проявляется в генезисе неосторожного преступного поведения, в личности преступника, во взаимодействии личности с ситуацией, в условиях которой совершается преступление, а также в отношении индивида к общественно опасным последствиям его действий» [1, с. 104]. В свою очередь, эта специфика создавала проблемы законодательной регламентации уголовной ответственности за неосторожные преступления, как в УК РСФСР, так и в действующем УК Российской Федерации. Прежде всего это касалось транспортных преступлений как одного из массовых видов преступности.

В свое время проблема понимания субъективной стороны автотранспортных преступлений в уголовном праве была порождена законодательной формулировкой диспозиции ст. 211 УК 1960 года (нарушение правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств), не содержащей указаний на то, является ли данное преступление умышленным или неосторожным [2, с. 27]. В связи с этим одни юристы считали, что следует различать психическое отношение субъекта к самому нарушению правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств и к наступлению указанных в законе общественно опасных последствий. Данной точки зрения придерживались В. А. Владимиров, П. Ф. Гришанин, П. С. Дагель, С. А. Домахин, М. А. Ефимов, В. Ф. Кириченко, А. С. Кузьмина, Б. А. Куринов, В. В. Лукьянов, П. С. Матышевский. Позицию этих ученых выразил В. Ф. Кириченко: «Если психическое отношение к действию и его последствию совпадает, имеется умышленно или неосторожно совершенное преступление. Если же такого совпадения нет, налицо преступление со смешанной формой вины» [3, с. 13].

К числу юристов, отрицавших существование смешанной формы вины в преступлении, предусмотренном ст. 211 УК РСФСР 1960 года, относились Г. З. Анашкин, Н. Ф. Кузнецова, Г. А. Кригер, Ю. И. Ляпунов, В. И. Ткаченко. Суть их точки зрения может быть сведена к следующему: «Одно лишь отношение к действию, как и одно лишь отношение к последствиям содеянного, не образует умысла или неосторожности, дробление субъективной стороны одного и того же преступления на вину в отношении к действиям и на вину в отношении к последствиям противоречит общетеоретической конструкции вины» [4, с. 38].

И хотя согласно п. 5 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 6 октября 1970 года «О судебной практике по делам об автотранспортных преступлениях» [5, с. 55] автотранспортные преступления должны были рассматриваться как совершенные по неосторожности, в теории уголовного права это не сняло проблемы их субъективной стороны. Более того, А. Д. Гарбуза внес предложение считать автотранспортные преступления умышленными деяниями, поскольку они «представляют собой сознательное посягательство на охраняемый уголовным законом правопорядок в сфере общественной безопасности» [6, с. 57].

Новое уголовное законодательство России закрепило понятие преступления с двумя формами вины (ст. 27 УК Российской Федерации), но проблему понимания субъективной стороны преступлений на законодательном уровне оно также не решило. Более того, сам законодатель в силу этого создает еще большие проблемы и не только в понимании содержания субъективной стороны преступлений, но и в иных вопросах квалификации преступлений, в частности при совиновничестве.

В связи с сохранившейся и в новом уголовном законодательстве проблемой понимания признаков субъективной стороны при квалификации преступлений в ч. 2 ст. 24 УК Российской Федерации законодательно было закреплено понятие преступления, совершенного только по неосторожности. Однако, несмотря на это, неопределенность положений ч. 2 ст. 24 УК Российской Федерации по-прежнему остается в поле зрения ученых и практиков [7, с. 22], поскольку порождает проблему квалификации преступлений, совершаемых по неосторожности.

Анализ действующего уголовного законодательства Российской Федерации позволяет сделать вывод о том, что законодательная конструкция неосторожных преступлений базируется на двух моментах: указании на нарушаемые предписания и обязательном наступлении по неосторожности определенных последствий.

Из этого следует, что уместно говорить об умышленном или неосторожном нарушении предписаний в неосторожном преступлении только в административно-правовом понимании вины, поскольку в отсутствии последствий само по себе действие или бездействие не влечет уголовной ответственности. В таком контексте разграничение умышленного и неосторожного нарушения предписаний имеет определенный смысл: умышленные или неосторожные нарушения предписаний никоим образом не могут характеризовать субъективную сторону преступления в целом, но могут свидетельствовать о степени общественной опасности личности виновного, влияя на выбор вида и размера наказания при его назначении в соответствии со ст. 60 УК Российской Федерации. По этой причине в ст. 32 УК Российской Федерации, стремясь исключить полемику относительно возможности соучастия в неосторожных преступлениях, законодатель определил понятие соучастия как умышленное совместное участие двух и более лиц в совершении умышленного преступления. Казалось бы, проблема канула в Лету раз и навсегда. Комментарии к УК Российской Федерации, учебники по Общей части уголовного права отразили эту идею, указывая на невозможность соучастия в неосторожных преступлениях. Однако теоретические размышления по поводу понятия соучастия и его признаков оказались абсолютно ненужными самому законодателю, и вот уголовно-правовая наука снова должна изучать старый феномен: может ли иметь место соучастие в неосторожных преступлениях? К этому нас обязывает появившаяся в УК Российской Федерации еще одна ст. в главе 27 «Преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта», а именно: ст. 263¹ «Нарушение требований в области транспортной безопасности». Надо отдать должное законодателю в том, что все преступления данной главы, посягающие именно на транспортную безопасность, имеют единую конструкцию, что облегчает правоприменительную деятельность, за исключением указанного нововведения.

Анализ законодательной конструкции основного состава данного преступления, описанного в ч. 1 указанной статьи, с полным основанием позволяет отнести его к неосторожным преступлениям, причем в соответствии с ч. 2 ст. 24 УК Российской Федерации, данное преступление не предполагает его совершение с двумя формами вины. То есть нарушение требований по соблюдению транспортной безопасности на объектах транспортной инфраструктуры и транспортных средствах умышленно возможно, но лишь в рамках административно-правового понимания вины. По своей сути данное преступление очень близко к тому, что изложено в ст. 268 УК Российской Федерации – нарушение правил, обеспечивающих безопасную работу транспорта. В нем, как и в иных транспортных преступлениях, наступление ответственности определяется наступившими по неосторожности последствиями. Но на этом сходство заканчивается, поскольку квалифицированные виды преступлений, предусмотренных ч. 3 и 4 ст. 263¹ УК Российской Федерации, предполагают ответственность за деяния, предусмотренные ч. 1 и 2 данной статьи, если они совершены группой лиц по предварительному сговору (ч. 3) или организованной группой (ч. 4).

Таким образом, если в период действия УК РСФСР проблема соучастия в неосторожных преступлениях была теоретической проблемой, то в действующем уголовном законодательстве положениями ч. 3 и 4 ст. 263¹ соучастие в неосторожном преступлении юридически закреплено.

Возможно ли иное понимание сути указания на совершение данного преступления группой лиц или организованной группой? Попытка анализа понятия соучастия применительно к нарушению требований в области транспортной безопасности приводит к выводу, что эти нарушения должны совершаться умышленно, а в целом такое преступление также должно быть умышленным. Так следует из определения соучастия: умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления. Безусловно, умышленное нарушение транспортной безопасности двумя и более лицами возможно, но каким при этом должно быть отношение нарушителей к последствиям, чтобы их признать соучастниками? Ответ однозначен – только умышленным.

Таким образом, указание законодателя на причинение по неосторожности последствий в ч. 1 и 2 ст. 263¹ УК Российской Федерации либо делает невозможным соучастие в данных преступлениях, либо понятие соучастия должно быть изменено.

Поскольку признаки соучастия используются законодателем в ч. 3 и 4 данной статьи, логично предположить, что в них имеются в виду умышленные преступления, предусмотренные ч. 1 и 2 ст. 263¹ УК Российской Федерации. Можем ли мы доказать такое предположение? Ответ отрицательный, поскольку сам законодатель в ч. 3 и 4 указанной статьи говорит именно о деяниях, предусмотренных ч. 1 и 2, совершенных группой лиц по предварительному сговору или организованной группой.

Статья 263¹ УК Российской Федерации была внесена в УК Российской Федерации в 2010 году Федеральным законом от 27.07.2010 № 195-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с обеспечением транспортной безопасности». Казалось бы, что за время ее действия возникшая коллизия между двумя институтами уголовного права – вины и соучастия – могла быть разрешена путем внесения изменений либо в указанную статью, либо в ст. 32 УК Российской Федерации. И это необходимо было сделать хотя бы потому, что нельзя нарушать устоявшиеся положения Общей части уголовного права. Тем не менее, Федеральным законом от 3 февраля 2014 г. № 15-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам обеспечения транспортной безопасности» данная проблема не была снята. К сожалению, эта проблема остается без внимания у законодателя и по сей день. В связи с этим можно сделать ряд выводов.

Во-первых, законодатель по каким-то пока неясным соображениям не видит разницы между соучастием в умышленных и неосторожных преступлениях, а поэтому можно сделать предположение о некоей полезной фикции относительно понятия соучастия. Во-вторых, как ни прискорбно говорить об этом, но такой подход можно объяснить тем, что современный уровень законодательной техники значительно ухудшился, как и уровень юридической грамотности. В любом случае порождена основательная проблема квалификации соучастия, что прежде всего скажется на качестве правоприменительной практики. А это, с учетом уровня юридической грамотности современных представителей дознания и следствия, может привести к непредсказуемым последствиям.

Если же оставаться на классических позициях понимания соучастия и ее возможности только в умышленных преступлениях, то включение в УК Российской Федерации ст. 263¹ лишено всякого смысла, поскольку в нем имеется достаточное количество статей, позволяющих квалифицировать содеянное. В частности, речь идет о преступлении, предусмотренном ст. 281 УК Российской Федерации – «Диверсия. Диспозиция». Часть 1 указанной статьи наступление ответственности связывает в том числе и с совершением «...иных действий, направленных на разрушение или повреждение ... объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств...». Естественно, что разрушение и повреждение указанных объектов всегда будет связано с умышленным нарушением требований по соблюдению транспортной безопасности, что указано в диспозиции ч. 1 ст. 263¹ УК Российской Федерации. Квалифицировать подобные нарушения требований по соблюдению транспортной безопасности возможно только при указанных в ст. 281 УК Российской Федерации целях – подрыв экономической безопасности или обороноспособности Российской Федерации. Если же виновным не преследовались такие цели, то квалификация будет определяться либо как посягательство на собственность по ст. 167 УК Российской Федерации – умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества, либо как преступление против личности в зависимости от наступивших последствий. Таким образом, обоснованным является введение в уголовное законодательство ст. 263¹ только в случае неосторожного нарушения транспортной безопасности. При этом ни о каком соучастии в данном преступлении речи быть не может.

Список использованных источников

1. Клочков, В. В. Вопросы борьбы с неосторожной преступностью / В. В. Клочков // Современные проблемы уголовного права : сб. науч. тр. – М. : Юрид. лит., 1981. – С. 100–131.
2. Иванов, Н. Г. Ответственность за дорожно-транспортные преступления и деятельность органов внутренних дел по их предупреждению / Н. Г. Иванов, С. М. Корабельников. – М., 1990. – 65 с.
3. Кириченко, В. Смешанные формы вины / В. Кириченко // Сов. Юстиция. – 1966. – № 19. – С. 13.
4. Анашкин, Г. З. Формы вины в автотранспортных преступлениях / Г. З. Анашкин // Соц. законность. – 1971. – № 12. – С. 38.
5. Сб. постановлений Пленумов Верховных Судов СССР и РСФСР (Рос. Федерации) по уголовным делам. – М. : СПАРК, 1995. – 172 с.
6. Гарбуза, А. Д. Особенности субъективной стороны автотранспортных преступлений (в порядке обсуждения) / А. Д. Гарбуза // Проблемы расследования и предупреждения автотранспортных преступлений : сб. материалов конф. – Волгоград, 1974. – С. 57.
7. Звечаровский, И. Влияние неопределенности положений ст. 24 УК РФ на квалификацию преступлений (на примере ст. 263¹ УК РФ) / И. Звечаровский, А. Иванов // Уголовное право. – 2014. – № 6. – С. 22.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ В КОНТЕКСТЕ СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОГО АНАЛИЗА МЕЖДУНАРОДНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Дедковский Андрей Александрович,
профессор-заместитель заведующего кафедрой адвокатуры юридического факультета
Международного университета «МИТСО», г. Минск,
кандидат юридических наук, доцент

Конституция Республики Беларусь закрепляет положение о том, что каждый вправе защищать свои права и законные интересы всеми способами и средствами, не противоречащими закону. Ключевым уголовно-правовым институтом, позволяющим реализовать данную норму, является необходимая оборона. Очевидным является тезис о закономерно высокой роли рассматриваемого правового института в вопросах противодействия преступности. Законодатель признал необходимую оборону как активное, наступательное действие. Так, в соответствии со ст. 34 Уголовного кодекса Республики Беларусь каждый гражданин имеет право на защиту от общественно опасного посягательства, это право принадлежит лицу независимо от возможности избежать посягательства либо обратиться за помощью к другим лицам или органам власти. Вместе с тем несовершенство законодательной конструкции института необходимой обороны приводит на практике к реализации устаревшей матрицы рассмотрения условий правомерности необходимой обороны с подразделением их на условия, относящиеся к посягательству, и условия, относящиеся к защите. Такой подход сводит эффективность необходимой обороны как правовой меры по защите от нападения к нулю.

Современная правоприменительная практика показывает, что право на необходимую оборону используется гражданами редко (свыше 60 % опрошенных) или даже крайне редко (около 30 %). Среди причин такого положения названы: незнание данного права – 18 %, незнание конкретных правил поведения в таком состоянии – 20 %, боязнь наступления нежелательных правовых последствий – 50 %, известный негативный опыт наступления таких последствий – 9 % и лишь 3 % – недооценка своих сил и возможностей [1, с. 14]. Таким образом, право необходимой обороны гражданами не используется в большинстве случаев из-за боязни уголовного преследования за оборонительные действия, так как действия защищающихся в случаях причинения вреда посягающему квалифицируются правоохранительными органами как умышленные преступления на общих основаниях, а вопрос нахождения лица в состоянии необходимой обороны вообще не рассматривается. Широкий спектр существующих оценочных признаков, раскрывающих условия правомерности необходимой обороны, приводят к тому, что обороняющийся поставлен в условия, при которых он должен думать не о том, как отразить посягательство, а о том, как бы не превысить пределы необходимой обороны.

Озабоченность вызывает тот факт, что необходимая оборона обставлена множеством оговорок и запретов, которые требуется соблюсти обороняющемуся. Все аспекты необходимой обороны и ее пределов настолько тщательно детализированы, что даже малейшие отклонения в оценке ситуации превращают пострадавшего в преступника.

В этой связи научный и практический интерес относительно рассматриваемого института представляет подход законодателей континентальной системы права. Так, Уголовный кодекс Франции, закрепляя понятие «правомерная защита» (ст. 122⁵), гласит, что «не подлежит уголовной ответственности лицо, которое при наличии необоснованного посягательства в отношении него самого или другого лица совершает в то же самое время какое-либо действие, вызванное необходимостью правомерной защиты самого себя или другого лица, за исключением случаев явного несоответствия между используемыми средствами защиты и тяжестью посягательства» [1, с. 356]. Кодекс Франции не определяет юридических последствий превышения защиты. Следовательно, попадающее под французскую юрисдикцию лицо не боится превысить меры защиты.

Аналогичный подход можно найти у законодателей Германии. Так, § 33 Уголовного кодекса ФРГ закрепляет, что «если лицо превышает пределы необходимой обороны из-за замешательства, страха или испуга, то оно не подлежит наказанию» [2, с. 62]. Таким образом, законодатель Франции и Германии отказался от специальных норм, предусматривающих уголовную ответственность за лишение жизни или причинение вреда.

В свою очередь, Уголовный кодекс Республики Беларусь содержит ряд специальных норм о нарушении условий правомерной защиты. Так, статьи 143 и 152 соответственно предусматривают уголовную ответственность за убийство при превышении пределов необходимой обороны и причинение тяжких телесных повреждений при превышении пределов необходимой обороны. Таким образом, отказываясь от регламентации уголовной ответственности за превышение мер «правомерной защиты», законодатель ФРГ и Франции не уравнивает нападающего и обороняющегося: защищающегося он ставит выше, не требуя от него никаких доказательств своей невиновности.

Кроме того, Уголовный кодекс Франции предусматривает защиту собственности от посягательства. Согласно ч. 2 ст. 122⁵ «не подлежит уголовной ответственности лицо, которое для пресечения совершения преступления или поступка против собственности совершает необходимое действие по защите»; и ст. 122⁶, «действовавшим в состоянии правомерной защиты предполагается тот, кто совершает действия: 1) с целью отразить проникновение, осуществляемое путем взлома, насилия или обмана ночью в жилище; 2) с целью защитить себя от совершающих кражу или грабеж, сопряженных с применением насилия».

Особый интерес представляет подход законодателя Литовской Республики: «не является преступлением действие, хотя формально и подпадающее под признаки деяния, предусмотренного уголовным законом, но совершенное в состоянии необходимой обороны, то есть при самообороне, защите другого лица, собственности, неприкосновенности жилища, других прав, общественных интересов или интересов государства от совершаемого или непосредственной угрозы опасного посягательства, если при этом не было допущено превышения пределов необходимой обороны» (ст. 14 Уголовного кодекса Литовской Республики) [3, с. 62]. Законодатель Литовской Республики выделил, с его точки зрения, наиболее ценные для своих граждан охраняемые блага. Устанавливая конкретные объекты защиты, законодатель выделил специальную норму, в которой конкретизировал объем возможного причинения вреда в случае посягательства на эти особо ценные охраняемые блага. В силу ч. 3 ст. 14 «возможно причинение любого вреда, вплоть до лишения жизни при обороне от вторжения в жилище».

Итак, западные государства избегают детализации института необходимой обороны в части превышения мер, в отличие от отечественного законодателя, который максимально прописывает все правила. «Западная» детализация объектов обороны демонстрирует гражданам свободу своего волеизъявления по защите всех гарантированных прав, в том числе и права собственности.

Проведенный сравнительный анализ отечественного и западного подхода к правовой регламентации отдельных сторон института необходимой обороны позволил прийти к общему выводу о том, что лояльное отношение государства к превышению пределов необходимой обороны делает эффективной защиту важных благ личности от опасных преступлений.

Перспективным видится реализация отечественным законодателем ряда следующих положений: определение круга объектов «необходимой обороны»; закрепление возможности причинения смерти либо тяжкого вреда здоровью посягающему, если последний осуществляет проникновение в помещение с целью хищения в ночное время суток, если возникла угроза применения насилия по отношению к обороняющемуся, независимо от формы

хищения; регламентация возможности использования при необходимой обороне не запрещенных законом автоматически срабатывающих или автономно действующих средств и приспособлений для защиты охраняемых уголовным законом интересов от преступных посягательств.

Список использованных источников

1. Королева, И. А. Необходимая оборона и причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление, по российскому уголовному праву / И. А. Королева : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / И. А. Королева. – М., 2017. – 25 с.
2. Уголовный кодекс Франции / науч. ред. Л. В. Головкин, Н. Е. Крылова ; пер. с франц. и предисл. Н. Е. Крыловой. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2002. – 650 с.
3. Уголовное уложение (Уголовный кодекс) Федеративной Республики Германия : текст и науч.-практ. комментарий // под ред. А. И. Рарога. – М. : Проспект, 2010. – 280 с.
4. Уголовный кодекс Литовской республики / науч. ред. В. Павилонис, предисл. Н. И. Мацнев, вступ. ст. В. Павилонис, А. Абрамвичюс, А. Дракшене ; пер. с лит. В. П. Казанскене. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003. – 470 с.

ПРАВОВАЯ ЭКСПЕРТИЗА НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ: ТИПИЧНЫЕ ОШИБКИ НОРМОТВОРЧЕСТВА

Ермолаева Юлия Николаевна,
профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин
Саратовской государственной юридической академии, филиал в г. Астрахани,
доктор медицинских наук

Соколов Максим Виталиевич,
студент 3-го курса
Саратовской государственной юридической академии, филиал в г. Астрахани

В современных условиях роль правовой экспертизы как важнейшей технологической составляющей эффективной правотворческой деятельности очень высока. Качественно проведенная правовая экспертиза на стадии правотворчества во многом предопределяет «рождение» действенного, работающего нормативного акта [1, с. 229] и по своей сути является своего рода «заслоном против принятия неверных законов» [2, с. 503]. Более того, соблюдение процедуры правовой экспертизы проекта нормативного правового акта есть не только требование к качественной правотворческой деятельности, но и важное условие сохранения и воспроизводства единых требований к содержанию и форме нормативных правовых актов, которые в свою очередь обеспечивают целостность правового пространства Российской Федерации.

Цель экспертизы нормативно-правовых актов выражается в следующих пунктах: поиск и обоснование нарушений законодательства; детализация конкретных положений документа; выявление непреднамеренных нарушений, которые вызваны недостаточной компетентностью лиц, работавших над составлением акта; анализ документа на соблюдение основных человеческих прав; проверка положений договора с целью уточнения прав и обязанностей сторон.

Правовая экспертиза нормативных правовых актов призвана установить соответствие документов с правилами, определенными действующим законодательством. Независимо от области действия, принципы остаются неизменными.

Проведение правовой экспертизы нормативных актов основывается на таких принципах: 1) независимость субъектов экспертной деятельности, а также лиц, причастных к разработке документов; 2) всеобщность – проверке должны подвергаться все документы; 3) профессионализм – эксперты должны обладать определенными компетенциями и соответствующей квалификацией; 4) обязательность – субъекты нормотворчества должны корректировать свою деятельность в соответствии с результатами проверки; 5) ответственность – эксперты лично отвечают за итоги экспертизы и пропущенные нарушения.

Порядок проведения правовой экспертизы нормативных правовых актов унифицирован и закреплен на законодательном уровне. Для начала собирают пакет необходимых документов, которые могут быть поданы как в бумажном, так и в электронном виде. Следующим этапом является выработка и формулировка цели проверки. От того, насколько ответственным будет подход к данному моменту, зависит качество и полнота итогового отчета. Правовая экспертиза нормативных правовых актов возложена на квалифицированных специалистов, которые наделены соответствующими полномочиями. Важно, чтобы лица, осуществляющие проверку, хорошо ориентировались в данной конкретной сфере.

Учеными отмечается «снижение роли законодательства и закона в современной России» [3], наличие большого количества «противоречивых правовых актов, содержащих ошибки и просчеты» [4, с. 5], что в конечном итоге приводит к снижению эффективного правового регулирования и, как следствие,

к «утрате веры общества в действие закона» [5, с. 65]. Российская правовая система является сложной по своему характеру, именно поэтому, по мнению ученых, большое внимание должно уделяться не только правоприменению, но и правотворчеству, особенно на региональном уровне, что обусловлено единством целей, задач, приоритетов и в конечном итоге обеспечивает «целенаправленный вектор устойчивого развития отечественной правовой системы, обеспечивает оптимизацию состояния правовой жизни» [6, с. 17].

Правовая экспертиза нормативно-правовых актов требует предоставления в контрольные органы ряда дополнительных документов. К ним относятся: сопроводительное письмо с указанием имени и контактных данных ответственного лица; две нотариально заверенные копии акта, подлежащего проверке; сведения юридической службы субъекта о внутреннем согласовании документа; пояснительная записка, в которой изложены основания для принятия разработанного документа; нотариально заверенная копия результатов внутренней проверки документа юридической службой организации; сведения о действующих законах в сфере, к которой относится вновь разработанный документ; в случае внесения изменений в существующий документ должна быть представлена заверенная копия сравнительного анализа старой и новой версий; подтверждение согласования нового документа с заинтересованными сторонами; для регуляторных актов требуется оригинал и две копии решения о согласовании документа с органом исполнительной власти; нотариально заверенные копии документов, которые подтверждают правомочность действий органа, разработавшего документ.

Правовая экспертиза нормативно-правовых актов целесообразна в ситуациях, когда существуют некоторые сомнения относительно легитимности тех или иных документов. При этом юрист организации самостоятельно готовит акты, доверенности, приложения и прочие документы, которые имеют отношение к проверке.

Методика правовой экспертизы нормативных правовых актов включает в себя несколько этапов:

1-й этап. Разработка заказчиком перечня вопросов, ответы на которые будут прописаны в заключении эксперта. Для того, чтобы данный список был наиболее точным, уже на этом этапе к работе над документом привлекают специалиста.

2-й этап. Анализ правомерности содержания документа, а также соответствия его формы установленным стандартам. Если в оформлении или содержании документа допущены какие-либо ошибки и неточности, он признается недействительным.

3-й этап. Анализ каждого отдельного положения с целью выявления соответствия законодательству. В случае обнаружения противоречий документ может быть аннулирован. При этом исполнитель может в одностороннем порядке отказаться от своих обязательств без каких-либо правовых последствий.

4-й этап. Если все условия по предыдущим пунктам выполнены, специалист приступает к ответу на вопросы, которые были поставлены заказчиком на начальном этапе. Экспертное заключение может быть сформулировано как в письменной, так и в устной форме. В нем специалист дает рекомендации по исправлению конкретных пунктов документа. Если вывод оформлен в письменном виде, эксперт обязан приложить к нему копии документов, на которых основаны итоги проверки.

Правовая экспертиза нормативных правовых актов подразумевает соответствие ряду критериев: конституционным нормам; государственным законам и актам высшей юридической силы, которые действуют в конкретной отрасли; международным договоренностям; соблюдение технологии составления; обоснованность выбора формы документа; правильность применения основных терминов.

Экспертиза муниципальных нормативных правовых актов может соответствовать следующим видам:

1) правовая – проводится органами юстиции на государственном и на региональном уровнях, она выявляет правильность трактовки норм закона, а также использования правовых категорий и терминов; 2) научная – осуществляется соответствующими институтами или учебными заведениями; 3) экологическая – устанавливает связь реализации проекта с изменениями состояния окружающей среды, кроме того, содержание документа проверяется на соответствие техническим нормам; 4) антикоррупционная – направлена на выявление в нормативно-правовом акте недоработок или лишних пунктов, приводящих к возникновению коррупционных явлений; 5) рискованная – подразумевает оценку последствий принятия к исполнению рассматриваемого документа.

Каждый документ должен быть проверен на наличие коррупциогенных факторов. Это способствует открытому и прозрачному ведению деятельности в дальнейшем. Так, антикоррупционная экспертиза подразумевает выявление следующих моментов: размытое определение прав, полномочий и рамок ответственности органов и уполномоченных лиц, что может создать почву для конфликта интересов или злоупотребления должностными обязанностями путем превышения служебных полномочий; дополнительные ограничения и трудности для получателей услуг, что препятствует реализации интересов и прав, а значит, создает предпосылки для коррупционных действий; нечеткое описание административных процедур или же полное их отсутствие; отсутствие конкурсных процедур или противоречивые моменты в организации их проведения.

Юридическая экспертиза нормативно-правовых актов направлена на выявление несоответствия новых документов нормам действующего законодательства. Типичными ошибками нормотворчества можно назвать следующие: отсутствие правовых оснований для разработки и принятия нового нормативно-правового документа; попытка ввести новый документ, который по содержанию дублирует ранее отмененный; неправильный выбор законодательной базы для разработки нормативного документа; разработка и принятие документа лицом или органом, в чью компетенцию это не входит (либо же с превышением полномочий); принятие правового акта с нарушением установленного порядка; содержание в документе неточностей в отдельных реквизитах, ссылок на законы, не содержащих искомой информации,

несуществующие документы; наличие внутренней несогласованности отдельных положений нормативно-правового акта; нарушение принципа единообразия рубрикации текста; действие двух нормативно-правовых актов, регулирующих одни и те же отношения; наличие технико-юридических нарушений, связанных с языком нормативно-правового акта, а также с наличием орфографических и пунктуационных ошибок; наличие нарушений в единстве терминологии, используемой в региональном и федеральном законодательстве, и др.

Экспертиза нормативно-правовых актов Российской Федерации проводится на основе таких законов: Федеральный закон «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» [7]. Несмотря на то, что данный документ служит основой для проведения проверки, в нем не обозначены требования к исполнителям, а также степень их ответственности. Федеральный закон «Об Общественной палате Российской Федерации» [8] обозначает возможность заказа и проведения экспертизы вновь разработанных нормативных документов или дополнений к ним. Тем не менее, закон не определяет ни самого понятия данной процедуры, ни порядка ее проведения. Федеральный закон «Об экологической экспертизе» [9] предусматривает проверку на соответствие экологическим нормам, а также особое внимание уделяется соответствию установленным техническим регламентам и возможности нанесения ущерба окружающей среде. Федеральный закон «О Счетной палате Российской Федерации» [10] содержит существенные сведения по проведению финансовой экспертизы проекта нового документа, кроме того, особое внимание уделяется пунктам, касающимся расходов, которые покрываются путем государственного финансирования. Федеральный закон «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» [11] содержит существенные сведения по проверке проектов административного значения. Федеральный закон «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» [12] содержит общие положения и правила проведения проверки документов.

Не всегда теоретическое описание сразу раскрывает реальную сущность того или иного явления, особенно если речь идет о таком сложном процессе, как правовая экспертиза нормативных правовых актов. Приведем следующие конкретные ситуации.

Во время судебного разбирательства по исполнению или неисполнению договорных обязательств могут возникнуть спорные моменты, в связи с чем может быть принято решение о назначении соответствующей экспертизы. В процессе договорных отношений нередко возникает необходимость включения в соглашение дополнительных пунктов, условий и приложений. Перед этим специалистом должно быть установлено, что они не противоречат первоначальному акту.

При составлении сделки на покупку недвижимости стороны не всегда уверены в своей материальной выгоде. Подобные операции всегда сопровождаются существенными рисками. Чтобы минимизировать их, следует заказать у специалиста соответствующую проверку на определение правомерности пунктов договора. Огромное количество споров вызывает правомерность и законность пунктов кредитного договора. Особенно в том случае, когда речь идет о крупных суммах. В данном случае нужна не только юридическая, но также и экономическая проверка, которая поможет определить, правомерен ли механизм начисления процентов.

На данный момент все большее распространение получает такой документ, как брачный договор. Чтобы интересы всех сторон были соблюдены, данное соглашение должно пройти проверку на соответствие Семейному кодексу и прочим актам, регулирующим данную сферу.

Совершенствование экспертной деятельности нормативно-правовых актов может осуществляться по следующим направлениям: 1) принятие закона о правовой экспертизе, в котором будут четко обозначены понятия, принципы, цели и прочие существенные моменты; 2) выведение экспертизы из ведения государственных органов, и передача полномочий независимым специалистам; 3) объединение известных видов экспертизы в единую процедуру; 4) административная ответственность эксперта за преднамеренное ложное заключение.

Таким образом, правовая экспертиза нормативно-правовых актов – это необходимая процедура. Она подразумевает установление соответствия документа законодательным нормам. Независимо от отрасли, во время проверки действуют унифицированные принципы. Несмотря на распространенность практики и накопленный опыт, данная сфера деятельности требует дальнейшего совершенствования.

Список использованных источников

1. Нормотворческая юридическая техника / под ред. Н. А. Власенко. – М. : Юстицинформ, 2011. – 312 с.
2. Баранов, В. М. Юридическая техника : курс лекций / под ред. В. М. Баранова. – Н. Новгород : Нижегородская акад. МВД России, 2015. – 830 с.
3. Власенко, Н. А. Кризисные тенденции в законодательстве современной России / Н. А. Власенко // Юридическая техника. – 2015. – № 9. – С. 175–182.
4. Тихомиров, Ю. А. Прогнозы и риски в правовой сфере / Ю. А. Тихомиров // Журн. российского права. – 2014. – № 3 (207). – С. 5–16.
5. Власенко, Н. А. Разумность и определенность в правовом регулировании : монография / Н. А. Власенко. – М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Рос. Федерации ; ИНФРА-М, 2015. – 157 с.

6. Байниязова, З. С. Консолидация правотворчества и правоприменения в российской правовой системе / З. С. Байниязова // Мониторинг правоприменения. – 2016. – № 2. – С. 13–19.
7. Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов : Федер. закон, 17 июля 2009 г., № 172-ФЗ // Российская газета. – 2009. – 22 июля. – № 4957.
8. Об Общественной палате Российской Федерации : Федер. закон, 4 апр. 2005 г., № 32-ФЗ // Российская газета. – 2005. – 7 апр. – № 739.
9. Об экологической экспертизе : Федер. закон, 23 нояб. 1995 г., № 174-ФЗ // Российская газета. – 1995. – 30 нояб. – № 8.
10. О Счетной палате Российской Федерации : Федер. закон, 5 апр. 2013 г., № 41-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2013. – № 14. – Ст. 1649.
11. Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг : Федер. Закон, 27 июля 2010 г., № 210-ФЗ // Российская газета. – 2010. – 30 июля. – № 168.
12. О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации : Федер. закон, 31 мая 2001 г., № 73-ФЗ // Российская газета. – 2001. – 5 июня – № 2718.

К ВОПРОСУ О КОНСТИТУЦИОННОМ ПРИНЦИПЕ РАВЕНСТВА ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ

Задорожная Галина Владимировна,
заведующий кафедрой конституционного и муниципального права
Киевского национального экономического университета им. В. П. Гетьмана, г. Киев,
доктор юридических наук, доцент

Конституция Украины от 28 июня 1996 г. гласит: «Граждане имеют равные конституционные права и свободы и равны перед законом. Не может быть привилегий или ограничений по признакам расы, цвета кожи, политических, религиозных и иных убеждений, пола, этнического и социального происхождения, имущественного положения, места жительства, по языковым или иным признакам. Равенство прав женщины и мужчины обеспечивается: предоставлением женщинам равных с мужчинами возможностей в общественно-политической и культурной деятельности, в получении образования и профессиональной подготовке, в труде и вознаграждении за него; специальными мерами по охране труда и здоровья женщин, установлением пенсионных льгот; созданием условий, дающих женщинам возможность сочетать работу с материнством; правовой защитой, материальной и моральной поддержкой материнства и детства, включая предоставление оплачиваемых отпусков и иных льгот беременным женщинам и матерям» (ст. 24). Этот конституционный принцип с юридической точки зрения безукоризненный, но, к сожалению, он не всегда находит свое надлежащее воплощение в других национальных законодательных актах, поэтому на практике нередко права человека и гражданина нарушаются.

Речь пойдет о конституционном принципе равенства в банковской сфере. Правоотношения между физическим лицом и банком всегда являются актуальными, сложными и императивными, особенно в аспекте вопроса ответственности за несвоевременное выполнение денежных обязательств. Правовая система Украины позволяет говорить лишь о несвоевременном выполнении таких обязательств физическими лицами, поскольку украинское законодательство не предусматривает ответственность банковского учреждения за несвоевременное возвращение средств, привлеченных у физических лиц (депозиты). Это подтверждает Закон Украины от 22 ноября в 1996 г. № 543 «Об ответственности за несвоевременное выполнение денежных обязательств» [1]. Такой подход к правовому регулированию этих отношений является крайне несправедливым относительно физических лиц. Все указывает на то, что принятие данного Закона в парламенте Украины осуществлялось при мощной лоббистской поддержке банковского олигархата.

Закон Украины от 22 ноября 1996 г. «Об ответственности за несвоевременное выполнение денежных обязательств» регулирует договорные правоотношения между плательщиками и получателями денежных средств в аспекте ответственности за несвоевременное выполнение денежных обязательств. Субъектами этих правоотношений являются предприятия, учреждения и организации независимо от форм собственности и ведения хозяйства, а также физические лица – субъекты предпринимательской деятельности. Закон от 22 ноября 1996 г. защищает субъектов этих правоотношений путем ограничения размера пени за несвоевременное выполнение ими денежных обязательств, а именно: не больше двойной учетной ставки Национального банка Украины, которая действовала в период, за который насчитывалась пеня.

И все бы казалось хорошо, но проблема заключается в том, что действие данного Закона не распространяется на физических лиц, которые не имеют статуса субъекта предпринимательской деятельности. А это миллионы граждан Украины. Это, во-первых. Во-вторых, другого закона, который бы ограничивал размер пени за несвоевременное выполнение физическими лицами денежных обязательств или за задержку денежных поступлений на счет банка, нет. Таким образом, государство никоим образом не защищает физических лиц, которые имеют денежные обязательства перед банком, но не имеют статуса субъекта предпринимательской деятельности и в силу даже объективных обстоятельств не могут своевременно выполнить эти обязательства.

Доктрина права оставила вне надлежащего внимания вопрос защиты прав тех физических лиц, которые имеют денежные обязательства перед банком (банками) и не могут по объективным причинам своевременно выполнить эти обязательства. Задача этой публикации заключается в осуществлении сравнительного анализа национального и зарубежного законодательства и правотворческой практики в аспекте защиты прав физических лиц, которые имеют денежные обязательства перед банком, а цель – в выработке законодательных предложений с целью оптимизации этих отношений в национальной сфере правового регулирования в аспекте защиты конституционных прав таких физических лиц.

Конвенция ООН от 11 апреля 1980 г. «О договорах международной купли-продажи товаров» установила требование: «Если сторона допустила просрочку в выплате цены или другой суммы, другая сторона имеет право на проценты из просроченной суммы, без вреда для любого требования о возмещении убытков, которые могут быть взысканы» (ст. 78). Однако Конвенция содержит ограничение относительно суммы взыскания задолженности, в частности убытки за нарушение договора одной из сторон составляют сумму, которая равняется вреду, включая упущенную выгоду, которую испытала другая сторона в результате нарушения договора. Такие убытки не могут превышать вред, который сторона, которая нарушила договор, предусматривала или должна была предусмотреть в момент заключения договора как возможное последствие его нарушения, учитывая обстоятельства, о которых она в то время знала или должна была знать (ст. 74). Следовательно, международное законодательство лишает кредитора возможности своевольно устанавливать штрафные санкции за финансовые просрочки.

Интересным является зарубежный опыт в этой сфере кредитных правоотношений. В Словении существует ограничение договорных намерений сторон. Законодательство определяет максимальную верхнюю границу договорных кредитных процентов для физических и юридических лиц. Конституция Литвы установила, что хозяйственная деятельность регулируется государством, чтобы она служила для общего блага народа (ч. 3 ст. 46). Гражданское законодательство Германии установило требование: «Если должник просрочит платежи по договору потребительского займа, то он обязан уплачивать проценты на сумму долга. Годовая процентная ставка в этом случае на 5 пунктов превышает базисную процентную ставку (3,62 %)» [2]. При этом законодательство запретило начисление процентов на проценты. Гражданский кодекс Латвии от 19 июня 2009 г. определил, что размер процентов должен быть точно определен актом или договором, иначе закон устанавливает его в размере 6 % в год (ст. 1765).

Законодательство многих стран мира (Беларусь, Казахстан, Канада, Латвия, Франция, Швейцария) установило норму, которая позволяет суду своим решением уменьшить пеню (штраф) за просрочку исполнения денежных обязательств. Следовательно, законодательство зарубежных государств защищает финансовые права своих граждан.

Закон Украины от 22 ноября 1996 г. «Об ответственности за несвоевременное выполнение денежных обязательств» ограничивает пеню за несвоевременное исполнение денежных обязательств в размере не более двойной учетной ставки Национального банка Украины.

Учетная ставка (discount rate) – один из монетарных инструментов, с помощью которого Национальный банк Украины устанавливает для банков и других субъектов денежно-кредитного рынка ориентир по стоимости привлеченных и размещенных денежных средств на соответствующий период. Эта ставка является базовой процентной ставкой относительно других процентных ставок Национального банка Украины. Размер учетной ставки устанавливает «Положение об основах процентной политики Национального банка Украины», которое было утверждено постановлением Правления Национального банка Украины от 21 апреля 2016 г. № 277 [3].

Учетная ставка устанавливается на основе комплексного анализа и прогноза макроэкономического, монетарного и финансового развития, подготовленного Национальным банком. Размер учетной ставки в Украине устанавливается начиная с 25 июня 1992 г. За четверть века (1992 – 2017 гг.) размер учетной ставки постоянно менялся: самый маленький – 6,5 % – был в 2013 году, а наибольший – 300 % – в 1994 году. В 2017 году он составляет 13 %. Чем выше процент учетной ставки, тем худший уровень экономической ситуации в государстве. Следовательно, размер учетной ставки не является постоянным, он меняется, поскольку меняются экономические и другие показатели в государстве.

И все же за просрочку возврата кредитных ресурсов предприятия, учреждения и организации (всех форм собственности и хозяйствования), а также физические лица – субъекты предпринимательской деятельности должны уплачивать пеню, которая исчисляется от просроченного платежа и не может превышать двойной учетной ставки Национального банка Украины, действовавшей в период, за который начислялась пеня. Такая норма названного выше закона не действует, как уже отмечалось, в отношении физических лиц, не имеющих статуса предпринимателя. Поэтому в Украине банки устанавливают для таких категорий лиц штрафные санкции на свое усмотрение.

Например, один из пунктов кредитных договоров, которые заключаются в банке «Финансы и Кредит», гласит: «За просрочку возврата кредитных ресурсов и/или уплаты процентов Заемщик уплачивает Банку пеню из расчета 1 % от просроченной суммы за каждый день просрочки». Судебная практика свидетельствует, что пеня нередко превышает тело кредита в десятки раз, поскольку условия таких кредитных договоров написаны в пользу банка. Но банкиры, когда возникает судебный спор, подчеркивают, что на такие условия кредитных договоров физические лица соглашались добровольно. Действительно, это так. Но беда в том, что потребитель кредита при заключении такого договора с банком находится в слабой позиции, поскольку он получает договор, условия которого уже прописаны банком единолично.

Следовательно, если физические лица – предприниматели защищены государством, то физические лица – непредприниматели – нет. Это нарушает конституционный принцип равенства всех граждан Украины перед законом, а также принцип равенства всех субъектов права собственности (ч. 1 ст. 24, ст. 13 Конституции Украины), поскольку физические лица – предприниматели имеют дополнительные преимущества защиты своих прав по сравнению с физическими лицами – потребителями кредита, которые не имеют статуса предпринимателя.

Конституционный Суд Украины в своем решении от 11 июля 2013 г. № 7-рп/2013 справедливо отметил, что условия договора являются несправедливыми, если его следствием является существенный дисбаланс договорных прав и обязанностей во вред потребителя. Наличие у кредитора возможности взимать с потребителя чрезмерные денежные суммы в качестве неустойки искажает ее действительное правовое назначение, поскольку неустойка превращается в источник получения неоправданных дополнительных доходов кредитором. Орган конституционной юрисдикции считает, что требование о начислении и уплате явно завышенного размера неустойки по договору потребительского кредита не соответствует принципам справедливости, добросовестности, разумности, определенным в Гражданском кодексе Украины от 16 января 2003 г. (статьи 3, 509, 627) как составным элементам конституционного принципа верховенства права (ст. 8 Конституции Украины). Таким образом, приходим к выводу о нарушении принципа добросовестности в отношении исслеуемых кредитных обязательств как со стороны государства, так и со стороны банков. Государство фактически отдало регулирование этого вопроса на усмотрение банковских учреждений, а банки, пользуясь бездеятельностью государства в этой сфере, вопреки принципу добросовестности, устанавливают несправедливые условия кредитования физических лиц.

Обобщая вышесказанное, приходим к следующим выводам: 1) украинское государство вопреки принципу верховенства права, своим конституционным обязательствам осуществлять защиту прав потребителей и контроль за качеством и безопасностью продукции, услуг и работ (ч. 4 ст. 42 Конституции Украины), фактически устранилось от регулирования кредитных отношений в сфере обеспечения исполнения денежных обязательств в формате «банк – физическое лицо». Это дает банкам фактически неограниченные возможности в Украине устанавливать размер пени за несвоевременное исполнение денежных обязательств физическими лицами; 2) положения второго предложения преамбулы Закона Украины от 22 ноября 1996 г. «Об ответственности за несвоевременное исполнение денежных обязательств» необходимо изложить в следующей редакции: «Субъектами указанных правоотношений являются предприятия, учреждения и организации независимо от форм собственности и хозяйствования, а также физические лица». Такая редакция этого Закона позволит устранить неравенство в правоотношениях обеспечения исполнения денежных обязательств и защиты конституционных прав физических лиц – предпринимателей и физических лиц, которые не имеют такого правового статуса.

Список использованных источников

1. Об ответственности за несвоевременное выполнение денежных обязательств : Закон Украины, 22 нояб. 1996 г., № 543 // Ведомости Верховной Рады Украины (ВВР). – 1997. – № 5. – Ст. 28.
2. Гражданское уложение Германии *Buergerliches Gesetzbuch Deutschlands mit Einfuehrungsgesetz* : Вводный закон к Гражданскому уложению : пер. с нем. – 2-е изд. – М. : ВОЛТЕРС КЛУБЕР, 2006. – С. 816.
3. Положение об основах процентной политики Национального банка Украины [Электронный ресурс] : постановление Правления Национального банка Украины, 21 апр. 2016 г., № 277 // Законодательство стран СНГ. – Режим доступа: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=85068. – Дата доступа: 06.02.2018.

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

Калиева Гульмира Садуакасовна,
доцент кафедры правовых дисциплин
Казахской Академии труда и социальных отношений, г. Алматы,
кандидат юридических наук

Анализ развития предпринимательской деятельности в Республике Казахстан со всей очевидностью свидетельствует о том, что меры государственного регулирования могут быть самыми различными по своему организационному, правовому содержанию и носят многовекторный характер.

Прежде чем перейти к более подробному рассмотрению вопросов, связанных с развитием предпринимательства, раскроем понятие данного вида деятельности. Предпринимательство – это самостоятельная, инициативная деятельность граждан, оралманов и юридических лиц, направленная на получение чистого дохода путем использования имущества, производства, продажи товаров, выполнения работ, оказания услуг, основанная на праве частной собственности (частное предпринимательство) либо на праве хозяйственного ведения или оперативного управления государственным предприятием (государственное предприниматель-

ство). Предпринимательская деятельность осуществляется от имени, под риск и имущественную ответственность предпринимателя [1].

Из данного определения следует, что субъектами, которые могут осуществлять предпринимательскую деятельность, могут быть граждане, оралманы и юридические лица. Отметим, что граждане, оралманы и негосударственные коммерческие юридические лица осуществляют частное предпринимательство, а государственное предприятие относится к числу субъектов государственного предпринимательства.

В свою очередь, субъекты частного предпринимательства подразделяются на субъектов малого предпринимательства, субъектов среднего предпринимательства и субъектов крупного предпринимательства.

Вместе с тем следует указать на то, что наиболее распространена деятельность именно субъектов малого бизнеса. Малый бизнес в Казахстане генерирует 25,6 % ВВП, а доля занятых в МСБ составляет 36 % республиканского рынка труда.

В масштабах национальной экономики популярность предпринимательства в Республике Казахстан увеличивается, однако темпы активности достаточно малы – уровни предпринимательской активности в РК в два раза ниже средней мировой величины (63 % в ВВП и 47 % от числа занятых).

Среди регионов наибольшее влияние МСБ в формировании валового регионального продукта наблюдается в Астане – 46 % ВРП, Западно-Казахстанской области (40 %) и в Алматы (29 %).

В структуре МСБ наблюдается традиционное доминирование субъектов индивидуального предпринимательства, занятых в торговой деятельности и сферах, не требующих высокой квалификации. В то же время мировым трендом считается переход к производству продукции с высокой добавленной стоимостью, внедрению механизмов инновационного, эффективного производства.

На конец января 2017 г. в Республике Казахстан действуют 800 тыс. индивидуальных предпринимателей, что составляет 68 % МСБ. За год их количество сократилось на 15 %. Почти половина (47 %) индивидуальных предпринимателей заняты в торговле.

В Программе развития продуктивной занятости и массового предпринимательства на 2017 – 2021 гг. «Еңбек» отмечается, что за время независимости Казахстан добился значительного прогресса в социально-экономическом развитии и перешел в группу стран с уровнем дохода выше среднего.

Согласно данным Всемирного банка, начиная с 2000 года страна вошла в топ-10 самых быстрорастущих экономик мира, достигнув реального роста дохода на душу населения около 7 % [2].

А. К. Кантарбаева подчеркивает, что в реформировании казахстанской экономики еще со времен перестройки малые предприятия (МП) взяли на себя роль создателя фундамента для новой системы хозяйствования. Доминирующий сегодня частный сектор зарождался именно в сфере малого бизнеса. И вполне закономерно, что к настоящему времени, по официальным данным, на долю частных субъектов малого предпринимательства в общем количестве частных, государственных и муниципальных МП приходится 84 %. Малые предприятия, располагая 3,4 % стоимости основных средств экономики Казахстана и 14 % числа занятых, производят 12 % ВВП и обеспечивают всю прибыль по народному хозяйству. Это говорит о широких, но еще далеко не полностью раскрытых внутренних возможностях развития малого предпринимательства [3, с. 112].

Как отмечают В. В. Ким и Д. Қ. Макина, поддержка и развитие малого бизнеса является приоритетной сферой государственной экономической политики Республики Казахстан. Основная цель малого бизнеса – обеспечение занятости населения, решение его социальных проблем, наполнение потребительского рынка широким ассортиментом товаров и услуг. К примеру, Кызылординская область является экономически стабильно развивающимся регионом страны, обладает значительными ресурсами, составляющими потенциал ее уникальных конкурентных преимуществ. Запасы природных ископаемых представлены богатыми месторождениями железных и полиметаллических руд, урана, нефти, поваренной соли, известняка, кварцевых песков.

Кызылординская область является крупным производителем и поставщиком поваренной соли, кварцевого песка, бахчевых, рыбных изделий и единственным производителем риса. В области производятся также строительные материалы, швейные изделия, мебель и т. д. В общем объеме производства республики на долю области приходится производство 90 % риса, 70 % поваренной соли. В области стабильно действуют 50 крупных и средних промышленных предприятий.

По данным статистического регистра, в области на 1 января 2016 г. было зарегистрировано 4652 предприятия малого бизнеса, что намного выше, чем на 1 января 2015 г. Из зарегистрированных 63,9 % (2971 единица) предприятий являлись действующими, то есть осуществляли или потенциально могли осуществлять экономическую деятельность, 2050 предприятий (69,0 % из числа действующих) были активными. В региональном разрезе наибольшее количество активных предприятий малого бизнеса приходится на г. Кызылорда (80,6 %), Шиелійский (4,8 %), Казалинский (4,0 %) районы [4, с. 23–26].

Подчеркнем, что Республика Казахстан, осуществляя экономическую политику, немаловажное значение уделяет государственному регулированию предпринимательства. В контексте сказанного следует указать на то, что государственное регулирование осуществляется путем:

- 1) установления нормативными правовыми актами Республики Казахстан требований к субъектам, а также продукции, процессам предпринимательства;
- 2) государственной регистрации субъектов предпринимательства;
- 3) введения разрешительного или уведомительного порядка осуществления субъектами предпринимательства отдельных видов деятельности или действий (операций);
- 4) технического регулирования;

- 5) государственного регулирования цен и тарифов;
- 6) обязательного страхования гражданско-правовой ответственности субъектов предпринимательства в соответствии с законами Республики Казахстан;
- 7) государственного контроля и надзора;
- 8) защиты конкуренции и ограничения монополистической деятельности;
- 9) государственного заказа;
- 10) установления законами Республики Казахстан ответственности субъектов предпринимательства, должностных лиц государственных органов;
- 11) иных форм и средств государственного регулирования предпринимательства, установленных законами Республики Казахстан [1].

Опыт государств, сделавших существенный рывок в экономическом развитии, свидетельствует о том, что в числе наиболее часто реализуемых в целях обеспечения развития предпринимательства факторов приоритетное место занимают меры, направленные на создание благоприятного инвестиционного климата.

Таким образом, для создания благоприятного инвестиционного климата в целях развития экономики и стимулирования инвестиций будут предоставляться следующие меры государственной поддержки:

1. Меры поддержки первого уровня (базовый пакет).

По инвестиционному проекту предоставляются следующие виды инвестиционных преференций:

- 1) освобождение от обложения таможенными пошлинами при импорте технологического оборудования, комплектующих и запасных частей к нему, сырья и (или) материалов и налогом на добавленную стоимость – на импорт сырья и (или) материалов в рамках инвестиционных контрактов;
- 2) государственные натурные гранты.

Для получения этих преференций инвестор должен осуществлять деятельность в одном из видов деятельности, определяемых Правительством Республики Казахстан, за исключением игорного бизнеса, недропользования, а также производства подакцизных товаров.

2. Меры поддержки второго уровня.

По инвестиционному проекту (в том числе инвестиционному приоритетному проекту) предоставляются следующие виды инвестиционных преференций:

- 1) освобождение от обложения таможенными пошлинами при импорте технологического оборудования, комплектующих и запасных частей к нему, сырья и (или) материалов;
- 2) государственные натурные гранты;
- 3) преференции по налогам (освобождение от уплаты корпоративного подоходного налога (далее – КПП) на 10 лет, земельного налога – на 10 лет, налога на имущество – на 8 лет);
- 4) инвестиционная субсидия (до 30 % капитальных затрат инвестора). При этом для данных проектов предоставляется гарантия стабильности законодательства в отношении увеличения ставок налогов (кроме налога на добавленную стоимость (далее – НДС) и акцизов) и в сфере занятости населения и право на привлечение иностранной рабочей силы.

Под инвестиционным приоритетным проектом понимается инвестиционный проект, реализуемый вновь созданным юридическим лицом по определенным приоритетным видам деятельности, определяемым Правительством Республики Казахстан, и предусматривающий осуществление инвестиций в размере не менее двухмиллионнократного размера месячного расчетного показателя, установленного законом о республиканском бюджете и действующего на дату подачи заявки на предоставление инвестиционных преференций. Государственная регистрация юридического лица должна быть осуществлена не ранее двадцати четырех календарных месяцев до дня подачи заявки на предоставление инвестиционных преференций.

Для участников всех специальных экономических зон (СЭЗ) предусмотрены следующие налоговые льготы:

- 1) освобождение от корпоративного подоходного налога;
- 2) освобождение от земельного налога;
- 3) освобождение от налога на имущество;
- 4) освобождение от НДС при реализации на территории СЭЗ товаров, полностью потребляемых в процессе производства [5].

За прошедшие пять лет были приняты ключевые программные документы, направленные на модернизацию экономики Казахстана, такие как Стратегия «Казахстан-2050», План нации – 100 конкретных шагов по реализации пяти институциональных реформ, Государственная программа инфраструктурного развития «Нұрлы жол» на 2015 – 2019 гг., Государственная программа инфраструктурного развития Республики Казахстан на 2015 – 2019 гг., Государственная программа развития агропромышленного комплекса Республики Казахстан на 2017 – 2021 гг., Программа развития регионов до 2020 года.

К примеру, в Программе развития регионов до 2020 года предусмотрены меры по повышению экспортного потенциала регионов Республики Казахстан: размещение высокотехнологичных производств и развитие сервисных услуг, имеющих экспортный потенциал (финансовые услуги, бизнес-услуги, образовательные, медицинские и другие услуги), в городах-хабах Алматы и Шымкент, Актобе, Усть-Каменогорск, Караганда, Павлодар и Семей. Также в городе Астане реализуются меры по развитию экспорта медицинских услуг и услуг в высшем образовании [6].

Кроме того, в Программе развития регионов до 2020 года в целях развития и обустройства инфраструктуры пунктов приграничного сотрудничества планируются меры по развитию таможенной и пограничной инфраструктуры, совершенствованию процедур контроля, увеличения пропускной способности и сокращения сроков таможенного оформления. Всего планируется провести модернизацию 24 пунктов пропуска, в том числе автомобильных пунктов пропуска – 11, воздушных пунктов пропуска – 12, железнодорожного пункта пропуска – 1.

Реализация проекта будет способствовать обеспечению безопасности цепи поставок, снижению административных барьеров, увеличению транзитного потенциала, созданию условий при перемещении участников внешнеэкономической деятельности, увеличению пропускной способности пунктов пропуска, сокращению времени прохождения пунктов пропуска, искоренению коррупции, увеличению поступлений таможенных платежей.

В качестве базовой идеологии региональной политики предлагается стратегия сбалансированного развития, основанная на рациональном балансе приоритетного развития центров экономического роста, территориальной концентрации и управляемой урбанизации, а также макрорегиональном развитии на основе хабового и лучевого принципов. При этом программа содержит инструменты государственной поддержки развития регионов согласно приоритетам формирования центров экономического роста, как в рамках отдельных регионов, так и страны в целом [6].

Список использованных источников

1. Предпринимательский кодекс Республики Казахстан [Электронный ресурс] : 29 окт. 2015 г., № 375-V ЗРК : в ред. Закона Респ. Казахстан от 25.12.2017 г. // Параграф. Информ. системы. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=38259854. – Дата доступа: 16.02.2018.

2. Об утверждении Программы развития продуктивной занятости и массового предпринимательства на 2017 – 2021 гг., внесении изменения и дополнения в постановление Правительства Республики Казахстан от 30 декабря 2015 года № 1136 «Об утверждении перечня правительственных программ и признании утратившими силу некоторых решений Правительства Республики Казахстан» [Электронный ресурс] : постановление Правительства Респ. Казахстан, 29 дек. 2016 г., № 919. // Tengri news. – Режим доступа: https://tengrinews.kz/zakon/pravitelstvo_respubliki_kazahstan_premier_ministr_rk/trud/id-P1600000919/. – Дата доступа: 16.02.2018.

3. Кантарбаева, А. К. Предпринимательство. институционально-эволюционный подход / А. К. Кантарбаева. – Алматы : Раритет, 2000. – 200 с.

4. Ким, В. В. Развитие малого бизнеса в Республике Казахстан / В. В. Ким, Д. К. Макина // Молодой ученый. – 2017. – № 1. – С. 23–26.

5. Об утверждении Государственной программы индустриально-инновационного развития Республики Казахстан на 2015 – 2019 гг. и о внесении дополнения в Указ Президента Республики Казахстан от 19 марта 2010 года № 957 «Об утверждении Перечня государственных программ» [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Казахстан, 1 авг. 2014 г., № 874 // Параграф. Информ. системы. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31588425. – Дата доступа: 16.02.2018.

6. Об утверждении Программы развития регионов до 2020 года [Электронный ресурс] : постановление Правительства Респ. Казахстан, 28 июня 2014 г., № 728 // Параграф. Информ. системы. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31584094#pos=0;107. – Дата доступа: 16.02.2018.

ОСОБЕННОСТИ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ДОГОВОРА КУПЛИ-ПРОДАЖИ НЕДВИЖИМОГО ИМУЩЕСТВА

Калинина Ольга Евгеньевна,
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
Института законовещения и управления
Всероссийской полицейской ассоциации, г. Тула,
кандидат педагогических наук

Шемчук Алексей Владимирович,
старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин
Института законовещения и управления
Всероссийской полицейской ассоциации, г. Тула

Воронов Александр Владимирович,
студент 3-го курса Института законовещения и управления
Всероссийской полицейской ассоциации, г. Тула

Условием успешного построения в России гражданского общества с рыночной экономикой выступает эффективная система законодательства, что обуславливает новый виток отечественной правовой реформы в сфере гражданского законодательства. Оборот объектов недвижимого имущества играет важнейшую роль, поскольку все большее количество физических и юридических лиц, а также публично-правовых образований реализует свои имущественные интересы, участвуя в операциях с недвижимостью. Для юридических лиц, как коммерческих, так и некоммерческих, недвижимость служит базой для хозяйственной деятельности и развития организаций, что актуализирует проблемы правового регулирования отношений собственности и их ограничений.

Разновидностью сделок с недвижимым имуществом является договор купли-продажи. В соответствии с п. 1 ст. 549 Гражданского кодекса РФ по договору купли-продажи недвижимого имущества (договору купли-продажи недвижимости) продавец обязуется передать в собственность покупателя земельный участок, здание, сооружение, квартиру или другое недвижимое имущество.

К недвижимым вещам (недвижимое имущество, недвижимость) согласно п. 1 ст. 130 Гражданского кодекса РФ относятся земельные участки, предприятия как имущественные комплексы, здания и сооружения жилого, производственного и иного назначения, производственные мощности, участки недр и все, что прочно связано с землей, то есть объекты, перемещение которых без несоразмерного ущерба их назначению невозможно, в том числе объекты незавершенного строительства, в общем объекты, использование которых составляет существенную основу жизнедеятельности современного общества.

В последнее время вопросы правового положения недвижимого имущества как объекта гражданского права приобрели особую значимость. Так, недвижимость может рассматриваться как средство производства, так и предмет или объект потребления.

Итак, договор купли-продажи недвижимости (ст. 549 Гражданского кодекса РФ) – это договор, по которому одна сторона (продавец) обязуется передать недвижимое имущество в собственность другой стороне (покупателю), а покупатель обязуется принять это имущество по передаточному акту и оплатить его.

Нормы, регулирующие отношения, возникающие из договора купли-продажи недвижимости, содержатся в § 7 гл. 30 Гражданского кодекса РФ, кроме того, и общие положения о договоре купли-продажи (§ 1 гл. 30 Гражданского кодекса РФ), если иное не предусмотрено Гражданским кодексом РФ.

К существенным условиям, при отсутствии которых договор купли-продажи недвижимости признается незаключенным, относятся положения о его предмете и цене. Для договора купли-продажи жилых помещений дополнительным существенным условием является перечень лиц, имеющих право на пользование продаваемым жилым помещением, с указанием их прав. Существуют также повышенные требования к детализации предмета, а именно при продаже земельного участка указываются месторасположение (адрес), кадастровый номер, категория земель, цель использования и общая площадь. При отсутствии требуемой детализации договор может считаться незаключенным.

Однако следует учитывать, что не все виды недвижимого имущества могут являться предметом договора купли-продажи. Так, не являются объектом купли-продажи земельные участки и иные природные ресурсы, находящиеся в исключительной собственности государства (недра, леса и др.).

В исключительной государственной собственности, например, находятся земельные участки, занятые государственными природными заповедниками и национальными парками; зданиями, строениями и сооружениями, в которых размещены для постоянной деятельности войска, воинские формирования, военные суды, объекты организаций Федеральной службы безопасности, Федеральной службы исполнения наказаний (ч. 4 ст. 27 Земельного кодекса РФ).

Ограничиваются в обороте и находящиеся в государственной или муниципальной собственности следующие земельные участки: в пределах лесного фонда; в пределах которых расположены водные объ-

екты, находящиеся в государственной или муниципальной собственности; занятые особо ценными объектами культурного наследия народов Российской Федерации; объектами, включенными в Список всемирного наследия, историко-культурными заповедниками, объектами археологического наследия; расположенные под объектами гидротехнических сооружений и др. (ч. 5 ст. 27 Земельного кодекса РФ).

В судебной практике возникает вопрос, могут ли быть предметом договора купли-продажи объекты незавершенного строительства. Данный вопрос решается положительно: к предмету договора купли-продажи недвижимости могут относиться и объекты незавершенного строительства, поскольку гражданское законодательство не устанавливает каких-либо ограничений в отношении приобретения и перехода прав на данные объекты. Объект незавершенного строительства не должен быть предметом действующего договора строительного подряда. В противном случае согласно ст. 740 Гражданского кодекса РФ у подрядчика сохраняется право на продолжение работ, и, следовательно, объект не будет свободен от прав третьих лиц. Так, в п. 22 постановления Пленума Верховного Суда РФ и Высшего арбитражного суда Российской Федерации от 29.04.2010 № 10/22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» указано, что сделки с объектом незавершенного строительства незаконны, если он является предметом договора строительного подряда [1, с. 12].

Гражданский кодекс РФ устанавливает повышенные требования к детализации предмета договора. Так, в соответствии со ст. 554 Гражданского кодекса РФ в договоре купли-продажи недвижимости должны быть указаны данные, позволяющие определенно установить недвижимое имущество, подлежащее передаче покупателю по договору, в том числе данные, определяющие расположение недвижимости на соответствующем земельном участке либо в составе другого недвижимого имущества.

При продаже земельного участка в договоре при описании предмета указываются: местоположение земельного участка (адрес), кадастровый номер, категория земель, целевое назначение, площадь.

При купле-продаже зданий, сооружений, нежилых помещений необходимо указать местоположение, наименование, назначение, площадь, этажность и т. д.

Отсутствие в договоре купли-продажи недвижимого имущества указанных сведений свидетельствует о том, что сторонами не согласовано условие о недвижимом имуществе, подлежащем продаже, и договор не считается заключенным.

В случае отсутствия в договоре купли-продажи недвижимости условия о цене недвижимости договор считается незаключенным. При этом правила определения цены, содержащиеся в п. 3 ст. 424 Гражданского кодекса РФ, согласно которым при отсутствии в договоре условия о цене вещи подлежит оплате по цене, которая при сравнимых обстоятельствах обычно взимается за аналогичные вещи, не применяются.

Установленная в договоре купли-продажи недвижимости цена здания, сооружения или другого недвижимого имущества, находящегося на земельном участке, включает цену передаваемой с этим недвижимым имуществом соответствующей части земельного участка или права на нее, если иное не предусмотрено законом или договором купли-продажи недвижимости.

В случае, если цена недвижимости в договоре установлена на единицу ее площади или иного показателя ее размера (например, цена за квадратный метр, одну сотку и т. д., без указания цены за весь объект недвижимого имущества), то общая цена такого недвижимого имущества определяется исходя из фактического размера передаваемого покупателю недвижимого имущества (путем умножения стоимости одного квадратного метра или сотки на общую площадь квартиры или земельного участка).

Стороны договора, как правило, свободны в установлении цены недвижимости, если иное не установлено законодательством. Цена продаваемого земельного участка может быть установлена как по договоренности сторон, так и по результатам конкурса или аукциона.

Несоблюдение формы договора продажи недвижимости влечет его недействительность (ст. 550 Гражданского кодекса РФ). Кроме того, переход права собственности на недвижимость по договору продажи недвижимости к покупателю подлежит государственной регистрации (ст. 551 Гражданского кодекса РФ). А если предметом договора являются жилой дом, квартира, часть жилого дома или квартиры, то кроме государственной регистрации перехода права на недвижимость требуется еще и регистрация договора (п. 2 ст. 558 Гражданского кодекса РФ).

Договор должен быть заключен в простой письменной форме. В процессе государственной регистрации перехода права собственности на объекты недвижимого имущества необходимо руководствоваться нормами Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» и другими подзаконными нормативными правовыми актами. Единый государственный реестр недвижимости является базой систематизированных сведений об учтенных объектах недвижимого имущества, о зарегистрированных правах на данное имущество, основаниях их возникновения, правообладателях, а также иных сведений. Государственная регистрация прав на недвижимое имущество является юридическим актом признания и подтверждения возникновения, изменения, перехода, прекращения права лица на недвижимое имущество или ограничения такого права и обременения недвижимого имущества.

Сложившаяся практика государственной регистрации неидентична в разных регионах. Возможно, было бы оправданно отнести законодательное регулирование процедуры государственной регистрации к компетенции регионов. Кроме того, анализ действующего законодательства позволяет сделать следующие выводы:

- государственная регистрация договора купли-продажи недвижимости не создает право, а лишь удостоверяет его;

- отсутствие государственной регистрации перехода права собственности на объект недвижимого имущества не должно лишать собственника возможности доказывать свое право, ссылаясь на любые другие законные основания;

- государственная регистрация прав на недвижимость должна служить препятствием против притязания на эту же недвижимость третьего лица по приобретательной давности (ст. 234 ГК).

Поскольку законом не предусмотрено иное, общий срок исковой давности, предусмотренный ст. 196 Гражданского кодекса РФ, распространяется на требование о государственной регистрации сделки или перехода права собственности.

По договору купли-продажи предприятия продавец обязуется передать в собственность покупателя предприятие в целом как имущественный комплекс, за исключением прав и обязанностей, которые продавец не вправе передавать другим лицам. Договор продажи предприятия заключается в письменной форме и подлежит государственной регистрации и считается заключенным с момента такой регистрации.

Расторгнуть договор можно по соглашению сторон, при этом соглашение о расторжении договора должно совершаться в той же форме, что и договор. Несоблюдение этого правила может повлечь неблагоприятные последствия в виде запрета ссылаться на свидетельские показания относительно факта расторжения сделки в случае рассмотрения спора в суде. Кроме того, если договор был зарегистрирован в установленном законом порядке, то соглашение о расторжении этого договора также должно быть зарегистрировано, иначе оно не влечет правовых последствий и считается незаключенным.

По требованию одной стороны договор купли-продажи объекта недвижимого имущества может быть расторгнут судом только в случае, если такое расторжение предусмотрено законом или самим договором, а также в случае существенного нарушения договора другой стороной. Согласно ст. 450 Гражданского кодекса РФ существенным признается такое нарушение договора, которое влечет для другой стороны такой ущерб, что она в значительной степени лишается того, на что была вправе рассчитывать при заключении договора.

Наиболее частый вариант обращения граждан в суд с иском о расторжении договора купли-продажи с ссылкой на существенное нарушение другой стороной его условий вызвано неисполнением покупателем обязанности оплатить покупку, хотя, конечно, встречаются и случаи отказа передать оплаченную вещь или претензии по соответствию вещи условиям договора, нарушению срока исполнения обязательств.

Обратившийся в суд должен доказать, что нарушение условий договора является существенным в контексте требований гражданского законодательства, а не просто существенным по его личному мнению [2, с. 186]. Даже если продавец квартиры не получил за нее деньги согласно условиям договора, это с одной стороны, существенное нарушение договора, однако относительно данной ситуации существуют специальные нормы, которые имеют преимущественное значение перед общими нормами. В частности, суд будет придерживаться данного положения: если покупатель недвижимости зарегистрировал переход права собственности, однако не произвел оплаты имущества, продавец на основании п. 3 ст. 486 Гражданского кодекса РФ вправе требовать оплаты по договору.

На практике нередки случаи, когда первичная государственная регистрация имеет дело с недвижимым имуществом, созданным много лет тому назад, при этом оно могло уже переходить из рук в руки (например, при фактическом наследовании) [3, с. 21]. Но если это имущество регистрируется впервые, то согласно ст. 219 Гражданского кодекса РФ его следует признавать вновь создаваемым, что противоречит реальности.

Так, наличие единой статьи о регистрации первичного и вторичного права привело к тому, что указание закона о моменте признания права получило дополнительную нагрузку. Мы предлагаем отрегулировать в законе две ситуации: момент закрепления первичного права при государственной регистрации права на недвижимость и момент перехода права при государственной регистрации сделки купли-продажи. Рассматриваемая статья Гражданского кодекса РФ явно нуждается в изменении с учетом вышесказанного.

Список использованных источников

1. О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав : постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации и Высш. Арбитражного Суда Рос. Федерации, 29 апр. 2010 г., № 10/22 // Российская газета – 2010. – 21 мая. – № 109.

2. Шемчук, А. В. Особенности оценки доказательств в гражданском процессе / А. В Шемчук, О. Е. Калинина // Современные проблемы права, экономики и управления. – 2017. – № 1 (4). – С. 184–188.

3. Чулюкова, С. А. Государственная регистрация прав на недвижимое имущество и сделок с ним юридических лиц / С. А. Чулюкова, М. А. Дробот. – М. : Изд. дом Акад. естествознания, 2016. – С. 21–22.

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КОРЫСТНО-НАСИЛЬСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Кенжибекова Эльмира Полатовна,
доцент кафедры правовых дисциплин факультета социальных наук и права
Казахской Академии труда и социальных отношений, г. Алматы,
кандидат юридических наук

Корыстно-насильственные преступления против личности по праву признаются законодательством одними из наиболее тяжких преступлений, поскольку они посягают на основополагающую социальную ценность – жизнь человека, на благо, которое дается человеку единожды и требует усиленной уголовно-правовой охраны. Они наносят огромный, невосполнимый ущерб.

В группу корыстно-насильственных преступлений против личности входят: убийство из корыстных побуждений, убийство по найму, убийство, сопряженное с разбоем, вымогательством или бандитизмом (п. 8 ч. 2 ст. 99 УК РК), умышленное причинение тяжкого вреда здоровью из корыстных побуждений, а равно по найму (п. 6 ч. 2 ст. 106 УК РК), похищение человека из корыстных побуждений (п. 8 ч. 2 ст. 125 УК РК) [1, с. 289].

Среди корыстно-насильственных преступлений против личности стоит обратить пристальное внимание на п. 8 ч. 2 ст. 99 УК РК, который является комплексным, поэтому вызывает к себе неоднозначное отношение со стороны ученых. Каждый вид убийства из представленных в п. 8 ч. 2 ст. 99 УК РК имеет свои особенности и подлежит отдельному исследованию.

Убийство из корысти имеет различные оттенки в зависимости от способов получения и содержания той материальной выгоды, к которой стремился виновный. Корыстный мотив охватывает материальную выгоду в широком смысле, и ее нельзя сводить только к завладению деньгами и имуществом, хотя, как показывает судебная практика, в большинстве случаев руководящим является именно стремление к денежному обогащению.

Среди убийств, совершенных из корыстных побуждений, встречаются такие, при которых получение материальной выгоды внешне выглядит законным, например, убийство в целях получения наследства: виновный стремится получить материальную выгоду на основании закона, при этом он сам не изымает имущество, принадлежащее потерпевшему, так как оно может перейти в его собственность на основании закона.

Для признания убийства совершенным из корысти не имеет значения, кто может получить, материальную выгоду – сам виновный или его близкие, например, члены семьи или иные лица, в судьбе которых он заинтересован. Более того, виновный не всегда стремится стать собственником имущества, он может преследовать цель временного пользования им, иметь намерение получать материальную выгоду от сдачи имущества в аренду. Корыстным будет убийство с целью избавиться от каких-либо материальных затрат (уплаты долга). Однако следует иметь в виду, что нет оснований для признания корыстным убийства, когда неуплата долга явилась лишь поводом, само же преступление было совершено не по корыстному мотиву, а из мести или из хулиганских побуждений. Данная ситуация может иметь место, когда долг исчисляется незначительной суммой.

Убийство признается корыстным не только в случае, когда виновный намеревался полностью избежать материальных затрат, но и тогда, когда он, прибегая к убийству, преследовал цель отсрочки материальных затрат.

Грабеж и разбой относятся к корыстно-насильственным преступлениям. Причем грабеж находится на стыке насильственного и ненасильственного хищения (грабеж может быть сопряжен или не сопряжен с насилием); разбой является самым опасным преступлением из группы хищений, так как применение или угроза применения насилия, опасного для жизни и здоровья, является обязательным признаком разбоя. Уголовный кодекс Республики Казахстан охраняет отношения собственности как основу экономической системы Казахстана, из этого следует, что родовым объектом преступлений против собственности являются экономические отношения, обеспечивающие материальное благосостояние личности, общества и государства.

Видовым объектом преступлений, принято считать отношения собственности. Это не следует понимать в том смысле, что эти преступления непременно поражают право собственности. Право собственности вообще может быть никак не затронуто преступлением против собственности. Отсюда следует, что преступления против собственности поражают отношения собственности не в юридическом, а в экономическом смысле. Существо этих отношений определяется их объектом: они складываются по поводу присвоения и обращения материальных благ.

Прежде чем перейти к уголовно-правовой характеристике корыстно-насильственных преступлений, необходимо раскрыть основные признаки хищения, поскольку именно оно позволяет отнести грабежи и разбои к данной группе преступлений. Следует подчеркнуть, что хищения образуют основную группу преступлений против собственности и, согласно теории права, подразделяются на: 1) формы: кража, мошенничество, присвоение, растрата, грабеж, разбой, вымогательство; 2) виды: простые, квалифицированные и особо квалифицированные [2, с. 84].

Хищения являются одновременно самыми распространенными и достаточно специфическими преступлениями. Согласно постановлению Пленума Верховного Суда, дела о преступлениях против собственности относятся к делам публичного обвинения и не требуют для их возбуждения, производства предварительного расследования, судебного разбирательства, согласия собственника, ставшего объектом преступного посягательства.

Хищение относится к преступлениям с материальным составом и считается оконченным с момента, когда чужое имущество изъято и у субъекта появилась возможность распоряжаться этим имуществом.

Следует подчеркнуть, что между изъятием, обращением чужого имущества и причинением ущерба собственнику (иному владельцу) существует причинная связь:

- 1) изъятие и обращение чужого имущества должны предшествовать причинению ущерба;
- 2) они должны содержать реальную возможность наступления именно этого негативного последствия;
- 3) указанные признаки должны являться непосредственной причиной указанного последствия.

Уголовно-правовое понятие хищения не является жесткой логической конструкцией, позволяющей однозначно, во всех случаях, отграничивать хищение от деяний, которые таковыми не являются. Признаки хищения характеризуются по элементам составов преступлений против собственности, отнесенных законом к числу хищений. Непосредственным объектом хищения признаются отношения собственности в узком юридическом смысле.

Предметом хищения при грабежах и разбоях является исключительно чужое имущество; указанный предмет в целом совпадает с гражданско-правовым понятием вещи и характеризуется тремя признаками: физическим, юридическим и экономическим.

Под физическим признаком предмета хищения следует понимать его телесность и осязаемость, т. е. материальность; так, имущественные права, иные ценности предметом хищения быть не могут. Однако применительно к растрате, присвоению и мошенничеству автор выделяет одно важное исключение: уголовная ответственность наступает при хищении в данных формах не только телесных вещей, но и безличных денег. Юридический признак хищения заключается в том, что имущество обязательно должно быть чужим, т. е. не принадлежащим конкретному лицу на праве собственности (невозможно хищение собственного имущества, в том числе если имеет место общая собственность).

Экономическим признаком предмета хищения является цена похищенного. При отсутствии сведений о цене похищенного заключение о стоимости могут дать квалифицированные эксперты. При отсутствии сведений о цене стоимость похищенного имущества может быть установлена на основании заключения экспертов.

Рассмотрим объективные и субъективные (обязательные) признаки любого хищения.

1. Под объективными признаками хищения следует рассматривать: 1) незаконное и безвозмездное изъятие имущества из владения собственника или иного лица, которое совершается указанными в законе способами; 2) обращение его в пользу виновного или других лиц; 3) причинение тем самым собственнику или владельцу имущества реального ущерба вследствие уменьшения на определенную часть объема материальных ценностей, находящихся в его фондах; 4) причинную связь между изъятием имущества и материальным ущербом.

Субъективными признаками хищения являются: 1) прямой умысел на безвозмездное изъятие чужого имущества и обращение его в свою пользу или в пользу третьих лиц; 2) корыстная цель этого изъятия.

Безвозмездность изъятия и (или) обращение имущества в пользу виновного (других лиц) означает, что преступник не предоставляет собственнику взамен похищенного эквивалентное возмещение (деньгами, трудом, имуществом).

Изъятие имущества производится из владения собственника. Владение представляет собой фактическое господство конкретного лица в отношении вещи, при этом вещь сохраняется во владении ее хозяина и в том случае, когда он по тем или иным причинам временно оставляет ее без присмотра.

Обращение имущества в пользу виновного или иного лица. Для похищений (кражи, грабежа, разбоя) необходимо как изъятие имущества из владения, так и обращение чужого имущества в пользу виновного или иного лица, поэтому присвоение найденного или случайно оказавшегося во владении лица имущества не может быть квалифицировано как хищение.

Важнейшим признаком является причинение в результате хищения ущерба собственнику. Уголовный закон не ограничивает уголовную ответственность за хищение какой-либо фиксированной минимальной суммой. Ущерб проявляется в уменьшении количества наличного имущества потерпевшего [3, с. 112].

Хищения в форме кражи, мошенничества, присвоения, растраты и грабежа считаются оконченными, когда виновный приобретает реальную возможность пользоваться или распорядиться изъятым, или обращенным в незаконное владение чужим имуществом по своему усмотрению (материальные составы). Данное положение не относится к разбою (ст. 192 УК РК), который считается оконченным преступлением с момента нападения в целях хищения чужого имущества (усеченный состав).

Анализ судебной практики показывает, что противоправное деяние при хищении не бывает внезапным, импульсивным, одномоментным, а продолжается в течение более или менее длительного времени, пока преступник не приобретет реальную возможность пользоваться или распоряжаться имуществом как собственным. «В течение всего этого времени сохраняется и возможность соучастия в преступлении, в том числе и в разбойном нападении (хотя после начала нападения сговор уже не может рассматриваться в качестве предварительного, предварительный сговор возможен только на стадии приготовления, до начала выполнения объективной стороны хищения)».

Субъективная сторона хищения характеризуется виной в виде прямого умысла и корыстными побуждениями. Прямой умысел является наиболее опасной формой вины.

В основе целенаправленной деятельности человека, в том числе и преступной, лежит волевая активность, которая организует совокупность желаний и побуждений. Психологи рассматривают волевые про-

цессы в качестве важнейших психических функций, неразрывно связанных с мышлением. Как правило, волевое действие контролируется сознанием, предполагает в той или иной мере осмысливание условий, в которых действует индивид, из чего следует, что по своему психологическому содержанию вина включает в себя не только интеллектуальные, но и волевые признаки.

Для наличия прямого умысла необходима совокупность следующих признаков:

1. Осознание общественной опасности своего деяния – лицо отдает себе отчет в своих действиях, оценивая и понимая не только фактическую сторону происходящего, но и вредность своего поведения для общественных отношений. Следует отметить, что четкие представления об этических требованиях социума вырабатываются еще в детском и подростковом возрасте. Осознания противоправности и наказуемости своего деяния у лица может и не быть (незнание закона не освобождает от ответственности именно в силу этого обстоятельства), но осознание общественной опасности своего деяния должно присутствовать. Хотя иногда встречаются случаи, когда лицо может и не осознавать общественной опасности деяния, понимая его фактические обстоятельства.

2. Предвидение возможности или неизбежности наступления общественно опасных последствий своих действий. Этот признак прямого умысла необходимо устанавливать, как правило, для «материальных» составов преступлений. Это признак означает, что лицо не только осознает общественную опасность своего деяния, но и предвидит, к каким последствиям приведет его действие или бездействие, хотя бы в самых общих чертах. Вопрос о предвидении общественно опасных последствий должен решаться не абстрактно, а конкретно, применительно к тому преступлению, которое вменяется в вину данному лицу.

3. Волевой признак умысла характеризуется желанием наступления общественно опасных последствий, т. е. приложением своих усилий к тому, чтобы наступили эти последствия. Об этом свидетельствует характер действий, совершаемых виновным, для достижения своей цели.

Кроме прямого умысла, обязательным субъективным признаком хищения является корыстная цель.

Корыстная цель проявляется в стремлении индивида к неправомерному имущественному обогащению; выгода направлена: 1) исключительно на самого виновного; 2) на иных физических лиц, в том числе и действующих с виновным в соучастии; 3) юридических лиц.

Субъект хищения общий. Ответственность за кражу, грабёж и разбой возможна по достижении возраста от 14 до 16 лет; за мошенничество, присвоение и растрату – 16 лет. Достаточно развернутое определение насилия, которое может быть применимо к корыстно-насильственным преступлениям, сформулировали А. В. Иващенко и А. И. Марцев: «В качестве насилия следует рассматривать активную сознательную деятельность (поведение), непосредственно направленную против свободного волеизъявления. При таком понимании насилия его феноменальной особенностью следует считать причинение вреда тому, чья свобода ограничивается, против чьей свободной воли происходит деяние. В отличие от многих других форм проявления человеческой активности только насилие представляет собой поведение, при котором поступки человека, очевидно, нацелены на подавление свободы».

Таким образом, собственность как экономико-правовое понятие является единым объектом корыстных и корыстно-насильственных преступлений.

Анализ признаков предмета насильственных преступлений против собственности позволяет заключить, что именно предмет фокусирует в себе смысл (природу) отношений собственности. Признаки предмета характеризуют действия субъекта преступления, разграничивают составы краж, грабежей, разбоев и т. д. Однако в отечественном уголовном законодательстве предмет насильственных преступлений против собственности четко не обозначен.

Высокая общественная опасность корыстно-насильственных преступлений определяется объектом посягательств, специфическими мотивами, способами реализации этих мотивов (т. е. имеет место незаконное удовлетворение в чужом имуществе путем оказания физического и (или) психического насилия в отношении собственника), а также чрезвычайной распространенностью указанных деяний и тяжестью причиняемых ими последствий [4, с. 68–72].

Грабежи и разбои характеризуются исключительно прямым умыслом. Характерной особенностью волевого умысла преступника является то, что он навсегда желает лишить потерпевшего возможности владеть, пользоваться или распоряжаться своим имуществом, при этом применяется насилие, опасное или неопасное для жизни и здоровья собственника, или осуществляется угроза применить такое насилие. Насилие может применяться до начала высказывания требований о передаче имущества (имущественных прав), в момент предъявления этих требований либо после передачи имущества.

Наиболее существенными признаками, которые следует учитывать при квалификации корыстно-насильственных преступлений, являются: 1) цель применения насилия; 2) момент окончания преступного посягательства; 3) направленность и характер угроз; 4) способ перехода имущества от собственника к преступнику; 5) наличие альтернативности в поведении потерпевшего.

Специфика ненасильственного грабежа заключается в том, что преступник осознает неизбежность немедленного обнаружения факта изъятия имущества у его владельца, однако преступник все равно активно подбирает подходящую ситуацию, рассчитывая на внезапность или способность быстро скрыться с места происшествия. Особенностью насильственного грабежа является то, что в качестве средства изъятия имущества (или удержания изъятых имущества) по отношению к потерпевшим используется насилие, не опасное для жизни или здоровья, либо угроза применения таких действий. Разбой представляет собой наиболее опасную

форму хищения чужого имущества, так как он посягает на собственность, личность потерпевшего, его здоровье. При разбое осуществляется внезапное для потерпевшего физическое или психическое насилие (совершенно открытое или скрытое), опасное для жизни или здоровья, образующее причинение тяжкого, средней тяжести или легкого вреда здоровью.

Список использованных источников

1. Кулибаев, Т. А. Аннотированный библиографический справочник диссертаций на соискание ученой степени PhD, кандидата (доктора) юридических наук (1192 – 2010) / Т. А. Кулибаев. – Алматы : ООНИ и РИР Алматинской акад. МВД Респ. Казахстан, 2012. – 568 с.
2. Жердев, В. А. Криминалистическая характеристика краж, грабежей, разбойных нападений : методика расследования и методы раскрытия групповых преступлений : дис. ... канд. юрид. наук / В. А. Жердев. – М., 2001. – 210 с.
3. Новикова, Ю. В. Расследование краж, совершенных группой лиц : науч.-метод. пособие / Ю. В. Новикова. – М. : Юрлитинформ, 2005. – 204 с.
4. Саков, И. Ф. Пути усиления наступательности действий в борьбе с кражами из квартир / И. Ф. Саков, Ю. М. Худяков // Вестн. МВД Рос. Федерации. – 1994. – № 1. – С. 68–72.

КАСПИЙСКИЙ РЕГИОН: ПРОБЛЕМЫ И ПОИСК ПУТЕЙ РЕШЕНИЯ

Лепехин Алексей Алексеевич,
профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин
Международного юридического института, филиал в г. Астрахани,
доктор юридических наук

Современное мировое развитие в направлении глобализации характеризуется интенсификацией взаимодействия и взаимозависимости между государствами, интегрированием структур, выполняющих международные функции, что закономерно влечет за собой экономические, политические, социальные и иные последствия, не всегда выгодные для отдельных стран и регионов. Своеобразным «противовесом» глобализационным процессам выступает регионализация, позволяющая выдерживать странам региона напор более развитых государств, навязывающих свои правила игры, отстаивать собственные интересы в нелегкой конкурентной борьбе на мировом рынке. Как отмечается в научной литературе, региональная интеграция являет собой одновременно две тенденции – центристремительную и центробежную [1, с. 99].

В сложных условиях современной геополитической обстановки в мире, характеризующейся такими глобальными вызовами и угрозами, как военная и информационная конфронтация, вооруженные конфликты, усиливающиеся миграционные процессы, трансграничная преступность и пр., в зоне особого внимания государств оказываются приграничные регионы.

Каспийский регион, обладая внушительными запасами углеводородного сырья, богатейшими биоресурсами, а также представляя собой «геополитический перекресток межконтинентальных и межнациональных транспортных направлений и коммуникаций» [2, с. 73], сегодня является важнейшим стратегическим плацдармом на юге России. Регионализация на Каспии продиктована общностью проблем стран Каспийского бассейна, нуждающихся в разрешении с учетом экономических интересов государств региона, необходимостью поддержания мира и безопасности.

Одной из проблем, затрудняющей интеграционные процессы Прикаспия, является неопределенность международно-правового статуса Каспийского моря [3, с. 34]. Такие важнейшие вопросы, как принадлежность нефтегазовых месторождений, прокладка трубопроводов по дну моря, использование биоресурсов Каспия, разграничение водного и воздушного пространства, могут быть решены только при условии четкого определения правового статуса этого уникальнейшего водоема. Тем не менее, на очередном, 45-м заседании Специальной рабочей группы (июнь 2016 г., г. Москва) по разработке Конвенции о правовом статусе Каспийского моря статус Каспия вновь не был определен [4].

Отсутствие принятого всеми прибрежными государствами международно-правового статуса Каспийского моря делает проблематичным привлечение иностранного капитала для освоения нефтегазовых ресурсов; создает неопределенность с направлениями транспортировки каспийской нефти; порождает конфликтность квотирования и использования уникальных биологических ресурсов, и прежде всего запасов осетровых видов рыб.

В доперестроечный период политико-правовой статус Каспийского моря определялся договором Советского Союза с Ираном, определявшим имеющиеся ресурсы Каспия собственностью прибрежных государств. С учетом того, что граница Ирана на Каспии занимала лишь незначительную береговую часть на юге, СССР занимал доминирующую геоэкономическую позицию. Безусловное лидерство Советского Союза на Каспии закончилось в 1991 году вместе с развалом СССР. Новая политическая ситуация обусловила появление в регионе независимых государств – Азербайджана, Казахстана и Туркменистана. Таким образом, количество «игроков» в каспийском регионе увеличилось до пяти, имеющих непосредственный выход к Каспию. Кроме того, заинтересованность

в потреблении и транзите каспийских углеводородов активно проявляют государства, прилегающие к Каспийскому региону, (Грузия, Армения, Узбекистан, Афганистан, Турция и др.).

Существенные запасы углеводородов на Каспии в сочетании с выгодным географическим положением, характеризующимся пересечением транспортных коридоров, объясняет интерес к данному региону ведущих мировых держав. По сравнению с другими нефтеносными районами каспийские страны обладают малым уровнем потребления углеводородов в связи с небольшой численностью населения, что позволяет говорить об их жесткой ориентации на экспорт [5, с. 22].

Интерес к региону проявляет Евросоюз, практически полностью зависимый от внешних поставок энергоносителей на свой рынок и заинтересованный в новых маршрутах их транспортировки в государства – члены ЕС, минуя Россию [6, с. 16]. Основным поставщиком каспийских углеводородов через западные трубопроводы сегодня является Россия. Однако в целях обеспечения энергетической безопасности ЕС стремится к созданию независимых от России маршрутов транспортировки энергоносителей. Наша страна действительно является крупнейшим поставщиком на каспийском топливно-энергетическом рынке, но отнюдь не единственным. К сотрудничеству с западными государствами активно стремятся новые прикаспийские государства, для которых такое сотрудничество сулит возможность за счет увеличения притока иностранных инвестиций осваивать новые месторождения нефти и решать имеющиеся экономические проблемы. Для России же, все еще зависимой от экспорта углеводородного сырья и колебания цен на энергоресурсы, отказ от высоких темпов его добычи может отрицательно сказаться на бюджете и ВВП страны.

Прикаспийские государства, и в том числе Россия, заинтересованы в эффективном использовании энергетического потенциала, полноценной интеграции в мировой энергетический рынок, укреплении позиции на нем и получении максимальной выгоды для национальных экономик.

Перспективным направлением поставок каспийских углеводородных ресурсов следует рассматривать Китай, который с каждым годом наращивает потребление нефти и газа. «Привлекательность данного направления для КНР определяется следующими обстоятельствами: он позволяет уменьшить зависимость от производителей Персидского залива и избежать «малаккской дилеммы», поскольку транспортировка из этих стран относительно безопасна, коротка и осуществляется по наземным трубопроводам» [6, с. 17].

География поставок углеводородов, а также маршруты их транспортировки имеют исключительное значение для интересов всех стран мирового сообщества, поэтому проблема выбора маршрутов транспортировки каспийских углеводородов превратилась в главный геополитический и геоэкономический фактор в Каспийском регионе.

Другая проблема региона – кризисное экологическое состояние Каспийского моря, ставшее следствием интенсивного использования природных ресурсов без какого-либо учета негативных последствий такого подхода. Критическая экологическая ситуация обостряет общую ситуацию и приводит к усилению отрицательного влияния на ход развития региональной политико-экономической системы.

Основные причины кризисного состояния экосистемы Каспия эксперты видят в загрязнении водоема отходами нефтедобывающей и перерабатывающей отрасли, добычи сероводородного сырья, радиоактивными отходами АЭС и ежедневно увеличивающимися объемами промышленных и бытовых отходов, приносимых Волгой.

Эксперты ЮНЕП отмечают, что активная разведка углеводородов, сети трубопроводов, промышленное загрязнение грунтовыми водами и водами рек, береговое опустынивание, изменение климата и потеря видового биоразнообразия из-за появления в Каспии занесенных агрессивных видов и интенсивного вылова рыбы – основные, но далеко не все факторы, угрожающие Каспийскому морю [7]. Отмечается загрязненность именно северной части Каспия, где находятся месторождения сероводородного назначения. Как считает эксперт В. Калюжный – Председатель Наблюдательного совета фонда «Национальный нефтяной институт», «если разливы нефти не наносят большого вреда экологии, то сероводород в случае аварии поймать будет просто невозможно» [8].

Проблема нефтяного загрязнения Каспийского моря приобрела особую остроту и злободневность в связи с крупномасштабным освоением углеводородных запасов его шельфа всеми прикаспийскими государствами и отсутствием широкой практики осуществления природоохранных функций. Правда, справедливости ради следует отметить определенные успехи компании «Лукойл», которая первой внедрила замкнутую систему производства и перешла к нулевому выбросу. В последнее время вопросам экологической безопасности значительное внимание уделяют Азербайджан и Казахстан. Что касается России, в целом надзор за морским недропользованием в части добычи нефти и газа, а также проводимые природоохранные мероприятия на Каспии недостаточны.

Стоит отметить положительный опыт зарубежных приморских стран, таких как Канада, Норвегия, Швеция, Дания, Великобритания, Саудовская Аравия, Венесуэла, Мексика и других, осуществляющих государственные функции по управлению морской деятельностью в соответствии со сложившейся оперативной обстановкой в зонах ответственности. При этом государственные органы генерируют управляющие воздействия и добиваются желаемого поведения всех участников морской деятельности или морской активности в пределах контролируемых акваторий, находящихся под национальной юрисдикцией или в конвенциональных районах. Можно сказать, что при такой постановке дела органы государственного контроля морской деятельности сами являются ее активными участниками [9, с. 40]. Безусловно, такой опыт заслуживает самого пристального внимания с целью экстраполирования его не только на освоение морских ресурсов Каспия, но и прежде всего на недопущение негативных последствий их использования.

Географическое положение Каспийского региона имеет важное стратегическое значение не только для обеспечения энергетической и экологической безопасности, но и военной безопасности, защиты национальных интересов России.

Как показывают исторические события и современные реалии, Каспийский бассейн всегда был и остается регионом политической конфликтности. Свидетельством тому стали политические противоречия и вооруженные конфликты прошлого века (азербайджано-армянский конфликт из-за Нагорного Карабаха, чеченские войны, деятельность террористической организации «Исламское государство» на Кавказе, агрессивная политика Грузии, приведшая к войне в Южной Осетии, и др.). На современном этапе сохраняется возможность эскалации существующих и возникновения новых вооруженных конфликтов вблизи границ государств Каспийского региона с возможным переносом боевых действий на их территорию [10, с. 104].

Вызывает озабоченность проявление повышенного интереса США и ведущих западных стран к региону с целью расширения своего политического, экономического и военного присутствия и влияния в зоне Каспия и на подступах к нему [10, с. 105].

Названные проблемы затрагивают интересы всех прикаспийских стран, но их решение невозможно без совместных действий. Государства Каспийского бассейна заинтересованы в создании жизнеспособного, действенного, оперативно реагирующего на внешние вызовы и внутрирегиональные проблемы союза, принципами существования которого должны быть взаимное уважение и доверие, максимальный учет интересов всех прикаспийских стран, обеспечение равных условий безопасности для всех государств региона.

Тенденция к сближению интересов стран Каспийского бассейна в различных сферах подтверждается многочисленными двусторонними соглашениями глав прикаспийских государств, важными совместными решениями, такими как соглашение о сохранении и рациональном использовании водных биологических ресурсов моря или принцип «неприсутствия на Каспийском море вооруженных сил, не принадлежащих сторонам», и др. [11, с. 292].

Официальную политику России, направленную на интеграцию стран Каспийского бассейна, реализует Астраханская область, ставшая центром притяжения и проводником интересов России на Каспии. Статус Астраханского региона как центра России на Каспии обусловлен историческими, географическими и психологическими факторами. Основой активности международных и межрегиональных связей Астраханской области служит повышенное внимание к Каспийскому региону со стороны федеральных органов власти [12, с. 16].

В целом за период новейшего времени Астраханская область обрела статус приграничной территории и право проведения самостоятельной внешнеполитической деятельности; преодолела кризис ведущих отраслей производства, стабилизировала экономическое положение; установила добрососедские отношения с прикаспийскими государствами и их прибрежными акторами; выработала политику межгосударственного сотрудничества в макрорегионе, заложив основы интеграционных процессов [1, с. 106].

В Астрахани проводятся встречи, посвященные обсуждению актуальных вопросов сотрудничества России с Прикаспийскими странами. Так, в мае 2017 г. в Астрахани прошло шестое выездное совещание министерства иностранных дел Российской Федерации, на котором обсуждались проблемы, касающиеся политики, экологии, экономики, торговли, двусторонних контактов, гуманитарных связей. Данное мероприятие прошло с участием глав департаментов МИД России, послов нашей страны в странах Прикаспия, представителей МИД в нашем регионе и Республике Дагестан, а также руководства Астраханской области и региональных представителей федеральных структур [13].

В ноябре 2017 г. в Астрахани прошел Международный круглый стол «Перспективы каспийской интеграции: экономика, транспорт, гуманитарная сфера», в работе которого приняли участие эксперты из России и Казахстана – участники Каспийского экспертного клуба, а также руководитель представительства Министерства иностранных дел Российской Федерации в г. Астрахани О. В. Коломин, консул Республики Казахстан в г. Астрахани К. М. Шеккалиев, второй секретарь Консульства Туркменистана в Российской Федерации Н. А. Розыджумаев, атташе по политическим и экономическим вопросам Консульства Исламской Республики Иран в г. Астрахани Мохтари Бехруз, представитель Министерства международных и внешнеэкономических связей Астраханской области. В рамках мероприятия обсуждались интеграционные процессы в Каспийском регионе, экономическое взаимодействие «Прикаспийской пятерки», международные транспортные коммуникации и проекты диверсификации экономики прикаспийских государств, особенности гуманитарного сотрудничества стран региона [14].

Проблемы, обсуждаемые политиками и экспертами на подобных высоких мероприятиях, свидетельствуют о том, что Каспийский регион имеет огромный экономический и культурный потенциал, для развития которого необходимо усиливать интеграционные процессы в регионе, что в равной степени будет отвечать интересам как России, так и других прикаспийских государств.

Добиться мира и стабильности, экономического процветания и безопасности в Каспийском регионе можно только на основе сотрудничества стран в режиме конструктивного обсуждения всех региональных проблем, при взаимном учете интересов территорий, входящих в регион, сближении позиций каспийских государств по ряду стратегических вопросов.

Список использованных источников

1. Никонова, Н. М. Астраханский регион – проводник российской интеграционной политики в Прикаспии: история и современность / Н. М. Никонова, Т. В. Перевезенцева // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2017. – № 2. – С. 99–106.
2. Усманов, Р. Х. Новый вектор исследования современных геополитических процессов в каспийском регионе в аспекте национальной безопасности государств / Р. Х. Усманов, З. Д. Джавад // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2015. – № 3 (44). – С. 71–77.
3. Айвазян, Д. С. Проблема правового статуса Каспийского моря: позиции сторон и перспективы разрешения / Д. С. Айвазян // Рос. науч. журн. – 2011. – № 2 (21). – С. 34.
4. Волгина, А. В. Астрахани появится азербайджанский деловой центр / А. Волгина // Волга. – 2016. – № 97 (193). – С. 3.
5. Муханов, В. Состояние энергоносителей в Каспийском регионе и роль России в их транспортировке на мировой рынок / В. Муханов // Внутренние и внешние факторы в динамике современного развития Кавказа. Аналитические зап. – М. : МГИМО-Университет. – 2008. – № 6. – С. 22.
6. Мухаметов, Р. С. Геоэнергетические интересы ЕС, России и Китая в Каспийском регионе / Р. С. Мухаметов // Междунар. публичное и частное право. – 2011. – № 4. – С. 15–19.
7. Экологические проблемы Каспия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://news-mining.ru/analitika/ekologicheskie_problemy_kaspiya/. – Дата доступа: 14.02.2018.
8. Участники «Каспийского диалога – 2017» о проблемах Каспийского региона // Информ.-аналитический портал «CASP-GEO». – Режим доступа: <http://casp-geo.ru>. – Дата доступа: 14.02.2018.
9. Кокорев, П. Б. Морской контроль в России: историко-правовой аспект / П. Б. Кокорев // История государства и права. – 2012. – № 18. – С. 38–42.
10. Новоселов, С. В. Особенности современной системы региональной безопасности в Каспийском регионе / С. В. Новоселов // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2016. – № 4 (49). – С. 103–111.
11. Выступление Владимира Путина и Нурсултана Назарбаева на Петербургском международном экономическом форуме 17 июня 2016 [Электронный ресурс] // mr7.ru. Мой район. – Режим доступа <http://mr7.ru/articles/133822/>. – Дата доступа: 14.02.2018.
12. Главное – сохранить на Каспии контролируемую ситуацию. МИД России [Электронный ресурс] // Trend News Agency. – Режим доступа: <http://www.trend.az/azerbaijan/politics/2555092.html>. – Дата доступа: 14.02.2018.
13. Сотрудничество со странами Прикаспия получит дальнейшее развитие [Электронный ресурс] // Телеканал 7+. – Режим доступа: <http://7plustv.ru/News/2017/05/17/22959>. – Дата доступа: 14.02.2018.
14. Перспективы сотрудничества в сфере транспорта и экономики стран Прикаспия как фундамент региональной интеграции обсудят в Астрахани [Электронный ресурс] // Этноконфессиональный совет при Губернаторе Астраханской области. – Режим доступа: <https://etnokonf.astrobl.ru/press-release/perspektivy-sotrudnichestva-v-sfere-transporta-i-ekonomiki-stran-prikaspiya-kak>. – Дата доступа: 14.02.2018.

РОЛЬ СОВРЕМЕННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРОЦЕССЕ ПОДГОТОВКИ ЮРИДИЧЕСКИХ КАДРОВ В УСЛОВИЯХ ПОСТРОЕНИЯ ЭКОНОМИКИ ШЕСТОГО ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО УКЛАДА

Маньковский Игорь Александрович,
начальник центра частноправовых и социально-экономических исследований
НИИ ТиСО Международного университета «МИТСО», г. Минск,
кандидат юридических наук, доцент

Качественная подготовка специалистов с высшим юридическим образованием является одной из неперенных составляющих эффективного государственного управления. Исходя из того, что вне рамок правового опосредования современное общество развиваться не в состоянии, одним из важных элементов высшего юридического образования следует признать наряду с теоретической практическую подготовку будущих специалистов, качество которой определяется, во-первых, уровнем развития юридической науки и, во-вторых, степенью эффективности подготовки в области права специалистов, способных как развивать юридическую науку, так и осуществлять практическое применение полученных научных результатов.

По сути, можно констатировать тот факт, что система права, качество входящих в ее состав правовых норм оказывает самое непосредственное влияние на развитие всех общественных процессов и, как следствие, на качество жизни членов общества и стабильность государственного развития.

Следует констатировать, что на современном этапе общественного развития мировое сообщество во всех сферах общественной жизни активно использует информационные ресурсы и технологии, что позволяет существенно сократить временные затраты на получение актуальной информации, объ-

емы которой, необходимые специалисту в его практической деятельности, растут в геометрической прогрессии.

Не стала исключением и сфера высшего юридического образования, в процессе организации которого все большее место занимают электронные информационные ресурсы, в том числе электронные базы данных, электронные энциклопедии, словари, различные обучающие и тестирующие программы, глобальная компьютерная сеть Интернет. Существенное значение имеют электронные базы в процессе подготовки специалиста с высшим юридическим образованием, что обусловлено ежегодным ростом банка нормативных правовых актов, постоянным совершенствованием законодательства Республики Беларусь в процессе поиска новых эффективных путей государственного развития и, как следствие, изменением содержания действующих нормативных правовых актов, необходимых для решения практических задач.

Неизбежное гиперактивное развитие и внедрение в повседневной жизни электронных технологий отразилось и на выборе средств обучения студентами учреждений высшего образования, осуществляющих подготовку юристов по образовательным программам I и II ступени высшего образования.

«К новым образовательным технологиям, продвигаемым в последнее время в европейских странах, относится модульная система подготовки специалистов, предполагающая модульно-компетентностный подход в высшем образовании» [1], что направлено на развитие самостоятельности обучающихся, их умения работать с учетом индивидуальных способов проработки учебного материала.

Следует констатировать тот факт, что на современном этапе развития образовательных технологий единого подхода к пониманию модуля ни европейская система высшего образования, ни педагогическая наука не выработали. В настоящее время под модулем в целом понимают некие самостоятельные единицы обучения, отдельные блоки совокупности смежных дисциплин, образующие коррелятивную целостность в рамках образовательной программы и заканчивающиеся промежуточным контролем уровня освоения студентом определенных блоков учебной информации. При этом модуль в современном понимании должен представлять собой целевой функциональный узел, в котором учебное содержание, методика овладения им, система контроля и коррекции объединены в единую целостную систему.

В современной научной литературе выделяют три уровня применения модульной системы обучения:

- 1) низший уровень, предполагающий применение модульной системы исключительно для контроля успеваемости студентов;
- 2) средний уровень, связывающий отдельные дисциплины и предполагающий переработку учебных программ с выделением в дисциплинах относительно самостоятельных блоков, ориентированных на усвоение относительно самостоятельного фрагмента учебной информации;
- 3) высший уровень, предполагающий связь всех дисциплин учебного плана с переработкой всех учебных программ с целью их согласования и ориентации на конечный результат, зафиксированный в квалификационной характеристике специалиста [2].

Для уяснения сущности модульной системы образования необходимо выделить принципиальные отличия модульного обучения от других систем обучения:

- содержание обучения представляется в законченных самостоятельных комплексах, усвоение которых направлено на достижение четко сформулированной для обучающегося цели, содержащей в себе не только указание на объем изучаемого материала, но и на необходимый уровень его усвоения;
- в процессе применения модуля обучаемый получает от преподавателя письменные советы по рациональному изучению материала, при этом изменяется форма общения преподавателя со студентом;
- модули способствуют реализации процесса индивидуального общения управляемого и управляющего;
- обучаемый работает максимум времени самостоятельно, что способствует обучению целеполаганию, самопланированию, самоорганизации и самоконтролю.

Основой модульного обучения является идея, согласно которой обучаемый должен учиться сам, а преподаватель обязан осуществлять управление его обучением: мотивировать, координировать, организовывать, консультировать, контролировать.

Квинтэссенцией концепции модульного обучения является процесс формирования учебного курса из относительно небольших автономных тем, подлежащих изучению в его рамках.

Первоначально такие единицы назывались «микрокурсами», потом стали называться «мини-курсами», а в последующем – «модулем» в его обобщающем понятии.

Исходя из основной идеи модульного обучения, можно сделать вывод о том, что такая система может быть применена в среде студентов, решивших целенаправленно получать соответствующее образование, обладающих достаточной степенью ответственности и самостоятельности, без чего невозможна эффективная самостоятельная работа, осознающих необходимость приобретения максимально полного комплекса наиболее современных научных знаний и практических навыков их применения, способных самостоятельно адекватно оценить учебный и научный материал, подлежащий изучению, полностью осознающих конечную цель обучения.

В модуле излагается принципиально важное содержание учебной информации:

- приводится разъяснение к этой информации;
- определяются условия погружения в информацию (с помощью средств ТСО, конкретных литературных источников, методов получения информации);

- приводятся теоретические задания и рекомендации к ним;
- указываются практические задания;
- предлагается система самостоятельного и внешнего контроля.

Преимущества модульного образования состоят в том, что:

- обеспечивается неразрывность обучения между дисциплинами, внутри дисциплины между модулями;
- обеспечивается методически обоснованное согласование всех видов учебного процесса внутри каждого модуля и между ними;
- устанавливается систематический и эффективный контроль усвоения знаний студентами;
- модуль позволяет быстро дифференцировать студентов по способностям; модульная система позволяет добиться наибольшей интенсификации обучения в результате «сжатия» информации, эффективного использования аудиторных часов, оптимизации структуры учебного времени.

К основным недостаткам модульного образования следует отнести большие затраты на копирование модульных курсов, большие трудозатраты при подготовке модульных программ и ориентацию модульного образования не на получение глубоких научных знаний, а на практическую составляющую учебного процесса.

Необходимо также отметить, что переход на модульную систему обучения требует:

- во-первых, наличия в штате учреждения образования высококвалифицированных специалистов из числа лиц профессорско-преподавательского состава, имеющих опубликованные (готовые к опубликованию) учебные курсы по соответствующим дисциплинам, что является основой создания модульных программ без нарушения законодательства об авторском праве;
- во-вторых, создания надлежащих (временных, технических и материальных) условий для разработки соответствующих модулей по отдельным дисциплинам, блокам дисциплин и в итоге разработки целостной программы модульного обучения для соответствующей специальности;
- в-третьих, соответствующей психологической готовности обучаемых к переходу на самостоятельное в основе своей обучение.

В заключение следует отметить, что модульная система обучения с приоритетным уклоном в сторону практической подготовки специалиста с высшим юридическим образованием в условиях сокращения сроков подготовки и минимизации затрат на образовательный процесс, по нашему мнению, является наиболее приемлемой. Применение образовательных модулей будет способствовать получению узкоспециальных знаний применительно к выбранной специальности и успешной их адаптации для практического применения, что следует признать приоритетной задачей подготовки специалистов на современном этапе развития высшего юридического образования в условиях стремления Республики Беларусь к построению экономики шестого технологического уклада.

Список использованных источников

1. Маньковский, И. А. Современные тенденции развития высшего образования / И. А. Маньковский // Высшая школа: проблемы и перспективы : материалы 10-й Междунар. науч.-метод. конф., Минск, 10 нояб. 2011 г. / Республиканский ин-т высш. школы. – Минск : РИВШ, 2011. – Ч. 1. – С. 122–126.
2. Маньковский, И. А. Модульная система как перспективное направление развития учебного процесса / И. А. Маньковский // Социальная сфера общества: инновационные тенденции развития Социальная сфера общества: инновационные тенденции развития : материалы III науч.-практ. конф., Краснодар, 22 нояб. 2012 г. / Ин-т экономики и управления в медицине и социальной сфере. – Краснодар : АНОО ВПО «Институт экономики и управления в медицине и социальной сфере», 2012. – С. 343–346.

НЕМАТЕРИАЛЬНОЕ КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ: НОВЫЕ ПОДХОДЫ В КОДЕКСЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ О КУЛЬТУРЕ

Мартыненко Игорь Эдуардович,
заведующий кафедрой гражданского права и процесса
Гродненского государственного университета им. Янки Купалы, г. Гродно,
доктор юридических наук, профессор

Нематериальное культурное наследие – это совокупность присущих этнической, социальной или конфессиональной группе духовных, интеллектуальных и нравственно-этических ценностей, являющихся отражением культурной и национальной самобытности общества и охватывающих образ жизни, традиции и формы их выражения. Нематериальное культурное наследие включает язык, нормы и правила поведения, верования, обряды, обычаи, празднества, фольклор, технологии изготовления предметов народного декоративно-прикладного искусства, музыкальных инструментов, предметов быта и народные художественные каноны, реализующиеся в исторически сложившихся сюжетах и образах и стилистике их воплощения.

Выделяют следующие виды объектов нематериального культурного наследия: постоянно воспроизводимые на определенной территории обряд или празднество; уникальные формы словесного, вокального,

инструментального, танцевального исполнительства; традиционная духовная культура конкретного населенного пункта, конфессиональной или субэтнической общности; технологии изготовления предметов народного декоративно-прикладного искусства, музыкальных инструментов, предметов быта и народные художественные каноны, реализующиеся в исторически сложившихся сюжетах и образах и стилистике их воплощения, существующие на конкретной территории; зафиксированные на разных видах материальных носителей язык, народные знания, верования, обряды, обычаи, празднества, произведения фольклора, технологии изготовления предметов народного декоративно-прикладного искусства, музыкальных инструментов, хранящиеся в государственных музеях, архивах и библиотеках, а также в архивах научно-исследовательских учреждений, учебных заведений, иных организаций.

Защита нематериального культурного наследия осуществляется на двух уровнях: международном и национальном.

Международный уровень защиты нематериального культурного наследия включает Конвенцию ЮНЕСКО «Об охране нематериального культурного наследия» (2003 год), в которой участвуют все страны СНГ, и Модельный закон «Об охране нематериального культурного наследия», принятый Межпарламентской Ассамблеей государств – участников Содружества Независимых Государств 29 ноября 2013 г. В модельном законе нематериальное культурное наследие определяется как совокупность присущих этнической, социальной или конфессиональной группе духовных, интеллектуальных и нравственно-этических ценностей, являющихся отражением культурной и национальной самобытности общества и охватывающих образ жизни, традиции и формы их выражения, включая язык, нормы и правила поведения, верования, обряды, обычаи, празднества, фольклор, технологии изготовления предметов народного декоративно-прикладного искусства, музыкальных инструментов, предметов быта и народные художественные каноны, реализующиеся в исторически сложившихся сюжетах и образах и стилистике их воплощения.

На национальном уровне нематериальное проявление человеческого творчества рассматривается как неотъемлемая часть национального и культурного достояния, и, соответственно, на них распространяются общие положения, закрепленные в Конституции Республики Беларусь и законодательстве о государственной охране и защите культурного (историко-культурного) наследия. 3 февраля 2017 г. вступил в силу Кодекс Республики Беларусь о культуре, определивший новый подход к охране и использованию нематериального наследия. Данный нормативный акт, сохраняя преемственность, оперирует понятием «нематериальная историко-культурная ценность».

По состоянию на эту дату в стране на государственный учет посредством включения в Государственный список историко-культурных ценностей Республики Беларусь приняты 112 элементов нематериального культурного наследия, в том числе таковыми признаны гербы 48 исторических городов.

Ведением Инвентаря нематериального культурного наследия по поручению Министерства культуры занимается Институт культуры Беларуси [1].

Нематериальные историко-культурные ценности могут воплощаться в виде:

- отдельной культурной ценности;
- комплекса нематериальных культурных ценностей, если их содержание выражается через обряды, фольклор (устное народное творчество), в состав которых входят различные по своему характеру действия (танцы, песни, другие нематериальные проявления творчества человека), объединенные одной сущностной направленностью.

Памятниками духовной культуры особого рода являются исторические географические названия – названия городов, улиц и площадей, проспектов, улиц и переулков. Исторические названия за время своего существования накапливают в себе уникальные сведения об истории, культуре, языке людей, живущих в местах, обозначенных этими именами.

Нематериальные историко-культурные ценности делятся на следующие категории:

- категория «А» – историко-культурные ценности, полная аутентичность и достоверность которых безусловна и неизменна. Таковую категорию имеет, например, «Местный песенный стиль исполнения традиционных обрядовых и внеобрядовых произведений аутентичными фольклорными коллективами» в Гомельской области;

- категория «Б» – историко-культурные ценности, которые полностью или частично восстановлены (зафиксированы) на вторичном материале или объективно со временем могут меняться. Таковую категорию имеют, например, гербы исторических городов. Обязательной частью герба являются гербовые эмблемы. Их стали помещать на монетах, печатях и других предметах, но они еще не являлись гербами. Отличительные знаки стали превращаться в гербовые эмблемы тогда, когда они стали приобретать наследственный характер [2, с. 9].

В 2009 году уникальный белорусский народный обряд «Колядные цари», который существует только в деревне Семежево (Минская область), включен в Список нематериального культурного наследия, нуждающегося в срочной защите [3, с. 39].

Объекты нематериального культурного наследия подлежат охране в целях предотвращения их исчезновения, повреждения или разрушения материальных носителей, на которых они зафиксированы, нарушения установленного порядка их использования, перемещения и предотвращения других действий, могущих причинить вред объектам нематериального культурного наследия, а также в целях их защиты от иных негативных

воздействий. В этом контексте интересен опыт Азербайджанской Республики – страны, которая первая приняла закон, направленный на охрану фольклора как одного из проявлений нематериального культурного наследия. Речь идет о законе от 16 мая 2003 г. «О правовой охране выражений азербайджанского фольклора». Согласно данному закону проявления фольклора защищаются от коммерческого использования вне сферы традиционного использования, то есть от искажения, расхищения, фальсификации, плагиата. Законом предусмотрены средства гражданско-правовой защиты выражений фольклора. Так, соответствующие государственные органы (министерство культуры) вправе требовать прекращения действий, нарушающих правила законного использования выражений фольклора или создающих угрозу нарушения. При обращении в суд с целью охраны выражений фольклора, кроме общих гражданско-правовых методов защиты, по требованию истца может быть взыскан доход, полученный нарушителем вследствие нарушения прав, либо выплачена компенсация. Нарушение требований по использованию выражений фольклора, если в результате этих деяний причинен ущерб в значительном размере, влечет уголовную ответственность по ст. 1652 Уголовного кодекса.

В Республике Беларусь охрана национального нематериального культурного наследия включает систему не только организационных, финансовых, материально-технических, информационных, но и правовых мер, направленных на обеспечение жизнеспособности национального нематериального культурного наследия.

Охрана объектов нематериального культурного наследия включает в себя:

- государственный контроль за соблюдением законодательства в области охраны и использования объектов нематериального культурного наследия;
- государственный учет объектов, обладающих признаками объекта нематериального культурного наследия;
- установление ответственности за повреждение или уничтожение материального носителя, на котором зафиксирован объект нематериального культурного наследия.

Основными принципами организации государственной охраны объектов нематериального культурного наследия являются:

- утверждение государственных целевых программ сохранения, изучения, использования, популяризации и государственной охраны объектов нематериального культурного наследия;
- определение политики в области государственной охраны объектов нематериального культурного наследия;
- обеспечение сохранения, изучения, использования, популяризации и государственной охраны объектов нематериального культурного наследия;
- принятие в случаях, установленных Кодексом о культуре, решения о включении объекта нематериального культурного наследия государственного значения в Государственный список историко-культурных ценностей Республики Беларусь, об исключении объекта нематериального культурного наследия из указанного списка, о перемещении объекта нематериального культурного наследия, об изменении категории объекта нематериального культурного наследия;
- осуществление государственного контроля за сохранением, использованием, популяризацией и государственной охраной объектов нематериального культурного наследия совместно с региональными и местными органами государственной власти;
- осуществление международного сотрудничества в области охраны объектов нематериального культурного наследия; заключение и организация выполнения международных договоров в области охраны объектов нематериального культурного наследия;
- научно-методическое обеспечение в области сохранения и использования объектов нематериального культурного наследия, установление основ научно-методического обеспечения в области государственной охраны и популяризации объектов нематериального культурного наследия.

Дополняя указанное утверждение, считаем, что в учреждениях образования необходимо организовать обучение правовым аспектам охраны, использования и восстановления историко-культурного наследия вообще, составной частью которого является нематериальное культурное наследие.

Список использованных источников

1. Социальная и образовательная роль музеев в продвижении принципов Конвенции ЮНЕСКО об охране нематериального культурного наследия (2003 год) : аналитическая зап. / А. Б. Сташкевич. – М. : ИКОМ России, 2015. – 28 с.
2. Адамушко, В. И. Современная геральдика Беларуси / В. И. Адамушко, М. М. Елинская. – Минск : Бел. энциклапедыя ім. П. Броўкі, 2012. – 536 с.
3. Нематериальное культурное наследие Азербайджана, Армении, Беларуси, Республики Молдова и Российской Федерации : материалы Региональной консультативной встречи экспертов : информ. сб. / Ин-т искусствоведения, этнографии и фольклора им. К. Крапивы Нац. акад. наук Беларуси. – Минск, 2013. – 73 с.

К ВОПРОСУ О СПЕЦИФИКЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ ГОСУДАРСТВА

Матвийчук Анатолий Васильевич,

доцент кафедры правосудия

Государственного университета инфраструктуры и технологий, г. Киев,

кандидат юридических наук, доцент

Правовое демократическое государство – один из главных субъектов конституционно-правовых отношений, поскольку только государство выступает официальным представителем всего общества, а все остальные общественные организации (трудовые коллективы, органы местного самоуправления, административно-территориальные единицы, объединения граждан (общественные организации, профсоюзы, территориальные общины, политические партии, религиозные общины, органы самоорганизации населения и др.) только представляют его часть. Итак, Украинское государство как субъект конституционно-правовых отношений наделено не только определенными правами, но и конституционными обязанностями.

Понятие «конституционные обязанности Украинского государства», по нашему мнению, целесообразно понимать как меру необходимой, надлежащей деятельности государства в политической, экономической, социальной, культурно-духовной и других сферах общественной жизни, реализация которой осуществляется на основании, в пределах и способами, которые определены, предусмотрены и гарантированы Конституцией и законами Украины в законных интересах своих граждан, общества и государства в целом.

Системный анализ национального законодательства и государственной практики свидетельствует, что конституционные обязанности государства имеют определенную специфику. Итак, в чем же заключается специфика конституционных обязанностей Украинского государства?

Слово «специфика» означает отличительные особенности предмета, явления; то, что характерно для определенного предмета, явления. Следовательно, необходимо определить характерные особенности конституционных обязанностей государства, благодаря чему они отличаются от обязанностей других субъектов конституционных правоотношений. По нашему мнению, конституционным обязанностям государства присущ ряд юридических особенностей, которые определяют их значимость в системе права, в обществе и государстве.

Высшая юридическая сила – одна из базовых юридических особенностей конституционных обязанностей Украинского государства. Такие обязанности государства в основном объективированы в разделе I Конституции Украины «Общие положения», внесение изменений и дополнений, а также конкретизация которого требует не только согласованного консенсуса Верховной Рады Украины, но и согласия украинского народа, поэтому такие обязанности государства имеют высокую степень юридической защиты, то есть конституционной гарантированности.

Конституция Украины «возглавляет» иерархическую систему всех правовых актов в государстве. Это означает, что другие правовые акты, регламентирующие обязанности государства, не могут ей противоречить, а в случае наличия несоответствия положениям Конституции Украины они по решению Конституционного Суда Украины признаются неконституционными.

Другим важным специальным аспектом конституционных обязанностей Украинского государства, который образуется из содержания Конституции Украины, являются сферы реализации таких обязанностей: удовлетворение национально-культурных и языковых потребностей украинцев (ст. 12), внешнеполитическая деятельность Украины, обеспечение национальных интересов и безопасности (ст. 18), социальная защита граждан Украины (статьи 17, 46), охрана здоровья граждан, финансирование соответствующих социально-экономических, медико-санитарных и оздоровительно-профилактических программ (ст. 49), законодательное регулирование определенных общественных отношений (ст. 92), разработка основных принципов денежно-кредитной политики государства (ст. 100), обеспечение проведения ценовой, финансовой, инвестиционной и налоговой политики; проведение политики в сферах труда и занятости населения, социальной защиты, образования, науки и культуры, охраны природы, экологической безопасности и природопользования; разработка и реализация общегосударственных программ экономического, научно-технического, социального и культурного развития Украины (ст. 116) и др. Итак, специфика конституционных обязанностей Украинского государства заключается в том, что их реализация охватывает все сферы общественной жизни. Ими являются политические, экономические, социальные, военные, культурно-духовные, экологические и иные правоотношения, что обуславливает необходимость всесторонней функциональной деятельности государства как субъекта конституционно-правовых отношений.

Не менее важным специфическим признаком конституционных обязанностей Украинского государства является то, что их реализация возлагается на компетентные органы публичной власти и их должностных лиц. Такими органами публичной власти являются прежде всего органы государственной власти.

Орган государственной власти – это созданный государством или непосредственно избранный гражданами государства орган, который наделен государственно-властными полномочиями, имеет присущую ему структуру и осуществляет государственно-организационные, распорядительные, судебные и другие функции в соответствии со своим назначением. Наличие государственно-властных полномочий в органах государственной власти означает возможность принимать соответствующие нормативно-пра-

вовые акты и добиваться их выполнения с помощью средств легитимного принуждения. Такими органами государства являются Верховная Рада Украины, Президент Украины, Кабинет Министров Украины, Высший совет правосудия, Конституционный Суд Украины, Генеральная прокуратура Украины и др.

Реализация конституционных обязанностей Украинского государства возлагается и на уполномоченных должностных лиц, к числу которых относятся Премьер-министр Украины, председатель Службы безопасности Украины, Председатель Верховной Рады Украины, Председатель Счетной палаты, Председатель Антимонопольного комитета Украины, Председатель Государственного комитета телевидения и радиовещания Украины, Председатель Фонда государственного имущества Украины и др.

Органы государственной власти имеют свою «специализацию», то есть предмет ведения, поэтому они в основном реализуют обязанности государства в определенной сфере общественных отношений (политической, правоохранительной, оборонной и др.). Например, Министерство обороны Украины как центральный орган исполнительной власти обязан обеспечить «проведение в жизнь государственной политики в сфере обороны, функционирования, боевую и мобилизационную готовность, боеспособность и подготовку Вооруженных Сил Украины к осуществлению возложенных на них функций и задач» (ст. 10 Закона Украины от 6 декабря 1991 г. «Об обороне Украины») [1].

Очевидна незаменимость функциональной деятельности каждого органа государственной власти, поскольку бездействие любого из них приводит к пробелам в процессе государственного управления и к невыполнению государством своих конституционных обязанностей. Например, Конституция Украины установила: «Единственным органом законодательной власти в Украине является парламент – Верховная Рада Украины» (ст. 75). Это означает, что другого государственного органа, на который возлагаются конституционные обязанности по осуществлению законодательной деятельности в государстве, нет.

На Президента Украины как на главу государства возлагаются следующие исключительные конституционные обязанности: признание иностранных государств; назначение и увольнение глав дипломатических представительств Украины в других государствах и при международных организациях; принятие верительных и отзывных грамот дипломатических представителей иностранных государств (ст. 106 Конституции Украины) и др. Таким образом, реализация конституционных обязанностей каждым из таких субъектов правоотношений предопределяет реализацию конституционных обязанностей Украинского государства в целом.

Нормативная правопреемственность является следующим специфическим признаком конституционных обязанностей Украинского государства. Современная система международного и национального законодательства признает такой институт как правопреемственность, который в доктрине права в основном называют «международное правопреемство», «государственное правопреемство» и (или) «межгосударственное правопреемство». Закон Украины от 12 сентября 1991 г. «О правопреемстве Украины» определил: «Украина является правопреемником прав и обязанностей по международным договорам СССР, не противоречащих Конституции Украины и интересам республики» (ст. 7) [2].

Следовательно, сущность правопреемства в контексте нашего исследования заключается в том, что замена одного государства другим приводит, по сути, к «публичному наследованию» определенных обязанностей одного государства другим, в результате чего конституционные обязанности государства не исчезают, а в нормативном порядке возлагаются на другое государство и (или) государства. Из приведенного усматривается и специфика конституционных обязанностей Украинского государства, которая заключается в том, что сфера их распространения не определяется только государственной границей Украины, но и выходит за ее пределы, поскольку Украина как суверенное и правовое государство является субъектом международных правоотношений.

Историческая преемственность является еще одним специфическим признаком обязанностей государства, который в целом содержательно связан с уже приведенным выше признаком. Преемственность излагается в науке филологии как связь, сохраняется при переходе чего-либо от одного к другому; то, что переходит последовательно от одного к другому [3, с. 482]. По сути преемственность означает связь между явлениями в процессе их развития и функционирования, когда новое нивелирует что-то старое, однако сохраняет в себе некоторые его элементы, признаки, характеристики и т. п.

На геополитической карте мира, как и на территории современной Украины, в течение тысячелетий имел место пестрый «калейдоскоп» государств: одни из них исчезали и на их месте возникали другие. Они отличались по форме государственного правления, режима и (или) устройства, однако неперменной составляющей правосубъектности всех государств были их обязанности.

Хотя базовые обязанности государства на территории современной Украины возникли и утвердились на заре формирования древних государств (например, Скифское государство (VI – IV вв. до н. э.), Сарматское царство (III в. до н. э. – III в н. э.), греческие города-государства Северного Причерноморья (VIII – VI вв. до н. э.) Боспорское царство (V в. до н. э.), империя Гуннов (VII – V вв. до н. э.)), однако они и по сей день актуальны, «действующие» и востребованны.

Таковыми обязанностями государства являются: оборона территории государства, в том числе и военная, защита населения государства, осуществление публичного управления, обеспечение определенного правопорядка в государстве и в обществе. Такие обязанности изначально основывались на обычаях, традициях, а впоследствии утвердились и в нормах права, принятых государством. Например, обязанность государства –

защита суверенитета и территориальной целостности Украины (ст. 17 Конституции Украины). Таким образом, государство безотносительно к определенным историческим временам и другим факторам является субъектом определенного устойчивого ряда обязанностей, сущность которых опосредствована реальной действительностью общественного и государственного бытия.

Из приведенного усматривается и другой специфический признак обязанностей Украинского государства, а именно природный, а не нормативный характер их институционализации. Действительно, возникновение, формирование и утверждение обязанностей государства изначально было обусловлено потребностями общества, а впоследствии – и необходимостью организации публичного государственного властвования. Обязанности государства сначала возникли и утвердились, как уже отмечалось, в социуме, они стали привычными, традиционными и очевидными как для рядовых жителей городов-полисов, империй, национальных государств, так и для представителей публичной власти, знати, жрецов, философов, полководцев и т. п. Поэтому их имплементация в конституционное законодательство национальных государств воспринималась обществом как должный, а не как вынужденный шаг законодателя.

Не менее важным специфическим признаком конституционных обязанностей Украинского государства является юридическая неотвратимость их реализации.

«Словарь украинского языка» определяет слово «неотвратимый» как нечто, «чего нельзя избежать, чему нельзя помешать осуществиться» [4, с. 262]. Ученые-правоведы определяют сущность категории «юридическая неотвратимость» как юридическую неизбежность [5, с. 44], то есть то, «чего нельзя избежать, обойти, без которого невозможно обойтись», поскольку это является обязательным, неперенным и т. п.

Следовательно, возникает вопрос: чем обеспечены такие правовые категории, как юридическая неотвратимость и юридическая неизбежность. По нашему мнению, юридическая неотвратимость реализации конституционных обязанностей Украинского государства обусловлена прежде всего: а) императивным характером предписаний норм права, объективированных в Конституции и законах Украины, предметом правового регулирования которых является вопрос необходимой деятельности государства в той или иной сфере общественной жизни; б) юридической ответственностью за неисполнение или ненадлежащее исполнение таких обязанностей государства, которые в основном возлагаются на носителей этих обязанностей.

Несмотря на то, что Конституция Украины, с одной стороны, установила требование: «государство отвечает перед человеком за свою деятельность» (ст. 3), а с другой – не содержит прямого указания как на основание юридической ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение государством своих конституционных обязанностей, это не умаляет ответственности самого государства. Это обусловлено тем, что Основной Закон Украины закрепил принцип верховенства права (ст. 8), неуклонную обязанность органов государственной власти и органов местного самоуправления, их должностных лиц действовать только на основании, в пределах полномочий и способом, которые предусмотрены Конституцией и законами Украины (ч. 2 ст. 19), индивидуальный характер юридической ответственности (ст. 61). Следовательно, нормы Конституции Украины объективируют юридическую неотвратимость и неизбежность реализации конституционных обязанностей Украинского государства.

К системе приведенных выше специфических признаков государства можно добавить такую, как их объективная обоснованность, то есть аргументированность, убедительность, достаточная подтвержденность и необходимость. «Конституция Украины, регламентируя обязанности, исходит из того, что они, как указывают украинские ученые А. Н. Колодий, А. Ю. Олейник, объективны для государства и общества» [6, с. 209].

«Объективная обоснованность конституционных обязанностей Украинского государства формируется на основании теоретико-правового понимания концептуального единства прав и обязанностей субъекта правоотношений. Идея государства, – как утверждал Б. Н. Чичерин, – сочетает в себе два начала; она представляет сочетание прав и обязанностей» [7, с. 17].

Осуществление государством своих конституционных прав возможно при наличии выполнения его конституционных обязанностей, субъектом которых оно является. Так, Украинское государство имеет право в императивном порядке требовать от субъектов правоотношений платить налоги и сборы, однако Конституция Украины одновременно возлагает на государство обязанность – установить закон, предметом правового регулирования которого является порядок и размеры оплаты таких налогов и сборов. Невыполнение государством этой обязанности делает невозможным реализацию ее конституционного права.

Обобщая изложенное, приходим к определенным предметным выводам:

1. Конституционные обязанности Украинского государства – это мера необходимой, должной деятельности государства в политической, экономической, социальной, культурно-духовной и других сферах общественной жизни, реализация которой осуществляется на основании, в пределах и в порядке, которые определены, предусмотрены и гарантированы Конституцией и законами Украины в законных интересах своих граждан, общества и государства в целом.

2. Систему специфических признаков конституционных обязанностей Украинского государства составляют такие, как высшая юридическая сила; нормативная правопреемственность; историческая преемственность; природный, а не нормативный характер их институционализации; объективная обоснованность конституционных обязанностей государства, которая формируется на основании теоретико-правового понимания концептуального единства прав и обязанностей субъекта правоотношений; юридическая неотврати-

мость их реализации; как и факт, что их реализация охватывает все сферы общественной жизни: политические, экономические, социальные, военные, культурно-духовные, экологические и иные правоотношения, что обуславливает необходимость всесторонней функциональной деятельности государства как субъекта конституционно-правовых отношений; их реализация возлагается на компетентные органы публичной власти и их должностных лиц; нормативная правопреемственность; историческая преемственность; природный, а не нормативный характер их институционализации; объективная обоснованность конституционных обязанностей государства, которая формируется на основании теоретико-правового понимания концептуального единства прав и обязанностей субъекта правоотношений; юридическая неотвратимость их реализации.

Список использованных источников

1. Об обороне Украины : Закон Украины, 6 дек. 1991 г., № 1932-ХП : в ред. Закона от 05.04.2018 // Відомості Верховної Ради України. – 1992. – № 9. – Ст. 106.
2. Про правонаступництво України : Закон Украины, 12 сент. 1991 г., № 1543-ХП : в ред. Закона от 05.10.1991 // Відомості Верховної Ради України. – 1991. – № 46. – Ст. 617.
3. Словник української мови : в 11 т. / под ред. И. С. Назарова [и др.]. – К. : Наук. думка, 1978. – Т. 9. – 916 с.
4. Словник української мови : в 11 т. / под ред. В. О. Винник, Л. А. Юрчук. – К. : Наук. думка, 1974. – Т. 5. – 840 с.
5. Грек, Т. Б. Правова природа юридичної відповідальності: поняття, принципи та види / Т. Б. Грек // Адвокат. – 2010. – № 10. – С. 41–45.
6. Колодій, А. М. Права людини і громадянина в Україні : науч. пособие / А. М. Колодій, А. Ю. Олійник. – К. : Юрінком Інтер, 2003. – 336 с.
7. Чичерин, Б. Н. Курс государственной науки / Б. Н. Чичерин. – М. : Типогр. Т-ва И. Н. Кушнеровъ и К., 1894 // Відомості Верховної Ради України. – 1992. – № 9. – Ч. 1 : Общее государственное право. – 484 с.

ПОЛНОМОЧИЯ СУДЕБНОГО ПРИСТАВА ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ УСТАНОВЛЕННОГО ПОРЯДКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУДОВ

Овсянникова Эльвира Александровна,
доцент-заместитель заведующего кафедрой административных и финансово-правовых дисциплин
Института законоведения и управления ВПА, г. Тула,
кандидат юридических наук

Зачесса Елена Николаевна,
старший преподаватель кафедры административных и финансово-правовых дисциплин
Института законоведения и управления ВПА, г. Тула,

Проводимая в стране судебная и административная реформы, анализ правовых основ организации и деятельности органов и учреждений юстиции позволили по-иному взглянуть на правовой статус органов и учреждений юстиции и их государственных служащих. Права судебного пристава по обеспечению установленного порядка деятельности судов базируются прежде всего на Конституции РФ, Декларации прав и свобод человека и гражданина, Всеобщей декларации прав человека и др. Права судебного пристава формируются также и на законодательстве о государственной службе, например, Федеральном законе от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации», Федеральном законе от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации», и специальной нормативной ведомственной базе, регламентирующих непосредственно права судебного пристава. Это Федеральные законы от 21 июля 1997 г. № 118-ФЗ «О судебных приставах», от 21 июля 1997 г. № 119-ФЗ «Об исполнительном производстве», Указ Президента РФ от 13 октября 2004 г. № 316 «Вопросы Федеральной службы судебных приставов», Приказ Министерства юстиции России от 27 декабря 2006 г. № 384 «Об утверждении Административного регламента исполнения государственной функции по обеспечению в соответствии с законодательством Российской Федерации установленного порядка деятельности судов» и др.

На судебных приставах распространяются и правила, которые действуют в судах и устанавливаются судебным сообществом того или иного субъекта Российской Федерации. Наряду с этим отдельные нормы правил поведения в суде устанавливаются распоряжением председателя того или иного суда, что делает их разнообразными не только в регионах, но и в судах одного субъекта Российской Федерации [1, с. 136].

Нормативные рамки, в которых судебный пристав осуществляет свою профессиональную деятельность, способствуют формированию стремления строго придерживаться правовых норм, определяют соответствующие стереотипы поведения. Потребность соблюдать нравственные, правовые нормы является одной из ведущих, доминирующих среди прочих социально значимых потребностей, влияющих на правосознание. Все это определяет высокий уровень социализации личности, ее ответственности перед обществом, нормативности поведения. Надо заметить, что правовая регламентация выступает не только как фактор позитивно

развивающий, дисциплинирующий личность, но и как фактор, осложняющий выполнение профессиональных обязанностей [2, с. 156]. Очевидно, что выполнение деятельности, жестко регламентированной правовыми нормами, требует от судебного пристава постоянного контроля за своими действиями, что предполагает наличие определенного набора личностных характеристик.

Как видим, права судебного пристава по обеспечению установленного порядка деятельности судов рассредоточены в нормативных актах, разных по юридической силе и процедуре их принятия. В связи с чем права судебного пристава необходимо рассматривать в двух аспектах. Первый аспект характеризуется правами и обязанностями, вытекающими из законов о государственной службе, которые носят общий характер. Второй аспект отражает должностные права по конкретной занимаемой должности. Это специальные, непосредственные права судебного пристава по обеспечению установленного порядка деятельности судов. Особенностью этих прав является то, что они используются только при исполнении служебных обязанностей [3, с. 119].

Итак, в соответствии с Федеральным законом «О государственной гражданской службе Российской Федерации» он имеет право:

- знакомиться с документами, определяющими его права и обязанности по занимаемой государственной должности государственной службы, критерии оценки качества работы и условия продвижения по службе, организации его работы и условия, необходимые для исполнения им должностных обязанностей;
- получать в установленном порядке информацию и материалы, необходимые для исполнения должностных обязанностей;
- посещать в установленном порядке для исполнения должностных обязанностей предприятия, учреждения и организации независимо от форм собственности;
- принимать решения и участвовать в их подготовке в соответствии с должностными обязанностями;
- знакомиться со всеми отзывами о своей деятельности.

Специальные права судебного пристава производны от той должности в системе государственной службы, которую он занимает. Согласно закону судебный пристав полномочен:

- требовать от соответствующих лиц прекращения нарушений установленного порядка в суде;
- применять меры безопасности в отношении судей, заседателей, свидетелей и других участников судебного процесса;
- осуществлять привод;
- удалять из зала суда лиц, нарушающих порядок в ходе судебного разбирательства;
- пресекать правонарушения, задерживать правонарушителей с последующей передачей их в органы внутренних дел;
- оказывать помощь судебному приставу-исполнителю в исполнении возложенных на него задач;
- обращаться за помощью к сотрудникам милиции, органов безопасности, уголовно-исполнительной системы, военнослужащим внутренних войск, а судебные приставы военных судов – также к военному командованию.

К числу специальных полномочий судебного пристава относится право на применение физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия после прохождения соответствующей профессиональной подготовки. Судебные приставы могут применять физическую силу, в том числе боевые приемы борьбы, для пресечения преступлений и административных правонарушений, задержания лиц, их совершивших, либо задержания лиц в соответствии с судебным актом или преодоления противодействия законным требованиям судебного пристава.

В общей теории права структура юридической обязанности включает в себя четыре элемента: 1) необходимость совершить определенные действия либо воздержаться от них; 2) необходимость для правообязанного лица отреагировать на обращенные к нему законные требования управомоченного; 3) необходимость нести ответственность за неисполнение этих требований; 4) необходимость не препятствовать контрагенту пользоваться тем благом, в отношении которого он имеет право [4, с. 167]. Обязанности судебного пристава по обеспечению установленного порядка деятельности судов также можно классифицировать через эти элементы. Сложившаяся в теории права структура юридической обязанности с термином «необходимость» характерна, скорее всего, для общего статуса гражданина, личности. Там, где речь идет о государственных служащих, в частности правоохранительной направленности, должно быть жесткое требование, без термина «необходимость» [5, с. 103]. Судебный пристав по обеспечению установленного порядка деятельности судов обязан:

- обеспечивать в суде, а при выполнении отдельных процессуальных действий вне здания, помещений суда безопасность судей, присяжных заседателей и иных участников судебного процесса;
- обеспечивать по поручению судьи безопасность доставки уголовного дела и вещественных доказательств к месту проведения судебного заседания;
- поддерживать общественный порядок в здании, помещениях суда;
- выполнять распоряжения председателя суда, председательствующего в судебном заседании судьи по обеспечению общественного порядка в здании, помещениях суда;
- осуществлять охрану здания, помещений суда;

- в случае принятия решения об охране здания, помещений суда в круглосуточном режиме осуществлять такую охрану;
- на основании постановления суда (судьи) или дознавателя службы судебных приставов осуществлять привод лиц, уклоняющихся от явки по вызову суда (судьи) или дознавателя службы судебных приставов;
- при исполнении служебных обязанностей предупреждать и пресекать преступления и правонарушения, а в случае необходимости передавать правонарушителей в органы внутренних дел;
- взаимодействовать с сотрудниками органов внутренних дел, осуществляющими конвоирование и (или) охрану лиц, содержащихся под стражей, по вопросам охраны и безопасности конвоируемых лиц.

Исследованию функций в общей теории права, в том числе и в отраслях отечественного права, всегда уделялось внимание. Применительно к теории государственно-служебных отношений функции позволяют не только обозначить место конкретного вида государственной службы в общей системе государственно-служебных отношений Российской Федерации, но и обозначить пределы распространения каждого вида, а также определить набор приемов, средств конкретного должностного лица по осуществлению полномочий [6, с. 41]. Необходимо подчеркнуть, что функции государственно-служебных отношений в конкретном государственном органе в конечной степени как бы совпадают с функциями самого государственного органа, ибо через профессиональную деятельность государственных служащих реализуются полномочия этих органов.

В. М. Манохин отмечал, что государственная служба органически связана с государством, с его местом и ролью в жизни общества. Задачи и функции государства находят свое реальное воплощение в деятельности государственных служащих [7, с. 113]. По мнению Ю. Н. Старилова, функции государственной службы Российской Федерации как социально государственного явления необходимо отличать от функций государственной службы как правового института [8, с. 215]. В этом смысле можно соотносить функции права (служебного права) и функции государства (профессиональной деятельности государственных служащих).

Исполнение государственной функции по обеспечению установленного порядка деятельности судов включает в себя следующие административные процедуры:

- обеспечение в судах безопасности судей, заседателей, участников судебного процесса и свидетелей;
- выполнение распоряжений председателя суда, а также судьи или председательствующего в судебном заседании, связанных с соблюдением порядка в суде;
- исполнение решения суда и судьи о применении к подсудимому и другим гражданам предусмотренных законом мер процессуального принуждения;
- обеспечение охраны зданий судов, совещательных комнат и судебных помещений в рабочее время;
- проверка подготовки судебных помещений к заседанию, обеспечение по поручению судьи доставки к месту проведения судебного процесса уголовного дела вещественных доказательств и их сохранности;
- поддержание общественного порядка в судебных помещениях;
- взаимодействие с подразделениями по конвоированию лиц, содержащихся под стражей, по вопросам их охраны и безопасности;
- предупреждение и пресечение преступлений и правонарушений, выявление нарушителей, составление протокола об административном правонарушении, а в случае необходимости задержание их с последующей передачей органам внутренних дел;
- осуществление привода лиц, уклоняющихся от явки в суд или к судебному приставу-исполнителю;
- участие в совершении исполнительных действий.

Обеспечение в судах безопасности судей, заседателей, участников судебного процесса и свидетелей состоит в осуществлении судебными приставами мер по предупреждению и пресечению посягательств на их жизнь и здоровье, связанных со служебной деятельностью.

Поводом для применения мер безопасности в отношении защищаемых лиц является непосредственное их обращение к старшему судебному приставу или судебному приставу по обеспечению установленного порядка деятельности судов, а также председателю суда или председательствующему в суде.

Основанием для применения мер безопасности является наличие достаточных данных, свидетельствующих о реальности угрозы безопасности защищаемых лиц, а также непосредственные действия, посягающие на их жизнь и здоровье.

Обеспечение безопасности защищаемых лиц осуществляется судебными приставами по обеспечению установленного порядка деятельности судов в помещении судов, а также в иных помещениях, где проводится судебное заседание, в течение всего судебного заседания, в том числе в случае необходимости по указанию старшего судебного пристава в вечернее время, выходные и праздничные дни.

Обеспечение безопасности защищаемых лиц в помещении суда осуществляется путем проведения следующих мероприятий:

- установлением старшим судебным приставом мест несения службы для судебных приставов по обеспечению установленного порядка деятельности судов в помещении суда, в том числе в зале судебного заседания, а также при входе в совещательную комнату во время нахождения в ней судей, принимающих решение по делу;

- проверкой судебными приставами по обеспечению установленного порядка деятельности судов перед судебным заседанием помещения судебного заседания, совещательной комнаты и других помещений, где могут находиться защищаемые лица, на предмет обнаружения в них бесхозных вещей, горючих, взрывчатых, отравляющих и иных опасных предметов. Об обнаружении перечисленных вещей и предметов судебные приставы по обеспечению установленного порядка деятельности судов сообщают в органы внутренних дел;

- осуществлением личного досмотра граждан, находящихся в судебных помещениях, досмотра находящихся при них вещей при наличии достаточных оснований полагать, что указанные граждане имеют при себе оружие, боеприпасы, взрывчатые вещества, взрывные устройства, наркотические средства или психотропные вещества. В случаях необходимости судебные приставы по обеспечению установленного порядка деятельности судов имеют право задерживать указанных граждан и передавать в последующем в органы внутренних дел, куда также сообщают об обнаружении перечисленных вещей и предметов [9, с. 52].

Предоставление перечисленных полномочий предполагает их разумное использование с учетом характера содеянного правонарушителем, сложившейся ситуации, личности субъекта, в отношении которого применяются те или иные меры правового характера.

Реализация властных полномочий нередко может приобретать конфликтный характер. Принятие решений в ситуациях конфликтного взаимодействия требует от судебного пристава способности анализировать и прогнозировать последствия своих действий; эмоциональной уравновешенности и решительности; при необходимости – жесткости в действиях и уважительного отношения к людям.

Профессиональная деятельность судебного пристава в ряде случаев носит весьма напряженный, ответственный характер. Главным образом, это может быть связано с противодействием заинтересованных лиц. Формы такого противодействия могут выражаться в неправомерном воздействии на защищаемых лиц, создании угрозы безопасности в местах судебного заседания, попытках завладения или уничтожения уголовного дела и вещественных доказательств и т. п. Самостоятельный стрессовый фон создает и конфликтный характер деятельности судебного пристава, необходимость постоянной готовности к пресечению возможных нарушений, что связано с физическим и психическим напряжением.

Нередко нервно-психические перегрузки приводят к развитию стойких состояний психической напряженности, эмоциональной неустойчивости, к появлению невротических реакций, психосоматических функциональных расстройств и различных заболеваний на этой почве.

В связи с этим судебные приставы должны отличаться хорошим физическим здоровьем, устойчивостью к длительно воздействующим психофизическим перегрузкам, высокой работоспособностью, нервно-психической и эмоциональной стабильностью.

Уровень личной ответственности судебного пристава определяется характером решаемых им задач. Выполняя свои профессиональные функции, судебный исполнитель должен осознавать, что он несет персональную ответственность за безопасность защищаемых лиц и остальных граждан, находящихся в судебных помещениях. От его добросовестности и профессионализма зависит очень многое. От сохранности материалов уголовного дела и вещественных доказательств зависит, будет ли вынесен справедливый приговор, а от надежности мероприятий по обеспечению безопасности защищаемых лиц и охраны судебных помещений зависит не только объективность рассмотрения дела, но, возможно, жизнь и здоровье конкретных людей [10, с. 141]. Ответственное отношение к своей работе предполагает высокий уровень профессионализма, социальной зрелости, смелости, уверенности в себе, способности брать на себя инициативу в критических ситуациях.

Приведенные выше особенности профессиональной деятельности судебных приставов являются наиболее общими, базовыми для представителей большинства правоохранительных органов. В связи с тем, что должности судебных приставов введены недавно и по этой проблеме пока не проводилось исследований, мы обратимся к характеристикам, разработанным для сотрудников правоохранительных органов, выполняющих сходные функции.

Психологические качества судебного пристава, обеспечивающие эффективность его профессиональной деятельности. Особенности внимания и наблюдательности имеют особенно важное значение при осуществлении охраны зданий, помещений судов и совещательных комнат, в частности в процессе их обследования. Немаловажными они являются и в процессе наблюдения за обстановкой в зале суда, при обеспечении безопасности защищаемых лиц.

Профессионально важные эмоциональные и волевые качества наиболее важны для судебного пристава в ситуациях осуществления привода лиц, уклоняющихся от явки в суд или к судебному приставу-исполнителю, а также в процессе предупреждения и пресечения преступлений и правонарушений, при задержании лиц, их совершивших, удалении из зала суда нарушителей и т. п.

Интеллектуальные характеристики, которые являются наиболее важными для принятия адекватных решений в различных ситуациях профессиональной деятельности. В первую очередь речь идет о способности быстрой ориентировки и принятия решения в сложных, конфликтных ситуациях межличностного взаимодействия, а также о ситуациях, в которых от быстроты и правильности выбора действий зависит безопасность защищаемых лиц.

Коммуникативные способности. Специфика профессионального общения судебного пристава состоит в том, что для него крайне важным является знание характеристик невербального общения. Это

обусловлено необходимостью определять по внешним проявлениям, поведенческим признакам внутренние (в первую очередь эмоциональные) состояния и возможные намерения граждан, находящихся в судебных помещениях. Такие знания помогут своевременно предупреждать, а при необходимости и пресекать нарушения и даже возможные преступления в зале суда [11, с. 128].

Профессиональная память, необходимая судебному приставу, эффективно «работает» в процессе осуществления наблюдения. Судебный пристав должен фиксировать и запоминать присутствующих в судебном помещении и их поведение, отслеживать происходящие изменения.

Учитывая конфликтный характер деятельности судебного пристава, ему необходимы хорошо развитые моторные качества, четкие стереотипы поведения для деятельности в экстремальных, быстротекущих ситуациях:

- способность к быстрой реакции в условиях дефицита времени;
- быстрая реакция на возникновение неожиданных раздражителей;
- устойчивые стереотипы поведенческих реакций на различные экстремальные ситуации, включая силовое противостояние [12, с. 6].

Существенную часть функций судебного пристава обеспечивает административно-надзорная деятельность, т. е. деятельность, связанная с контролем общественного порядка. В этой связи для корректировки психограммы судебного пристава может быть использована психодиагностическая модель, определяющая профессионально важные для административно-надзорной деятельности качества личности [13, с. 134]. Наиболее успешные субъекты этой деятельности обладали следующими характеристиками:

- наличие определенного жизненного и профессионального опыта;
- интерес к человеку, его переживаниям, способность к эмпатии;
- уверенность в себе, настойчивость, раскованность, способность к противодействию, стремление к личным впечатлениям;

- спортивные качества;
- способность к усвоению новых знаний, обучению;
- активная личностная позиция, мотивация достижений, быстрота принятия решений;
- контроль над агрессивностью, требовательность, социальная направленность интересов.

Судебный пристав является должностным лицом, состоящим на государственной службе. Данное обстоятельство определяет его профессиональную деятельность как одну из разновидностей государственной службы с присущими ей специфическими, в том числе психологическими, особенностями.

Список использованных источников

1. Белоусов, Л. В. Судебный пристав: статус и организация деятельности / Л. В. Белоусов, В. В. Мартынова. – М. : Юрайт-М, 2005. – С. 136.
2. Гришин, С. П. Судебные приставы по обеспечению установленного порядка деятельности судов / С. П. Гришин. – М. : Норма, 2000. – С. 156.
3. Степанюк, В. В. Административно-правовая деятельность судебных приставов / В. В. Степанюк // Вестн. Московского ун-та МВД России. – 2006. – № 10. – С. 119.
4. Бахрах, Д. Н. Административное право : учеб. для вузов / Д. Н. Бахрах, Б. В. Россинский, Ю. Н. Стариков. – М. : Норма, 2007. – С. 167.
5. Амиров, Д. С. Административно-правовой статус судебного пристава по обеспечению установленного порядка деятельности судов / Д. С. Амиров, // Вестн. Саратовской гос. акад. права. – 2006. – № 4. – С. 103.
6. Сарычев, А. Н. Судебный пристав – лицо должностное / А. Н. Сарычев // Право. – 2003. – № 3. – С. 41.
7. Манохин, В. М. Служба и служащий в Российской Федерации / В. М. Манохин. – М. : Юристъ, 1997. – С. 113.
8. Стариков, Ю. Н. Административное право России : учебник / Ю. Н. Стариков, Н. М. Конин. – М. : Инфра-М, 2010. – С. 215.
9. Судебные приставы по обеспечению установленного порядка деятельности судов : учеб.-практ. пособие / С. П. Гришин. – М. : БЕК. – 2000. – С. 52.
10. Основные виды деятельности и психологическая пригодность к службе в системе органов внутренних дел / отв. ред. Б. Г. Бовин [и др.]. – М. : Изд-во НИИЦПМО МВД Рос. Федерации, 1997. – С. 141.
11. Леонтьев, А. А. Психология общения / А. А. Леонтьев. – М. : Смысл, 1997. – С. 128.
12. Мельников, А. Судебные приставы – это исполнительная власть / А. Мельников // Рос. юстиция. – 2000. – № 4. – С. 26.
13. Аврамцев, В. В. Психологическая характеристика профессиональной деятельности и личности судебного пристава. Проблемы исполнения судебных решений : сб. ст. / В. В. Аврамцев ; отв. ред. С. П. Гришин. – Н. Новгород : Нижегородская правовая акад. – 2000. – Вып. 1. – С. 134.

РЕЖИМ КОММЕРЧЕСКОЙ ТАЙНЫ КАК СРЕДСТВО ОХРАНЫ РЕЗУЛЬТАТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Омарова Юлия Алильевна,
старший научный сотрудник
Института законовeдения и управления ВПА, г. Тула,
кандидат политических наук

Пакреев Владимир Геннадьевич,
студент магистратуры
Института законовeдения и управления ВПА, г. Тула,

Значимость исследования вопросов, касающихся правовых аспектов коммерческой тайны, обусловлена противоречием, существующим между ролью этого инструмента как средства охраны результатов интеллектуальной деятельности, с одной стороны, и несовершенством российского законодательства, регламентирующего данную сферу общественных отношений, с другой стороны. Решение задач проводимой в Российской Федерации модернизации связано, прежде всего, с необходимостью перехода от сырьевого к постиндустриальному, инновационному типу рыночной экономики.

Вместе с тем российское законодательство о коммерческой тайне не отвечает современному уровню развития складывающихся в данной области общественных отношений. Так, в частности, имеет место его несоответствие международным договоренностям России, недостаточно четко разработан понятийный аппарат нормативных правовых актов. В действующем Гражданском кодексе Российской Федерации (далее – ГК РФ) законодатель касается вопросов коммерческой тайны весьма скудно. В четырех частях ГК РФ этот термин употребляется всего дважды.

Так, ст. 727 ч. 2 ГК РФ от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ [1] устанавливаемая конфиденциальность полученной сторонами договора подряда информации вводит запрет на распространение сведений, в отношении которых другой стороной договора установлен режим коммерческой тайны. «Если сторона благодаря исполнению своего обязательства по договору подряда получила от другой стороны ... сведения, в отношении которых их обладателем установлен режим коммерческой тайны, сторона, получившая такую информацию, не вправе сообщать ее третьим лицам без согласия другой стороны. Порядок и условия пользования такой информацией определяются соглашением сторон».

Пункт 1 ст. 1465 ч. 4 ГК РФ от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ [2], раскрывающий юридическую сущность секрета производства (ноу-хау), называет режим коммерческой тайны в качестве одного из возможных признаков этого понятия. «Секретом производства (ноу-хау) признаются сведения любого характера (производственные, технические, экономические, организационные и др.) о результатах интеллектуальной деятельности в научно-технической сфере и о способах осуществления профессиональной деятельности, имеющие действительную или потенциальную коммерческую ценность вследствие неизвестности их третьим лицам, если к таким сведениям у третьих лиц нет свободного доступа на законном основании и обладатель таких сведений принимает разумные меры для соблюдения их конфиденциальности, в том числе путем введения режима коммерческой тайны».

Тем самым, секрет производства: 1) в силу неизвестности его третьим лицам обладает коммерческой ценностью (как действительной, так и потенциальной); 2) недоступен для третьих лиц на законном основании; 3) его обладатель обязан принимать разумные меры для соблюдения конфиденциальности секрета производства.

Пленум Верховного Суда РФ и Пленум ВАС РФ от 26 марта 2009 г. в абз. 1 п. 57 совместного постановления «О некоторых вопросах, возникших в связи с введением в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» [3], разъяснил, что «положения главы 75 ГК РФ определяют порядок правовой охраны секретов производства (ноу-хау), то есть сведений любого характера (производственных, технических, экономических, организационных и других), в том числе о результатах интеллектуальной деятельности в научно-технической сфере, а также сведений о способах осуществления профессиональной деятельности, которые имеют действительную или потенциальную коммерческую ценность в силу неизвестности их третьим лицам, к которым у третьих лиц нет свободного доступа на законном основании и в отношении которых обладателем таких сведений введен режим коммерческой тайны (ст. 1465 Кодекса)».

Легальное определение термина «коммерческая тайна» дано в п. 1 ст. 3 Федерального закона от 29 июля 2004 г. № 98-ФЗ «О коммерческой тайне» [4]: «коммерческая тайна – режим конфиденциальности информации, позволяющий ее обладателю при существующих или возможных обстоятельствах увеличить доходы, избежать неоправданных расходов, сохранить положение на рынке товаров, работ, услуг или получить иную коммерческую выгоду».

Как представляется, законодатель допустил в ГК РФ тавтологию, которую можно рассматривать в качестве недочета юридической техники. Если «коммерческая тайна» – это «режим конфиденциальности информации», то получается, что словосочетание «установлен (введен) режим коммерческой тайны» следует читать как: «установлен (введен) режим конфиденциальности информации». Другими словами, налицо тавтология.

Тавтология является одним из наиболее «распространенных недостатков официального стиля. Это повтор однокоренных слов в пределах одного словосочетания. Эта стилистическая ошибка делает юридический текст тяжелым и затрудняет его понимание» [5, с. 325].

Повышению качества нормативного материала и устранению допущенных законодателем недочетов юридической техники на первый взгляд должно способствовать внесение следующих изменений в действующее законодательство. Можно, например, в ст. 727 ГК РФ слова «сведения, в отношении которых их обладателем установлен режим коммерческой тайны» заменить на слова «сведения, составляющие коммерческую тайну». А в п. 1 ст. 1465 ГК РФ произвести замену фразы «путем введения режима коммерческой тайны» на слова «путем отнесения этих сведений к числу составляющих коммерческую тайну».

Вместе с тем термин «режим коммерческой тайны» более пятнадцати раз встречается только в правовых нормах Федерального закона от 29 июля 2004 г. № 98-ФЗ «О коммерческой тайне», а само это словосочетание прочно устоялось в правоприменительной практике. Словосочетание «коммерческая тайна» прочно вошло в язык, используемый в ходе делового оборота, и стало неотъемлемой частью терминологии правовых документов. Учитывая постоянно усложняющиеся общественные отношения, сопутствующие рыночной экономике, активное развитие информационных и в целом наукоемких технологий, можно прогнозировать, что этот инструмент будет использоваться все большим числом хозяйствующих субъектов. А значит, можно прогнозировать и возрастание потребностей со стороны участников хозяйственно-правовых отношений в более детальном регламентировании вопросов, касающихся коммерческой тайны.

Думается, что наиболее верным решением обозначенной проблемы была бы корректировка базовой дефиниции самой коммерческой тайны. В этой связи в п. 1 ст. 3 Федерального закона от 29 июля 2004 г. № 98-ФЗ «О коммерческой тайне» словосочетание «режим конфиденциальности информации, позволяющий» необходимо заменить на словосочетание «требование конфиденциальности информации, позволяющее» (далее по тексту).

Слово «требование» более полно, чем слово «режим» отвечает правовому смыслу и юридическому содержанию анализируемой нормы. Так, в ставшем классическим Толковом словаре русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой приводится следующее толкование понятия «требование»: «ТРЕБОВАНИЕ, -я, ср. 1. см. требовать. 2. Выраженная в решительной, категорической форме просьба, распоряжение. По первому требованию. 3. Правило, условие, обязательное для выполнения. Выполнение требований устава. Требования к экзаменуемым. 4. -мн. Внутренние потребности, запросы. Человек с высокими требованиями к себе. 5. Официальный документ с просьбой о выдаче чего-н., направлении кого-чего-н. куда-н. 7. на запчасти» [6, с. 701]. «ТРЕБОВАТЬ, -бую, -буешь; -анный; несов. 1. кого-чего, кого-что (с конкретн. сущ., разг.), с неопр. или с союзом «чтобы». Просить в категорической форме. Г. объяснений (объяснить). Т. помощника (чтобы дали помощника). Т. квитанцию. 2. чего от кого-чего. Ожидать проявления каких-н. свойств, действий» [6, с. 701]. Признавая ту или иную информацию конфиденциальной, ее обладатель обращается к иным субъектам с требованием воздержаться от ее неправомерного получения и использования.

Кроме того, для четкого понимания юридической сущности термина «коммерческая тайна» необходимо четко отграничивать его от таких понятий, как «служебная тайна», «ноу-хау» и «секрет производства». Значительный не только теоретический, но и практический интерес представляет вопрос о соотношении этих понятий.

Действующий ГК РФ не упоминает об охране служебной тайны. С теоретических позиций служебная и коммерческая тайна характеризуют одни и те же объекты. Различие состоит лишь в субъектах, которые тайной об этих объектах владеют. Субъект коммерческой тайны обладает всем комплексом правомочий относительно объекта тайны, он владеет им и, соответственно, касающейся его информацией как своими объектами. Напротив, субъект служебной тайны владеет соответствующей информацией в рамках, ограниченных содержанием трудовых правоотношений или лицензионного договора, участником которых он является и на основе которых он получил доступ к охраняемой информации. Права на коммерческую тайну могут быть в полном объеме переданы на основе договора об уступке коммерческой тайны. В этих случаях отчуждатель юридически «забывает» о существовании переданной информации [7, с. 14].

Вопрос о взаимосвязи коммерческой тайны и ноу-хау может иметь следующие возможные решения: эти понятия могут отождествляться; коммерческая тайна может рассматриваться как широкое понятие, охватывающее нормы института ноу-хау, но ими не исчерпывающееся; признаки ноу-хау могут описываться как присущие и коммерческой тайне (при этом ноу-хау как не связанный с конкретным бизнесом результат интеллектуальной деятельности полностью не поглощается коммерческой тайной); ноу-хау может быть охарактеризовано в качестве нетрадиционного объекта интеллектуальной собственности, права на который получают охрану в режиме коммерческой тайны [8, с. 36].

Так, Д. А. Ситишко приходит к выводу, согласно которому в ч. 4 ГК РФ секрет производства (ноу-хау) полностью вытеснен понятием «коммерческая тайна». А сами понятия «секрет производства» и «ноу-хау» стали синонимами [9, с. 8]. Вместе с тем думается, что эта точка зрения не вполне верна.

О. А. Потрашков считает, что секретом производства может именоваться результат интеллектуальной (творческой) деятельности, подпадающий под такие критерии, как существенность, неизвестность третьим лицам, необщедоступность и идентифицируемость в любой подходящей форме, а также ценность, которую он представляет для своего обладателя [10, с. 7].

А. В. Минбалеев полагает необходимым относить к секретам производства (ноу-хау) не только сведения, имеющие непосредственное отношение к производству, но и иные, тесно с ними связанные, например, управленческие и организационные сведения, сведения о системе охраны и т. п. [11, с. 20]

С этим мнением соглашается и В. И. Еременко, указывающий при этом, что законодатель неоправданно сузил «секрет производства», исключив из него сведения коммерческого характера (информацию о поставщиках и клиентах, методах и планах маркетинга и рекламы, источниках финансирования и т. п.) [12, с. 23].

А. А. Акопян выделяет следующие критерии «секрета производства»: «1) конфиденциальность или неизвестность иным лицам; 2) возможность непосредственного самостоятельного получения информации третьими лицами; 3) необязательность патентоспособности информации; 4) технический характер информации за редкими исключениями, как то знание рынка или имеющийся опыт поведения; 5) ценность информации, выражающаяся в том, что ее использование дает конкурентные преимущества перед иными участниками рынка; 6) принятие мер обладателем информации к ее неразглашению иным лицам» [13, с. 8]. Соответственно, «ноу-хау признается конфиденциальная информация технического и иного (организационного, управленческого и др.) характера, использование которой дает конкурентные преимущества в силу ее неизвестности третьим лицам вне зависимости от ее патентоспособности, которая может быть получена третьими лицами самостоятельно, и в отношении которой обладателем предпринимаются меры по ее неразглашению» [13, с. 8].

В целом, соглашаясь с этими признаками, необходимо подчеркнуть, что коммерческая ценность, которая приписывается секрету производства, – это некая абстракция, выражающая субъективное отношение обладателя тех или иных сведений к составляющей их информации. Как применительно к ноу-хау пишут В. В. Орлова и Ю. А. Яхин, «в отличие от условий патентной охраны научно-технических результатов интеллектуальной деятельности (например, изобретений) ГК РФ не устанавливает каких-либо конкретных требований к собственно содержанию таких сведений. Основным их признак – коммерческая ценность, за счет которой обеспечивается оборотоспособность. В свою очередь, коммерческая ценность обусловлена отсутствием свободного доступа третьих лиц к сведениям, отнесенным к секрету производства (ноу-хау)» [14, с. 73].

В. И. Еременко подчеркивает, что «природа секрета производства, предполагающая его секретный характер настолько долго, насколько это возможно, исключает его публикацию, а затем передачу в общественное достояние по прошествии определенного периода времени. В свою очередь, государство не может предоставить обладателю секрета производства временную монополию, являющуюся сердцевинной исключительного права, не проводит экспертизу в лице государственного органа исполнительной власти и не выдает от своего имени охраняемый документ (свидетельство или патент), подтверждающий легальную монополию и закрепляющий за обладателем исключительное право» [12, с. 26].

Срок действия исключительного права на ноу-хау равняется сроку, в течение которого составляющие содержание ноу-хау сведения признаются конфиденциальными. С утратой сведениями конфиденциальности, как следует из ст. 1467 ГК РФ, обладатели ноу-хау прекращают и исключительное право на него.

Л. Г. Блинова указывает на то, что отечественная и зарубежная правовая доктрина, а также международно-правовые и зарубежные нормативные акты нередко отождествляют термины «ноу-хау» с термином «коммерческая тайна». По мнению же автора, коммерческая тайна и ноу-хау соотносимы как содержание и внешняя форма (режим) конфиденциальной информации. Неуклонное соблюдение режима коммерческой тайны выступает в качестве охранительной меры защиты при недобросовестной конкуренции [15, с. 6].

Признавая несомненную научную ценность и обоснованность приведенных точек зрения, представляется возможным особо подчеркнуть следующие моменты. Прежде всего, необходимо отметить, что если термин «секрет производства (ноу-хау)» находится исключительно в сфере гражданско-правового регулирования, то термин «информация, составляющая коммерческую тайну» активно используется применительно к общественным отношениям, регулируемым нормами трудового права. Законодательством не предусмотрено, чтобы в отношении секрета производства был в обязательном порядке установлен режим коммерческой тайны. Меры, принимаемые обладателем ноу-хау для соблюдения конфиденциальности рассматриваемых сведений, могут быть просто «разумными». В свою очередь, составляющая коммерческую тайну информация – это сведения любого характера при условии введения в отношении них режима коммерческой тайны. Следовательно, термин «секрет производства (ноу-хау)» правомерно рассматривать в качестве более узкого понятия, чем «информация, составляющая коммерческую тайну» [16, с. 41–44].

Секретом производства можно именовать сведения, обладающие производственной, организационной, технической, экономической и иной ценностью, в том числе имеющие прикладной и практический характер. На секрет производства возникает публичное право, защищающееся гражданским законодательством в случаях нарушения конфиденциальности секрета производства. Соответственно, гражданское исключительное право на секрет производства не возникает. Так, например, как пишет Э. П. Гаврилов, «если работник соглашается с предложением работодателя, чтобы его служебный объект сохранялся в тайне и, очевидно, использовался как ноу-хау, то он отказывается от закрепления за ним авторства на этот объект и от возможности в будущем закрепить за ним права авторства. Этот отказ становится безотзывным, а возможность закрепления за ним права авторства утрачивается в случае, если на этот объект каким-либо лицом в России или за рубежом будет подана заявка на патент или появится публикация, раскрывающая существо данного научно-технического достижения. При этом то обстоятельство, что работник, создавший такой результат, будет признан автором, например, назван таковым в приказе, ему будет вручено удостоверение, признающее его автором

в пределах организации, на государственном уровне и с правовой точки зрения не будет считаться закреплением за ним права авторства» [17, с. 17].

Тем самым, правовые различия между правовыми институтами коммерческой тайны и ноу-хау выражены в таких признаках, как содержание и состав информации; правовая природа ноу-хау и коммерческой тайны; состав субъектов прав на эти объекты и круг правомочий, которыми они обладают. Информация, являющаяся секретом производства, должна соответствовать таким критериям, как конфиденциальность, выражавшаяся в ее неизвестности иным лицам; возможность ее самостоятельного непосредственного получения третьими лицами; необязательность патентоспособности; преимущественно технический характер; ценность, выражающаяся в том, что ее использование дает конкурентные преимущества перед иными участниками рынка; принятие мер обладателем информации к ее неразглашению.

Проведенный анализ свидетельствует о необходимости приведения норм Федерального закона от 29 июля 2004 г. № 98-ФЗ «О коммерческой тайне» в соответствие с нормами ГК РФ, а также корректировки подхода законодателя к правовому регулированию отношений по поводу коммерческой тайны и секретов производства (ноу-хау). В частности, целесообразно расширить перечень сведений, которые могут быть отнесены к секретам производства (ноу-хау) [14, с. 75]. Также внесение предложенных изменений в законодательство должно исключить существующую тавтологию в термине «режим коммерческой тайны», что будет способствовать повышению качества нормативных правовых актов, сделает их более удобными для понимания и использования в правоприменительной практике.

Список использованных источников

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) [Электронный ресурс] : 26 янв. 1996 г., № 14-ФЗ : принят Гос. Думой 22 дек. 1995 г. : в ред. Федер. закона от 18.04.2018 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2018.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) [Электронный ресурс] : 18 дек. 2006 г., № 30-ФЗ : принят Гос. Думой 24 нояб. 2006 г. : одобрен Советом Федерации 8 дек. 2006 г. : в ред. Федер. закона от 01.07.2017 : с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2018 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2018.
3. О некоторых вопросах, возникших в связи с введением в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 10 окт. 2003 г. № 5, Пленума Высш. Арбитражного Суда Рос. Федерации от 26 марта 2009 г. № 29 // Вестн. Высш. Арбитражного Суда Рос. Федерации. – 2009. – № 6.
4. О коммерческой тайне : Федер. закон Рос. Федерации, 29 июля 2004 г., № 98-ФЗ : в ред. Федер. закона от 29.07.2004 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2018.
5. Краснов, Ю. К. Юридическая техника : учебник / Ю. К. Краснов, В. В. Надвикова, В. И. Шкатулла. – М. : Юстициформ, 2014. – 536 с.
6. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова ; Рос. акад. наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – М. : ООО «А ТЕМП», 2006. – 944 с.
7. Гаврилов, Э. П. Защита частным правом секретов производства и информации, составляющей коммерческую тайну / Э. П. Гаврилов // Патенты и лицензии. – 2015. – № 4. – С. 10–19.
8. Синцов, Г. В. Соотношение понятий «секрет производства», «ноу-хау» и «коммерческая тайна» / Г. В. Синцов, Е. В. Портнова // Юридический мир. – 2012. – № 9. – С. 35–37.
9. Ситишко, Д. А. Правовое регулирование секрета производства (ноу-хау) в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Д. А. Ситишко. – М., 2009. – 28 с.
10. Потрашкова, О. А. Правовой режим секретов производства (ноу-хау): информационно-правовые аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / О. А. Потрашкова. – М., 2009. – 22 с.
11. Минбалеев, А. В. Защита конфиденциальности секретов производства (ноу-хау) в предпринимательской деятельности / А. В. Минбалеев // Предпринимательское право. – 2011. – № 1. – С. 19–21.
12. Еременко, В. И. Особенности правовой охраны секретов производства и информации, составляющей коммерческую тайну / В. И. Еременко // Законодательство и экономика. – 2014. – № 12. – С. 22–42.
13. Акопян, А. А. Гражданско-правовое регулирование отношений в области передачи ноу-хау : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. А. Акопян. – М., 2008. – 24 с.
14. Орлова, В. В. Правовое регулирование ноу-хау и служебных результатов интеллектуальной деятельности в свете реформы ГК Рос. Федерации / В. В. Орлова, Ю. А. Яхин // Закон. – 2014. – № 5. – С. 69–77.
15. Блинова, Л. Г. Ноу-хау по российскому, зарубежному и международному частному праву : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Л. Г. Блинова. – М., 2012. – 22 с.
16. Гаврилов, Э. П. Гражданско-правовая защита и охрана секретов производства и коммерческой тайны / Э. П. Гаврилов // Хозяйство и право. – 2014. – № 7. – С. 41–56.
17. Гаврилов, Э. П. О правовом регулировании использования ноу-хау / Э. П. Гаврилов // Патенты и лицензии. – 2012. – № 6. – С. 11–21.

ПРОБЛЕМЫ ПОДГОТОВКИ ЮРИСТОВ В СФЕРЕ БИЗНЕСА

Осипов Михаил Юрьевич,
старший научный сотрудник,
Института законовещения и управления ВПА, г. Тула,
кандидат юридических наук

Одной из актуальных проблем, стоящих перед современным юридическим образованием, является проблема повышения его качества. Об этой проблеме написано немало работ [1–4]. В указанных работах отмечается наличие ряда недостатков в подготовке юристов, особенно в сфере бизнеса.

К числу таких проблем можно отнести следующие проблемы:

Рост числа лиц, получающих высшее юридическое образование [5]. Как справедливо отмечает Е. А. Шапкина, «в настоящее время в Российской Федерации юридическим специальностям обучаются примерно 12 % всех получающих высшее образование. При этом численность студентов, обучающихся по юридическим специальностям, каждый год растет.

Суммируя доступные данные, можно сделать вывод о том, что за последние 20 лет в России количество юристов на душу населения стало в 5 раз больше, чем в СССР. При этом доля юристов по отношению к общей численности населения Российской Федерации в 2 – 2,5 раза превышает аналогичный показатель по наиболее «юристообеспеченным» странам.

Несмотря на различия в цифрах статистики, общая тенденция очевидна: в течение последних пяти лет российская система высшего образования ежегодно выпускает более 150 тыс. молодых специалистов в сфере юриспруденции.

При этом, согласно оценкам Росстата, в настоящее время из примерно 1,5 млн граждан, имеющих высшее юридическое образование, по специальности работают не более 50 % (730,1 тыс. человек), при этом пятая часть из них работает в Москве и примерно 6,3 % – в Санкт-Петербурге» [5, 6].

Но к сожалению, меры, предпринимаемые в области повышения качества подготовки юристов в сфере бизнеса, оказываются малоэффективными.

Почему? По нашему мнению, причина заключается в том, что при разработке новых федеральных государственных образовательных стандартов и образовательных программ абсолютно не учитываются ни потребности работодателей, ни положения педагогической и психологической науки в данной сфере.

Так, например, профессиограмма «юрисконсульт» предполагает наличие у лица следующих профессионально значимых качеств: «базовые знания в области истории, обществоведения, правоведения; знания в области законодательства, гражданского, трудового, уголовного, финансового права, психологии, социологии, основ экономики и управления производством; знание правил составления и оформления юридических документов, знание о механизмах делопроизводства в юриспруденции. Навык составления и оформления юридических документов.

Профессионально важные качества: развитый интеллект и способности к суждению, классификации, обобщению; ответственность; высокий уровень развития понятийного, аналитического и синтетического, дедуктивного мышления; развитое вербальное мышление; склонность к исследовательской деятельности; высокий уровень развития концентрации, устойчивости, распределения; развитые коммуникативные навыки и способности; грамотная речь и ораторские способности; развитая оперативная и долговременная память; развитая эрудиция; порядочность; аккуратность; гибкость; дипломатичность; самоконтроль и эмоциональная устойчивость; развитая интуиция» [7].

Понятно, что далеко не все абитуриенты обладают необходимым набором профессионально значимых качеств, которые необходимы для успешного выполнения работы юриста в сфере бизнеса.

Психологический же отбор и психологическое консультирование абитуриента по данному вопросу, как правило, не осуществляется, ввиду ограниченности времени и отсутствия необходимой диагностической базы для этого: специальных компьютерных программ, позволяющих осуществлять психодиагностику, и недоверие к компьютерной психодиагностике многих вузовских психологов.

В результате в юридические вузы часто идут абитуриенты, которые по своим психологическим особенностям не могут и не готовы работать юристом.

Как следствие, они пополняют армию безработных.

Второй аспект данной проблемы связан с тем, что образовательные программы многих вузов построены без учета потребностей конкретных работодателей.

Покажем это на конкретном примере. Так, например, в учебном плане Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина учебный план подготовки бакалавров насчитывает 55 дисциплин, из них 10 дисциплин гуманитарного и социально-экономического цикла: 1) философия; 2) экономика; 3) профессиональная этика; 4) иностранный язык в сфере юриспруденции; 5) безопасность жизнедеятельности; 6) латинский язык; 7) логика; 8) история; 9) физическая культура и две дисциплины по выбору: риторика для юристов либо социология для юристов [8].

В вариативную часть профессионального цикла дисциплин входят по учебному плану следующие дисциплины 1) введение в профессию бизнес-юрист; 2) судебные системы РФ и зарубежных стран; 3) рим-

ское право; 4) административное судопроизводство; 5) конституционное право зарубежных стран; 6) конституционное судопроизводство; 7) юридическое делопроизводство; 8) муниципальное право; 9) таможенное право; 10) банковское право; 11) жилищное право; 12) проблемы теории права; 13) договорное право; 14) торговое (коммерческое) право; 15) банкротство хозяйствующих субъектов [8].

К дисциплинам по выбору учебный план МГЮА по данному направлению подготовки относит: 1) страховое право/ правовое регулирование рынка ценных бумаг; 2) корпоративное право/ государственный контроль и надзор в сфере предпринимательской деятельности; 3) преступления в сфере экономики / административные правонарушения в сфере предпринимательской деятельности; 4) договоры о труде в бизнес-сфере / основы лицензионно разрешительной деятельности; 5) правовые основы бизнеса в сфере природопользования / правовое регулирование земельно-имущественных отношений; 6) право международной торговли / правовые основы бухгалтерского учета [8].

Смоделируем следующую ситуацию с гипотетическим выпускником данного вуза: приходит человек в страховую компанию с дипломом вуза, у которого в учебном плане существует такой набор дисциплин, устраиваться на работу юристом. У него спрашивают: «Вы страховое право знаете?» «Да, – говорит человек, – знаю». «А правовое регулирование рынка ценных бумаг Вы изучали?» «Нет, – говорит человек, – не изучал». «Тогда извините, нам такой человек не нужен. Нам нужен человек, который бы знал и страховое право, и правовое регулирование рынка ценных бумаг, поскольку мы работаем с ценными бумагами».

Приходит человек с таким дипломом в любую фирму устраиваться на работу. У него спрашивают: «Вы знаете особенности корпоративного права?» «Да, – говорит человек, – знаю». – «А знаете ли Вы особенности правового регулирования государственного контроля и надзора в сфере предпринимательской деятельности?» «Нет, – говорит человек, – не знаю». «Тогда извините, нам такой человек не нужен. Нам нужен человек, который бы знал и корпоративное право, и особенности правового регулирования государственного контроля и надзора в сфере предпринимательской деятельности».

Анализ учебных планов и программ показывает, что ошибки в планировании образовательного процесса приводят к тому, что выпускники оказываются неготовыми к осуществлению профессиональной практической деятельности в сфере юриспруденции, да и в других сферах тоже, о чем свидетельствуют результаты опросов общественного мнения, проведенные ВЦИОМ. Наконец, новый федеральный государственный образовательный стандарт в области бакалавриата, к сожалению, не позволяет осуществить надлежащую подготовку юристов в сфере юриспруденции, особенно в бизнес-сфере.

Дело все в том, что новый федеральный государственный образовательный стандарт по направлению подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» не относит к числу обязательных дисциплин такую дисциплину, как экономику, хотя в стандарте имеется предметная компетенция – способность использовать основы экономических знаний в различных сферах деятельности (ОК-2) [9]. Кроме того, непонятно, по каким причинам из числа обязательных дисциплин выпали такие дисциплины, как информационные технологии в юридической деятельности, хотя данная дисциплина формирует такие компетенции, как владение основными методами, способами и средствами получения, хранения, переработки информации, навыками работы с компьютером как средством управления информацией (ОК-3); способность работать с информацией в глобальных компьютерных сетях (ОК-4). Также из числа обязательных дисциплин почему-то выпала такая дисциплина, как логика, а также «Русский язык и культура речи», не говоря уже о таких дисциплинах, как юридическая техника, теория правотворчества, теоретические основы правового регулирования, которых и раньше в стандартах не было.

Для исправления указанной ситуации предлагаются следующие меры:

1) осуществление психологического отбора абитуриентов, желающих обучаться по специальности «Юриспруденция» для чего необходимо развитие психологической службы вуза; 2) проведение регулярной психолого-педагогической экспертизы федеральных государственных образовательных стандартов; 3) планирование учебного процесса с учетом потребностей работодателей путем обсуждения с ними конкретного содержания дисциплин и их перечня; 4) фундаментализация юридического образования с наличием широкого спектра дисциплин по выбору, как это практикуется в западных университетах; 5) разработка стандартов в сфере юриспруденции с учетом требований квалификационных рамок европейского пространства высшего образования (дублинские дескрипторы), содержащих диагностично проверяемые компетенции [10]; 6) развитие института консультантов по выбору дисциплин в вузах; 7) расширение сферы образовательного маркетинга.

Кроме того, представляется необходимым усилить теоретическую составляющую в процессе подготовки юриста в сфере бизнеса. Это связано с тем, что, как справедливо отмечается в юридической литературе, «предмет классической юриспруденции существует в форме отражения юридической реальности в рамках определенной юридической техники, тех познавательных средств, которые были сформулированы самой юридической теорией» [11, с. 35]. Как справедливо отмечает Л. Ю. Василевская, «История развития юридического знания дает возможность увидеть, что к изучению юридической науки, в частности ее предмета, можно подойти с различных позиций – от абстрактной метафизики до вездесущей, всепроникающей эмпирики» [11, с. 34]. «С точки зрения системного подхода, который интегрирует достоинства теоретического и практического анализа, в постижении сущностного ядра юридической науки можно, как известно, выделить ее онтологию и гносеологию. Это означает, что и предмет юридической науки допустимо рассматривать с онтологической и гносеологической точек зрения» [11, с. 34]. Понятно, что для подготовки юриста, специали-

зирующего в сфере бизнеса, требуется фундаментальная юридическая подготовка. Это во многом обусловлено сложностью предмета регулирования общественных отношений в бизнес-сфере.

Представляется достаточно очевидным тот факт, что подготовка юристов для бизнеса должна опираться на научные исследования, область которых в основном охватывается паспортом специальности 12.00.03 «Гражданское право, предпринимательское право, семейное право, международное частное право». Согласно паспорту данной специальности, предмет научных исследований, проводимых в рамках данной специальности, составляют теория, история и практика правового регулирования в сфере гражданского (в том числе предпринимательского) оборота, семейного и международного частного права; нормы гражданского, семейного и международного частного права России и зарубежных стран, определяющие содержание подотраслей и институтов данных правовых отраслей; правовое положение субъектов, правовой режим объектов и основания возникновения, изменения и прекращения правовых отношений в сфере гражданского (в том числе предпринимательского) оборота, брачно-семейных связей, а также в гражданском (в том числе предпринимательском) обороте с участием иностранного элемента; осуществление прав, исполнение обязанностей, защита прав и ответственность участников гражданского (в том числе предпринимательского) оборота, субъектов семейного и международного частного права; правовой инструментарий, используемый для регулирования общественных отношений, складывающихся в корпоративном, вещном, обязательственном праве, а также интеллектуальных правах в сфере гражданского (в том числе предпринимательского) оборота, в институтах семейного и международного частного права» [12]. Юрист в сфере бизнеса также должен знать особенности правового регулирования организационных, имущественных и иных общественных отношений, связанных с участием в корпоративных организациях и с управлением ими, а также имущественных отношений по производству и использованию энергетических ресурсов, а также отношений по распределению и управлению энергетическими мощностями [13].

Представляется совершенно очевидным, что подготовка юриста в сфере бизнеса в этом случае должна опираться на особенности структуры юридической науки, то есть подготовка юристов в сфере бизнеса должна идти от общего к частному.

Если рассматривать структуру юридической науки, то мы увидим, что ее предметом выступают «собственные закономерности становления, развития и функционирования правовой системы, ее компонентов и элементов» [14, с. 16].

При этом все закономерности становления, развития и функционирования правовой системы, ее компонентов и элементов делятся на общие, характерные для права и правовой системы в целом, отраслевые, характерные для той или иной отрасли права в целом, и институциональные, характерные для становления, развития и функционирования того или иного института в целом.

При этом к числу общих закономерностей становления, развития и функционирования правовой системы, ее компонентов и элементов можно отнести следующие закономерности: «Всякое дозволение предполагает наличие корреспондирующего ему обязывания или запрета». «В основе правового регулирования абсолютных правоотношений лежит дозвоительно-запрещающий тип правового регулирования, когда конкретным дозволением корреспондирует запрет на совершение действий, препятствующих осуществлению субъективного права». «Логическая структура норм права включает в себя гипотезу, диспозицию и санкцию» [15, с. 34]. К отраслевым закономерностям становления развития и функционирования права можно отнести закономерности, характерные для той или иной отрасли права в целом, например, закономерности регулирования имущественных и личных неимущественных отношений, основанных на равенстве, автономии воли, имущественной самостоятельности их участников [12; 16]. К институциональным закономерностям можно отнести закономерности, относящиеся к тому или иному институту права, например, закономерности правового регулирования защиты конкуренции или закономерности правового регулирования эмиссии акций, и т. д.

Представляется, что для качественной подготовки юриста в сфере бизнеса необходимо, чтобы студент знал ядро юридической науки, а также отраслевые и специальные дисциплины.

В основе юридической науки (его ядра) лежит такая фундаментальная юридическая наука, как теория государства и права, и такие ее разделы, как теория правовых процессов, теоретические основы правового регулирования, теория правотворчества, теория реализации, применения и токования права, теория систематизации законодательства.

При этом знания закономерностей протекания соответствующих правовых процессов, в том числе таких, как правовое регулирование, правотворчество, реализация, применение, толкование права, систематизация законодательства, позволяет их использовать для анализа существующего состояния тех или иных отраслей права, а их использование способствует повышению эффективности действующего законодательства [17].

Для качественной подготовки юриста, особенно специализирующегося в правовом регулировании общественных отношений в бизнес-сфере, представляется просто необходимым углубленное изучение теории государства и права, особенно таких разделов, как теоретические основы правового регулирования, актуальные проблемы предпринимательского права, история правового регулирования предпринимательской деятельности в РФ и зарубежных странах.

Кроме того, при осуществлении преподавания правовых дисциплин необходимо ориентировать студента на изучение того или иного компонента правовой системы, того или иного правового института, связанного с правовым регулированием предпринимательской деятельности.

В результате студент не попадает в безбрежный океан правовой информации, а учится целенаправленно работать с первоисточниками для изучения того или иного института права, то есть создаются основы для формирования научного юридического мышления, необходимого для развития правовой системы России, к чему и призвано современное юридическое образование.

Тогда и не будет возникать такой ситуации, когда «заведующие кафедрами упрекают преподавателей за "заумность"» лекций, а профессора не будут «хвастаться тем, что нерадивых студентов "рядами выгоняют из аудитории"» [18].

Кроме того, представляется очень важным обратить внимание на то, что «основная же задача юридического образования, как представляется, состоит в том, чтобы научить студента правильно оперировать этими объектами правовой реальности во имя добра и справедливости, как того требует российская правовая ментальность [19]. Умение грамотно, правильно и бережно оперировать объектами правовой реальности составляет основу правосознания юриста, которое должно быть сформировано в юридическом вузе и которое должно послужить основой для совершенствования и дальнейшего развития российской правовой системы.

Как справедливо отмечал профессор Варшавского университета В. И. Синайский, «юридическое образование в России нуждается в полном внимании Правительства и общества. Оно есть, бесспорно, самая надежная гарантия успеха в создании достойного России Гражданского уложения» [20, с. 28; 21].

Это далеко не случайно, поскольку только высочайший уровень юридического образования, по нашему мнению, позволит готовить качественные законопроекты, в том числе направленные на регулирование общественных отношений в бизнес-сфере, и тем самым будет обеспечено укрепление принципа верховенства права, который, как известно, является одним из принципов правового государства, коим является Российская Федерация, согласно Конституции РФ [22].

В заключение необходимо отметить, что для повышения качества подготовки юридических кадров для бизнеса необходимо предпринять следующие меры:

1. Осуществление профессионально-психологического отбора абитуриентов, желающих обучаться по направлению в подготовке «Юриспруденция», позволит избежать ситуации, когда абитуриент хоть и желает изучать юриспруденцию, тем не менее, полноценным юристом он стать не сможет в силу своих психологических особенностей. Это, конечно, не должно пониматься так, что абитуриенту будет загражден путь в профессию и к обучению, но, тем не менее, опытный психолог может посоветовать студенту ту или иную оптимальную стратегию и тактику обучения юриспруденции с учетом его психологических особенностей, позволяющих получить максимально возможный уровень знаний, умений, навыков и компетенций. Психолог также может посоветовать абитуриенту, каким образом необходимо вырабатывать необходимые психологические качества, которые сделают его более пригодным к исполнению той или иной должностной роли, к которой стремится студент.

Проведение регулярной психолого-педагогической экспертизы федеральных государственных образовательных стандартов позволит избежать целого ряда негативных ситуаций, когда в стандарте компетенции сформулированы недиагностично, то есть их невозможно проверить с помощью стандартных средств проверки [23], а также ситуации, когда компетенция сформулирована, а дисциплины, необходимой для формирования данной компетенции, федеральный государственный образовательный стандарт не предусматривает [9]. Осуществление планирования образовательного процесса с участием работодателей и с учетом их интересов и потребностей путем их привлечения и широкого с ними обсуждения содержания вариативной части дисциплин позволит, с одной стороны, работодателю понять логику образовательного процесса, понять, чему учат в вузе, а также позволит вузу более глубоко понять проблемы, потребности и интересы работодателей, что является взаимовыгодным деянием как для работодателя, так и для вуза.

Разработка стандартов в сфере юриспруденции с учетом требований квалификационных рамок европейского пространства высшего образования (дублинские дескрипторы), содержащих диагностично проверяемые компетенции, позволит избежать ситуации, когда студент «боится экзаменов и прочих контрольных проверок», а вуз боится процедур государственной аккредитации, поскольку недиагностично проверяемые компетенции дают широкий простор для возможных злоупотреблений в данной сфере [23]. Развитие института консультантов по выбору дисциплин в вузах позволит студенту оптимально формировать свою индивидуальную образовательную траекторию обучения, будет способствовать при правильном подходе к повышению мотивации студентов при изучении тех или иных юридических дисциплин в вузах, что благоприятным образом будет сказываться на качестве юридического образования в целом.

Расширение сферы образовательного маркетинга, в том числе проведение среди работодателей и студентов необходимых исследований, касающихся выявления интересов и потребностей работодателей и студентов, осуществление презентаций курсов, предлагаемых для изучения студентами, и преподавателей, их ведущих, как это делается в ведущих университетах мира, будет способствовать, на наш взгляд, усилению образовательной мотивации студентов, а у преподавателей вузов это будет способствовать их стремлению к повышению качества преподаваемых дисциплин и к поиску взаимопонимания между преподавателем и студентом, что в конечном итоге будет приводить к повышению качества образовательного процесса.

Все эти меры, на наш взгляд, будут способствовать повышению качества юридического образования, в том числе в бизнес-сфере.

Список использованных источников

1. Андреев, Г. В. Образовательные стандарты в контексте подготовки судей и прокуроров / Г. В. Андреев // *Законность*. – 2015. – № 5. – С. 31–36.
2. Бондарь, Н. С. Современные ориентиры российского юридического образования: национальные традиции или космополитические иллюзии? / Н. С. Бондарь // *Юрид. образование и наука*. – 2013. – № 1. – С. 7–16.
3. Киселев, И. В. Влияние международных процессов на содержание конституционного права на получение высшего образования в Российской Федерации / И. В. Киселев // *Вестн. Омской юрид. акад.* – 2016. – № 1. – С. 15–19.
4. Образовательное законодательство России. Новая веха развития : монография / Л. В. Андриченко [и др.] ; под ред. Н. В. Путило, Н. С. Волковой. – М. : Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Рос. Федерации, Юриспруденция, 2015. – 470 с.
5. Шапкина, Е. А. Повышение качества высшего юридического образования как этап развития правового государства / Е. А. Шапкина // *Юрид. образование и наука*. – 2011. – № 1. – С. 28–31.
6. Повышение качества высшего юридического образования: пора от слов переходить к делу : аналитическая зап. / Комиссия по общественной оценке качества высш. юрид. образования Ассоциации юристов России. – М., 2009.
7. Тугой, И. А. Профессиограмма Юриконсульт [Электронный ресурс] / И. А. Тугой // Effecton Studio. Компьютерная психодиагностика, коррекция и развитие / И. А. Тугой // *Эффектрон*. – Режим доступа: <http://www.effecton.biz/109.html>. – Дата доступа: 30.03.2018.
8. Учебный план подготовки бакалавров. Направление подготовки – юрист в сфере бизнес-права [Электронный ресурс] // Московский гос. юрид. ун-т им. О. Е. Кутафина. – Режим доступа: <http://www.msal.ru/content/obrazovanie/bakalavriat/>. – Дата доступа: 12.03.2018.
9. Шубина, И. В. Особенности формирования профессиональной компетенции в образовательной среде вуза / И. В. Шубина // *Право и образование*. – 2016. – № 12. – С. 50–59.
10. Квалификационные рамки европейского пространства высшего образования. Болонская рабочая группа по Квалификационным рамкам [Электронный ресурс] // Параграф. – Режим доступа: <http://international.kai.ru/wp-content/uploads/2013/07/A-Framework-for-Qualifications-of-the-European-Higher-Educacat.doc>. – Дата доступа: 25.08.2015.
11. Василевская, Л. Ю. К вопросу о предмете юридической науки / Л. Ю. Василевская // *Рос. юрид. журн.* – 2017. – № 1. – С. 34–39.
12. Паспорт специальности научных работников 12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vak.ed.gov.ru/documents/10179/0/12.00.03.docx/880e8292-00bc-402d-8a0d-fb17b107adbd>. – Дата доступа: 05.02.2018.
13. Паспорт специальности научных работников 12.00.07 – Корпоративное право; энергетическое право [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vak.ed.gov.ru/documents/10179/0/12.00.07.docx>. – Дата доступа: 05.02.2018.
14. Осипов, М. Ю. Лекции по теории государства и права [Электронный ресурс] / М. Ю. Осипов // *Юридическая Россия*. – Режим доступа: <https://rucont.ru/file.aspx?guid>. – Дата доступа: 05.02.2018.
15. Мицкевич, А. В. Акты высших органов Советского государства. Юридическая природа нормативных актов высших органов государственной власти и управления СССР / Мицкевич А. В. – М. : Юрид. лит., 1967. – 172 с.
16. Гражданский кодекс Российской Федерации (Ч. 1) [Электронный ресурс] : 30 нояб. 1994 г., № 51-ФЗ : принят Гос. Думой 21 окт. 1994 г. : в ред. Федер. закона от 29.12.2017 // *КонсультантПлюс. Россия* / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2018.
17. Эффективность правовых норм / под ред. В. Н. Кудрявцева. – М. : Юрид. лит., 1980. – 280 с.
18. Колоколов, Н. А. История российского правосудия: проблемы познания / Н. А. Колоколов // *История государства и права*. – 2009. – № 10. – С. 5–10.
19. Осипов, М. Ю. О российской правовой ментальности в свете социоестественной истории и коммуникативной концепции права / М. Ю. Осипов // *Журн. рос. права*. – 2017. – № 6 (246). – С. 18–25.
20. Синайский, В. И. Необходимо ли нам спешить с изданием Гражданского уложения и можем ли мы создать его в настоящее время? / В. И. Синайский. – Варшава, 1911. – С. 28.
21. Юртаева, Е. А. Система юридического образования в Российской империи / Е. А. Юртаева // *Журн. рос. права*. – 2009. – № 3. – С. 116–131.
22. Конституция Российской Федерации : принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. : офиц. текст : с изм. от 30 дек. 2008 г. – М. : Айрис-пресс, 2013. – 63 с.
23. Чернилевский, Д. В. Дидактические технологии в высшей школе : учеб. пособие для вузов / Д. В. Чернилевский. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2002. – 437 с.

ОБРАЩЕНИЕ ВЗЫСКАНИЯ НА ЧАСТЬ ЕДИНСТВЕННОГО ПРИГОДНОГО ДЛЯ ПОСТОЯННОГО ПРОЖИВАНИЯ ЖИЛОГО ПОМЕЩЕНИЯ ПО ОБЯЗАТЕЛЬСТВАМ ЕГО СОБСТВЕННИКА

Рахвалова Марина Николаевна,
доцент кафедры гражданского права
Новосибирского военного института им. генерала армии И. К. Яковлева
войск национальной гвардии Российской Федерации, г. Новосибирск,
кандидат юридических наук, доцент

Рыбаченко Анжелика Юрьевна,
младший юрист ООО «Юсконсалт»

Законом установлен исполнительский иммунитет на реализацию единственного пригодного для проживания жилого помещения, но всегда ли гражданин защищен от реализации доли в таком помещении?

04.05.2012 Конституционный Суд РФ принял постановление № 11-П «По делу о проверке конституционности положения абзаца второго ч. 1 ст. 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Ф. Х. Гумеровой и Ю. А. Шихунова», предметом рассмотрения которого являлась конституционность нормы ст. 446 ГПК РФ о невозможности обращения взыскания на единственное пригодное для постоянного проживания жилое помещение.

Конституционный Суд РФ пришел к выводу, что положения ст. 446 ГПК РФ в части имущественного (исполнительского) иммунитета на единственное пригодное для проживания жилое помещение (его часть) гражданина-должника соответствуют Конституции РФ и направлены на защиту конституционного права на жилище не только гражданина, но и третьих лиц, в частности членов семьи собственника этого помещения.

Между тем суд признал положение ст. 446 ГПК РФ чрезмерным, не содержащим ориентиров при применении имущественного иммунитета и поручил законодателю внести необходимые изменения в процессуальное законодательство, касающиеся пределов действия исполнительского иммунитета в целях обеспечения баланса интересов граждан-должников и кредиторов.

В условиях правовой неопределенности, отсутствия механизма обращения взыскания на часть жилого помещения суды приходят к различному толкованию нормы ст. 446 ГПК РФ.

В большинстве случаев суды приходят к выводу о невозможности обращения взыскания на единственное жилое помещение должника (его часть), придерживаясь буквального толкования закона [1–4]. Отказывая в удовлетворении требований, суды руководствуются отсутствием поправок в процессуальном законодательстве и разъяснений критериев достаточности жилого помещения для удовлетворения потребности в жилище в разумных пределах [5].

Тем не менее, имеется и обратная судебная практика. Судами воспринимается не только буквальное толкование нормы, но и разъяснения Конституционного Суда РФ, касающиеся свойств единственного жилого помещения.

Судами признаны юридически значимыми и подлежащими доказыванию такие вопросы, как достаточность жилья для обеспечения разумной потребности в жилье с гарантией сохранения жилищных условий, необходимых для нормального существования; соразмерность обращения взыскания на жилое помещение с учетом имеющейся задолженности, тем самым суды допускают возможность обращения взыскания на часть жилого помещения [6–8].

В ряде случаев суд удовлетворил требования о выделе доли и обращении на нее взыскания, руководствуясь такой категорией, как «достаточность для обеспечения разумной потребности в жилище» при условии сохранения за должником жилого помещения, соответствующего нормам площади жилья [9–11].

Между тем такой подход представляется ошибочным.

В настоящее время отсутствует нормативное обоснование фактов, способных повлиять на правильное рассмотрение дела, в частности:

- неясно, что понимать под разумной потребностью в жилье, категория разумности носит абстрактный характер;
- в условиях определения норм предоставления и учетных норм жилого помещения органами местного самоуправления удовлетворение требований приведет к заведомо неравному положению граждан-должников из разных регионов, к отсутствию единообразия судебной практики;
- отсутствует механизм реализации имущества. При наличии общей собственности продажа доли с торгов препятствует другому собственнику реализовать преимущественное право покупки доли в жилом помещении;
- не урегулирован вопрос об обращении взыскания на часть жилого помещения в случае невозможности выдела доли в натуре;
- отсутствует определение соразмерности обращения взыскания на жилое помещение с учетом имеющейся задолженности у гражданина.

При таких обстоятельствах достижение баланса интересов должника и кредитора невозможно в связи с умалением конституционного права должника на жилище.

Список использованных источников

1. По делу о проверке конституционности положения абзаца второй части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Ф. Х. Гумеровой и Ю. А. Шикунова [Электронный ресурс] : постановление Конституц. Суда Рос. Федерации, 14 мая 2012 г., № 11-П // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2018.
2. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 3 марта 2017 г. № Ф01-64/2017 по делу № А79-10916/2015 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2018.
3. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 27 сент. 2016 г. № Ф01-3626/2016 по делу № А28-10453/2011 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2018.
4. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 19 февр. 2018 г. № Ф05-343/2018 по делу № А41-34959/2016 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2018.
5. Апелляционное определение Свердловского областного суда от 11 июля 2017 г по делу № 33-11635/2017 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2018.
6. Апелляционное определение Псковского областного суда от 15 июля 2014 г. по делу № 33-1069 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2018.
7. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 11 июля 2017 г. № 78-КГ17-28 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2018.
8. Апелляционное определение Волгоградского областного суда от 30 нояб. 2017 г. по делу № 33-17557/2017 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2018.
9. Апелляционное определение Новосибирского областного суда от 11 янв. 2018 г. по делу № 33-114/2018 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2018.
10. Апелляционное определение Челябинского областного суда от 18 янв. 2016 г. по делу № 11-739/2016 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2018.
11. Апелляционное определение Новосибирского областного суда от 16 апр. 2013 г. по делу № 33-2899/2013 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2018.

АДВОКАТ СВИДЕТЕЛЯ: ГОТОВ ЛИ ЗАКОНОДАТЕЛЬ ИДТИ ДАЛЬШЕ?

Рыбак Сергей Вячеславович,
заведующий кафедрой адвокатуры юридического факультета
Международного университета «МИТСО», г. Минск,
кандидат юридических наук, доцент

Не вызовет острых дискуссий утверждение о том, что становление и развитие правового государства предполагает усиление гарантий прав и законных интересов личности. Особое значение это положение приобретает в сфере уголовно-процессуальной деятельности, а точнее, в отношении участников уголовного процесса, нередко вовлекаемых в данную сферу правоотношений не по собственной инициативе [1, с. 25].

Следует признать безусловно прогрессивным перманентное стремление законодателя совершенствовать статус участников уголовного процесса путем создания новых, более действенных и востребованных обществом институтов. Практика диктует необходимость внесения поправок в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь (далее – УПК), так как именно она является зеркалом специфики общественных отношений, складывающихся на конкретный момент развития общества [2, с. 262]. Одним из последних проявлений в обозначенном направлении является введение в уголовный процесс нового участника – адвоката свидетеля [3].

Трудно признать совершенным существующее в настоящее время законодательство о процессуальном статусе самого свидетеля. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 60 УПК свидетелем является лицо, в отношении которого имеются основания полагать, что ему известны какие-либо обстоятельства по уголовному делу, вызванное органом, ведущим уголовный процесс, для дачи показаний либо дающее показания [4].

Данное определение имеет ряд уязвимых сторон. Во-первых, основания полагать, что лицу известны обстоятельства по уголовному делу, могут возникнуть, исключительно исходя из анализа органом, ведущим уголовный процесс, уже полученной информации. Зачастую эти сведения к моменту возникновения указанных оснований приобретают форму доказательств. В любом случае в определении речь должна вестись о фактических данных, дающих основания для соответствующего предположения. Во-вторых, корректнее говорить не «обстоятельства по уголовному делу», а «сведения об обстоятельствах, имеющих отношения к уголовному делу». Ведь последние соотносятся с обстоятельствами как фактические данные с фактом. Наличие последнего не зависит от воли и информированности субъекта уголовного процесса. В-третьих, исходя из буквального толкования рассматриваемой нормы, при вызове лица органом дознания

повестку, исходя их буквы закона, должно составлять должностное лицо органа дознания и утверждать начальник (если эти должности не совпадают в одном лице), что противоречит ч. 5 ст. 38 УПК и полностью игнорируется практикой. Еще больше вопросов возникает по процедуре вызова органом дознания лица при помощи телефонной связи. В-четвертых, исходя из смыслового содержания определения, учитывая наличие между словами «показаний» и «дающее» союза «или» следует, что лицо приобретет статус свидетеля, даже если оно и не явится в орган, ведущий уголовный процесс.

На наш взгляд, более корректным является определение свидетеля как физического лица, не имеющего прямого личного интереса¹ в исходе дела, которое располагает сведениями об обстоятельствах, имеющих отношение к уголовному делу, и по требованию следователя, должностного лица органа дознания, прокурора, суда или по собственной инициативе в соответствии с УПК дало показание об этих обстоятельствах. Предлагаем внести соответствующие изменения в ч. 1 ст. 60 УПК.

Что касается такого участника уголовного процесса, как адвокат свидетеля, то его законодательное закрепление вызвало неоднозначное отношение как теоретиков, так и практиков. Институт, несомненно, прогрессивный. В то же время имеются резервы для дальнейшего его совершенствования.

Так, не в полной мере законодателем решен вопрос об участии адвоката свидетеля (либо аналогичного по реализуемым функциям участника) на стадии возбуждения уголовного дела. Ведь именно там потенциальный свидетель (очевидец, лицо, дающее объяснение, и т. д.) чаще всего дает объяснения, которые фиксируются в соответствующем документе, обладающем всеми признаками иного документа как источника доказательств. После возбуждения уголовного дела, как правило, зафиксированная в объяснении информация дублируется на протокол допроса в качестве показаний. Лицо приобретает статус свидетеля. Соответственно, если замысел законодателя заключался в создании дополнительных гарантий соблюдения прав, свобод и законных интересов свидетеля, в том числе и при фиксации его показаний органом, ведущим уголовный процесс, то необходимо быть последовательным и создать аналогичный институт и для очевидца, лица, дающего показания, и других участников процесса на стадии возбуждения уголовного дела. В противном случае в рассматриваемом отношении участие адвоката свидетеля в допросе этого свидетеля приобретает формальный оттенок (расхождение между объяснениями и показаниями негативно расценивается как органом уголовного преследования, так и судом).

Таким образом, создание института адвоката свидетеля позволяет констатировать прогрессивную тенденцию совершенствования уголовно-процессуального законодательства в области обеспечения реализации прав, свобод и законных интересов граждан, соблюдения законности при производстве с ними процессуальных действий. Вместе с тем законодателю необходимо быть последовательным в реформировании УПК и, наряду с совершенствованием процессуального статуса самого свидетеля, продолжить шаги в направлении усиления и упорядочения статуса адвоката свидетеля.

Список использованных источников

1. Рыбак, С. В. Подозреваемый в уголовном процессе Республики Беларусь / С. В. Рыбак. – Минск : Акад. МВД, 2014. – 142 с.

2. Рыбак, С. В. Стабильность законодательного пространства как элемент национальной безопасности / С. В. Рыбак // Инновационное развитие экономики в контексте формирования национальной безопасности : сб. материалов I Междунар. науч.-практ. конф., Барановичи, 15–16 мар. 2018 г. / БарГУ ; редкол.: В. В. Климук (гл. ред.) [и др.]. – Барановичи : УО «Бар. гос. ун-т», 2018. – С. 261–263.

3. О внесении дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь от 8 янв. 2018 г. № 93-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

4. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь : 16 июля 1999 г. № 295-3 [Электрон. ресурс] : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобрен Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 08.01.2018 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

---

¹ Свидетеля нельзя назвать полностью незаинтересованным участником уголовного процесса. Вместе с тем его интерес в исходе дела не может быть связан с материальной или иной выгодой, а выражается в сообщении компетентному органу информации, позволяющей установить объективную истину по делу.

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРАВОНАРУШЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С БАНКРОТСТВОМ, ПО УГОЛОВНОМУ КОДЕКСУ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Сайлибаева Жанеля Юрсуновна,
старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин
Института истории и права Казанского национального
педагогического университета им. Абая,
кандидат юридических наук

Несмотря на поддержку, малого и среднего бизнеса в Казахстане, немногие компании приходят на рынок надолго и всерьез. Зачастую умышленно используя инструмент банкротства, они пытаются избавиться от каких-либо обязательств. Столкнувшись с данным рода проблемой, госбанк развития Казахстана предлагает внести поправки в законодательство с тем, чтобы выбить у мошенников почву из-под ног.

Действующее казахстанское законодательство предоставляет должникам много возможностей не только не потерять бизнес и минимизировать убытки, но и остаться в известном выигрыше после применения процедур банкротства. Действуя в своих интересах, каждая из сторон (как должник, так и кредитор) имеют возможность эффективно использовать банкротство в своих интересах.

Нужно отметить, что добросовестность применения таких процедур участниками гражданского оборота лишь декларативно подразумевается при их реализации, на самом же деле зачастую правовые нормы используются недобросовестными руководителями и собственниками предприятий-должников для прикрытия своих махинаций. Разумеется, для борьбы с такими злоумышленниками существуют различные законодательные меры – вплоть до уголовного преследования [1].

Так, на практике возникают проблемы квалификации криминальных банкротств, о чем свидетельствует незначительное количество уголовных дел данной категории.

Возникают причины, вызывающие затруднения при квалификации общественно опасных деяний, связанных с уголовной ответственностью за нарушение законодательства Республики Казахстан о банкротстве. Нам хотелось бы рассмотреть и остановиться на каждом отдельном составе правонарушения, связанного с криминальным банкротством.

Действующее уголовное законодательство Казахстана предусматривает ответственность за следующие правонарушения, связанные с банкротством, а именно:

- ст. 237 УК РК «Неправомерные действия при реабилитации и банкротстве»;
- ст. 238 УК РК «Преднамеренное банкротство»;
- ст. 239 УК РК «Доведение до неплатежеспособности»;
- ст. 240 УК РК «Ложное банкротство».

1. Неправомерные действия при реабилитации и банкротстве (ст. 237 УК РК).

Развитие в нашей стране рыночных отношений привело к появлению новых, ранее неизвестных нашей правовой системе правонарушений.

К числу таких относятся правонарушения, связанные с нарушением законодательства о банкротстве. Ответственность за данные виды правонарушений впервые была предусмотрена Уголовным кодексом Республики Казахстан от 16 июля 1997 г. № 167-І [2].

Конкуренция объективно приводит к тому, что некоторые организации вынуждены уходить с рынка и подвергаться процедуре несостоятельности (банкротства). Обеспечение прав кредиторов в условиях проведения такой процедуры является необходимым элементом, посредством которого реализуется конституционный принцип, закрепленный в ч. 4 ст. 26 Конституции Республики Казахстан: «Каждый имеет право на свободу предпринимательской деятельности, свободное использование своего имущества для любой законной предпринимательской деятельности» [3].

В ст. 237 УК РК предусматривает уголовную ответственность фактически за два вида преступления: сокрытие имущества или имущественных обязательств, сведений об имуществе, его размере, местонахождении либо иной информации об имуществе, передача имущества в иное владение, отчуждение или уничтожение имущества, а равно сокрытие, уничтожение, фальсификация бухгалтерских или иных учетных документов, отражающих экономическую деятельность (ч. 1 ст. 237 УК РК) и неправомерное удовлетворение имущественных требований отдельных кредиторов (ч. 2 ст. 237 УК РК) [4].

Непосредственный объект указанных преступлений – общественные отношения, возникающие в связи с осуществлением процессов реабилитации или банкротства.

Дополнительный объект преступлений – имущественные интересы кредиторов.

Объективная сторона данного преступления выражается в трех признаках:

1) деяние в форме действия.

В ч. 1 ст. 237 Уголовного кодекса Республики Казахстан предусмотрены следующие способы неправомерных действий:

- сокрытие имущества или имущественных обязательств, сведений об имуществе, его размере, местонахождении либо иной информации об имуществе, бухгалтерских и иных учетных документов, отражаю-

щих экономическую деятельность – утаивание предметов преступления путем изменения его местонахождения, фальсификации документов и др.;

- передача имущества в иное владение – переход имущества во владение или пользование третьих лиц (например, сдача в наем или аренду и др.);
- отчуждение имущества – передача права собственности на имущество третьим лицам, как возмездно, так и безвозмездно;
- уничтожение имущества или бухгалтерских и иных учетных документов, отражающих экономическую деятельность – приведение имущества или вышеназванных документов в такое состояние, когда они прекратили свое существование или когда имущество не может быть восстановлено в связи с экономической нецелесообразностью;
- фальсификация бухгалтерских и иных учетных документов, отражающих экономическую деятельность – замена подлинных документов подложными, содержащими несоответствующие действительности сведения, или внесение в подлинные документы ложных сведений или исправлений, искажающих их действительное содержание;

2) последствия в виде крупного ущерба, размер которого определен п. 38 ст. 3 Уголовного кодекса Республики Казахстан;

3) причинная связь между деянием и последствием.

Обстановка – банкротство или предвидение банкротства.

Состав настоящего преступления материальный.

Обязательным признаком данного элемента состава преступления является обстановка, в которой совершено преступление. Это обстановка банкротства или предвидения банкротства [5].

Субъективная сторона рассматриваемого преступления – вина в форме прямого и косвенного умысла. Виновный сознает, что совершает неправомерные действия при банкротстве или накануне банкротства, предвидит возможность причинения крупного ущерба кредиторам и желает или сознательно допускает его причинение либо безразлично относится к его наступлению.

Субъект настоящего преступления специальный – учредитель (участник), должностное лицо, органы юридического лица, индивидуальный предприниматель, а равно лицо, наделенное полномочиями по управлению имуществом и делами должника при реабилитации и банкротстве или в предвидении банкротства.

2. *Преднамеренное банкротство.*

Преднамеренное банкротство всегда имеет неправомерный характер. С точки зрения имущественных последствий вопрос о том, связан ли с банкротством чей-либо умысел, не имеет большого значения для кредиторов. В Законе Республики Казахстан от 7 марта 2014 года № 176-V «О реабилитации и банкротстве» содержится определение преднамеренного банкротства [6]:

Преднамеренное банкротство – умышленное создание или увеличение неплатежеспособности, совершенное в результате действий (бездействия) учредителя (участника), должностного лица, органов юридического лица, а равно индивидуального предпринимателя в личных интересах или в интересах иных лиц.

На наш взгляд, основой для предупреждения и борьбы с преднамеренным банкротством должны выступать нормы уголовного и административного права, устанавливающие ответственность за данный вид преступления.

Вместе с тем преднамеренное банкротство, как правило, сопровождается иными гражданско-правовыми нарушениями, например, уводом ликвидного имущества через недействительные сделки, преимущественным удовлетворением некоторых кредиторов и пр. Борьба с подобными нарушениями вполне может происходить в рамках гражданско-правового банкротства.

Объективную сторону данного преступления образует создание или увеличение неплатежеспособности.

Умышленное создание или увеличение неплатежеспособности, по своей сути, совершается путем растраты (разбазаривания) должником своего имущества и имущества, предоставленного ему другими лицами. Имущество безвозвратно выбывает из владения виновного из-за заведомо несостоятельного ведения дел.

Непосредственный объект рассматриваемого преступления – общественные отношения, возникающие в связи с осуществлением процесса реабилитации и банкротства.

Объективная сторона данного преступления выражается в трех признаках:

- 1) деяние в форме действия – сознание или увеличение неплатежеспособности;
- 2) последствия в виде крупного ущерба или тяжких последствий;
- 3) причинная связь между деянием и последствием;
- 4) состав настоящего преступления материальный [5].

Важнейший признак объективной стороны этих деяний – их результат – создание или увеличение неплатежеспособности. Даже если в результате сделок возникли огромные убытки и налицо действия предпринимателя, которые явно противоречат разумным рамкам поведения, этого недостаточно для привлечения лица к уголовной ответственности по ст. 238 УК РК. Для объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 238 УК РК, важно, чтобы действия не только нанесли убытки, но и создали или увеличили неплатежеспособность.

Субъективная сторона рассматриваемого преступления – вина в виде прямого умысла.

Обязательным признаком субъективной стороны настоящего преступления является мотив – личные интересы виновного или интересы иных лиц. Чаще всего это корысть, но также возможно и стремление извлечь выгоду неимущественного характера.

Субъект настоящего преступления специальный – учредитель (участник), должностное лицо, лицо выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации, органы юридического лица, а равно индивидуальный предприниматель [5].

3. Доведение до неплатежеспособности.

Исследуемая статья, по действующему Уголовному кодексу Республики Казахстан, претерпела кардинальные изменения, по сравнению с ранее действующим Уголовным кодексом Республики Казахстан от 16 июля 1997 года.

Законодатель расширил толкование состава данного правонарушения, а также дополнил данный состав правонарушения новыми субъектами.

Объектом являются имущественные интересы кредиторов.

Предметом уголовного правонарушения является альтернативно: имущество; имущественные обязательства; сведения об имуществе; бухгалтерские и иные учетные документы, отражающие экономическую деятельность. В качестве предмета рассматриваемого уголовного правонарушения имущественные обязательства выступают тогда, когда закреплены в документах или на иных носителях и т. п.

Объективная сторона состава уголовного проступка, предусмотренного ч. 1 ст. 239 УК РК, характеризуется деянием, последствием и временем совершения уголовного проступка.

Деяние выражается альтернативно в любом из следующих действий (бездействий): сокрытии имущества или имущественных обязательств, сведений об имуществе, его размере, местонахождении либо иной информации об имуществе; передаче имущества в иное владение; отчуждении или уничтожении имущества, или сокрытии, уничтожении, фальсификации бухгалтерской и (или) учетной документации либо иных документов, отражающих экономическую деятельность.

Названные виды действий (бездействий) рассматривались при анализе уголовного преступления, предусмотренного ст. 237 УК РК «Неправомерные действия при реабилитации и банкротстве».

Последствием как обязательным признаком объективной стороны анализируемого состава уголовного проступка является приведение к неплатежеспособности, повлекшей крупный ущерб. Следовательно, состав уголовного проступка по конструкции является материальным. Этот ущерб может выражаться в ущербе, причиненном одному кредитору, либо слагаться в качестве совокупного ущерба, причиненного нескольким или многим кредиторам.

Деяние, предусмотренное ч. 1 ст. 239 УК РК, относится к уголовным проступкам.

Объектом преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 239, являются общественные отношения, связанные с обеспечением нормального функционирования страховой (перестраховочной) организации, накопительного пенсионного фонда, банка [5].

С объективной стороны уголовный проступок характеризуется умышленными действиями (бездействием) крупного участника – физического лица, первого руководителя крупного участника – юридического лица страховой (перестраховочной) организации, накопительного пенсионного фонда, банка либо лица, постоянно, временно либо по специальному полномочию выполняющего функции органа управления либо исполнительного органа страховой (перестраховочной) организации, накопительного пенсионного фонда, банка, организации, осуществляющей инвестиционное управление пенсионными активами, приведшими к неплатежеспособности, повлекшей принудительную ликвидацию страховой (перестраховочной) организации, накопительного пенсионного фонда, банка.

Состав по конструкции является материальным. Обязательным условием уголовной ответственности по комментируемой статье является наступление последствия в виде неплатежеспособности страховой (перестраховочной) организации, накопительного пенсионного фонда, банка, повлекшей их принудительную ликвидацию [5].

Субъектом является вменяемое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста. Кроме того, им может быть первый руководитель крупного участника – юридического лица страховой (перестраховочной) организации, накопительного пенсионного фонда, банка либо лица, постоянно, временно либо по специальному полномочию выполняющего функции органа управления или исполнительного органа страховой (перестраховочной) организации, накопительного пенсионного фонда, банка, организации, осуществляющей инвестиционное управление пенсионными активами.

С субъективной стороны данный вид уголовного проступка совершается умышленно. Виновное лицо осознает, что умышленно совершает действие (бездействие), приведшие к неплатежеспособности страховой (перестраховочной) организации, накопительного пенсионного фонда, предвидит возможность или неизбежность принудительной ликвидации указанных организаций и желает их наступления либо не желает, но сознательно допускает или относится к ним безразлично [5].

4. Ложное банкротство.

Ложное банкротство – заведомо ложное объявление в результате действий и (или) принятых решений учредителем (участником), должностным лицом, органами юридического лица, а равно индивидуальным

предпринимателем о своей неплатежеспособности с целью введения в заблуждение кредиторов для получения отсрочки или рассрочки причитающихся кредиторам платежей или скидки с долгов, а равно для неуплаты долгов [5].

Непосредственным основным объектом данного уголовного преступления – общественные отношения, возникающие в связи с осуществлением процесса банкротства.

Дополнительный объект – имущественные интересы кредиторов.

Объективная сторона данного преступления выражается в трех признаках:

1) деяние в форме действия – заведомо ложное объявление о своей несостоятельности при наличии у виновного возможности удовлетворить требования кредиторов в полном объеме.

Данное действие может быть совершено виновным как после наступления срока удовлетворения претензий кредиторов, и они предъявили их, так и до наступления этого срока. По форме это заявление должно быть внешне законным, соответствовать требованиям Закона Республики Казахстан «О реабилитации и банкротстве». По содержанию это объявление должно быть ложным. Это означает, что в действительности коммерческая организация или индивидуальный предприниматель являются состоятельными субъектами экономической деятельности и могут выполнить свои обязательства перед кредиторами в полном объеме.

При объявлении себя или коммерческой организации банкротом виновный может воспользоваться поддельными документами, подтверждающими его несостоятельность. В подобных случаях нет необходимости квалификации деяний лица дополнительно по ч. 3 ст. 385 Уголовного кодекса Республики Казахстан, так как это будет являться одним из способов совершения данного преступления [4];

2) последствия в виде крупного ущерба.

Понятие крупного ущерба раскрыто в разделе 2.1 настоящей работы. Следует отметить, что само по себе ложное объявление о банкротстве не причинит крупного ущерба, если оно не сопряжено с сокрытием имущества. Поэтому возникает проблема ограничения ложного банкротства от неправомерных действий при банкротстве и преднамеренного банкротства;

3) причинная связь между деянием и последствиями.

Состав настоящего преступления материальный.

Субъективная сторона настоящего преступления – в виде прямого умысла. Лицо осознает, что оно заведомо ложно объявляет себя или коммерческую организацию банкротом, предвидит причинение ущерба интересам кредиторов и желает или сознательно допускает его причинение.

При совершении данного преступления виновный преследует специальную цель – введение в заблуждение кредиторов для получения отсрочки или рассрочки причитающихся кредиторам платежей или скидки с долгов либо для неуплаты долгов.

Субъект преступления специальный – учредитель (участник), должностное лицо, лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой и иной организации, органы юридического лица, а равно индивидуальный предприниматель.

Список использованных источников

1. Банкротство.кз «ход конем» или крайняя мера [Электронный ресурс] // КурсивКЗ. – Режим доступа: <http://www.kursiv.kz/news/vlast1/bankrotstvokz-xod-konem-ili-krajnyaya-mera/>. – Дата доступа: 02.02.2018.

2. Уголовный кодекс Республики Казахстан [Электронный ресурс] : 16 июля 1997 г., № 167-І : в ред. Закона Респ. Казахстан от 10.06.14 // Параграф. Информ. системы. – Режим доступа: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252. – Дата доступа: 02.02.2018.

3. Конституция Республики Казахстан : принята на респ. референдуме 30 авг. 1995 года : с изм. и доп. по сост. на 10.03.2017 // Ведомости Парламента Респ. Казахстан. – 1996. – № 4. – Ст. 217.

4. Уголовный кодекс Республики Казахстан [Электронный ресурс] : 3 июля 2014 г., № 226-V : в ред. Закона Респ. Казахстан от 26.12.17 // Параграф. Информ. системы. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252#pos=0;0. – Дата доступа: 02.02.2018.

5. Рогов, И. И. Комментарий к Уголовному кодексу Республики Казахстан : в 2 кн. / И. И. Рогов, С. М. Рахметов. – Алматы : ТОО «Изд-во «Норма-К», 2012. – Кн. 2 (ст. 189 –393). – 632 с.

6. О реабилитации и банкротстве [Электронный ресурс] : Закон Респ. Казахстан, 7 марта 2014 г., № 176-V : с изм. и доп. от 16.05.2018 // Параграф. Информ. системы. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31518958. – Дата доступа: 02.02.2018.

МЕЖДУНАРОДНОЕ УГОЛОВНОЕ ПРАВО КАК ОТРАСЛЬ ПРАВА

Серда Ирина Михайловна,
заведующий кафедрой уголовного права и криминологии
Иркутского института (филиала)
Всероссийского государственного университета юстиции
(Российская правовая академия Министерства юстиции России), г. Иркутск,
доктор юридических наук, профессор

В отечественной науке концептуальные основы международного уголовного права были заложены профессором Ф. Ф. Мартенсенем, отмечавшим, что международное уголовное право «заключает в себе совокупность юридических норм, определяющих условия международной судебной помощи государств друг другу при осуществлении ими своей карательной деятельности в области международного общения» [1, с. 379].

Исторический опыт XX в. заставил по-новому подойти к проблеме теоретического понимания международного уголовного права. При этом спорной стала проблема о призвании самого факта его существования. Так, по замечанию И. И. Карпеца, «дискуссионен вопрос не только о понятии международного уголовного права, но и о том, необходима ли вообще такая отрасль права, имеет ли она право на существование» [2, с. 12].

В российской и мировой теории понимание международного уголовного права развивалось преимущественно в ключе его определения как отрасли международного публичного права. При этом подчеркивалось, что международное уголовное право – «находящаяся в стадии становления специфическая отрасль международного права» [3, с. 192–194].

Например, И. И. Лукашук и А. В. Наумов определили международное уголовное право как отрасль международного права, принципы и нормы которой регулируют сотрудничество государств и международных организаций в борьбе с преступностью [4, с. 9].

В. П. Панов предложил под международным уголовным правом понимать систему принципов и норм, регулирующих сотрудничество государств в борьбе с преступлениями, предусмотренными международными договорами [5, с. 15].

В традиционном смысле международное уголовное право – это совокупность норм, устанавливающих и регулирующих взаимоотношения государств в сфере борьбы с преступностью. В этом значении данная отрасль включает в себе весь комплекс норм, регулирующих вопросы взаимопомощи и взаимодействия правоохранительных и судебных органов разных стран, экстрадиции, разрешения конфликтов юрисдикции и т. п., вне зависимости от вида совершенных преступлений. В более узком значении под международным уголовным правом понимается совокупность правовых норм, регулирующих отношения между государствами (и другими субъектами международного права) и отношения государств с индивидами «в связи с предотвращением и пересечением преступной деятельности, которой присуща международная общественная опасность» [6, с. 535].

Существует и иная концепция, согласно которой международное уголовное право – это отрасль, включающая в себе материальные и процессуальные нормы, которые, в свою очередь, могут относиться как к международному публичному, так и к международному частному, а также к национальному праву [7, с. 63].

Большинство авторов отмечает комплексный характер международного уголовного права, то есть тот факт, что оно объединяет в единую отрасль нормы материального и процессуального характера (а в некоторых случаях – и нормы, посвященные регламентации процедуры исполнения наказания), а также нормы, относящиеся к судостроительству.

Однако в настоящее время наблюдается тенденция более четкого разграничения норм материального уголовного права и норм процессуального права.

Особенно явно она проявилась в предложенном Комиссией международного права ООН проекте Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества 1991 года [8, с. 51–54], а также в Римском статуте Международного уголовного суда от 17 июля 1998 г. [9]. Эти документы впервые четко разграничивают нормы материального уголовного права и нормы процедурного характера. При этом, например, в Римском статуте практически впервые речь идет именно о самостоятельности международного уголовного права как отрасли.

Наметившееся формальное разделение международных уголовно-правовых норм материального характера и соответствующих им процедурных норм, а также положений о международном судостроительстве представляется закономерным этапом в становлении и развитии международного права в целом [10, с. 4].

Тенденция к «возрастанию самостоятельности» материального международного уголовного права носит принципиально важный характер, так как именно она позволяет говорить о том, что международное уголовное право приобретает признаки самостоятельной отрасли права.

Безусловно, что международное уголовное право по своему определению является составной частью системы международного права в целом. В этом суждении нет противоречия: ведь система международного права в целом как раз представляет собой совокупность различных отраслей международного права.

Представляется возможным разделить мнение о том, что современное международное уголовное право можно определить как «самостоятельную отрасль, входящую в единую систему международного права, включающую международно-правовые нормы и решения международных организаций, определяющие преступность деяния и индивидуальную ответственность физических лиц, а также регламентирующие иные уголовно-правовые вопросы в целях охраны мирового правопорядка» [11, с. 41].

Список использованных источников:

1. Мартенс, Ф. Ф. Современное международное право цивилизованных народов / Ф. Ф. Мартенс. – СПб., 1896. – Т. 11. – 450 с.
2. Карпец, И. М. Преступления международного характера / И. М. Карпец. – М. : Юрид. лит., 1979. – 264 с.
3. Курс международного права : в 7 т. / под ред. Н. А. Ушакова. – М. : Наука, 1992. – Т. 6. – 260 с.
4. Лукашук, И. И. Международное уголовное право / И. И. Лукашук, А. В. Наумов. – М. : Спартак, 1999. – 287 с.
5. Панов, В. П. Международное уголовное право / В. П. Панов. – М. ИНФРА-М, 1997. – 320 с.
6. Игнатенко, Г. В. Международное право : учебник / Г. В. Игнатенко, О. И. Тиунов. – М. : Юристъ, 2006. – 624 с.
7. Решетов, Ю. А. Борьба с международными преступлениями против мира и безопасности / Ю. А. Решетов. – М. : Междунар. отношения, 1983. – 223 с.
8. Текст проекта Кодекса // Российская юстиция. – 1995. – № 2. – С. 51–54.
9. Римский статут международного уголовного суда (Рим, 17 июля 1998 г.) [Электронный ресурс] : А CONF 183/9 // Сайт Организации Объединенных Наций. – Режим доступа: [http://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute\(r\).pdf](http://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute(r).pdf). – Дата доступа: 02.02.2018.
10. Адельханян, Р. А. Преступность деяния по международному уголовному праву / Р. А. Адельханян. – М. : МЗ ПРЕСС, 2002. – 37 с.
11. Кибальник, А. Г. Введение в международное уголовное право / А. Г. Кибальник. – Ставрополь : Ставропольсервисшкола, 2001. – 272 с.

ОСОБЕННОСТИ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ С УЧАСТИЕМ ПОТРЕБИТЕЛЯ

Федоцева Наталья Николаевна,
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
Института законовещения и управления
Всероссийской полицейской ассоциации, г. Тула,
кандидат юридических наук, доцент

Обязательство – гражданское правоотношение, в силу которого одно лицо (должник) обязано совершить в пользу другого лица (кредитора) определенное действие, как-то: передать имущество, выполнить работу и т. п., либо воздержаться от определенного действия, а кредитор имеет право требовать от должника исполнения его обязанностей (п. 1 ст. 307 ГК РФ).

Как известно, большинство обязательств облекаются в форму договора, который представляет собой сделку, имеющую двусторонний характер.

Договор – это наиболее распространенный вид сделок, выступающий в качестве юридического факта. Под термином «договор» понимают гражданское правоотношение, возникшее из договора, заключенного в письменной форме, а с точки зрения гражданского законодательства – соглашение двух или нескольких лиц об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей (ст. 420 ГК РФ) в области потребительских отношений.

Договор с участием потребителей, или, как традиционно он именуется в экономической и юридической литературе, договор в сфере обслуживания, является основной гражданско-правовой формой удовлетворения материальных и духовных потребностей граждан.

Отметим, что доктрине гражданского права известны так называемые обязательные договоры – договоры, заключение которых является обязательным для одной или обеих сторон.

С позиции доктринальной гражданско-правовой классификации частным случаем такого договора является публичный договор (ст. 426 ГК РФ), имеющий особое значение в гражданском обороте. С точки зрения легального определения публичный договор – это договор, заключенный коммерческой организацией и устанавливающий ее обязанности по продаже товаров, выполнению работ или оказанию услуг.

Экономическое неравенство участвующих в договорных отношениях сторон компенсируется, по справедливому утверждению А. Е. Шерстобитова, при помощи «применения конструкций публичного договора и договора присоединения, являющихся типичными исключениями из принципа свободы договора (статья 426, 428 ГК РФ)» [1, с. 296–315].

Конструкция публичного договора отражает две особенности заключения гражданско-правового договора:

- во-первых, обязанность коммерческой организации заключить договор с контрагентом;
- во-вторых, запрет установления условий, дискриминирующих отдельных контрагентов или определенные их категории.

В юридической литературе широко распространенным является вывод о том, что договоры в сфере обслуживания носят публичный характер, т. е. при их заключении широко применяется так называемая публичная оферта [2, с. 22; 3, с. 149–151].

Согласно ст. 435 ГК РФ офертой признается адресованное одному или нескольким конкретным лицам предложение, которое достаточно определенно и выражает намерение лица, сделавшего предложение, считать себя заключившим договор с адресатом, которым будет принято предложение. Оферта должна содержать существенные условия договора. В связи с этим по общему правилу реклама и иные предложения, адресованные неопределенному кругу лиц, рассматриваются как приглашение делать оферты, если иное прямо не указано в предложении (п. 1 ст. 437 ГК РФ).

Вместе с тем в соответствии с п. 2 ст. 437 ГК РФ содержащее все существенные условия договора предложение, из которого усматривается воля лица, делающего предложение, заключить договор на указанных в предложении условиях с любым, кто отзовется, признается офертой (публичная оферта). Такая формулировка дает основания полагать, что публичная оферта может рассматриваться как предложение заключить договор только в том случае, когда речь идет о заключении публичного договора. Это подтверждается анализом п. 2 ст. 492 и ст. 494 ГК РФ. В договоре розничной купли-продажи, являющемся публичным договором, предложение товара в его рекламе, каталогах и описаниях товаров, обращенных к неопределенному кругу лиц, признается публичной офертой, если оно содержит все существенные условия договора розничной купли-продажи.

Однако согласно п. 2 ст. 494 ГК РФ выставление в месте продажи (на прилавках, витринах и т. п.) товаров, демонстрация их образцов или предоставление сведений о продаваемых товарах (описаний, каталогов, фотоснимков товаров и т. п.) в месте их продажи признаются публичной офертой независимо от того, указаны ли цена и другие существенные условия договора розничной купли-продажи (кроме случая, когда продавец явно определил, что соответствующие товары не предназначены для продажи). Данное правило представляет собой исключительный случай, применимый только к розничной купле-продаже, но не к любому даже публичному договору.

Гражданско-правовой договор с участием потребителя в рамках гражданско-правовой характеристики является договором присоединения. В соответствии со ст. 428 ГК РФ договором присоединения признается такой договор, условия которого определены одной из сторон в формулярах или иных стандартных формах и могли быть приняты другой стороной не иначе как путем присоединения к предложенному договору в целом.

Конструкция договора присоединения представляет собой особый способ заключения гражданско-правового договора, при котором к предложенному одной стороной формуляру или иной стандартной форме другая сторона может только присоединиться, не имея возможности каким бы то ни было образом влиять на его содержание.

Следует сказать, что договор присоединения, несомненно, относится к случаям ограничения свободы договора. Как и в случае с публичным договором, конструкция договора присоединения не рассчитана исключительно на регулирование заключения договора с участием потребителей, однако в большинстве случаев применяется именно к таким отношениям.

Договор присоединения чаще всего применяется во взаимоотношениях коммерческой организации с гражданином, в том числе с гражданином-потребителем, когда стандартные условия договора повторяются многократно. Например, договор розничной купли-продажи, договор банковского вклада, предоставления услуг по туристическому обслуживанию (ст. 779 ГК РФ).

В определенной мере связанная с договором присоединения, но выходящая за его пределы конструкция, направленная на охрану прав потребителей, представлена в п. 2 ст. 400 ГК РФ. В нем установлено, что соглашение об ограничении размера ответственности должника по договору присоединения или иному договору, в котором кредитором является гражданин, выступающий в качестве потребителя, ничтожно, если размер ответственности для данного вида обязательств или за данное нарушение определен законом и если соглашение заключено до наступления обстоятельств, влекущих ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства.

Следует исходить из того, что стороной в договорах по обслуживанию граждан в обязательном порядке является предприниматель, к которому предъявляются специальные требования. Предпринимательская деятельность является профессиональной, в силу чего на предпринимателя как профессионала в силу закона возлагается ряд преддоговорных обязанностей, в основном связанных с реализацией права потребителя на информацию.

Возложение на продавца исполнения ряда преддоговорных обязанностей является системообразующим фактором, определяющим место договора на обслуживание граждан в системе гражданско-правовых договоров. Преддоговорные обязанности продавцов (изготовителей, исполнителей) не связаны исключительно с процессом заключения договора, поэтому следует признать, что с предложением заключить договор на обслуживание в каждом конкретном случае выступает потребитель.

Важным в договорных отношениях с участием потребителя выступают запрет включения в договор условий, ущемляющих его права, и корреспондирующие с ним дополнительные права потребителей требовать признания таких условий недействительными и возмещения причиненных убытков.

Запрет установления условий, дискриминирующих отдельных контрагентов или определенные их категории, связан с тем, что конструкция публичного договора очень широко, хотя и не исключительно, используется в отношениях с гражданами-потребителями.

Потребительские договорные отношения предполагают соблюдение со стороны контрагента потребителя принципа добросовестности как основного императива в действиях предпринимателя. Во многом этот постулат опирается на общепризнанную модель маркетинговой политики цивилизованных стран, предполагающую в деятельности производителей учет приоритета запросов и требований потребителей.

Как полагает Е. В. Вавилин, недобросовестные условия договора – это условия, тем или иным способом ущемляющие права потребителя, являющегося слабой стороной в договоре, в определенной степени вынужденного заключать договоры на данных предложенных (навязываемых) условиях [4, с. 7–11].

В литературе при рассмотрении потребительских отношений под содержанием принципа добросовестности понимается обязанность субъектов строить свои отношения в соответствии с универсальными требованиями морали и права, проявлять заботу о справедливых интересах других участников гражданско-правовых отношений, конструктивно подходить к решению споров, соблюдая баланс общих и индивидуальных интересов [5, с. 11].

Законодательство о защите прав потребителей требует надлежащего его восприятия на уровне самостоятельной нормы с учетом того, что западный опыт правового регулирования потребительских отношений весьма активно использует императивы поведения предпринимателей. В частности, положительный пример существует в Единообразном торговом кодексе США, который прямо предписывает продавцам проявлять добросовестность (§ 1-203 ЕТК США) и устранять недобросовестные условия при составлении всех контрактов (§ 2-302 ЕТК США) [6].

Известной проблемой здесь могут стать процессуальные сложности доказывания вины изготовителя (исполнителя, продавца). В условиях презумпции добросовестности предпринимателя, а также соответствия закону содержания условий договоров бремя доказывания нарушений норм закона перекладывается на потребителя.

В советской юридической литературе размежевание договорных отношений в сфере удовлетворения потребностей граждан в целях установления принадлежности договора к определенному типу осуществлялось прежде всего по его правовому результату [7, с. 87].

Особенности потребительских отношений в рамках договорных конструкций позволяют в литературе вести речь о выделении самостоятельной группы договоров, объединенных под общим названием «потребительские договоры». Термин «потребительский договор» является во многом условным, однако он применяется в отечественной доктрине [8, с. 7]. Самостоятельного значения указанный термин пока не приобрел.

Следовательно, ГК РФ позволяет провести классификацию гражданско-правовых договоров с участием потребителя и в рамках систематики выделить потребительский договор (договор на обслуживание граждан) в качестве самостоятельного типа гражданско-правового договора.

Российское гражданское право, регулируя потребительские отношения, направлено на защиту слабой стороны, что является изъятием из общего принципа изначального равенства сторон в договорных обязательствах. Предоставление потребителю дополнительных прав рассматривается как стремление законодателя уравнивать стороны в договоре, само же положение потребителя как более слабой стороны изначально рассматривается как часть его статуса [9, с. 792–803].

Как полагает М. В. Кратенко, потребительские договоры обладают двумя основными характеристиками:

- 1) возмездный характер договора;
- 2) его направленность на удовлетворение личных (бытовых) нужд гражданина [10].

При этом признак возмездности потребительских отношений, по справедливому мнению отдельных авторов, исключает применение законодательства о защите прав потребителей к отношениям из гражданско-правовых договоров с участием граждан, имеющих безвозмездный характер. Примером подобной ситуации являются отношения, вытекающие из договора безвозмездного хранения вещей в гардеробах организаций, если вознаграждение за хранение не оговорено или иным способом не обусловлено при сдаче вещи на хранение (ст. 924 ГК РФ). Такие отношения законодательством о защите прав потребителей не регулируются.

Ориентиром в поиске гражданско-правовых форм потребительских отношений является также примерный перечень видов деятельности, приведенный в п. 1 ст. 426 ГК РФ. Кроме того, ряд договоров с участием потребителей прямо обозначены в ч. 2 ГК РФ и отдельных законах как публичные, например: договор проката (ст. 626); договор бытового подряда (ст. 730); договор банковского вклада, в котором вкладчиком является гражданин (ст. 834); договор хранения в ломбарде принадлежащих гражданину вещей, а также договор хранения вещей в камерах хранения транспортных организаций (статьи 919 и 923); договор личного страхования (ст. 927) и т. д.

Необходимо также в этой связи отметить роль Правительства РФ, которое в случаях, предусмотренных законом, может издавать правила, обязательные для сторон при заключении и исполнении публичных договоров (типовые договоры, положения и т. п.). На это указывает прямая норма п. 2 ст. 1 Закона от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей», предоставляющая Правительству РФ полномочия по изданию для потребителя и продавца правил, обязательных при заключении и исполнении публичных договоров (договоров розничной купли-продажи, энергоснабжения, договоров о выполнении работ и об оказании услуг).

При этом судебная практика и органы исполнительной власти дают разъяснения относительно примерного перечня договоров, из которых могут возникать отношения, регулируемые законодательством о защите прав потребителей. К таковым, в частности, относятся: розничная купля-продажа; прокат; договор найма жилого помещения; бытовой подряд; договор о предоставлении нанятому или собственнику жилого

помещения коммунальных услуг; договор участия в долевом строительстве; договоры на оказание финансовых услуг, направленных на удовлетворение личных, семейных, домашних и иных нужд гражданина, в том числе предоставление кредита, открытие и ведение банковских счетов клиентов-граждан, осуществление расчетов по их поручению, услуги по приему от граждан и хранению ценных бумаг и других ценностей, оказание им консультационных услуг. В свою очередь, отношения, регулируемые законодательством о защите прав потребителей, могут возникать из договора банковского вклада, в котором вкладчиком является гражданин, и других договоров, направленных на удовлетворение личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности.

В ряде договоров с участием граждан судебные инстанции отметили те, которые не подпадают под потребительско-правовые конструкции. В частности, в числе потребительских договоров не упоминается договор страхования, несмотря на то, что страховые услуги традиционно относят к числу финансовых услуг.

По данному вопросу свою позицию изложил в 2006 году Верховный Суд РФ, который последовательно высказался против применения Закона «О защите прав потребителей» (даже в части общих положений) к спорам между страховщиком и выгодоприобретателем по некоторым договорам страхования. Так, данная позиция первоначально касалась договора ОСАГО, поскольку целью данного вида страхования является возмещение ущерба потерпевшему. Еще через два года Верховный Суд РФ указал на невозможность применения законодательства о защите прав потребителей вообще к любым договорам имущественного страхования, включая договор страхования транспортного средства (КАСКО), договор страхования жилья и пр.

Список использованных источников

1. Шерстобитов, А. Е. Гражданский кодекс Российской Федерации и законодательство о защите прав потребителей о договорах с участием потребителей / А. Е. Шерстобитов // Актуальные вопросы государства и права в Российской Федерации и в Республике Македонии : сб. науч. ст. / отв. ред. А. Е. Шерстобитов. – М. : Статут, 2012. – Вып. 1. – С. 296–315.

2. Кабалкин, А. Ю. Гражданско-правовой договор в сфере обслуживания / А. Ю. Кабалкин. – М. : Наука, 1980. – 85 с.

3. Новицкий, И. Б. Общее учение об обязательстве / И. Б. Новицкий, Л. А. Лунц. – М. : Гос. изд-во юрид. лит., 1950. – 250 с.

4. Вавилин, Е. В. Осуществление и защита прав потребителей: принцип добросовестности / Е. В. Вавилин // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2014. – № 5. – С. 7–11.

5. Единообразный торговый кодекс США 1990 г. [Электронный ресурс] / под ред. С. Н. Лебедева ; пер. с англ. Uniform commercial code: Official text. – 1990. – М., 1996 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2018.

6. Единообразный торговый кодекс США 1990 г. [Электронный ресурс] / под ред. С. Н. Лебедева ; пер. с англ. Uniform commercial code: Official text. – 1990. – М., 1996 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2018.

7. Кабалкин, А. Ю. Сфера обслуживания: гражданско-правовое регулирование / А. Ю. Кабалкин. – М. : Наука, 1972. – 102 с.

8. Аврах, А. М. Договор с участием потребителей в системе гражданско-правовых договоров: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. М. Аврах. – Казань, 2007. – 30 с.

9. Витрянский, В. В. Защита слабой стороны в договоре / В. В. Витрянский // Договорное право / В. В. Витрянский, М. И. Брагинский. – М. : Статут, 2001. – Кн. 1 : Общие положения. – С. 792–803.

10. Кратенко, М. В. Защита прав потребителей услуг : справ. / М. В. Кратенко. – М. : Проспект, 2014. – 224 с.

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ МЕЖДУНАРОДНОМУ ТЕРРОРИЗМУ В ФОРМАТЕ ШАНХАЙСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОТРУДНИЧЕСТВА

Шемет Вадим Сергеевич,
заместитель директора НИИ ТиСО
Международного университета «МИТСО», г. Минск,
кандидат юридических наук

Становление и развитие международно-правового механизма борьбы с терроризмом в рамках ШОС тесно связано с элементами политической, военно-стратегической и социально-экономической обстановки как в планетарном масштабе, так и в региональном.

Негативные тенденции, сложившиеся в середине 90-х гг. XX в. в Центральной Азии (нестабильность в Афганистане, формирование очагов напряженности в центрально-азиатских республиках бывшего СССР, рост наркотрафика в Россию, сепаратистские движения в Китае и т. д.), привели к необходимости противодействия этим вызовам и угрозам не только на национальном уровне, но в системе международного сотрудничества государств региона.

Подписанные в г. Шанхае главами государств России, Китая, Казахстана, Киргизии и Таджикистана Соглашение об укреплении доверия в военной области в районе границы от 26 апреля 1996 г. [1, с. 365–373] и Соглашение о взаимном сокращении вооруженных сил в районе границы от 24 апреля 1997 г. [2, с. 21–60] создали правовые гарантии укрепления безопасности в регионе и стали примером для других государств.

Значимым событием стала встреча «Шанхайской пятерки» в г. Душанбе 5 июля 2000 г. На встрече глав государств (присутствовал также и Президент Узбекистана; вследствие этого «Шанхайская пятерка» в последствии стала именоваться «Шанхайским форумом») были рассмотрены вопросы взаимодействия, подписана Душанбинская декларация. В ст. 5 Декларации указано: «Стороны подтверждают свою решимость совместно бороться с международным терроризмом, религиозным экстремизмом и национальным сепаратизмом, представляющими главную угрозу региональной безопасности, стабильности и развитию...» [3]. Кроме этого, на саммите поддержана инициатива Кыргызстана о создании региональной антитеррористической структуры.

Окончательно как региональная организация коллективной безопасности с присущими специфическими целями и задачами Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) сформировалась 15 июня 2001 г. на 6-м саммите Шанхайского форума, где была подписана Декларация о создании ШОС [4]. Впоследствии, 7 июня 2002 г., ее международно-правовой статус был урегулирован Хартией ШОС [5].

Обоснование позиционирования ШОС как региональной организации коллективной безопасности проведено белорусским ученым-правоведом Е. Ф. Довгань: «она (ШОС, прим. автора) соответствует основным требованиям ст. 52 – 54 Устава ООН: ее приоритетной задачей является поддержание международного мира и безопасности (Декларация, преамбула, п. 8; Хартия, преамбула, статьи 1, 3); она обладает ограниченным членством (6 государств); выражает свою приверженность целям и принципам ООН (Декларация, п. 5; Хартия, преамбула)» [6, с. 22].

Несмотря на заявленные в учредительных документах цели деятельности ШОС (Декларация, п. 2: «укрепление между государствами-участниками взаимного доверия, дружбы и добрососедства; поощрение эффективного сотрудничества между ними в политической, торгово-экономической, научно-технической, культурной, образовательной, энергетической, транспортной, экологической и других областях; совместные усилия по поддержанию и обеспечению мира, безопасности и стабильности в регионе, построению нового демократического, справедливого и рационального политического и экономического международного порядка»), приоритетным направлением в деятельности ШОС является борьба с международным терроризмом.

Следует отметить, что в учредительных документах имеется подтверждение этому тезису.

В Декларации ШОС провозглашается, что «государства-участники будут осуществлять тесное взаимодействие в целях реализации Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, в том числе путем учреждения региональной антитеррористической структуры Шанхайской организации сотрудничества с месторасположением в г. Бишкеке».

В ст. 1 Хартии ШОС отмечается, что одной из задач, стоящих перед ШОС, является «совместное противодействие терроризму, сепаратизму и экстремизму во всех их проявлениях, борьба с незаконным оборотом наркотиков и оружия, другими видами транснациональной преступной деятельности, а также незаконной миграцией».

Основополагающим международно-правовым документом ШОС в сфере борьбы с терроризмом является Шанхайская конвенция по борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15 июня 2001 г. Она призвана способствовать развитию координации и взаимодействия между правоохранительными органами и спецслужбами государств-членов в борьбе с международным терроризмом.

Несомненным достоинством Конвенции является формулировка в ней определения терроризма (п. 1 ст. 1):

«Терроризм:

а) какое-либо деяние, признаваемое как преступление в одном из договоров, перечисленных в Приложении к настоящей Конвенции (далее – Приложение), и как оно определено в этом договоре;

б) любое другое деяние, направленное на то, чтобы вызвать смерть какого-либо гражданского лица или любого другого лица, не принимающего активного участия в военных действиях в ситуации вооруженного конфликта, или причинить ему тяжкое телесное повреждение, а также нанести значительный ущерб какому-либо материальному объекту, равно как организация, планирование такого деяния, пособничество его совершению, подстрекательство к нему, когда цель такого деяния в силу его характера или контекста заключается в том, чтобы запугать население, нарушить общественную безопасность или заставить органы власти либо международную организацию совершить какое-либо действие или воздержаться от его совершения, и преследуемые в уголовном порядке в соответствии с национальным законодательством Сторон» [7].

В основу сформулированного определения разработчики Конвенции положили уже существующую дефиницию, содержащуюся в Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма 1999 года, которая учитывает международно-правовую специфику:

«Любое лицо совершает преступление по смыслу настоящей Конвенции, если оно любыми методами, прямо или косвенно, незаконно и умышленно предоставляет средства или осуществляет их сбор с намерением, чтобы они использовались, или при осознании того, что они будут использованы, полностью или частично, для совершения:

а) какого-либо деяния, представляющего собой преступление согласно сфере применения одного из договоров, перечисленных в приложении, и содержащемуся в нем определению;

б) любого другого деяния, направленного на то, чтобы вызвать смерть какого-либо гражданского лица или любого другого лица, не принимающего активного участия в военных действиях в ситуации вооруженного конфликта, или причинить ему тяжкое телесное повреждение, когда цель такого деяния в силу его характера или контекста заключается в том, чтобы запугать население или заставить правительство или международную организацию совершить какое-либо действие или воздержаться от его совершения» [8].

В практической плоскости значение Шанхайской конвенции по борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом заключается в раскрытии основных форм сотрудничества государств-членов в борьбе с международным терроризмом. Они перечислены в ст. 6, а именно:

- 1) обмен информацией;
- 2) выполнение запросов о проведении оперативно-розыскных мероприятий;
- 3) разработка и принятие согласованных мер для предупреждения, выявления и пресечения деяний, указанных в п. 1 ст. 1 настоящей Конвенции, и взаимоведомление о результатах их осуществления;
- 4) принятие мер по предупреждению, выявлению и пресечению на территории своего государства деяний, указанных в п. 1 ст. 1 настоящей Конвенции, направленных против других Сторон;
- 5) принятие мер по предупреждению, выявлению и пресечению финансирования, поставок вооружения и боеприпасов, оказания иного содействия любым лицам и (или) организациям для совершения деяний, указанных в п. 1 ст. 1 настоящей Конвенции;
- 6) принятие мер по предупреждению, выявлению, пресечению, запрещению и прекращению деятельности по подготовке лиц к совершению деяний, указанных в п. 1 ст. 1 настоящей Конвенции;
- 7) обмен нормативными правовыми актами и материалами о практике их применения;
- 8) обмен опытом работы по предупреждению, выявлению и пресечению деяний, указанных в п. 1 ст. 1 настоящей Конвенции;
- 9) подготовка, переподготовка и повышение квалификации своих специалистов в различных формах;
- 10) достижение по взаимному согласию Сторон договоренностей об иных формах сотрудничества, включая, в случае необходимости, оказание практической помощи по пресечению деяний, указанных в п. 1 ст. 1 настоящей Конвенции, и ликвидации их последствий.

В развитие Шанхайской конвенции по борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом 2001 года, 5 июля 2005 г. была принята Концепция сотрудничества государств – членов ШОС в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом [9].

В разделе 3 документа раскрыты основные направления сотрудничества государств-членов, а в разделе 4 приведены более четкие (по сравнению с Шанхайской конвенцией по борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом 2001 года) формулировки форм этого сотрудничества:

Основными направлениями сотрудничества являются:

1. Формирование единой политики государств – членов ШОС в области борьбы с терроризмом, сепаратизмом, экстремизмом и осуществление межгосударственной координации этой деятельности.
2. Выработка единых подходов к прекращению деятельности террористических, сепаратистских и экстремистских организаций, которые запрещены в государствах – членах ШОС, в том числе к созданию единого перечня таких организаций, с последующей конфискацией их имущества и финансовых средств.
3. Обеспечение развития и реализации антитеррористического потенциала государств – членов ШОС.
4. Обеспечение неотвратимости наказания за терроризм, сепаратизм и экстремизм.
5. Создание и ведение единого розыскного реестра лиц, объявленных в международный розыск за совершение или подозреваемых в совершении преступлений террористического характера.
6. Совершенствование правовой основы сотрудничества в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом.
7. Разработка и осуществление межгосударственной системы мер по борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом.
8. Разработка правовых, организационных и иных мер, направленных на укрепление пограничного и таможенного контроля, с целью предотвращения проникновения террористов, сепаратистов и экстремистов на территории государств – членов ШОС, а также пресечения незаконного перемещения через границы государств – членов ШОС средств, используемых для совершения терроризма, сепаратизма и экстремизма.
9. Научно-техническое, информационное и аналитическое обеспечение борьбы с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом.
10. Оказание помощи в ликвидации последствий и реабилитации лиц, пострадавших от терроризма, сепаратизма и экстремизма.
11. Исключение доступа террористов, сепаратистов и экстремистов к оружию массового уничтожения и средствам его доставки, радиоактивным, токсичным и другим опасным веществам, материалам и технологиям их производства.
12. Противодействие любым формам финансирования терроризма, сепаратизма и экстремизма.
13. Борьба с терроризмом на объектах государственной важности, жизнеобеспечения, критической инфраструктуры и на всех видах транспорта.

14. Предотвращение использования или угрозы использования для целей терроризма локальных и глобальных компьютерных сетей (борьба с кибертерроризмом).

15. Взаимодействие с гражданским обществом и средствами массовой информации в целях противодействия пропаганде терроризма, сепаратизма и экстремизма.

16. Согласование позиций для участия в международных организациях и международных форумах по вопросам борьбы с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом.

17. Участие в объединении усилий мирового сообщества по формированию глобальной стратегии противодействия терроризму, сепаратизму и экстремизму.

18. Оказание содействия третьим странам в борьбе с терроризмом.

19. Совершенствование материально-технической базы борьбы с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, в том числе разработка специальных средств, техники и оборудования для оснащения специальных антитеррористических формирований.

20. Обобщение и распространение опыта совместной борьбы с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом.

21. Подготовка, переподготовка и повышение квалификации кадров для компетентных органов государств – членов ШОС.

22. Формирование в общественном сознании понимания необходимости бескомпромиссной борьбы с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом.

Основными формами сотрудничества являются:

1. Проведение согласованных профилактических мероприятий.

2. Проведение согласованных оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий.

3. Проведение совместных антитеррористических мероприятий.

4. Обмен оперативно-розыскной, справочной, криминалистической информацией, в том числе сведениями о готовящихся и совершенных актах терроризма, сепаратизма и экстремизма, причастных к ним лиц и организациях, создание специализированных банков данных и систем связи, в том числе закрытой.

5. Оказание правовой помощи.

6. Организация и проведение совместных антитеррористических учений, подготовка кадров, обмен опытом работы и методической литературой по вопросам борьбы с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, проведение совместных научных исследований в данной области.

Анализируя приведенные направления сотрудничества государств – членов ШОС в борьбе с международным терроризмом, можно отметить значимость такого направления сотрудничества, как выработка единых подходов к прекращению деятельности террористических, сепаратистских и экстремистских организаций, которые запрещены в государствах – членах ШОС, в том числе к созданию единого перечня таких организаций, с последующей конфискацией их имущества и финансовых средств. Аналогичные задачи решаются также в рамках СНГ и ОДКБ, что может служить предпосылкой для более тесной интеграции усилий этих региональных международных организаций в борьбе с терроризмом.

Ведя речь о формах взаимодействия, полагаем необходимым подчеркнуть важность и практическую востребованность таких форм, как проведение совместных антитеррористических учений и согласованных мероприятий. Разработка замысла таких учений с учетом модели террористической деятельности и возможностей государств-членов приведет в целом к повышению боевого потенциала ШОС и ее роли не только в региональном масштабе, но и в планетарном.

Очередным шагом совершенствования международно-правового регулирования деятельности ШОС в борьбе с терроризмом стало принятие 16 июня 2009 г. Конвенции ШОС против терроризма [10]. В ней детально раскрывается система мер по борьбе с терроризмом как в формате ШОС, так и в рамках национальных правовых систем. Отмечается необходимость координации деятельности на уровне специально сформированных антитеррористических структур государств-членов.

В формате ШОС координирующая роль в борьбе с терроризмом принадлежит Региональной антитеррористической структуре (далее – РАТС), образованной 7 июня 2002 г.

В соответствии со ст. 6 Соглашения между государствами – членами ШОС о Региональной антитеррористической структуре, ее основными задачами являются:

«1. разработка предложений и рекомендаций о развитии сотрудничества в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом для соответствующих структур ШОС, а также по просьбе Сторон;

2. содействие компетентным органам Сторон по просьбе одной из Сторон в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, в том числе в соответствии с положениями Конвенции;

3. сбор и анализ информации, поступающей в РАТС от Сторон, по вопросам борьбы с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом;

4. формирование банка данных РАТС, в частности о:

- международных террористических, сепаратистских и иных экстремистских организациях, их структуре, лидерах и участниках, других причастных к ним лицах, а также источниках и каналах их финансирования;

- состоянии, динамике и тенденциях распространения терроризма, сепаратизма и экстремизма, затрагивающих интересы Сторон;

- неправительственных организациях и лицах, оказывающих поддержку терроризму, сепаратизму и экстремизму;

5. предоставление информации по запросам компетентных органов Сторон;
6. содействие в подготовке и проведении антитеррористических командно-штабных и оперативно-тактических учений по просьбе заинтересованных Сторон;
7. содействие в подготовке и проведении оперативно-розыскных и иных мероприятий по борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом по просьбе Сторон;
8. содействие в осуществлении международного розыска лиц, которые предположительно совершили деяния, указанные в п. 1 ст. 1 Конвенции, с целью их привлечения к уголовной ответственности;
9. участие в подготовке международно-правовых документов, затрагивающих вопросы борьбы с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом;
10. содействие в подготовке специалистов и инструкторов для антитеррористических подразделений;
11. участие в подготовке и проведении научно-практических конференций, семинаров, содействие в обмене опытом по вопросам борьбы с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом;
12. установление и поддержание рабочих контактов с международными организациями, занимающимися вопросами борьбы с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом» [11].

Анализируя изложенные задачи РАТС, мы приходим к выводу о том, что от действенного функционирования этого компетентного органа во многом зависит реализация стратегических задач, стоящих перед ШОС в целом.

Рассмотрев некоторые концептуальные международно-правовые документы ШОС в сфере борьбы с международным терроризмом, отметим, что, помимо них, исследуемую сферу международных отношений регулирует целостная система правовых актов, детализирующих отдельные направления этой деятельности:

- Соглашение об обеспечении защиты секретной информации в рамках РАТС от 17 июня 2004 г.;
- Соглашение о порядке организации и проведения совместных антитеррористических мероприятий на территориях государств – членов ШОС от 15 июня 2006 г.;
- Соглашение о сотрудничестве в области выявления и перекрытия каналов проникновения на территории государств – членов ШОС лиц, причастных к террористической, сепаратистской и экстремистской деятельности от 15 июня 2006 г.;
- Соглашение о подготовке кадров для антитеррористических формирований государств – членов ШОС от 16 июня 2009 г.;
- Стратегия развития ШОС до 2025 года от 10 июля 2015 г.

Таким образом, существующие концепции и стратегии, целостная система международно-правовых актов, оптимальное организационно-структурное построение ШОС в полной мере способствуют решению задач по борьбе с международным терроризмом не только в Центрально-Азиатском регионе, но и в мировом масштабе.

Список использованных источников

1. Соглашение между Российской Федерацией, Республикой Казахстан, Киргизской Республикой, Республикой Таджикистан и Китайской Народной Республикой об укреплении доверия в военной области в районе границы от 26.04.1996 // Сб. российско-китайских договоров 1949 – 1999. – М. : Терра-Спорт, 1999. – С. 365–373.
2. Соглашение между Российской Федерацией, Республикой Казахстан, Киргизской Республикой, Республикой Таджикистан и Китайской Народной Республикой об укреплении доверия в военной области в районе границы от 24.04.1997 // Бюллетень международных договоров. – 2002. – № 6. – С. 21–60.
3. Душанбинская декларация глав государств Республики Казахстан, Китайской Народной Республики, Кыргызской Республики, Российской Федерации и Республики Таджикистан от 04.07.2000 г. [Электронный ресурс] // Российский правовой портал. – Режим доступа: <http://law7.ru/base50/part5/d50ru5034.htm>. – Дата доступа: 16.04.2018.
4. Декларация о создании Шанхайской организации сотрудничества (15.06.2001) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал Шанхайской организации сотрудничества. – Режим доступа: <http://rus.sectsc.org/documents>. – Дата доступа: 16.04.2018.
5. Хартия Шанхайской организации сотрудничества (07.06.2002) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал Шанхайской организации сотрудничества. – Режим доступа: <http://rus.sectsc.org/documents>. – Дата доступа: 16.04.2018.
6. Довгань, Е. Ф. История развития, статус и основные направления деятельности ШОС / Е. Ф. Довгань // Шанхайская организация сотрудничества и проблемы безопасности Евразии / М. В. Данилович [и др.] ; под ред. А. А. Розанова ; Женевский центр по демократическому контролю над вооруженными силами, Центр изучения внешней политики и безопасности, факультет международных отношений БГУ. – Минск : Изд. центр БГУ, 2012. – С. 12–24.
7. Шанхайская конвенция по борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15.06.2001 г. // Бюллетень международных договоров. – 2004. – № 1. – С. 29–36.
8. Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма (09.12.1999) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал Организации Объединенных наций. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/terfin.shtml. – Дата доступа: 16.04.2018.

9. Концепция сотрудничества государств – членов Шанхайской организации сотрудничества в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (05.07.2005) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал Региональной антитеррористической структуры. – Режим доступа: <http://ecrats.org/upload/iblock/7bd/6.pdf>. – Дата доступа: 16.04.2018.

10. Конвенция Шанхайской организации сотрудничества против терроризма (16.06.2009) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал Национального антитеррористического комитета Российской Федерации. – Режим доступа: <http://nac.gov.ru/zakonodatelstvo/mezhdunarodnye-pravovye-akty/konvenciya-shanhayskoj-organizacii.html>. – Дата доступа: 16.04.2018.

11. Соглашение между государствами – членами ШОС о Региональной антитеррористической структуре (07.06.2002) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал Региональной антитеррористической структуры. – Режим доступа: <http://ecrats.org/upload/iblock/d83/8.pdf>. – Дата доступа: 16.04.2018.

ГУМАНИСТИЧЕСКАЯ МЕТОДОЛОГИЯ И МЕХАНИЗМ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПОВЕДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА

Шиенок Владимир Петрович,
главный научный сотрудник
центра частноправовых и социально-экономических исследований НИИ ТиСО
Международного университета «МИТСО», г. Минск,
доктор юридических наук, профессор

Во второй половине XX в. в теории государства и права СССР был внедрен и получил широкое распространение термин «механизм правового регулирования», под которым было принято понимать взятую в единстве систему правовых средств (юридических норм, правоотношений, нормативных актов и т. д.), при помощи которых осуществляется правовое воздействие на отношения в социалистическом обществе.

Аналогичный по сути подход к пониманию механизма правового регулирования, пожалуй, за исключением его «советской» идеологической составляющей, остается и сейчас в отечественной и российской правовых доктринах. Подавляющее большинство авторов, исследовавших данную категорию, солидарны в мнении о том, что она имеет сложную комплексную структуру, содержит большой объем информации о правовой реальности и предназначена для исследования различных правовых явлений в динамике и взаимосвязи.

Действительно, по своему содержанию данный термин предельно широк, поскольку включает в себя не только собственно право (совокупность норм), но и иные явления правовой действительности (правоотношения, нормативные и иные акты, правосознание и т. д.), и, видимо, поэтому его содержание строго не определено. Однако эта кажущаяся «содержательная» аморфность ничуть не умаляет важности механизма правового регулирования как системообразующего методологического элемента юриспруденции. Как было установлено в ряде предыдущих публикаций автора, основным назначением, сущностью права является регулирование поведения человека, людей, а не общественных отношений, как это утверждается в господствующей в настоящее время правовой доктрине. В этом плане задача регулирования общественных отношений вторична, производна от регулирования поведения людей. Поэтому становится очевидным, что с позиций разрабатываемой концепции гуманистической методологии юриспруденции «психологический», внутренний аспект является центральной частью, сердцевиной механизма правового регулирования как комплексной категории теории государства и права и поэтому представляет наибольший интерес для исследователя как в общетеоретическом, так и в прикладном аспектах. Понимая право как систему общеобязательных нормативных предписаний, принятых в установленном законом порядке, обеспечиваемых силой государственного принуждения, мы со всей очевидностью приходим к выводу о том, что человек (люди, общество) является объектом правового воздействия с целью обеспечения его должного поведения. Государство в лице многочисленных государственных органов издает различные как по содержанию, так и по юридической силе (кругу лиц и т. д.) нормативные правовые акты, являющиеся у нас в стране основным видом источников норм права. В этой связи отметим, что правовое воздействие на поведение людей можно представить в качестве специфического управленческого процесса, где объект управления – человек (социальная группа, общество), средство управления – право, субъект управления – государство (его органы). Аксиоматично, что эффективность управления напрямую зависит от знания субъектом объекта управления, его особенностей, специфики. Данное положение в полной мере актуально и в отношении государственно-правового управленческого процесса. Применительно к юриспруденции, необходимость детального изучения человека, общества как объекта управления актуализируется также тем, что фактически субъектом этого процесса является также человек, общество. Государство, государственные органы – суть комплексные абстракции, синтезирующие в себе широкий спектр разноплановых объектов, явлений, процессов реальной жизни. В их основе лежит деятельность людей, более того, это продукт деятельности человека. Нет человека – нет государства, его органов. Это значит, что де-факто люди управляют другими людьми посредством права и государства. Человек (общество) как саморегулирующаяся система порождает право, которое впоследствии становится неотъемлемой частью его жизни.

Изучая и рассматривая «чистое» право, правовую реальность, следует всегда иметь в виду известную условность такого подхода. К сожалению, в настоящее время юридическая наука недостаточно рассматривает закономерности управленческого воздействия на человека при помощи государственно-правовых средств в качестве части своего предмета. Юриспруденция предпочитает оперировать набором абстракций, как правило, правовых статусов человека. Образно говоря, эта ситуацию можно сравнить с приемом у врача, который вместо обследования тела пациента, довольствуется изучением его одежды.

С позиций гуманистической методологии, механизм правового регулирования поведения человека представляет собой специально организованный процесс энергоинформационного обмена между людьми, представляющими различные государственные органы, ответственные за принятие и исполнение норм права, и остальной частью общества.

Механизм правового регулирования поведения человека – это процесс, когда-то начатый людьми, инициированный ими самими либо активированный из внешних источников. В этом плане можно говорить, что он имеет начало. Однако, рассуждая гипотетически, этот процесс не имеет конца, поскольку регулирование поведения человека посредством правовых норм будет оставаться актуальным, пока существует человек, нынешняя цивилизация, основанная на эксплуатации и использовании в узкоэгоистических целях потенциала планеты.

Для дальнейшего рассмотрения механизма правового регулирования поведения человека необходимо кратко остановиться на фундаментальном общетеоретическом вопросе правопонимания. С позиций гуманистической методологии, человек, как и весь окружающий мир, представляет собой энергетическое образование, т. е. состоит из вибраций, колебаний. Любой вид энергии – суть вибрации. Различные объекты материальной и духовной действительности отличаются друг от друга частотой колебаний, их комбинациями. Рассматривая правовую реальность (бытие права) с этих позиций, трудно отрицать тот факт, что именно человек, его внешне-предметная и психическая деятельность не только создает, творит право, но и активизирует, оживляет, приводит в действие его нормы, содержащиеся в законодательстве либо иных источниках. Это очевидно. Сколько бы мы ни имели правовых норм, зафиксированных на каких угодно материальных носителях, это будет «мертвая информация», если они не будут применяться (учитываться) людьми в своей жизнедеятельности, иным путем претворяться в их жизнь. Таким образом, в основе гуманистического правопонимания лежит принцип активной роли каждого отдельного человека и общества в целом не только в создании права, но и в жизнеобеспечении правовой реальности. Особенно явно это прослеживается на примере законодательства, нормы которого представляют собой «спящую» информацию (энергию, вибрации) до той поры, пока они не начинают применяться в деятельности людей. Именно люди своей энергией, в первую очередь волей «оживляют» действующие и создают новые нормы писаного и обычного права, обеспечивают их существование, т. е. творят правовую реальность. Это очевидный факт. Можно легко смоделировать ситуацию с наличием на материальных носителях в некоем изолированном месте всего законодательства Беларуси, например. Создаст ли факт нахождения (хранения) большого количества правовых норм новую правовую реальность на территории, где они хранятся, если люди не пользуются этими правовыми нормами либо их (людей) просто нет в этом месте? Думаю, ответ отрицательный. Таким образом, говорить в полной мере о праве и его бытии (правовой реальности) можно лишь с момента включения правовых норм в жизнедеятельность человека, общества.

Таким образом, человек с имеющимися у него на сознательном и бессознательном уровнях представлениями о правилах поведения представляет собой активную, динамическую компоненту (часть) феномена права; законодательство и иные, установленные государством источники правовых норм являются его статической частью, их взаимодействие рождает явление права в полном значении этой категории.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ТРУДА ИНВАЛИДОВ, РАБОТАЮЩИХ В НАДОМНОЙ ФОРМЕ

Шишко Георгий Борисович,
профессор кафедры конституционного права
юридического факультета
Белорусского государственного университета, г. Минск,
кандидат юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Беларусь

Одной из важнейших функций социального правового государства, к построению которого стремится Республика Беларусь, является создание эффективной социальной защиты населения. Под социальной защитой населения в настоящее время понимается совокупность законодательно установленных экономических, социальных, юридических гарантий и прав, социальных институтов и учреждений, обеспечивающих их реализацию и создающих условия для поддержания жизни различных социальных слоев и групп населения, прежде всего социально уязвимых [1, с. 15–17].

Приоритетным направлением социальной политики Республики Беларусь является осуществление комплекса мер по интеграции инвалидов в общество и улучшение качества их жизни [2, с. 484].

Во всей системе законодательных актов дифференциальными являются те формы, которые содержатся в Законе Республики Беларусь от 11 ноября 1991 г. № 1224 «О социальной защите инвалидов в Республике Беларусь» (с изм. и доп.) (далее – Закон о социальной защите инвалидов); Законе Республики Беларусь

от 23 июля 2008 г. № 422-3 «О предупреждении инвалидности и реабилитации инвалидов» (с изм. и доп.), а также в гл. 21 Трудового кодекса Республики Беларусь (далее – ТК).

Определение понятия «инвалид» дано в ст. 11 Закона Республики Беларусь «О социальной защите инвалидов». Инвалидом признается лицо с устойчивыми физическими, психическими, интеллектуальными или сенсорными нарушениями, которые при взаимодействии с различными барьерами мешают полному и эффективному участию его в жизни общества наравне с другими гражданами.

Степень потери здоровья гражданином устанавливается заключением МРЭК (медико-реабилитационной экспертной комиссии). Заключение МРЭК является официальным документом, удостоверяющим группу и причину инвалидности, а также индивидуальную программу реабилитации. При этом индивидуальная программа реабилитации инвалида состоит из трех разделов:

- программа медицинской реабилитации;
- программа профессиональной и трудовой реабилитации;
- программа социальной реабилитации.

Хотелось бы обратить внимание, что индивидуальная программа реабилитации инвалида определяет конкретные объемы, виды и сроки проведения реабилитационных мер, а также виды социальной помощи. Она включает в себя и трудовую реабилитацию, определяющую процесс трудоустройства и адаптации инвалида на конкретном рабочем месте. Исходя из сказанного, можно сделать вывод о том, что индивидуальная программа реабилитации инвалидов является документом обязательным для исполнения соответствующими государственными органами, а также другими нанимателями.

Обеспечение занятости – это комплекс социально-экономических и юридических гарантий, способствующих борьбе с безработицей, реализации всеми желающими своего права на труд, помощь нуждающимся в содействии при подыскании работы и трудоустройстве. Представляется, что полная занятость является важнейшей гарантией реализации права на труд теми, кто хочет его реализовать, как самое жизненно важное право [3, с. 150].

Заметное место среди рассматриваемых гарантий в области содействия занятости населения гражданам, особо нуждающимся в социальной защите и неспособным на равных условиях конкурировать на рынке труда, занимают специальные (дополнительные) гарантии для инвалидов.

Специальные (дополнительные) гарантии для инвалидов обусловлены особенностями данной категории граждан. Все они нуждаются в специальной правовой защите, в дополнительных льготах. Ведь им сложнее, чем другим лицам, выбрать место работы и трудовую функцию, совмещать труд с выполнением иных социальных функций (семейные обязанности, учеба) [4, с. 164]. Специальные (дополнительные) гарантии для инвалидов устанавливаются в законодательных нормативных правовых актах.

К ним можно отнести:

- разработку и реализацию целевых государственных программ содействия занятости населения;
- установление брони для приема на работу;
- предоставление услуг по профессиональной ориентации;
- организацию обучения по специальным программам и др. [5, с. 125].

В юридической литературе разграничивается понятие «занятость» и понятие «трудоустройство». Занятость – это деятельность граждан, не противоречащая законодательству, приносящая им заработок (трудовой доход). Она означает фактическую реализацию права на труд. Следовательно, гражданин имеет исключительное право распоряжаться своими способностями к производительному и творческому труду [6, с. 146].

Конституцией Республики Беларусь принудительный труд запрещается, кроме работы или службы, определяемой приговором суда или в соответствии с Законом «О чрезвычайном и военном положении», что подчеркивает, что труд свободен (ст. 41). Вместе с тем отдельные трудоспособные граждане ведут асоциальный образ жизни, не работают под предлогом, что они не могут самостоятельно найти подходящую работу. Важным направлением социальной политики государства является обеспечение достойного труда каждому желающему на трудоустройство гражданину. Именно на это нацеливает Декрет Президента Республики Беларусь от 25 января 2018 г. № 1 «О содействии занятости населения», которым постановлено считать проведение эффективной политики содействия занятости населения, стимулирование трудовой занятости и самозанятости, поддержку предпринимательской инициативы, обеспечение легализации трудовой деятельности одними из основных показателей эффективности работы руководителей местных исполнительных и распорядительных органов.

Ученые Российской Федерации, Украины и Беларуси успешно разрабатывают проблемы трудоустройства. Отдельные аспекты трудоустройства освещены в работах Ю. П. Орловского, А. С. Пашкова, К. П. Уржицкого, К. Н. Гусова, В. Н. Толкуновой, А. И. Шебановой, О. В. Смирнова, А. И. Процевского, В. С. Андреева, Г. А. Василевича, В. И. Кривого, А. И. Тарасевич, К. Л. Томашевского и др.

Понятие «трудоустройство» принято рассматривать в широком и узком смысле. В широком смысле трудоустройство – это любой процесс трудоустройства на работу, включая и самостоятельное, и с помощью органов по труду, занятости и социальной защиты населения, и перевод высвобождаемого работника с его согласия в порядке трудоустройства на другую работу в той же организации. В узком понимании трудоустройство – это деятельность соответствующих государственных органов по оперативному оказанию гражданам помощи в подыскании подходящей работы и устройству на нее, включая и процесс его профессиональной подготовки, переподготовки и т. д. [7, с. 151].

Следует отметить, что юридическая природа трудоустройства характеризуется тем, что все граждане (в том числе и инвалиды), достигшие определенного возраста и сохраняющие способность трудиться, являются обладателями права на труд. Вместе с тем существуют особенности трудоустройства и организации труда инвалидов.

К особенностям правового регулирования труда инвалидов относятся:

- защита от дискриминации в трудовых отношениях (начиная от заключения трудового договора и заканчивая увольнением) по признаку инвалидности (ст. 14, 203 ТК) [8, с. 449–450]. Согласно Конституции Республики Беларусь (далее – Конституция), все равны перед законом и имеют право без всякой дискриминации на равную защиту прав и законных интересов (ст. 22 Конституции). Равенство перед законом следует рассматривать как равноправие граждан, независимо от пола, расы, национальности, происхождения, социального и имущественного положения, образования, языка, места жительства, отношения к религии и других обстоятельств. Вместе с тем равноправие не исключает с учетом фактического неравенства проявления государством особой заботы о лицах, которые в силу определенных, не зависящих от них обстоятельств не в состоянии наравне конкурировать с другими лицами;

- обязанность нанимателей выделять или создавать новые рабочие места для трудоустройства работников, получивших инвалидность вследствие трудового увечья или профессионального заболевания на данном производстве, а также иных инвалидов – в соответствии с программами местных органов по трудоустройству (статьи 285, 286 ТК, ст. 24 Закона «О социальной защите инвалидов»);

- запрет на предварительное испытание при приеме на работу (п. 4 ст. 28 ТК);
- сокращенная продолжительность рабочего времени для инвалидов I и II группы (не более 35 часов в неделю);

- ограничения на привлечение к сверхурочной работе, к работе в ночное время, в государственные праздники и праздничные дни, работе в выходные дни, а также на направление в служебные командировки.

Отметим, что привлечение инвалидов к указанным работам допускается только с их согласия и при условии, если такая работа не запрещена в соответствующем медицинском заключении (индивидуальными программами реабилитации) (ч. 5 и 6 ст. 286 ТК);

- право на основной отпуск продолжительностью не менее 30 календарных дней;
- дополнительные гарантии при сокращении численности или штата работников: предпочтение в оставлении на работе при равной производительности труда и квалификации; преимущественное право на оставление на работе независимо от производительности труда и квалификации для инвалидов, работающих в специализированных организациях, цехах, на участках, применяющих труд инвалидов (ч. 2 и 3 ст. 45, ч. 8 и 9 ст. 287 ТК);

- за инвалидами, работающими у нанимателя до ухода на пенсию, наравне с его работниками сохраняется право на медицинское обслуживание, обеспечение жильем, путевками в оздоровительные и профилактические учреждения, а также на другие социальные услуги и гарантии, предусмотренные коллективными договорами, соглашениями (ч. 1 ст. 288 ТК).

Одной из эффективных форм трудоустройства инвалидов является надомный труд. На работников-надомников распространяется действие общих норм трудового законодательства с учетом особенностей, предусмотренных нормами гл. 25 ТК.

Работниками-надомниками считаются лица, заключившие трудовой договор с нанимателем о выполнении работы на дому личным трудом из материалов и с использованием оборудования, инструментов, механизмов и приспособлений, выделяемых нанимателем либо приобретаемых за счет средств этого нанимателя (ст. 304 ТК). Это означает, что в зависимости от состояния здоровья и трудоспособности инвалидам обеспечивается право работать у нанимателей с обычными условиями труда, в специализированных организациях (цехах, участках), создающих рабочие места для использования труда инвалидов на дому, заниматься предпринимательской или иной трудовой деятельностью. Вместе с тем прием на работу инвалидов по направлению на специально созданное или бронируемое для этих целей рабочее место обязателен для всех организаций, независимо от форм собственности и хозяйствования.

Важным правовым критерием в определении категории работников-надомников является трудовой договор, который указывает на принадлежность надомного труда к сфере действия трудового права и ограничивает его от иных видов деятельности, зачастую осуществляемых на дому (индивидуальное предпринимательство, выполнение домашней работы, уход за детьми и т. д.) [9, с. 463].

Условия трудового договора традиционно подразделяют на обязательные (необходимые) и дополнительные (факультативные). Содержание и условия трудового договора определяются соглашением сторон с соблюдением требований, предусмотренных Трудовым кодексом (ч. 1 ст. 19 ТК).

При этом одним из обязательных (необходимых) условий, которые надлежит закрепить в трудовом договоре работника-надомника, является условие о месте работы – на дому. Следовательно, при надомной форме организации труда рабочее место работника-надомника не просто находится вне места нахождения нанимателя – оно «привязано» к месту его жительства. Как усматривается из ч. 2 ст. 304 ТК, квалифицирующим критерием для установления статуса работника-надомника выступает вещное право на помещение, где осуществляется труд. Таким правом является право собственности, договор найма жилого помещения, аренды

и др. Кроме того, жилищно-бытовые условия, в указанном помещении должны быть надлежащими для выполнения надомной работы. Понятие «надлежащие условия» законодательство не разъясняет. Предполагается, что это понятие включает одновременно два обстоятельства:

- условия, обеспечивающие своевременное и качественное выполнение профессиональных обязанностей работником (возможность размещения оборудования, инструментов, наличие источников энергии, звукоизоляция и т. д.);
- возможность нормальной жизнедеятельности лиц, проживающих в данном жилом помещении, и соседей, проживающих рядом.

Заметим, что определять, обладает ли претендент на работу на дому надлежащими жилищно-бытовыми условиями, должен наниматель. В необходимых случаях требуется разрешение органов МЧС, а также других органов. Согласно ч. 2 ст. 304 ТК под работой на дому понимается также работа, которую работник-надомник выполняет в других помещениях по его выбору вне помещений нанимателя.

В трудовом договоре работника-надомника (равно как и в других видах трудовых договоров) могут предусматриваться дополнительные (факультативные) условия трудового договора – это условия, включение которых в трудовой договор не является обязательным. Тем не менее, если одна из сторон настаивает на включении в трудовой договор какого-либо дополнительного условия и это не нарушает нормы законодательства, то такое условие признается обязательным для заключения трудового договора. Содержание трудового договора с условием работы на дому не должно противоречить специальным и общим нормам трудового законодательства, коллективному договору. Представляется, что в качестве дополнительных условий трудового договора работника-надомника целесообразно указывать порядок обеспечения материалами, полуфабрикатами, сырьем, вывоза готовых изделий, возможность использования в работе собственных инструментов, оборудования, транспорта и т. д. В случае использования работником-надомником своих инструментов и механизмов по соглашению сторон ему могут выплачиваться компенсационные выплаты за износ инструмента, а также могут возмещаться иные расходы (например, на электричество, воду), связанные с выполнением работ на дому, в порядке, определенном трудовым договором. Конкретный вид работы для инвалидов, работающих надомниками, выбирается с учетом возраста таких работников, их профессиональных навыков и состояния здоровья. Законодательством запрещается поручение инвалидам-надомникам работы, которая противопоказана им по состоянию здоровья и распространяет на них общие требования по охране труда.

Уместно отметить, что статус работников-надомников в полной мере распространяется и на «электронных» надомников – как правило, высококвалифицированных специалистов в области информационных и коммуникационных технологий (программисты и разработчики программного продукта, дизайнеры, переводчики, редакторы и т. д.) [10, с. 464].

Полагаем, что в связи с активным внедрением цифровой экономики в Республике Беларусь будет существенно увеличиваться количество специалистов-надомников, выполняющих научные программы для специализированных научных организаций. Среди них достойное место могут занять инвалиды, которые имеют специальное образование и по состоянию здоровья могут успешно выполнять такие работы. Думается, что на законодательном уровне назрела необходимость установить существование льготы для нанимателей, чтобы заинтересовать их в трудоустройстве таких инвалидов.

Статьей 305 ТК определены категории граждан (в которых перечислены и инвалиды), которым обеспечена повышенная гарантия работы в надомных условиях. Во многих случаях надомная форма организации труда является единственным средством, позволяющим отдельным категориям граждан (лицам с пониженной трудоспособностью, инвалидам, женщинам с семейными обязанностями и др.) реализовать свое право на труд.

Преимущественное право на заключение трудового договора необходимо отличать от гарантии его заключения, содержащейся в ст. 16 ТК и закрепляющей необоснованный отказ отдельным категориям граждан в заключении трудового договора.

В конструкции «преимущественное право» наниматель не ограничивается в праве свободно заключать трудовые договоры с работниками. Это значит, что лица, обладающие преимущественным правом работы в надомных условиях, не вправе на данном основании требовать заключения трудового договора. Преимущественное право, предусмотренное ст. 305 ТК, имеет силу и применяется лишь тогда, когда есть два и более объективно равных для нанимателя кандидата на заключение трудового договора с условием работы на дому [11, с. 886–887].

При заключении трудового договора с работниками-надомниками наниматель обязан потребовать, а лицо, желающее выполнять работу на дому, должно предъявить нанимателю документы, закрепленные в ст. 26 ТК. Прием на работу, в том числе и на дому, без указанных документов не допускается. Вместе с тем закрепляется требование при заключении трудового договора документы, не предусмотренные законодательством. Вопрос о том, кто обеспечивает работника-надомника средствами труда, должен решаться по соглашению сторон и достаточно подробно фиксироваться в тексте трудового договора. После заключения трудового договора, несмотря на обособленный характер труда, работники-надомники включаются в списочный коллектив и внутрихозяйственную организацию, поэтому на них распространяются не только специальные, но и общие нормы локальных нормативных правовых актов коллективного договора. При этом локальные нормы, регулирующие труд работников-надомников, не должен противоречить специальным и общим нормам трудового законодательства.

В отношении оплаты труда работников-надомников применяются общие нормы ст. 63 ТК, в соответствии с которыми формы, системы и размеры оплаты труда работников, в том числе и дополнительные выплаты стимулирующего и компенсирующего характера, устанавливаются нанимателем на основании коллективного договора, соглашения и трудового договора. Особенность оплаты труда надомников отражена в ч. 2 ст. 307 ТК. Поскольку надомники распределяют рабочее время по своему усмотрению, вся выполненная ими любая работа оплачивается в одинарном размере, если трудовым договором не предусмотрена более высокая оплата.

Трудовое законодательство не содержит каких-либо исключений из общих правил, в частности, расторжения трудового договора с работниками-надомниками, из чего следует, что прекращение трудового договора с указанными лицами производится по основаниям, предусмотренным законодательством о труде.

Список использованных источников

1. Красовская, Н. Н. Организация системы социальной защиты населения Республики Беларусь: новые формы и условия / Н. Н. Красовская // Социально-педагогическая работа. – 2006. – № 9. – С. 15–22.
2. Авдев, А. Г. О правовом регулировании социальной защиты инвалидов в Республике Беларусь / А. Г. Авдев, Ю. А. Дедкова // Тенденции развития науки Трудового права и права социального обеспечения : материалы Первой междунар. науч.-практич. конф., Киев, 25 – 26 апр. 2013 г. – Киев : Ніка-Центр. – 675 с.
3. Толкунова, В. Н. Трудовое право России : учеб. пособие / В. Н. Толкунова, К. Н. Гусов. – М. : Юрист, 1995. – С. 448.
4. Уржинский, К. П. Гарантии права на труд / К. П. Уржинский. – М. : Юрид. лит., 1984. – 198 с.
5. Тарасевич, Н. И. Трудовое право : учеб. пособие / Н. И. Тарасевич. – Минск : Выш. шк., 2014. – 381 с.
6. Толкунова, В. Н. Трудовое право России : учеб. пособие / В. Н. Толкунова, К. Н. Гусов. – М. : Юрист, 1995. – 448 с.
7. Там же.
8. Трудовое право : учебник / под ред. В. И. Семенкова. – Минск : Адукацыя і выхаванне, 2016. – 711 с.
9. Там же.
10. Там же.
11. Постатейный комментарий Трудового кодекса Республики Беларусь / под ред. Г. А. Василевича. – Минск : Регистр, 2014. – 1163 с.

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ БЕЛОРУССКОЙ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ СОЗДАНИЯ ЭКОНОМИКИ ШЕСТОГО ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО УКЛАДА

Шишковец Иван Иванович,
ведущий научный сотрудник центра
частноправовых и социально-экономических исследований НИИ ТиСО
Международного университета «МИТСО», г. Минск,
кандидат юридических наук

Концептуальными программными документами Республики Беларусь¹ в качестве перспективного направления развития страны определен преимущественно интеллектуальный фактор, составляющий основу экономики шестого технологического уклада (далее – интеллектуальная экономика), обеспечивающий формирование высокотехнологичного сектора, конкурентные преимущества Республики Беларусь в глобальной экономике, приток инвестиций и спрос на наукоемкие товары и услуги, развитие человека. В качестве приоритетов в формировании «интеллектуальной экономики» выделены прорывные технологии цифрового производства, а также индустриальные и социогуманитарные технологии. Среди приоритетов «интеллектуальной экономики» ключевое место занимают социогуманитарные технологии, которые направлены на формирование и развитие нового качества человеческого капитала белорусского общества, прежде всего «думающей» личности с системным мировоззрением, активной гражданской позицией и развитым правосознанием.

Эффективность участия граждан Республики Беларусь в реализации современных задач интеллектуальной экономики и обеспечения национальной безопасности страны во многом зависит от уровня их правового сознания, готовности добросовестно исполнять свои обязанности, уважать законы, неуклонно выполнять их требования. Данное обстоятельство актуализирует внимание к такому явлению, как «правовое сознание» (далее – правосознание), механизму его формирования, требует научного подхода.

¹ Указ Президента Республики Беларусь от 15 декабря 2016 г. №466 «Об утверждении Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2016 – 2020 годы»; Национальная стратегия устойчивого развития Республики Беларусь до 2030 года, одобренная Президиумом Совета Министров Республики Беларусь 2 мая 2017 года; Государственная программа «Образование и молодежная политика на 2016 – 2020 годы», утвержденная постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 28 марта 2016 г. № 250, и др.

Правосознание неотделимо от права, является «одной из форм общественного сознания, представляющей собой систему правовых взглядов, теорий, представлений, убеждений, оценок, настроений, чувств, в которых выражается отношение индивидов, социальных групп, всего общества к существующему и желаемому праву, к правовым явлениям, к поведению людей в сфере права, то есть это субъективное восприятие правовых явлений людьми» [1]. Правосознание – достаточно сложный социальный феномен, непосредственно не наблюдаемый, включающий в себя различные аспекты юридического, философского, социально-политического, нравственного характера. Его содержание постоянно эволюционирует в зависимости от развития общественных отношений, динамики экономических, политических и культурных процессов общества, влекущих изменения правовой действительности, правовых взглядов и идей, что каждый раз наполняет правовое сознание новым содержанием.

Правосознание входит в систему общественного сознания и является одной из его форм. Являясь стержнем духовной сферы общества, общественное сознание тесно связано с индивидуальным сознанием человека, оказывает на него существенное влияние, «опредмечивает» его и вынуждает соотносить восприятие действительности с тем, что выработано до него, усваивать ее в процессе социализации [2, с. 123]. В процессе социализации различные формы общественного сознания (экономическое, нравственное, политическое, религиозное, эстетическое, правовое сознание и др.) в той или иной мере оказывают воздействие на индивидуальное сознание, формируют соответствующие черты, свойства и качественные характеристики личности, особое место среди которых занимает правовое сознание.

Правосознание является субъективной стороной правовой действительности, отражает ее «в форме юридических знаний и оценочных отношений к праву и практике его реализации, социально-правовых установок и ценностных ориентаций, регулирующих поведение (деятельность) людей» [3, с. 159], воспроизводит ее, очерчивая грани разумного и справедливого, заложенного в нормах права.

По существу, правосознание выступает в качестве канала воздействия права через мотивацию, эмоции, сознание на поведение людей, формирование общественных отношений. Оно прививает своеобразную духовную дисциплинированность, чувство ответственности и меры во всех социальных проявлениях деятельности человека. Через него в сознание граждан вносятся идеи, имеющие государственно-волевой характер. Правосознание «как бы пронизывает весь механизм правового регулирования и правового воздействия на общественные отношения и поведение людей. В конечном счете без достижения высокого уровня правосознания невозможно функционирование права как самого действенного и самого необходимого в настоящее время регулятора общественных отношений» [4, с. 104].

Оно выполняет важные социальные функции. С учетом разделяемых многими авторами мнений можно выделить следующие функции правосознания: «познавательную-оценочную², регулятивную³, прогностическую (моделирования)⁴» [5, с. 285].

Специфическим объектом формирования правосознания является молодежь – «стратегический резерв любой страны, самая активная и самая уязвимая часть общества» [6, с. 91]. Молодежь обуславливает будущее нации, государства и конкретного социума, их способность к развитию (эволюции) либо деградации, стагнации эволюционных процессов. Она является ядром и движущей силой экономики шестого технологического уклада и должна соответствовать требованиям новой экономики: профессионализм, активная жизненная позиция, высокий уровень правосознания и др.

Молодежь как социально-демографическая общественная группа включает в себя людей в возрасте от 14 до 31 года. «На эти годы приходятся главные «социодемографические» события в жизни человека: получение образования; выбор и получение профессии; начало трудовой деятельности; вступление в брак; рождение детей» [7, с. 303]. На 1 января 2015 г. в Республике Беларусь количество молодежи в возрасте от 14 до 31 года составило почти 2120,9 тыс. человек (24 процента от общего количества населения), в том числе от 25 до 30 лет – 926,8 тыс. человек, или 44,7 процента от общей численности молодежи [8].

Существенными особенностями современной молодежи, имеющими значение для формирования правосознания, являются недостаток необходимого жизненного опыта, низкий духовный уровень и уровень правовой осведомленности, стремление к получению наслаждения, удовольствия, игнорирование требований нормативных правовых актов, увлеченность интернетом, создающим условия для ухода от реальности в виртуальный мир. Во многом эти обстоятельства благоприятствуют совершению антисоциальных проявлений (алкоголизм, наркомания, морально-нравственная распущенность и др.), а также преступлений. Так, по данным Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, «на протяжении длительного периода наблюдается тенденция к постепенному снижению удельного веса преступлений, совершаемых несовершеннолетними (с 5,3 % в 2010 году до 4,2 % в 2014 году), однако по-прежнему ими совершается значительное число угонов транспортных средств (13,3 %), хулиганств (11,7 %), незаконного оборота наркотических средств (9,4 %), краж (7,8 %), грабежей (6,2 %) и т. д.» [9, с. 37]. Сохраняет свою актуальность «проблема употребления молодежью спиртных напитков, наркотических, психотроп-

² Познавательная-оценочная функция правосознания связана с отражением и оценкой в сознании человека правовой действительности.

³ Регулятивная функция правосознания осуществляется посредством правовых установок и ценностно-правовых ориентаций в целях побуждения лица к правомерному или противоправному поведению.

⁴ Прогностическая функция (моделирования) включает формирование определенных моделей (правил) поведения, которые оцениваются правосознанием как должные, социально необходимые.

ных средств (в 2015 году по сравнению с 2014 годом в 3,7 раза (с 127 до 464) увеличилось число наркопреступлений с участием несовершеннолетних» [8].

Изложенное может свидетельствовать о том, что правосознанию этой категории молодежи свойственны чувства, оценки и взгляды, включающие отрицательное отношение к правовой действительности, правовым принципам. Причинами и условиями, способствующими деформации правосознания молодежи, могут быть недостатки политических, социально-экономических, нравственных, культурных факторов жизни общества, региона, места жительства, сферы общения молодых людей. Деформации правосознания могут также способствовать и негативные личностные факторы: индивидуальные, психофизиологические, нравственные, интеллектуальные и др.

Данное обстоятельство обуславливает необходимость активизации работы по формированию правосознания среди молодежи, прежде всего среди тех ее представителей, которые допускают нарушения законодательства Республики Беларусь, на пропагандистском, просветительском и образовательном уровнях.

Основным направлением по формированию и развитию правосознания молодежи является профилактика и преодоление деформаций правового сознания молодых людей посредством их правового обучения и правового воспитания.

Правовое обучение и правовое воспитание являются двумя сторонами единого процесса формирования правосознания. Правовое обучение – целенаправленный и организованный процесс формирования и развития системных правовых знаний, навыков и умений правомерной деятельности, а правовое воспитание – «целенаправленная деятельность государства, общественных организаций и отдельных граждан по систематическому воздействию на сознание и поведение человека в целях формирования позитивных взглядов, ценностных ориентаций, установок, обеспечивающих соблюдение и исполнение юридических норм» [10].

Их различие можно провести по сфере воздействия: воспитание воздействует главным образом на мировоззренческую, ценностную и эмоционально-волевою, сторону сознания, а обучение – на когнитивно-рациональную.

Правовое обучение направлено на передачу правовых знаний, укрепление правовой осведомленности, на основе чего формируются соответствующие убеждения, навыки и привычки правомерного поведения, социальной активности. Результаты проводимых в «советский период» исследований показали, что одной из причин «правонарушений граждан является их правовая неосведомленность» [11, с. 51]. Повышение степени правовой осведомленности граждан способствовало формированию навыков правомерного поведения, сокращению правонарушений. В этой связи целесообразно актуализировать правовое обучение молодежи, которое, безусловно, должно начинаться с дошкольного возраста, продолжаться в школе, училище, техникуме и т. д. Для достижения целей обучения целесообразно в полной мере использовать возможности государственных СМИ, средств наглядной пропаганды и агитации и т. д.

Ключевым направлением формирования правосознания молодежи и достаточно сложным феноменом является правовое воспитание – важная часть социального воспитания, направленного на развитие гармонично развитой личности. Правовое воспитание реализуется посредством «системы просветительских, образовательных и иных мер» [12, с. 493], выраженных следующих формах: информирование о праве (информационный); формирование отношения к праву (оценочный); воспитание установки на правомерное поведение (регулятивный); воспитание чувства необходимости правомерного поведения (когнитивный); организация деятельности субъектов правового воспитания в рамках государственных и общественных институтов (организационный)» [13]. Цели правового воспитания конкретизируются с учетом особенностей объекта воспитательного воздействия, используемых форм и средств этой деятельности и др.

Необходимо отметить, что реализация основных компонентов правового воспитания (информационного, оценочного, регулятивного и когнитивного) немислимы без духовно-нравственной составляющей личности воспитываемого молодого человека. Ибо само отношение личности к праву как к ценности, способной воплотить стремление к социальной справедливости, зарождается в недрах духовности, высокой нравственности. Уважение к праву, к своему ближнему, к Родине стоят в одном ряду, требуют сердца и любви. Формирование такого отношения молодежи к праву является основной целью правового воспитания, достичь которую в настоящее время достаточно сложно и проблематично. Прежде всего, такая сложность и проблематичность ее достижения вытекает из переживаемого человечеством духовного кризиса, охватившего все страны и континенты, негативно влияющего на духовно-нравственные качества личности.

На актуальность воспитания духовно-нравственной составляющей личности, формирования национального правосознания на духовно-нравственных ценностях общества указывают концептуальные программные документы Республики Беларусь. Так, в соответствии с положениями Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года «устойчивое развитие человека, духовное здоровье нации базируется на системе духовно-нравственных ценностей общества, является основой формирования национального правосознания, национальной идеи» [14].

В этой связи в настоящее время достаточно актуальными являются мысли и рекомендации известных философов, исследователей правосознания, которые целесообразно внедрить в воспитательный процесс белорусской молодежи. По словам одного из видных русских философов И. А. Ильина, «государственное и политическое обновление может прийти только из глубины правосознания и человеческого сердца» [15, с. 251].

И. А. Ильин достаточно объективно связывает воспитание человека с пробуждением и поддержанием духовности его инстинкта. По его словам, если дух⁵ разбужен, а инстинкт рад этому пробуждению, то воспитуемый найдет свой путь в лабиринте будней, а если нет – то никакие уговоры и кары задним числом не помогут – в этом заключается «великая тайна воспитания». [16, с. 115]. Цель воспитания заключается в том, чтобы сделать добросердечного, твердого характером и цельного человека, для чего «надо как можно раньше раскалить в нем уголь духа: радость от всего Божественного, волю к совершенству, вкус к добру и любви» [16, с. 123].

Большое внимание в воспитании И. А. Ильин уделяет одному из важных компонентов духа – совести человека, которая утверждает, созидает и укрепляет его духовно-личное начало. Совесть человека как влечение духа «требует от человека всегда одного и того же: самого лучшего, а не лично-мелкого, лично-страстного, лично-жадного, лично-порочного» [17, с. 484].

В. А. Снегирев, исследуя внутренний мир человека, естественные мотивы (удовольствия, страдания, пользы, вреда и др.), влияющие на совершаемые им действия, указывает на наличие у человека нравственного мотива. По его словам, «у человека всегда является сознание необходимости, обязательности для себя и других людей совершать действия добрые и воздерживаться от злых, и, таким образом, самая оценка действий и их разделение на добрые и злые становится могучим мотивом человеческой деятельности» [18, с. 589]. Однако само по себе различие доброго и злого еще не есть акт нравственной природы, его делает таким сознание обязательности, возможное осуществлять доброе в жизни, признания законности «нравственности», что достигается в процессе правового воспитания.

Таким образом, правовое воспитание молодежи как одно из основных направлений формирования правосознания должно быть направлено на пробуждение нравственного мотива, совестливого акта, духовности инстинкта. Только тогда заглушенное сердце пробуждается, человек совершает жизненные поступки из его глубины, что находит выражение в глубоком и осознанном уважении ближних, закона, служении Родине и др.

Изложенное дает основание утверждать, что формирование правосознания белорусской молодежи в условиях создания экономики шестого уклада следует проводить на базе научно обоснованных идей, реалий сегодняшнего дня, с учетом условий жизни и личных качеств молодых людей, глубоко проникая в их внутренний мир, воздействуя на духовные слои личности, преобразуя их в соответствии с требованиями общества. При этом формирование правосознания молодежи должно начинаться с дошкольного возраста, продолжаться в школе, училище, учебном заведении, практической деятельности. Для достижения его целей требуются активные и целенаправленные усилия на пропагандистском, просветительском и образовательном уровнях, широкое использование возможностей государственных СМИ, средств наглядной пропаганды и агитации и т. д.

В данной статье лишь концептуально обозначены некоторые подходы по формированию правового сознания белорусской молодежи в условиях создания экономики шестого технологического уклада, реализация которых будет способствовать развитию человеческого капитала белорусского общества, активной гражданской позиции граждан Республики Беларусь, успешному решению задач интеллектуальной экономики нашей страны.

К ВОПРОСУ О МЕТОДОЛОГИИ ВЕЩНО-ПРАВОВОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Щенникова Лариса Владимировна,
заведующий кафедрой гражданского права
Кубанского государственного университета, г. Краснодар,
доктор юридических наук, профессор

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта № 18-011-00621*

Дореволюционные цивилисты призывали науку гражданского права обеспечивать полноту своего развития [1]. Для достижения этой цели они рекомендовали всесторонне исследовать проблемы методологии. Так, вопросы методологии цивилистического исследования оказались в центре научных поисков ученых. Сегодня в связи с необходимостью завершения модернизации раздела 2 ГК РФ «Вещное право» особую актуальность приобретают вопросы методологии вещно-правовых исследований.

Начну с «картинки» известного фильма «Доживем до понедельника». Там учительница сортировала сочинения своих учеников и удивлялась, как разнообразна их тематика. Я попробовала систематизировать авторефераты кандидатских диссертаций, защищенных по специальности 12.00.03, за последние годы. И получилась сходная картина: парочка сервитутов с ипотеками, несколько владельческих зашит, имущественные права на земельные участки, вопросы осуществления вещных прав, например, под углом зрения роли в этих процессах органов внутренних дел. Таким образом, проблемы вещного права оказываются так догматически исписанными,

---

⁵ По словам И. А. Ильина, «дух – это реальность и в то же время – ценность: драгоценная реальность, самая драгоценная из всех. Кто жаждет духа, тому следует стремиться, чтобы в реальной жизни найти то, что придает ей высший смысл, делает ее священной. Дух царит там, где появляется и переживается совершенство, придающий смысл человеческой жизни, Дух есть сокровенный внутренний свет во всех существующих вещах».

что претенденты на степень кандидата юридических наук изобретают «соусы», под которыми предлагают данную тематику. Пазлы эти я сложила, и вспомнились мне слова дореволюционных цивилистов, умеющих дать оценку и гражданскому праву, и нашей науке, как говорится, «не в бровь, а в глаз» – «разнопестрый материал», «игра недоразумений и случайностей» [2]. Но ведь именно так в науке гражданского права на сегодняшний день и получается – стихийно, случайно, несогласованно, как говорится, кто во что горазд.

Однако аксиоматично, что наука наша цивилистическая должна развиваться гармонично и всесторонне. Цивилисты призваны создавать практическую теорию, способную руководить деятельностью законодателя. Наука не должна существовать ради самой себя, ради единичной защиты кандидатской диссертации. Она должна быть практической, полезной нам сегодняшним, нашим детям и внукам. И здесь методология, ее роль и значение совершенно очевидны. Нет, не трафаретное переписывание в авторефератах использованных методов, все как под копирку, с небольшими модификациями только для того, чтобы заполнить положенную рубрику. А действительное применение выработанных наукой приемов научного познания, в том числе выработанных наукой философской. Сегодня, как свидетельствуют тексты авторефератов, цивилистическая наука зиждется на диалектическом методе. А ведь в развитии философии были разные периоды с великим людьми, их представлявшими. Был Г. В. Ф. Гегель с его диалектическим методом, считавшим, что диалектика понятий отражает диалектическое отражение мира, и призывавшим открывать общие законы движения. Был Л. фон Фейербах, утверждавший материализм, но с культом абстрактного человека. Из единения диалектики и материализма возникла «совместная собственность» К. Маркса и Ф. Энгельса, которая называется материалистическим пониманием истории. Это произошло в Брюсселе в 1845 году, но только спустя 40 лет великий Ф. Энгельс, человек с девизом «относиться к жизни легко» и «с любовью охотиться на лис», написал небольшую книжку: «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии», которую впоследствии назвали настольной книгой каждого сознательного человека. В указанном произведении Ф. Энгельса говорится не только о методе диалектического и исторического материализма, что само по себе ценно для нас сегодняшних. В нем классически описана роль гражданского права и цивилистической науки в жизни современного общества. Читать ее надо нашим аспирантам и перечитывать, потому что оценки научных теорий, данные Ф. Энгельсом, как никогда, актуальны на сегодняшний день. А Ф. Энгельс писал о «скудоумном эклектизме», о «боязливой заботе о доходах», наконец, о «низкопробном карьеризме». И конечно, все это со знаком «минус». А вот что должно быть, по убеждению Ф. Энгельса, в науке – это особый дух «ни перед чем не останавливающегося теоретического исследования» [3]. Наука по своему призванию, утверждал Ф. Энгельс, должна быть смелая и решительная. В чем же ее главная задача? Классик отвечает на этот вопрос так: правовая наука призвана юридическими средствами отражать экономические условия жизни, способствуя эффективному их развитию. Главным звеном, по мнению Ф. Энгельса, требующим своего тщательного научного анализа, является гражданское общество, названное им «царством экономических отношений». Вот что составляет решающий элемент гражданско-правовой науки. Но как раз с ним у юристов, занимающихся гражданским правом, по признанию Ф. Энгельса, дела обстоят очень плохо. Связь с экономическими фактами теряется у ученых окончательно. В результате не получается создать кодифицированные гражданские законы, отражающие реалии времени, и гражданское право безнадежно отстает от фактического развития экономических отношений собственности. Не случайно и наш отечественный ученый, дореволюционный цивилист, кстати, тоже экономист по мировоззрению, К. Д. Кавелин называл гражданское право XIX в. старой храниной, ветхим зданием, построенным по ошибочному плану, которое нельзя переделать, а необходимо сломать и возвести вновь на новых основах современной экономической теории [4]. Однако, к величайшему сожалению, следует констатировать, что и сегодня именно экономической теории опять не хватает. До сих пор ее не удалось создать. А как известно, гражданское право определяется экономическими отношениями, оно же эти отношения санкционирует и может это делать, как подчеркивал Ф. Энгельс, «смотря по обстоятельствам» иногда «хорошо», а иногда «плохо». И возникает очень актуальный вопрос: современная цивилистическая наука экономические отношения отражает хорошо или плохо? А получается по факту, что над этим вопросом современные цивилисты просто не задумываются. Ведь метод-то наши коллеги используют диалектический – гегелевский, а не материалистический – марксистский. Вот и получается, что «выплеснули с водой ребенка», поскольку с критикой социализма забыли основы марксизма, забыли философию научного исследования. В результате современная цивилистика абстрагировалась от призывов, которые были обращены к нашей науке еще в конце XIX в., а именно: познавать царство экономических отношений, выяснять содержание формальной воли государства, объяснять причины и мотивы ее формирования [5]. Цивилистическая наука должна быть ведущей, лучшей, современной. И для того, чтобы наша наука отвечала данным требованиям, ее представители обязаны создавать практическую (практичную) теорию, способную в складывающихся экономических реалиях, познанных и описанных, эффективно руководить деятельностью законодателя.

1. Муромцев, С. А. Очерки общей теории гражданского права / С. А. Муромцев. – М., 1877. – Ч. 1. – С. 181–185.
2. Кавелин, К. Д. Что есть гражданское право и где его пределы / К. Д. Кавелин // Собр. соч. – СПб., 1900. – Т. IV : Этнография и правоведение. – С. 848, 849.
3. Энгельс, Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии / Ф. Энгельс // Собр. соч. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М., 1961. – Т. 21. – С. 269–317.
4. Кавелин, К. Д. Что есть гражданское право и где его пределы / К. Д. Кавелин // Собр. соч. – СПб., 1900. – Т. IV : Этнография и правоведение. – С. 848, 849.
5. Энгельс, Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии / Ф. Энгельс // Собр. соч. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М., 1961. – Т. 21. – С. 311.

ГЕНЕЗИС ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПОДМЕНУ РЕБЕНКА

Абулкаирова Ботагоз Темирбулатовна,
Phd-докторант

Международного университета Кыргызстана, г. Бишкек

Как известно, каждый ребенок – это будущее любого общества, и яркость будущего этого общества напрямую определяется тем, какими средствами мы защищаем детей [1, с. 3]. Следует отметить, в числе первых стоят вопросы защиты детей от уголовных посягательств. Существуют такие виды уголовных правонарушений против ребенка, как разглашение тайны усыновления (удочерения), подмена ребенка, торговля несовершеннолетними и т. д.

В этой статье рассматриваются правонарушения против несовершеннолетних, существовавшие еще в период становления нашего государства и независимого Казахстана. Автор в данной статье рассматривает подмену ребенка как общественно опасное посягательство, которое совершается из корыстных или иных низменных побуждений.

Как правильно указывает Д. Л. Гулякевич, «в настоящее время в научных работах в сфере юриспруденции традиционно используется историко-правовой метод. И это дань моде. История помогает видеть проблему с другой стороны и извлекать пользу от всего того, что наработано человечеством за время его существования», – история помогает создать будущее, определить ряд важных приоритетов [2, с. 25]. Поэтому в данной статье автор использует в основном сравнительный и историко-правовой методы. В первую очередь хотелось бы остановиться на истории развития брачно-семейного законодательства древних казахов. Традиционно обычные законы занимают особое место в семейном праве. Сначала был принят принцип «кызды кырык үйден тыю» и уделено особое внимание воспитанию. Как и у всех, у казахов существует обычная практика, сформированная в нормы законов. К этим законам можно отнести: а) семейное право; б) военные законы; в) миграцию и ее идентификацию; г) права частной собственности; д) смертность, праздничные обряды; е) отношения с другими странами; ж) отношения биев; з) уголовные нормы; и) нормы сватовства и родства.

Одним из источников права является закон Чингисхана «Джаса». Джунгары были древними тюрко-монгольскими племенами, которые общались, иммигрировали и роднились с нашими предками. Давайте рассмотрим некоторые законы Джунгарии:

1. Законопроект Алтын хана (1507 – 1582). Рассмотрим некоторые статьи о браке и семье:
  53. Если был виновен в выкидыше беременной женщины, то взималось девять сборов.
  54. Если муж дернул жену за волосы, то взималось пять сборов.
  55. Если порвал одежду – пять сборов.
  56. В случае если мужчины или женщины изменяют – девять (штраф).
  57. Если родители выдают замуж несовершеннолетнюю девочку, то они наказываются.
2. Великий Указ Года Обезьяны (1620) – отсюда были взяты следующие статьи:
  58. Избиение женщины – одна из девяти.
  60. Пусть на свадьбах будут свидетели. Свадьба без свидетелей недействительна.
  61. 20-летнюю девушку выдавайте замуж.

Создание семьи было в высшей степени священо, и это являлось долгом и для мужчин, и для женщин. Наши предки всегда уделяли пристальное внимание генофонду нашего народа, благополучию семей и семейному порядку. В настоящее время, как мы понимаем, этим трем проблемам никто особенно должного внимания не уделяет. Действительно, закон «не жениться до седьмого колена» до сегодняшнего дня сохранился только у казахов [3, с. 36].

Казахи сохраняли кровь в чистоте, не позволяя детям жениться до седьмого колена, уделяли особое внимание будущим поколениям, чтобы они были здоровыми, умными. Подмена ребенка часто совершалась

с целью заменить ребенка больного на здорового или мертвого на живого. Таким образом, путем такого преступления родитель хотел иметь здоровое, сильное поколение, но не осознавал будущий вред данного преступного деяния как для себя, так и для ребенка. Одними из первых сводов законов, посвященных преступлениям против собственности, были «Светлый путь» Касым хана, «Древний путь» Есим хана и «Жеты Жарғы» Тауке хана.

Далее рассмотрим такой исторический пример. Русская Правда является одним из первых источников древнерусского права. В Русской Правде пристальное внимание уделялось уголовно-правовой защите несовершеннолетних детей. Таким образом, ст. 99 раздела о наследственном праве регулировались вопросы опекунов над сиротами. Уставы Владимира Святославовича и Ярослава предусматривали уголовную ответственность за такие преступления против семьи, как блуд, заключение брака с иноверцем, кровосмешение и т. д. А в разделе XI Уложения 1845 года были рассмотрены следующие четыре главы, посвященные семейным правоотношениям: правонарушения против брачного союза, злоупотребление родительской властью, преступления детей против родителей, злоупотребление властью опекунов и попечителей.

Данный раздел состоял из 54 статей, которые охраняли интересы семьи несовершеннолетних [4, с. 14].

Глава V Уголовного Кодекса РСФСР 1922 года, которая называлась «Преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства», включала ст. 162, которая предусматривала ответственность за похищение, сокрытие, а также подмену чужого ребенка. Данное правонарушение совершалось с корыстной целью, а также из мести или из иных личных побуждений и наказывалось лишением свободы на срок до четырех лет со строгой изоляцией. Возраст подмененного ребенка не определялся. Типичный состав содержался и в Уголовном Кодексе РСФСР 1926 года. Но там срок лишения свободы был снижен до 3 лет. Также в РСФСР были случаи подкидывания детей, но за данное противоправное деяние в УК отдельная статья не предусматривалась. Подкидывание в то время было популярным, и в 1929 году было выявлено приблизительно 60 тыс. подкидышей [5, с. 17].

Верховный Совет РСФСР 1960 года 27 октября утвердил новый УК. Он является предшественником УК РК 1997 года. УК 1960 года не имел отдельной главы о преступлениях, которые посягали на права несовершеннолетних. В УК РСФСР статьи, затрагивающие интересы детей, содержались в нескольких главах. Например, ст. 125 УК РСФСР предусматривала уголовную ответственность за подмену или похищение ребенка, которое было совершено из корыстных или иных низменных побуждений и наказывалось лишением свободы до семи лет. В случае отсутствия таких мотивов наказание в виде лишения свободы не превышало одного года.

Подменой ребенка считалась замена одного ребенка другим. Данное преступление может иметь место сразу после родов, в случаях вручения ребенка, который был рожден другой женщиной [6].

В решении Судебной коллегии Верховного Суда РСФСР от 20 сентября 1973 г. по делу К. разъяснялось, что корыстными или низменными побуждениями (по ч. 1 ст. 125) следует считать похищение ребенка с целью незаконного обогащения, а также извлечение личной выгоды, получение выкупа, совершение преступления из чувства мести и т. д. [7]. Спустя некоторое время состав данного преступления был разделен на две самостоятельные статьи: ст. 125 УК РСФСР, то есть подмена ребенка, совершенная из корыстных или иных низменных побуждений, и ст. 125.1 УК РСФСР, предусматривающая ответственность за похищение человека.

Подводя итоги исторического обзора уголовного законодательства об уголовных правонарушениях против семьи и несовершеннолетних, хотелось бы отметить, что оно все время совершенствовалось и развивалось. Уголовно-правовая охрана семьи встречалась уже в XI – XII вв. в Уставах князя Владимира и князя Ярослава. Интересы и права ребенка стали объектом уголовно-правовой охраны значительно позже.

Но в советские времена уголовным законодательством был отброшен законодательный опыт. Признание прав и интересов детей самостоятельным объектом уголовно-правовой охраны значило бы официальное утверждение страны о наличии посягательств на них, что в масштабах советского режима было нереально, потому что свидетельствовало бы о неэффективности других правовых и общественных мер обеспечения сохранности детей. Обычно вне зависимости от исторического периода остаются уголовными правонарушениями такие действия, как вовлечение ребенка в совершение какого-либо злодеяния, непредоставление опекунам пособий «для проживания» и неуплата средств на содержание ребенка, замена ребенка. В советское время семья не рассматривалась как отдельный институт. Законодатели и народ не рассматривали его как самостоятельную и принципиальную составляющую. В кодексе не имелось ни одной главы о преступлениях против семьи и несовершеннолетних. Доказательства этого факта находятся в тексте самих законов – УК РСФСР 1922 и 1926 гг.. Ни в каком из обозначенных законодательных документов семья в системе преступлений не выделяется как самостоятельный объект уголовно-правовой охраны [8].

Одним из важнейших и принципиальных средств охраны интересов семьи и детей считается установление уголовной ответственности за общественно-опасные посягательства на общественные отношения, которые обеспечивают социально-ориентированное функционирование семьи, а также нормальное развитие, воспитание детей. Именно для охраны этих интересов УК РК 1997 года в гл. 2 объединяет составы таких преступлений. Все эти составы делятся на две самостоятельные группы: преступления против семьи и преступления против несовершеннолетних. В гл. 2 включены нормы об уголовной ответственности за такие преступления, как:

- вовлечение несовершеннолетнего в преступную деятельность (ст. 131 УК РК);
- вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий (ст. 132 УК РК);

- торговля несовершеннолетними (ст. 133 УК РК);
- подмена ребенка (ст. 134 УК РК);
- разглашение тайны усыновления /удочерения (ст. 135 УК РК);
- злостное уклонение от уплаты средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей (ст. 136 УК РК) и т. д.

Как видно из смысла названия рассматриваемой главы, по особенностям объекта все преступления подразделяются на две главы:

- преступления против семьи (статьи 134–136, 139, 140);
- преступления против несовершеннолетних (статьи 131–133, 137, 138).

В ст. 27 Конституции РК сказано, что «брак и семья, материнство, отцовство и детство находятся под защитой государства».

Одним из средств такой защиты является уголовно-правовая охрана семьи и несовершеннолетних. Борьба с общественно опасными деяниями, которые посягают на жизнь и здоровье несовершеннолетних, ведется государством путем уголовно-правовых средств. Смыслом данной защиты является охрана интересов детей, условий для нормального нравственного, физического и умственного формирования его личности. К тому же данные условия напрямую зависят от благополучия семьи, основанного на браке, родстве, усыновлении и принятии детей на воспитание.

Глава 2 «Уголовные правонарушения против семьи и несовершеннолетних» включает статьи 132 – 144 действующего Уголовного Кодекса Республики Казахстан, принятого 3 июля 2014 года.

Эту группу уголовных правонарушений с учетом отличий в видовых объектах можно подразделить на 2 следующих вида:

1. Уголовные правонарушения, посягающие на нормальное нравственное и физическое развитие личности несовершеннолетних: вовлечение несовершеннолетнего в совершение уголовных правонарушений (ст. 132 УК); вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий (ст. 133 УК); вовлечение несовершеннолетнего в занятие проституцией (ст. 134 УК); торговля несовершеннолетними (ст. 135 УК); подмена ребенка (ст. 136 УК).

2. Уголовные правонарушения, посягающие на права и интересы несовершеннолетних, а также иных лиц в сфере семейных правоотношений: незаконная деятельность по усыновлению (удочерению) (ст. 137 УК); разглашение тайны усыновления (удочерения) (ст. 138 УК); неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего (ст. 140 УК); ненадлежащее исполнение обязанностей по обеспечению безопасности жизни и здоровья детей (ст. 141 УК); злоупотребление правами опекуна или попечителя (ст. 142 УК); вовлечение несовершеннолетних в изготовление продукции эротического содержания (ст. 144 УК) и т. д.

Единым признаком всех уголовных правонарушений, нормы которых объединены в этой главе, считается родовой объект – другими словами, общественные отношения, которые гарантируют нормальное развитие и воспитание несовершеннолетних, а также функционирование семьи [9].

Итак, в соответствии со ст. 134 УК РК 1997 года, при совершении такого преступления, как подмена ребенка, виновный наказывался штрафом в размере от 200 до 500 МРП, или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от 2 до 5 месяцев, либо исправительными работами на срок до двух лет, либо лишением свободы на тот же срок. А в соответствии со ст. 136 УК РК 2014 года за подмену ребенка предусматриваются штрафы в размере до двух тысяч месячных расчетных показателей, либо исправительные работы в том же размере, либо ограничение свободы до двух лет, либо лишение свободы на тот же срок.

В условиях рыночной экономики такое правонарушение, как подмена ребенка, будет встречаться чаще, поэтому его целенаправленно надо криминализовать. В данных целях ч. 2 ст. 125 УК РК («Похищение человека») нужно дополнить соответствующим нововведением. Мы полагаем, что п. 5, который относится к квалифицированному уголовному правонарушению в отношении заведомо несовершеннолетнего, следует дополнить формулировкой «а равно похищение несовершеннолетнего родственниками, родителями, покровителями с целью последующего завладения его имуществом». В целях усиления профилактического воздействия на возможных правонарушителей ст. 136 УК РК следует дополнить квалифицированным составом совершения преступления – «категорией лиц по предварительному сговору либо организованной группой». Изучение реальной социальной практики, в том числе и по письменным материалам, говорит о том, что в уголовном праве есть многочисленные недостатки. Мы знаем, что совершенствование и устранение пробелов уголовного законодательства находятся в руках квалифицированных и подготовленных юристов, законодателей и ученых.

Подмену ребенка стоит отграничивать от смежного состава уголовного правонарушения – похищение человека, которое совершено в отношении заведомо несовершеннолетнего. Данное деяние будет квалифицироваться по п. 5 ч. 2 ст. 125 УК РК. По мнению отдельных исследователей, следует исключить ст. 136 из уголовного закона в связи с тем, что практика показывает, что данная норма «не является востребованной и имеет много общего с нормой о похищении человека». При этом ответственность за подмену ребенка предлагается установить в ст. 125 УК РК. Позволим себе не согласиться с этой точкой зрения и проведем разграничение указанных составов преступлений. Представляется, что возможно отграничить данные составы друг

от друга по признакам объективной стороны преступления. Так, похищение может быть как тайным, так и открытым, в том числе насильственным, а подмена всегда представляет собой тайное посягательство против детей. При похищении происходит захват или изъятие ребенка, лишение его возможности находиться со своими родителями, но при этом замены другим ребенком, как при подмене, не происходит. А также при подмене ребенка затрагиваются не только права ребенка, но также и права родителей.

Список использованных источников

1. Макаров, А. В. Уголовная ответственность за нарушение прав несовершеннолетних : автореф. ... канд. юрид. наук / А. В. Макаров. – М., 2001. – 25 с.
2. Гулякевич, Д. Л. Уголовно-правовая охрана ребенка в Республике Беларусь : дис. ... канд. юрид. наук / Д. Л. Гулякевич. – М., 2015. – 264 с.
3. Өсеров, Н. Н. Қазақтардың дәстүрлі неке және отбасы құқықтары (Қазақ әдет-ғұрып материалдары бойынша) [Мәтін] : Заң ғылымдарының кандидаты ғылыми дәрежесін алу үшін дайындалған диссертацияның авторефераты / Өсеров Н. Н. – Алматы, 2002. – 21 с.
4. Уложения о наказаниях уголовных и неправительных. Канцелярия. – СПб., 1857.
5. Копелянская, С. Е. Подкидывание детей. Советская юстиция / С. Е. Копелянская // Советская юстиция. – 1932. – № 13. – С. 23.
6. Уголовный Кодекс РСФСР. Научный комментарий : учеб. пособие / под ред. М. И. Ковалева, Е. А. Фролова, М. А. Ефимова. – Свердловск, 1962. – Т. 2 : Особенная часть. – 191 с.
7. Вопросы уголовного права и процесса в практике Верховных Судов СССР и РСФСР (1938 – 1978). – М. : Юрид. лит., 1980. – 470 с.
8. Колмакова, О. С. Преступления, посягающие на права ребенка в сфере семейных отношений : дис. ... канд. юрид. наук / О. С. Колмакова. – М., 2014 с. – 197 с.
9. Прокуратура Каргалинского района. Уголовные правонарушения против семьи и несовершеннолетних [Электронный ресурс] // Акимат Каргалинского района Актюбинской области. – Режим доступа: <http://kargala.aktobe.gov.kz/ru/node/17784>. – Дата доступа: 15.01.2018.

ДОПУСТИМОСТЬ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ И СУДЕ

Бабенкова Элеонора Вилориковна,
аспирант Международного инновационного университета, г. Сочи

Научный руководитель: *Славская Наталья Владимировна,*
доцент кафедры уголовного права
Международного инновационного университета, г. Сочи,
кандидат юридических наук

Доказательство представляет собой единственный инструмент, при помощи которого дознаватели, следователи и прокуроры, а также суды устанавливают отсутствие или наличие обстоятельств, которые подлежат доказыванию в дальнейшем, или обстоятельств, которые имеют определенное значение для рассматриваемого дела [2, с. 8].

В уголовном процессе доказательства должны отвечать двум основным правовым требованиям, которые предъявляются к его содержанию и особенностям формы – соответственно, относимости и допустимости [3, с. 65]. Юридическая литература представляет широкое определение относимости и допустимости свойств доказательств, которые характеризуют их форму и содержание [6, с. 70].

Нужно понимать, что в соответствии со ст. 50 Конституции РФ при осуществлении правосудия невозможно использовать доказательства, которые получают с нарушением федерального закона. Конкретно в нашем случае это УПК РФ. Если доказательства будут собраны с нарушением законодательства, это приведет к недопустимости доказательств, и они потеряют любую юридическую силу.

Сам термин «юридическая сила доказательств» закреплен в законодательстве как синоним допустимости и в связи с этим часто применяется именно в этом значении. Нужно заметить и то, что на сегодня термин «юридическая сила» является многогранной правовой категорией с достаточно широким и дифференцированным смыслом. Данный термин отлично известен уголовно-процессуальному законодательству и применяется одновременно с термином «доказательства». Кроме того, в УПК РСФСР 1960 года в ч. 3 ст. 69 содержалось положение, по которому доказательства, полученные при нарушениях законодательства, признаются фактами без юридической силы и не могут стать основой для обвинения или использоваться для дальнейшего доказывания обстоятельств, определенных Кодексом [7, с. 191]. Такое же положение имеется и в современном УПК РФ в ст. 75. Данный термин применяется в ст. 455 УПК РФ также в названии – «Юридическая сила доказательств, полученных на территории иностранного государства» [9, с. 25] и непосредственно в содержании этой статьи. Терминологическое словосочетание «сила доказательств» без уточнения термином « юриди-

ческая» применяется в статье, которая устанавливает принципы оценивания доказательств – «никакие доказательства не имеют заранее установленной силы» (в ч. 2 ст. 17 УПК РФ). С учетом того, что исследуемый термин имеет основное значение для процесса доказывания в современной правосудии, определение данного понятия и сущности наиболее актуально.

Процессуальная наука не имеет до сих пор единого подхода к определению такого термина, как «юридическая сила».

При рассмотрении свойств доказательств можно сделать следующие выводы:

1. Более точным и правильным будет понимание относимости и допустимости как правовых требований, которые предъявляют соответственно к форме и содержанию доказательств. Такой подход реализуется в нормах действующего уголовного-процессуального законодательства, которые регулируют сбор не любых доказательств, а тех, которые соответствуют требованиям допустимости и относимости [1, с. 52]. При этом относимость является правовым требованием, обращенным непосредственно к содержанию доказательства, и требование относимости можно найти в ч. 1 ст. 74 УПК РФ. Допустимость же является правовым требованием, которое предъявляется к форме доказательства и законности источников доказательств, а также способам сбора доказательств. Требование допустимости в общей форме содержится в ч. 2 ст. 74 УПК РФ, в которой имеются уточнения, что доказательствами могут быть:

- показания самого подозреваемого или обвиняемого;
- показания потерпевших лиц или свидетелей;
- заключения и показания экспертов, экспертные мнения;
- показания и заключения определенных специалистов;
- вещественные доказательства по делу;
- протоколы судебных, а также следственных действий;
- другая документация по делу.

2. Категорию «юридическая сила доказательств» возможно понимать как совокупность проверенных и подтвержденных доказательств, когда любое доказательство будет полноценным с законодательной точки зрения в области относимости, достоверности и допустимости. Будет актуально сказать, что сегодня данная категория представляет собой важный элемент процессов доказывания и связана напрямую с проблемами доказывания-обоснования, потому требует в дальнейшем более серьезного исследования.

Для того чтобы сформулировать предложения по совершенствованию института доказательств в уголовном процессе, изначально необходимо обратить внимание, на тот факт, что в ч. 3 ст. 123 Конституции РФ указывается на то, что судопроизводство строится на базе состязательности и равноправия. В уголовном кодексе концепция построения судопроизводства основана на тех же принципах, что и в ст. 15 УПК РФ. Однако, по словам А. В. Пиюка, в современном уголовном процессе в РФ используются комбинированные методы, а не состязательные, что не допускает преобразования защиты в субъект частного сбора доказательств во время расследования уголовного дела [10, с. 30]. А в литературе Ю. А. Ляхова «основное направление совершенствования российского уголовного процесса заключается в развитии конституционного принципа состязательности, а не в его сворачивании. Предстоит еще немало сделать для его полного воплощения в нашем уголовном судопроизводстве, в обеспечении органически связанного с ним равенства прав участников уголовного судопроизводства» [8, с. 118].

Очевидно, что существует явное несоответствие одного к другому [5, с. 32]. Теоретически концепция состязательности и равноправия ведения уголовного дела является принципом, который фактически игнорируется.

Следовательно, хотелось бы отметить, что нет такого понятия в законодательстве, как «сбор доказательств». Нам остается только догадываться, в чем заключался изначальный смысл в момент написания и вступления в силу закона [4, с. 60]. Например, в ст. 74 УПК РФ изложено четкое объяснение, что такое доказательства. Это любые сведения, касающиеся дела, которые являются основой для суда, прокурора, следователя, дознавателя, с помощью которых устанавливаются состав или отсутствие преступления или правонарушения на стадии составления уголовного дела. Но в ч. 3 ст. 86 УПК РФ указано, что защита имеет право на сбор доказательств методом:

- 1) нахождения вещей, документов и других данных;
- 2) опрашивания людей, согласных на это;
- 3) запроса справок, характеристик, другой физической документации у административных органов, региональных управленцев, общественных организаций, которые обязуются выдавать необходимые оригинальные документы или в виде копий по первому требованию.

Из определения понятия доказательства следует, что защита не имеет полномочий устанавливать ряд обстоятельств, причастных к вешущему делу, так как у защиты нет признака, определяющего допустимость данных, указанных в ч. 3 ст. 86 УПК РФ. По нашему мнению, у защиты есть право на сбор данных, и это закреплено в понятии, изложенном в ст. 2 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Другими словами, защита не участвует в поиске доказательств (если отталкиваться от определения доказательств, изложенного в ст. 74 УПК РФ), а проводит сбор данных, так как защита не уполномочена наделять собранные сведения статусом, имеющим важность для уголовного дела.

Кроме того, еще одна трудность заключается в том, что защита законодательно имеет право на сбор доказательств, но по факту этого защите никто не обеспечивает. Нет пока такого пути к реализации этого права, что является недочетом в существующем УПК РФ [11, с. 40]. Все решают органы предварительного расследования в лице прокуроров и судей, а это может вызвать риск злоупотребления полномочиями со стороны обвинителя, что, несомненно, нарушает права граждан, задекларированные в законодательстве.

Таким образом, чтобы избежать подобных ситуаций, необходимо на законодательном уровне предоставить адвокатам больше прав в составлении уголовного дела, а именно:

- находить и прикреплять к делу вещи, документы, свидетельства и другие данные, полезные для оказания адвокатской помощи, которые должны быть в обязательном порядке приобщены к материалам уголовного дела (по УПК РФ адвокат имеет возможность только ходатайствовать перед дознавателем, следователем, прокурором и судьей, но окончательное решение по поводу прошения принимается на их усмотрение);

- внести изменения в УПК, касающиеся порядка производства по уголовному делу с участием следственных судей;

- изучать протоколы судебного заседания и иметь право ставить свои подписи в каждом протоколе, и при изучении вырезок из протокола судебного заседания ставить подписи в этих частях, и иметь возможность добавлять комментарии;

- подавать прошения следственному судье о депонировании свидетельских показаний и потерпевшей стороны;

- подавать прошение о принудительном посещении органов, ведущих уголовное дело, свидетеля, ранее дававшего показания, в данный момент такая мера претерпевает трудности (в УПК РФ следственный судья, являясь участником уголовного процесса, не присутствует и не существует меры депонирования показаний);

- подавать прошение следственному судье на выдачу необходимых данных, документов, вещей, которые требуются для проведения квалифицированной юридической помощи и защиты прав обвиняемого, свидетелей, имеющих право на получение защиты, помимо тех сведений, которые законодательно являются государственными тайнами, в ситуациях, когда было отказано в запросе или отсутствия принятого решения по делу в течение трех суток;

- подавать прошение следственному судье о проведении экспертизы в случае необоснованного отказа или отсутствия принятого решения органами уголовного преследования в течение трех суток;

- иметь право на получение экспертного мнения путем составления договора, а также подавать прошение о приобщении экспертных данных к уголовному делу и прочие права, которые не имеют российские адвокаты.

Вышеуказанные меры приведут к совершенствованию уголовного судопроизводства, обеспечат законность, процессуальность и прозрачность уголовного судопроизводства.

Список использованных источников

1. Актуальные проблемы борьбы с преступностью на современном этапе : монография / Е. В. Ветрилла [и др.]. – Сочи, 2015.
2. Балакшин, В. С. Соотношение допустимости доказательств с их относимостью и достоверностью / В. С. Балакшин // Законность. – 2014. – № 3. – С. 8–14.
3. Будников, В. Юридическая сила доказательств в уголовном судопроизводстве / В. Будников // Российская юстиция. – 2003. – № 10. – С. 8.
4. Ветрилла, Е. В. Актуальные проблемы обеспечения права на защиту в уголовном процессе России на современном этапе / Е. В. Ветрилла // Государство и право в XXI веке. – 2016. – № 2. – С. 54–61.
5. Ветрилла, Е. В. Права свидетеля: теоретический анализ / Е. В. Ветрилла // Государство и право в XXI веке. – 2016. – № 1. – С. 32–41.
6. Доля, Е. А. Происхождение доказательств в уголовном судопроизводстве / Е. А. Доля // Законность. – 2016. – № 10. – С. 65–70.
7. Лавдаренко, Л. И. Уголовное судопроизводство в аспекте проблемы соотношения власти и свободы / Л. И. Лавдаренко // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – № 2. – С. 191–198.
8. Ляхов, Ю. А. Конституционный принцип состязательности уголовного судопроизводства и права личности / Ю. А. Ляхов // Российская юстиция. 2014. – № 3. – С. 57–59.
9. Марецкий, Н. Е. Условия развития состязательности сторон в уголовном судопроизводстве / Н. Е. Марецкий // Российский следователь. – 2013. – № 1. – С. 25–26.
10. Пиюк, А. В. Собираение доказательств защитником – декларация или реальность? / А. В. Пиюк // Российская юстиция. – 2010. – № 3. – С. 32–35.
11. Сплавская, Н. В. К вопросу об эффективности действия российского уголовного законодательства / Н. В. Сплавская // Государство и право в XXI веке. – 2017. – № 1. – С. 40–44.

СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВАЯ СТРАТЕГИЯ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ КАК САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ ПРИНЦИП УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ

Буранбаева Салима Рахмановна,
старший преподаватель кафедры правовых дисциплин
Казахской Академии труда и социальных отношений, г. Алматы

Республика Казахстан, устанавливая основные направления развития правовой системы нашего общества, преследует создание усовершенствованной нормативно-правовой базы, с помощью которой достигается не только управление государством общественными процессами, но и строительство демократического правового государства, построенного на основе принципов рыночной экономики.

Эффективная борьба с преступностью всегда признавалась общей задачей уголовного преследования, однако уголовное право в отличие от других сфер правоприменения, являясь основополагающим средством борьбы с преступностью, признает своей задачей решение не только вопросов криминализации и пенализации, но и определение правил квалификации преступлений, а также представление в своем содержании правообразующего интереса. Основные концептуальные положения этой проблемы впервые нашли свое документальное выражение 24 августа 2009 г. с принятием Концепции правовой политики РК. Через относительно небольшой промежуток времени была принята новая Концепция правовой политики в период с 2010 до 2020 года, являющаяся продолжением концепции предыдущей политики и в сравнении с ней имеющая некоторые новые концептуальные положения. Таким образом, действующая уголовная политика РК определяет основные направления развития уголовного права и закона на основе таких принципов, как гуманизация; сокращение сферы применения уголовной репрессии путем расширения условий освобождения от уголовного наказания; оптимальная криминализация и декриминализация; введение уголовной ответственности юридических лиц; ужесточение ответственности за преступную деятельность организованной группы и преступного сообщества, а также рецидива преступлений; расширение сферы применения наказаний, не связанных с лишением свободы, предпочтение наказания в виде штрафа; установление соразмерности наказаний в санкциях статьей УК, отнесенных к одной категории тяжести; внедрение альтернативных наказаний; сужение сферы применения смертной казни; совершенствование института освобождения от уголовной ответственности и наказания, а также повышение качества уголовного закона; декриминализация правонарушений, не представляющих большой общественной опасности, с переводом их в категорию административных правонарушений и усилением административной ответственности за их совершение [1].

Прежде чем перейти к анализу вышеназванных основных принципов и направлений развития уголовного законодательства, хочу отметить, что в настоящем документе следовало бы рассмотреть принципы уголовной политики, которые определяют основные методы всех государственных органов по борьбе с преступностью и основополагающие идеи соответствующего законодательства. На наш взгляд, этот вопрос должен был найти свое отражение перед концепцией уголовно-правовой политики, т. е. в п. 2.8 данной Концепции, где определяется значение уголовной политики как комплексной, взаимосвязанной коррекции уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного права, а также их правоприменения.

В уголовно-правовой науке относительно вопроса принципов уголовной политики еще не сложилось единого мнения, и пока мы видим, что процесс исследования идет в сторону дополнения перечня ее принципов. Некоторые ученые, ранее исследовавшие проблемы уголовной политики, считают ее принципы тождественными принципам уголовного права [2, с. 31]. По-нашему мнению, с такой точкой зрения нельзя согласиться, поскольку если принципы уголовного права означают основные руководящие идеи уголовного права, которые должны неукоснительно соблюдаться в его содержании, то принципы уголовной политики означают руководящие идеи тех отраслей права, у которых общая задача заключается в предупреждении преступности и борьбе с ней.

Проблеме уголовной политики уделялось внимание многими учеными, одним из них является И. А. Исмаилов, который определяет принципы уголовной политики такими понятиями, как демократизм, гуманизм, справедливость, законность и научность [3, с. 142]. По результатам исследования С. С. Босколова, принципы уголовной политики образуют законность, равенство всех граждан перед законом, демократизм, справедливость, гуманизм, неотвратимость ответственности, научность [4, с. 34–35].

Полагаем, что принципы уголовной политики должны состоять из основных принципов уголовно-правовых наук, имеющих принципиальное значение при работе по совершенствованию соответствующих законодательных актов, и, кроме того, учитывать основные методы правоохранительных органов по борьбе с преступным поведением. Следует отметить, что принципы уголовной политики, находя свое отражение в вышеупомянутом документе, имеют значение для определения направлений уголовной политики.

По нашему мнению, под принципами уголовной политики понимаются установленные государством руководящие идеи, определяющие основные направления развития уголовно-правовых наук, уголовного законодательства и практики его применения, признающие своей основной задачей борьбу с правонарушениями и устанавливающие соответствующие требования к их содержанию.

Анализируя ранее проведенные исследования по этой проблеме, считаем целесообразным включение в перечень принципов уголовной политики таких понятий, как эффективность закона и стратегия борьбы с преступностью. С нашей точки зрения, эффективность закона относительно тех отраслей права, в которых

предметом изучения является преступление, означает правильное установление и соблюдение требований, предъявляемых к нормам этих отраслей права, и отсутствие противоречий между нормами права и практикой их применения.

Представляется, что для эффективной борьбы с преступностью необходимо отдельно разрабатывать стратегию борьбы с различными видами преступности. Под стратегией борьбы с преступностью следует подразумевать выявление и разработку наиболее оптимальных методов борьбы с отдельными видами преступности и преступностью в целом, а также другие предпринятые государством меры по борьбе с преступностью. Отдельными направлениями стратегии борьбы с преступностью может быть использование основных антикриминальных сил современного общества, создание специализированных органов по борьбе с теми или иными видами преступности, внедрение социально-экономических изменений в тех сферах общества, где преступность проявляет особую активность, создание цивилизованного развитого общества и т. д.

Прежде чем говорить об эффективной борьбе с преступностью и реформировании уголовного законодательства в соответствии с действующей уголовной политикой, следует определить соотношение понятий «эффективность борьбы с преступностью» и «уголовная политика», поскольку, во-первых, учеными этим двум понятиям уделяется немалое внимание, и, во-вторых, оба эти понятия являются объемными и содержательными. Так, ученые, рассматривавшие проблемы эффективности борьбы с преступностью, рекомендуют определить указанное понятие в соответствии с установленными целями и ее результатами. При установлении цели борьбы с преступностью могут быть учтены правовые и социальные категории, которыми могут быть цели уголовного закона, функции уголовного права, требования, предъявляемые нормам уголовного права, а также оптимальная и активная деятельность правоохранительных органов, что показывает масштабность понятия «эффективность борьбы с преступностью». Следует подчеркнуть, что степень эффективности и результативности деятельности государства в борьбе с преступным поведением подлежат оценке по каждому критерию эффективности самостоятельно. Кроме того, исследовательскую работу по проблеме эффективности можно вести в разных направлениях, например, эффективность уголовно-правовой борьбы с преступностью, эффективность деятельности правоохранительных органов в борьбе с преступностью, эффективность меры воздействия на преступность.

Уголовная политика государства – понятие многоотраслевое, поскольку в рамках этого понятия можно рассматривать уголовно-правовую, уголовно-исполнительную, уголовно-процессуальную политику, а также политику предупреждения преступности [1].

Понятие «уголовная политика» учеными исследовалась в разных периодах на разных уровнях. Так, если одни ученые это понятие связывают с криминализацией и декриминализацией, пенализацией и депенализацией [5, с. 49], то другие исследователи, кроме вышеназванного, приводят основные руководящие принципы государства, утверждая, что направление и развитие права должны руководствоваться такими основными идеями или принципами или принципами государства, как законность, справедливость, демократизм, равенство всех перед законом, гуманизм и т. д. [2, с. 31].

Наблюдается третий уровень исследования, согласно которому к структуре понятия «уголовная политика» следует отнести «научность» проводимых работ по борьбе с преступностью [3, с. 142; 4, с. 34–35].

На наш взгляд, вышеназванные принципы уголовной политики не полностью охватывают государственную работу по борьбе с преступностью в рамках этого понятия. Наверное, неслучайно некоторые отечественные ученые, такие как Р. Т. Нуртаев и Б. Ж. Жунусов, исследуя проблемы уголовной политики, при формулировании ее определения употребляют слова «установление тактики и стратегии борьбы с преступностью» [5, с. 48; 6, с. 13]. Эти ученые не рассматривают вышеуказанные положения в качестве принципов уголовной политики, однако, обращая внимание на сущность и значение этих понятий, считаем верным шагом в будущем предусмотреть их в списке принципов уголовной политики. В связи с этим предлагается включить в перечень принципов уголовной политики принцип «эффективность и стратегия борьбы с преступностью». Во-вторых, проводимые работы в рамках понятия «эффективность и стратегия борьбы с преступным поведением» доказала результативность мер, принятых в целях предотвращения преступности.

Так, казахстанское общество, особенно в 90-х гг. прошлого столетия, пережило бурный рост организованной преступности в различных ее проявлениях. Существовало много организованных преступных группировок, занимающихся преступностью корыстно-насильственного характера, как-то бандитизм, вымогательство, мошенничество, торговля наркотическими средствами. Причинами роста организованной преступности и преступности в целом служили экономические и политические кризисы в начале 90-х гг. в стране и, соответственно, слабый контроль за общественным порядком правоохранительных органов. Однако казахстанское общество смогло пресечь рост преступности и даже в значительной части искоренить организованные преступные формирования несмотря на то, что в стране еще не было налаженного экономического строя. По этой причине хочется указать криминологам, связывающим причину преступности с экономикой, на то, что причина и, соответственно, уровень преступности не всегда связаны с экономикой страны. Предотвратить рост преступности в значительной степени удалось благодаря подготовке программы борьбы с организованной и коррупционной преступностью и рассмотрению механизмов внедрения этой программы в практику. Если дать оценку государственной работе по борьбе с преступностью того периода, то можно называть ее не только государственной программой борьбы с преступностью, но и стратегией борьбы с преступностью и иными видами правонарушения. В. Н. Кудрявцев пишет, что «термин «стратегия» представляется более содержательным, чем «борьба» или «преодоление» (а тем более контроль над преступностью), потому что он

предполагает наличие общей концепции, определение не только ближайших, но и отдаленных целей и способов их достижения, разнообразных мер, пригодных для применения в различных условиях» [7, с. 38]. По нашему мнению, «стратегия борьбы с преступностью» – это искусство борьбы с преступностью, которое означает применение контрприемов по отношению к потенциальным преступникам и активную борьбу с уже существующими преступными элементами, а также устранение причин и условий, способствующих совершению преступлений.

Если учитывать проведенную практику и теоретическое исследование по проблеме борьбы с преступностью, то нетрудно заметить, что стратегия борьбы с преступным поведением должна быть социально-правовой.

Социальная сторона стратегии борьбы с преступностью должна означать разработку методов или предложений, рассматриваемых в криминологической науке, выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению преступлений, и профилактические меры борьбы.

Правовая сторона стратегии борьбы с преступностью должна охватывать все правовые методы борьбы с преступностью. Сюда входят проведенная государственная работа по оптимизации деятельности правоохранительных органов, формирование специализированных органов по борьбе с теми или иными видами преступного поведения, активизация деятельности самих правоохранительных органов, а также соблюдение принципа законности и установление жесткого контроля за осужденными в местах отбывания наказания.

Исходя из вышесказанного, предлагается рассматривать в рамках понятия «эффективность уголовно-правовой борьбы с преступностью» проблемы обеспечения научной обоснованности:

– норм уголовного закона, что в действующем уголовном законодательстве находится на низком уровне;

– конструирования норм уголовного права для успешного применения в деятельности правоохранительных органов, связанной с квалификацией преступления. Обоснованность такого предложения заключается в том, что понятие «стратегия борьбы с преступностью» по самой природе своей является характерным для деятельности практиков. И здесь нетрудно заметить, что уголовно-правовые меры борьбы с преступностью, связанные с квалификацией преступления и назначением наказания, легко трансформируется в деятельность правоохранительных органов, направленную на снижение уровня преступности и правонарушений в целом. Такая трансформация считается обоснованной по той причине, что диспозиции и санкции норм уголовного закона предназначены прежде всего для деятельности судебно-следственных органов.

Подводя итоги вышесказанному, хочется с уверенностью отметить, что понятия «эффективность уголовно-правовой борьбы с преступностью» и «стратегия борьбы с преступностью», являясь самостоятельными принципами уголовной политики, используются параллельно и дополняют друг друга. Это обусловлено тем, что без эффективных средств уголовно-правовой борьбы с преступностью хорошо подготовленная стратегия не дала бы ожидаемого результата, равно как и без стратегий борьбы с преступным поведением успешно подготовленное уголовное законодательство не реализовывало бы свои возможности. Следовательно, считаем, что к принципам уголовной политики следует отнести законность, гуманизм, демократизм, справедливость, научность, эффективность уголовного закона и установление стратегии борьбы с преступностью.

Список использованных источников

1. О Концепции правовой политики Республики Казахстан на период с 2010 до 2020 года [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Казахстан, 24 авг. 2009 г., № 858 // Казахстанская правда. – 2009. – 27 авг. – № 205 (25949).
2. Беляев, Н. А. Уголовно-правовая политика и пути ее реализации / Н. А. Беляев. – Ленинград : Изд-во Ленинградского ун-та, 1996. – 176 с.
3. Исмаилов, И. А. Преступность и уголовная политика (актуальные проблемы борьбы с преступностью) / И. А. Исмаилов. – Баку : Азернешр, 1990. – 306 с.
4. Босхолов, С. С. Основы уголовной политики / С. С. Босхолов. – М. : ЮрИнфоР, 2004. – 301 с.
5. Нуртаев, Р. Т. Основные направления реализации эффективной уголовно-правовой политики современного Казахстана в контексте концепции правовой политики / Р. Т. Нуртаев // Актуальные проблемы уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права в свете Концепции правовой политики Республики Казахстан : материалы Междунар. науч.-практ. конф. – Караганда : КарЮИ МВД РК, 2005. – С. 47–56.
6. Жунусов, Б. Ж. Проблемы уголовной политики / Б. Ж. Жунусов. – Караганда : Фемида, 2005. – 340 с.
7. Кудрявцев, В. Н. Стратегий борьбы с преступностью / В. Н. Кудрявцев. – М. : Наука, 2005. – 367 с.

КОНСТРУКЦИЯ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА И ПРОБЛЕМА АФФИЛИРОВАННОСТИ ЛИЦ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Гигель Андрей Александрович,
аспирант Международного университета «МИТСО», г. Минск,
магистр юридических наук

Научный руководитель: *Вабищевич Светлана Степановна,*
профессор кафедры адвокатуры юридического факультета
Международного университета «МИТСО», г. Минск,
кандидат юридических наук, доцент

При рассмотрении конструкции и понятия юридического лица стоит отметить, что в догматическом плане юридическое лицо – это организация, созданная в установленном законом порядке, действующая на основании учредительных документов, имеющая собственное наименование и правовую форму, обладающая собственной правосубъектностью, несущая в соответствии с действующим законодательством ответственность за свои деяния и акты, обладающая совокупностью определенных признаков, на что обращают внимание И. А. Маньковский и С. С. Вабищевич [1, с. 35–85].

Анализируя сущность юридического лица, необходимо отметить значимость подхода к теории конструкции юридического лица через призму фикции и отметить, что фикция есть нечто несуществующее, все право состоит из фикций, идеальных конструкций и понятий, поэтому понятие юридического лица не является исключением. Кроме того, «волеспособный человек» также представлен в праве с помощью фикции юридического лица [2, с. 162–170].

На современном этапе сама конструкция юридического лица часто используется не только для ограничения риска, но и для объединения капитала [3, с. 130].

Гражданское законодательство в целом устанавливает значимость и важность соблюдения принципов гражданского законодательства. Необходимым представляется рассмотрение невозможности извлечения преимущества из своего незаконного или недобросовестного поведения с использованием конструкции юридического лица на примере Российского законодательства. Данное положение закрепляется в п. 4 ст. 1 Гражданского кодекса Российской Федерации. Следует отметить, что важность и значимость данной правовой нормы имеет большое значение ввиду роли юридического лица и наделения его самостоятельностью, а также ограничения ответственности его создателей (учредителей) в гражданском обороте. К сожалению, в практической деятельности конструкция юридического лица используется для создания схем по минимизации рисков, когда долги консолидируются на одном юридическом лице, а активы – на другом, но при этом оба входят в состав одной бизнес-структуры и контролируются одним выгодоприобретателем. В описанных ситуациях кредитор должника, который не может исполнить свои обязательства, находится в незащищенном состоянии в отличие от конечного выгодоприобретателя, который подобным образом структурировал свой бизнес. Важно отметить, что судебная практика свидетельствует о том, что, если юридическое лицо создано лишь для видимости и в целях уклонения от ответственности, по иску кредитора должен отвечать реальный владелец бизнеса, который фактически или юридически контролирует деятельность должника, данное положение некоторые авторы называют доктриной «снятия корпоративной вуали» [4, с. 250].

Важным представляется применение ст. 10 Гражданского кодекса Российской Федерации, в соответствии с которой не допускается осуществление гражданских прав с целью злоупотребления правом. Пример, который мы привели выше, четко показывает, что есть факт злоупотребления своим правом за счет получения необоснованной выгоды за счет законных интересов кредиторов юридических лиц, контролируемых реальным владельцем бизнеса. Можно отметить, что тем самым проявляется конкуренция принципов законности и равенства участников гражданского оборота с принципами автономности и ограниченной ответственности юридических лиц. Для эффективной работы гражданского законодательства в целом и относительно отдельных правовых норм, касающихся юридических лиц, в частности, следует найти и соблюдать баланс между данными принципами.

По мнению Т. П. Подшиваловой и Г. С. Демидовой, одним из механизмов, обеспечивающих баланс интересов, является доктрина «снятия корпоративной вуали», применение которой способствует защите законных интересов кредиторов юридических лиц. Она обеспечивает реализацию принципа добросовестности, закрепленного в п. 3 ст. 1 Гражданского кодекса Российской Федерации. Важно отметить, что несоблюдение данного принципа является ключевым фактором только при защите гражданских прав, а не для привлечения к гражданско-правовой ответственности [4, с. 251].

Можно сделать вывод, что данная доктрина «снятия корпоративной вуали» является важным фактором для должного обеспечения применения конструкции юридического лица в гражданском обороте. Можно отметить, что данная доктрина формировалась в странах англосаксонской системы права. Доктрина «снятия корпоративной вуали» сформировалась благодаря судебным прецедентам и в целом с помощью судебной практики. В романо-германской семье права, например, в Германии, доктрина разрабатывалась преимущественно в науке, а на практике используется редко.

В Российской Федерации доктрина «корпоративной вуали» активно формулируется и применяется на уровне судебной практики через правовые позиции Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, основанные на положениях статей 1 и 10 Гражданского кодекса Российской Федерации. Исходя из анализа данной практики, хотелось бы отметить отсутствие четкого и строго понятия и определения оснований применения рассматриваемой доктрины.

По нашему мнению, в настоящее время сохраняется ряд проблем вокруг такой формы юридического лица, как общество с ограниченной ответственностью. Данная конструкция является одной из самых популярных для ведения хозяйственной деятельности за счет простого порядка регистрации и надежного характера осуществления предпринимательской деятельности. Проявляется это в том, что общество вступает в гражданско-правовые отношения от своего имени как самостоятельное лицо и ответственность по его обязательствам на участников не возлагается. Если говорить о юридической ответственности общества с ограниченной ответственностью, основная проблематика заключается в том, что незначительный размер его уставного капитала может расцениваться как законодательный недостаток, который иногда способствует целому ряду негативных явлений, которые в свою очередь могут переходить в противоправные действия экономической направленности. Уставной капитал играет важнейшую роль в концепции юридического лица, и его основная функция видится в обеспечении гарантий прав кредитора и нормальной деятельности на начальной стадии развития обществ с ограниченной ответственностью. В Российской Федерации данная проблематика рассматривалась в Концепции развития гражданского законодательства, но не получила своего дальнейшего развития и внедрения в действующее законодательство. основополагающим решением данной проблемы представляется возможность регулировки или своеобразной коррекции уставного капитала обществ с ограниченной ответственностью в зависимости от предмета и целей деятельности общества, необходимости увеличения уставного капитала в случае многократного превышения оборота денежных средств и взятых на себя обязательств над первоначальным уставным капиталом общества. Данная идея заключается в том, чтобы юридические лица, в частности общества с ограниченной ответственностью, могли нести ответственность в рамках самой конструкции и идеи юридического лица, а не применять юридическую ответственность к учредителям юридических лиц и управляющему персоналу.

Важно отметить, что при применении доктрины «снятия корпоративной вуали» сохраняется проблема в определении баланса интересов между основополагающей идеей конструкции юридического лица, выступающей в качестве защиты учредителей и их личного имущества от контрагентов учрежденного ими юридического лица и необходимостью противодействия невозможности извлечения преимущества из своего незаконного или недобросовестного поведения. Так, например, по мнению Е. А. Суханова, применение данной доктрины является неправильным, так как не учитывает самостоятельность юридического лица [5 с. 180]. Хотелось бы отметить, что, по нашему мнению, в современном высокотехнологичном мире, имеющем быструю динамику развития гражданского оборота, с быстро развивающимися технологиями по обходу государственного контроля и надзора по обороту денежных средств, доктрина «снятия корпоративной вуали» способствует противодействию противоправных действий экономической направленности, например, таких, как «отмывание денег» и, соответственно, уход от уплаты налогов. Важно отметить, что для данной доктрины весьма характерна и важна доказанность несамостоятельности юридического лица и факта контроля за его деятельностью со стороны выгодоприобретателя, так как именно он своим контролем ставит под сомнение самостоятельность юридического лица.

В заключение следует отметить, что доктрина «снятия корпоративной вуали» является достаточно высокопрофессиональным механизмом, который требует учета множества различных факторов. Именно эта доктрина является весьма важной для всей конструкции юридического лица, так как эффективна для противодействия недобросовестным действиям выгодоприобретателей юридических лиц. Данная доктрина тесно связана с такими проблемными вопросами, как ответственность юридического лица, его самостоятельность и подконтрольность; по нашему мнению, важно ее применение в современном быстро развивающемся гражданском обороте для защиты интересов третьих лиц. Данная доктрина должна активно внедряться на уровне судебной практики Республики Беларусь, из-за излишне упрощенного порядка создания юридических лиц в нашем гражданском обороте участвует множество номинальных и операционных компаний. Снятие корпоративной вуали необходимо и в ситуации, когда юридическое лицо является номинальным, т. е. создано без цели осуществления деятельности. Снятие корпоративной вуали необходимо и в случае, когда сделка совершена с операционным юридическим лицом, т. е. тем, которое создано не для самостоятельной деятельности, а для обслуживания деятельности другого юридического лица. Основным критерием отнесения к такому основанию является тот факт, что у юридического лица отсутствует самостоятельная деятельность, не связанная с деятельностью главной компании. По нашему мнению, помимо внедрения данной доктрины, концептуальным решением проблемы защиты прав третьих лиц будет являться значительное увеличение уставного капитала хозяйственных обществ в зависимости от вида их деятельности или их оборотного капитала.

Список использованных источников

1. Маньковский, И. А. Юридические лица : научно-практическое исследование сущности и современного правового положения / И. А. Маньковский, С. С. Вабищевич. – Минск : Молодежное, 2009. – 304 с.
2. Маньковский, И. А. Гражданское право. Общая часть : в 3 т. / И. А. Маньковский, С. С. Вабищевич. – Минск : Междунар. ун-т «МИТСО», 2013. – Т. 2. : Гражданские правоотношения : в 2 полут. – Полут. 1. – 368 с.

3. Белов, В. А. Гражданское право. Общая часть : учебник : в 2 т. / В. А. Белов. – М. : Юрайт, 2011. – Т. 2 : Лица, блага, факты. – 1093 с.
4. Подшивалова, Т. П. Принципы гражданского права и их реализация / Т. П. Подшивалова, Г. С. Демидова. – М. : Проспект, 2016. – 352 с.
5. Гражданское право : учебник : в 4 т. / В. С. Ем [и др.] ; под ред. Е. А. Суханова. – М. : Волтерс Клувер, 2010. – Т. 1 : Общая часть. – 720 с.

СИСТЕМА ВЕЩНЫХ ПРАВ В ГРАЖДАНСКОМ КОДЕКСЕ РСФСР 1922 ГОДА И ГРАЖДАНСКОМ КОДЕКСЕ БССР 1964 ГОДА: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Гладкая Екатерина Николаевна,
старший преподаватель кафедры адвокатуры,
аспирант Международного университета «МИТСО», г. Минск,
магистр юридических наук,

Научный руководитель: *Маньковский Игорь Александрович,*
начальник центра частноправовых и социально-экономических исследований НИИ ТиСО
Международного университета «МИТСО», г. Минск,
кандидат юридических наук, доцент

Советский период характеризуется застоєм и даже некоторым регрессом в развитии правового регулирования гражданских отношений в целом и системы вещных прав в частности, что подтверждается более прогрессивным для своего времени содержанием Гражданского кодекса РСФСР 1922 года (далее – ГК РСФСР) по сравнению с Гражданским кодексом Белорусской ССР 1964 года (далее – ГК БССР).

Регресс в развитии норм вещного права был обусловлен тем, что в ГК РСФСР 1922 года в силу сложившихся обстоятельств получили свое дальнейшее развитие труды цивилистов дореволюционной России, несмотря на полное публичное отрицание новой властью всего «старорежимного», а ГК БССР 1964 года создавался в условиях, характеризующихся активной деятельностью известных советских цивилистов и разработкой основных положений науки гражданского права, которые хотя и были достаточно прогрессивными для своего времени, однако содержательно в значительной мере предопределялись коммунистической идеологией, которая, безусловно, оказала негативное, можно даже сказать, сдерживающее воздействие на развитие цивилистической науки, на что обращает внимание И. А. Маньковский [1, с. 21–26].

Обратимся к структуре разделов о вещных правах указанных нормативных правовых актов.

Так, правовые нормы, регулирующие вещные правоотношения, были собраны в ГК РСФСР в разделе «Вещное право». Анализируя название раздела, отметим, что, в отличие от названий аналогичных разделов современных гражданских кодексов стран постсоветского пространства, он не имел прямого указания на деление вещных прав на право собственности и вещные права несобственников.

Интерес представляет структура исследуемого раздела. Так, раздел «Вещное право» включал в себя три главы: «Право собственности», «Право застройки» и «Залог на имущество». Таким образом, следует отметить определенную преемственность ГК РСФСР положений римского права и дореволюционного российского гражданского права.

Так, глава «Право собственности» содержала в себе положения о формах собственности, объектах, которые могут находиться в той или иной собственности, правомочиях собственника, способах защиты прав и законных интересов собственника, общей долевой собственности, основаниях перехода права собственности.

Статья 52 ГК РСФСР предусматривала деление собственности на государственную (национализированную, муниципализированную), кооперативную и частную.

Земля, недра, леса, воды, железные дороги общего пользования, их подвижной состав и летательные аппараты находились в исключительной собственности государства [2, ст. 53].

В частной собственности могли находиться немунципализированные строения, торговые предприятия, промышленные предприятия, имеющие наемных рабочих, орудия и средства производства, деньги, ценные бумаги и прочие ценности, в том числе золотая и серебряная монета и иностранная валюта, предметы домашнего обихода, хозяйства и личного потребления, товары, продажа которых не воспрещалась законом, и иное имущество, не изъятое из частного оборота [2, ст. 54].

Понятие права собственности в указанной главе закреплено не было, но ст. 58 закреплялись права собственника – владение, пользование и распоряжение имуществом.

Интересно отметить, что согласно положениям ст. 61 ГК РСФСР общая собственность имела место тогда, когда право собственности принадлежало двум или нескольким лицам, сообща, по долям. Напомним, что согласно п. 1 ст. 246 ГК Республики Беларусь, общая собственность возникает на основании принадлежности имущества на праве собственности двум и более лицам. Таким образом, если на современном этапе

развития гражданских правоотношений делению на доли в общей собственности подлежит имущество, то ранее такому делению подвергалось само право собственности, что, по нашему мнению, является наиболее корректным. Отметим также, что, согласно вышеуказанному определению, общая собственность имела место только тогда, когда право собственности на имущество было разделено на доли.

В ГК РСФСР не было деления на основания приобретения и прекращения права собственности. Поэтому мы позволим себе их обобщить под названием «основания перехода права собственности».

Так, к основаниям перехода права собственности ГК РСФСР были отнесены: договор (статьи 66 – 67), реквизиция (ст. 69), конфискация (ст. 70). Отдельно указывалось на то, что право собственности на бесхозяйное имущество переходит к государству (ст. 68). Такой достаточно скудный набор правовых инструментов по использованию института права собственности, безусловно, не способствовал развитию гражданско-правовых отношений. Более того, стоит отметить сильное воздействие со стороны государства на отношения собственности.

Глава «Право застройки» ГК РСФСР включала в себя положения о договоре о праве застройки, в том числе о требованиях к форме его заключения; его существенных условиях; правах и обязанностях застройщика, его ответственности в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения условий договора. Интересен тот факт, что согласно статьям 77 и 78 ГК РСФСР застройщику предоставлялось право пользования на участке, переданном под застройку, с имеющейся водой устраивать в его пределах колодцы и обделывать родники и источники, а также производить работу по добыче строительных материалов для возведения и хозяйственного обслуживания строений, находящихся на этом участке. Из этого следует, что, несмотря на отсутствие прямого закрепления в ГК РСФСР сервитута как отдельного вещного права, присутствовали отдельные предпосылки для такого закрепления.

В соответствии со ст. 79 ГК РСФСР право застройки могло быть отчуждено или обременено залогом. Отметим, что здесь мы снова сталкиваемся с передачей или обременением права, а не того имущества, на которое оно распространялось, что противоречит предписаниям гл. 3 раздела 1 «Общая часть», где объектом гражданских прав названо имущество.

В гл. 3 «Залог имущества» предусматривались общие положения о залоге. Само включение залога в раздел о вещном праве является нестандартным подходом в сравнении с современным гражданским законодательством. Так, ст. 310 ГК Республики Беларусь залог отнесен к способам обеспечения исполнения обязательств, а его правовое регулирование осуществляется на основании гл. 23 «Обеспечение исполнения обязательств», входящей в раздел III «Общая часть обязательственного права».

Стоит отметить, что согласно ст. 87 ГК РСФСР предметом залога могло быть всякое имущество, не изъятое из оборота, в том числе долговые требования и право застройки, рассмотренное нами ранее. Более того, в случаях, прямо предусмотренных законом, предметом залога могла быть золотая, серебряная монета иностранная валюта.

Современным ГК Республики Беларусь предмет залога чуть более детализирован. Так, согласно п. 1 ст. 317, к нему отнесено всякое имущество, в том числе вещи и имущественные права (требования), за исключением имущества, изъятого из оборота, требований, неразрывно связанных с личностью кредитора, в частности требований об алиментах, о возмещении вреда, причиненного его жизни или здоровью, и иных прав, уступка которых другому лицу запрещена законом.

Из сказанного следует, что, наряду с иным, предметом залога могло быть недвижимое имущество. В современном гражданском законодательстве этот вид залога известен как ипотека. В советском гражданском законодательстве институт ипотеки развития не получил.

Таким образом, на основании проведенного анализа раздела «Вещное право» ГК РСФСР следует отметить отсутствие какого-либо указания на ограниченные вещные права (права лиц, не собственников). Тем не менее, исходя из сущности таких прав, к ним стоит отнести право застройки и залог. Более того, в статьях ГК РСФСР, не входящих в раздел «Вещное право», можно найти упоминание об иных вещных правах. Так, ст. 21 ГК РСФСР закреплено право пользования на землю.

Обобщая вышесказанное, систему вещных прав ГК РСФСР можно представить в виде совокупности права собственности, права пользования на землю, права застройки и залога; также отметим наличие признаков таких ограниченных вещных прав, как сервитут и залог недвижимого имущества (ипотека).

С принятием ГК БССР радикально изменился подход к регулированию вещных прав на территории союзной республики, что было следствием усиления государственного давления и контроля на все группы общественных отношений, в том числе и гражданские.

Отметим также, что в «новом» кодексе раздел II был переименован и приобрел название «Право собственности». Тем самым исключалась какая-либо возможность существования иных вещных прав, кроме как права собственности, несмотря на то, что в отдельных статьях кодекса содержалось упоминание о правах, имеющих признаки вещных, однако без предоставления им отдельного правового регулирования, о чем подробнее будет сказано ниже.

Из структуры указанного раздела были исключены положения о праве застройки и праве залога. При этом если праву застройки в ГК БССР в принципе не нашлось места, то положения о залоге были включены в главу 16 «Обеспечение исполнения обязательств» раздела III «Обязательственное право». Обратим внимание, что понятие «право залога» утратило компонент право и сам залог рассматривалось исключительно как способ обеспечения исполнения обязательства.

Структурно раздел II состоял из девяти глав.

Глава 6 «Общие положения» была необъемной и включала в себя положения о правомочиях собственника и формах собственности.

Так, собственность делилась на социалистическую и личную. Социалистической собственностью признавалась государственная (общенародная) собственность, собственность колхозов, иных кооперативных организаций и их объединений, собственность общественных организаций. Личная собственность видов не имела и рассматривалась как одно из средств удовлетворения потребностей граждан.

Одним из весомых отличий ГК БССР от ГК РСФСР является отсутствие частной собственности. Сразу отметим, что понятие личной собственности ни в коем случае не синонимично понятию частной собственности хотя бы потому, что частная собственность предполагает более широкий перечень объектов, которые могут находиться в исключительной собственности отдельно взятого лица. Заслуживает внимания и тот факт, что согласно п. 2 ст. 87 ГК БССР только граждане относились к субъектам права личной собственности.

Согласно положениям п. 1 ст. 88 гл. 7 ГК БССР, государство являлось единственным собственником всего государственного имущества. В этой же статье указывалось на то, что имущество, закрепленное за государственными организациями, находится у них на праве оперативного управления. Таким образом, признавалась возможность существования еще одного вещного права – права оперативного управления.

В соответствии с п. 2 ст. 88 ГК БССР, государственные организации, имущество за которыми закреплено на праве оперативного управления, осуществляют права владения, пользования и распоряжения в пределах, установленных законом, в соответствии с целями их деятельности, плановыми заданиями и назначением имущества. Следует отметить, что идентичное, за некоторым исключением, определение указанного права содержится в ныне действующем ГК Беларуси.

Обратим внимание на положения ст. 89 исследуемого кодекса, которая императивно предписывала отнесение практически любого имущества к государственной собственности. Так, в исключительной собственности государства находились земля, ее недра, воды и леса; в собственности государства – заводы, фабрики, шахты, рудники, электростанции, железнодорожный, воздушный и автомобильный транспорт, банки, средства связи, организованные государством сельскохозяйственные, торговые, коммунальные и иные предприятия, основной жилищный фонд в городах и поселках городского типа, а также любое другое имущество.

Так как земля находилась в исключительной собственности государства, третьим лицам она могла передаваться только в пользование, что было закреплено в п. 2 ст. 89 ГК БССР. Таким образом, можно констатировать законодательно обеспеченную возможность использования еще одного вещного права – права пользования. Как отмечалось ранее, данное право в ГК РСФСР не было включено в раздел «Вещное право». В ГК БССР оно заняло законное место в разделе «Право собственности», хотя и не получило должного правового регулирования.

Отдельно ГК БССР регулировались положения о собственности колхозов, иных кооперативных организаций и их объединений (гл. 8 ГК БССР), а также о собственности профсоюзных и иных общественных организаций (гл. 9 ГК БССР).

Согласно положениям ст. 94 ГК БССР, к объектам права собственности колхозов, иных кооперативных организаций и их объединений были отнесены их предприятия, культурно-бытовые учреждения, здания, сооружения, тракторы, комбайны, другие машины, транспортные средства, рабочий и продуктивный скот, произведенная этими организациями продукция и иное соответствующее целям деятельности этих организаций имущество. Владение, пользование и распоряжение таким имуществом осуществлялось указанными организациями исключительно в соответствии с учредительными документами.

Интересно отметить, что правомочие распоряжения имуществом, составляющим собственность колхозов и иных кооперативных организаций и их объединений, принадлежало исключительно самим собственникам.

К объектам права собственности профсоюзных и иных общественных организаций, в соответствии со ст. 97 ГК БССР, были отнесены их предприятия, здания, сооружения, санатории, дома отдыха, дворцы культуры, клубы, стадионы и пионерские лагеря с их оборудованием, культурно просветительные фонды и иное соответствующее целям деятельности этих организаций имущество.

Вопросы осуществления правомочий в отношении имущества профсоюзных и иных общественных организаций решались так же, как в отношении имущества колхозов, иных кооперативных организаций и их объединений.

Положения о личной собственности ГК БССР были строго регламентированы.

Так, в соответствии с п. 1 ст. 99 указанного кодекса, личная собственность гражданина складывалась из его трудовых доходов и сбережений, жилого дома (или его части) и подсобного домашнего хозяйства, предметов домашнего хозяйства и обихода, личного потребления и удобства. Извлечение нетрудовых доходов из такого имущества было запрещено.

Строгой регламентации подлежало количество имущества, которое могло находиться в личной собственности гражданина, будь то недвижимое имущество, например, дом, квартира, или единицы скота (ст. 107 ГК БССР).

Так, согласно положениям ст. 100 ГК БССР, гражданин вправе был иметь в собственности один жилой дом или его часть. Совместно проживающие супруги и их несовершеннолетние дети могли иметь только один дом (или его часть) при условии, что такое имущество находилось в личной собственности одного из

указанных лиц либо принадлежало им на праве общей собственности. При этом были установлены предельные размеры недвижимого имущества (жилого дома (его части) или квартиры), которое могло находиться в личной собственности гражданина, совместно проживающих супругов и их несовершеннолетних детей – шестьдесят квадратных метров жилой площади [3, п. 1 ст. 101].

В случае, если на законных основаниях в собственность гражданина или совместно проживающих супругов и их несовершеннолетних детей поступало более одного жилого дома, указанные субъекты могли оставить у себя один из них, а излишнее имущество обязаны были реализовать в течение года с момента возникновения права собственности на него. Неисполнение указанного требования приводило к принудительному отчуждению, после которого вырученная сумма денежных средств за вычетом расходов на организацию продажи передавалась бывшему собственнику дома. Если принудительная продажа не происходила по причине отсутствия покупателей, имущество на безвозмездной основе переходило в доход государства.

Вышеизложенные правила применялись в случае законного поступления в собственность гражданина, совместно проживающих супругов и их несовершеннолетних детей при наличии одного дома части другого; частей разных домов; сверх одной квартиры в многоквартирном доме; части (частей) одного дома при превышении допустимой площади; в случае поступления в собственность жилого дома при наличии квартиры (и наоборот).

ГК БССР не предусматривал возможности узаконивания самовольной постройки. В случае осуществления самовольного строительства постройка должна была быть снесена гражданином самостоятельно или за свой счет либо по решению суда безвозмездно изымалась в фонд местного Совета депутатов трудящихся. Также отметим, что возведение самовольной постройки могло повлечь расторжение договора о предоставлении гражданину в бессрочное пользование земельного участка.

Обратим внимание на то, что согласно ст. 105 ГК БССР земельный участок для строительства жилого дома или дачи предоставлялся в бессрочное пользование, а значит, мы можем констатировать наличие законодательно закрепленной разновидности права пользования – бессрочное пользование, что является аналогом закрепленного в ч. 3 п. 1 ст. 217 ГК Беларуси права постоянного пользования земельным участком.

Как указывалось ранее, извлечение нетрудовых доходов из имущества, находящегося в личной собственности, не допускалось. Исключения составляли случаи сдачи внаем жилых домов, дач и помещений в них с соблюдением требований ст. 296 ГК БССР. Отметим также, что нарушение указанных требований влекло за собой безвозмездное изъятие и передачу имущества в фонд местного Совета депутатов трудящихся.

Становясь членом колхозного двора, гражданин утрачивал право собственности на то имущество, которое, согласно уставу колхоза, могло принадлежать только колхозному двору. Так, в личной собственности указанного лица находились личные трудовые доходы и сбережения, имущество, приобретенное им на личные средства или полученное в порядке наследования или дарения, при условии, что оно не было передано в собственность колхозного двора [3, ст. 108].

ГК БССР право общей собственности, в сравнении с ГК РСФСР, трактовалось расширительно: предусматривалось деление общей собственности на долевую и совместную; имело место прямое закрепление возможных субъектов общей собственности [3, ст. 111]. Так, в соответствии со ст. 111 ГК БССР, общая собственность могла возникнуть между колхозами, колхозами и иными корпоративными и общественными организациями, государством и указанными субъектами, между гражданами.

Субъектами общей совместной собственности признавались члены колхозного двора.

Отдельная глава ГК БССР (гл. 14) была посвящена основаниям приобретения и прекращения права собственности. Стоит отметить, что подобная глава в ГК РСФСР отсутствовала. Тем не менее, нельзя данный факт характеризовать как некое достижение. Прежде всего, в отличие от современного ГК Беларуси, исследуемый нормативный правовой акт не содержал строго разделения таких оснований; большую часть составляли основания принудительного изъятия имущества из личной собственности граждан; все имущество, которое признавалось бесхозяйным, переходило в доход государства, т. е. возможность приобретения права собственности на бесхозяйное имущество гражданами не предусматривалась.

Обобщая положения гл. 14 ГК БССР, к основаниям приобретения и прекращения права собственности следует отнести: договор (ст. 138 ГК БССР), изъятие земельных участков для государственных и общественных нужд (ст. 145 ГК БССР), изъятие бесхозяйственно содержимого дома (ст. 146 ГК БССР), изъятие бесхозяйственно содержимых культурных ценностей (ст. 147 ГК БССР), находка (ст. 149 – 151 ГК БССР), приобретение права собственности на безнадзорный скот (ст. 152 ГК БССР), клад (ст. 153 ГК БССР), реквизиция и конфискация (ст. 154 ГК БССР), изъятие драгоценных металлов и алмазов (ст. 155 ГК БССР). Учитывая положения гл. 10 ГК БССР, указанный перечень стоит расширить, дополнив его такими основаниями перехода права собственности, как изъятие имущества, используемого для извлечения нетрудовых доходов (ст. 106 ГК БССР), прекращение права личной собственности на имущество сверх установленного количества (размера) (ст. 102 – 103 ГК БССР).

Таким образом, следует отметить, что в период регулирования гражданских правоотношений ГК БССР сложно было говорить о формировании, а тем более о развитии системы вещных прав. Этот период характеризовался жестким императивным регулированием вещных правоотношений и отсутствием частной собственности. Право личной собственности не предусматривало возможности граждан в полном объеме реализовывать правомочие распоряжения в отношении находящегося у них имущества, а значит, указанное право не отвечало

признаку абсолютности. Известные нам сегодня принципы равенства сторон, неприкосновенности собственности, диспозитивности в регулировании вещных правоотношений ГК БССР не применялись.

Содержание раздела II «Право собственности» ГК БССР соответствовало названию. Большинство правовых норм указанного раздела действительно были о праве собственности, при этом в большей степени о государственной.

Вещные права не собственников отдельного правового регулирования в разделе II ГК БССР не получили. Тем не менее, в некоторых статьях имело место указание на возможность использования тех или иных ограниченных вещных прав. Так, нами были выделены следующие неполные вещные права: право оперативного управления, право пользования и его разновидность – право бессрочного пользования.

Напомним также, что сервитутные права и право застройки не были включены в раздел II ГК БССР, а залог, утратив первый компонент – «право», был перемещен в раздел об обязательствах.

Обратим внимание на применение к владению, пользованию и распоряжению определения «право», причем как в ГК РСФСР, так и в ГК БССР. Современный ГК Беларуси имеет аналогичный подход. Однако, по нашему мнению, в таком случае стоит вести речь не о праве, а о правомочиях, так как не может быть право в праве. Использование указанной терминологии ведет к смешению таких понятий, как «право пользования» и «правомочие пользования», «право владения» и «правомочие владения».

Что касается оснований приобретения и прекращения права собственности в отношении бесхозяйного имущества, то они были построены таким образом, что не допускали приобретения в собственность имущества гражданами. Следует отметить, что гл. 14 ГК БССР в целом была больше направлена на правовое регулирование перехода имущества в собственность государства с использованием для этого достаточно жестких оснований: изъятие имущества, используемого для извлечения нетрудовых доходов, реквизиция, конфискация и т. п.

Подводя итог исследованию обоих кодексов, необходимо отметить, что традиции правового регулирования вещных правоотношений, перенятых ГК РСФСР из римского и дореволюционного права, ГК БССР не были сохранены. С принятием ГК БССР система вещных прав была сведена к одному праву – праву собственности государства. Так, был прерван процесс становления и развития системы вещных прав, формировавшейся на протяжении достаточно длительного периода времени.

Список использованных источников

1. Маньковский, И. А. Гражданское право. Общая часть : в 3 т. / И. А. Маньковский, С. С. Вабищевич. – Минск : Междунар. ун-т «МИТСО», 2013. – Т. 1 : Введение в гражданское право. – 488 с.
2. Гражданский кодекс РСФСР [Электронный ресурс] // Правовые акты БССР. – Режим доступа: <http://actbssr.pravo.by/WorkDoc/ShowDoc?RegNum=Yk2299000>. – Дата доступа: 09.02.2018.
3. Гражданский кодекс БССР [Электронный ресурс] / Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/pravovaya-informatsiya/pravovye-akty-bssr/kodeksy/>. – Дата доступа: 09.02.2018.

О ГЛАВНОЙ ОСОБЕННОСТИ РОССИЙСКОЙ КОНСТИТУЦИИ (к 25-летию принятия Основного закона Российской Федерации)

Еременко Ростислав Сергеевич,
студент 3-го курса юридического факультета
Московского финансово-промышленного университета «Синергия», г. Москва
помощник заместителя председателя Архангельского областного собрания депутатов,
председателя комитета по науке и высшей школе И. А. Чеснокова,
юрисконсульт ООО «Транс-НАО» шиппинг компании,
действительный член Русского географического общества

Главной особенностью российской Конституции (главной находкой ее авторов) является запуск «конституционных шестеренок». Это Конституционный Суд (высшая юридическая инстанция страны) с чрезвычайными полномочиями (есть в нескольких странах). Любой закон или указ, любое действие должностного лица он может отменить из-за несоответствия Основному закону. Конституционный суд толкует и, следовательно, создает новую норму Конституции. Поэтому делаю вывод: стабильность Конституции зависит прежде всего от возможности ее толкования, а не только от количества внесенных поправок. Именно толкование обеспечивает стабильность (баланс) между конституционными положениями и общественным запросом. Благодаря решениям Конституционного Суда, его правовым позициям Конституция РФ остается стабильным и живым документом. О востребованности данного механизма свидетельствует рост числа обращений граждан в Конституционный Суд. За 2017 год в суд пришло 14 638 обращений. При этом нарушений политических прав касалось всего 59 жалоб из общего их числа. Тенденцией является повышение качества обращений в КС, то есть растет число обращений, соответствующих формальным требованиям. На количество обращений влияет количество определений Конституционного Суда. В 2017 году достигнута новая планка – 3197 определений: самое большое количество за всю историю суда. Руководитель секретариата Конституционного Суда РФ

В. А. Сивицкий объяснил: «...чем больше определений, тем, соответственно, меньше в перспективе обращений, так как соответствующий вопрос уже разъяснен» [1, с. 11]. Влияют на количество обращений и постановления КС. В 2017 году вынесено 40 постановлений (больше, чем когда-либо ранее). Количество постановлений мало зависит от КС: он не проверяет нормы по собственной инициативе – только на основании обращения, в котором поставлен вопрос о проверке нормы, в вопросе о конституционности которой есть неопределенность. В 2010 и 2011 гг. граждане из России обращались в ЕСПЧ свыше 40 000 раз ежегодно. А в 2017 году граждане России отправили в ЕСПЧ 7747 жалоб, то есть почти в два раза меньше, чем в Конституционный Суд РФ, что свидетельствует об авторитете и компетенции КС. 12 декабря 2017 г., принимая в Кремле судей Конституционного Суда, В. В. Путин поблагодарил их за то, что они «оберегают конституционные устои государства» [2, с. 3]. «Вы ... стоите на страже основополагающих прав, свобод граждан, вносите весомый вклад в совершенствование законодательства и своими решениями во многом задаете вектор правового развития страны, – сказал Владимир Путин. – Работы у вас много, и она сильно отличается от того, что было в предыдущие десятилетия – в девяностые, в начале двухтысячных годов, когда нужно было «сшивать» общее правовое пространство. Кстати говоря, и тогда вы сыграли очень важную, значимую роль» [3, с. 2]. Президент подчеркнул, что «стабильность конституционных принципов и норм – это неотъемлемая составляющая успешного развития страны» [2, с. 3]. Председатель Конституционного Суда В. Д. Зорькин после переизбрания его на шестой срок 31 января 2018 г. на заседании Совета федерации ФС РФ заявил: «Мы всегда стремились к тому, чтобы выполнять принципы Конституции, никому и ничему больше КС не подчиняется» [4, с. 3].

Конституция может меняться и приспосабливаться к жизни с помощью поправок в особой форме – конституционных законов (о правительстве, референдуме, Конституционном Суде, чрезвычайном положении...). Думаю, что конструкция Основного закона универсальна.

Одно из главных достоинств действующей Конституции РФ – стабильность. За четверть века практически никаких глобальных правок не было. Как показало время, это еще и документ на вырост. Так считает П. В. Крашенинников: «Конституция у нас прирастает отраслевыми законодательными актами. В первую очередь это кодексы. Кодификация – вторая стадия после принятия Основного закона и очень важная. Когда в 1993 году страна проголосовала за новую Конституцию, у нас по каждой отрасли законодательства были десятки тысяч актов. Но приняли, допустим, Гражданский кодекс – тысячи актов сразу ушли. Что значит ушли? Не просто лопатой разгребли. Нормы, закрепленные ГК, не стали друг другу противоречить, появились уточненные определения, вытекающие из Конституции и из жизни. И по Жилищному кодексу то же самое, и так далее. То есть Основной закон позволяет развивать все законодательство – правила игры, правила жизни. А за правилами и нам тоже развиваться» [5, с. 3]. Почти через пять лет П. В. Крашенинников на вопрос: что означает фраза «Конституция – это документ на вырост»? – ответил: «Я имею в виду, что именно благодаря Основному закону в стране успешно развивается отраслевое законодательство. Кодексы выходят из Конституции, затем – законы, потом появляются региональные законодательные акты и получается, что вся эта масса вырастает из общего скелета – Конституции РФ.

И что очень важно, она дает простор для культурного, экономического и общественного развития, включая рождение новых законов в этих сферах. И я считаю благом, что в ней не решаются сиюминутные вопросы, а есть задел на будущее для нашего развития» [6, с. 17].

Положения Конституции, ставшей основой (фундаментом) правовой системы страны, не нуждаются в пересмотре. Такой точки зрения придерживается председатель комитета Совета федерации ФС РФ по конституционному законодательству и государственному строительству А. А. Клишас: «Я не являюсь сторонником изменения Конституции. Убежден, что закрепленные в ней ценности и принципы подтвердили устойчивость, преэминентность основ демократического порядка России. А текст Конституции не препятствует правовому развитию и эволюции толкования Основного закона.

Однако попытки создания условий для пересмотра конституционных положений предпринимаются, в частности Европейским судом по правам человека. Так, в одном из его решений предлагалось разрешить вопрос о предоставлении права осужденным заключенным на участие в голосовании путем «некой формы политического процесса». По существу, нам предлагалось отменить запрет, установленный Конституцией (не имеют права избирать и быть избранными граждане, содержащиеся в местах лишения свободы по приговору суда. – Прим. ред.), или истолковать данную норму Конституционным судом таким образом, чтобы этот запрет преодолеть.

«Закон о Конституционном суде закрепляет специальную процедуру, которая позволяет обеспечить соблюдение Конституции РФ, особенно в вопросах защиты прав и свобод граждан в случаях, когда толкование ЕСПЧ Европейской конвенции о защите прав человека противоречит Конституции РФ. Нормы международного права не обладают приоритетом перед Конституцией России.

Внесение поправок в Конституцию РФ не требуется» [7, с. 16].

Конституционный Суд обеспечивает верховенство Конституции на всей территории страны, культивирует конституционные основы в сознании соотечественников как общекультурные нормы, консолидирует граждан вокруг ключевых принципов и ценностей, определенных Конституцией. В этом его историческое значение и достижение.

Список использованных источников

1. Сивицкий, В. Жалоб меньше – решений больше / В. Сивицкий // Российская газета. – 2018. – № 1 (7514). – 13 марта. – С. 11.
2. Пушкарская, А. Валерий Зорькин может пока судить спокойно / А. Пушкарская, И. Сафронов // Коммерсантъ. – 2017. – 13 дек. – № 232. – С. 3.
3. Глебов, С. Здесь не может быть никакой неточности / С. Глебов // Известия. – 2017. – 13 дек. – № 35 (29973). – С. 2.
4. Мисливская, Г. На страже закона / Г. Мисливская // Российская газета. – 2018. – 1 фев. – № 1 (7484). – С. 3.
5. Шкель, Т. Гражданина взяли за основу / Т. Шкель // Российская газета. – 2013. – 12 дек. – № 80 (6256). – С. 3.
6. Редичкина, К. Экзамен на знание Конституции может стать обязательным для чиновников / К. Редичкина // Парламентская газета. – 2017. – 8–14 дек. – № 6 (2817). – С. 17.
7. Вятчанин, Н. Конституция России имеет приоритет по отношению к международному праву / Н. Вятчанин // Парламентская газета. – 2017. – 15–21 дек. – № 7 (2818). – С. 16.

К ВОПРОСУ О ДИСТАНЦИОННОЙ РАБОТЕ

Киселева Людмила Алексеевна,
старший преподаватель кафедры гражданского и хозяйственного права
Академии управления при Президенте Республики Беларусь, г. Минск

1. Дистанционный труд – требование времени. Типичный трудовой договор прошлого века ныне не укладывается в рамки информационного общества и цифровой экономики. В настоящее время наблюдается тенденция к нетипичным формам занятости, происходит изменение традиционной структуры занятости в пользу таких ее форм, как временная работа, неполная занятость, надомный труд, фриланс, оффшорная телеработа и т. д.

Среди нетипичных форм занятости в последнее время в условиях информационного общества получает распространение удаленная работа, дистанционная работа (или телеработа, труд телеработника).

По данным различных исследований, в настоящее время в мире насчитывается более 75 млн телеработников, из них в США – свыше 50 млн, в Европе – более 20 млн и в России – более 3 млн человек, причем наблюдается постоянный рост их численности.

На сегодняшний день дистанционная работа является самой прогрессивной организационной формой рынка интеллектуального труда. Согласно имеющимся прогнозам, она приобретет массовый характер.

2. Деятельность дистанционного работника во многом сходна с надомным трудом, являющимся нетипичной формой занятости. Большинство ученых рассматривают дистанционную работу как вид надомного труда.

Вместе с тем отдельные ученые предлагают разделять надомный труд и дистанционную работу, правомерно рассматривая их как самостоятельные формы нетрадиционной занятости. Из необходимости специального, обособленного правового регулирования труда дистанционных работников исходят страны Евросоюза. Они опираются на рамочное соглашение о телеработе (2002 год) при регулировании трудовых отношений телеработников. В частности, в ряде стран Западной Европы (Франции, Польше, Португалии, Венгрии, Чехии и др.) закрепляются законодательным образом положения, направленные на регулирование труда телеработников.

3. В настоящее время в Парламент Республики Беларусь поступил законопроект «О внесении изменений в Трудовой кодекс Республики Беларусь», в нем, в частности, впервые уделяется внимание дистанционной работе, которая рассматривается как выполнение трудовой функции, определенной трудовым договором с использованием коммуникационных и информационных технологий вне места нахождения нанимателя. Из данного определения вытекает два признака дистанционной работы. Во-первых, такая работа выполняется вне места нахождения нанимателя, не позволяющего ему прямо или косвенно контролировать работника. Во-вторых, при выполнении трудовой функции, предполагающей взаимодействие с нанимателем, используются коммуникационные и информационные технологии.

Аналогичный подход законодателя наблюдается в трудовых кодексах Российской Федерации и Республики Казахстан. Так, согласно вступившей в силу в 2013 году ч. 1 ст. 312.1 Трудового кодекса Российской Федерации (далее – ТК РФ) дистанционной работой является выполнение определенной трудовым договором трудовой функции вне места нахождения работодателя, его филиала, представительства, иного обособленного структурного подразделения (включая расположенные в другой местности), вне стационарного рабочего места, территории или объекта, прямо или косвенно находящихся под контролем работодателя, при условии использования для выполнения данной трудовой функции и для осуществления взаимодействия между работодателем и работником по вопросам, связанным с ее выполнением, информационно-телекоммуникационных сетей общего пользования, в том числе сети Интернет.

В Трудовом кодексе Республики Казахстан с 12 марта 2012 г. действует отдельная глава 23¹, посвященная особенностям регулирования труда работников, занятых на дистанционной работе. В данной главе законодатель дает определение дистанционной работы, при выполнении которой, а также при взаимодействии с работодателем, используются информационные и коммуникационные технологии (ст. 221¹), определяет условия труда работников, занятых на дистанционной работе (ст. 221²), регулирует учет рабочего времени и времени отдыха, условия обеспечения и безопасности охраны труда (ст. 221³).

Таким образом, применение информационных и телекоммуникационных технологий является определяющим признаком, который позволяет отграничить дистанционную работу от домашнего труда, что вполне обоснованно. Для всех очевидно, что дистанционные работники имеют более высокий образовательный уровень, чем домашние, занимающиеся физическим трудом.

Надомный труд традиционно определяется в основном как труд лиц невысокой квалификации по производству товаров с использованием сырья, материалов, инструментов, механизмов, принадлежащих нанимателю, и с оплатой преимущественно по сдельным расценкам. Такой подход к определению домашнего труда нашел отражение в законодательстве многих стран, в том числе и в законодательстве Республики Беларусь, а также Российской Федерации. Так, согласно ст. 304 Трудового кодекса Республики Беларусь (далее – ТК) работниками-домашними считаются лица, заключившие трудовой договор с нанимателем о выполнении работы на дому личным трудом с использованием собственных материалов, оборудования, инструментов, механизмов, приспособлений или выделяемых нанимателем либо приобретаемых за счет средств нанимателя, следовательно, под работой на дому понимается работа, которую работник-домашний выполняет по месту его жительства или в других помещениях по его выбору, вне помещений нанимателя. Аналогичным образом нормы ТК РФ о домашнем труде регулируют вопросы обеспечения работника сырьем, выплаты домашнему компенсаций за износ инструментов, что определяет домашний труд как малоквалифицированный труд по производству товаров и, как правило, свидетельствует об отсутствии необходимости использования информационно-компьютерных технологий. В соответствии с итальянским и бельгийским законодательством домашний – это тот, кто работает с сырьем или дополнительными материалами. В Конвенции МОТ № 177 «О домашнем труде» 1996 года и одноименной Рекомендации МОТ № 184, принятой в том же году, дается более широкое определение домашнего труда, позволяющее относить к нему и труд телеработников.

В отличие от домашнего труда специфика нового, дистанционного труда состоит в качественном изменении используемой техники, характера рабочей силы. Труд дистанционного работника может заключаться в получении и обработке информации, т. е. не иметь осязаемого результата.

Таким образом, в сферу действия высококвалифицированного умственного труда дистанционных работников входят: разработка программного обеспечения (любых новых программных продуктов), сайтов, веб-приложений; интернет-маркетинг; организация мероприятий; деятельность средств массовой информации, дистрибьюторских организаций, страховых компаний, многих научных коллективов и т. п.

4. Рассмотрим подробнее труд научных работников, который в значительной степени претендует на правовой режим дистанционной работы. Нам представляется, что современные условия научной деятельности, творческий характер труда научного работника обуславливают развитие такого договорного способа регулирования трудовых отношений, который наиболее отвечает требованиям информационного общества, способствует проявлению его творческого самовыражения.

Положение ст. 319 ТК, декларирующее необходимость установления особенностей в правовом регулировании труда научного работника, не получило до настоящего времени должного развития в законодательстве. Вместе с тем формирование инновационной экономики, особенности научного труда в информационном обществе обуславливают адекватное регулирование трудовых отношений научных работников, обеспечивающих свободу научного творчества, развития креативного мышления, эффективность научных исследований. Поэтому целесообразно, на наш взгляд, на законодательном уровне закрепить не только свободу научного творчества и гарантии ее реализации в рамках трудовых отношений, но и определить научный труд как нетипичную форму занятости в качестве отдельного вида дистанционной работы. Такой подход будет способствовать формированию в трудовом праве соответствующего института, обеспечивающего условия для творческого самовыражения, эффективного процесса производства нового знания в научных коллективах.

СТИМУЛИРОВАНИЕ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Ковалевич Дмитрий Игоревич,
аспирант Международного университета «МИТСО», г. Минск

Научный руководитель: *Витушко Владимир Александрович,*
профессор кафедры адвокатуры юридического факультета
Международного университета «МИТСО», г. Минск,
доктор юридических наук, профессор

Состояние инновационной среды является одним из ключевых факторов, влияющих на инвестиционную привлекательность того или иного государства. Данное обстоятельство порождает необходимость государств вести планомерную работу по разработке и внедрению инновационных технологий с последующим приобретением тем самым статуса выгодной площадки для размещения инвестиций. Республика Беларусь, по оценкам Глобального инновационного индекса 2017 года, находится на 88-м месте по развитию инновационных технологий, потенциал использования которых задействован не более чем на 39 % [1]. Согласно сведениям Национального статистического комитета Республики Беларусь, удельный вес экспортированной инновационной продукции (работ, услуг), новой для мирового рынка, в общем объеме экспорта за 2016 год составил 0,5 % при запланированном в 2011 году показателе в 15 % [2]. Учитывая данные обстоятельства, переход Республики Беларусь к новому технологическому укладу требует системных изменений в области государственного регулирования, в том числе увеличения доли инвестиций в принципиально неразвитые сферы производства.

Одним из механизмов стимулирования инвестиционной деятельности в инновационных проектах является предоставление субъектам хозяйствования налоговых льгот и таможенных преференций. Стоит отметить, что указанный механизм является одним из ключевых элементов, характеризующих инвестиционный климат государства.

Рассматривая Республику Беларусь как международную бизнес-площадку, отметим, что существующие на законодательном уровне финансовые преференции, стимулирующие осуществление инвестиций в принципиально неразвитую в стране сферу инноваций, представляются недостаточными. Указанное мнение учитывает отсутствие финансирования бюджетом частных проектов, в то время как инновационные проекты, реализующиеся на базе государственных субъектов хозяйствования, финансируются в полном объеме.

Единственной профильной налоговой льготой является освобождение от налога на прибыль, полученной от реализации товаров собственного производства, которые являются инновационными в соответствии с перечнем, определенным Советом Министров Республики Беларусь [3, ст. 120]. При этом, по мнению автора, одним из тормозящих элементов развития инновационных производств является действующая система применения вышеуказанной налоговой льготы. Представляется рациональной ситуация, при которой, чтобы получить налоговую льготу, инвестор должен еще до момента проектирования производства быть уверен в правовой возможности ее получения. Вместе с тем существующее правовое регулирование не позволяет инвестору сделать соответствующих выводов при подготовке инвестиционных проектов.

Так, основанием для получения льготы по уплате налога на прибыль является включение инновационной продукции в Перечень инновационных товаров Республики Беларусь, утвержденный Советом Министров Республики Беларусь. В свою очередь, включение в указанный перечень осуществляется Советом Министров Республики Беларусь на основании уже существующего, то есть полученного субъектом хозяйствования сертификата продукции собственного производства [4, п. 4]. Стоит отметить, что процедура получения сертификата продукции собственного производства, а также получение иных необходимых для включения товаров в перечень инновационных товаров документов и, как итог, внесение соответствующих изменений в постановление Совета Министров Республики Беларусь занимает длительный промежуток времени. Как показывает практика формирования перечня инновационных товаров, внесение изменений в вышеуказанный перечень осуществляется не чаще одного раза в год, что представляется длительным сроком в условиях меняющихся процессов в бизнесе.

Таким образом, складывается ситуация, при которой инвестор, обладая передовыми инновационными технологиями, вкладывая инвестиционные средства в организацию производства, не имеет никаких гарантий в предоставлении налоговой льготы.

Оценивая вышеуказанное обстоятельство в целях дальнейшего стимулирования инвестиционной деятельности субъектов инновационной сферы, обеспечения их интересов и учитывая практическое отсутствие производств VI технологического уклада, автором представляется возможным внесение изменений в акты законодательства Республики Беларусь в части предоставления на этапе проектирования соответствующих инвестиционных проектов гарантий субъектам инновационной деятельности в получении рассматриваемой налоговой льготы.

Рассмотрев систему правового регулирования инвестиционной деятельности субъектов инноваций, автор также представляет возможным предусмотреть на законодательном уровне механизм поощрения коммерциализации объектов интеллектуальной собственности субъектов инновационной деятельности. В частности, представляется возможным предусмотреть на законодательном уровне бюджетное финансирование

пошлин, уплачиваемых субъектами инновационной деятельности при регистрации объектов интеллектуальной собственности на международной арене. Данное предложение концептуально соответствует вектору развития инновационного предпринимательства, предусмотренного основными направлениями Государственной инновационной политики Республики Беларусь на 2016 – 2020 гг., утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 31 января 2017 г. № 31 «О Государственной программе инновационного развития Республики Беларусь на 2016 – 2020 гг.» [5].

Подытоживая вышеизложенное, стоит отметить, что система правового регулирования инвестиционной деятельности субъектов инновационной сферы во многом находит свое отражение в нормах налогового законодательства. Прежде всего это касается норм, предусматривающих льготы по уплате обязательных платежей и стимулирующих вложение инвестиционных средств, делая это вложение экономически выгодным, в отличие от хозяйственной деятельности субъектов предпринимательства, осуществляемой на общих правовых основаниях. Дальнейшее совершенствование законодательства Республики Беларусь в сфере развития инновационных технологий, по мнению автора, должно носить комплексный характер, вектор которого направлен на предоставление инвесторам выгод как по временному, так и чисто экономическому фактору.

Список использованных источников

1. Innovation Feeding the World [Electronic resource] : The Global Innovation Index 2017 // Cornell University, INSEAD, and the World Intellectual Property Organization. – Mode of access: http://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_gii_2017.pdf. – Date of access: 01.04.2018.

2. Индикаторы, характеризующие инновационную деятельность [Электронный ресурс] // Нац. статистический комитет Респ. Беларусь. – Режим доступа: http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/solialnaya-sfera/nauka-i-innovatsii/osnovnye-pokazateli-za-period-s-__-po-___-gody/indikatory-harakterizuyuschie-innovatsionnyu-deyatelnost-v-respublike-belarus/. – Дата доступа: 01.04.2018.

3. Налоговый кодекс Республики Беларусь (Особенная часть) [Электронный ресурс] : 29 дек. 2009 г., № 71-3 : принят Палатой представителей 11 дек. 2009 г. : одобр. Советом Респ. 18 дек. 2009 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.01.2017 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

4. Положение о порядке формирования перечня инновационных товаров [Электронный ресурс] : утв. постановлением Совета Министров Респ. Беларусь от 31.10.2012 № 995 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

5. О Государственной программе инновационного развития Республики Беларусь на 2016 – 2020 гг. [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 31 янв. 2017 г., № 31 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 30.11.2017 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

ДОПУСТИМОСТЬ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ И СУДЕ

Козельский Илья Александрович,
студент магистратуры Международного инновационного университета, г. Сочи

Научный руководитель: *Четян Минас Андреевич,*
доцент кафедры государственного права
Международного инновационного университета, г. Сочи,
кандидат юридических наук

Воинские должности в системе органов военной юстиции.

Одной из особенностей военной службы как вида государственной службы является наличие специальных воинских должностей. Научное установление должности заключается в том, что она представляет собой часть организационной текстуры органа, обособленная и закреплённая в официальных документах, с надлежащей составляющей компетенции органа, предоставленной лицу – назначаемому в целях ее практического осуществления [1]. Д. Н. Бахрах, в свою очередь, полагает, что должность есть юридическое представление социальной позиции личности, занимающей ее [2].

Как отмечает А. В. Кудашкин, «воинской должностью определяются характер выполняемых служебных обязанностей по осуществлению военным служащим задач и функций в сфере обороны и безопасности, обязанности и права поощрения и ответственность, а также основные требования к его профессиональной подготовке. С понятием воинской должности как стрелковомы связаны все другие понятия, касающиеся военной службы» [3]. Указанный автор определяет воинскую должность как учрежденную в установленном порядке структурную единицу в государственной военной организации или федеральном органе исполнительной власти, в которых в соответствии с законом предусмотрена военная служба, отражающую содержание и объем должностных полномочий занимающего ее лица [4]. Аналогичным образом, но с некоторым уточнением определяет понятие «воинская должность» А. Е. Калинин: «это учрежденная в установленном порядке

первичная структурная единица в государственной военной организации или федеральном органе исполнительной власти, в которых в соответствии с законом предусмотрена военная служба, созданная для обеспечения выполнения задач и функций этой организации, органа, отражающая содержание и объем должностных полномочий занимающего ее лица» [5].

Особенностью именно воинской должности является то, что должность, на которой находится военнослужащий, предусматривает определенные звания, то есть если должность предусматривает звание подполковника, то выше этого звания военнослужащий, находясь на такой должности, получить не может. В соответствии с ст. 42 ФЗ «О воинской обязанности» каждой воинской должности должно соответствовать одно воинское звание.

Установление должности обозначает фиксирование ее четкого названия, утверждения в концепции организации, главных функций, метода замещения и условий к лицу, которое может заменять должность.

Воинская должность является основой организации военной службы, пронизывающей всю военную структуру государства. Согласно Закону «О воинской обязанности» военная служба граждан проходит на воинских должностях, за исключением случаев, прямо указанных в законе, и заключается в назначении на должность, прохождении службы в должности, в освобождении и отстранении от должности. Более того, занятие той или иной должности увязано с присвоением воинского звания, кроме случаев лишения воинского звания и восстановления в воинском звании при совершении военнослужащими преступлений [6].

Воинская должность является составной частью государственной должности, что фактически означает передачу военнослужащему при занятии должности соответствующей части государственной власти, которой наделена военная организация государства. Должность определяет характер выполняемых военнослужащим задач, его обязанности и права, основные требования к его профессиональной подготовке.

В соответствии с ст. 42 Закона «О воинской обязанности», военнослужащий может занимать только одну воинскую должность или иную должность в случаях, когда он прикомандируется на должности государственного служащего. Единый перечень воинских должностей, подлежащих замещению высшими офицерами в Вооруженных Силах РФ, других войсках, воинских формированиях и органах, и общее количество воинских должностей, подлежащих замещению полковниками, капитанами 1-го ранга в Вооруженных Силах РФ, других войсках, воинских формированиях и органах, утверждаются Президентом Российской Федерации. Перечни же иных должностей утверждаются в порядке, определенном министром обороны РФ.

Также отличительной особенностью именно воинской должности является то, что военнослужащий временно может находиться без должности вовсе, при этом он все равно считается государственным служащим и исполняет возложенные на него обязанности. Так, в соответствии с ч. 4 ст. 42 указанного закона, военнослужащий может проходить военную службу не на воинских должностях в случаях: 1) нахождения в распоряжении командира – не более 3 месяцев; 2) нахождения в распоряжении командира в связи с проведением организационно-штатных мероприятий – не более 6 месяцев; 3) нахождения в распоряжении командира в связи с возбуждением в отношении военнослужащего уголовного дела – до вынесения решения по уголовному делу.

При этом на военнотружашаго может быть возложено временное исполнение обязанностей по другой должности без освобождения от занимаемой должности [7]. Согласно п. 1 ст. 12 Положения о порядке прохождения военной службы, утвержденного Указом Президента РФ от 16 октября 1999 г. № 1237 «Вопросы прохождения военной службы» [8] военнотружашаго освобождается от исполнения обязанностей по своей постоянной должности, что на практике не всегда возможно. Например, возложение исполнения обязанностей командира подразделения на его заместителя фактически приводит к тому, что временно исполняющий обязанности командира подразделения фактически продолжает выполнять и свои обязанности заместителя командира.

При этом согласно п. 2 Положения непрерывный срок исполнения обязанностей по вакантной воинской обязанности не должен превышать шести месяцев, по невакантной должности – четырех месяцев. Однако Положение о порядке прохождения военной службы и другое военное законодательство не ограничивают суммарное время исполнения обязанностей в течение календарного года или другого временного промежутка. Этот правовой пробел дает возможность неоднократного возложения исполнения обязанностей на военнотружашаго без соответствующего продвижения по службе. Считаю необходимым внести соответствующие изменения в рассматриваемое Положение с целью устранения пробела, а именно установить ограничение суммарного времени исполнения обязанностей в течение календарного года либо иного времени без продвижения военнотружашаго по службе.

По мнению Д. В. Смирнова, к существенным признакам воинских должностей можно отнести: 1) наличие квалификационных требований для замещения соответствующих воинских должностей (в том числе медицинские требования, профессионально-психологические требования и др.); 2) процедура назначения на соответствующую воинскую должность; 3) полномочия, предоставляемые военнотружашаго, замещающему соответствующую воинскую должность; 4) объем ответственности, которую несет военнотружашаго, замещающий воинскую должность [9].

Следует отметить, что это далеко не полный перечень существенных признаков воинских должностей. Так, А. В. Давыдов отмечает, что к существенным признакам воинской должности также относятся: 1) соответствие воинской должности только одного воинского звания; 2) возможность временно замещать несколько воинских должностей с учетом приостановления полномочий по основной должности; 3) возможность нахождения военнотружашаго без должности в установленных законом случаях на определенный промежуток времени; 4) возможность перевода военнотружашаго на равнозначную должность без его согласия по служебной необходимости и т. д. [10].

Как можно заметить, разные авторы выделяют отличные друг от друга признаки воинской должности, поэтому для выявления существенных признаков такого рода должности в теории следует проанализировать различные мнения и вывести общий перечень таких признаков. На наш взгляд, наиболее точный и полный перечень признаков воинской должности выделяет В. В. Ларин: 1) особый порядок назначения на воинскую должность (на некоторые должности предусмотрена особая процедура проверки военнослужащего на профессиональную пригодность); 2) возможность заключения трудового договора при замещении воинской должности гражданским персоналом; 3) возможность перевода военнослужащего по различным основаниям на равнозначную либо вышестоящую должность; 4) плановая замена военнослужащего, проходящего военную службу на воинской должности в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях (срок военной службы в указанных местностях и перечни этих местностей определяются Правительством Российской Федерации); 5) полномочия военнослужащего по замещаемой должности (основные, временные, специальные); 6) различные льготы, предоставляемые вместе с воинской должностью (в том числе те, которые сохраняются и при увольнении в запас); и др. [11].

Назначение военного на воинскую должность выполняется в случае, если он соответствует условиям, предъявляемым к данной воинской должности. При этом предусматриваются уровень профессиональной подготовки военного, его психологические особенности, положение здоровья и другие условия, предусмотренные Положением о порядке прохождения военной службы [12].

Назначение военных на воинские должности должно осуществляться согласно главной либо однопрофильной военно-учетной специальности и с учетом существующего навыка служебной работы военнослужащего. При необходимости назначения военных на должности согласно новой для их военно-учетной специальности их назначению должна предшествовать соответствующая переподготовка.

С гражданами, которые хотят поступить на военную службу и занять воинскую должность, заключается государственный контракт. Контракт о прохождении военной службы заключается письменно по типовой форме, предусмотренной Положением о порядке прохождения военной службы.

С гражданами, замещающими воинские должности, заключается трудовой договор в соответствии со статьями 58 и 59 Трудового кодекса РФ от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ [13], сам труд указанной категории регулируется нормами ст. 349 ТК РФ. Так, на работников, заключивших трудовой договор о работе в воинских частях, учреждениях, военных образовательных учреждениях высшего и среднего профессионального образования, иных организациях ВС РФ и федеральных органов исполнительной власти, в которых законодательством РФ предусмотрена военная служба, а также на работников, проходящих заменяющую военную службу альтернативную гражданскую службу, распространяются трудовое законодательство и иные акты, содержащие нормы трудового права, с особенностями, установленными ТК РФ, другими федеральными законами и иными нормативными правовыми актами РФ [14].

Единый перечень должностей утверждается Министерством обороны РФ. Перечень обширный и делится на следующие группы: должности в органах военного управления (центрального аппарата Министерства обороны Российской Федерации, оперативно-стратегических территориальных, оперативно-стратегических, оперативных и оперативно-тактических объединениях), в воинских частях и организациях обеспечения и охраны органов военного управления; должности в боевых войсках (силах), специальных войсках, учебных воинских частях и организациях; должности в военных профессиональных образовательных организациях, военных образовательных организациях высшего образования, организациях дополнительного профессионального образования, научных (проектных, испытательных) организациях Министерства обороны Российской Федерации; должности в военных представительствах Министерства обороны Российской Федерации (на предприятиях, в организациях и учреждениях промышленности).

Рассмотрим в качестве примера группу должностей в боевых войсках (силах), специальных войсках, учебных воинских частях и организациях: командир (начальник) (обособленного структурного подразделения воинской части, госпиталя); заместитель командира (начальника) (обособленного структурного подразделения воинской части, госпиталя); старший помощник командира (начальника) воинской части; помощник командира (начальника) воинской части; командир (начальник) (батальона, дивизиона, эскадрильи, корабля (в том числе авиационного), боевой части корабля, отряда, отдела, штаба, направления, центра, службы, цикла, курса, инспекции, лаборатории специального контроля, сборочной бригады, связи, полигона, арсенала, базы, склада, филиала, школы, управления, гауптвахты, комендатуры, роты материально-технического обеспечения); заместитель командира (начальника) (батальона, дивизиона, эскадрильи, корабля, боевой части корабля, отряда, отдела, штаба (за исключением штаба батальона в составе соединения, воинской части), направления, центра, узла, службы, цикла, инспекции, лаборатории специального контроля, сборочной бригады, арсенала, базы, склада, района, филиала, школы, управления, гауптвахты, комендатуры); начальник отделения; военный комендант; председатель комиссии; заместитель (военного коменданта, председателя комиссии); помощник (военного коменданта, председателя комиссии); главный инспектор (инженер-инспектор); старший инспектор (инженер-инспектор, инспектор-штурман, инспектор-летчик); инспектор.

В теории же классификацию воинских должностей можно провести по следующим категориям:

1) в зависимости от состава военнослужащих: а) высшие офицеры; б) старшие офицеры; в) младшие офицеры; г) прапорщики и мичманы; д) солдаты, матросы, сержанты и старшины;

2) в зависимости от способа комплектации воинских должностей они подразделяется на: а) воинскую должность, комплектуемые военными служащими по призыву. Военнослужащие, которые призваны на военную службу, получают назначение на штатные воинские должности, которые соответствуют полученным ими военно-учетным специальностям; б) воинскую должность, которая комплектуется военными служащими по контракту. Военнослужащие, которые поступили на военную службу по контракту, получают назначение на воинские должности, которые соответствуют заключенным контрактам;

3) в зависимости от вида должностных лиц, которые назначают военными служащими на воинские должности, существуют: а) воинские должности, назначаемые Президентом РФ (воинские должности, для которых штатом предусмотрены воинские звания высших офицеров). Согласно Конституции РФ Президент РФ как Верховный Главнокомандующий ВС РФ (п. 1 ст. 87) имеет право на назначение и освобождение высшего командования ВС РФ (п. «л» ст. 83). К званиям высших офицеров согласно ст. 46 Закона «О воинской обязанности» относятся звания генерал-майора, контр-адмирала, генерал-лейтенанта, вице-адмирала, генерал-полковника, адмирала, генерала армии, адмирала флота, маршала РФ; б) воинские должности, назначение на которые осуществляет руководитель федерального органа исполнительной власти, в котором предусмотрена военная служба (указанное должностное лицо, например, осуществляет назначение на воинские должности командира полка, заместителя командира бригады, дивизии, корпуса и им равных соединений, военного комиссара и т. д.);

4) в зависимости от наличия властных полномочий, касаемых отношения к иным военным служащим, выделяются: а) воинские должности начальников (согласно собственному воинскому званию начальниками считаются проходящие военную службу: маршалы Российской Федерации, генералы армии, адмиралы флота – для старших и младших офицеров, прапорщиков, мичманов, сержантов, старшин, солдат и матросов; генералы, адмиралы, полковники и капитаны 1-го ранга – для младших офицеров, прапорщиков, мичманов, сержантов, старшин, военными служащими и матросов; старшие офицеры в воинских званиях подполковника, капитана 2-го ранга, майора, капитана 3-го ранга – для прапорщиков, мичманов, сержантов, старшин, военными служащими и матросов; меньшие офицеры – для сержантов, старшин, военными служащими и матросов; прапорщики и мичманы – для сержантов, старшин, военными служащими и матросов одной с ними воинской части; сержанты и старшины – для военными служащими и матросов одной с ними воинской доли); начальник обладает правом давать подчиненному указы и предъявлять требования к их выполнению, а подчиненный должен беспрекословно осуществлять указы начальника; б) воинские должности подчиненных.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что воинские звания влияют на служебно-правовое положение военными служащими; оказывают существенное влияние на порядок прохождения военной службы; призваны содействовать поддержанию и укреплению воинской дисциплины и правопорядка.

Воинская должность представляет собой основу организации военной службы, пронизывающей всю военную структуру государства. Классификация воинских должностей четко определена законодателем в федеральном законодательстве. Воинская должность представляет собой составную часть государственной должности, что в свою очередь фактически означает передачу военному служащему при занятии должности соответствующей части государственной власти, которой наделена военная организация государства.

Воинская должность имеет свои отличительные черты. Сама по себе должность определяет характер выполняемых военными служащими задач, его обязанности и права, основные требования к его профессиональной подготовке. Далее следует отметить, что воинская должность как вид государственной должности имеет ряд особенностей, которые были рассмотрены выше, что позволяет говорить о ее особом статусе по сравнению с другими видами государственных должностей.

Список использованных источников

1. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова ; Рос. акад. наук. Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – М. : ООО «А ТЕМП», 2006. – 944 с.
2. Бахрах, Д. Н. Административное право : учеб. для вузов / Д. Н. Бахрах. – М. : НОРМА-Инфра, 1996. – С. 210.
3. Кудашкин, А. В. Военная служба в Российской Федерации: теория и практика правового регулирования / А. В. Кудашкин. – СПб. : Литагент «Юридический центр», 2003. – С. 248.
4. Кудашкин, А. В. Военная служба в Российской Федерации: теория и практика правового регулирования / А. В. Кудашкин. – СПб. : Литагент «Юридический центр», 2003. – С. 944.
5. Калинин, А. Е. Прохождение военной службы по контракту в Вооруженных Силах Российской Федерации: правовые аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. Е. Калинин. – СПб., 2001. – С. 9.
6. Полевец, И. М. Соотношение военной службы с иными видами федеральной государственной службы / И. М. Пловец // Административное и муниципальное право. – 2015. – № 6. – С. 530–537.
7. Терехин, А. М. Временное исполнение обязанностей по воинской должности как элемент системы продвижения по службе военными служащими в Вооруженных Силах Российской Федерации / А. М. Терехин // Право в Вооруженных Силах. – 2010. – № 12. – С. 12–20.

8. Вопросы прохождения военной службы : Указ Президента Рос. Федерации, 16 сент. 1999 г., № 1237 : в ред. от 02.01.2016 // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1999. – № 38. – Ст. 4534 ; Собрание законодательства Российской Федерации. – 2016. – № 1. – Ч. II. – Ст. 216.
9. Смирнов, Д. В. Правовое регулирование военной службы солдат, матросов, сержантов и старшин в Вооруженных Силах Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук / Д. В. Смирнов. – М. : Воен. литер., 1996. – С. 100.
10. Давыдов, А. В. Военная служба в Российской Федерации / А. В. Давыдов. – М. : Юристъ, 2011. – С. 120.
11. Ларин, В. В. Воинские должности и их виды / В. В. Ларин. – СПб. : Воен. литер., 2009. – С. 231.
12. Багдасарян, И. А. Коррупционные риски при назначении военнослужащих на воинские должности / И. А. Багдасарян // ЭНИ «Военное право». – 2014. – Вып. 4. – С. 5.
13. Трудовой кодекс Российской Федерации : 30 дек. 2001 г. № 197-ФЗ : принят Гос. Думой 21 дек. 2001 г. : одобрен Советом Федерации 26 дек. 2001 г. : в ред. от 05.02.2018 // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2002. – № 1. – Ч. I. – Ст. 3; Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2016. – № 1. – Ч. I. – Ст. 54.
14. Ломакина, Т. В. Спорные вопросы заключения (изменения) трудового договора с гражданским персоналом Вооруженных Сил Рос. Федерации, не отвечающим квалификационным требованиям по занимаемым должностям / Т. В. Ломакина // Военно-юридич. журн. – 2013. – № 9. – С. 26–29.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СИСТЕМЫ РЕСПУБЛИКАНСКИХ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ, ПОДЧИНЕННЫХ ПРАВИТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ (1991– 017 годы)

Куневич Георгий Георгиевич,
старший преподаватель кафедры конституционного права
юридического факультета Белорусского государственного университета, г. Минск

Важнейшим условием обеспечения устойчивого развития страны является эффективно функционирующая система государственного управления, обладающая отлаженным механизмом взаимодействия ее органов, организационной гибкостью, целевой и функциональной оптимальностью управленческой структуры ее звеньев, экономичностью.

Государственное управление принято рассматривать в узком и широком смысле. В широком понимании государственное управление представляет собой управленческую деятельность всех органов государственной власти, а в узком смысле – органов государственного управления (исполнительной власти).

Как считает А. Н. Крамник, «государственное управление – отдельный вид государственной деятельности, предназначенный для исполнения законов, актов Президента, иных правовых актов путем распорядительства, организационной работы, осуществления материально-технических действий ... Государственное управление является отдельным видом государственной деятельности наравне с законодательной, судебной деятельностью, прокурорским надзором» [1, с. 50]. Совершенствование государственного управления является непрерывным процессом, отражающим и направляющим социально-экономические преобразования в стране. Эту работу необходимо осуществлять при четко выбранных приоритетах, синхронизировать ее с процессами перехода к рыночной экономике и устойчивому социально-экономическому развитию.

Государственное управление рассматривается в различных аспектах – от исторических до философских. В юридической науке традиционно государственное управление изучается как категория административного права. Теоретические проблемы государственного управления исследуются также в теории социального управления, социологии, административном менеджменте и в политологической науке [2, с. 16]. По мнению С. В. Решетникова и Е. Ф. Гречневой, «эволюция теории государственного управления включает несколько этапов, а современный этап охватывает промежуток, начиная с 1980-х гг. и по настоящее время» [3, с. 6].

За последнее двадцатипятилетие после обретения независимости в Республике Беларусь система органов государственного управления подвергалась неоднократным изменениям для приведения в соответствие с требованиями политических, экономических и социальных преобразований. Эти преобразования в первую очередь затрагивали центральные ведомства или, как их стали называть с 1997 года, республиканские органы государственного управления (РОГУ), подчиненные Правительству Республики Беларусь. В настоящее время в систему республиканских органов государственного управления Беларуси входят два вида или организационно-правовых формы РОГУ – министерства и государственные комитеты.

Впервые министерства появились в системе органов государственной власти Беларуси в 1946 году, когда Указом Президиума Верховного Совета БССР от 26 марта 1946 г. СНК БССР был преобразован в Совет Министров БССР, а Народные комиссариаты – в министерства. Однако впервые Закон о Совете Министров БССР был принят только 29 июня 1979 г. [4]. Согласно ст. 24 – 27 раздела четвертого вышеназванного закона в систему органов государственного управления в это время входили следующие виды центральных ве-

домств: 1) союзно-республиканские министерства – 22; 2) республиканские министерства – 7; 3) союзно-республиканские государственные комитеты – 11 комитетов; 4) республиканские государственные комитеты; 5) другие подведомственные Совету Министров БССР органы (например, ЦСУ БССР и Комитет по физической культуре и спорту). Как видно из приведенного перечня, система органов государственного управления, подчиненных Правительству, являлась сложной, разнотипной и громоздкой.

Большой вклад в развитие белорусской теории государственного управления того периода внесли В. И. Шабайлов и В. И. Семенов [5, с. 120].

В советский период белорусской государственности существовала теория советского государственного управления, в которой особое место занимали принципы партийности (классовости) и демократического централизма, а принципы разделения властей и децентрализации отрицались [6, с. 174].

Следует согласиться с мнением, что «разрабатывая современную теорию отечественного государственного управления, не надо забывать о том, что современная практика государственного управления опирается на солидный исторический фундамент» [7, с. 7].

Основополагающей задачей в области совершенствования государственного управления является формирование организационной структуры государственного управления в целях развития и поддержки сфер народнохозяйственного комплекса в целом во взаимосвязке с проблемами социально-экономического развития и сохранения благоприятной окружающей среды и природно-ресурсного потенциала.

Анализ научной литературы по проблемам государственного управления Беларуси позволяет сделать вывод о том, что существуют различные подходы к трактовке термина «организационная структура государственного управления», связанные в первую очередь с рассмотрением государственного управления в узком и широком смысле. Так, ряд авторов рассматривают организационную структуру государственного управления как совокупность системообразующих элементов – государственных органов (всех ветвей государственной власти) – республиканских, региональных и местных. В широком смысле государственное управление означает реализацию государственной власти, целенаправленное воздействие государства на общественные процессы [3, с. 3; 8, с. 7].

В теории административного права государственное управление рассматривается в узком смысле и для нормативного закрепления правового положения органов государственного управления используется правовая категория «административно-правового статуса», а термин «организационная структура» совпадает с организационным и структурным элементами административно-правового статуса.

Следует согласиться с мнением А. Н. Крамника, что «административно-правовой статус органа государственного управления – это не только комплексная, но и дифференцированная система, которая имеет групповую и видовую структуру, и правильно было бы разделить составные части правового статуса на пять блоков: 1) общий; 2) организационный; 3) структурный; 4) процедурный; 5) компетенционный [9, с. 225]. В частности, организационный блок включает порядок образования и реорганизации государственного органа, а также подчиненность, подконтрольность, подотчетность. Далее, структурный блок закрепляет внутреннюю структуру органа государственного управления, то есть набор структурных подразделений.

Наши подходы к рассмотрению административно-правового статуса органов государственного управления согласуются с позицией О. И. Чуприс в отношении утверждения, что «орган государственного управления наделен компетенцией, которая распределяется между его структурными подразделениями, а внутри подразделений – по должностям» [10, с. 71]. Схожая точка зрения в отношении организационной структуры госоргана и у Н. И. Глазуновой [11, с. 153].

Процесс реформирования системы органов управления в Республике Беларусь начался в 90-е гг. XX в. в условиях перехода от централизованной плановой системы к социально ориентированной рыночной экономике. Побудительными мотивами явились экономическая и политическая ситуации, наполнение государственного суверенитета республики всеми атрибутами власти, что было связано с распадом бывшего СССР и его органов управления, перераспределением субъектов собственности (включением в республиканскую собственность предприятий и организаций союзного подчинения) и необходимостью формирования и развития новых форм межгосударственных связей в экономической, социальной и политической сферах.

Создание научно достоверной периодизации в совершенствовании системы подчиненных Правительству Республики Беларусь центральных (республиканских) органов государственного управления, выявление особенностей отдельных этапов функционирования данных органов в исторической перспективе является важным с точки зрения законодательного совершенствования системы органов исполнительной власти, позволяет избежать влияния негативных внутренних и внешних факторов при дальнейшем проведении административных реформ. Периодизация позволяет системно и хронологически последовательно проследить важнейшие проблемы становления и развития органов, подведомственных Правительству.

Критериями периодизации развития и совершенствования органов государственного управления, подчиненных Правительству Республики Беларусь, могут выступать конституционные основы системы исполнительной власти в Республике Беларусь, влияние зарубежных моделей организации государственного управления, политические цели совершенствования государственного управления на том или ином временном этапе, системная связь функций и предметов ведения органов государственного управления, изменение компетенции и др.

За период 1990 – 2017 гг. система органов государственного управления суверенной Беларуси несколько раз претерпевала определенные изменения. Полагаю, можно выделить следующие пять этапов ее совершенствования: первый – 1990 – 1994 гг.; второй – 1994 – 1996 гг.; третий – 1996 – 2001 гг.; четвертый – с 2001 до 2006 гг.; пятый – с 2006 года по настоящее время.

Первый этап (1990 – 1994 гг.) был связан с провозглашением Республики Беларусь суверенным и независимым государством и началом реформирования экономики на рыночной основе, а также выходом республики из состава бывшего СССР. Принятие 27 июля 1990 г. Верховным Советом Декларации «О государственном суверенитете БССР» явилось первым шагом на пути к обретению независимости и формированию органов государственной власти суверенного белорусского государства. Непосредственное переподчинение союзно-республиканских ведомств белорусскому правительству началось с принятия 25 августа 1991 г. Закона «Об изменении в системе органов государственного управления Республики Беларусь» [12].

Политическим мотивом административных преобразований 1990 – 1994 гг. выступала необходимость радикальной перестройки советской административно-командной модели государственного управления экономикой и формирование новой системы органов исполнительной власти суверенной Беларуси.

По оценке экспертов Всемирного банка, на момент обретения независимости в 1991 году Беларусь лидировала среди республик СНГ по показателям дохода на душу населения. Республика имела развитый промышленный сектор, который с учетом его доли во внутреннем валовом продукте делал ее одной из самых индустриализированных стран мира. Поэтому кризис в белорусской экономике начался позже, чем в других республиках СССР. Только в 1991 году впервые произошло абсолютное падение производства промышленной и сельскохозяйственной продукции, в результате внутренний валовой продукт составил 98,8 % от уровня 1990 года, а национальный доход – 97 %.

С 1991 года начался безудержный рост инфляции из-за повышения и частичной либерализации цен на продукцию и введения новых тарифов на транспортные услуги. Темпы инфляции в Беларуси в 1993 – 1994 гг. превышали 2000 %. В этот кризисный период происходил перелив капитала из производственной деятельности в торгово-посредническую.

Дезинтеграционные процессы на территории бывшего СССР особенно негативно сказались на Республике Беларусь, поскольку ее экономика являлась «сборочным цехом» и была в наибольшей степени интегрирована с остальными частями народнохозяйственного комплекса Советского Союза. Разрыв экономических связей, резкий рост цен на энергоносители, импортируемые сырье и материалы, а также глубокие трансформационные процессы в системе социально-экономических институтов стали причинами глубоких потрясений, которые пережила Беларусь в 1-й половине 1990-х гг.

Кризис стал системным. Он охватил промышленное и сельскохозяйственное производство, финансы, социальную сферу.

Произошло ускоренное разрушение плановых методов ведения хозяйства при отсутствии действующих эффективных рыночных механизмов, были ослаблены рычаги управления государственным сектором экономики, что способствовало нарастанию социально-экономического кризиса в республике в целом, падению уровня жизни и усилению дифференциации доходов населения [13, с. 507].

Наиболее сложным моментом формирования организационной структуры управления на первом этапе было правильное понимание принципиальной разницы между рыночной экономикой и переходным периодом. Здесь работа началась практически с нуля, так как до этого времени важнейшие направления и функции (внешнеполитические, внешнеэкономические, денежно-кредитные, бюджетно-налоговые и др.) были сосредоточены в СССР. Важным проявлением суверенитета республики стало формирование собственной банковско-кредитной системы, в состав которой вошли Национальный банк Беларуси, Внешэкономбанк, Сберегательный банк и ряд коммерческих банков. В собственность государства были переданы предприятия, организации и учреждения общесоюзного подчинения, размещенные на ее территории.

В конце 1991 – начале 1992 гг. были созданы Главное управление пограничных войск при Совете Министров Республики Беларусь, Государственный таможенный комитет, Министерство обороны. Новую роль стало играть Министерство иностранных дел, существовавшее ранее, скорее, формально. На начальном этапе реформирование доставшейся в наследство советской модели органов государственного управления основывалось на следующих основных принципах:

- полной адекватности деятельности органов государственного управления основам функционирования суверенного государства и законам рыночной экономики;
- формирования системы органов государственного управления преимущественно на функциональной основе, позволяющей исключить возможность использования командно-распорядительных методов управления в узкоотраслевых интересах;
- обеспечения необходимой степени устойчивости системы органов исполнительной власти в период становления и развития рыночных отношений;
- отказа от прямого вмешательства органов государственного управления экономикой в деятельность хозяйствующих субъектов, использования ими косвенных экономических регуляторов, особенно в отношении деятельности субъектов негосударственных форм собственности;
- децентрализации и демополизации структур хозяйственного управления;
- формирования органов государственного управления на основе принципа разделения властей [8, с. 11].

Второй этап (1994 – 1996 гг.) совершенствования системы органов управления, функционирующих в масштабе всей республики, был связан с принятием в марте 1994 года новой Конституции Республики Беларусь и введением института президентства. Согласно ст. 95 Конституции Президент являлся главой государства и исполнительной власти и в силу ст. 100 обладал прерогативой по созданию и упразднению министерств, государственных комитетов и других центральных органов управления Республики Беларусь, а на основе ст. 106 Конституции при Президенте создавался Кабинет Министров Республики Беларусь, а его правовое положение регулировалось Законом от 30 января 1995 г. № 3557-ХП «О Кабинете Министров Республики Беларусь» [14; 15].

Первым целевым нормативным актом по вопросам реорганизации системы органов государственного управления стал Указ Президента от 23 сентября 1994 г. № 122 «Об изменении структуры центральных органов управления Республики Беларусь», в соответствии с которым с целью повышения эффективности работы центральных органов управления было создано Министерство по чрезвычайным ситуациям и защите населения от последствий катастрофы на ЧАЭС, учреждена должность Министра по делам СНГ, преобразован и реорганизован ряд государственных комитетов и иных ведомств [16].

С целью вывода страны из кризисного состояния 30 сентября 1994 г. Верховным Советом была принята Программа неотложных мер [17], реализация которой позволила в 1994 – 1995 гг. приостановить обвальный спад производства, заметно снизить уровень инфляции и дефицит государственного бюджета, затормозить падение уровня жизни населения, создать предпосылки для перехода от спада производства к его стабилизации. На новой основе была восстановлена система управления экономикой, отвечающая реалиям переходного периода, внесены коррективы в обеспечение социальной защиты населения.

Начало третьему этапу (1996 – 2001 гг.) положили уточнения и дополнения Конституции Республики Беларусь на Республиканском референдуме 24 ноября 1996 г., связанные с необходимостью решения сложных задач политического, экономического и социального характера.

Главные направления совершенствования системы управления в основных сферах народного хозяйства республики на данном этапе стали следующие:

- построение эффективной системы государственного управления народным хозяйством по единым для всех уровней принципам;
- обеспечение целенаправленности и гибкости структур и функций органов управления;
- оптимизация структурного и функционального обеспечения управления по «зонам» собственности;
- эффективное сочетание исполнительной вертикали и территориальных региональных органов управления, включая органы самоуправления.

Период 1996 – 2001 гг. имеет большое значение в социально-экономическом развитии Республики Беларусь. Он стал важным этапом в преодолении последствий тех глубоких кризисных явлений, которые были вызваны развалом СССР и формированием новой экономической структуры. Достаточно указать, что в 1994 году объем ВВП составил к уровню 1990 года лишь 72 %, объем промышленного производства – 67 %, капитальные вложения – 57 % [17].

На этом этапе система республиканских органов управления была сформирована в соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 11 января 1997 года № 30 «О системе республиканских органов управления, подчиненных Правительству Республики Беларусь», действовавшая до сентября 2001 г. Она была построена по функционально-отраслевому и территориальному принципам и включала 25 министерств, 17 государственных комитетов, 17 комитетов при министерствах, 15 объединений, подчиненных Правительству [18]. К достоинствам созданной системы органов управления следует отнести восстановление и укрепление управленческой вертикали и повышение уровня управления важнейшими сферами жизни общества и государства, создание функциональных структур и ведомств, реализующих задачи по реформированию экономики и социально-экономическому развитию государства.

В целом она соответствовала системе органов государственного управления суверенного государства, по структуре была близка к составу центральных органов исполнительной власти других стран, и в первую очередь стран, находящихся в стадии трансформации, позволяла решать сложные задачи этого периода. Однако республиканской системе органов управления был присущ ряд противоречий и недостатков, которые проявились в структуре целей, организационном механизме, кадровом обеспечении, дублировании наиболее важных функций государственного управления, отсутствии их четкого разграничения в законодательстве и т. д.

Следующим шагом на пути реформирования системы управления стала Директива «О стиле и методах работы Совета Министров Республики Беларусь по решению вопросов социально-экономического развития страны», утвержденная Указом Президента Республики Беларусь от 14 января 2000 г. № 18 [19]. Данной Директивой перед Правительством ставились следующие задачи по руководству системой подчиненных ему органов государственного управления и других органов исполнительной власти:

- разработка эффективной и быстро адаптирующейся модели управления экономикой и социальной сферой на отраслевом и территориальном уровнях;
- повышение роли и ответственности Президиума Совета Министров Республики Беларусь, руководителей министерств, других республиканских органов государственного управления, объединений, подчиненных Правительству, местных исполнительных и распорядительных органов в решении задач социально-экономического развития;

- исключение дублирования и несогласованности в планировании и принятии решений подчиненными Правительству государственными органами, повышение ответственности руководителей этих органов за исполнение принятых решений.

Начало четвертого этапа (2001 – 2006 гг.) реформирования организационной структуры государственного управления связано с изданием Указа Президента Республики Беларусь от 24 сентября 2001 года № 516 «О совершенствовании системы республиканских органов государственного управления и иных государственных организаций, подчиненных Правительству Республики Беларусь». В соответствии с ним была утверждена новая система республиканских органов государственного управления, в которую вошли министерства, государственные комитеты, комитеты при Совете Министров, государственные организации, подчиненные Правительству Республики Беларусь [20].

Рассматриваемый законодательный акт идентифицировал каждый вид государственных органов и организаций, очертил их полномочия.

В результате проведенной реорганизации система органов государственного управления стала более управляемой, компактной и менее затратной. Система была приведена в соответствие с рыночными отношениями – количество министерств и госкомитетов сократилось с 44 до 28, у большинства из них произошли существенные изменения в компетенции. Названные преобразования в основном коснулись органов, относящихся к экономической сфере.

В систему республиканских органов государственного управления вошли концерны, совмещающие функции государственного управления с предпринимательской деятельностью, что по сути своей не является правомерным и в определенной мере противоречит антимонопольной политике и требует преобразования.

Поиск оптимальной организационной структуры исполнительной власти продолжился в 2002 году, когда 3 июня 2002 г. был принят Указ Президента Республики Беларусь № 282 «О некоторых вопросах совершенствования в республике системы республиканских органов государственного управления и иных государственных организаций, подчиненных Правительству Республики Беларусь».

Для дальнейшего совершенствования системы органов государственного управления предусматривалось достижение следующих целей:

- разработка и реализация социально-экономической политики, ориентированной на устойчивое повышение эффективности экономики, рост ее конкурентоспособности;
- повышение качественного уровня и роли системы государственного прогнозирования и программирования;
- оптимизация организационных структур управления на основе исключения излишних звеньев, параллелизма в работе, а также уменьшения документооборота;
- проведение системной кадровой политики, создание эффективной системы подготовки и переподготовки управленческих кадров.

В Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2020 года, принятой в 2004 году, были определены следующие задачи в области совершенствования механизма государственного управления:

- 1) оптимизация организационной структуры государственного управления на основе исключения излишних звеньев и минимизация затрат на осуществление управленческой функций;
- 2) повышение роли экономических методов государственного управления, формирование их целостной системы, отвечающей требованиям рынка;
- 3) внедрение современных технологий управленческой деятельности на основе компьютерно-информационных сетей;
- 4) создание условий для эффективного использования информационных ресурсов деятельности органов государственного управления;
- 5) проведение системной кадровой политики; создание эффективной системы подготовки и переподготовки управленческих кадров;
- 6) повышение уровня управляемости различными, особенно новыми отраслями и сферами экономики, эффективности управленческих воздействий, использования научно-обоснованных методов управления;
- 7) дальнейшее формирование государственных органов сугубо на функциональной основе, позволяющей исключить возможность использования узкоотраслевых методов управления [21, с. 163].

В 2004 году в развитие Указа № 516 в целях оптимизации системы республиканских органов государственного управления 12 февраля был принят Указ Президента Республики Беларусь № 66, который также внес существенные изменения в систему органов государственного управления [22].

В результате реализации Указа Президента Республики Беларусь № 66 были обеспечены более тесные взаимосвязи в деятельности отраслевых и территориальных органов управления, направленные на исключение параллелизма и дублирования, оптимизацию соотношения территориальных и отраслевых начал в государственном управлении. В соответствии с этими документами система республиканских органов государственного управления в Республике Беларусь стала трехуровневой и включала: 25 министерств и 6 государственных комитетов; 8 комитетов при Совете Министров; 8 государственных организаций, подчиненных Правительству.

Однако в полной мере поставленные в Указе № 516 цели не были достигнуты. Требовались дополнительные меры по оптимизации организационной структуры государственного управления Республики Беларусь.

Дальнейшее совершенствование организационной структуры республиканских органов государственного управления на пятом этапе (2006 – 2017 гг.) определил Указ Президента Республики Беларусь от 5 мая 2006 г. № 289 «О структуре Правительства Республики Беларусь» (далее по тексту Указ № 289) [23].

В соответствии с Указом № 289 количество республиканских органов государственного управления сократилось с 47 до 39, исчезла такая организационно-правовая форма государственного управления, как комитеты при Правительстве, и система исполнительно-распорядительных органов стала двухуровневой: министерства (25) и госкомитеты (7); государственные организации, подчиненные Правительству (7).

Количество министерств осталось прежним, однако в центральных аппаратах многих из них произошли количественные и качественные изменения. Так, изменилась структура и, соответственно, расширились функции Министерства транспорта и коммуникаций, Министерства юстиции, Министерства финансов, Министерства по чрезвычайным ситуациям.

Существовавшие при Правительстве комитеты были реорганизованы в департаменты и присоединены к министерствам: Комитет по ценным бумагам – к Министерству финансов; Комитет по архивам и делопроизводству – к Министерству юстиции; Комитет по материальным резервам и Комитет по проблемам последствий катастрофы на ЧАЭС – к МЧС; Государственный комитет по авиации – к Министерству транспорта и коммуникаций, которому переподчинена также и Белорусская железная дорога.

В соответствии с Указом создано два новых государственных комитета: по имуществу и по стандартизации. Государственный комитет по имуществу создан на базе Фонда государственного имущества Минэкономики и Комитета по земельным ресурсам, геодезии и картографии. В состав Государственного комитета по стандартизации вошли в качестве департаментов Комитет по стандартизации, метрологии, сертификации, а также Комитет по энергоэффективности и департамент контроля и надзора за строительством.

В республике была учреждена должность Уполномоченного по делам религий и национальностей, для обеспечения деятельности которого создан аппарат (на базе Комитета по делам религий и национальностей при Совмине).

Из числа государственных организаций, подчиненных Совету Министров, упразднен концерн «Белместпром», а Республиканский центр по оздоровлению и санаторно-курортному лечению населения передан в подчинение Правительству.

Суть оптимизации системы республиканских органов государственного управления на данном этапе состояла в том, что Правительство освободилось от лишних управленческих звеньев, получило больше возможностей для решения стоящих перед ним задач.

С учетом результатов проведенных на протяжении 1997 – 2007 гг. административных реформ была принята в июле 2008 г. новая редакция Закона «О Совете Министров Республики Беларусь» [24].

Совершенствование организационной структуры республиканских органов государственного управления продолжилось на основе Указа Президента Республики Беларусь от 12 апреля 2013 г. № 168 «О некоторых мерах по оптимизации системы государственных органов и иных государственных организаций, а также численности их работников» (далее – Указ № 168) [25].

Указ № 168 не только предусматривал сокращение численности госслужащих в госаппарате, но также возложил на ряд органов некоторые дополнительные функции.

В сфере государственного управления ключевым фактором, отрицающим или оправдывающим конкретные методы и формы деятельности, традиционно считается эффективность. Поэтому большинство частных проблем реализации государственного управления можно объединить в одну, наиболее общую и актуальную – проблему эффективной организации работы системы административно-государственного управления.

Следует согласиться с мнением, что «эффективность государственного управления возможна, в частности, при своевременном, учитывающем новые тенденции развития совершенствовании системы и структуры государственных органов, ликвидации дублирующих функций в управлении государственной службы, устранении лишних административных барьеров в экономической (предпринимательской) сфере, оптимизации государственного управления и самоуправления» [26, с. 5].

Вследствие своей практической и теоретической значимости проблемы, связанные с концептуализацией понятия эффективности государственного управления, разработкой методов повышения эффективности и ее измерения, подробно рассматриваются практически во всех общественных науках. Более того, эти проблемы стали ключевым предметом исследования отдельных научных дисциплин (например, экономики общественного сектора или муниципального менеджмента). Однако любая наука рассматривает эти проблемы под специфическим углом зрения [27, с. 293].

Понятие эффективности государственного управления представляет собой самостоятельную и сложную проблему теории административно-политического управления, в которой анализируются, исследуются и систематизируются основные проблемы построения государственного аппарата, реалии его применения на практике, дающую, на наш взгляд, объективно оценивать функционирование государственного механизма в целом.

Исходя из многообразия стоящих перед государством задач, связанных с управлением внутри страны, а также в зависимости от объекта и уровня управления выделяются различные виды эффективности государственного управления:

- экономическую, отражающую эффективность проводимой государством экономической политики, эффективность протекающих процессов и явлений (экономического роста, использования ресурсов, приватизации, инвестиций, государственного сектора экономики и т. д.);
- социальную, позволяющую определить эффективность социальной политики государства, решения социальных проблем жизнедеятельности общества, его различных групп и классов. Главный критерий социальной эффективности государственного управления – повышение качества и уровня жизни человека;
- экологическую, связанную с использованием окружающей среды, реализацией природоохранных мер;
- внешнеэкономическую, отражающую взаимовыгодное экономическое сотрудничество с государствами на международной арене, в международном разделении труда, в области кредитно-денежных отношений, при обмене новейшими технологиями и т. д.

Выделяется также эффективность отраслевого, регионального и местного управления и самоуправления [28, с. 25].

С точки зрения В. А. Козбаненко, процесс оценки эффективности государственного управления опосредуется через оценку эффективности государственного управленческого решения, под которым он понимает совокупность моделей и методов по изучению и измерению фактических результатов государственной деятельности или программ, которые завершены или находятся на стадии реализации. Однако вне зависимости от выбираемого подхода невозможно отказаться от использования показателей (критериев), на основании значений которых формируется оценка результатов государственного управления. По мнению вышеназванного автора, существует реальная возможность выделить две измеримые составляющие деятельности государственного управления: техническую эффективность и экономическую эффективность [29, с. 257; 30, с. 93].

Оценка эффективности деятельности системы органов государственного управления является объективно необходимой. Она обусловлена целым рядом обстоятельств: значительным объемом потерь, понесенных обществом вследствие необдуманного, запоздалого или ошибочного управленческого решения; возникновением новых социально-экономических проблем под влиянием внешних факторов; снижением доверия к органам управления, в частности на местном уровне. На практике оценка эффективности государственного управления осуществляется по следующим направлениям: оценка процесса выполнения; оценка результатов; оценка последствий; оценка экономической эффективности.

Традиционные формы оценки эффективности государственного управления:

- статистические отчеты органов государственной власти, управленческих структур, а также должностных лиц о результатах их деятельности;
- общественное мнение также является разновидностью оценки эффективности государственного управления (социологические опросы);
- средства массовой информации, которые по своей сути призваны объективно оценивать происходящие в жизнедеятельности общества события и, следовательно, результаты управления;
- обращения граждан, содержание которых позволяет обнаружить недостатки, упущения, слабые места в системе государственного управления [31, с. 48]. Кроме названных форм оценки эффективности государственного управления, следует использовать такие новые методы, как аналитические обзоры и экспертные доклады.

Как отмечает Л. В. Сморгун, анализируя начатые в 80-х гг. XX ст. зарубежные административные реформы, «административные реформы еще не завершились ни в одной стране, хотя уже заканчивается второй десяток лет с тех пор, как о них заговорили, что свидетельствует об их основательности. Более того, есть убедительные доводы, что административные реформы превращаются в постоянный элемент государственного управления в условиях нестабильности постиндустриального общества» [27, с. 155].

Все исследователи административных реформ отмечают, что в начале 80-х гг. XX ст. в отношении административных реформ наметился переход от государственного администрирования к государственному менеджменту, что повлекло за собой серьезные изменения в теории и практике государственного управления. Появилась теория нового публичного администрирования (менеджмента) – New Public Management (NPM), а английский термин «менеджмент» переводится как «управление».

По версии Ника Мэннинга и Нила Парисона, «новое государственное управление обычно подразумевает более широкое использование подрядов и практики заключения контрактов с внешними организациями и делает больший упор на менеджерию». Также для теории NPM характерно широкое использование при перераспределении полномочий при проведении административных реформ принципа административной децентрализации [32, с. 165; 33, с. 17].

В зарубежной науке административного права понятие «публичное администрирование» не переводится как «государственное управление», а рассматривается как функционирование органов публичной администрации.

Между государственным управлением в его советском и постсоветском понимании и публичным администрированием существует определенное различие. В структурно-организационном плане публичное администрирование проявляется через систему органов правительственной администрации (на центральном и местном уровнях) и органов муниципальной власти, т. е. органов территориального самоуправления [34, с. 15; 35, с. 41]. Приведем пример легального определения публичной администрации. Так, в ст. 1 Закона Республики Польша от 5 августа 1998 г. «О правительственной администрации в воеводстве» установлено, что местной публичной администрацией в воеводстве являются: 1) органы правительственной администрации –

воевода, осуществляющий власть общей администрации, а также органы администрации специальной компетенции; 2) органы самоуправления воеводства [36].

Опыт проведения административных преобразований в ряде ведущих зарубежных стран свидетельствует о невозможности их проведения в сжатые сроки и радикальными методами. Поскольку речь идет в том числе о корректировке культуры государственного управления, административное реформирование может рассматриваться в качестве постоянной функции государства. При этом проведение реформы может рассматриваться как некоторая последовательность сменяющих друг друга этапов [37, с. 31].

Дальнейшее совершенствование механизма госуправления намечено в послании Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко белорусскому народу и Национальному собранию Республики Беларусь 21 апреля 2016 г. «От уверенного старта – к успеху нового пятилетия». В разделе «Совершенствование кадровой политики» сказано, что «в нынешней ситуации необходимо решать следующие задачи, необходима оптимизация и формирование компактного управленческого аппарата на основе научного подхода, инновационных кадровых технологий. Закостенелая система управления тормозит развитие страны, снижает эффективность работы не только госорганов, но и реального сектора экономики» [38].

Ретроспективный обзор административных реформ, проводимых в Беларуси после обретения независимости, позволяет сделать следующие выводы и предложения:

1. На протяжении исследуемого периода оптимизация системы органов госуправления Беларуси сводилась в первую очередь к сокращению численности республиканских ведомств (с 70 до 30) и численности госслужащих, а во вторую очередь касалась функций управления, причем совершенствование механизма госуправления не касалось местного уровня.

2. Развитие системы республиканских органов государственного управления основывалось на необходимости достижения следующих стратегических целей: укрепления государственных институтов власти суверенного государства; обеспечения перевода функционирования экономики на рыночные механизмы социально ориентированного типа; оперативного принятия управленческих решений; повышения эффективности государственного управления.

3. При проведении дальнейшей оптимизации и модернизации системы органов госуправления предлагается передать часть функций и полномочий республиканских органов государственного управления, особенно в социально-культурной сфере, на уровень органов местного управления и самоуправления.

4. Шире использовать принцип децентрализации в сочетании с другими принципами построения и функционирования современных систем органов публичной администрации.

Список использованных источников

1. Крамник, А. Н. Административное право Республики Беларусь / А. Н. Крамник. – Минск : Тесей, 2008. – Ч. I : Управленческое право. – 672 с.
2. Бабосов, Е. М. Социальное управление : учеб. пособие / Е. М. Бабосов. – Минск : Тетра Системс, 2008. – 432 с.
3. Государственная политика и управление : учеб. пособие / С. В. Решетников [и др.] ; под ред. С. В. Решетникова. – Минск : РИВШ, 2013. – 180 с.
4. О Совете Министров Белорусской ССР : Закон Белорусской ССР, 20 июня 1979 г. // Сб. законов БССР. – 1979. – № 18. – Ст. 296.
5. Министерства, государственные комитеты и ведомства союзной республики / под ред. В. И. Семенкова, В. И. Шабайлова. – Минск : Наука и техника, 1984. – 277 с.
6. Атаманчук, Г. В. Сущность советского государственного управления / Г. В. Атаманчук. – М. : Юрид. лит., 1980. – 256 с.
7. Государственное управление: от философских оснований до создания сильного и процветающего государства : монография // под ред. С. Н. Князева. – Минск : Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2007. – 461 с.
8. Антонова, Н. Б. Организационная структура государственного управления : курс лекций / Н. Б. Антонова [и др.]. – Минск : Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2005. – 215 с.
9. Крамник, А. Н. Курс административного права Республики Беларусь / А. Н. Крамник. – 2-е изд., исп. и доп. – Минск : Тесей, 2002. – 608 с.
10. Чуприс, О. И. Административно-правовые подходы к оптимизации организационно-структурной составляющей органов государственного управления / О. И. Чуприс // Право.by. – № 4 (36). – С. 70–74.
11. Глазунова, Н. И. Государственное (административное) управление : учебник / Н. И. Глазунова. – М. : ТК Велби, Изд-во «Проспект», 2004. – 560 с.
12. О некоторых изменениях в системе органов государственного управления Республики Беларусь : Закон Респ. Беларусь, 25 авг. 1991 г., № 1015-XII / ВВС БССР. – 1991. – № 8. – Ст. 424.
13. Беларусь: Народ. Государство. Время / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории ; редкол.: А. А. Коваленя [и др.]. – Минск : Беларус. навука, 2009. – 879 с.
14. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2016. – 62 с.
15. О Кабинете Министров Республики Беларусь : Закон Респ. Беларусь, 30 янв. 1995 г., № 3557-XII // Ведомости Верховного Совета Республики Беларусь. – 1995. – № 3. – ст. 128.

16. Об изменении структуры центральных органов управления Республики Беларусь : Указ Президента Респ. Беларусь, 23 сент. 1994 г., № 122 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
17. О программе неотложных мер по выходу экономики Республики Беларусь из кризиса : постановление Верховного Совета Респ. Беларусь, 30 сент. 1994 г., № 3249-ХП // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
18. О системе республиканских органов государственного управления, подчиненных правительству Республики Беларусь : Указ Президента Респ. Беларусь, 11 янв. 1997 г., № 30 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
19. О стиле и методах работы Совета Министров Республики Беларусь по решению вопросов социально-экономического развития страны : Директива, утвержденная Указом Президента Респ. Беларусь, 14 янв. 2000 г., № 8 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
20. О совершенствовании системы республиканских органов государственного управления и иных государственных организаций, подчиненных Правительству Республики Беларусь : Указ Президента Респ. Беларусь, 24 сент. 2001 г., № 516 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
21. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2020 г. / Национальная комиссия по устойчивому развитию Респ. Беларусь ; редкол.: Я. М. Александрович [и др.]. – Минск : Юнипак, 2004. – 200 с.
22. О некоторых мерах по оптимизации системы республиканских органов государственного управления и иных государственных организаций, подчиненных Совету Министров Республики Беларусь, структуры и численности работников государственных органов, других государственных организаций : Указ Президента Респ. Беларусь, 12 февр. 2004 г., № 6 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
23. О структуре Правительства Республики Беларусь : Указ Президента Респ. Беларусь, 5 мая 2006 г., № 289 : в ред. от 03.10.2017 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
24. О Совете Министров Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 23 июля 2008 г., № 424-3 : в ред. от 4 июня 2015 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
24. О некоторых мерах по оптимизации системы государственных органов и иных государственных организаций, а также численности их работников : Указ Президента Респ. Беларусь, 12 апр. 2013 г., № 168 : в ред. от 25.07.2017 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
25. Василевич, С. Г. Правовое обеспечение эффективного государственного управления / С. Г. Василевич ; Белор. гос. ун-т. – Минск : Право и экономика, 2015. – 226 с.
26. Сравнительное государственное управление: теория, реформы, эффективность / под ред. С. В. Сморгунова. – СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2000. – 228 с.
26. Государственная политика и управление в Республике Беларусь / под ред. С. В. Решетникова. – Минск : БГУ, 2010. – 143 с.
27. Козбаненко, В. А. Государственное управление: основы теории и организации : учебник / В. А. Козбаненко. – М. : Статут, 2002. – 490 с.
28. Делягин, М. А. Оценка эффективности государственного управления / М. А. Делягин // Проблемы теории и практики управления. – 1996. – № 1. – С. 93.
29. Электронное правительство для эффективного управления : пособие / под общ. ред. И. И. Ганчаренка. – 2-е изд. – Минск : ИВЦ Минфина, 2017. – 214 с.
30. Мэннинг, Ник Реформа государственного управления: международный опыт ; пер. с англ. / Ник Мэннинг, Нил Парисон. – М. : Изд-во «Весь Мир», 2003. – 496 с.
31. Райченко, А. В. Административный менеджмент : учебник / А. В. Райченко. – М. : ИНФРА-М, 2009. – 416 с.
32. Ustrój administracji publicznej / pod red. Ewy Nowackiej. – Warszawa : Wydawnictwa Prawnicze PWN, 2000. – 224 p.
33. Kompetencje po reformie administracji publicznej / pod red. Z. Niewiadomskiego. – Warszawa : Difin, 2000. – 512 p.
34. О администрации rządowej w województwie [Электронный ресурс] // Ustawa Rzeczypospolitej Polskiej z dnia 5 czerwca. – Режим доступа: <http://www.abc.com.pl>. – Дата доступа: 20.02.2018.
35. Нарышкина, С. Е. Административная реформа в России : науч.-практ. пособие / С. Е. Нарышкина, Т. Я. Хабриева. – М., 2008. – 235 с.
36. От уверенного старта – к успеху новой пятилетки : послание Президента Респ. Беларусь А. Г. Лукашенко к народу и Национальному собранию, 21 апреля 2016 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

ДОГОВОР ТРАНСПОРТНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Лукашук Татьяна Васильевна,
старший оперуполномоченный по особо важным делам Оперативной таможни,
аспирант Белорусского государственного экономического университета, г. Минск

Научный руководитель: *Витушко Владимир Александрович,*
профессор кафедры адвокатуры юридического факультета
Международного университета «МИТСО», г. Минск,
доктор юридических наук, профессор

Глобализация экономики и сопровождающие ее процессы расширения внешнеторгового оборота, реализация мощного транзитного потенциала Беларуси требуют новых подходов к развитию транспорта, новых высокоэффективных технологий оказания транспортных услуг на территории Республики Беларусь. Процесс транспортно-экспедиционного обслуживания основан в настоящее время на создании и использовании логистических транспортно-распределительных сетей, которые создаются между производителями продукции, экспедиторами и торгующими организациями и составляют основу рациональной системы товародвижения.

Ужесточение и усиление конкуренции приводит к тому, что повышенное внимание уделяется уровню предоставляемого сервиса. Это характерно для рынка транспортных услуг, на котором формируется и реализуется логистический сервис в процессе организации и осуществления грузоперевозок. Поэтому для сохранения своих рыночных позиций логистические компании предпринимают определенные усилия в направлении повышения уровня эффективности бизнес-процессов, например такие как использование в своей деятельности договора транспортной экспедиции.

Понимая важность транспортно-экспедиционной деятельности для экономики, наше государство, как и некоторые соседние, постоянно совершенствует ее правовое регулирование. Несмотря на происходящие изменения, некоторые противоречия и пробелы в использовании договора транспортной экспедиции в логистической деятельности все-таки сохраняются. Нами были предприняты попытки выявить данные проблемы и предложить пути их решения:

– проанализировав понятие договора транспортной экспедиции, мы сделали вывод о том, что реальный характер договора транспортной экспедиции не нашел своего отражения в Гражданском кодексе Республики Беларусь (далее – ГК Республики Беларусь). В связи с этим, хотелось бы высказать свое предложение о внесении изменений в п. 1 ст. 755 ГК Республики Беларусь, а именно обязательства, возникающие в силу самого факта подписания соглашения между экспедитором и клиентом необходимо связывать с моментом возникновения необходимости передачи груза экспедитору, что может служить признаком реального договора;

– требует решения вопрос о возможности заключения договора транспортной экспедиции между двумя экспедиторами. Пункт 1 ст. 755 ГК Республики Беларусь устанавливает, что по договору транспортной экспедиции одна сторона (экспедитор) обязуется за вознаграждение и за счет другой стороны (клиента – грузоотправителя или грузополучателя) выполнить или организовать выполнение определенных договором экспедиции услуг, связанных с перевозкой грузов. Таким образом, ГК сужает субъектный состав лиц, которые могут являться клиентами экспедитора. Данная проблема может быть решена только внесением соответствующих изменений в ст. 755 ГК Республики Беларусь;

– в национальном законодательстве не приводятся различия между экспедиционными и экспедиторскими услугами: 1) экспедиционные – сопровождение груза; 2) экспедиторские – более широкое понятие и включает в себя, помимо экспедиционных, множество иных связанных с перевозкой услуг.

Отмечается также, что во внешнеторговой мировой практике эти виды деятельности разделены и что такой подход целесообразен хотя бы с точки зрения технологии организации процесса логистической деятельности. Однако в отсутствие легальных оснований различения о трудности толкования закона при неразличении терминов «экспедиторские» и «экспедиционные» допускается использовать их как тождественные. Хотелось бы высказать предложение о внесении изменений в ст. 1 Закона Республики Беларусь от 13 июня 2006 г. № 124-З «О транспортно-экспедиционной деятельности» (далее – Закон) и, обратившись к мировой практике, разграничить данные термины;

– практически не изучен вопрос о разграничении договора транспортной экспедиции с непоименованными транспортными договорами. Данный вопрос нуждается в изучении как на практическом, так и на теоретическом уровне. Перечень услуг, связанных с перевозкой груза, довольно неопределенный. В связи с этим обосновывается вывод о необходимости определить, какие услуги составляют конструктивную часть договора транспортной экспедиции, без наличия которых он теряет свою правовую природу, а также какие услуги, например, погрузка и выгрузка груза, являются лишь логическим завершением хозяйственной деятельности экспедитора и включаются в договор транспортной экспедиции как случайные условия. Это позволит окончательно выделить договор транспортной экспедиции из обширной группы возмездно оказываемых услуг, особенно из группы непоименованных транспортных договоров;

– необходимо законодательно закрепить определение понятия «нахождение груза в ведении экспедитора». Экспедитор несет ответственность за причиненный ущерб в связи с утратой или повреждением груза, а также за задержку в доставке груза, если обстоятельства, вызвавшие эту утрату, повреждение или задержку, имели место во время нахождения груза в его ведении и если экспедитором не будет доказано, что он принял все необходимые меры для избежания таких обстоятельств и их последствий. Мы считаем, что необходимо использовать при составлении договора транспортной экспедиции следующую формулировку: «Груз считается находящимся в ведении Экспедитора с момента, когда в накладной «CMR» сделана отметка о принятии груза Экспедитором или привлеченным им перевозчиком». Доказательством принятия груза в ведение Экспедитора является товаротранспортная накладная (накладная «CMR») с отметкой Экспедитора или его представителя [1, с. 148];

– считаем необходимым исключить императивные нормы об ответственности клиента в виде законных неустоек за просрочку оплаты вознаграждения экспедитора и понесенных им в интересах клиента расходов за отказ от их оплаты. Представляется целесообразным предоставить сторонам самостоятельно устанавливать меры ответственности клиента за просрочку оплаты в соответствии со своими экономическими интересами, уравнивая при этом меры ответственности клиента и экспедитора в случае просрочки оплаты;

– клиентом договора транспортной экспедиции может быть любое лицо, заинтересованное в получении транспортно-экспедиционных услуг. Поэтому при определении договора транспортной экспедиции не следует в категоричной форме утверждать, что в качестве клиента обязательно должен выступать отправитель или получатель груза.

Существующий в доктрине гражданского права широкий подход к определению понятия клиента путем перечисления с постановкой в один ряд таких разнородных субъектов транспортно-экспедиционных отношений, как «грузополучатель», «грузоотправитель», «собственник» и «перевозчик груза» также не является, на наш взгляд, удачным. Предлагается новое определение понятия «клиент»: клиент по договору транспортной экспедиции – это любое лицо, заинтересованное в получении транспортно-экспедиционных услуг, заключившее договор транспортной экспедиции;

– необходимо также обратить внимание на срок исковой давности по требованиям, вытекающим из договора транспортной экспедиции, который составляет десять месяцев. До вступления в силу Закона применительно к отношениям, вытекающим из договора транспортной экспедиции, действовал общий срок исковой давности – три года. Если договор транспортной экспедиции содержит в себе иностранный элемент (например, одна из сторон – иностранный субъект), к договору может применяться иностранное право и, соответственно, срок исковой давности может быть иным. Для сравнения отметим, что, например, российским законодательством для требований, вытекающих из договора транспортной экспедиции, установлен срок исковой давности в один год. Причем указанный срок исчисляется со дня возникновения права на предъявление иска. В соответствии с вышесказанным мы считаем, что срок исковой давности в соответствии со ст. 32 Женевской конвенции о договоре международной перевозки грузов 1956 года (Конвенция КДПГ) составляет один год, однако в случае злоумышленного поступка или вины, которая согласно закону, применяемому разбирающим дело судом, приравнивается к злоумышленному поступку, предельный срок давности устанавливается в три года.

Если исходить из того, что договор транспортной экспедиции связан с перевозкой груза, то и сроки исчисления исковой давности должны быть увязаны со сроками исковой давности по договорам перевозки грузов. Статьей 751 ГК Республики Беларусь предусмотрено, что сроки исковой давности по требованиям, вытекающим из перевозки груза, устанавливаются в один год с момента, определяемого законодательством. А поскольку договор транспортной экспедиции имеет много общего с договором перевозки, то в связи с этим хотелось бы высказать предложение о внесении изменений в ст. 31 Закона и продлить срок исковой давности до одного года. А также дополнить ст. 755 ГК Республики Беларусь сходным положением.

Отмечается также, что во внешнеэкономической мировой практике эти виды деятельности разделены и что такой подход целесообразен хотя бы с точки зрения технологии организации процесса логистической деятельности. Однако в отсутствие легальных оснований различия о трудности толкования закона при неразличении терминов «экспедиторские» и «экспедиционные» допускает в настоящее время использовать их как тождественные. Хотелось бы высказать предложение о внесении изменений в ст. 1 Закона «О транспортно-экспедиционной деятельности» и, обратившись к мировой практике, разграничить данные термины.

Приведенные выше факты еще раз подтверждают необходимость дальнейшего совершенствования национального законодательства о транспортной экспедиции, сближению его с аналогичным законодательством соседних государств.

Список использованных источников

1. Лукашук, Т. В. Отдельные аспекты совершенствования договора транспортной экспедиции / Т. В. Лукашук // Межвуз. науч. конф. студентов и аспирантов, 20 апр. 2011 г. : тез. докл. / Гос. ин-т управления и социальных технологий БГУ; под ред. Т. Д. Автухович. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2011. – 176 с.

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНВЕСТИЦИОННЫХ ОТНОШЕНИЙ С УЧАСТИЕМ ГОСУДАРСТВА

Новикова Юлия Николаевна,
студент магистратуры Института законовещения и управления ВПА, г. Тула

Научный руководитель: *Осипов Михаил Юрьевич*,
старший научный сотрудник, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
Института законовещения и управления ВПА, г. Тула,
кандидат юридических наук

Модернизация общества и переход к новому технологическому укладу обуславливают необходимость широкого привлечения в страну инвестиционных ресурсов, в том числе иностранных. Но как известно, любая экономическая операция, в том числе такая, как инвестирование, имеет также свою юридическую сторону, которая проявляется в инвестиционных соглашениях. Поэтому особое внимание юридическая наука должна уделять анализу инвестиционных соглашений, в том числе с участием государства. Необходимо отметить, что на сегодняшний день в юридической науке существует целый ряд исследований, посвященных проблематике инвестиционных соглашений. Особенности правового регулирования международных инвестиционных соглашений, в том числе с участием государства, анализировались в работах Н. Г. Дорониной [1, с. 3], М. М. Богуславского [2, с. 45], В. А. Бублика [3, с. 228] и других авторов. Кроме этого, затрагивались исторические и теоретические аспекты правового регулирования инвестиционных отношений (А. Г. Богатырев [4, с. 17], И. А. Вдовин [5, с. 388]), в том числе особенности инвестиционной деятельности в свободных экономических зонах (Н. Г. Швыдак [6, с. 81]).

Также большое внимание в отечественной юридической науке уделялось анализу следующих правовых явлений, таких как инвестирование (А. В. Майфат [7, с. 40]), соглашение о разделе продукции (С. А. Сосна [8, с. 192]). В 2005 году появились работы, посвященные анализу «особенностей правового регулирования иностранных инвестиций в нефтяной и газовой промышленности (Р. А. Курбанов [9, с. 73]).

В последние годы юридическая наука уделяет большое внимание анализу системы норм, регулирующих инвестиционные соглашения, и выяснению их правовой природы. По мнению И. З. Фархутдинова [10, с. 61] и Г. М. Вельяминова [11, с. 160], нормы, регулирующие инвестиционные отношения с участием государства, относятся к нормам международного инвестиционного права, которое, по их мнению, является частью международного экономического права.

В настоящее время на уровне кандидатских диссертаций сохраняется повышенный интерес авторов к различным аспектам правового регулирования инвестиционных отношений. В частности, в своих работах С. К. Ким [12, с. 27] исследовал проблемы осуществления иностранных инвестиций; М. С. Евтеева [13, с. 20] занималась проблемой международных двусторонних инвестиционных соглашений; И. Н. Лебединец [14, с. 42] изучал проблематику международно-правовых гарантий; И. Э. Папушина [15, с. 28] акцентировала свое внимание на проблеме правосубъектности государств в международных инвестиционных отношениях; Р. А. Куликов [16, с. 14] исследовал транснациональные корпорации; Я. О. Золосева [17, с. 38] в своей работе акцентировала внимание на концессионных соглашениях; Б. В. Муравьев [18, с. 23] – на инвестиционных договорах; С. И. Бахтин [19, с. 19] исследовал проблему свободных экономических зон; П. П. Гончаров [20, с. 26] – проблему административно-правовых и финансово-правовых аспектов осуществления инвестиционной деятельности.

Однако если очень внимательно изучить все эти работы, то нельзя не заметить, что они во многом затрагивают лишь отдельные институты международного и российского права. По нашему мнению, это приводит к тому, что при анализе указанных проблем невозможно опираться на целостное научное представление относительно природы инвестиционных соглашений с участием государства, позволяющее исследовать особенности частноправового и публично-правового регулирования инвестиционных отношений в России.

Кроме того, одним из важнейших моментов для понимания исследуемой проблематики является понятие государства как субъекта гражданско-правовых отношений с иностранным элементом. В российской юридической науке существует дискуссия относительно природы инвестиционных соглашений: являются ли инвестиционные соглашения гражданско-правовыми договорами или административно-правовыми актами.

В российской юридической науке существуют различные точки зрения на природу инвестиционных соглашений, в том числе с участием государства. При этом правовая природа инвестиционных соглашений остается неясной. Существуют аргументы как в пользу того, что инвестиционные соглашения имеют административно-правовую природу, так и в пользу того, что инвестиционные соглашения имеют цивилистическую (частноправовую природу).

По мнению В. П. Мозолина, выделяются «три вида инвестиционных соглашений: акты об одобрении (Instruments of Approval), концессионные договоры (Concession Contracts) и соглашения о гарантиях (Guarantee Agreements)» [21, с. 98]. Подобную точку зрения разделяет и профессор М. И. Кулагин в своих работах. Но однако при этом он не соглашается с полным отрицанием договорного характера инвестиционных соглашений [22, с. 40].

Действие в национальных правовых системах указанных институтов делает существенно более убедительной точку зрения сторонников административно-правовой концепции инвестиционных соглашений.

Но это не означает, что сторонники другой – цивилистической концепции (Л. А. Лунц и Н. Н. Вознесенская) не оперируют серьезными доводами.

В работе Л. А. Лунца [23, с. 59] инвестиционные соглашения впервые были определены как гражданско-правовые договоры. Этот автор однозначно считал инвестиционные контракты гражданско-правовыми договорами. Более подробно эти положения были раскрыты в трудах Н. Н. Вознесенской. Она доказывала, что «государство может выступать субъектом гражданско-правовых отношений, содержащих иностранный элемент, сохраняя при этом ряд специфических особенностей, порожденных наличием у него суверенитета, при этом выступая как субъект гражданского права, государство не проявляет своего властвования в целях соблюдения нормализации торгового оборота, хотя оно это может сделать, национализировав не принадлежащую ему долю в смешанной компании» [24, с. 55].

Инвестиционные отношения с участием государства специфичны и сложны. Сложность данной проблемы связана с тем, что субъектами этих отношений являются, с одной стороны, государства, которые по своей природе выступают как субъекты, обладающие суверенитетом и являющиеся носителями власти, и иностранные физические и юридические лица – с другой. По мнению А. Г. Богатырева, «инвестиционные отношения с участием государства являются «диагональными и ддящимися» и представляют собой особую категорию отношений в международном частном праве, которые не похожи на отношения чисто гражданско-правового (частного) и публично-правового характера» [25, с. 75]. В тех случаях, когда, помимо национальных субъектов права – физических и юридических лиц одного государства, в правоотношении участвует иностранный элемент, появляется необходимость в дополнительном правовом регулировании [26, с. 132].

Однако при исследовании природы инвестиционных соглашений следует обратить внимание на следующее обстоятельство. Во-первых, государство в инвестиционных соглашениях выступает не в качестве носителя власти, а в качестве одного из «потребителей» инвестиций, которые идут на развитие экономики страны, или в качестве одного из гарантов инвестиций. Полагаем, что в этом случае нет необходимости рассматривать административно-правовую природу инвестиционных соглашений, поскольку, по нашему мнению, она в них явным образом не проявляется. Это связано с тем, что субъекты инвестиционных соглашений не находятся в административном подчинении друг от друга, и в силу этого методологически будет верным рассматривать инвестиционные соглашения как специфические соглашения, имеющие гражданско-правовую природу, либо как международные договоры, в которых содержатся нормы права, регулирующие данные инвестиционные соглашения. При этом инвестиционные соглашения с участием государства имеют определенную специфику, обусловленную особым правовым статусом государства, но этот особый правовой статус все же не позволяет рассматривать инвестиционные соглашения как административные договоры.

Таковы некоторые особенности правового регулирования инвестиционных отношений с участием государства, осложненных иностранным элементом.

Список использованных источников

1. Доронина, Н. Г. Проблемы правового регулирования иностранных инвестиций / Н. Г. Доронина // Законодательство и экономика. – 1996. – № 5/6. – С. 3.
2. Богуславский, М. М. Проблемы стабильности правового регулирования Правовое регулирование иностранных инвестиций в России / М. М. Богуславский. – М. : Юрид. лит, 1995. – С. 45.
3. Бублик, В. А. Гражданско-правовое регулирование внешнеэкономической деятельности в Рос. Федерации: проблемы теории, законотворчества и правоприменения / В. А. Бублик. – Екатеринбург : Изд-во УрГЮА, 1999. – С. 228.
4. Богатырев, А. Г. О международном инвестиционном праве / А. Г. Богатырев // Советский журн. междунар. права. – 1991. – № 2. – С. 17.
5. Вдовин, И. А. Механизм правового регулирования инвестиционной деятельности (Исторический и теоретико-правовой анализ) : дис. ... д-ра юрид. наук / И. А. Вдовин. – СПб., 2002. – С. 388.
6. Швыдак, Н. Г. Правовое регулирование хозяйственной деятельности в свободных экономических зонах / Н. Г. Швыдак // Право и Экономика. – 2001. – № 1. – С. 81.
7. Майфат, А. В. Гражданско-правовые конструкции инвестирования : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / А. В. Майфат. – Екатеринбург, 2006. – С. 40.
8. Сосна, С. А. Комментарий к Федеральному закону «О соглашениях о разделе продукции» / С. А. Сосна. – М. : Юристь, 1997. – С. 192.
9. Курбанов, Р. А. Правовое регулирование иностранных инвестиций в нефтяной и газовой промышленности : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Р. А. Курбанов. – М., 2005. – С. 73.
10. Фархутдинов, И. З. Новейшее в международном инвестиционном праве / И. З. Фархутдинов // Законодательство и экономика. – 2005. – № 8. – С. 61.
11. Вельяминов, Г. М. Международно-правовое регулирование иностранных инвестиций / Г. М. Вельяминов // Правовое регулирование иностранных инвестиций в России. – М., 1995. – С. 160.
12. Ким, С. К. Правовое регулирование иностранных инвестиций (Опыт Рос. Федерации и Республики Корея) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / С. К. Ким. – М., 1998. – С. 27.
13. Евтеева, М. С. Международные двусторонние инвестиционные соглашения (понятие и предмет регулирования) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / М. С. Евтеева. – М., 2002. – С. 20.

14. Лебединец, И. Н. Международно-правовые гарантии иностранных инвестиций : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / И. Н. Лебединец. – М., 1997. – С. 42.
15. Папушина, И. Э. Правосубъектность государств в международных инвестиционных отношениях : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / И. Э. Папушина. – Казань, 2000. – С. 28.
16. Куликов, Р. А. Эволюция правовой природы и место транснациональной корпорации в системе международного частного права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Р. А. Куликов. – М., 2006. – С. 14.
17. Золоева Я. О. Концессионные и иные договоры с иностранными инвесторами в области добычи полезных ископаемых : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Я. О. Золоева. – М., 2003. – С. 38.
18. Муравьев, Б. В. Договор с участием инвесторов в строительстве / Б. В. Муравьев // Законодательство. – 1999. – № 6. – С. 8–18 ; Муравьев, Б. В. Инвестиционное обязательство в строительстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Б. В. Муравьев. – М., 2001. – С. 23.
19. Бахтин, С. И. Правовое регулирование предпринимательской деятельности в свободных экономических зонах России и оффшорных зонах : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / С. И. Бахтин. – М., 2006. – С. 19.
20. Гончаров, П. П. Государственное регулирование иностранных инвестиций в Российской Федерации: административно-правовой аспект : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / П. П. Гончаров. – М., 2003. – С. 26.
21. Мозолин, В. П. Право США и экспансия американских корпораций / В. П. Мозолин. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1974. – С. 98.
22. Кулагин, М. И. Правовая природа инвестиционных соглашений, заключенных развивающимися странами / М. И. Кулагин // Политические и правовые системы стран Азии, Африки, Латинской Америки. М., 1975. – С. 40.
23. Лунц, Л. А. Международное частное право : особенная часть / Л. А. Лунц. – М., 1969. – С. 59.
24. Вознесенская, Н. Н. Иностранные инвестиции и смешанные предприятия в странах Африки / Н. Н. Вознесенская. – М., 1975. – С. 55.
25. Богатырев, А. Г. Инвестиционное право / А. Г. Богатырев. – М. Российское право, 1992. – С. 75.
26. Доронина, Н. Г. Международное частное право и инвестиции : монография / Н. Г. Доронина, Н. Г. Семилютина. – М. : ИЗИСП, 2012. – 270 с.

ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЕ НАЛОГОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Оразалиева Батима Сейтхановна,
старший преподаватель Казахской академии
труда и социальных отношений, г. Алматы,
магистр юридических наук

Основным документом, регулирующим налоговую систему Республики Казахстан и устанавливающим общие принципы ее построения, является Налоговый кодекс Республики Казахстан.

Налоговый кодекс Республики Казахстан – это систематизированный законодательный акт, в котором содержатся нормы налогового права.

Налоговый кодекс Республики Казахстан устанавливает понятие налогового правонарушения, определяя, что для его квалификации необходимо.

Действующее законодательство, в том числе Налоговый кодекс Республики Казахстан, не содержит специального понятия налогового правонарушения. Вместе с тем в общепринятом понимании, а также с учетом норм международных договоров, посвященных вопросам налогообложения и борьбы с нарушениями налогового законодательства, под налоговым правонарушением понимается противоправное действие или бездействие, которое выражается в неисполнении либо ненадлежащем исполнении налогоплательщиком обязательств перед государственным бюджетом, влекущее юридическую ответственность. Совершение налогового правонарушения влечет наступление негативных последствий, заключающихся в применении к нарушителю налоговых санкций в основном в виде взысканий (штрафов, пени) в размерах, предусмотренных Налоговым кодексом, а также мер административной или уголовной ответственности [1, с. 87].

К налоговым относятся те правонарушения, которые касаются налоговой системы непосредственно. Правонарушения, имеющие косвенное влияние на налоговые отношения, но охватываемые более широкими составами, к налоговым не относятся. Например, если должностное лицо незаконно выдает налогоплательщику документ, дающий право на налоговую льготу, то действие такого лица должно рассматриваться как должностное, а не налоговое правонарушение. Наоборот, действия налогоплательщика, направленные на неправомерное освобождение от уплаты налога, должны квалифицироваться как соответствующее налоговое правонарушение, а не как уголовное (мошенничество и т. п.).

Налоговое нарушение имеет, как правило, ряд стадий. В определенном смысле «жизненный цикл» налогового правонарушения аналогичен «жизненному циклу» товара. На первом этапе налогоплательщик придумывает новую схему ухода от налогообложения. На втором эта схема распространяется среди налогоплательщиков. После того как она становится известной налоговым органам, начинается

третий этап, в ходе которого происходит «наработка» опыта противодействия данной схеме, поиск форм и методов наиболее эффективного выявления и пресечения налогового правонарушения. Четвертый этап – активное и массовое противодействие государственных органов нарушениям, которые приводят к существенному снижению их количества и причиненного ущерба. На пятом этапе равновесие между правонарушителем налогового законодательства и налоговыми органами устанавливается на минимально возможном уровне. Работа налоговых органов должна быть согласована с вышеописанным циклом развития налоговых преступлений, нацелена на устранение их экономических основ, поиск наиболее эффективных методов противодействия, которые должны работать на «опережение» таких схем, а в случае невозможности – на их предупреждение. Именно такие оперативные действия налоговых органов могут обеспечить этот баланс в их пользу [2, с. 77].

Следует отметить уникальное положение налоговых органов: именно они первыми реагируют на уклонение от налогообложения, именно они могут использоваться в качестве индикатора для определения недоработок действующего законодательства и оперативного их устранения. На период законотворческого процесса налоговые органы могут наделяться особыми полномочиями для противодействия новациям в налоговых правонарушениях. Именно налоговые органы обладают необходимым потенциалом, чтобы являться действенным инструментом формирования налоговой системы в общественных интересах.

Таким образом, налоговое правонарушение – противоправное, виновное действие или бездействие, которым не исполняются или ненадлежащим образом исполняются обязанности, нарушаются права и законные интересы участников налоговых отношений и за которые установлена юридическая ответственность.

Наиболее принципиальными моментами данного определения являются вина и противоправность.

Противоправность означает нарушение норм или правил, законодательно закрепленных нормативными документами; для признания факта налогового правонарушения, а значит, и для привлечения к ответственности лица, его допустившего, было достаточно только этого признака [3, с. 42].

Для классификации налогового правонарушения, кроме факта нарушения законодательства, необходимо доказать виновность налогоплательщика в совершении противоправного деяния, которая может быть выражена как в действиях, так и в бездействии.

Нормы, гарантирующие взаимную ответственность как налоговых органов, так и налогоплательщиков за нарушение своих обязательств, составляют институт ответственности участников налоговых отношений.

Налоговое правонарушение выражается в неисполнении или ненадлежащем исполнении налоговых обязательств, за которое действующим законодательством Республики Казахстан, в том числе Налоговым Кодексом, установлена ответственность в виде применения финансовых санкций. Налоговое правонарушение влечет или может повлечь за собой нанесение ущерба финансовым интересам государства посредством невнесения в бюджет и во внебюджетные фонды причитающейся суммы налога (сбора). Существует ряд налоговых правонарушений, которые признаются таковыми без наличия последствий, а только в силу их совершения.

В зависимости от направленности противоправных деяний выделяются несколько групп налоговых правонарушений [4, с. 41]:

- Правонарушения против системы налогов.
- Правонарушения против прав и свобод налогоплательщиков.
- Правонарушения против исполнения доходной части бюджета.
- Правонарушения против системы гарантий выполнения обязанностей налогоплательщика.
- Правонарушения против контрольных функций налоговых органов.
- Правонарушения против порядка ведения бухгалтерского учета, составления и предоставления бухгалтерской и налоговой отчетности.
- Правонарушения против обязанностей по уплате налогов.
- Правонарушения против системы налогов.

Законно установленные и введенные в действие налоги являются законным изъятием из права собственности. Соответственно, незаконные налоги являются покушением на собственность юридических и физических лиц, и их взимание должно пресекаться различными методами, в том числе и установлением ответственности лиц, принимающих незаконные решения об установлении и введении в действие таких налогов, и лиц, исполняющих эти решения.

Незаконное освобождение от уплаты налога также является наказуемым правонарушением, так как, с одной стороны, приводит к недополучению бюджетом налогов, с другой – создает неравные условия хозяйствования налогоплательщиков, подрывает основы конкуренции.

К правонарушениям против системы налогов могут быть отнесены:

- незаконное установление и/или введение налогов, т. е. издание должностным лицом акта, предусматривающего установление и введение в действие налога, не установленного законодательством, или акта, предусматривающего введение налога, установленного законодательством, если введение данного налога не отнесено к компетенции должностного лица, или издание акта, прямо или косвенно увеличивающего размеры, отменяющего льготы, изменяющего сроки уплаты законно установленного и введенного в действие налога;

- незаконное взимание налогов, т. е. прямое или косвенное понуждение к уплате налогов (либо взимание налогов), не установленных и/или не введенных в соответствии с законодательством, равно как к уплате налогов в больших против установленных размерах, незаконные отказ в предоставлении льгот или понуждение к уплате налогов до наступления законно установленных сроков их уплаты;

- незаконное освобождение от уплаты налогов, т. е. полное или частичное освобождение налогоплательщика от выполнения обязательств по уплате налога путем предоставления льгот или сложения недоимки, если эти действия совершены с превышением установленных законом полномочий должностного лица либо с нарушением установленных законом оснований и процедур.

Правонарушения против прав и свобод налогоплательщиков

Никто не работает лишь для того, чтобы уплачивать налоги. Предприятия – это прежде всего производители товаров (работ, услуг), а затем уже – налогоплательщики. Налогообложение не должно подрывать свою собственную основу – бизнес. Это правило должно применяться не только на уровне налоговой политики государства, но и на уровне практической реализации налогового законодательства. Одним из ключевых требований к системе налогов является необременительность способов уплаты налогов. Об этом в своих работах упоминал еще Адам Смит.

Ряд таких правонарушений относится к числу должностных (например, злоупотребление властью или служебным положением, превышение власти или служебных полномочий). Но есть и специфические правонарушения, которые целесообразно выделить отдельно [5, с. 89]:

- незаконное воспрепятствование хозяйственной деятельности налогоплательщика, т. е. незаконный отказ должностным лицом налогового органа в постановке на налоговый учет, в выдаче разрешения или иного документа, необходимого для открытия счета в банке или ином кредитном учреждении, незаконное приостановление операций налогоплательщика по счетам в банках или иных кредитных учреждениях или незаконное наложение ареста на имущество налогоплательщика, а также незаконное осуществление должностным лицом налогового органа контрольных действий приемами и способами, существенно затрудняющими осуществление налогоплательщиком его обычных деловых операций, незаконное требование к расширению видов и объемов учетных действий и отчетных документов;

- отказ от консультирования или непредставление консультаций, т. е. отказ должностного лица налогового органа предоставить налогоплательщику или другому участнику налоговых отношений бесплатную письменную информацию о порядке и условиях налогообложения, о его правах и обязанностях либо непредставление такой информации в установленный срок;

- разглашение налоговой тайны, то есть незаконное использование или передача другому лицу сведений, составляющих в соответствии с законодательством налоговую тайну, ставших известными должностному лицу налогового органа или иному лицу в связи с выполнением им своих профессиональных или должностных обязанностей.

Правонарушения против исполнения доходной части бюджета

Поступления средств в бюджеты зависят не только от выполнения обязанностей налогоплательщиками. Существуют и другие лица, которые принимают непосредственное участие в процессе начисления, сбора и перечисления в бюджет налогов. Это прежде всего фискальные агенты, а также лица, осуществляющие кассовое исполнение доходной части бюджетов. Практика показывает, что далеко не всегда эти участники налоговых отношений строго придерживаются требований законодательства. Допускаемые ими правонарушения носят достаточно серьезный характер и требуют установления специальных мер ответственности.

К правонарушениям против исполнения доходной части бюджета относятся [6, с. 97]:

- незаконное использование средств, поступивших в уплату налога, то есть перечисление или несвоевременное перечисление банком, другим кредитным учреждением, а также иным лицом, ответственным за сбор налогов, сумм налогов, поступивших от налогоплательщиков, либо лиц, обязанных исчислить и удерживать налог вместо налогоплательщика;

- нарушение требований о взыскании недоимок по налогам и штрафам, т. е. перечисление или несвоевременное перечисление банком или иным кредитным учреждением сумм со счета налогоплательщика на основании надлежащим образом оформленного требования налогового органа или судебного решения.

Правонарушения против системы гарантий выполнения обязанностей налогоплательщика

Выполнение налогоплательщиком обязанностей по уплате налогов гарантируется не только установлением ответственности за налоговые правонарушения, но и системой мер, направленных на предотвращение правонарушений, создание условий, препятствующих или затрудняющих совершение правонарушений. Это специальные требования к открытию банковских счетов, ограничения в использовании наличных денег, запрет на совершение определенных юридически значимых действий до уплаты налога, установление обязанности представлять косвенную декларацию о доходах.

Выполнение различными лицами этих обязанностей должно обеспечиваться мерами ответственности:

- незаконное открытие счета налогоплательщиком, то есть открытие налогоплательщиком в банке или ином кредитном учреждении расчетного, текущего, ссудного, депозитного и иного счета с нарушением требований, установленных налоговым законом, если эти действия не могут квалифицироваться как уклонение от уплаты налога;

- незаконное открытие счета налогоплательщику, то есть открытие банком или иным кредитным учреждением расчетного, текущего, ссудного, депозитного и иного счета налогоплательщику с нарушением требований, установленных налоговым законом, если эти действия не могут квалифицироваться как соучастие в уклонении от уплаты налога;

- незаконные расчеты, то есть осуществление расчетов наличными денежными средствами с нарушением установленных законом ограничений, если эти действия не могут квалифицироваться как уклонение от уплаты налога;

- несвоевременное представление информации о налогоплательщике, то есть пропуск установленными нормативными актами срока для представления в налоговый орган документов, касающихся третьего лица – налогоплательщика, если обязанность представлять такие документы определена законом при условии, что эти действия не могут быть квалифицированы как несвоевременное представление информации для исчисления налоговым органам налога или как незаконное открытие счета налогоплательщику;

- уклонение от представления информации о налогоплательщике, то есть умышленное длительное невыполнение законного требования налогового органа о представлении документов, касающихся третьего лица – налогоплательщика, или отказ представить такие документы, если эти действия не могут квалифицироваться как уклонение от представления информации, необходимой для исчисления налоговым органом налога или как незаконное открытие счета налогоплательщику;

- несвоевременное представление информации, необходимой для исчисления налоговым органом налога, то есть пропуск установленного нормативными актами срока для представления в налоговый орган документов, фиксирующих юридические факты, являющиеся основанием для привлечения лица к уплате налога, если эти действия не могут быть квалифицированы как соучастие в уклонении от уплаты налога;

- уклонение от представления информации, необходимой для исчисления налоговым органам налога, то есть умышленное длительное невыполнение законного требования налогового органа о предоставлении документов, фиксирующих юридические факты, являющиеся основанием для привлечения лица к уплате налога, если эти действия не могут быть квалифицированы как соучастие в уклонении от уплаты налога;

- незаконная выдача документа, т. е. выдача документа, имеющего юридическое значение, с нарушением установленного законом требования проверить факт предварительной уплаты налога лицом, получающим документ, если эти действия не могут квалифицироваться как соучастие в уклонении от уплаты налога.

Правонарушения против контрольных функций налоговых органов

Наличие действенной системы контроля за соблюдением налогового законодательства является непременным условием функционирования налоговой системы в целом. Поэтому любые незаконные противодействия налоговым органам, осуществляющим контроль за соблюдением налогового законодательства, представляют достаточно серьезную угрозу для налоговой системы и требуют соответствующей реакции. Субъектами данных правонарушений выступают непосредственно налогоплательщики.

Составы, имеющие отношение к контролю, но адресованные другим лицам (например, несвоевременное представление информации о налогоплательщике), помещены в другие разделы [7, с. 55]:

- несвоевременная регистрация в налоговом органе, то есть пропуск срока, установленного для обращения в налоговый орган для регистрации в качестве налогоплательщика, если эти действия не могут быть квалифицированы как уклонение от уплаты налога;

- уклонение от регистрации в налоговом органе, то есть умышленное, с целью уклонения от уплаты налогов, длительное невыполнение обязанности обратиться в налоговый орган для регистрации в качестве налогоплательщика;

- воспрепятствование осуществлению контрольных действий, то есть умышленное создание должностными лицами предприятий, а также лицом, занимающимся предпринимательской деятельностью без образования юридического лица, условий, существенно затрудняющих или делающих невозможным осуществление по постановлению налогового органа мер документального или фактического контроля;

- неповиновение законному требованию или распоряжению должностного лица налогового органа, то есть длительное невыполнение или ненадлежащее выполнение законного требования или распоряжения должностного лица налогового органа об устранении или предотвращении нарушений налогового законодательства, если эти действия не могут быть квалифицированы как иные нарушения налогового законодательства;

- оскорбление должностного лица налогового органа, то есть публичное оскорбление должностного лица налогового органа в связи с его деятельностью по исполнению служебных обязанностей, если эти действия не влекут уголовную ответственность;

- насилие или угроза применением насилия, или повреждением имущества в отношении должностного лица налогового органа, то есть насилие или угроза применением насилия, повреждением (уничтожением) имущества в отношении должностного лица налогового органа, а равно его близких, выполняющего возложенные на него законом обязанности, в целях воспрепятствования его законной деятельности или принуждения к изменению ее характера или из мести за выполнение своего служебного долга, если эти действия не влекут уголовной ответственности;

- незаконное воздействие или вмешательство, т. е. неправомерное воздействие в какой бы то ни было форме на должностное лицо налогового органа с целью воспрепятствовать выполнению им контрольных действий либо повлиять на принимаемое им решение, если эти действия не могут квалифицироваться как иное правонарушение и/или не влекут уголовной ответственности.

Правонарушения против порядка ведения бухгалтерского учета, составления и представления бухгалтерской и налоговой отчетности

Бухгалтерский (финансовый) учет является основой налогового учета, в результате которого определяются необходимые показатели и данные для составления деклараций, расчетов, других документов. Налоговый учет носит расчетный характер, так как использует данные бухгалтерского учета, но не связан с операциями на его счетах. Но цели бухгалтерского учета, безусловно, шире, нежели формирование данных для составления налоговой отчетности.

Рассмотрим составы правонарушений [8, с. 109]:

- нарушение порядка организации бухгалтерского учета, то есть отсутствие системы отражения на счетах бухгалтерского учета осуществляемых налогоплательщиком хозяйственных операций в соответствии с общими методологическими принципами бухгалтерского учета, если такие действия не могут квалифицироваться как уклонение от уплаты налога;
- нарушение порядка ведения бухгалтерского учета, то есть нарушение правил документирования хозяйственных операций и отражения их в бухгалтерских регистрах, если такие действия не могут квалифицироваться как уклонение от уплаты налога;
- необеспечение достоверности данных бухгалтерского учета, то есть невыполнение или ненадлежащее выполнение обязанностей по проведению инвентаризации имущества и финансовых обязательств, хранению бухгалтерских документов, если такие действия не могут квалифицироваться как уклонение от уплаты налогов;
- нарушение порядка составления бухгалтерской и налоговой отчетности, то есть представление в налоговый орган документов бухгалтерской и/или налоговой отчетности, не соответствующих установленной форме и не отражающих всех установленных нормативными актами данных;
- нарушение порядка представления бухгалтерской и налоговой отчетности, то есть представление комплекса или части документов бухгалтерской и налоговой отчетности позже установленного срока, если такие действия не могут квалифицироваться как уклонение от уплаты налога;
- уклонение от представления бухгалтерской и налоговой отчетности, то есть умышленное неоднократное непредставление в установленные сроки или непредставление по требованию налогового органа комплекса или части документов бухгалтерской и/или налоговой отчетности, если такие действия не могут квалифицироваться как уклонение от регистрации в налоговом органе или уклонение от уплаты налога.

Правонарушения против обязанности по уплате налога

Основная обязанность налогоплательщика – полная и своевременная уплата налогов [9, с. 14].

Способы уклонения от уплаты налогов различны. Эти способы специфичны в отношении каждого конкретного налога.

Наиболее общие способы:

- незаконное использование льготы по налогу, т. е. уклонение от уплаты налога путем представления налогоплательщиком в налоговый орган документов, содержащих заведомо необоснованные сведения, дающие прямо или косвенно основание для уменьшения размера налога, равно как и для возраста (зачета в счет будущих платежей) ранее уплаченного или взысканного налога;
- неуплата или несвоевременная уплата налога, т. е. неуплата к установленному законом сроку налога или уплата налога позже установленного срока налогоплательщиком либо лицом, обязанным в силу закона исчислить, удержать и уплатить налог вместо налогоплательщика.

Список использованных источников

1. Алипов, А. Механизмы функционирования налоговой системы в Республике Казахстан : сб. науч. тр. / А. Алипов. – М., 2009. – С. 37.
2. Атапханов, К. А. Фискальная система Казахстана: роль и вопросы совершенствования / К. А. Атапханов. – Алматы : Гылым, 2013. – 100 с.
3. Баймуратов, У. Национальная экономическая система / У. Баймуратов. – Алматы : Гылым, 2010. – 536 с.
4. Деловая неделя. – 2007. – 24 янв. – 37 с.
5. Иванов, В. М. Проблемы налогообложения и устойчивое развитие экономики: пути решения и механизмы : дис. ... канд. эконом. наук / В. М. Иванов. – Алматы, 2009. – 203 с.
6. Ильясов, К. К. Налоги и налогообложения / К. К. Ильясов [и др.]. – Алматы : РИК, 2005. – 151 с.
7. Инвестиционные возможности Казахстана. – Алматы : Коминвест, 2007. – 23 с.
8. Кажыккен, М. Теория устойчивости социально-экономической системы / М. Кажыккен. – Алматы, 2009. – 205 с.
9. Иванов, М. Нарушение правил налогового контроля / М. Иванов // Бухгалтерский учет. – 2002. – № 22. – 337 с.

ПОНЯТИЕ УГОЛОВНОГО ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА: КРАТКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС И СОВРЕМЕННЫЙ ВЗГЛЯД НА ПРОБЛЕМУ

Османо́ва Зейнеп Жалалиевна,
старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин
Института истории и права Казанского национального
педагогического университета им. Абая, г. Алматы,
магистр юридических наук

Уголовное производство следует рассматривать как систему возникающих, развивающихся и прекращающихся процессуальных действий, и правоотношений в их взаимосвязи и взаимопроникновении. В каждой стадии уголовного процесса круг лиц, осуществляющих процессуальную деятельность, различен, а уголовно-процессуальные отношения складываются, существуют и переходят в следующую стадию между определенными участниками правоотношений.

Совершенствование уголовно-процессуальных документов отражается в Концепции правовой политики на период с 2010 до 2020 гг., утвержденной Указом Президента РК от 24 августа 2009 г. № 58, в котором отмечается, что «эффективная уголовная политика государства невозможна без оптимальной модели уголовного судопроизводства» [1], в этом же цикле надо отметить дальнейшее развитие по эффективности применения уголовно-процессуальных документов.

В свою очередь, современная отечественная процессуальная наука рассматривает структуру уголовного производства через выделение двух его самостоятельных фаз: 1) предварительное (*prima facie*) исследование обстоятельств совершенного преступления, или досудебное производство по уголовному делу и 2) рассмотрение и разрешение уголовного дела в судебных инстанциях, или судебное производство.

Как известно, *de jure* данную устойчивую научную позицию закрепил УПК РК, который прямо разделил все современное отечественное уголовное производство на производство досудебное и судебное. Это можно расценивать как попытку реформирования процессуальной формы, где определяющими направлениями уголовно-процессуальной деятельности становятся основные функции судопроизводства, а привычная «стадийная» структура уголовного процесса заменяется «производственной».

Формально УПК РК выделяет два режима досудебного производства:

- 1) уголовно-процессуальную деятельность при решении вопроса о начале досудебного расследования;
- 2) досудебное расследование, осуществляемое в виде дознания и следствия.

Согласно ч. 41 ст. 7 нового действующего УПК РК, досудебное производство – производство по делу с начала досудебного расследования до направления прокурором уголовного дела в суд для рассмотрения его по существу либо прекращения производства по делу, а также подготовка материалов по уголовному делу частным обвинителем и стороной защиты [2].

Досудебное производство является важнейшей частью уголовного процесса Казахстана. От его эффективности в значительной степени зависит юридическая судьба уголовного дела и участь фигурирующих в этом деле людей. Действенность досудебного производства определяется качеством его нормативного регулирования. Последнее, в свою очередь, в значительной мере зависит от правильного концептуального понимания сущности исходных идей, составляющих методологическую и идеологическую основу институтов возбуждения уголовного дела и предварительного расследования.

Между тем история уголовного судопроизводства свидетельствует, что наиболее существенные изменения в институтах досудебного производства обычно происходили в русле ширококомасштабных судебных реформ, которые сами при этом органично вписывались в исторические, экономические, политические и нравственно-самобытные процессы жизне существования нашего государства, являясь при этом следствием глобальных исторических процессов, зачастую предшествующих смене общественно-экономических формаций. При этом наибольший эффект государственно-правовых реформ в Казахстане достигался в том случае, когда они проводились в комплексе, с учетом прошлого опыта, а также интересов всех правовых сфер и институтов.

В различных государствах, на разных континентах с учетом исторических, культурных, религиозных, национальных и многих других факторов складывалась отличающаяся друг от друга практика производства по уголовным делам. На основании анализа данной практики принято различать следующие основные формы уголовного процесса: обвинительный (состязательный), розыскной (инквизиционный, следственный) и смешанный.

Обвинительный процесс существовал в рабовладельческом обществе и заключается в том, что от потерпевшего полностью зависело возбуждение и прекращение уголовного дела. Состязательный процесс развился из обвинительного и получил наибольшее распространение в государствах с англосаксонской системой права (Англия, США, Канада, Австралия и др.) [3, с. 170]. Суть его состоит в том, что обе стороны (защита, обвинение) имеют одинаковые юридические возможности. Суд выполняет роль арбитра. Смешанная форма уголовного процесса представляет собой комбинацию принципов обвинительного и розыскного процесса, где досудебное производство осуществляется по типу розыскного, а судебное следствие – по типу состязательного. Смешанный процесс имеет две модификации, которые различаются удельным весом и соотношением розыскного и состязательного начал [4, с. 592–597].

Каждой из исторических форм уголовного процесса свойственна способность к саморазвитию [5, с. 17–22]. История розыска как процессуальной формы, типичной для определенной стадии эволюции человеческой культуры, уже пережита. Актуализируется состязательная структура процессуальной деятельности.

Уголовный процесс в условиях построения демократического правового государства должен быть гласным и состязательным.

В смешанном процессе досудебное производство организовано на розыскных началах и часто находится в ведении административных ведомств. В этих условиях, как правило, существуют серьезные препятствия и для полной самостоятельности и независимости суда.

Историю отечественного досудебного производства условно можно разделить на пять этапов.

Первый этап (с 1917 по 1929 гг.) – смешанная форма уголовного процесса. Досудебное производство пронизано отдельными элементами состязательности и гласности.

Второй этап (1930 – 1950-е гг.) – уголовный процесс все в большей степени становится розыскным, что вызывается изменениями в политическом режиме социалистического государства.

Третий этап (конец 1950-х до 1985 г.) – восстановление смешанной формы уголовного процесса, характеризующейся сочетанием следственной формы досудебного производства и самостоятельностью судебного разбирательства.

Четвертый этап (с 1985 по 1997 гг.) – начало перестройки, правовой реформы и ее составной части – реформы уголовного судопроизводства. В уголовный процесс все больше внедряются элементы гласности и состязательности.

Пятый этап (с 1998 года по настоящее время) – с момента введения в действие первого отечественного УПК РК после обретения Казахстаном суверенитета. Основной тенденцией этого этапа по мере утверждения и развития в стране демократии должно быть установление состязательной формы уголовного процесса [6, с. 99].

В первые годы советской власти обширная новаторская работа в области научной организации труда и управления в сфере уголовного судопроизводства заключалась не в качественном изменении или создании новых форм и методов деятельности, а в осознании необходимости повышения уровня законодательной регламентации, которая оказывала большое влияние на эффективность деятельности органов уголовной юстиции. Руководителями и ведущими специалистами правоохранительных органов подчеркивалось, что простое увеличение штатной численности есть заведомо ложный ход в совершенствовании уголовно-процессуальной деятельности, так как подобным образом невозможно увеличить пропускную способность органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда.

В 60-е гг. XX ст. интенсифицировались научные поиски направлений оптимизации норм УПК и повышения эффективности правоохранительной деятельности:

- дифференциация уголовно-процессуальной формы;
- последовательное внедрение в уголовный процесс рекомендаций по научной организации труда;
- повышение эффективности взаимодействия органов предварительного следствия с оперативными и экспертно-криминалистическими подразделениями;
- использование результатов оперативно-розыскной деятельности в процессе доказывания по уголовным делам;
- применение в расследовании метода сетевого планирования и управления;
- легализация в ходе производства следственных и процессуальных действий научно-технических средств и пр.

В середине 1970-х гг. в юридической литературе стали высказываться мнения о необходимости учета экономического фактора в борьбе с преступностью. Появилась необходимость накапливать и обобщать данные о материальных и иных видах ресурсов, создавать соответствующие учеты, банки информации «о бюджете преступности», «о цене правоохранительной деятельности». На целесообразность расчета таких затрат и способов минимизации издержек указывали, в частности, профессора И. Л. Петрухин [7, с. 53–55] и С. В. Бажанов [8, с. 41–43].

Следует отметить, что правовая система Казахстана до 1960 года полностью основывалась на законодательстве РСФСР, и в целом уголовный процесс Казахстана XX в. тяготел к процессуальному упрощению в различных его проявлениях. На всех этапах своего развития досудебное производство по уголовным делам всегда оставалось наиболее актуальной и притягательной для научных исследований темой. Так, следует отметить научный труд Г. Г. Доспулова. В его книге «Оптимизация предварительного следствия» процесс расследования рассматривается как функционирующая система. В данной работе автором анализируются различные способы оптимизации управленческих, информационных и алгоритмических процессов системы расследования [9, с. 9].

После принятия 13 декабря 1997 г. УПК РК в казахстанском уголовно-процессуальном законодательстве произошли достаточно серьезные изменения, ставящие перед наукой уголовного процесса новые актуальные теоретические и прикладные задачи. Среди наиболее заметных работ, посвященных современным проблемам досудебного производства в уголовном процессе Казахстана, следует выделить докторские диссертации М. Ч. Когамова «Актуальные проблемы совершенствования расследования преступлений в Респуб-

лике Казахстан» (1997 год) и С. Д. Оспанова «Проблемы досудебного производства (организационные, уголовно-процессуальные, криминалистические)» (2003 год).

Повышенный интерес ученых к проблемам досудебного процесса обусловлен спецификой этого вида правоохранительной деятельности. В целях защиты от преступности личности, общества и государства должностные лица наделены правом применения принуждения, что существенно затрагивает права и свободы граждан, в каком бы процессуальном статусе они ни находились.

Проблемы совершенствования уголовно-процессуальной деятельности на досудебном производстве неисчерпаемы для исследования. Однако наше внимание сосредоточено лишь на понятии досудебного производства на современном этапе.

В Концепции правовой политики Республики Казахстан на период с 2010 до 2020 года, посвященной совершенствованию уголовно-процессуального законодательства, отмечено: «Эффективная уголовная политика государства невозможна без оптимальной модели уголовного судопроизводства. Поэтому, говоря о перспективах развития уголовно-процессуального права, необходимо подчеркнуть, что действующий Уголовно-процессуальный кодекс Республики в основном привел систему уголовной юстиции в соответствие с характеристиками современного демократического, правового государства. Главная цель законодателя заключалась в формировании уголовно-процессуального закона, основанного на признании конституционных норм о правах и свободах человека и гражданина непосредственно действующими, определяющими смысл, содержание и применение законов и обеспечиваемыми правосудием» [1].

Здесь уместно напомнить, что в 1997 году соответствующие коррективы в законодательство уже вносились. В частности, действовавший тогда Уголовно-процессуальный кодекс Казахской ССР пополнился новой главой, отменившей эффективно применявшуюся тогда органами дознания протокольную форму досудебной подготовки материалов. Новая формулировка преподносилась ее инициаторами как самая действенная форма досудебного производства. Но с самого начала правоприменительная практика обнаружила иллюзорность эффективности данной новеллы. Несмотря на серьезные усилия исполнителей на местах, в целом по Республике в форме особого производства были закончены и направлены в суды всего несколько уголовных дел. Причем все они возвращены судами обратно, и дознание пришлось проводить по обычной форме.

В настоящее время дискуссии исследователей и практиков привели к принятию нового УПК, в котором, как вытекает из обсуждения модели нового УПК, рассматривается то же самое особое производство, только в более расширенном варианте. Если ранее предусматривалось применение его лишь по делам, подследственным органам дознания, то сейчас закреплено и по делам, подследственным органам (должностным лицам) уголовного преследования.

Однако, как известно, в основе уголовного процесса и его досудебных стадий лежит общеправовой принцип законности. Его обеспечение при начале досудебного производства и производстве досудебного расследования – необходимое условие защиты личности от незаконного, необоснованного обвинения и осуждения, ограничения его прав и свобод. Если подойти к упомянутой редакции статьи с этих позиций, то легко обнаружить ее противоречивость не только с нормами действующего УПК, но и с положениями Конституции Республики Казахстан.

Согласно Основному закону, никто не обязан давать показания против самого себя, и признание обвиняемого не может быть положено в основу обвинения. Обращаясь же к формулировке «за изъятиями настоящей статьи», в первую очередь следует сказать, что пределы «изъятий» должны быть четко определены. Недопустимы «изъятия», сопряженные с нарушением фундаментальных принципов уголовного процесса, поскольку несоблюдение хотя бы одного из них в конечном итоге будет способствовать подрыву основ всего судопроизводства.

На наш взгляд, до предания обвиняемого суду в общей системе стадий уголовного процесса должна быть признана единая стадия – досудебное производство, которая включала бы в себя все многообразные формы досудебной подготовки материалов. Сам термин «стадия» употребляется в УПК РК, принятом в 1997 году, очень широко. Например, в ряде статей УПК РК: ч. 5 ст. 37 («любая стадия досудебного производства»); ч. 1 ст. 62 («все стадии уголовного процесса»); ст. 308 («стадия досудебного производства»); ч. 3 ст. 320 («стадия предварительного слушания»); ч. 1 ст. 483 («стадия предварительного следствия»). Анализ же этих разрозненных фактов употребления термина «стадия» не дает представления о его пределах, признаках, значении и т. д., что в целом важно для систематизации и дифференциации уголовно-процессуальных институтов, функций, субъектов отношений, процессуальных актов, включая решения, и иных значимых понятий. Отсюда вытекает, что законодатель употребляет термин «стадия», не вкладывая в него то содержание, которое фактически для него характерно с точки зрения теории уголовно-процессуального права.

При этом следует отметить, что разделение производства на предварительное и окончательное было известно еще римскому праву, причем досудебное производство осуществлялось в едином процессуальном режиме. В курсе уголовного судопроизводства И. Я. Фойницкого до стадии «предание суду» указана единая стадия – «предварительное исследование» [10, с. 374–375]. Профессор В. Линовский называл также три стадии уголовного судопроизводства: следствие (в нашем понимании – дознание и предварительное расследование), судебное рассмотрение и исполнение приговора [11, с. 222].

В числе предшественников можно также назвать и Ю. К. Якимовича, который предлагал уголовный процесс подразделить по «вертикали» – на виды уголовных судопроизводств и по «горизонтали» – на уго-

ловно-процессуальные этапы, стадии. Вид уголовного судопроизводства включает в себя совокупность производств по отдельным категориям дел. В свою очередь, производство по каждой группе дел представляет собой также систему, состоящую из определенных элементов. Стадии уголовного процесса в определенной совокупности, по его мнению, могут представлять качественно иной уровень общности: досудебное производство и судебное производство [12, с. 136].

С. Л. Лось, освещая проблемы протокольной формы досудебной подготовки материалов, также говорит о возможности такой части уголовно-процессуальной деятельности, как «досудебное производство» [13, с. 149]. Некоторые авторы досудебное производство называют «предварительным производством» [14, с. 138], «досудебной фазой процесса» [15], однако суть от изменения терминологии не меняется, ибо речь идет об уголовно-процессуальной деятельности, осуществляемой органами предварительного расследования до суда. Рассмотренные точки зрения, проведенное исследование, на наш взгляд, дают основания для определенных обобщений.

Представляется, что под досудебным производством следует понимать деятельность органов следствия и дознания, осуществляемую при наличии поводов, предусмотренных уголовно-процессуальным законом, под надзором прокурора и суда по собиранию и исследованию доказательств, устанавливающих событие преступления, лиц, обвиняемых в их совершении, и иных обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения дела.

Досудебное производство по уголовным делам представляет собой одно из важнейших направлений деятельности правоохранительных органов, существенно затрагивающее такие права граждан, как неприкосновенность личности и жилища, право собственности, тайна переписки и целый ряд других.

Что касается Казахстана и других стран СНГ, то эти государства выбирают самобытный путь развития, и вместе с тем исторические, культурные, правовые связи между ними продолжают укрепляться. На фоне этого происходит обновление, если не сказать реформирование, законодательства в разных отраслях права, в том числе и в сфере уголовно-процессуальных правоотношений. Этот путь Казахстан начал гораздо раньше, чем, например, Россия, и к моменту принятия УПК РФ в 2001 году, который вступил в действие с 1 июля 2002 г., в Казахстане был накоплен не только законодательный опыт, но и имелась определенная следственная и судебная практика.

В целом сравнительно-правовой анализ уголовно-процессуальных законов, прежде всего стран СНГ, позволяет прийти к выводу, что концептуальный подход един, а развитие и появление новых процессуальных норм и институтов имеет свои особенности [16, с. 3].

В заключение следует отметить, что досудебное производство, если его рассматривать с позиций управленческой науки, по своему содержанию представляет процесс добывания информации о совершенном преступлении, обстоятельствах, связанных с ним, и правильного ее использования в процессе доказывания. Вместе с тем, терминологическая чистота требует разграничения, заключающегося в том, что «информация о совершенном преступлении» – это из аппарата уголовно-процессуального права и теории доказательств. Безусловно, «информация» не равнозначна понятию «доказательство». Интерпретация категориального аппарата, имеющего хождение в смежной отрасли теории и практики, для нужд уголовного процесса – дело не всегда простое. Как всякая сложная человеческая деятельность, деятельность по расследованию преступлений предполагает использование достижений различных отраслей знаний, в том числе положений и рекомендаций в сфере научной организации труда.

Список использованных источников

1. О Концепции правовой политики Республики Казахстан на период с 2010 до 2020 года [Электронный ресурс]: Указ Президента Респ. Казахстан, 24 авг. 2009 г., № 58 : в ред. Закона от 16.01.2014 г. // Параграф. Информ. системы. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30463139#pos=0;74. – Дата доступа: 06.02.2018.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Респ. Казахстан от 4 июля 2014 года [Электронный ресурс] // Параграф. Информ. системы. – Режим доступа: http://online.zakon.kz/m/Document/?doc_id=31648958. – Дата доступа: 06.02.2018.
3. Краснобаев, Р. Е. Пробелы в российском законодательстве / Р. Е. Краснобаев // Юрид. журн. – 2007. – № 4. – С. 170.
4. Смирнов, А. В. Великий учитель русских криминалистов / А. В. Смирнов // Курс уголовного судопроизводства // И. Я. Фойницкий. – СПб., 1996. – Т. II. – С. 592–597.
5. Чистяков, О. И. Российское законодательство X – XX веков. Законодательство первой половины XIX века. / под ред. О. И. Чистякова. – М. : Юрид. лит., 1988. – Т. 6. – С. 17–22.
6. Доспулов, Г. Г. Оптимизация предварительного следствия / Г. Г. Доспулов. – Алма-Ата : Наука, 1984. – С. 9.
7. Петрухин, И. Л. Проблемы правосудия и уголовного права / И. Л. Петрухин. – М., 1978. – С. 53–55.
8. Бажанов, С. В. Не бросаемся ли в другую крайность? / С. В. Бажанов // Законность. – 1995. – № 11. – С. 41–43.
9. Доспулов, Г. Г. Оптимизация предварительного следствия / Г. Г. Доспулов. – Алма-Ата : Наука, 1984. – С. 9.

10. Фойницкий, И. Я. Курс уголовного судопроизводства / И. Я. Фойницкий. – СПб., 1996. – Т. I. – С. 82–83.
11. Линовский, В. А. Опыт исторических разысканий о следственном уголовном судопроизводстве в России / В. А. Линовский. – М., 2001. – С. 222.
12. Якимович, Ю. К. Структура советского уголовного процесса: система стадий и система производств. Основные и дополнительные производства / Ю. К. Якимович. – Томск : Изд-во Томского ун-та, 1991. – С. 136.
13. Лось, С. Л. Понятие протокольной формы досудебной подготовки материалов и ее соотношение с предварительным следствием и дознанием / С. Л. Лось // Актуальные вопросы государства и права в период совершенствования социалистического общества : сб. ст. – Томск, 1987. – С. 149.
14. Мартынчик, Е. Г. Предварительное производство в уголовном процессе / Е. Г. Мартынчик, Д. В. Милушев. – Кишинев, 1986. – С. 138.
15. Милушев, Д. В. Особенности предварительного производства в уголовном процессе НРБ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Д. В. Милушев. – М., 1983. – 25 с.
16. Досанов, Р. К. Уголовное преследование (по законодательству Респ. Казахстан и Рос. Федерации) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Р. К. Досанов. – М., 2004. – С. 3.

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Радьков Константин Михайлович,
аспирант Международного университета «МИТСО», г. Минск

Научный руководитель: *Маньковский Игорь Александрович,*
начальник центра частноправовых и социально-экономических исследований НИИ ТиСО
Международного университета «МИТСО», г. Минск,
кандидат юридических наук, доцент

Развитие общественных отношений оказывает влияние на применяемые для их регулирования нормы права. Существует и обратная зависимость, когда принимаемые нормы права изменяют действующий формат общественных отношений. Такая взаимозависимость, в частности, отражается на участниках таких отношений, их правовом статусе.

В качестве примера рассмотрим субъектный состав предпринимательской деятельности. Так, с образованием СССР предпринимательская деятельность была запрещена, соответственно, не могло быть и субъектного состава такой деятельности, затем в условиях проводившейся в 20-е гг. XX в. новой экономической политики частично разрешена. Так, согласно утверждению И. А. Маньковского «...к 1922 г. в условиях полного развала государственной экономики партия большевиков осознала необходимость развития частной хозяйственной инициативы в пределах, допустимых применительно к установленному политическому режиму и соответствующим ему представлениям о развитии общественных отношений, что привело к введению на государственной территории новой экономической политики (НЭП), допускающей в определенной степени развитие частного сектора экономики [1, с. 20] и, как следствие, появление лиц, ее осуществляющих, или, применительно к современной терминологии, субъектов предпринимательской деятельности.

После принятия Гражданского кодекса БССР 11 июня 1964 г. – вновь полностью запрещена, в итоге в конце 1980-х гг. с принятием законодательства о кооперации был запущен процесс легализации предпринимательской деятельности.

Изменение правового статуса субъектов предпринимательской деятельности происходит и в современной истории Республики Беларусь:

- с принятием Указа Президента Республики Беларусь от 18 июня 2005 № 285 «О некоторых мерах по регулированию предпринимательской деятельности» предприниматель для работы у себя мог нанять не более трех физических лиц;
- Указом Президента от 29 декабря 2006 г. № 760 с 1 января 2008 г. в ранее приведенный нормативный правовой акт было внесено еще одно ограничение, согласно которому привлекаемые к работе лица должны были быть близкими родственниками или членами семьи предпринимателя;
- окончательное положение по данному вопросу было установлено Указом Президента от 16 мая 2014 № 222, согласно которому ограничение относительно родства нанимаемых лиц и предпринимателя было снято.

Приведенное изменение правил регулирования предпринимательской деятельности свидетельствует о том, что и в период СССР, и на современном этапе в силу различных причин ее место в структуре экономики не сформировалось. Также это свидетельствует о том, что принимаемые нововведения проходят недостаточную апробацию и, как следствие, претворяются в жизнь без достаточного учета экономических и общественных интересов. Полагаем, наработки правовой доктрины по данному вопросу могут положительно повлиять на применяемые законодателем механизмы регулирования предпринимательской деятельности.

Тема индивидуальной предпринимательской деятельности исследовалась и исследуется отечественными и зарубежными цивилистами: И. В. Ершова [2], С. С. Вабищевич [3], В. Г. Тихиня [4] и др. Общим в изучении предпринимательской деятельности можно считать анализ ее признаков, определенных законодательством, что является характерной чертой юридического изучения предпринимательской деятельности. Это обусловлено тем, что в законодательстве, в частности в Законе Республики Беларусь от 28 мая 1991 № 813-ХП «О предпринимательстве в Республике Беларусь», а в настоящий момент – в Гражданском кодексе Республики Беларусь от 07.12.1998 № 218-3 (далее – ГК) понятие предпринимательской деятельности определяется путем одновременного наличия в рассматриваемой деятельности совокупности определенных законом признаков. В случае отсутствия таких признаков деятельность не может быть отнесена к предпринимательской.

В юридической науке высказываются и иные предложения относительно рассмотрения предпринимательской деятельности посредством изучения ее признаков, установленных гражданским законодательством. В частности, О. М. Олейник отмечает: «В связи с тем, что данное определение содержится в ГК РФ, возникает вопрос об уместности такого определения, пределах его использования и содержательной нагрузке» [5]. Резюмируя, отметим следующее: «Обзор судебной практики и беглый анализ нормативных предписаний приводит к выводу о том, что в настоящее время в российском праве нет легального определения предпринимательской деятельности» [5]. Данный вывод основывается на том, что норма, определяющая понятие предпринимательской деятельности, находится в ст. 2 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) «Отношения, регулируемые гражданским законодательством». Таким образом, предполагается, что законодатель дает не определение предпринимательской деятельности, а определяет действия конкретной категории субъектов (предпринимателей), подпадающие под юрисдикцию ГК РФ. Иными словами, если в действиях лица содержатся признаки, указанные в абз. 3 ч. 1 ст. 2 ГК РФ, то такие действия должны регулироваться нормами ГК РФ о предпринимательской деятельности.

Указанная точка зрения хотя и обоснованна, однако игнорируется правоприменительной практикой, так как при необходимости квалификации каких-либо отношений на предмет их соответствия предпринимательским отечественная и российская правоприменительная практика обращается именно к нормам соответствующего Гражданского кодекса одного из государств (например, постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18 ноября 2004 г. № 23 «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве и легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем», а также письмо Министерства по налогам и сборам Республики Беларусь от 12 июля 2014 № 3-1-11/1986 «Ответы на актуальные вопросы»).

При изучении предпринимательской деятельности зачастую поднимается вопрос о том, что предпринимательские отношения регулируются не гражданским, а специализированным предпринимательским (ранее хозяйственным) правом.

Идея выделения из гражданского права отдельной самостоятельной либо комплексной отрасли, регулирующей отношения, возникающие в хозяйственной деятельности участвующих в ней субъектов, зародилась в период существования СССР. О. А. Красавчиков, резюмируя исследование проблем правового регулирования хозяйственной деятельности, описал пять основных концепций понимания хозяйственного права, каждая из которых и отличалась оригинальностью взглядов ученых, и соответствовала реальной действительности на определенном этапе развития советского государства [6, с. 16–23].

При этом, как справедливо отмечает И. В. Ершова, «вопрос разграничения отраслей права, ставший уже традиционным для российского правоведения, носит скорее теоретический, нежели прикладной характер» [2, с. 32–33]. Предпринимательская деятельность хотя и урегулирована нормами права, однако «законодательный акт не способен отменить и заменить реальные экономические и социальные связи» [7, с. 12]. Из этого следует, что несмотря на наличие специального законодательства, регулирующего вопросы осуществления предпринимательской деятельности, само по себе не доказывает образование наряду с гражданским правом самостоятельной отрасли предпринимательского права. Как отмечает О. А. Беляева, «Кодекс и отрасль права – это не одно и то же. Допустимо существование отраслей права, которые вообще не имеют своего кодекса».

Например, в советское время многие союзные республики не имели собственных административных кодексов, но тот факт, что административное право существует в этих республиках в качестве самостоятельной отрасли права, не ставился под сомнение» [8, с. 10].

Для сравнения, в экономике отдельно выделяют предпринимательскую деятельность и предпринимательство. Например, коллектив авторов под ред. Э. А. Арустамова определяет предпринимательскую деятельность по аналогии с ранее приведенным юридическим подходом, а предпринимательство – как «самостоятельное организационно-хозяйственное новаторство на основе использования различных возможностей для выпуска новых товаров, открытия новых источников сырья, рынков сбыта и т. д., что ведет к постоянному обновлению хозяйственной системы или ее элементов для получения прибыли и реализации собственных целей предпринимателя» [9, с. 9]. В связи с тем, что предпринимательская деятельность постоянно пополняется элементами нового содержания, что обусловлено развитием экономических отношений, необходимость изучения экономической стороны данного понятия необходима для выработки наиболее приемлемых механизмов ее регулирования.

Современный период развития отечественной экономики и цивилистики создал определенную базу механизмов правового регулирования предпринимательской деятельности, а также опыт ее осуществления

в рамках установленного законодательством порядка. Этот опыт необходимо использовать при изучении предпринимательской деятельности и развития законодательной базы, ее регулирующей. Актуальным примером эволюции экономических отношений в Республике Беларусь является комплекс мер, призванных создать условия для внедрения в экономику Республики Беларусь технологии реестра блоков транзакций (блокчейн), иных технологий, основанных на принципах распределенности, децентрализации и безопасности, совмещаемых с их использованием операций, принятых Указом Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 № 8 «О развитии цифровой экономики».

Помимо изложенного, необходимость для более детального изучения предпринимательской деятельности, на наш взгляд, возникает и в силу того, что указанные в теории формально различные правоотношения фактически на практике выступают как достаточно схожие (например, гражданские и трудовые). В связи с этим у участников таких отношений могут возникнуть затруднения касательно применения норм соответствующей отрасли права. Причем выбор неверной правовой отрасли может быть, как непреднамеренным, так и осознанным. В силу последнего, в настоящий момент существует практика, по которой фактически складывающиеся трудовые отношения оформляются гражданско-правовым договором, и наоборот.

Негативный момент такой ситуации в том, что работник лишается ряда прав и гарантии, предусмотренных трудовым законодательством. Косвенно это проблема признается на государственном уровне. Указ Президента Республики Беларусь от 6 июля 2005 № 314 «О некоторых мерах по защите прав граждан, выполняющих работу по гражданско-правовым и трудовым договорам» (далее – Указ № 314) предусматривает, что юридические лица и индивидуальные предприниматели, предоставляющие работу гражданам по гражданско-правовым договорам, предметом которых является выполнение работ, оказание услуг и создание объектов интеллектуальной собственности (далее для целей настоящей главы – Заказчик), должны включать в гражданско-правовой договор с физическими лицами некоторые существенные условия. Также на Заказчика возлагаются дополнительные обязанности, более характерные для стороны трудовых отношений, нежели для стороны гражданско-правового договора.

Таким образом, осознавая значимость и масштабы проблемы подмены трудовых отношений гражданско-правовыми, законодатель установил некоторые базовые гарантии для работающих лиц, предусмотренные трудовым законодательством.

Однако такое решение породило новую проблему. На практике стали возникать случаи, когда трудовые отношения не просто оформляются как гражданско-правовые, но с физическим лицом со статусом индивидуального предпринимателя (на сайтах с вакансиями можно встретить десятки соответствующих объявлений [10]). Это исключает применение социальных гарантий, предусмотренных Указом № 314. Однако если вопрос разграничения трудовых и гражданско-правовых отношений достаточно широко обсуждаем и даже присутствует в экзаменационных билетах по трудовому и гражданскому праву, то вопросу разграничения гражданско-правовых отношений с участием предпринимателя и трудовых отношений внимания уделяется намного меньше.

С учетом изложенного, в рамках отечественной правовой системы складывается парадоксальная ситуация: одни и те же общественные отношения могут оформляться тремя способами. Это, во-первых, трудовые отношения; во-вторых, гражданско-правовые отношения с физическим лицом; в-третьих, гражданско-правовые отношения с индивидуальным предпринимателем. При этом данная ситуация не только не исправляется, но и находит свое отражение в законодательстве. Так, ст. 55 Закона от 4 января 2014 № 125-З «О физической культуре и спорте» определяет, что профессиональный спорт – предпринимательская, трудовая и иная не запрещенная законодательством деятельность, направленная на достижение высоких спортивных результатов и получение доходов (вознаграждений) от организации спортивных мероприятий и (или) участия в них.

Вариантом исправления данной ситуации представляется не применяемое законодателем в Указе № 314 уравнивание социальных гарантий сторон различных видов общественных отношений, а реализация установленной гражданским законодательством возможности признания таких договоров недействительными. Основанием для этого является несоответствие вида заключенного договора фактически имеющим место отношениям сторон и, как следствие, наличие признаков мнимой сделки, т. е. сделки, совершенной лишь для вида, без намерения создать соответствующие ей юридические последствия (ч. 1 ст. 171 ГК).

В итоге отметим следующее: после повышения уровня социальной ответственности работодателя (заказчика) в гражданско-правовых отношениях проблема незаключения трудовых договоров в случаях, когда это необходимо, решена не была. В последующем, помимо гражданско-правового договора с физическим лицом, альтернативой трудовому договору стал вариант с вынужденным приобретением потенциальным работником статуса индивидуального предпринимателя. Вследствие вышеуказанного возникли субъекты предпринимательских отношений, которые фактически осуществляют трудовую деятельность.

Это негативно влияет как на социально-экономическое обеспечение трудящихся, так и на развитие предпринимательства в Республике Беларусь.

Решением данной проблемы нами видится не уравнивание в правах лиц, работающих на различных правовых основаниях, а переквалификация сложившихся между сторонами общественных отношений в соответствии с фактическими условиями осуществления той или иной деятельности. Для достижения этой цели могут применяться следующие способы:

– признание соответствующих заключенных договоров недействительными и последующее заключение необходимых видов договоров;

– аннулирование государственной регистрации индивидуального предпринимателя, фактически осуществляющего трудовую деятельность, на основании абз. 1 подп. 3.3. и п. 4 Положения о ликвидации (прекращении деятельности) субъектов хозяйствования, утвержденного Декретом Президента от 16 января 2009 № 1), то есть в связи с неосуществлением предпринимательской деятельности в течение двадцати четырех месяцев подряд.

Список использованных источников

1. Маньковский, И. А. Гражданское право. Общая часть : в 3 т. / И. А. Маньковский, С. С. Вабищевич. – Минск : Междунар. ун-т «МИТСО», 2013. – Т. 1 : Введение в гражданское право. – 488 с.
2. Современное предпринимательское право : монография / И. В. Ершова [и др.] ; отв. ред. И. В. Ершова. – М. : Проспект, 2014. – 352 с.
3. Вабищевич, С. С. Хозяйственное право : правовое регулирование хозяйственной деятельности : по состоянию на 1 февраля 2008 г. / С. С. Вабищевич, И. А. Маньковский. – Минск : Молодежное, 2008. – 416 с.
4. Правовое регулирование хозяйственной деятельности : учебник / В. В. Авдеев [и др.] ; под общ. ред. В. А. Витушко, Р. И. Филипчика. – Минск : Книжный Дом, 2004. – 830 с.
5. Олейник, О. М. Формирование критериев квалификации предпринимательской деятельности в судебной практике / О. М. Олейник // Предпринимательское право. – 2013. – № 1. – С. 14–16.
6. Хозяйственное право / В. П. Грибанов [и др.] ; отв. ред. В. П. Грибанов, О. А. Красавчиков. – М. : Юрид. лит., 1977. – 480 с.
7. Пугинский, Б. И. Правовая экономика: проблемы становления / Б. И. Пугинский, Д. Н. Сафиулин. – М. : Юрид. лит., 1991. – 238 с.
8. Беляева, О. А. Предпринимательское право / О. А. Беляева. – М. : ИНФРА-М, 2009. – 352 с.
9. Предпринимательская деятельность : учебник / Э. А. Арустамов [и др.] ; под ред. Э. А. Арустамова. – М. : КНОРУС, 2013. – 206 с.
10. Работа, вакансии «Наличие ип» [Электронный ресурс] // Belmeta.com. – Режим доступа: <http://belmeta.com/vacansii?q=%D0%9D%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D1%87%D0%B8%D0%B5%20%D0%B8%D0%BF&rbet=c&page=1>. – Дата доступа: 12.03.2018.

ДОЛЖЕНСТВОВАНИЯ КАК ОБЪЕКТЫ ОТКАЗА

Суслов Андрей Александрович,
аспирант кафедры гражданского права и процесса
Иркутского института (филиала)
Всероссийского государственного университета юстиции
(Российская правовая академия Министерства юстиции России), г. Иркутск,

Научный руководитель: *Белькова Елена Геннадьевна,*
доцент кафедры гражданского права и процесса
Иркутского института (филиала)
Всероссийского государственного университета юстиции
(Российская правовая академия Министерства юстиции России), г. Иркутск,
кандидат юридических наук, доцент

Проблема отказа от определенных правовых возможностей (субъективных прав, вторичных прав, правоспособности и др.) пусть в незначительной степени, но все же исследуется в юридической литературе [1–3]. Однако, помимо отказа от правовых возможностей, гражданское законодательство России содержит примеры отказов от долженствований, которыми наделены участники гражданских правоотношений. Говоря о долженствованиях, речь ведется о двух основных правовых формах: юридических и кредиторских обязанностях.

Обратимся к отказам от юридических обязанностей. Несомненно, что отказ от исполнения обязанностей недопустим. Именно потому обязанность и называется юридической, что государство заинтересовано в ее исполнении и требует от участников правоотношений соблюдения тех долженствований, которые составляют ее содержание. Отказ от обязанности влечет наступление негативных последствий для ее носителя. Как было отмечено, в Гражданском кодексе РФ упоминаются некоторые ситуации, которые можно расценивать как отказ от обязанностей, возложенных на участника гражданских правоотношений законом. Речь идет об отказе в выдаче расписки или об отказе от заключения публичного договора. Во всех этих случаях законодатель предусматривает специальные последствия для данных отказов. В первом случае – возможность для должника задержать исполнение и признание в этих случаях кредитора просрочившим, во втором – лишь фиксируется недопустимость такого отказа и дается ссылка на общие последствия ст. 445 ГК РФ в части возможности понуждения к заключению договора. Указание на такие специальные последствия неисполнения обязанностей вполне типичны для гражданского законодательства и лишь дополняют положения главы 25 ГК РФ об ответственности за неисполнение обязательств.

Речь идет о закреплении специальных «негативных» последствий, наступающих при отказе от исполнения установленных законом или добровольно принятых на себя обязательств.

Применительно к отказам от совершения действий, которые следует расценивать как публичные правомочия (одновременного выступающие должностностями), ГК РФ использует единообразный подход, заключающийся в том, что такие отказы могут быть оспорены в суде. Так, в ст. 8 ГК РФ закреплено, что отказ в государственной регистрации прав на имущество либо уклонение от государственной регистрации могут быть оспорены в суде. Аналогичное положение установлено в ст. 51 ГК РФ применительно к отказу в государственной регистрации юридического лица. Наличие властных полномочий законодатель обнаруживает и в отношении лица, осуществляющего учет прав на бездокументарные ценные бумаги, поскольку согласно ст. 149.2 ГК РФ отказ от проведения операции по счету также может быть оспорен в суде. О разрешении спора судом речь идет и в случае отказа органа записи актов гражданского состояния в исправлении или изменении записи (ст. 47 ГК РФ).

При этом следует заметить, что такие споры, как правило, связаны со спором о праве и с выяснением вопроса о наличии возможности у лиц требовать совершения определенных действий от обладателей публичных правомочий. В частности, отказы лиц, осуществляющих учет прав на бездокументарные ценные бумаги, сопровождаются выяснением вопроса о наличии прав на данные бумаги у наследников [4], а отказ изменить запись в актах гражданского состояния исследуется с позиции выяснения сути спора между всеми заинтересованными лицами [5].

Таким образом, несмотря на то обстоятельство, что в определенных случаях нормы гражданского законодательства формулируются так, что дают основание предположить, что возможен отказ от установленных законом обязанностей, тем не менее, подобный отказ, безусловно, недопустим. Провозглашая данный тезис, мы не оспариваем то обстоятельство, что отказ от исполнения обязанностей на стороне должника может вызывать ответные меры оперативного воздействия со стороны кредитора, который, в свою очередь, уже правомерно откажется исполнять определенные обязанности. Подобные действия будут считаться правомерными и допустимыми. Только в этом случае можно утверждать, что, например, отказ передать товар в случае задержки оплаты является разрешенным законом отказом от исполнения обязанности. Но в этом случае отказ должен оцениваться уже с позиции способа защиты гражданских прав как мера оперативного воздействия.

Несколько слов хотелось бы отметить в отношении отказа от кредиторских обязанностей. Под ними понимается «мера юридически необходимого поведения активного участника обязательства (кредитора), направленного на создание условий для надлежащей реализации своего права» [6, с. 349]. От классических обязанностей их отличает то, что неисполнение кредиторской обязанности не влечет ответственности для ее носителя, который сам заинтересован в том, чтобы данные действия были осуществлены.

Подобные «обязанности» в обязательственном праве имеют определенное сходство и с конструкцией «бремя собственника» в вещном праве. Ведь и в первом, и во втором случае речь идет о наличии естественного стремления, основанного на личном интересе, в том, чтобы совершить все необходимые действия для достижения того результата, ради которого лицо стремилось стать участником правоотношений. В вещном – сохранить объект права собственности для осуществления правомочий владения, пользования, распоряжения, в обязательственном – получить вещь, результат работ, услугу, ради которой заключался договор. И в том, и в другом случае от носителя данной «обязанности» требуется совершение неких действий в собственном интересе, что приведет к нужному для участника правоотношений итогу.

Готовя инфраструктуру для приема товара, предъявляя вексель или предоставляя земельный участок для строительства, участник обязательственных правоотношений делает это исключительно для себя, управомоченное лицо отсутствует. Однако говорить о полном отсутствии ответственности также нельзя, поскольку в определенных случаях без совершения этих действий может наступить просрочка кредитора, что, в свою очередь, повлечет обязанность возместить убытки. Кроме того, просрочка кредитора является основанием к отказу от удовлетворения требований о начислении пеней за просрочку исполнения на стороне должника: «суды первой и апелляционной инстанций, исследовав материалы дела, в том числе условия договора от 02.06.2014 № ГП-53-2..., взыскали с ответчика сумму неосвоенного аванса и отказали во взыскании пеней, сделав вывод о том, что оснований для взыскания пеней за нарушение срока выполнения второго этапа работ (строительно-монтажных) не имеется, поскольку заказчик не предоставил подрядчику для строительства земельный участок» [7].

Именно поэтому отказ от исполнения кредиторских обязанностей вполне допустим. Отказываясь от их исполнения, кредитор, по сути, вредит самому себе, не достигает желаемого результата и удовлетворения собственного интереса. Основываясь на общих принципах гражданского законодательства о том, что граждане (физические лица) и юридические лица приобретают и осуществляют свои гражданские права своей волей и в своем интересе, следует сделать и обратный вывод о том, что утрата интереса может сопровождаться отказом от достижения желаемого результата. Самое главное, чтобы при этом не нарушались права и интересы других участников гражданских правоотношений.

Таким образом, подведем итог. Отказ от должностностей, составляющих содержание гражданско-правовых обязанностей недопустим, однако, именно в том случае, когда отказ от исполнения обязанностей является установленным законом способом защиты гражданских прав, подобное поведение является правомерным. Отказ от кредиторских обязанностей следует рассматривать как возможный, если при этом не нарушаются права и интересы других участников гражданских правоотношений, что дает основание пополнить перечень объектов отказа и включить туда кредиторские и юридические обязанности.

Список использованных источников

1. Гладышева, И. П. Юридический отказ: теория, практика, техника : дис. ... канд. юрид. наук / И. П. Гладышева. – Нижний Новгород, 2010. – 217 с.
2. Седова, Ж. И. Принцип эстоппель и отказ от права в коммерческом обороте Российской Федерации [Электронный ресурс] / Ж. И. Седова, Н. В. Зайцева. – М. : Статут, 2014 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2018.
3. Суханова, Ю. В. Отказ от субъективных гражданских прав : дис. ... канд. юрид. наук / Ю. В. Суханова. – Самара, 2009. – 170 с.
4. Апелляционное определение Московского городского суда от 16 мая 2016 года по делу № 33-10870/2016 // (документ опубликован не был) // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2018.
5. Определение Московского городского суда от 7 сент. 2012 г. по делу № 4г/8-6992 2016 // (документ опубликован не был) // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2018.
6. Белов, В. А. Гражданское право. Общая часть : учебник / В. А. Белов. – М. : Изд-во «Юрайт», 2011. – Т. 1 : Введение в гражданское право. – 521 с.
7. Определение Верховного Суда Рос. Федерации от 10.02.2017 № 303-ЭС16-21371 по делу № А24-4567/2015 // (документ опубликован не был) // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2018.

СУДЕБНАЯ РЕФОРМА В СВЕТЕ ИСПОЛНЕНИЯ ПЛАНА НАЦИИ «100 ШАГОВ СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА»

Турабаева Дана Сейтхановна,
старший преподаватель кафедры правовых дисциплин
Казахской Академии труда и социальных отношений, г. Алматы,
магистр юридических наук

За годы независимости Казахстана формированию современной судебной системы, адекватной фундаментальным преобразованиям в стране, уделялось особое внимание. Это отмечал и Глава государства на VII съезде судей РК [1]. Нурсултан Назарбаев акцентировал внимание на необходимости дальнейшей работы по совершенствованию казахстанского правосудия согласно мировым стандартам.

С 1 января 2016 г. вступил в действие ряд законов по практической реализации 11 шагов Плана Нации «100 конкретных шагов» [2], исполнение которых были закреплены за Верховным Судом РК. Главными приоритетами правосудия определены обеспечение верховенства закона, оптимизация судебных инстанций для упрощения доступа граждан к правосудию, переход от пятиступенчатой системы правосудия к трехуровневой, профессионализм судейского корпуса, внедрение современных информационных технологий. Одно из главных нововведений – это переход от пятиступенчатой системы правосудия к трехуровневой. Эта модель полностью соответствует международным стандартам, так как основная часть судебных дел находит свое разрешение на местах, исключает судебную волокиту и сокращает сроки принятия судебных актов. За Верховным Судом сохраняется функция обеспечения единообразной судебной практики по республике.

Обеспечение верховенства закона – такова вторая глава Плана нации «100 конкретных шагов – современное государство для всех», предложенного Президентом Республики Казахстан Н. Назарбаевым для развития государства и социальной модернизации, состоящая из восемнадцати конкретных шагов-предложений, одиннадцать из которых можно отнести к основным направлениям дальнейшего совершенствования судебной системы и судопроизводства.

Надо полагать, что сегодня все, кому не безразлично будущее Казахстана, горячо обсуждают предложенные Лидером нации предложения, в которых нашли отражение новые подходы к современным реалиям развития общества, к обеспечению верховенства закона, повышению эффективности и прозрачности судебной системы, росту общественного доверия к институту правосудия, влиянию общественности на его формирование и контроль.

В этой связи хочется отметить такие предложенные новеллы развития судопроизводства, как переход к трехуровневой судебной системе, поскольку существующая пятиступенчатая система, состоящая из местных судов – районных и приравненных к ним судов, а также специализированных судов как судов первой инстанции; суда апелляционной и кассационной инстанции, составляющих уровень областных и приравненных к ним судов и осуществляющих соответственно апелляционный и кассационный пересмотр дел; а также Верховного Суда Республики Казахстан, который может пересматривать вступившие в законную силу судебные акты местных и других судов, в случае соблюдения кассационного порядка их обжалования в порядке предварительного рассмотрения ходатайств, а также в порядке судебного надзора показала, что перестала соответствовать уровню развития общества, доступности и упрощенности системы правосудия.

Согласно приведенной в Плане нации схемы развития судопроизводства, трехуровневая система правосудия должна выглядеть следующим образом: первая инстанция – районные и приравненные к ним суды;

апелляционная инстанция – областные и приравненные к ним суды; кассационная инстанция – Верховный Суд Республики Казахстан [3].

По мнению практикующих юристов, такая схема позволит полностью обеспечить единообразное применение судами законов, что является одним из важнейших условий эффективной защиты права и охраняемых законом интересов, а также сохранения единого и стабильного правового режима в стране; а кроме того, сократить время прохождения дел в судах и повысить ответственность судей местных судов за качество принимаемых судебных актов.

Реформой предполагается, что наделение Верховного Суда полномочиями единственной судебной инстанции по пересмотру вступивших в законную силу судебных актов, повлечет ограничение подсудности указанной судебной инстанции, путем внесения изменений в процессуальный закон и изменения самой процедуры рассмотрения кассационных жалоб.

Отдельно хотелось бы остановиться на предлагаемых Планом шагах по созданию корпуса высокопрофессиональных и отвечающих всем предъявляемым этическим нормам, судей.

Так, в рамках дальнейшего развития судебной системы выделено одно из направлений модернизации, а именно: совершенствование системы отбора судей, которое предполагает комплекс мер, направленных на то, чтобы прийти именно к ожидаемым результатам.

В настоящее время процедура подготовки кандидатов на должности судей возможна двумя способами: это обучение в специализированной магистратуре (Институт правосудия Академии государственного управления при Президенте Республики Казахстан), либо сдача судейского экзамена в Квалификационной комиссии при Высшем Судебном Совете и прохождение стажировки в судах.

Повышая требования к предусмотренной процедуре назначения судей, к претендентам в судьи предлагается повысить возрастной ценз (с 25 до 30 лет) и ужесточить требования к стажу работы (с 2 до 5 лет), связанной с участием в судопроизводстве (секретари судебных заседаний, прокуроры и адвокаты, участвующие в судебных процессах) [4]. Перечень должностей, работа которых связана с участием в судопроизводстве, предлагается законодательно закрепить.

Планируется увеличить с трех месяцев до одного года, срок практической подготовки магистрантов. Кроме того, выделить Институт правосудия из состава Академии государственного управления и передать его в ведение Верховного Суда, который будет осуществлять подготовку магистрантов, а также обеспечивать повышение квалификации действующих судей.

Квалификационный экзамен для кандидатов в судьи, должен обеспечить глубокую проверку теоретических знаний у кандидата и его способность применять полученные знания на практике.

Состав Квалификационной комиссии по судейскому экзамену при Высшем Судебном Совете для повышения объективности предлагается расширить за счет судей в отставке, сотрудников правоохранительных органов (в том числе работников прокуратуры и Агентства по делам государственной службы и противодействию коррупции), работников юстиции, а также представителей объединения адвокатов и Союза судей, а также иностранных экспертов.

С целью получения необходимых практических знаний предлагается увеличить срок прохождения стажировки кандидатов в судах до одного года, обеспечив ее прохождение на освобожденной основе и с выплатой стипендии.

В настоящее время срок стажировки составляет от 3 месяцев до 1 года. При этом прохождение стажировки осуществляется без отрыва кандидата от основного места работы, что зачастую определяет стажировку как формальное мероприятие и не дает стажеру необходимого объема практических знаний о характере будущей работы.

Прохождение стажировки предлагается установить на основе квотирования при распределении численности стажеров между райсудами, с учетом их прогнозной потребности в кадрах.

Как дополнительное профессиональное обучение и определение профпригодности кандидата предлагается прохождение лицами, рекомендованными к назначению судьей, краткосрочных подготовительных курсов на базе Института правосудия (в период прохождения специальной проверки и до подписания соответствующего акта Главы государства).

Их не прохождение, станет основанием для отказа в назначении на судейскую должность.

Как одним из важнейших этапов проверки готовности судьи к выполняемой работе, предлагается ввести годичный испытательный срок для вновь назначенных судей.

Судьи, не проработавшие одного года, будут рассматривать только несложные уголовные, гражданские и административные дела.

Подведение итогов испытательного срока предлагается возложить на Судебное жюри, посредством проведения профессиональной оценки деятельности вновь назначенных судей (через один год после назначения лица на судейскую должность).

Кроме того, результаты профессиональной оценки судьи будет рассматривать Высший Судебный Совет.

Полагаю, что крайне необходимо обеспечить демократичность и прозрачность принятия Высшим Судебным Советом решений по кадровым вопросам судебной системы, в том числе, за счет участия представителей общественности и СМИ в работе ВСС, использования возможности участия населения в обсуждении кандидатов в судьи и учета оценки общественности.

1. Выступление Президента Казахстана Н. Назарбаева на VII съезде судей Казахстана от 21 ноября 2016 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. – Режим доступа: http://www.akorda.kz/ru/speeches/internal_political_affairs/in_speeches_and_addresses/vystuplenie-prezidenta-kazahstana-nazarbaeva-na-vii-sezde-sudei-kazahstana. – Дата доступа: 19.03.2018.
2. План нации – 100 конкретных шагов по реализации пяти институциональных реформ Главы государства Нурсултана Назарбаева (май 2015 года) [Электронный ресурс] // Параграф. Информ. системы. – Режим доступа: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31977084. – Дата доступа: 19.03.2018.
3. Судебная система Республики Казахстан – на пороге реформ [Электронный ресурс] // SARBAZ. – Режим доступа: <https://sarbaz.kz>. – Дата доступа: 20.03.2018.
4. О судебной системе и статусе судей Республики Казахстан (с изменениями и дополнениями по состоянию на 22.12.2017 г.) [Электронный ресурс] : Конституц. закон Респ. Казахстан, от 25 дек. 2000 г. № 132-III // Параграф. Информ. системы. – Режим доступа: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1021164. – Дата доступа: 20.03.2018.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОЦЕНОЧНЫХ ПОНЯТИЙ В НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫХ АКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Фокина Елена Михайловна,
старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин
Института законовения и управления ВПА, г. Тула

Правовые понятия – это обязательный элемент, используемый законодателем при конструировании правовых норм. Правовое понятие как форма правового мышления есть результат обобщения предметов в единый объект правовой реальности и мысленного выделения самого этого объекта по отличительным для всех этих предметов признакам. Так, А. М. Васильев понимает правовые научные понятия как «содержательные, предметные образы, которые воспроизводят в мышлении (идеально) объективную суть реальных процессов правовой действительности и отношений, существующих в ней, и выражают специфически правовую качественную определенность данных процессов и явлений» [1, с. 57]. Структурными элементами содержания понятия являются те существенные признаки предмета, которые в совокупности составляют основное содержание понятия [2, с. 12]; они вместе достаточны, а каждый необходим для того, чтобы выделить данный класс предметов, то есть отличить эти предметы от других. Эффективность законодательства зависит от того, насколько точно сформулированы нормы права, регулирующие отношения в обществе, какие средства использованы законодателем для их построения, как практически реализуются юридические нормы в деятельности правоприменительных органов.

Понятие «оценивание» применяется во многих науках. Оценивание (assessment) в социологии – процесс вынесения суждений об индивиде или группе людей с целью определения потребностей. Таким образом, оценивание можно представить в виде следующих составляющих: процесса вынесения суждения, анализа совокупности выборочных данных, получения приближенного результата наблюдения.

С. С. Безруков полагает, что оценочным понятием является относительно определенное понятие, используемое законодателем при невозможности детального урегулирования ряда схожих обстоятельств и служащее для обозначения абстрактных правовых явлений, содержание которого имеет незамкнутую структуру, всегда оставаясь открытым, и может быть установлено лишь посредством самостоятельной оценки конкретной правоприменительной ситуации со стороны лица, применяющего закон [3, с. 25].

Оценочные понятия обладают определенным набором положительных черт, таких как например динамика и гибкость, необходимых нормативно-правовому регулированию. Оценочные понятия представляют собой абстрактные, нечеткие, наиболее общие понятия, характеризующие различные явления правовой (внеправовой) действительности, а также фиксируют наиболее общие признаки обобщаемых в них явлений. Формальная неопределенность (относительная определенность) содержания является характерным отличительным признаком оценочных понятий и включает в себя: 1) отсутствие точного, полного и последовательного установления всех существенных свойств в источниках правового и поднормативного регулирования вещных и обязательственных отношений (неопределенность внешней формы изложения); 2) изменчивость, непостоянство, зависимость от конкретной правоприменительной ситуации; 3) определения содержательных критериев для установления пределов содержания оценочного понятия. Особенностью оценочных понятий является отсутствие строго фиксированного основного содержания, под которым понимаются существенные признаки предмета или явления. При этом единообразие в применении оценочных понятий может быть достигнуто через многократное их применение с закреплением практических результатов.

Анализ римского правопорядка свидетельствует, что уже в Законах XII таблиц, которым присущи делегация должного поведения и точность формулировок, включено понятие бесхозяйственный гражданин, являющееся оценочным. Решения отдельных случаев, описанные у Гая, также свидетельствуют об использо-

вании оценочных понятий. Так, в Институциях Гая закреплено следующее положение: «Не дозволяется чрезмерно жестоко поступаться со своими рабами без законной причины». Используются в Институциях такие оценочные признаки, как известные трудности (ст. 26), добрая вера (статьи 43, 155), вследствие нерадения хозяина (ст. 51), незаметно для наших глаз (ст. 70), малолетние, близкие к детскому возрасту (ст. 109), противна добрым нравам (ст. 157), злой умысел (ст. 168) и ряд других. Из текстов Дигест Юстиниана становится очевидным, что в них содержится достаточно большое количество оценочных понятий гражданского права. Так, например, разъясняется, что «злой умысел совершается посредством лукавства и обмана, и является совершенным посредством злого умысла такой договор, при котором, для того чтобы обойти другого, делается одно, а симулируется другое» (кн. II, титул XIV, п. 7), а также используются такие оценочные понятия, как благоприятный результат, хозяйственно целесообразно (кн. III, титул V, п. 9), значительное зло (кн. IV, титул II, п. 5), пустой человек, достаточные основания, в высокой степени твердый человек (кн. IV, титул II, п. 6), явный обман, очевидная небрежность (кн. 4, титул 4, п. 24), истратил неразумно (кн. IV, титул IV, п. 32), неосмотрительно купил (кн. VI, титул I, п. 38) и т. п. Здесь же, в Дигестах Юстиниана, мы встречаем указания на заботливого и рачительного хозяина – *homo diligens et studiosus paterfamilias*, тип которого «служил мериллом для определения степени заботливости должника при исполнении им обязательства и в связи с этим степени ответственности за вину» [4, с. 327].

Можно согласиться с В. П. Малаховым, который, рассматривая оценочные понятия, указывает: «Они представляют собой логическую форму отражения правовых явлений, посредством которых только и может часто реализоваться воля законодателя. Полезность оценочных понятий в том, что они придают нормам права «эластичный» характер и тем самым обуславливают гибкость и подвижность правового регулирования» [5].

В рамках рассмотрения гражданского законодательства можно выделить разнообразные часто упоминаемые «обычно предъявляемые требования» и прочие оценочные понятия: обычно взимаемая цена (п. 3 ст. 424), пригодность товара для целей, в которых он обычно используется (п. 2 ст. 469), обычные условия хранения и транспортировки (п. 2 ст. 481), обычная практика эксплуатации транспортного средства (п. 2 ст. 635), обычный способ приемки работ (п. 3 ст. 720) и др.

Российская судебная практика также обращает свой взор на использование оценочных понятий. В соответствии со ст. 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод и ст. 29 Конституции Российской Федерации, гарантирующими каждому право на свободу мысли и слова, а также на свободу массовой информации, позицией Европейского суда по правам человека при рассмотрении дел о защите чести, достоинства и деловой репутации, постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» судам рекомендовано при рассмотрении дел о защите чести, достоинства и деловой репутации различать имеющие место утверждения о фактах, соответствие действительности которых можно проверить, и оценочные суждения, мнения, убеждения, которые не являются предметом судебной защиты, в порядке ст. 152 Гражданского кодекса РФ, поскольку, являясь выражением субъективного мнения и взглядов ответчика, они не могут быть проверены на предмет соответствия их действительности [6, с. 1]. М. Ф. Лукьяненко отмечала, что при применении норм с оценочными понятиями суд осуществляет конкретизирующее правотворчество, так как в результате вырабатывается положение, уточняющее содержание нормы. Однако необходимо учитывать индивидуальный уровень правосознания правоприменителя, необходимость обращения к специалистам и экспертам различных направлений.

В качестве примера оценочных понятий уголовного права, которые ложатся в основу оценочных суждений, можно привести такие, как разумный, обычный, необходимый, существенный, иной и др. Например, ч. 1 ст. 261 Уголовного кодекса РФ определено «уничтожение или повреждение лесных насаждений и иных насаждений в результате неосторожного обращения с огнем или иными источниками повышенной опасности». При определении понятия «иные насаждения» правоприменитель выводит оценочное суждение с учетом конкретных обстоятельств дела. Верховный Суд Российской Федерации обращает внимание, что Лесным кодексом РФ не раскрывается понятие «иные насаждения» применительно к ст. 261 Уголовного кодекса РФ. Поэтому, проанализировав специальное законодательство, руководствуясь разъяснениями, данными постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 5 ноября 1998 г. № 14 «О практике применения судами законодательства об ответственности за экологические правонарушения», а также принимая во внимание заключение ученых, Пленум Верховного Суда Российской Федерации в своем постановлении дает конкретные рекомендации судам о том, что именно следует относить к предмету преступления, предусмотренного ст. 261 Уголовного кодекса РФ.

Гражданско-правовому регулированию, как и всякому правовому, присуще свойство формальной определенности. Свообразие нормативно-правового стиля языка состоит в том, что он конкретен и лаконичен. Между тем даже совершенное гражданское законодательство не в состоянии учесть всего многообразия общественных отношений, требующих правового регулирования. Поэтому в ряде случаев законодатель не может однозначно регламентировать процессы в правовой сфере и использует понятия неопределенного содержания. Используя оценочные понятия, законодатель предоставляет правоприменителю свободу в их интерпретации путем наполнения конкретным содержанием в зависимости от конкретных обстоятельств. Адресат гражданско-правовой нормы с оценочным понятием сталкивается с ситуацией, когда эта норма имеет несколько вариантов, соответственно, существует возможность выбора поведения. Следует заметить, что оце-

ночные понятия в гражданском праве, как правило, используются в нормах, регламентирующих обязательственные отношения.

Анализ положений ныне действующего Гражданского кодекса РФ свидетельствует о расширении сферы применения норм, содержащих оценочные понятия, что объясняется, в частности, возрастанием роли гражданского права как основного регулятора товарно-денежных и иных отношений, складывающихся в рыночном хозяйстве, а также присущими гражданско-правовому регулированию началами инициативы и диспозитивности, равенства и взаимной имущественной ответственности участников гражданского оборота. М. И. Брагинский и В. В. Витрянский в подтверждение расширения использования оценочных понятий указывают, что их общее количество превышает 70. Это дает основание полагать, что в современных условиях все больше возрастает тенденция к применению более гибкого подхода в использовании средств юридической техники. Кроме того, в гражданском законодательстве появились законоположения, направленные на единообразие толкования отдельных оценочных понятий. Так, ст. 450 Гражданского кодекса РФ определяет признак, позволяющий считать нарушение договора существенным. Им является причинение нарушением договора такого ущерба, который обуславливает для стороны невозможность получить то, на что она была вправе рассчитывать при заключении договора. Статья 451 Гражданского кодекса РФ указывает критерии для отнесения изменения обстоятельств к числу существенных, правда используя при этом также норму с неопределенным содержанием. В ст. 523 Гражданского кодекса РФ называются нарушения условий договора поставки, которые признаются существенными, а ст. 898 Гражданского кодекса РФ расшифровывает понятие «чрезвычайные расходы» и т. п.

При классификации оценочных понятий гражданского права следует опираться на позиции М. И. Брагинского и В. В. Витрянского, группирующих оценочные понятия вокруг одного формирующего понятийное гнездо понятия. Первое место по числу норм, в которых оно использовано, занимает понятийное гнездо, образуемое вокруг понятия «разумный». Имеется в виду, в частности, разумный срок (ссылки на него приводятся в ГК более 30 раз), а наряду с ним разумные расходы, разумное ведение дел, разумная мера, разумная цена, разумно, разумность, разумная заботливость, разумное понимание, разумно произведенные. Второе понятийное гнездо связано с понятием «обычный»: обычно предъявляемые требования, обычно применяемое правило, обычная практика, обычно устанавливаемая цена, обычный способ, обычный срок, обычные условия, национальный обычай. Третье имеет в качестве ключевой формулу «необходимый». Соответственно, выделяются необходимые меры, необходимые условия, необходимые расходы, необходимость, необходимое для осуществления, необходимое для содержания, нормально необходимое. В четвертом гнезде коренное слово – «существенный». Соответственно, выделены: существенные условия, существо обязательства, существо договора, существо банковского вклада, существенные недостатки, существенные нарушения. К другим таким же гибким понятиям можно отнести: уважительные причины, очевидно свидетельствующие, чрезвычайности, явная несоразмерность, крайняя незначительность, осуществимые, конкретные, нормальное поведение, неустрашимые недостатки, уважительные причины, явные недостатки, незамедлительно, наиболее очевидный, тяжелые обстоятельства, достаточные меры, добросовестность и др. [7, с. 111].

В юридической литературе по конституционному праву, посвященной оценочно-понятийной проблематике, выделяют три разновидности оценочных понятий: количественные, качественные и смешанные [8, с. 69]. Например, количественные оценочные понятия призваны характеризовать явления с позиции выявления количественных показателей (это может быть привязка к денежным средствам или срокам). Так, согласно п. 2 ст. 13 Федерального закона «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации», полномочия Уполномоченного могут быть прекращены Государственной Думой также ввиду его неспособности по состоянию здоровья или по иным причинам в течение длительного времени (не менее четырех месяцев подряд) исполнять свои обязанности. Количественные оценочные понятия в российском конституционном законодательстве, как правило, весьма редки, поэтому критерии в установлении стандарта следует указывать только в отношении качественных оценочных понятий и оценочных понятий смешанного типа. Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» оперирует двумя оценочными категориями – действительная воля избирателей и достоверность определения результатов волеизъявления. При этом законодатель не указал никаких критериев (стандартов) их оценки и различий в нормах Закона.

Следует отметить, что оценочные понятия в правовом регулировании объективно необходимы и при соответствующих условиях задают определенную степень стабильности и регулятивной прочности, они как бы являются «мостиком», естественной связкой нормативно-правового формализма и практической жизни. В оценочных понятиях в отличие от понятий, не служащих таковыми, фиксируются лишь в высшей степени общие признаки обобщаемых явлений. Оценочное понятие обеспечивает возможность индивидуальной регуляции законодательства, позволяет учитывать всю специфику социального управления, предостерегает субъектам правоотношений возможность выбора наиболее оптимального варианта поведения. Оценочные понятия, содержащиеся в нормах права, позволяют отражать в нормативных актах государства все многообразие социальных явлений в их динамическом развитии. В таких понятиях в наиболее общем виде объединяются различные, неоднородные факты, явления, находящиеся в сфере правового регулирования, дается их оценка на основании определенных критериев.

1. Жеребкин, В. Е. Содержание понятия права (логико-юридический анализ) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / В. Е. Жеребкин. – Харьков, 1980. – С. 12.
  2. Васильев, А. М. Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права / А. М. Васильев. – М. : Юрид. лит., 1976. – С. 57.
  3. Безруков, С. С. Оценочные понятия и термины в уголовно-процессуальном законодательстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / С. С. Безруков. – М., 2001. – С. 25.
  4. Законы XII таблиц. Табл. I (4) // Памятники римского права: Законы XII таблиц. Институции Гая. Дигесты Юстиниана. – М. : Зерцало, 1997. – С. 5.
  5. Гулина, М. А. Словарь-справочник по социальной работе / М. А. Гулина. – СПб. : Питер, 2010. – С. 69.
  6. Потапенко, С. Правовая позиция Верховного Суда Рос. Федерации по диффамационным спорам / С. Потапенко // Официальный сайт Верховного Суда Рос. Федерации. – Режим доступа: [http://www. suprcourt. ru/print_page. php? id=2601](http://www.suprcourt.ru/print_page.php?id=2601). – Дата доступа: 13.02.2018.
  7. Брагинский, М. И. Договорное право. Общие положения / М. И. Брагинский, В. В. Витрянский. – М. : Статут, 1997. – С. 111.
- Питецкий, В. В. Некоторые перспективы дальнейшего использования оценочных понятий в советском уголовном праве / В. В. Питецкий // Конституция СССР и дальнейшее повышение эффективности норм уголовного права. – Свердловск, 1980. – С. 68.

ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОКУРОРА ПРИ РАЗРЕШЕНИИ ВОПРОСОВ, СВЯЗАННЫХ С ИСПОЛНЕНИЕМ ПРИГОВОРА

Чижик Екатерина Владимировна,
ассистент кафедры уголовного права и криминалистики
Полоцкого государственного университета, г. Новополоцк,
магистр юридических наук

Принцип законности является одним из конституционных принципов, на основе которого осуществляется защита правопорядка и обеспечение верховенства права в государстве [1]. Очевидно, что существует необходимость гарантии реализации этого принципа. На прокуратуру Республики Беларусь возложены задачи обеспечения верховенства права, законности и правопорядка, защиты прав и законных интересов граждан и организаций, также общественных и государственных интересов. Все эти задачи решаются ею посредством осуществления функций, наиболее важной из которых, является надзорная [2, с. 97]. Так, в соответствии с положениями Закона Республики Беларусь «О прокуратуре Республики Беларусь» (далее – Закон о прокуратуре), прокуратурой от имени государства осуществляется надзорная деятельность по пяти направлениям, именуемым отраслями прокурорского надзора [3].

Положениями уголовно-процессуального законодательства Республики Беларусь установлено, что уголовно-процессуальная деятельность строится как последовательная смена этапов – стадий уголовного процесса [4]. Исходя из положений Закона о прокуратуре, норм Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК), прокурорский надзор осуществляется во всех стадиях уголовного процесса [3; 4]. Стадия исполнения приговора не является исключением, поскольку, в соответствии со ст. 25 УПК, ст. 4 Закона о прокуратуре, органами прокуратуры осуществляется надзор не только за соответствием закону судебных решений по уголовным делам, но и за их исполнением [3; 4].

Согласно ч. 1 ст. 402 УПК, вопросы, связанные с исполнением приговора (определения, постановления), разрешаются судьей единолично в судебном заседании с участием прокурора. Отметим, что участие прокурора в судебном заседании является обязательным. В случае его неявки судья откладывает судебное заседание [5]. Видится, что такое условие является справедливым и обоснованным, гарантирующим соблюдение законодательства в стадии исполнения приговора. Обязательное участие прокурора обеспечивает решение задач, поставленных перед органами прокуратуры. После того, как исследованы имеющиеся в деле документы, в судебном заседании заслушивается заключение прокурора, в котором им излагается мотивированный вывод о том, как должны быть разрешены рассматриваемые вопросы. Тот факт, что прокурор выступает последним, дает ему возможность оценить при даче заключения все собранные по делу данные [6, с. 963]. Вопросы, возникающие в ходе исполнения приговора, составляют самостоятельный пласт отношений, не касающихся ни обвинения, ни самого приговора. Поэтому достаточно сложно достоверно определить характер деятельности прокурора, участвующего в судебном заседании в стадии исполнения приговора.

Как отмечают многие ученые-юристы, функция прокурорского надзора не распространяется на суд и судебную деятельность, в частности, и в судебном заседании в ходе разрешения судом вопросов, связанных с исполнением приговора, объектом прокурорского надзора выступает не деятельность суда или сам суд, а состояние законности. По нашему мнению, именно это положение и определяет содержание деятельности прокурора в стадии исполнения приговора [7, с. 42; 8, с. 60].

Как известно, для классического судебного разбирательства характерны противоположность, несовпадение материально-правовых интересов сторон, а также процессуальное равенство сторон, то есть процесс по своему характеру является состязательным, стороны в ходе отстаивания своих интересов равны. Однако принцип состязательности и равенства сторон в полной мере реализуется лишь в стадии судебного разбирательства. Прокурор в таком случае занимает позицию государственного обвинителя, одновременно с этим выступает гарантией соблюдения законодательства всеми участниками судебного разбирательства [8].

Характеризуя судебное заседание, в котором разрешаются вопросы, связанные с исполнением приговора, о состязательности процесса говорить не приходится, хотя психологическая установка участников судопроизводства на процессуальный спор присутствует [9, с. 89]. Рядом авторов деятельность прокурора в стадии исполнения приговора определяется как правозащитная, правообеспечительная [10, с. 63]. Данное положение подтверждается тем, что прокурор в силу упрощенного характера производства не может быть признан стороной в деле, поскольку он не преследует ни материально-правового, ни процессуального интереса [7, с. 44–45]. Однако в рамках осуществления надзорной деятельности, которая неразрывно связана с правозащитой и правообеспечением, прокурор вправе заявлять ходатайства и отводы, следить за соблюдением процессуального регламента судебного заседания, принимать меры к тому, чтобы не нарушались права участников судопроизводства. Так, в стадии исполнения приговора прокурор обеспечивает защиту интересов государства, общества, а также участников данного вида производства. Прокурор в большей степени выступает как помощник в принятии судом решения, одновременно являясь лицом, осуществляющим надзор, объектом которого определяется не деятельность суда, суд, а состояние законности.

Таким образом, деятельность прокурора в стадии исполнения приговора можно определить как относительно самостоятельный вид уголовно-процессуальной деятельности, напрямую связанный с надзором. Эта деятельность имеет собственный предмет регулирования, специфическое содержание и направлена на защиту интересов личности, общества и государства в стадии исполнения приговора, являясь по своей сути правозащитной, правообеспечительной деятельностью, в процессе осуществления которой прокурор гарантирует соблюдение прав и законных интересов участников данного вида производства.

Список использованных источников

1. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2016. – 62 с.
2. Шостак, М. А. Прокурорский надзор : ответы на экзаменац. вопросы / М. А. Шостак. – 3-е изд., перераб. – Минск : ТетраСистемс, 2012. – 288 с.
3. О прокуратуре Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 8 мая 2007 г., № 220-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.07.2016 // ЭТАЛОН. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
4. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г. : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобрен Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 08.01.2018 // ЭТАЛОН. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
5. Бори́ко, С. В. Уголовный процесс : учебник / С. В. Бори́ко. – Минск : Адукацыя і выхаванне, 2016. – 392 с.
6. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Респ. Беларусь / Н. И. Андрейчик [и др.] ; под науч. ред. М. А. Шостака / Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь. – Минск : Акад. МВД, 2014. – 1230 с.
7. Воронин, О. В. Прокурорское уголовное преследование в различных стадиях и производствах отечественного уголовного процесса / О. В. Воронин // Вестн. Томского гос. ун-та. Право. – 2013. – № 1 (7). – С. 42–45.
8. Качалов, В. И. Об участии прокурора в стадии исполнения итоговых судебных решений в уголовном судопроизводстве России / В. И. Качалов // Вестн. Акад. Генеральной прокуратуры Рос. Федерации. – 2017. – № 4 (60). – С. 59–64.
9. Биби́ло, В. Н. Конституционные принципы правосудия и их реализация в стадии исполнения приговора / В. Н. Биби́ло. – Минск : Университетское, 1986. – 160 с.
10. Гу́цин, В. З. Правозащитные функции прокуратуры в постсоциалистическом государстве / В. З. Гу́цин, А. В. Чурилов // Государство и право. – 1998. – № 5. – С. 59–67.

ПРАВА ЖИЛИЩНО-СТРОИТЕЛЬНОГО КООПЕРАТИВА

Шавырина Оксана Владимировна,
старший преподаватель кафедры правовых дисциплин
Могилевского института МВД Республики Беларусь, г. Могилев

«Под компетенцией какого-либо органа, учреждения, организации или предприятия следует иметь в виду совокупность всех их полномочий (всех прав и обязанностей), которыми они наделены в области своей деятельности со стороны государства» [1, с. 434].

Жилищно-строительный кооператив (далее – ЖСК) наделен довольно широкими правами. «Данный вид кооператива как юридическое лицо – это не просто совокупность его членов, а объединение, то есть социальное образование, которое выступает как самостоятельная целостная единица» [1, с. 434].

Правовые связи, возникающие с созданием ЖСК, отличаются спецификой, которая обусловлена природой жилищной кооперации граждан. Связи эти неоднородны. Одну группу их, называемую внешнекооперативными правоотношениями, составляют административные, земельные, финансовые и гражданские взаимоотношения кооператива с органами государственного управления и различными организациями. Эта группа занимает важное место в образовании кооперативной собственности на жилые дома, обеспечении их сохранности, эксплуатации и обслуживания.

Правовые связи с органами государственного управления определяются, кроме того, порядком организации ЖСК, функциями этих органов по государственному руководству кооперативов и контролю за их деятельностью, обеспечению содействию кооперативному жилищному строительству. Правовые отношения с различными организациями возникают при строительстве, ремонте, техническом обслуживании ЖСК, снабжении их электроэнергией, водой, теплом, газом, а также при удовлетворении иных хозяйственных нужд.

Другая группа – это так называемые внутрикооперативные отношения, которые опосредуют участие ЖСК в образовании и использовании жилищного фонда [2, с. 118].

Деятельность ЖСК основывается на широкой инициативе и самодеятельности самих пайщиков, то есть осуществляется силами членов ЖСК на началах самоуправления. В основе управления ЖСК лежит принцип широкой кооперативной демократии.

Еще В. И. Ленин говорил, раскрывая сущность о независимости кооперации: «кооперативы живут своей внутренней жизнью, регулируемой нормами «кооперативного права», вырабатываемого самой кооперацией на основании автономии, предоставленной ей государством» [3, с. 347].

Когда принимались Основы гражданского законодательства союзных республик, ЖСК почти не было в нашей стране. Поэтому в отдельных нормах не была учтена их специфика. И в связи с этим как ранее, так и сейчас возникают неясности по вопросам компетенции ЖСК.

Права ЖСК начиная с 1924 года, когда впервые гражданам было предоставлено право объединяться в жилищно-строительные товарищества, отдельно не выделялись [4]. Впервые права ЖСК были закреплены в Примерном уставе ЖСК 1962 года [5]. В соответствии с данным уставом ЖСК имели право: получать в установленном порядке в бессрочное пользование земельные участки, пользоваться кредитами банков, осуществлять строительство жилого дома (домов) по действующим типовым проектам, применяемым в данном городе, поселке городского типа, в совхозе или поселке, расположенном в сельской местности, с учетом этажности, установленной для застройки данного района, и в сроки, установленные для строительства жилых домов, сооружаемых за счет государственных капитальных вложений, заключать с подрядной организацией договор на строительство дома (домов), осуществлять расчеты за выполненные работы или передавать выполнение функций заказчика по этому строительству соответствующим отделам (управлениям) исполкомов Советов народных депутатов, а также заключать договоры, связанные с эксплуатацией дома (домов).

В дальнейшем в соответствии с Типовым уставом ЖСК 1972 года кооперативам уже было предоставлено право иметь, кроме домов и хозяйственных построек, еще и сети водопровода, теплоснабжения, канализации, газовые сети и внутриквартирное газовое оборудование, а также зеленые насаждения, различные материалы и хозяйственный инвентарь, мебель, канцелярские принадлежности и т. д. С разрешения Госстроя ЖСК за счет своих средств по дополнительным сметам вправе были производить улучшенную отделку и устанавливать более совершенное оборудование в кооперативном доме. Дальнейшее правовое закрепление права ЖСК получили в Примерном уставе ЖСК 1984 года [6].

В соответствии с данным уставом ЖСК имели право: получать земельный участок в бессрочное пользование для возведения на нем жилого дома (домов) и хозяйственных сооружений; пользоваться государственным кредитом; заключать со строительной организацией договор на строительство дома (домов) или передавать выполнение функций заказчика по этому строительству исполнительному комитету соответствующего местного Совета народных депутатов; участвовать в приемке в эксплуатацию государственной приемочной комиссией законченного строительства или капитально отремонтированного жилого дома (домов); переоборудовать с разрешения местного исполнительного комитета непригодные для проживания жилые помещения в нежилые; передавать в установленном порядке соответствующим предприятиям и организациям сети водопровода, канализации, теплоснабжения, электрические и газовые сети, телефонные подстанции; сдавать в аренду предприятиям, учреждениям, организациям нежилые помещения; организовывать культурно-бытовое обслуживание членов кооператива и членов их семей.

В настоящее время права ЖСК регулируются ст. 197 Жилищного кодекса Республики Беларусь (далее – ЖК). ЖСК имеют право: получать в установленном порядке земельные участки и производить их застройку и обустройство в порядке, установленном законодательством; проводить в установленном порядке реконструкцию и ремонт дома либо заключать соответствующие договоры на проведение таких работ; осуществлять в случае передачи функций заказчика по строительству, реконструкции объектов недвижимого имущества иной организации контроль за ходом строительства, реконструкции объектов недвижимого имущества, стоимостью строительства, реконструкции этих объектов, состоянием расчетов с подрядчиками, совершать иные действия, направленные на своевременное обеспечение ввода объектов недвижимого имущества в эксплуатацию, в том числе с привлечением инженера (инженерной организации); принимать в члены ЖСК и исключать из ее членов граждан, юридических лиц и индивидуальных предпринимателей; устанавливать размеры вступительного, паевых (при финансировании строительства, реконструкции или приобретении объектов недвижимого имущества ЖСК), членских, целевых и дополнительных взносов; владеть, пользоваться и распоряжаться объектами недвижимого имущества, находящимися в собственности ЖСК; осуществлять обслуживание объектов недвижимого имущества ЖСК собственными силами и (или) передавать объекты недвижимого имущества на техническое обслуживание организации, осуществляющей эксплуатацию жилищного фонда и (или) предоставляющей жилищно-коммунальные услуги; пользоваться кредитами банков; владеть, пользоваться и распоряжаться своим имуществом, исходя из целей и задач деятельности; обжаловать в установленном порядке решения государственных органов и организаций, действия (бездействие) должностных лиц, нарушающие права ЖСК; вступать в ассоциации (союзы) ЖСК и выходить из них; заключать договора на предоставление жилищно-коммунальных услуг; открывать субсчета на ведение расчетных и кассовых операций по техническому обслуживанию и текущему ремонту общего имущества и по оплате членами ЖСК, собственниками объектов недвижимого имущества, не являющимися членами этой организации, оказанных коммунальных и других услуг; обеспечивать с согласия членов ЖСК и собственников объектов недвижимого имущества, не являющихся членами этой организации, за их счет оказание им необходимых услуг. И данный перечень не является исчерпывающим.

Если сравнить права ЖСК, указанные в ранее принятых Типовых уставах ЖСК, то данный перечень является весьма обширным.

Следует отметить, что права ЖСК, указанные в ЖК, имеют много общего с правами ЖСК, указанными еще в Примерном уставе ЖСК 1984 года, но есть и отличия. Например, отсутствуют такие права, как «переоборудовать с разрешения исполнительного комитета непригодные для проживания жилые помещения в нежилые, организовывать культурно-бытовое обслуживание членов кооператива и членов их семей». Хотя, по нашему мнению, эти права и незначительно включать в компетенцию ЖСК, в связи с изменением законодательства о жилищно-строительной кооперации и утрате ими своей актуальности.

Права ЖСК, указанные в ЖК, по сути полностью дублируют права ЖСК, указанные в Указе Президента Республики Беларусь от 28.01.2008 № 43 «О деятельности организаций застройщиков, гаражных кооперативов и кооперативов, осуществляющих эксплуатацию автомобильных стоянок» (в ред. от 17.04.2012), в частности, в принятом им Положении «Об организациях застройщиков» [7]. В связи с этим нам непонятна позиция законодателя, что данное Положение утратило силу, а права и обязанности ЖСК перенесли в ЖК.

По нашему мнению, компетенция ЖСК как юридического лица – это вопросы гражданского права и вопросы прав и обязанностей ЖСК не содержащиеся в нормах ЖК. Но законодатель считает по-иному.

Несмотря на постоянно изменяющееся законодательство в сфере жилищно-строительной кооперации, многие вопросы так и остались неразрешенными.

Особого внимания заслуживает такое право ЖСК, как владеть, пользоваться и распоряжаться объектами недвижимого имущества, находящимися в собственности ЖСК, а также нарушение данного права местными исполнительными и распорядительными органами.

Правильная организация управления хозяйственной деятельностью ЖСК невозможна без сочетания государственного руководства ими с широким развитием внутрикооперативной демократии и инициативы самих пайщиков. Органы государства практически с момента существования жилищно-строительной кооперации всегда направляли деятельность кооперативов, определяли их структуру, организацию и задачи, помогали им в строительстве жилых домов, в эксплуатации жилищного фонда, руководили их деятельностью.

Если вернуться в историю, то жилищно-строительная кооперация в период с 1924 года до 17 октября 1937 г. (то есть до появления постановления ЦИК и СНК СССР «О сохранении жилищного фонда и улучшении жилищного хозяйства в городах» [8]) получила широкое распространение. С 1937 года жилищная кооперация была реорганизована. Однако контроля со стороны органов власти не было. И поэтому значительная часть собранных с пайщиков средств направлялась на покрытие убытков, вызванных бесхозяйственностью в строительстве. Уже 5 октября 1962 г. Совет Министров РСФСР утвердил Примерный устав ЖСК [5]. И с этого момента контроль за деятельностью ЖСК целиком перешел к местным Советам депутатов трудящихся.

В постановлении СНК СССР от 13 февраля 1938 г. «Об изменении жилищного законодательства СССР в связи с постановлением ЦИК и СНК СССР от 17 октября 1937 г. «О сохранении жилищного фонда и улучшении жилищного хозяйства в городах»» СНК союзных республик было предложено разработать и утвердить примерные уставы ЖСК. Примерный устав ЖСК был принят в РСФСР постановлением правительства от 31 октября 1939 г. [9]. Этим Уставом впервые предусматривалось, что деятельность ЖСК производится не только под контролем, но

и под наблюдением жилищного управления местного районного, поселкового, городского Советов. Решениям жилищного управления исполкомов была придана обязательная сила. Жилищное управление получало право требовать от общего собрания, ревизионной комиссии или правления кооператива привлечение к ответственности членов кооператива и работников органов управления кооперативов за нарушение ими законов, постановлений, устава и распоряжений жилищного управления. На местные Советы возложили утверждение плана строительства, его объема, времени начала и окончания строительных работ.

В соответствии с Типовыми уставами ЖСК 1972 года и 1984 года руководство ЖСК осуществляли местные исполнительные и распорядительные органы. Они утверждают решения собраний граждан-фундаторов об организации кооперативов, списки граждан, желающих вступить в кооператив, и т. д. Исполкомы отводили земельные участки под строительство кооперативного дома и выполняли ряд других действий, направленных на нормальную деятельность ЖСК. Таким образом, государственное руководство ЖСК позволяло обеспечить сочетание широкой внутрикооперативной демократии с контролем за их функционированием со стороны государства. Вместе с тем следует особо подчеркнуть, что право распоряжаться имуществом, составляющим кооперативную собственность ЖСК, принадлежало исключительно самим кооперативам.

В дальнейшем в соответствии со ст. 115 ЖК БССР (РСФСР) исполкомы местных Советов народных депутатов осуществляли контроль за деятельностью ЖСК, за эксплуатацией и ремонтом принадлежащих им домов. Также они вправе были отменить решение общего собрания или правления кооператива, если оно противоречило законодательству. Управление делами ЖСК осуществлялось на демократической основе. Демократические основы управления делами кооператива проявлялись в принципах формирования органов кооперативного управления, их компетенции, также и методах деятельности [10, с. 295].

Местные Советы народных депутатов, их исполнительные и распорядительные органы осуществляли на своей территории контроль за деятельностью ЖСК. Они содействовали организационно-хозяйственному укреплению кооперативов, повышению благоустройства жилых домов, оказывали помощь в правильной эксплуатации и ремонте домов. Непосредственное руководство и контроль за деятельностью ЖСК возложены были на жилищные управления (отделы) или управления (отделы) коммунального хозяйства исполкомов городских и районных Советов народных депутатов, которые имели право издавать обязательные для всех ЖСК, расположенных на их территории, приказы и распоряжения. Они вправе были проверять деятельность кооперативов, проводить ревизии финансово-хозяйственной деятельности. Жилищные (коммунальные) органы местных Советов контролировали соблюдение ЖСК их уставов и действующих законов. Они рассматривали и согласовывали штатные расписания кооперативов, планы по труду, сметы административно-хозяйственных расходов; рассматривали решения общих собраний и давали по ним заключения. Они вправе были приостановить действие указанных решений, если они противоречили законодательству, либо сделать предложение исполкому об отмене таких решений.

Местные Советы народных депутатов, осуществляя контроль за деятельностью ЖСК, должны были строго соблюдать устав кооператива, руководствоваться требованиями закона, а свои предложения и рекомендации проводить через органы кооператива [10, с. 297].

Однако, несмотря на обширные права того времени местных органов власти относительно контроля за деятельностью ЖСК, разграничение компетенции относительно прав ЖСК и местных органов власти уже тогда вызывало много трудностей.

Так, ранее в практике было известно немало случаев, когда исполком отказывал в выдаче ордеров на заселение кооперативной жилой площади, несмотря на то, что в свое время он проверял списки членов кооператива и утвердил их. Острота этих споров объяснялась тем, что пайщик годами добросовестно выполняет обязанности члена кооператива, и вдруг его лишают право на квартиру, по существу построенную на его средства. В дальнейшем в Типовом уставе ЖСК 1972 года) было предусмотрено, что пересмотр исполкомом местного Совета депутатов трудящихся утвержденного им списка членов кооператива после регистрации устава не допускается.

Много суждений также было высказано по вопросу прав исполкома на утверждение кандидатуры для заселения квартиры, освобождающейся в кооперативном доме, в связи с выбытием из нее пайщика.

В Примерных уставах как РСФСР, так и союзных республик говорилось, что исполком местного Совета контролирует решения органов кооператива о приеме новых пайщиков и о предоставлении им квартир. Но каким образом он осуществляет этот контроль, сказано не было. Поэтому одни авторы считали, что прием в члены ЖСК и распределение квартир являются исключительной компетенцией общего собрания членов кооператива. При этом они не оспаривали права исполкома проверять решения кооператива и в случае незаконности отменить его. По мнению других авторов, действия исполкома по такому предварительному разрешению являются правомерными [1, с. 441].

Вместе с тем ЖСК сами разрабатывали и утверждали свои хозяйственно-финансовые планы, управляли своим хозяйством, распоряжались средствами кооператива и решали вопросы внутренней жизни [11, с. 28].

В настоящее время проблема разграничения прав между ЖСК и местными исполнительными и распорядительными органами, которая была не разрешена с момента возникновения ЖСК, не решена и на сегодняшний день.

Так, имеют место случаи, когда отдельные местные исполнительные и распорядительные органы неправильно понимают свои права и поступают так, как будто они вправе распоряжаться жилыми (нежилыми) помещениями в домах ЖСК.

Мы рассмотрим данную проблему на примере г. Могилева.

В последнее время в г. Могилеве интенсивно ведется жилищное строительство. Особенно это касается микрорайона «Спутник», где идет активная застройка пустырей.

В образованных в данном районе ЖСК стоит главная проблема: почему местные исполнительные и распорядительные органы нарушают их право владеть, пользоваться и распоряжаться объектами недвижимого имущества, находящимися в собственности ЖСК? Почему зачастую госструктуры получают деньги, сдавая нежилые помещения «многоэтажек», которые принадлежат ЖСК?

Вот что, к примеру, говорят члены одного из ЖСК г. Могилева: «В кооперативном доме по ул. Лазаренко, 48 есть полуподвальное помещение площадью более 270 м². Сегодня там находится магазин, который город сдает в аренду, получая доход от этой деятельности. Несколько лет мы обращаемся в разные инстанции по вопросу законности присвоения и использования этого помещения горвластями. Оно, как и весь дом, построено на деньги жильцов, город не имел никакого отношения к этому. Могилевский облисполком отвечает нам, что в отношении этого помещения в 2006 году была проведена госрегистрация права собственности за административно-территориальной единицей Могилева и права хозяйственного ведения – за КУП «ЖРЭО Ленинского района» в Едином госреестре недвижимого имущества. Облисполком не усматривает оснований для отмены этого решения, хотя собственники никакого согласия на отчуждение помещения не давали. Власти и прокуратура предлагают нам обращаться в суд, если мы считаем, что наши права нарушили. Но ведь нарушены не только наши права, но и законы страны! Более того, до недавнего времени за отопление этого магазина платили жильцы дома. Этот вопрос нам удалось решить. Правда, власти подошли к делу своеобразно. За отопление мы уже не платим. Зато вторую зиму сотрудники магазина работают без отопления, потому что его отрезали от общего счетчика». На этот счет имеется разъяснение Международной ассоциации менеджмента недвижимости: «При строительстве многоэтажного жилого дома примерно 95 % стоимости тратится на общее имущество и только 5 % стоят все квартиры дома, вместе взятые. То есть если гражданин заплатил за квартиру \$100 000, то примерно \$95 000 он отдал за строительство этих самых полуподвалов, подвалов, стен, крыши и т. д. И это четко отражено в бухгалтерии застройщика. По сути, квартира – это воздух между наружными стенами и плитами перекрытия. Без общего имущества квартиры быть не может, главное в «многоэтажке» – общее имущество, которое конструктивно и создает отдельные квартиры. И так как за «общее имущество» заплатили собственники квартир, то им оно и принадлежит. Это частная собственность, но не индивидуальная, а коллективная» [12].

То есть, в нашем случае собственниками данных помещений будут являться либо члены ЖСК, собственники жилых (нежилых) помещений в доме ЖСК, либо ЖСК. И только они имеют право сдавать в аренду пустующие изолированные помещения или размещать рекламу на возмездной основе, так как решение о сдаче в аренду нежилых помещений принимает общее собрание ЖСК. Это его исключительное право. А вот доходы распределяются между членами ЖСК не могут, так как ЖСК – некоммерческая (недоходная) организация. Доходы могут тратиться на уставные цели, например на оплату труда штатных работников, ремонт дома, обустройство дворовой территории и т. д., что не прямо, но косвенно уменьшает расходы жильцов, и только по решению общего собрания.

Так, еще один пример, когда прокуратура Витебской области привлекла к ответственности должностных лиц Полоцкого ЖКХ за незаконное размещение рекламы в лифтах жилых домов [12]. Многоквартирный дом – объект совместного домовладения и находится в собственности граждан либо ЖСК. Решение об использовании имущества принимается на общем собрании участников большинством голосов. В данном случае согласие жильцов дома на размещение объявлений организацией ЖКХ получено не было.

Следует отметить, что Комитет государственного контроля уже давал разъяснения по этой теме: «В Минске сложилась практика, когда имущество совместного домовладения, к которому относятся и лифты, ГО «Минское городское жилищное хозяйство» по договорам сдает фирме, а фирма в кабинках подъемных устройств размещает рекламу без согласия собственников. Объединение получает от этого доходы, что является незаконным обогащением, и эти деньги подлежат возврату собственнику. По законодательству надо заручиться согласием владельцев жилья и договориться с ними о плате за использование их собственности. Деньги могли бы аккумулироваться, например, на особом счете для последующей оплаты капремонта или освещения мест общего пользования и т. д. Подвалы домов тоже входят в общее совместное имущество. Но эти помещения отдельные жилищные организации посчитали своими, а в некоторых районах города умудрились их даже реприватизировать, то есть зарегистрировать в БРТИ как государственную коммунальную собственность, и получают незаконные доходы. Или использование так называемых колясочных: в определенный момент жилищные объединения перевели их в разряд служебного жилья, а где-то и приватизировали. Но когда в 1990-е гг. началась приватизация жилого фонда, стоимость колясочных как общего имущества совместного домовладения вошла в цену каждой приватизированной квартиры конкретного дома. Получается, чужую собственность продали фактически дважды. Надо, чтобы люди понимали, чем они реально вправе управлять, что составляет их собственность. А так за размещенную рекламу в лифтах деньги получает городское жилищное хозяйство, за рекламную конструкцию на крыше – бюджет и рекламораспространители, за использование подвалов – ЖРЭО и ЖЭСы. Доходы идут на содержание работников жилищного хозяйства города. А суммы эти не такие уж и малые» [13].

То есть, ЖСК имеют право получать свои дивиденды от рекламы в лифте, на крыше или фасаде их дома. Эти средства по договору должны поступать на расчетный счет ЖСК в установленном законом порядке

с уплатой налогов. Жилищно-коммунальные организации, обслуживающие жилые дома, не являются собственниками этих зданий. Поэтому они не могут распоряжаться чужим имуществом. И таких проблем в Республике достаточно много.

Таким образом, права ЖСК, начиная с 1972 года и до принятия ЖК Республики Беларусь 2012 года, постоянно претерпевали изменения. Однако неизменным правом ЖСК всегда было право владения, пользования и распоряжения своим имуществом. На протяжении всего развития жилищно-строительной кооперации размежевание компетенции относительно прав ЖСК и местными исполнительными и распорядительными органами всегда было актуальной проблемой, которая сохранилась и на сегодняшний день.

Правильное понимание ЖСК своих прав является одним из условий их нормальной деятельности и развития, выполнения поставленных перед ними задач. Приведенные выше факты свидетельствуют о незнании местных исполнительных и распорядительных органов норм, регулирующих деятельность ЖСК. Независимо от того, где и как организован ЖСК, местные исполнительные и распорядительные органы не вправе распоряжаться имуществом ЖСК. Право собственности каждой кооперативной организации, в том числе и ЖСК, как субъективное право означает возможность для данной организации владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом по своему усмотрению в соответствии с волей своих членов и в пределах, установленных законом. Поэтому важное значение здесь имеет размежевание компетенции ЖСК и местных исполнительных и распорядительных органов. По мнению автора, права ЖСК и местных исполнительных и распорядительных органов требуют более конкретизированного законодательного урегулирования, так как одного п. 6 ст. 197 ЖК недостаточно (как показывает практика) для понимания своей компетенции местными исполнительными и распорядительными органами.

Список использованных источников

1. Жилищное законодательство / под ред. Р. Х. Сиденко, Т. Н. Лисниченко. – Киев : Политиздат Украины, 1975. – 488 с.
2. Марткович, И. Б. Жилищное право: закон и практика / И. Б. Марткович. – М. : Юрид. лит., 1990. – 320 с.
3. Ленин, В. И. Полн. собр. соч. / В. И. Ленин. – М., 1962. – Т. 37. – С. 347.
4. СЗ СССР, 1924. – № 5. – ст. 60.
5. СП РСФСР, 1962. – № 1.
6. СЗ БССР, 1984. – № 4. – ст. 500.
7. О деятельности организаций застройщиков, гаражных кооперативов и кооперативов, осуществляющих эксплуатацию автомобильных стоянок : Указ Президента Респ. Беларусь, 28.01.2008, № 43 : в ред. от 17.04.2012 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
8. СП СССР, 1937. – № 2. – ст. 93.
9. СП РСФСР 1939. – № 2. – ст. 43.
10. Андрианов, И. И. Жилищное законодательство. Практические вопросы / И. И. Андрианов. – М. : Юрид. лит., 1988. – 384 с.
11. Дергачев, А. Ф. Организация и деятельность жилищно-строительных кооперативов в БССР / А. Ф. Дергачев, А. И. Власов ; науч. ред. В. Ф. Чигир. – Минск : Наука и техника, 1979. – 231 с.
12. Доходы от дома. Как защищены права собственников в «многоэтажках» [Электронный ресурс] // Аргументы и факты. – Режим доступа <http://www.aif.by/social/dom/dohody>. – Дата доступа: 11.04.2018.
13. Комитет государственного контроля Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kgk.gov.by/ru>. – Дата доступа: 17.03.2018.

ВАССЕНААРСКИЕ ДОГОВОРЕННОСТИ КАК ОДИН ИЗ МЕЖДУНАРОДНЫХ РЕЖИМОВ ЭКСПОРТНОГО КОНТРОЛЯ

Шемет Антон Вадимович,
сотрудник отдела секретариата и канцелярии ЗАО «БСБ Банк»,
студент магистратуры Международного университета «МИТСО», г. Минск

В настоящее время существует пять многосторонних соглашений (режимов экспортного контроля), направленных на нераспространение оружия массового поражения, обычных вооружений и осуществление контроля над передачей товаров двойного применения и ракетных технологий:

- Группа ядерных поставщиков (ГЯП) – контроль над ядерным компонентом;
- Комитет Цангера (КЦ) – контроль над ядерным компонентом;
- Австралийская группа (АГ) – контроль над компонентами химического и биологического оружия;
- Режим контроля ракетных технологий (РКРТ) – контроль над ракетными технологиями и средствами доставки;
- Вассенаарские договоренности (ВД) – контроль над обычными вооружениями.

Принимая во внимание, что обычные вооружения представляют собой наиболее массовый вид средств ведения боевых действий, рассмотрим Вассенаарские договоренности как действенный механизм многостороннего сотрудничества в сфере экспортного контроля.

В период блокового противостояния Варшавского договора и НАТО западноевропейские страны применяли меры жесткого контроля за экспортом обычного оружия, соответствующих товаров и технологий двойного назначения. С 1950 года эти функции выполнял Координационный комитет по контролю за экспортом (КОКОМ). По завершении периода конфронтации задачи и цели КОКОМ перестали соответствовать новым геополитическим реалиям.

В 90-е гг. XX в. началась подготовительная работа по созданию нового режима. В сентябре 1995 года вблизи г. Гаага в Вассенааре представители 22 государств-участников бывшего КОКОМ (страны НАТО, Австрия, Новая Зеландия, Финляндия, Швейцария, Швеция и Япония), а также Венгрия, Польша, Словакия, Чехия и Россия на совещании на высшем уровне приняли решение об учреждении нового форума, который должен прийти на смену КОКОМ. В феврале 1996 г. на очередном совещании результаты переговоров были окончательно закреплены в Вассенаарских договоренностях (далее – ВД), а 11 – 12 июля 1996 г. состоялось их подписание.

ВД были призваны:

- «способствовать большей транспарентности и ответственности государств в области поставок обычных вооружений, а также товаров и технологий двойного назначения в целях предотвращения их дестабилизирующего накопления;
- добиваться путем координации национальной политики государств-участников недопущения укрепления военной мощи других стран, способной нанести ущерб приведенным здесь целям, в результате поставок товаров и технологий, являющихся предметом договоренностей;
- дополнять и укреплять существующие режимы по контролю за оружием массового уничтожения и средствами его доставки, а также способствовать международным мерам повышения транспарентности и ответственности путем контроля за поставками вооружений, а также товаров и технологий двойного назначения, способными угрожать национальной и региональной безопасности;
- способствовать координации действий по предотвращению приобретения каким-либо государством чувствительных товаров и технологий в военных целях, если ситуация в данном регионе или поведение данного государства является предметом озабоченности со стороны государств-участников» [1].

Мерой контроля ВД является обмен информацией. Согласно соглашению государства-участники регулярно встречаются для обмена на добровольной основе информацией, относящейся к поставкам обычных вооружений, а также технологий и товаров двойного назначения. Основываясь на взаимно предоставляемой информации, государства-участники ВД координируют свою национальную экспортную политику в отношении прочих стран.

ВД состоят из двух частей:

- 1) первая относится к товарам и технологиям двойного назначения;
- 2) вторая – к поставкам обычных вооружений.

Первая часть ВД основывается на «базовом» списке товаров и технологий и списке «чувствительных» товаров и технологий, запрещенных к несанкционированной продаже, причем во втором списке отдельно указаны товары и технологии, требующие особого внимания.

Оба списка включают примерно такой же перечень товаров и технологий, что и списки бывшего КОКОМ: материалы, станки, электронное оборудование, компьютеры и информационные системы, навигационное оборудование, измерительная аппаратура, электроника, авионика и силовые установки (всего около ста наименований). Однако порог чувствительности установлен более высоким, чем в КОКОМ – под ВД попадают, прежде всего, наиболее «чувствительные» товары и технологии.

По первому списку в отношении поставок товаров и технологий обмен информацией осуществляется на регулярной основе дважды в год без суммирования.

По второму списку в отношении поставок «чувствительных» товаров и технологий информация предоставляется в суммарном виде, а по особо чувствительным товарам – на индивидуальной основе предпочтительно в течение 30 и не позднее чем через 60 дней после факта поставки или отказа.

Отказ какого-либо из государств-участников продать товар или технологию из перечня первого или второго списка никоим образом не обязывает других участников соглашения придерживаться такого же решения относительно своих экспортных поставок. Решение о поставке входит исключительно в компетенцию каждого из государств-участников.

По второй части ВД обмен информацией о поставках обычных вооружений осуществляется каждые шесть месяцев. Обмен данными производится по шести категориям вооружений, перечисленным в Регистре обычных вооружений ООН, за исключением ракетной техники. В отличие от данных, предоставляемых в Регистр ООН, информация по ВД включает данные о типе и модели поставляемых вооружений. Наряду с этим списком действует также и бывший список КОКОМ, который Россия и Франция рассматривают только как справочный.

В отношении информации о поставках товаров и технологий двойного назначения, а также поставок вооружений государства-участники могут запросить друг у друга дополнительную информацию, используя дипломатические каналы.

По состоянию на 01.01.2018 участниками Вассенаарских договоренностей является 41 государство; (председательство от Франции (2017 год) перешло к Великобритании). Формализованной процедуры присоединения к ВД пока нет. Предусматривается открытое членство в режиме на недискриминационной основе для любого государства, отвечающего следующим критериям:

- страна должна быть производителем и экспортером вооружений, технологий и товаров двойного назначения;
- страна должна быть привержена международным принципам нераспространения, включая возможное участие в таких режимах, как ГЯП, РКРТ, Австралийская группа, а также в соответствующих многосторонних договорах: ДНЯО, КХО, Биоконвенция, Договор о СНВ, включая Лиссабонский протокол;
- страна должна иметь эффективную, законодательно оформленную систему экспортного контроля.

Вассенаарские договоренности в строгом смысле не являются режимом экспортного контроля, а представляют консультационный механизм. ВД не направлены против какого-либо государства или группы стран, а также не имеют целью преследовать поставки гражданского назначения. ВД также не противоречат легитимному праву государств на приобретение средств для собственной обороны в соответствии со ст. 51 Устава ООН.

Вместе с тем в рамках ВД существуют и нерешенные проблемы. По мнению В. Л. Малькевича, к ним относятся:

- отсутствие согласованных подходов к содержанию понятия «дестабилизирующее накопление вооружения» и его количественным параметрам применительно к отдельному государству или группе государств, что может привести к неправильному расчету количества вооружения и военной техники, которые могут быть импортированы конкретным государством как необходимые для обеспечения национальной обороны;
- отсутствие разграничения чисто гражданского и потенциально военного использования импортных товаров (т. е. страны-импортеры сами гарантируют невоенное использование товаров соответствующими сертификатами) [2, с. 360–361].

В заключение отметим, что Республика Беларусь, не являясь государством – членом Вассенаарских договоренностей, имплементировала требования этого режима в свое национальное законодательство.

Список использованных источников

1. Wassenaar Arrangement on Export Controls for Conventional Arms and Dual-Use Goods and Technologies [Electronic resource] // Вассенаарские договоренности. – Mode of access: <https://www.wassenaar.org/app/uploads/2015/06/WA-DOC-17-PUB-001-Public-Docs-Vol-I-Founding-Documents.pdf>. – Date of access: 16.04.2018.
2. Малькевич, В. Л. Экспортный контроль: от противостояния к сотрудничеству / В. Л. Малькевич. – М. : Об-во сохранения лит. наследия, 2012. – 512 с.

НАИМЕНОВАНИЕ МЕСТА ПРОИСХОЖДЕНИЯ ТОВАРА КАК ОБЪЕКТ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ГРАЖДАНСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Юрчиков Роман Игоревич,
студент магистратуры Института законовения и управления ВПА, г. Тула

Научный руководитель: *Колесникова Надежда Аркадьевна,*
старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин
Института законовения и управления ВПА, г. Тула,
кандидат политических наук

В соответствии с действующим гражданским законодательством Российской Федерации все объекты интеллектуальной собственности, названные в ст. 1225 ГК РФ [1], имеют различный правовой режим и разделены на две самостоятельных группы:

- 1) результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации. Исходя из законодательного деления, в первую группу объектов входят: произведения науки, литературы и искусства, изобретения, селекционные достижения, топологии интегральных микросхем и другие объекты, созданные в результате творческого труда или труда, тесно связанного с творческим;
- 2) средства индивидуализации юридических лиц и их деятельности (товаров, работ, услуг и предприятий), а именно: фирменные наименования, коммерческие обозначения, товарные знаки и знаки обслуживания, наименования мест происхождения товаров.

В научной литературе обычно указывается, что институт правовой охраны наименования места происхождения товара в нашей стране еще очень молод. Позволим себе не согласиться с этим утверждением, так

как он существует с 1992 года, то есть четверть века – а это уже зрелость. На сегодняшний момент на территории Российской Федерации зарегистрировано около двухсот наименований мест происхождения товара [2, с. 38]. Такое количество зарегистрированных наименований мест происхождения товара объясняется их уникальностью как объектов интеллектуальной собственности. Уникальность обуславливается выполняемой функцией наименований мест происхождения товара, а именно индивидуализацией товара конкретного производителя, обладающего уникальными свойствами.

В силу своего значения наименование места происхождения товара как средство индивидуализации имеет широчайшее распространение и значение среди производителей товаров, которые заинтересованы в сохранении особых свойств производимых ими товаров. При этом стоит учитывать, что товар, который призвано индивидуализировать наименование места его происхождения, должен обладать особыми свойствами, характерными для данной местности, и/или такая продукция должна быть изготовлена людьми, обладающими особыми знаниями и опытом, происходящими из определенной местности.

Известные в истории первые законодательные акты, относящиеся к правовой охране наименований мест происхождения товаров, применялись во Франции, а именно законы 1905 года и 1919 года, в которых впервые и был закреплен термин «наименование места происхождения товара».

В литературе многократно высказывались мнения относительно того, что в сфере охраны наименования места происхождения товара применяется усложненная терминология, которая до сих пор не унифицирована на международном уровне, что ведет к нечеткому разграничению вышеуказанных понятий [3, с. 4].

Наименование места происхождения товара – это специфичное понятие, которое представляет собой «географическое название страны, региона или местности, используемое для обозначения происходящего отсюда продукта, качества и свойства которого обусловлены исключительно или преимущественно географической средой, включая естественные и природные факторы» (ст. 2 Лиссабонского соглашения об охране наименований мест происхождения товаров и их международной регистрации, в котором Россия не участвует) [4].

Глава 76 ГК РФ посвящена охране и защите прав на средства индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий. За основу гл. 76 ГК РФ были взяты положения Закона РФ от 23 сентября 1992 г. № 520-1 «О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров» (документ утратил силу), которым предоставлялась охрана таким объектам интеллектуальной собственности, как товарные знаки, знаки обслуживания и наименование места происхождения товара.

Термин «наименование места происхождения товара» имеет более корректную правовую конструкцию в части четвертой ГК РФ, чем в предыдущих законодательных актах. Отличим определения «наименование места происхождения товара» в ГК РФ от определения, содержащегося в Законе РФ от 23 сентября 1992 г. № 520-1, является дополнение словами: «официальное или неофициальное, полное или сокращенное название местности». Федеральным законом от 4 октября 2010 г. № 59-ФЗ «О внесении изменений в ч. 4 Гражданского кодекса Российской Федерации» определение было дополнено следующим положением: «Положения настоящего пункта соответственно применяются к обозначению, которое позволяет идентифицировать товар как происходящий с территории определенного географического объекта и, хотя не содержит наименования этого объекта, стало известным в результате использования данного обозначения в отношении товара, особые свойства которого отвечают требованиям, указанным в абзаце первом настоящего пункта». Таким образом, изменениями, внесенными в Федеральный закон от 4 октября 2010 г. № 59-ФЗ, было дополнено понятие «наименование места происхождения товара», что позволило относить к ним обозначения, не связанные с наименованием географического объекта. Если прежнее определение позволяло утверждать, что наименование места происхождения товара – это название географического объекта, то современное его определение не дает основания для такого однозначного вывода.

Понятие «наименование места происхождения товара», определенное в ранее действовавшем Законе РФ от 23 сентября 1992 г. № 520-1 «О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров», близко к определению, данному в ст. 2 Лиссабонского соглашения об охране наименований мест происхождения товаров и их международной регистрации и Типовом законе для развивающихся стран о наименованиях мест происхождения и указаниях происхождения, разработанном Всемирной организацией интеллектуальной собственности (ВОИС) в 1975 году. Однако Российская Федерация пока не участвует в Лиссабонском соглашении.

В соответствии со ст. 1516 ГК РФ под наименованием места происхождения товара понимается обозначение, представляющее собой либо содержащее современное или историческое, официальное или неофициальное, полное или сокращенное наименование страны, городского или сельского поселения, местности или другого географического объекта, а также обозначение, производное от такого наименования и ставшее известным в результате его использования в отношении товара, особые свойства которого исключительно или главным образом определяются характерными для данного географического объекта природными условиями и (или) людскими факторами.

Анализ данного определения позволяет провести классификацию товаров с зарегистрированными наименованиями мест его происхождения по трем группам:

- 1) товары, особые свойства которых исключительно или главным образом определяются характерными для географического объекта природными условиями (минеральные воды и природные минералы, например мраморы);

2) товары, особые свойства которых определяются природными условиями в сочетании с людскими факторами (алкогольная продукция, продукты питания, художественные керамические изделия, художественное чугунное литье, предметы одежды);

3) товары, особые свойства которых определяются только человеческими факторами (художественные изделия, производимые сложившимися коллективами людей на основе многолетнего опыта и производственных традиций, передаваемых из поколения в поколение (художественная роспись, резьба бытовых предметов, вязаные и вышивные изделия, художественные изделия из металлов, игрушки, музыкальные инструменты)) [5, с. 35].

Следует отметить, что порой разделить товары по группам, соответствующим влиянию на их свойства только людского фактора или совместно влиянию людского фактора в сочетании с природными условиями, бывает очень сложно, а в определенных случаях даже невозможно.

Ключевым элементом понятия наименования места происхождения товара является географический объект, под которым понимается современное или историческое, официальное или неофициальное, полное или сокращенное наименование страны, городского или сельского поселения либо местности. Географический объект может быть квалифицирован либо в соответствии с административным делением государства, либо по границам соответствующей местности согласно науке физической географии.

Уникальность наименования места происхождения товара как объекта интеллектуальной собственности подтверждается также обстоятельством, что этот объект является для правообладателя связующим звеном в отношении других объектов интеллектуальной собственности. Как справедливо отмечается в литературе, обладатели свидетельств на право пользования конкретным наименованием места происхождения товара могут являться правообладателями товарных знаков, а также патентообладателями изобретений, полезных моделей и промышленных образцов. Кроме того, имеется ряд зарегистрированных наименований мест происхождения товаров, представляющих собой не что иное, как произведения искусства, охраняемые авторским правом.

Все вышесказанное позволяет выделить следующие признаки (специфические черты) наименования места происхождения товара:

- 1) наименование места происхождения товара – это прежде всего обозначение;
- 2) наименование места происхождения товара выражает или обозначает географический объект;
- 3) наименование места происхождения товара олицетворяет в товаре особые природные или людские факторы (техногенные) географического объекта производства;
- 4) в наименовании места происхождения товара должно содержаться прямое или косвенное указание на то, что товар происходит из конкретной страны, области или местности.

Подводя итоги, необходимо сделать вывод о том, что сущность наименования места происхождения товара как объекта интеллектуальной собственности заключается не только в обозначении достоверной информации о происхождении товара (место, где товар произведен), а в подтверждении наличия у товара особых свойств, обусловленных именно географическим местом его происхождения.

Вместе с тем наименование места происхождения товара как объект прав имеет свои характерные индивидуальные особенности, позволяющие этому средству индивидуализации иметь свой особый правовой режим.

Таким образом, вопросы права интеллектуальной собственности в России весьма актуальны и требуют к себе повышенного внимания, в частности и вопросы правовой охраны наименования места происхождения товара. Его уникальность обусловлена особенностями возникновения, связанными с накоплением, сохранением, применением традиционных знаний, влиянием особенностей культуры народов, а также ролью природы в формировании свойств товаров, определенной географической среды конкретного места. Следует отметить, что продолжительность времени возникновения данного объекта зачастую равна времени жизни нескольких поколений.

На сегодняшний день создана законодательная база для правовой охраны объектов интеллектуальной собственности, без нормального функционирования которых невозможно создание развитого рынка товаров и услуг.

При этом наименование места происхождения товаров является средством индивидуализации товара, и своевременная регистрация прав на данный объект интеллектуальной собственности, а также его эффективная защита в административных и судебных органах служат важным инструментом в конкурентной борьбе.

Список использованных источников

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) [Электронный ресурс]: 18 дек. 2006 г., № 30-ФЗ : принят Гос. Думой 24 нояб. 2006 г. : одобрен Советом Федерации 8 дек. 2006 г. : в ред. Федер. Закона от 01.07.2017 : с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2018 // Российская газета. – 2006. – 22 дек. – № 89.

2. Цитович, Л. В. Особенности правового режима наименований мест происхождения товаров в Российской Федерации / Л. В. Цитович, А. Б. Никишов, А. С. Шабай // Промышленная собственность. – 2016. – № 1. – С. 35–42.

3. Гаврилов, Э. П. Практика охраны наименований мест происхождения товаров: что изменилось? / Э. П. Гаврилов, Е. А. Данилина // Патенты и лицензии. – 2006. – № 1. – С. 4–7.

4. Об участии делегации Российской Федерации в качестве наблюдателя в Дипломатической конференции по принятию нового акта Лиссабонского соглашения об охране наименований мест происхождения и их международной регистрации (г. Женева, Швейцария, 11 – 21 мая 2015 г.) [Электронный ресурс] : распоряжение Правительства Рос. Федерации, 28 апр. 2015 г., № 748-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 04.05.2015. – № 8. – Ст. 2761.

5. Еременко, В. И. О правовой охране наименований мест происхождения товаров в России / В. И. Еременко // Законодательство и экономика. – 2012. – № 5. – С. 35–38.

СЕКЦИЯ 3

ШЕСТОЙ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ УКЛАД ЭКОНОМИКИ: ФИЛОСОФСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ И СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПОСТРОЕНИЯ

ВЛИЯНИЕ СМИ НА ПРАВОСОЗНАНИЕ МОЛОДЕЖИ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

Калкаева Несибели Бакитовна,
ассоциированный профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин
Института истории и права Казанского национального
педагогического университета им. Абая, г. Алматы,
кандидат юридических наук

Сегодня сеть Интернет является самым большим хранилищем информации на нашей планете. Если какие-то данные были переведены в цифровой формат, то, вероятнее всего, их можно найти в Интернете. Эти массивные объемы данных, с одной стороны, открывают невероятные перспективы для изучения, анализа, обработки и использования. Но с другой стороны, эта же информация может быть опасной для человека, который захочет с ней ознакомиться.

Интернет сочетает в себе все основные характеристики остальных СМИ. Другими словами, если проанализировать, как те или иные СМИ влияют на общество, то можно приблизительно предсказать и то, как будет влиять на них Интернет с его невероятной массой информации. В качестве основного предмета анализа будет использовано телевидение, так как его аудитория наиболее обширна по сравнению с другими средствами массовой информации и коммуникации.

В XX – XXI вв. одной из главных проблем общества является насилие и снижение моральных ценностей. В конце 80-х – начале 90-х гг. в постсоветском обществе произошло много социальных, экономических, политических и культурных трансформаций. Для постсоветских регионов наступило время рыночных реформ, политической модернизации, государственной независимости. С выбором суверенного пути развития, ориентацией на рыночное хозяйство и Казахстан встал перед проблемой трансформации общественного знания. Изменились ценности жизни (например, коллективизм стал заменяться корпоративностью и индивидуализмом, ценности личного плана стали важнее ценностей общественных, групповых), появился новый рыночный общественный уклад. Эти обстоятельства привели к поиску ценностей, которые могли бы способствовать становлению между нашими согражданами отношений добра, справедливости, взаимопомощи, терпимости, а также ценностей, которые бы способствовали раскрытию и реализации творческих возможностей каждой личности. В этих условиях изменились общественные идеалы и стереотипы поведения людей, поэтому потребовалось коренное преобразование содержания знаний, обновление методов и совершенствование технологий обучения и воспитания молодежи. Именно поэтому в последнее десятилетие перед казахстанским обществом в целом и конкретно перед учителями, воспитателями, родителями со всей очевидностью встала проблема духовно-нравственного воспитания новых поколений.

Дети, пришедшие сегодня за парты, уже не те, что были тридцать и даже 10 лет назад. Они более активны и осведомлены – как им кажется, чуть ли не во всех областях жизни, они смелее и самоувереннее. Нередко у многих детей мы встречаем переоценку своей поверхностной информированности, пренебрежение к авторитету и мнению других, замечаем неумение чувствовать и нежелание задумываться. Характерными причинами данной ситуации явились отсутствие четких положительных жизненных ориентиров для молодого поколения, резкое снижение морально-нравственной обстановки в обществе, спад культурно-досуговой работы с детьми и молодежью; резкое снижение физической подготовки молодежи, недостаточность патриотического воспитания; резкие, непродуманные изменения в образовательной системе, вымывающие многолетний положительный опыт отечественной педагогики, ориентированной на формирование нравственной, всесторонне развитой личности. Все это происходит на фоне беспрецедентной для Казахстана, направленной на детей пропаганды жестокости, агрессивной рекламы. Это приводит к формированию вредных привычек у детей. В представлениях детей о главных человеческих ценностях духовные ценности вытесняются материальными, и, соответственно, среди ценностей детей преобладают узколичностные, «статусно-вещевые» [1].

И это можно назвать закономерным, ведь согласно официальным рейтингам самые популярные телепрограммы – это ток-шоу, в которых обсуждают сомнительные с точки зрения морали и этики темы. Согласно статистике агентства TVMedia, около трети всех телезрителей составляют дети и подростки, а также молодые люди в возрасте до 24 лет. Телевизионная информация впитывается молодым детским сознанием, и, в отсутствие других источников, которые были бы более авторитетными или просто могли бы поставить информацию из ТВ под сомнение, именно она становится фундаментом их мировоззрения.

Уже длительное время ученые (К. Хенниган, Б. Сентеруолл, Б. Гантер, А. И. Донцов, Л. Беркович) исследуют воздействие медианасилия на человека, и их исследования подтверждают мнение о том, что насилие на экране действительно может побуждать к насилию в реальной жизни. Средства массовой информации периодически информируют нас о преступлениях, совершаемых несовершеннолетними, и обычно общественность реагирует на них крайне остро. Популярные ток-шоу обсуждают причины таких преступлений,

в газетах журналисты изобличают производителей компьютерных игр, которые якобы прививают детям жестокость и расположенность к насилию. С учетом того, что насилие подсознательно притягивает и завораживает человека, оно является одним из наиболее выигрышных и оправданных с точки зрения финансовой мотивации данного вида деятельности, элементом кино- и телепродукции [2].

Преступления, совершенные по аналогии с их кинематографическими примерами или повторяющие эпизоды видеоигр, вызывают еще больший общественный резонанс, ведь они обычно отличаются необоснованной на первый взгляд жестокостью, а некоторые поражают своим цинизмом. Такие преступления обычно называют «преступления-копии», и они составляют небольшую часть от всей остальной массы уголовных дел.

В то же время миллионы людей, которые играют в те же игры, смотрят те же фильмы, не чувствуют желания кого-то убить, покалечить или изнасиловать [3]. Логичным представляется предположение о том, что существуют какие-то другие факторы, которые влияют на человека и его личность. Это предположение становится более вероятным, если учесть то, что большинство несовершеннолетних преступников считало, что совершаемые ими действия единственно верные. Они не видели никаких моральных преград при совершении преступных деяний. В своем сознании совершаемые ими действия были логичными и правильными. Исследователи (И. А. Рубенштейн, Г. А. Комсток, Р. Бейкер, А. Глюксманн) влияния медианасилия на детей считают, что тут есть серьезная связь.

Что мы характеризуем термином «медианасилие»? Американские исследователи Г. Джордж и Г. Ларри в своей статье дают следующую характеристику медианасилию: «открытое применение физической силы против себя или другие принудительные действия, осуществляющиеся против чьей-либо воли под страхом нанесения телесных повреждений или убийства, либо при фактическом осуществлении последних» [4]. Российские ученые, впрочем, как и американские, все еще не пришли к единодушному мнению, но, на наш взгляд, внимания заслуживает мнение доцента кафедры социологии МГИМО, доктора культурологии и кандидата социологических наук, К. Тарасова. Медианасилием К. Тарасов называет «разновидность социального взаимодействия, в котором одно действующее лицо (или группа лиц) осуществляет негативное принуждение по отношению к другому действующему лицу (или группе лиц) посредством угрозы или реального применения физической силы, имеющее своим последствием телесные повреждения, моральный и имущественный ущерб» [5, с. 69]

Наше государство на законодательном уровне, конечно же, защищает детей от подобного рода информации, закон запрещает пропаганду информации, которая может повлиять на нравственное развитие детей [6], но объективная реальность и простые наблюдения за телеэфиром говорят о недостаточном ведении практических работ в данном направлении. Исследования, проводимые в США, показали, что если родители нормально относятся к жестоким передачам или шоу, то и ребенок будет относиться к ним обычно. Это опять же связано с обучающимся мозгом ребенка, когда он повторяет то, что видит вокруг, тем более если его главные учителя говорят ему, что насилие – это нормально.

Было также выявлено, что люди, которые смотрят на проявления насилия и жестокости на экранах, более восприимчивы к ней, то есть не отторгают ее и принимают как должное, если действие на экране обладает рядом факторов. К этим факторам относятся:

- преступник представляет собой привлекательную ролевою модель;
- насилие выглядит оправданным;
- за насилием не следует возмездия (преступные действия не вызывают раскаяния, не осуждаются, не наказываются);
- жертва насилия несет минимальный ущерб;
- сцена насилия воспринимается зрителем как реалистичная [7, с. 33].

Другими словами, если в фильме/сериале/мультфильме или шоу сюжет будет построен на том, что жену/девушку/ребенка главного героя похитили и главный герой идет ее спасать, попутно избивая, калеча или даже убивая врагов, при этом не нанося вреда посторонним, то эта сцена будет рассмотрена зрителем как вполне нормальная и приемлемая для них. И действительно, такое поведение на экране встречается почти в каждом боевике или блокбастере.

Такое отношение постепенно может привести к десенсбилизации, то есть к постепенному привыканию к жестокости на телеэкране и изменению внутреннего видения мира под действием этого влияния. Ребенок, постоянно смотрящий боевики и криминальные сериалы, в итоге не только научится заряжать патроны в дробовик, но и привыкнет ко всей экранной жестокости и в следующий раз, когда другие дети испугаются, он не почувствует сильного страха или же страха вовсе. Неким подтверждением этого феномена могут служить исследования, проведенные американскими учеными, в ходе которых двум группам детей показывались сцены насилия. После этого ученые наблюдали, какая из них покажет больше агрессии и признаков враждебности, и, конечно же, эта была группа, подвергавшаяся воздействию телевизионного насилия. Такие дети впоследствии меньше обращались к взрослым, становясь свидетелями драк между сверстниками, они также испытывали меньше возбуждения при просмотре программ с элементами насилия [8, с. 418–421].

Помимо фактора десенсбилизации, у детей были выявлены еще несколько последствий просмотра телепередач с элементами насилия. К ним относятся;

- дезингибция – состояние, при котором просмотры сцен насилия постепенно ослабляют в сознании ребенка социальные санкции, которые направлены на предотвращение такого поведения;

- возбуждение – зрители при просмотре телепередач испытывают легкое возбуждение, которое, однако, практически незаметно, но свидетельствует об их реакции на просматриваемый контент;
- катарсис – механизм, позволяющий ребенку высвободить накопленный гнев посредством просмотра телепередач. Катарсис часто отождествляют с тем, что СМИ с их программами, содержащими насилие, положительно влияют на людей, позволяя им держать агрессию в себе и давать ей выход посредством телепередач. Исследованием катарсиса занимался еще Аристотель, который считал, что трагедия, вызывая сострадание и страх, заставляет зрителя сопереживать, тем самым очищая его душу, возвышая и воспитывая его. В настоящее время данный феномен получил несколько иное звучание – катарсисом считается переживание негативных эмоций человеком и изживание этих эмоций. Например, при созерцании сцены убийства на экране человек высвобождает собственные негативные эмоции и снимает напряжение. В противном случае предполагается, что человек мог бы совершить какое-либо насилие в реальной жизни;
- имитация – из названия очевидно, что в ходе имитации ребенок видит на телеэкране главного героя, который бьет злодеев, и потом в реальной жизни может либо повторить эти насильственные действия в виде драки на улице или задиранья других детей, либо начать подражать ему без причинения вреда себе и другим;
- описанные выше последствия важны не только с точки зрения исследования влияния медианасилия, но и с точки зрения криминологии. Детское сознание, которое каждую неделю в течение нескольких (и более) лет будет подвергаться воздействию насилия со стороны масс-медиа, будет постепенно деформироваться и привыкать к нему. Ребенок начнет думать, что поведение на экране телевизора и есть то, как себя ведут обычно люди. Это впоследствии, вероятнее всего, станет одним из основных детерминантов отклонения от норм поведения (девиантное поведение).

Говоря об усыновлении (удочерении), необходимо также затронуть тему детей, находящихся в детских домах. Если исходить из теории Э. Х. Эриксона, такие дети еще в раннем возрасте получили серьезную психологическую травму, и тот факт, что их никто не усыновил (не удочерил), лишь усугубляет ситуацию. По состоянию на 2015 год, из трехсот тысяч сиротами являются более тридцати тысяч детей, то есть одна десятая от общего количества детей в Республике Казахстан. Такие дети, с силу сложившихся жизненных обстоятельств, не имеют авторитетного родителя, для них единственным человеком, которому можно доверять, являются они сами. Ведь человек не может предать сам себя, следовательно, ребенок уже лучше, чем родители, которые его бросили. Эти дети доверяют только себе и заботятся обычно только о себе, ведь больше никому этого делать. Привязанность как отношение ребенка к родителю обеспечивает ребенку безопасность и эмоциональную поддержку, отсутствие этой поддержки ведет к тому, что ему приходится защищать себя самому.

Что же мы получаем в итоге небольшого проведенного анализа? Сознание детей действительно поддается влиянию СМИ, в силу своей молодости они не могут нормально фильтровать получаемую информацию, и, если им никто не будет помогать, у них может сложиться неправильное представление об обществе, его законах и нормах поведения. Однако медианасилие – это не единственное, что сегодня беспокоит не только исследователей детской психологии, но и родителей. Речь идет об откровенных, пошлых, содержащих сексуальные сцены материалах, которые транслирует телевидение и представляет сеть Интернет.

Тут мы сталкиваемся с несколько иной проблемой, нежели медианасилие. Речь идет о том, что постоянный просмотр разнообразных сериалов и развлекательных передач негативно влияет в сознании подростков и молодежи на представление о мире, и в частности на представления об отношениях между мужчиной и женщиной.

Популярной в СМИ темой также является тема принуждения мужчиной женщины к сексуальным отношениям. Обычно это представляется следующим образом: мужчина без насилия, но в крайне напористой и активной форме склоняет девушку (женщину) к занятию с ним сексом, но девушка не желает этого и пытается вырваться; мужчина видит сопротивление партнерши, но не отступает и проявляет еще больший напор, в итоге все представляется так, будто девушка под напором доминантного мужчины сдается обуревающим ее чувствам, и руки, которые еще минуту назад отталкивали, теперь обнимают. И такие сцены сексуального характера распространены не только на телеэкранах, но и в сети Интернет. Это может способствовать тому, что у растущего поколения мужчин сложится неправильное представление не только об отношениях с противоположным полом, но и о таинстве сексуальной близости. Они будут считать, что если девушка против близкого контакта с ними, то нужно лишь действовать агрессивно, напористо, игнорировать ее слова, и тогда она сдастся ему на милость, а возможно, и сама будет активно принимать участие в половом акте.

И весь этот контент смотрят дети и молодежь, неудивительно, почему современные девушки потребительно ведут себя с представителями противоположного пола, а молодые люди смеются над словом «джентльмен», ни во что не ставят права женщин и считают, что все они «доступны» для них. Такой взгляд на жизнь, по нашему мнению, может не только подтолкнуть человека к совершению преступления, но и в длительной перспективе сказаться на том, каким идеалам будет следовать человек.

На сегодняшний день в нашей стране выстроена целостная система воспитания, ориентированная на современные потребности общества и государства. Требования, предъявляемые к воспитанию поколения, отражены в Послании Президента страны народу Казахстана 1997 года «Прцветание, безопасность и улучшение

ние благосостояния всех казахстанцев», в Законе Республики Казахстан «Об образовании» 2007 года, в Законе Республики Казахстан «О правах ребенка», в Законе Республики Казахстан «О государственной молодежной политике». Были приняты «Концепция воспитания в системе непрерывного образования в Республике Казахстан», Закон Республики Казахстан «О профилактике правонарушений среди несовершеннолетних и предупреждении детской безнадзорности и беспризорности», Указ Президента РК «Об утверждении Стратегии гендерного равенства в Республике Казахстан на 2006 – 2016 гг.» и т. д. К сожалению, в средствах массовой информации мы не наблюдаем отражения тех принципов нравственного воспитания, которые изложены в вышеперечисленных документах.

Довольно парадоксально, что на сегодняшний день иностранное телевидение, в частности американское, выглядит намного добрее и приятнее для просмотра, нежели российское или казахстанское. Если в США герои сериала показывают, как испытывают друг к другу глубокие чувства, любовь, сострадание, доверие и другие человеческие и душевные качества, то в российских сериалах показана «жизнь как она есть». В них парень может ухватить девушку за попу в коридоре университета во время перемены, а разговоры и шутки на тему секса совершенно не редкость, а обыденность. Эксплуатирование сильными людьми слабых также подпадает под стандарты современного сериала, а если сюжет построен на том, что слабый становится сильным, то он впоследствии расправляется со своими прошлыми обидчиками.

Из вышесказанного мы можем сделать вывод о том, что СМИ оказывают активное психологическое влияние на формирование мировоззрения ребенка, и это влияние, носящее негативный характер, впоследствии приводит к деформации неокрепшей психики и искажению представлений ребенка об окружающем мире. По нашему мнению, данный феномен следует причислить к детерминантам преступности.

Конечно же, современный уровень развития психологии пока еще не дает нам права делать каких-либо безапелляционных заявлений. Это связано как с недостаточной исследованностью, так и с невозможностью точного измерения человеческих чувств. Но на наш взгляд, игнорирование фактов и результатов исследований также недопустимо в деле изучения причин преступления.

Список использованных источников

1. Харисов, Ф. Школа как центр культуры духовной и физической / Ф. Харисов // Воспитание школьников. – 2000. – № 6. – С. 2–5.
2. Золотов, Е. А. Воздействие аудиовизуального насилия на подрастающее поколение России: историко-культурологический аспект [Электронный ресурс] / Е. А. Золотов // Информ. гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». – Режим доступа: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/4/Zolotov_EA/. – Дата доступа: 15.11.2015 г.
3. Свежая статистика о российских геймерах [Электронный ресурс] // Hi-News.ru. – Режим доступа: <http://hi-news.ru/research-development/svezhaya-statistika-o-rossijskix-gejmerax.html>. – Дата доступа: 15.11.2015 г.
4. Gerbner, G. Violence in television drama: Trends and symbolic functions / G. Gerbner. – The Annenberg School of Communications University of Pennsylvania Horace, 1979. – 187 p.
5. Тарасов, К. Агрессивная кинодиета ТВ и сотрудничество / К. Тарасов // Высш. образование в России. – 2002. – № 3. – С. 66–76.
6. О правах ребенка в Республике Казахстан [Электронный ресурс]: Закон Респ. Казахстан от 8 авг. 2002 г. № 345-III : с изм. и доп. по состоянию на 24.05.2018 // Параграф. Информ. системы. – Режим доступа: http://online.zakon.kz/document/?doc_id=1032460. – Дата доступа: 15.11.2015 г.
7. Television Violence and Aggression : A Retrospective Study. – Texas : University of Texas at Arlington, 2006. – 49 p.
8. Drabman, R. S. Does media violence increase children's toleration of real life aggression / R. S. Drabman, M. H. Thomas // Developmental Psychology. – 1974. – № 10 (3). – P. 418–421.

КУЛЬТУРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ НАСЕЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ

Каргаполова Екатерина Владимировна,
профессор кафедры социологии
Астраханского государственного университета, г. Астрахань,
доктор социологических наук, доцент

Студинова Дарья Сергеевна,
студентка Астраханского государственного университета, г. Астрахань

Социокультурная система Российской Федерации находится в состоянии модернизации, связанной с вызовами современности, в частности с необходимостью перехода к шестому экономическому укладу. При этом культуру можно рассматривать как важнейший элемент социокультурной системы, имеющий «первостепенное значение для понимания механизмов исторической деятельности – от воспроизводящей

общество и государство до формирующей повседневности» [1, с. 25]. Через культуру, систему ценностей осуществляется интеграция социальной жизни региона, поддержание морально-нравственного порядка [2, с. 218].

Развитие культурного потенциала населения связано с целями модернизации, понимаемыми как «достижение достойных содержания и условий труда уровня и качества жизни людей, формирование и утверждение совокупности ценностей, в центре которых находится развитие человека как личности, его способностей и потребностей, свобод и прав, социальных обязанностей и профессиональных компетенций» [3, с. 25]. «Интеграторами культурного потенциала выступают язык, образование, базовые ценности (традиции, порядок, семья, общительность), либеральные ценности (независимость, инициатива, свобода), религиозная структура населения, уровень толерантности, развитие учреждений светской культуры, тип поведения личности» [4, с. 73].

Рассмотрим динамику культурного потенциала Российской Федерации на примере конкретного субъекта – Астраханской области. В данной статье при анализе культурного потенциала астраханцев мы акцентируем внимание на таких индикаторах, как состояние культурно-массовых учреждений, их посещаемость. Так, на сегодняшний день в регионе действуют четыре театра, семь музеев, выставочные залы, кинотеатры, библиотеки, филармония и картинная галерея имени Б. Кустодиева [5]. Без сомнения, можно сказать, что сама Астрахань, благодаря своей богатой истории, является культурно-историческим памятником.

Судя по статистической информации, число стадионов с трибунами на 1500 мест и более выросло с четырех в 1995 году до двенадцати в 2009 году, но к 2016 году снизилось до семи [здесь и далее по тексту источник статистической информации: 6]. Число плоскостных спортивных сооружений (площадок и полей) выросло с 549 в 1995 году до 943 в 2013 году, к 2016 году также несколько снизилось (до 903). За период 1995 – 2016 гг. число спортивных залов выросло с 287 до 480, плавательных бассейнов – с 10 до 17.

Прослеживается закономерность снижения посещений театров по сравнению с 1990 годом по Южному федеральному округу, а также в целом по Российской Федерации (см. табл.). Отличаются показатели по Астраханской области, которые, несмотря на снижение, в 2012 году превысили показатель по региону 1990 года. Зафиксированы минимальные значения по данному показателю по стране в 2004 – 2005 гг., по ЮФО – в 2006 году, а по области – в 2008 году. Таким образом, с 1990 года по 2004 – 2009 гг. посещаемость театров снижается, но с 2010 года начинает значительно увеличиваться повсеместно. В 2008 году регион занимал 44-е место среди субъектов Российской Федерации по данному показателю, в 2010 году – 22-е место, в 2015 году – 6-е место, а в 2016 году – 14-е место.

Анализируя статистику по показателю «число посещений музеев», справедливо сделать вывод, что относительно 1990 года к 2016 году показатель значительно снизился по региону и по Российской Федерации в целом. Причем по Астраханской области – более чем в 2 раза. Что касается Южного федерального округа, то там показатель увеличился, что не может не радовать. По Российской Федерации минимум посещений зафиксировано в 2000 году, по округу – в 2004 году, а по региону – в 2008 году. С 2010 года и по стране, и по округу, и по региону отмечается рост данного показателя. Но по региону также зафиксирован некоторый его спад в 2015 – 2016 гг.

Что касается развития библиотечного фонда, то количество экземпляров книг в библиотеках с 1990 года снизилось повсеместно. Наиболее ощутимо это отражается по округу, где данный показатель принимает минимальные значения по сравнению с регионом и страной в целом (в 2009 году – 2369 экз. на 1000 чел.), а относительно 1990 года к 2016 году он снизился практически вдвое.

Источниками информации о динамике культурного потенциала населения региона могут быть не только статистические данные, но и результаты мониторингового социологического исследования¹.

По результатам первой волны исследования, проведенной в 2010 году, зафиксировано, что культурный потенциал населения Астраханской области по такому показателю, как посещаемость культурно-массовых учреждений, был сниженным по сравнению с другими регионами России, в которых опрос проводился по аналогичной методике [более подробно см. 7, 8]. По результатам последующих двух волн 2012 года и 2016 года выявлен рост посещаемости культурно-массовых учреждений астраханцами, что в большей степени коснулось представителей молодого поколения и не может не радовать [более подробно см. 2].

---

¹ Технические параметры исследования. В Астраханской области мониторинговое социологическое исследование проведено под руководством Е. В. Каргаполовой методом интервью по месту жительства по Типовой методике Всероссийской программы «Социокультурная эволюция России и ее регионов» (руководители и разработчики инструментария на федеральном уровне – Н. И. Лапин, Л. А. Беляева, ЦИСИ ИФ РАН). Первый этап был проведен в январе 2010 г. (№ = 1000), второй – в мае – июне 2012 г. (№ = 600), третий – в апреле – мае 2016 г. (№ = 1000). Выборка стратифицированная, квотно-маршрутная. Квотируемые признаки: «пол», «возраст», «тип поселения», «этническая структура». Погрешность выборки – 3 %. Обработка и анализ данных проведены с использованием SPSS 17.0. Матрица разработана специалистами ЦИСИ ИФ РАН.

Таблица – Развитие учреждений светской культуры и массово-культурная жизнь населения Астраханской области

Варианты ответов, годы	Численность зрителей театров на 1000 чел. населения			Число посещений музеев на 1000 чел. населения			Библиотечный фонд на 1000 чел. населения (на конец года; экземпляров)		
	Астраханская область	Южный федеральный округ	Российская Федерация	Астраханская область	Южный федеральный округ	Российская Федерация	Астраханская область	Южный федеральный округ	Российская Федерация
1990	262	270	376	701	693	973	7855	7426	7787
1995	166	136	213	474	532	508	7363	5928	7448
2000	191	117	210	681	298	499	7070	5330	7017
2001	168	119	212	704	310	509	7013	5372	6982
2002	185	109	207	431	307	517	6968	5310	6961
2003	191	113	201	478	292	511	6873	5299	6982
2004	177	111	196	439	288	517	6773	5243	6888
2005	178	108	196	494	345	528	6729	5209	6843
2006	190	107	201	365	367	556	6665	5131	6733
2008	150	110	214	239	353	569	6429	5013	6639
2009	213	110	213	392	373	556	6388	2369	6582
2010	214	124	217	359	359	567	6306	5441	6459
2011	323	135	230	382	494	601	6211	4949	6209
2012	285	138	237	434	507	629	6173	4854	6027
2013	275	141	249	342	519	668	6054	4767	5921
2014	338	146	255	517	546	703	5967	4641	5838
2015	335	150	261	302	531	813	5919	4564	5727
2016	300	157	265	302	742	842	5876	4586	5663

Рассмотрим динамику посещаемости культурно-массовых учреждений от первой волны к третьей на основе других значимых признаков, таких как пол, материальное и семейное положение, место проживания.

Относительно гендерной принадлежности зафиксировано следующее. В 2010 году с периодичностью один раз в неделю мужчины чаще, чем женщины, посещали дискотеку (6 % против 2 %). Мужчины также чаще были посетителями стадионов – 1 – 3 раза в месяц и 1 – 3 раза в полгода (7 % против 2 % и 12 % против 5 % соответственно). Таким образом, визиты в учреждения культуры несколько чаще совершали мужчины, за исключением библиотек, которые 1 – 3 раза в месяц чаще посещали женщины, чем мужчины (10 % против 5 %). Женщины чаще выбирали вариант ответа «раз в год и реже». Это касается посещений театров (27 % против 21 %), цирка (25 % против 21 %), кинотеатров (24 % против 16 %). Затруднялись ответить и отказывались от ответа чаще мужчины.

В 2016 году отмеченная выше тенденция более частого посещения мужчинами учреждений культуры по сравнению с женщинами усилилась. Так, мужчины стали чаще, чем женщины, с периодичностью раз в неделю и 1 – 3 раза в месяц посещать библиотеки (20 % против 16 %), театры (12 % против 8 %), цирк (7 % против 4 %), музеи (10 % против 6 %), стадионы (26 % против 14 %), клубы по интересам (17 % против 13 %), дискотеки (18 % против 14 %), кинотеатры (45 % против 36 %). Вариант «затрудняюсь ответить» женщины стали отмечать чаще, чем мужчины. Но отказывался от ответа по-прежнему в большем количестве сильный пол. Хотя и необходимо отметить, что в целом доля затруднившихся ответить и отказавшихся от ответа астраханцев по данному вопросу по сравнению с 2010 годом существенно уменьшилась.

Анализируя взаимосвязь посещаемости культурно-массовых учреждений и материального положения, необходимо отметить, что в 2010 году наблюдалась прямая зависимость: чем выше уровень материального положения, тем больше посещений учреждений культуры. Например, 4 % «нищих» ответили, что посещают библиотеку раз в неделю, тогда как среди «богатых» этот вариант выбрали 17 % опрошенных. 1 – 3 раза в полгода посещал театр в 2010 году каждый десятый из «богатых» и «зажиточных», по 8 % «обеспеченных» и «необеспеченных», 4 % «бедных» и 0 % (ни одного!) «нищих». С такой же частотой приходили на цирковые представления 8 % «богатых» и 1 % «нищих»; в музей – 8 % «богатых» и 2 % «нищих». Стадион посещал один раз в неделю каждый десятый «богатый» и 0,5 % нищих; клуб по интересам – 13 % «богатых» и 5 % «нищих»; дискотеку – 15 % «богатых» и 4 % «нищих»; кинотеатр – 19 % «богатых» и 1 % «нищих».

Несколько изменилась ситуация к 2016 году. Как и в 2010 году, чаще всего «походы» в учреждения культуры совершали те, чей уровень доходов выше среднего (то есть «богатые», «зажиточные» и «обеспеченные»). Однако к ним присоединились категории, доход которых был, напротив, ниже среднего уровня. Так, один раз в неделю посещают библиотеку 13 % «нищих», что сопоставимо с самым большим показателем в данном ряду – также ответили 14 % «богатых». Театр с периодичностью 1 – 3 раза в месяц в 2016 году посетили 13 % «нищих» и 17 % «богатых». В цирк с этой же периодичностью больше всего ходили именно «нищие» (8 %). Клубы по интересам также раз в неделю чаще всего посещали представители самой необеспечен-

ной категории, а именно каждый десятый «нищий». Это же касается дискотек и кинотеатров. Не зафиксированы статистически значимые различия между группами по уровню дохода по посещаемости музеев. Стадионы раз в неделю чаще всего продолжают посещать «богатые» (17 %), но посещают стадионы с такой же периодичностью каждый десятый «нищий», что наравне с «зажиточными». Данная тенденция отражает, на наш взгляд, изменения политики государства, которые воплощаются в конкретных мероприятиях по поддержке менее защищенных социальных групп.

Определенное влияние на характер приобщения человека к культурным образцам оказывает семейное положение. В 2010 году раз в неделю, 1 – 3 раза в месяц и один раз в полгода культурно-массовые учреждения чаще посещали не состоящие в браке. Затруднились ответить на вопрос в большей степени вдовы. Отказывались от ответа те, кто находился в браке либо был разведен.

В 2016 году ответы респондентов изменились лишь в некоторых аспектах. Так же как и в 2010 году, чаще всего культурно-массовые заведения посещали не состоящие в браке, но к ним добавились и находящиеся в разводе. Затруднялись ответить в основном респонденты, состоящие в браке, отказывались от ответа вдовцы/вдовы.

Анализируя влияние на посещаемость культурно-массовых учреждений типа поселения, необходимо также отметить, что в 2010 году библиотеки один раз в неделю и 1 – 3 раза в месяц чаще посещали жители деревень и сел, а также рабочих поселков (21 % – в деревнях, 19 % – в ПГТ, 9 % – в малых городах и 11 % – в областном центре). В 2016 году к ним добавились жители малых городов (27 % – в селах, 17 % – в ПГТ, 20 % – в малых городах и 11 % – в областном центре).

В 2010 году посещаемость театров была крайне низкой, и только каждый десятый житель областного центра совершал «культпоходы» в театр 1 – 3 раза в полгода. В 2016 году с такой же периодичностью посещают театр уже 27 % жителей областного центра, 22 % жителей ПГТ, 21 % сельчан, 16 % жителей малых городов. Более того, каждый десятый, проживающий в областном центре, на селе и в малом городе, стал посещать театр еще чаще – 1 – 3 раза в месяц.

К 2016 году увеличилась посещаемость цирка, которая чаще всего отмечается с периодичностью 1 – 3 раза в месяц именно у жителей села (8 % – у сельчан против 2 – 3 % – у остальных категорий). 1 – 3 раза в полгода совершают походы на цирковые представления 15 % жителей областного центра, 12 % сельчан, 8 % жителей малых городов и 5 % жителей рабочих поселков.

Выросла также посещаемость музеев. Если в 2010 году с периодичностью 1 – 3 раза в месяц и 1 – 3 раза в полгода их посещали 8 % жителей областного центра, 5 % жителей ПГТ и по 4 % сельчан и жителей малых городов, то в 2016 году – каждый четвертый житель областного центра, малого города и села и каждый восьмой житель рабочего поселка.

В 2010 году чаще посещали стадионы жители рабочих поселков: с периодичностью раз в неделю и 1 – 3 раза в месяц – 16 %, тогда как среди других категорий, выделяемых по типу поселения, – примерно по 5 %. В 2016 году с этой же периодичностью чаще всего посещают стадионы жители малых городов (28 %) и сел (27 %), далее следуют рабочие поселки и областной центр (по 14 %).

Сеть клубов по интересам была более развита в 2010 году в ПГТ и селах (13 % и 10 % посетивших против 4 % и 2 % в областном центре и малых городах соответственно с периодичностью раз в неделю и 1 – 3 раза в месяц). В 2016 году на первом месте по доле посещений клубов по интересам с этой же периодичностью – малые города (21 %), далее следуют села и областной центр (по 14 %), ПГТ (9 %).

Кинотеатры раз в неделю и 1 – 3 раза в месяц посещали в 2010 году 18 % жителей областного центра, по 9 % жителей малых городов и сел, 4 % жителей рабочих поселков. К 2016 году посещаемость увеличилась существенно: среди жителей сел она достигла 43 %, в областном центре и малых городах – 41 %, в рабочих поселках – только 12 %.

Подводя итоги, следует отметить следующие тенденции развития культурного потенциала населения Российской Федерации на примере конкретного региона – Астраханской области:

- с 2010 года отмечается рост культурного потенциала населения, что отражается и в статистических показателях, и в результатах опроса по посещаемости культурно-массовых учреждений и является результатом изменения политики государства в области культуры;

- посещаемость культурно-массовых учреждений выше у мужчин, не состоящих в браке и разведенных, что требует дальнейшего пристального наблюдения, так как связано с функционированием важнейшего социального института – института семьи;

- растет посещаемость учреждений культуры у наименее защищенных в материальном плане социальных групп, что также является результатом реализации комплекса мероприятий по социальной поддержке этих групп населения;

- зафиксированы элементы деградации инфраструктуры культурно-массовых учреждений рабочих поселков, что снижает модернизационный потенциал данной категории населения и требует коррекции системы мероприятий в этом направлении.

1. Социокультурное пространство региона: методология исследования / Н. В. Дулина [и др.]. – Волгоград : Волгоградское науч. изд-во, 2011. – 132 с.
2. Астраханская область в процессах модернизации на социокультурной карте России (опыт системного анализа) / Д. П. Ануфриев [и др.] ; под общ. ред. Е. В. Каргаполовой. – Астрахань : АГАСУ, 2017. – 378 с.
3. Атлас модернизации России и ее регионов: социально-экономические и социокультурные тенденции и проблемы / Н. И. Лапин [и др.] ; сост. и отв. ред. член-корр. РАН Н. И. Лапин. – М. : Весь Мир, 2016. – 360 с.
4. Социокультурная эволюция регионов России: Чувашская Республика / И. И. Бойко [и др.] ; под ред. И. И. Бойко, В. Г. Харитоновой. – Чебоксары : Чувашский гос. ин-т гуманитарных наук, 2015. – 244 с.
5. История Астраханского края [Электронный ресурс] // Астрахань.Ru. – Режим доступа: <https://www.astrakhan.ru/history/read/146/>. – Дата доступа: 25.02.2018.
6. Регионы России. Социально-экономические показатели – 2017 г. [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. – Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_14p/Main.htm. – Дата доступа: 04.02.2018.
7. Каргаполова, Е. В. Культурный капитал и культурно-массовая активность населения Астраханской области (по материалам конкретного социологического исследования) / Е. В. Каргаполова // Вестн. Воронежского гос. тех. ун-та. – 2011. – № 5. – С. 153–156.
8. Каргаполова, Е. В. Культурный капитал населения Астраханской области (по материалам конкретного социологического исследования) / Е. В. Каргаполова // Вестн. Поволжской акад. гос. службы. Науч. журн. – 2011. – № 3 (28). – С. 142–149.

ПРОЕКТИРОВАНИЕ КАК ВЕДУЩИЙ МЕТОД В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Копбаева Жанар Саулебековна,
доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин КазАТиСО, г. Алматы,
кандидат философских наук

Курмангалиева Ляззат Казбеккызы,
преподаватель кафедры государственного языка
Военного института Сухопутных войск, г. Алматы

Инновации в сфере современного образования и науки достигли значительных высот в вопросах об определении понятий «технология обучения», «метод обучения», «форма обучения». Одна из главных задач современного учебного заведения – формирование личности, умеющей быстро и эффективно находить решение сложных вопросов, коммуникабельной, толерантной и при этом обладающей высокими моральными качествами. Вызовы времени требуют от человека находить приоритеты в образовании. Недаром доклад председателя международной комиссии по образованию XXI в. Жака Делора назывался «Образование: скрытое сокровище». В документе говорилось о том, что можно выделить «четыре столпа, на которых основывается образование: научиться познавать, научиться делать, научиться жить вместе, научиться быть» [1, с. 5].

Как известно, технология – это совокупность приемов, применяемых в каком-либо деле, мастерстве, искусстве. Педагогическая технология – это продуманная во всех деталях модель совместной учебной и педагогической деятельности по проектированию, организации и проведению учебного процесса с безусловным обеспечением комфортных условий для учащихся и преподавателя.

Сегодня в преподавании языковых дисциплин, как и других учебных предметов, особенно актуально использование в обучении приемов и методов, позволяющих формировать у учащихся навыки самообразования.

На наш взгляд, эффективным средством повышения качества образования является использование технологии личностно-ориентированного развивающего обучения (нормативно-сообразная деятельность общества) и учение как индивидуально значимая деятельность отдельного субъекта образовательной деятельности, в которой реализуется его жизненный опыт.

Актуальным в настоящее время является подход к проектированию учебного занятия, в котором акцент перенесен на самостоятельную активную деятельность учащихся, а преподаватель осуществляет лишь «поддержку» этой деятельности, то есть обеспечивает ее материалами и исподволь управляет ею, ставит перед учащимися значимые проблемы. В США и Великобритании эта образовательная модель носит название «Student centered education» – «обучение, в центре которого находится учащийся» [2, с. 12].

Педагог не является при таком подходе центром обучения, источником знаний и информации, а становится организатором, координатором творческого подхода к поиску учащимися новых знаний. В основе учебного процесса оказывается сотрудничество и продуктивное общение учащихся, направленное на совместное разрешение проблем, формирование способности выделять важное, ставить цели, планировать деятельность, распределять функции и ответственность, критически мыслить, достигать значимые результаты. В педагогике этот подход связан с использованием таких методов обучения, как проблемный и проектный.

Учебная деятельность в этом случае ориентирована на успешную деятельность в условиях реального общества. Результатом обучения оказывается уже не усвоение знаний, умений и навыков, а формирование ключевых компетентностей, обеспечивающих успех практической деятельности. «Результаты исследований в XX в. показали, что каждый ребенок, не имеющий патологий умственного развития, от природы одарен задатками, которые при умелом развивающем воспитании могут превратить его (индивида) в творческую личность» [3].

Неотъемлемой чертой проектного подхода является гуманизм, внимание и уважение к личности ученика, позитивный заряд, направленный не только на обучение, но и на развитие личности обучаемых.

Слово «проект» в европейских языках заимствовано из латыни и означает «выброшенный вперед», «выступающий», «бросающийся в глаза». В настоящее время это слово начинают понимать как идею, которой субъект может и вправе распоряжаться как своей мыслью. Проект – это в самом общем виде создание реальных объектов (и эффектов) с заданными функциональными и потребительскими качествами [4].

Умение пользоваться методом проектов – показатель высокой квалификации преподавателя, его прогрессивной методики обучения и развития. Недаром эти технологии относят к технологиям XXI в., предусматривающим прежде всего умение адаптироваться к стремительно изменяющимся условиям жизни человека.

Основными условиями правильной организации самостоятельной работы учащегося можно назвать:

- планирование самостоятельных занятий;
- работа над учебным материалом;
- систематичность занятий;
- самоконтроль.

Не менее значимым является создание педагогических условий, при соблюдении которых самостоятельная работа может быть более результативной и эффективной:

- 1) наличие положительной мотивации;
- 2) четкая постановка задач и пояснение способа их выполнения;
- 3) определение преподавателем форм отчетности, объема работы, срока сдачи;
- 4) определение видов консультационной помощи и критерия оценок;
- 5) осознание учащимся полученного нового знания как личностной ценности.

Самостоятельная работа всегда является более эффективным видом учебной деятельности при условии умелого руководства со стороны преподавателя. Становление творческой личности обучаемого осуществляется в тесном контакте с творческой деятельностью педагога. В связи с этим очень важно сформировать у учащихся творческий подход к изучаемому предмету, стимулировать творческое отношение к овладению знаниями и систематически пополнять эти знания через самостоятельную работу.

Задача педагога – дать нужное направление творческому мышлению учащегося, стимулировать творческий поиск, создавая соответствующие ситуации и условия, дать толчок к систематическому исследованию, анализу, поиску новых, своих собственных путей решения той или иной проблемы. Правильно сформулированные цели и задачи способствуют развитию творческого мышления.

В этой связи все большее внимание привлекает метод проектов.

Актуальность методической разработки обуславливается, прежде всего, необходимостью учащихся понимать смысл и предназначение своей работы, уметь самостоятельно ставить цели и задачи, продумывать способы их осуществления.

Использование новых информационных технологий не только оживит и разнообразит учебный процесс, но и откроет большие возможности для расширения образовательных рамок; оно, несомненно, несет в себе огромный мотивационный потенциал и способствует принципам индивидуализации обучения. Проектная деятельность позволяет учащимся выступать в роли авторов, соиздателей, повышает творческий потенциал.

Цель методической рекомендации – показать возможности использования методов проектов в профессиональной деятельности педагога дополнительного образования.

Задачи – рассмотреть метод проектов и его роль в профессиональной деятельности педагога дополнительного образования; продемонстрировать результаты проектной деятельности педагога в образовательном учреждении.

Фундаментальные исследования общеметодологического и теоретического планов отечественной педагогики направлены на личностно-деятельностный подход в совершенствовании учебно-воспитательного процесса, который в своем личностном компоненте предполагает, что в центре обучения находится сам обучающийся: его мотивы, цели, его неповторимый психологический склад, т. е. ученик как личность. Участие в интернет-проектах повышает уровень практического владения компьютером, а главное, формирует навыки самостоятельной деятельности, инициативность.

В процессе проектной работы ответственность возлагается на самого учащегося как индивида. Самое важное то, что учащийся, а не педагог определяет, что будет содержать проект, в какой форме и как пройдет его презентация.

Проект – это возможность учащихся выразить собственные идеи в удобной для них, творчески продуманной форме.

«Все, что я познаю, я знаю, для чего это мне надо и где и как я могу эти знания применить», – вот основной тезис современного понимания метода проектов, который и привлекает многие образовательные системы, стремящиеся найти разумный баланс между академическими знаниями и прагматическими умениями.

Важно показать учащимся их личную заинтересованность в приобретаемых знаниях, которые могут и должны пригодиться им в жизни. Вот тут-то и важна проблема, взятая из реальной жизни, знакомая и значимая для индивида, для решения которой ему необходимо приложить полученные знания, новые знания, которые еще предстоит приобрести. Преподаватель может подсказать новые источники информации, а может просто направить мысль учащихся в нужном направлении для самостоятельного поиска. Но в результате учащиеся должны самостоятельно, совместными усилиями решить проблему, применив необходимые знания, получить реальный и ощутимый результат. Вся проблема, таким образом, приобретает контуры проектной деятельности.

В педагогической литературе можно встретить различные определения учебного проекта, но в любом случае учебный проект основывается на следующих моментах:

- развитии познавательных, творческих навыков учащихся, умений самостоятельно искать информацию, развитии критического мышления. Это может быть опережающее задание по одной конкретной теме, например, «Лексико-семантические разряды имен прилагательных». Учащиеся должны будут самостоятельно изучить несколько трудов по данной теме, систематизировать материал и собрать полноценную учебную информацию;

- самостоятельной деятельности учащихся: индивидуальной, парной, групповой, которую учащиеся выполняют в течение определенного отрезка времени. Учащимся предоставляется определенное время на выполнение какой-либо исследовательской работы. Например, для составления учебного текста по проблеме «Пути патриотического воспитания молодежи»;

- решении какой-то значимой для учащихся проблемы, моделирующей деятельность специалистов какой-либо предметной области. Учащимся дается задание изучить новое правило «Лексико-семантические разряды имен прилагательных» и на его основе составить блок-схему, таблицу или любую графическую модель по его изучению с приведением примеров из художественной литературы;

- представлении итогов выполненных проектов в «осязаемом» виде (в виде отчета, доклада, стенгазеты или журнала и т. д.), причем в форме конкретных результатов, готовых к внедрению. Проект по изучению темы «Лексико-семантические разряды имен прилагательных» может представлять собой небольшой журнал, в котором будет отражен итог работы отдельных учащихся, пар или групп;

- сотрудничестве учащихся между собой и учителем («педагогика сотрудничества»). Педагогика сотрудничества представляет собой систему методов и приемов воспитания и обучения, основанных на принципах гуманизма и творческого подхода к развитию личности. В зависимости от интеллектуального фона аудитории преподавателем может быть предложен крупный блок учебного материала по теме «Имя прилагательное как часть речи». Он может представлять собой набор ключевых слов, знаков, расположенных в виде опорной схемы для исключения зубрежки материала. В данном случае осуществляется идея добровольности и свободы выбора в изучении материала: преподаватель сотрудничает с учащимися, предлагая своеобразный проект учебной темы.

Проект – это деятельность по достижению нового результата в рамках установленного времени с учетом определенных ресурсов. Описание конкретной ситуации, которая должна быть улучшена, и конкретных методов по ее улучшению.

Метод проектов – это совместная креативная и продуктивная деятельность преподавателя и обучающихся, направленная на поиск решения возникшей проблемы.

Социальное проектирование – это индивидуальная или коллективная (групповая деятельность) учащихся, целью которой является позитивное преобразование социальной среды и условий обитания доступными для них средствами [5].

Проект – описание конкретной ситуации, которая должна быть улучшена, и конкретных шагов по ее реализации.

Основными требованиями к использованию метода проектов являются:

- наличие значимой в исследовательском, творческом плане проблемы, задачи, требующей интегрированного знания, исследовательского поиска для ее решения;

- практическая, теоретическая, познавательная значимость предполагаемых результатов;

- самостоятельная деятельность;

- структурирование содержательной части проекта (с указанием поэтапных результатов);

- использование исследовательских методов: определение проблемы, вытекающих из нее задач исследования, выдвижение гипотезы их решения, обсуждение методов исследования, оформление конечных результатов, анализ полученных данных, подведение итогов, корректировка, выводы (использование в ходе совместного исследования методов «мозговой атаки», «круглого стола», статических методов, творческих отчетов, просмотров и др.).

Работа по методу проектов предполагает постановку какой-то проблемы и последующее ее раскрытие, решение, что включает наличие замысла или гипотезы решения проблемы, четкое планирование действий, распределение (если имеется в виду групповая работа) ролей, т. е. заданий для каждого участника при условии тесного взаимодействия, ответственность участников проекта за свою часть работы, регулярное обсуждение промежуточных шагов и результатов. Метод проектов эффективен в том случае, когда в учебном

процессе ставится какая-либо исследовательская, творческая задача, для решения которой требуются интегрированные знания из различных областей, а также применение исследовательских методик (например, исследование проблем трудных случаев употребления категории рода в иноязычной лексике; создание словаря неологизмов: проблема интерпретации и их использование в языке и пр.).

Проектная форма педагогической деятельности эффективна только в контексте общей концепции обучения и воспитания. Она предпочитает выход из рамок традиционных методов обучения, предусматривает продуманное и обоснованное сочетание с многообразием методов, средств и форм обучения и является одним из инновационных подходов в образовании [5, с. 23].

На основе анализа опыта проведения проектов можно построить их типологию.

Исследовательские проекты. Этот тип проектов предполагает аргументацию актуальности взятой для исследования темы, формулирование проблемы исследования, его предмета и объекта, обозначение задач исследования в последовательности принятой логики, определение методов исследования, источников информации, выдвижение гипотез решения обозначенной проблемы, разработку путей ее решения, в том числе экспериментальных, опытных, обсуждение полученных результатов, выводы, оформление результатов исследования, обозначение новых проблем для дальнейшего развития исследования. Это могут быть научные доклады, рефераты, курсовые работы на различные, в том числе и лингвистические темы.

Творческие проекты. Такие проекты, как правило, не имеют детально проработанной структуры, она только намечается и далее развивается, подчиняясь логике и интересам участников проекта. Творческие проекты предполагают соответствующее оформление результатов. В данном случае следует договориться о планируемых результатах и форме их представления (совместная газета, сочинение, видеофильм, драматургическая форма, праздник и т. п.). Оформление результатов проекта требует четко продуманной структуры в виде сценария видеофильма, программы праздника, плана сочинения, репортажа, дизайна и рубрик газет, альбома, спортивной игры, экспедиции и пр. Это может быть программа проведения Дня языков народа Казахстана, плана своеобразной Экспедиции в Грамматику русского/казахского языка или сценарий видеофильма, посвященного празднованию Дня Победы.

Ролевые, игровые проекты. Участники принимают на себя определенные роли, обусловленные характером и содержанием проекта. Это могут быть литературные персонажи или выдуманные герои, которые имитируют социальные или деловые отношения, осложняемые придуманными участниками ситуациями. Результат этих проектов либо намечается в начале их выполнения, либо вырисовывается лишь в самом конце. Степень творчества здесь очень высокая, но доминирующим видом деятельности все-таки является ролево-игровая, приключенческая. В этом случае можно предложить инсценировку по книге А. Бека «Волоколамское шоссе» – «Человек, у которого нет фамилии». Выбор произведения мотивируется высокой воспитательной ролью книги.

Ознакомительно-ориентировочные (информационные проекты). Этот тип проектов изначально направлен на сбор информации о каком-то объекте, явлении; предполагается ознакомление участников проекта с этой информацией, ее анализ и обобщение фактов, предназначенных для широкой аудитории. Такие проекты часто интегрируются в исследовательские проекты и становятся их органической частью. Учащиеся получают опережающее задание по обширной теме и в течение определенного времени проводят самостоятельную исследовательскую работу. Анализ этой работы должен быть представлен ими перед широкой аудиторией.

Практико-ориентировочные (прикладные проекты). Результат четко обозначен в начале. Результат обязательно ориентирован на социальные интересы самих участников (документ, созданный на основе полученных результатов исследования – по экологии, биологии, географии, исторического, литературоведческого и прочего характера, проект закона, справочный материал, словарь, аргументированное объяснение какого-либо физического, химического явления, проект зимнего сада института и т. д.).

Проект как метод обучения требует хорошо продуманной структуры, даже сценария всей деятельности его участников с определением функций каждого из них, четкие выходы и участие каждого в оформлении конечного продукта. Здесь особенно важна хорошая организация координационной работы в плане поэтапных обсуждений, корректировки совместных и индивидуальных усилий, в организации презентации полученных результатов и возможных способов их внедрения в практику, организация систематической внешней оценки проекта. Также важно, чтобы результаты работы групп были наглядны и доступны всем слушателям. Обращение к ним очень поможет при последующем планировании собственного проекта.

Рассматривая дидактическую структуру современной проектной методики, можно сказать, что к области методики как частной теории обучения относится изучение цели, содержания, форм, средств и методов обучения по определенному учебному предмету. Метод представляет собой дидактическую категорию как совокупность теории, операций овладения определенной областью практических или теоретических знаний той или иной деятельности. При проектном обучении метод рассматривается как способ достижения поставленной дидактической цели через детальную разработку проблемы (технологию), которая должна завершиться вполне реальным, осязаемым практическим результатом, оформленным тем или иным способом.

При использовании в учебном процессе технологии проекта решаются важные задачи:

- занятия не ограничиваются приобретением определенных знаний, умений и навыков, а выходят на практические действия учащихся, затрагивая их эмоциональную сферу, благодаря чему усиливается мотивация;
- получают возможность осуществлять творческую работу в рамках заданной темы, самостоятельно добывая необходимую информацию не только из учебников, но и из других источников. При этом они учатся

самостоятельно мыслить, находить и решать проблемы, прогнозировать результаты и возможные последствия разных вариантов решения, учатся устанавливать причинно-следственные связи;

- в проекте успешно реализуются различные формы организации учебной деятельности, в ходе которой осуществляется взаимодействие учащихся друг с другом и с преподавателем, роль которого меняется: вместо контролера он становится равноправным партнером и консультантом.

Метод проектов может быть индивидуальным или групповым, но если это метод, то он предполагает определенную совокупность учебно-познавательных приемов, которые позволяют решить ту или иную проблему в результате самостоятельных действий, предполагают презентацию этих результатов. Если же говорить о методе проектов как о педагогической технологии, то эта технология предполагает совокупность исследовательских методов, творческих по самой своей сути.

Цель проектного обучения состоит в том, чтобы создать условия, при которых учащиеся:

- самостоятельно и охотно приобретают недостающие знания из разных источников;
- учатся пользоваться приобретенными знаниями для решения познавательных и практических задач;
- приобретают коммуникативные умения, работая в различных группах;
- развивают у себя исследовательские умения (умения выявления проблем, сбора информации, наблюдения, проведения эксперимента, анализа, построения гипотез, обобщения);
- развивают системное мышление.

Самый сложный момент при введении в учебный процесс исследовательских проектов – организация этой деятельности, а особенно подготовительный этап. Преподавателю при планировании на учебный год предстоит выделить ведущую тему (раздел) или несколько тем (разделов), которые будут «вынесены на проектирование». Далее необходимо сформулировать 15 – 20 как индивидуальных, так и групповых тем на группу, работа по которым потребует усвоения учащимися необходимых по программе знаний и формирования необходимого опыта. Желательно дифференцировать темы по степени сложности. Учащийся должен иметь возможность выбрать тему проекта, организационную форму его выполнения (индивидуальная и групповая), степень сложности проектировочной деятельности.

Четкость организации проектирования определяется четкостью и конкретностью постановки цели, выделением планируемых результатов, констатацией исходных данных. Весьма эффективно применение небольших методических рекомендаций или инструкций, где указываются необходимая и дополнительная литература для самообразования, требования педагога к качеству проекта, формы и методы количественной и качественной оценки результатов. Иногда возможно выделить алгоритм проектирования или другое поэтапное разделение деятельности.

Выбор тематики проектов в разных ситуациях может быть различным. В одних случаях эта тематика может формулироваться специалистами органов образования в рамках утвержденных программ. В других – выдвигаться преподавателями с учетом учебной ситуации по своему предмету, естественных профессиональных интересов, интересов и способностей учащихся. В третьих тематика проектов может предлагаться и самими учащимися, которые, естественно, ориентируются при этом на собственные интересы, не только чисто познавательные, но и творческие, прикладные.

Тематика проектов может касаться какого-то теоретического вопроса школьной программы с целью углубить знания отдельных учеников по этому вопросу, дифференцировать процесс обучения. Чаще, однако, темы проектов, особенно рекомендуемые органами образования, относятся к какому-то практическому вопросу, актуальному для практической жизни и вместе с тем требующему привлечения знаний учащихся не по одному предмету, а из разных областей, их творческого мышления, исследовательских навыков. Таким образом, достигается вполне естественная интеграция знаний.

Для работы над проектом необходимы мыслительные умения высокого уровня. Работа над проектом способствует развитию метапознавательных и познавательных мыслительных умений, таких как самооценка, решение проблем, принятие решений [6].

Образовательные стратегии разнообразны и обеспечивают многообразные стили учения. Применение целого спектра образовательных стратегий гарантирует возможность вовлечения каждого учащегося в деятельность по реализации проекта.

Список использованных источников

1. Романовская, М. Б. Метод проектов в учебном процессе : метод. пособие / М. Б. Романовская. – М. : Центр «Педагогический поиск», 2006. – 160 с.
2. Сергеев, И. С. Как организовать проектную деятельность учащихся / И. С. Сергеев. – М. : АРКТИ, 2005. – 80 с.
3. Иванова, С. В. Ценность творчества и формирование креативности у школьников как государственная и социально-педагогическая задача [Электронный ресурс] / С. В. Иванова // Лаборатория образовательных технологий «Образование для Новой Эры». – Режим доступа: <https://www.trizway.com/art/form/363.html>. – Режим доступа: <http://www.trizway.com/art/renewal/363.html>. – Дата доступа: 14.03.2018.
4. Ивлев, В. И. Продуктивная интеллектуальная деятельность учащихся / В. И. Ивлев // Интеграция образования. – 2013. – № 3. – С. 58–60.

5. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования : учеб. пособие для студентов вузов и системы повышения квалификации педагогических кадров / под ред. Е. С. Полат. – М. : Академия, 2001. – С. 66.

6. Обучение для будущего [Электронный ресурс] // Веб-сайт программы Intel. – Режим доступа: <http://www.iteach.ru>. – Дата доступа: 14.03.2018.

ЦЕННОСТНАЯ СФЕРА ЛИЧНОСТИ КАК ФАКТОР ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕФОРМАЦИИ ЛИЧНОСТИ

Кузнецова Надежда Владимировна,
заведующий учебным отделом Новомосковского института
Московского инновационного университета, г. Новомосковск

Сабанина Наталья Олеговна,
заместитель директора Новомосковского института
Московского инновационного университета, г. Новомосковск,
кандидат исторических наук, доцент

Грунин Максим Петрович,
студент Новомосковского института
Московского инновационного университета, г. Новомосковск

Изменения качеств личности, как внутренних, так и проявляющихся внешне, как следствие выполнения профессиональной роли, последствия которой могут носить как положительный, так и отрицательный характер, относятся к профессиональной деформации личности. Выполнение любой профессиональной деятельности, которая требует особых знаний, умений и навыков, влечет за собой профессиональное развитие работника, результатом чего становится формирование профессионального типа личности. Данная особенность носит положительный вид профессиональной деформации необходимой для достижения определенного уровня мастерства. Отрицательные же ее моменты проявляются в отрицательном окрасе характера, установках и пр. Также данная полярная динамика может носить как эпизодический, поверхностный характер, так и постоянный и глубокий, который будет проявляться в профессиональном жаргоне, в манерах, вплоть до внешнего облика. По большей части в научной сфере подвержен пристальному вниманию и интересу негативный окрас данного феномена [1; 4].

Вопрос о самом явлении профессиональной деформации, о причинах ее возникновения, о способах ее коррекции и профилактики в современном мире стоит очень остро и требует большого внимания со стороны исследователей и ученых. Профессиональная деформация поражает все стороны личности, захватывая не только профессиональную деятельность, но также и личность в целом. Человек с высокой степенью деформации практически не сможет нормально функционировать в обществе, так как она захватывает и личностные характеристики: как правило, человек становится более раздражителен, нетерпим к ошибкам и недостаткам других людей, а значит, очень часто склонен проявлять в их сторону агрессию. Человек с профессиональной деформацией относится к своей работе поверхностно, считая ее малозначимой и ненужной в обществе, что, несомненно, влияет на производительность труда. Сотрудники с такими установками в большинстве случаев пассивны в выполнении своей профессиональной роли, пытаются избежать любой ответственности, возложенной на них [2; 3; 5].

У большинства опрошенных «силовиков» в большей мере преобладают высокие и средние показатели профессионального выгорания. Им свойственно развитие стресса, они пассивны, раздражительны и не видят смысла в своей профессии. Также подавляющее большинство сотрудников эмоционально истощены своей работой и испытывают деперсонализацию и редукцию личных достижений в высокой мере. Они стараются как можно больше отдалиться от окружающих, полностью равнодушны к проблемам других людей, не испытывают интереса к своей профессии, считают ее бесполезной и ненужной для общества.

Изучение личностных характеристик сотрудников силовых структур показало, что для сотрудников с признаками деформации в отличие от сотрудников без признаков деформации свойственны замкнутость, обособленность, отчужденность, конфликтность, незрелость, непостоянство, жесткость, импульсивность, низкий самоконтроль поведения.

В структуре ценностных ориентаций отмечается преобладание группы инструментальных ценностей: этические ценности (независимость, высокие запросы), профессиональной самореализации (продуктивная, активная деятельная жизнь), ценности самоутверждения, в то время как ценности, которые способствовали снижению в том числе эмоционального выгорания, являются незначимыми (находятся на последних местах). Это чуткость, ценность общения, абстрактные ценности (красота, любовь, развитие, познание), личная жизнь (свобода, счастливая личная жизнь, удовольствия).

Большинство сотрудников силовой системы имеют высокий уровень ассертивности, что означает, что они способны адекватно оценить сложность и значимость происходящих событий, способны к самостоятельному решению проблем, не нуждаются в поддержке окружающих, способны, когда это необходимо, сказать «нет», независимы и самодостаточны, уверены в себе, способны оказать влияние на других.

Среди сотрудников преобладает высокий уровень стремления вступления в социальный контакт. В общении такие люди активны и инициативны, стремятся проводить время в компании, некомфортно чувствуют себя в одиночестве. Предпочитают действовать сообща, считают, что совместные усилия в каком-либо деле принесут больше пользы, чем действия одного. Стараются помочь всем окружающим в решении их проблем.

В поиске социальной поддержки находится большинство сотрудников (имеют высокий уровень). Люди с высоким уровнем поиска социальной поддержки часто прибегают к советам окружающих по любым проблемам. В трудные минуты нуждаются в эмоциональной поддержке близких. Испытывают потребность во внимании, понимании и сочувствии.

Преобладающим у сотрудников является средний уровень тенденции к осторожным действиям (47,5 % сотрудников). Немного склонны к риску, а также активны, однако тщательно взвешивают ситуацию.

Также большинство сотрудников склонны в высокой степени к импульсивным действиям. Они всегда полагаются на свою интуицию. Действует спонтанно, не любят долго раздумывать над решениями, и действуют по первому порыву.

Также в группе преобладает высокая тенденция к избеганию. Они стремятся отложить решение возникшей проблемы, заклиниваются на неприятностях. В конфликтной ситуации ведут себя неадекватно и непредсказуемо. Избегают ответственности за последствия. Очень осторожны и мнительны.

Стоит отметить, что у сотрудников силовых структур в равной мере преобладают средний и низкий уровень стрессоустойчивости. Люди со средней стрессоустойчивостью способны адаптироваться при возникновении неблагоприятных ситуаций, однако не всегда могут с ними справиться. Люди с низкой стрессоустойчивостью чаще всего оказываются неспособны адаптироваться при возникновении неблагоприятных, конфликтных ситуаций. В ситуации стресса начинают паниковать, терять равновесие и самообладание. Для них свойственно «закрывать в себе».

Исследование социального самоконтроля показало, что большинство сотрудников имеют высокий уровень социального самоконтроля. Способны великолепно управлять впечатлением, создаваемым им у окружающих. Проявляют гибкость поведения во взаимодействии с другими людьми. Поведение таких людей варьирует в зависимости от ситуации. В целом таких людей отличает озабоченность социальной пригодностью своего поведения.

Корреляционный анализ позволил выявить статистически значимые взаимосвязи между уровнем выгорания и преодолевающим поведением, стрессоустойчивостью, социальным самоконтролем, ценностными ориентациями. Так же были выявлены связи между показателями социального самоконтроля и стрессоустойчивостью, преодолевающим поведением, ценностными ориентациями; стрессоустойчивостью и ценностными ориентациями.

Рассмотрев результаты данного исследования, можно предложить пути решения проблемы профессионального выгорания сотрудников силовых структур:

1. Меры психопрофилактического характера, осуществляющиеся в процессе индивидуального консультирования, проведение психотренингов, социально-психологических тренингов и обучение сотрудников приемам саморегуляции и самоуправления.

2. Развитие положительных эмоционально-волевых качеств личности, таких как ответственность, стойкость к неудачам, склонность и устойчивость к риску, самообладание, выдержка и т. д. Обучение сотрудников приемам саморегуляции и самоуправления. Формирование психологической устойчивости и умения владеть собой в напряженных ситуациях [3].

В отношении снижения профессиональной деформации сотрудников развитие ценностных ориентаций может выступать в качестве как фактора снижения, так и компонента профилактики профессиональной деформации.

Формирование ценностных ориентаций в целом проходит следующие этапы: познание и интериоризация материальных и духовных ценностей общества, нации, цивилизации; осознание ведущего значения ценностей в собственной жизни, жизни семьи и общества как культурно-нравственных ориентиров; постановка целей саморазвития, самосовершенствования, самореализации, самоопределения, самоосуществления; конкретизация целей-образов: семья, профессия, общество; оформление и реализация Я-концептов, которые в совокупности представляют позитивную Я-концепцию.

Методы формирования смысложизненных ориентаций могут быть базовыми и ситуативными.

К базовым относятся:

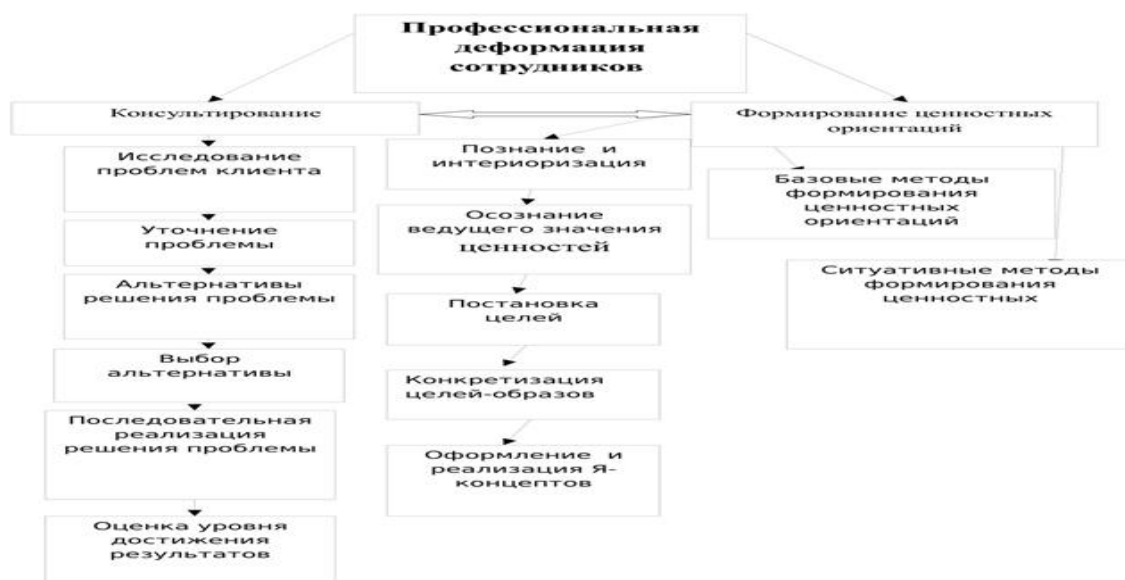
«заражение» – групповой метод деятельности, который сопровождается сопереживанием субъектов взаимодействия и является основополагающим механизмом клиента; согласованность, взаимопонимание зависят от значимости предмета взаимодействия для личности;

подражание – метод, в котором происходит формирование простейших навыков и нравственных, духовных ценностей; сам метод способствует осознанному или неосознанному следованию примеру, образу, манере поведения, общения; выделяются разновидности подражания манерные и рассудочные;

внушение – метод по снижению чрезмерной критичности при восприятии содержания; оберегает от ошибок и заблуждений, способствует снятию противостояния человека;

убеждение – целью является выработка собственных взглядов и нравственных критериев посредством интеллектуально-эмоционального воздействия на сознание; основано на принятии любых идей, сведений, может быть сделано самостоятельно или вслед за убеждающим, не воспринимается в готовом виде.

Среди ситуативных: тренинги – самопознания, саморегуляции, личностного роста, формирования уверенности, снятия страхов, интерактивного общения, доверия, профилактики вредных привычек, активного отказа и др.; беседы – индивидуальная; групповая рефлексивного характера; поучения – о великих личностях, об истинных и мнимых кумирах; самопрезентация; интерпретация притч, легенд, афоризмов, пословиц по проблемам выбора нравственной позиции, смысла жизни; недописанное суждение; сюжетно-ролевая игра; решение нравственных задач и др.

Список использованных источников

1. Безносков, С. П. Профессиональная деформация личности / С. П. Безносков. – СПб. : Речь, 2009. – 250 с.
2. Бережная, Н. И. Психологическая готовность сотрудников к действиям в экстремальной ситуации / Н. И. Бережная // Состояние и перспективы развития юридической психологии в Северо-Кавказском регионе : материалы Первой регион. науч.-практ. конф. / под ред. Е. Н. Шиянова, В. Ф. Москаленко. – Ставрополь : Северо-Кавказский гос. техн. университет, 2001. – С. 57–60.
3. Лешукова, Е. Синдром сгорания. Защитные механизмы. Меры профилактики / Е. Лешукова // Вестн. РАТЭПП. – 2005. – Вып. 1. – С. 36–47.
4. Маничев, С. А. Критические жизненные события и профессиональное выгорание / С. А. Маничев // Психологические проблемы самореализации личности / под ред. А. А. Крылова, Л. А. Коростылевой. – СПб. : СПбГУ, 2001. – С. 192–203.
5. Фрейденбергер, Г. Выгорание сотрудников / Г. Фрейденбергер // Социологические исследования. – 2003. – № 30. – С. 159–165.

К ВОПРОСУ СООТНОШЕНИЯ НОРМ ПРАВСТВЕННОСТИ И ЭКОНОМИКИ В СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРИОД

Курбанов Габил Сурхай оглы,
главный научный сотрудник
отдела государственного и конституционного права
Института права и прав человека НАН Азербайджана, г. Баку,
доктор юридических наук, профессор,
председатель Свободного Профсоюза работников НАН Азербайджана

Человечество всем своим существованием уже множество раз доказало, что генеральным критерием его развития следует признать высочайший нравственный критерий. И хотя природа затушевывает его действие своими могучими разрушительными действиями, в отношении человека ее требования остаются неизменными. В отличие от природы, где царствует естественная причинность, в обществе имеет место свободная причинность. Отношения же человека к общественным моральным ценностям остаются противоречивыми.

Экономика не может рассматриваться изолированно от всех общественных атрибутов, особенно от нравственного атрибута. Обращаясь к экономике, мы тем самым обращаемся к социальной сфере бытия как сфере жизни свободных и разумных личностей.

Базисные моральные ценности общества в экономике предстают как определенные системные общественные ценности, а именно как благо, хозяйственность, справедливость. Можно сказать, что существование экономики проходит под воздействием этих ценностей, и в частности справедливости. Античные философы Демокрит, Сократ и другие связывали справедливость с высокими моральными качествами человека. Платон, уделяя большое внимание проблеме справедливости, в «Диалогах» отмечал следующее: «Справедливость есть умиротворенность души в самой себе, способность подчиняться в жизни закону, равенство в общежитии, способность повиноваться правильным законам» [1, с. 428]. В свою очередь, Аристотель, развивая сократовско-платоновское положение о совпадении справедливого и законного, указывал «на необходимую внутреннюю взаимосвязь права и государства» [2, с. 380]. Эту идею он сформулировал так: «Понятие справедливости связано с представлением о государстве, так как право, служащее мерилom справедливости, является регулирующей нормой политического общения» [2, с. 380].

Вопросы справедливости, бесспорно, занимали и мыслителей Азербайджана. Для них справедливость являлась такой важной ценностью, без которой немислимо построение нормальных социальных отношений. Здесь уместно будет упомянуть слова великого мыслителя Азербайджана Насиреддина Туси о том, что справедливость находится посредине истины [3, с. 48]. Н. Туси считал, что социальная справедливость органически сопровождает все общественные отношения. Поэтому он расценивал социальную справедливость как важнейший критерий, составляющий основу и суть законов. По его мнению, справедливость – это ядро правды, и все остальные качества полагают свое основание вокруг этого ядра, соответственно, законы всегда должны служить справедливости. Он сравнивал категорию справедливости с «равенством и правильностью», а также отмечал, что «умение определить середину во всем и, благодаря познанию середины, не допустить отклонений становится возможным только в результате равенства, которое называется голосом совести» [4, с. 142]. Как пишут специалисты в области истории политических и правовых учений в Азербайджане, зародыши идей о правовом государстве встречаются уже в древнем памятнике «Авеста» [5, с. 66–94], вероуставной книге религии зороастризма, возникновение которой связано с именем пророка Зардушта (Зороастра) [6, с. 15].

Конкретное же проявление системных ценностей экономики, в свою очередь, зависит от самих экономических структур. Но, кроме структурно-нравственного аспекта экономики, соединенного со средствами производства, формами хозяйствования, экономическими отношениями, в ней можно выделить и личностно-этический аспект, который определяется этическими качествами самих людей, занятых производством, бизнесом, менеджментом. Поскольку нравственные ценности блага, хозяйственности и справедливости, а также конкретизирующие их более частные предметные ценности являются трансцендентными, постольку они непосредственно не «выводимы» из экономики. Экономические феномены сами по себе не являются добром или злом, хотя они интенционально связаны и с добром, и со злом и никогда не предстают нравственно нейтральными. Но из этого следует существенный вывод, что нельзя считать добром все то, что экономически эффективно, что приносит экономический успех. Принцип «нравственно то, что экономно» неверен с нравственно-аксиологической точки зрения. Отношения между нравственностью и экономикой предстают более сложными.

Экономика оказывает сильное влияние и на общественную, и на личностную нравственность. Воздействие экономики на личностную нравственность может быть прямым и косвенным. Прямое влияние может проявляться, например, в росте преступности в условиях обнищания граждан и общества, при сильной дифференциации общества, при росте безработицы. Косвенное влияние сказывается на переоценке личностью ценностей, в частности блага, справедливости, честности.

Экономика, в силу существенной, неустранимой в ней роли естественно-природного фактора, моральная ценность которого ограничена, а также из-за влияния объективно-социального фактора предстает

сферой с ограниченной нравственностью. Нравственная ограниченность экономики проявляется в том, что на хозяйственную деятельность, на результаты этой деятельности, на товары непосредственно не переносятся этические достоинства субъектов деятельности. Экономика, как и политика, право и другие сферы социума, обладает определенной автономией, и здесь могут процветать, достигать успехов и люди с невысокими моральными качествами, но с высокими профессиональными, «деловыми» способностями. Экономика из всех социальных сфер является сферой с наиболее ограниченными нравственными возможностями, она менее всего нравственно совершенна. И уже потому неверно делать из нее кумира, как и не приходится ожидать экономического чуда от добрых, справедливых, честных хозяйственников.

В объективно-социальном отношении с точки зрения моральной значимости следует отличать экономические объективные законы и экономические обстоятельства. Влияние человека на объективные экономические законы может быть лишь опосредованным, через изменения условий проявления этих законов или через субъективный отказ участвовать в экономической деятельности при данных условиях. Сами же объективные законы человек изменить не может по определению (природе) закона. Экономические же обстоятельства (или «принудительные обстоятельства») создаются самими людьми, и влиять на них человек может и должен. Потому за экономические обстоятельства, как за сферу большей свободы, человек несет и большую ответственность.

Общечеловеческие моральные ценности, принципы действуют и в сфере экономики. Так называемые «этика бизнеса», «хозяйственная этика», «экономическая этика», «этика успеха» не предстают особой моралью наряду с общечеловеческой, а являются специфическим проявлением единых фундаментальных и социально-базисных моральных ценностей в сфере хозяйственной деятельности. Это означает, в частности, что при возникновении конфликтов в сознании субъектов между нормами общечеловеческой морали, с одной стороны, и нормами «экономической этики» – с другой предпочтение следует отдавать общечеловеческим нормам.

Хотим этого или нет, мы должны исходить из того очевидного факта, что в природе реального равенства нет. Она таким образом создана, и с этой закономерностью необходимо считаться. Ибо другого не дано. Реальное равенство можно обнаружить только внутри ограниченной, обособленной системы, процесса, явления, предмета или объекта и в отношении их к самим себе. Достаточно выйти за пределы этих обособленных систем – всюду будем сталкиваться с различными количественными и качественными состояниями. Неравенство, обусловленное природой самих вещей, не может быть устранено каким-либо путем. Нетрудно представить себе, какой серой и скучной была бы наша жизнь, если бы все были одинаково равны во всем. Привнося этим фактическим неравенством разнообразие в нашу жизнь, нас оградили от душераздирающей скуки. Следует также иметь в виду, что преимущество одних субъектов перед другими не является постоянным и повсеместным. Оно характерно на определенное время и в определенном правовом пространстве. В другом случае неравенство субъектов может быть замещено или компенсировано.

Внимательный анализ юридических документов, памятников права обнаруживает стремление утвердить в жизни:

- справедливость (охватывающую истину и правду, что неслучайно, поэтому многие памятники права так и назывались – «правды»);
- реализм и жизненность (и потому юридическое регулирование проникает во все сложности жизни, касается деталей и подробностей человеческих отношений, стремится учесть всевозможные жизненные интересы) [7, с. 55].

Разумеется, мы не представляем вопрос соотношения равенства и справедливости в качестве простого. «Осуществление справедливости нельзя свести к логическим процедурам, к какому-то принципу, приводящему механизм справедливости в действие, – пишет В. П. Малахов, – она не может (и не должна) мыслиться в качестве простого результата деятельности на основе определенного «ассортимента» гарантированных средств. Проблемой оказывается не реализация требования справедливости, а сохранение установки на справедливость, на ее ценность, независимо от того, удачно или неудачно мы действуем в том или ином направлении, можно ли вообще надеяться на справедливость в конкретном случае» [8, с. 203].

Идея проникновения нравственности в экономику все более завоевывает позиции в сознании современного политического и делового мира. Есть достаточно оснований считать, что международное сообщество придает всевозрастающее значение тому, по каким нормам морали оно не только функционирует, но и намерено развиваться дальше. Джон Мейнард Кейнс – один из тех, кто поставил под сомнение привычные представления и предложил новый, современный подход к рыночной экономике. Благодаря его усилиям современная экономическая наука, как, впрочем, и социально-экономическая реальность Запада стали такими, какими мы их видим сегодня. Признание важности этического компонента в экономической жизни общества привели Кейнса, как и многих других западных интеллектуалов, например Дж. Сороса, к пониманию ограниченности либеральных отношений, а следовательно, и лежащей в их основе теории «разумного эгоизма». При этом их отказ от индивидуализма вовсе не означал отказа от личного интереса и от свободного обмена ресурсами. Напротив, новый подход имел своей целью согласование индивидуального и общественного блага.

Д. Кейнс стремился сохранить некий баланс между правом человека следовать своим убеждениям и представлениям о добре и зле и правом общества защищаться от разрушительных действий отдельных его членов. Поиск подобного компромисса между безусловным правом человека на свободу, причем не только в области экономической, но и моральной, и благом общества – это важнейшая для современности проблема. Отказавшись от попытки решить эту проблему на философском уровне, он сосредоточил усилия на ее частном

решении в области экономики и политики, тем самым обосновал неразрывную связь экономической науки и этики. Д. Кейнс представляется нам защитником общественных интересов, то есть идеологом такой социальной справедливости, которая ни в коем случае не противоречит принципу эффективности. И в этом смысле о Д. Кейнсе можно говорить как об одном из выдающихся реформаторов XX в., наметивших переход от либеральных отношений индустриального общества к постлиберальным (сервистическим) отношениям информационного общества. Поставив под сомнение нравственный аспект нерегулируемого общественного процесса, Д. Кейнс приходит к мысли о возможности вмешательства государства в экономику. Ибо и повседневный опыт, и экономическая теория подтверждают, что далеко не каждый «просвещенный частный интерес» действует во благо общему интересу. Поэтому со стороны государства должны регулироваться те виды деятельности, которые не охвачены частной инициативой, или же те из них, которые явно противоречат интересам общества.

А противоположный подход к экономической науке, озабоченный проблемой свободы хозяйственной деятельности, проблемой объективности анализа, строится на четком разграничении экономики и этики, то есть сущего и должного. На этой основе разворачивается острая борьба экономистов, нацеленных на решение проблемы морального регулирования экономики в рыночном хозяйстве. В итоге выделяются два направления, одно из которых опирается на учение Д. М. Кейнса и его последователей – кейнсианство. В его рамках проводится мысль о том, что система либеральных рыночных отношений отнюдь не является совершенной и саморегулируемой, поэтому государство должно оказывать свое руководящее влияние, защищая общество от разрушительных экономических действий его отдельных членов. И другое – неолиберальное направление, выступающее против государственного вмешательства в экономические процессы.

Примечательно, что и в Конституции Азербайджанской Республики, в Преамбуле, указывается на «намерение азербайджанского народа, наряду с другими намерениями утвердить справедливость, обеспечить всем достойный уровень жизни в соответствии со справедливым экономическим и социальным порядком» [9, с. 3]. В современной Конституции Испании (1978 год) желание «установить справедливость» названо в числе главных стремлений народа, утверждающего Конституцию. Конституция Индии (1949 год) среди целей народа на первое место также ставит обеспечение социальной, экономической и политической справедливости [10]. В ст. 149 Конституции АР, в части I, говорится, что «Нормативные правовые акты должны основываться на праве и справедливости» [9, с. 58]. Конституции и законы во многих странах мира содержат положения о справедливости, аналогичные вышеуказанным.

Также, на наш взгляд, следует присмотреться еще к одному вопросу – мотивам экономического поведения. Стремление к своей выгоде – «неотчуждаемое право любого субъекта рыночной экономики». Важнейшей движущей силой человеческого поведения социальной психологией признается его мотивация как специфический вид внутренней регуляции жизнедеятельности людей, как совокупность психологических компонентов, лежащих в основе детерминации поведения. Корневым составляющим этого понятия, является французское слово *motif* – «побудительная причина, повод к какому-либо действию» [11, с. 324]. Человек в обществе всегда обладает рядом социальных и психологических особенностей, как определяющих его принадлежность какой-либо группе, человеческой общности, так и обособляющих его от других людей. Он является индивидуальностью, поскольку способен сознательно направлять свои поступки, определяя при этом собственное отношение к окружающей действительности. Мотивационная обусловленность отношения личности к действительности носит социально активный характер, поскольку она не только воспринимает окружающий мир, но и изменяет его. В формировании активной деятельности, направленной на достижение определенных общественно значимых целей, мотивации как системе саморегуляции человеческого поведения отводится особая роль. Внутренняя регуляция поведения личности позволяет ей непосредственно руководить своими действиями, определять собственное отношение к окружающему миру, поступать активно, поскольку деятельная активность человека, по сути, представляет собой форму его существования в обществе как личности [12, с. 288].

У каждого индивида имеется одновременно множество целей и, стало быть, множество экономических интересов. Каждый индивид стремится одновременно к достижению множества экономических интересов. И только поэтому он обладает свободой, которая для участника рыночной экономики всегда есть свобода самостоятельного выбора выгоды. Именно свобода выбора выгоды вносит постоянные перемены в рыночную экономику. Свобода выбора означает, что индивид все время находится в состоянии выбора. Постоянная возможность выбора расширяет диапазон его действий. Для всего же сообщества субъектов рыночной экономики это означает наличие огромного числа вариантов действий. В рыночном обществе, в котором все измеряется деньгами и обменивается на деньги, для всех участников производства есть один всеобщий побудительный мотив, один всеобщий интерес и стимул поведения – «это желание иметь побольше денег».

Субъекты рыночной экономики предпринимают только такие действия, которые, как они ожидают, принесут им чистую выгоду, реализуют их экономический интерес. При удаче эти действия, хотя бы на короткое время, увеличивают выгоду у данного участника по сравнению с другими участниками. Эта временная выгода – одна из главных целей субъектов рыночной экономики. Стремление к «упреждающей», «обгоняющей» выгоде имеет важные последствия.

Действия, которые в самом деле реализуют интерес, совершаются субъектом все чаще и чаще и в конце концов перерастают в новую модель его экономического поведения. А поскольку никто из участников рыночного производства не упустит своей выгоды, то и к переходу на новую модель никого побуждать

не надо. Таким образом, стремление к собственной выгоде – это постоянно и эффективно действующий мотив экономического поведения. Суть того или иного поведения не может быть раскрыта без связи с нравственными нормами [13, с. 176]. Экономическое поведение как его разновидность также поддается нравственным оценкам в категориях справедливости, добра и зла, долга и чести.

Для экономической системы Азербайджанской Республики характерно многообразие форм собственности. Правовое регулирование отношений собственности осуществляется посредством различных правовых норм, центральное место среди которых принадлежит конституционным нормам, служащим основой для всего правового регулирования отношений собственности в государстве. При этом существуют множество положений нравственности, нашедших свое отражение в Конституции Азербайджанской Республики. Ряд таких положений нашел свое отражение как в Преамбуле, так и в самом тексте Конституции Азербайджанской Республики – «Основные права, свободы и обязанности». Также Азербайджанское законодательство такие нравственные нормы, как защита семьи, забота детей о родителях и т. д., перевело в конституционные предписания. Эти вполне нравственные требования закреплены в статьях 17 и 34 Конституции Азербайджанской Республики, где сформулированы положения о добровольности заключения брака, об обязательности заботы родителей о детях, детей о родителях и т. д., а также прямое упоминание о защите нравственности детей. Так или иначе, эти положения напрямую связываются и с экономической составляющей, поскольку без наличия определенных доходов все эти обязательства превращаются в фикцию.

Конституционное регулирование отношений собственности имеет свою специфику. Она выражается в том, что главной задачей является юридическое закрепление форм собственности, признаваемых государством. Конституция Азербайджанской Республики (ст. 13) исходит из того, что экономической системе Азербайджанской Республики присуща собственность в ее различных формах – частной, государственной и муниципальной. Развивая экономику социальной направленности (статьи 15, 16 Конституции Азербайджанской Республики), Азербайджанское государство стремится к тому, чтобы обеспечивать свободу экономической деятельности, предпринимательства и труда, чтобы регулирование хозяйственной жизни осуществлялось в интересах человека и общества. Вместе с тем государство в различных формах несет ответственность за наиболее важные стороны организации производства и распределения в стране в целом. Кроме этого, принцип справедливости, будучи необходимым элементом социального порядка, обеспечивает стабильность в общественном развитии, сводит к минимуму причины социальных потрясений. Деятельность людей требует от государства определенных гарантий, и прежде всего – в экономической и политической областях. Государство закрепляет эти гарантии и устанавливает определенный порядок их обеспечения, опирающийся на незабываемые права и свободы человека и гражданина. Государственное регулирование экономической деятельности в правовом государстве, в отличие от тоталитарного, не учреждает экономической строй общества, а только охраняет его главные устои, основанные на правах и свободах. Эти устои не порождают какой-то одной политической идеологией, они носят гуманистический и демократический характер.

Рассмотрим еще один важный вопрос, непосредственно связанный с экономической деятельностью – проблему соотношения экономического поведения (потребительства) с нравственными ценностями. Данный вопрос имеет прямое отношение к активно обсуждаемому за последнее столетие передовыми умами человечества духовному кризису современной западной культуры. В экономически развитых странах материальное наслаждение стало доступно большей части населения. Обратная сторона благополучия – процветание эгоизма. По этому поводу Фромм пишет: «Быть эгоистом – значит, что я хочу всего для себя; что мне доставляет удовольствие владеть самому, а не делиться с другими; что я должен стать жадным, потому что если моей целью является обладание, то я тем больше значу, чем больше имею; что я должен испытывать антагонизм по отношению ко всем другим людям: к своим покупателям, которых хочу обмануть, к своим конкурентам, которых хочу разорить, к своим рабочим, которых хочу эксплуатировать. Я никогда не могу быть удовлетворенным, так как моим желаниям нет конца; я должен завидовать тем, кто имеет больше, и бояться тех, кто имеет меньше. Но я вынужден подавлять эти чувства, чтобы изображать из себя (перед другими, как и перед самим собой) улыбающееся, разумное, искреннее и доброе человеческое существо, каким старается казаться каждый» [14, с. 37].

Размышления о будущем заставляют многих ученых признать, что за последнюю сотню лет мир существенно изменился, и это новое его состояние настоятельно требует движения мирового сообщества в сторону более совершенного рыночного хозяйства. В этих условиях надо ориентироваться на то, что процессы глобализации никак не обойдут стороной ни одну страну, в том числе как Азербайджан, так и другие государства СНГ. Поэтому становится очевидной важность интеграции отечественной, деловой морали, хотя бы в те недостаточно совершенные мировые стандарты, которые выработаны на сегодняшний день в области либеральной рыночной экономики. Таким образом, становится очевидным три момента во взаимоотношениях экономики и нравственности. Во-первых, нельзя считать добром все то, что экономически эффективно, что приносит экономический успех. Во-вторых, если мотивом экономического поведения является стремление к своей выгоде, то индивидуализм и материальный интерес, понимаемые как объективное стремление к выгоде, выступают движущей силой экономического развития. Наконец, в-третьих, сегодня в западном мире существует несоответствие между экономическим поведением и нравственными ценностями человека, что выступает следствием кризиса самого человека.

1. Платон Диалоги / Платон ; пер. с др.-греч. С. Я. Шейнман-Тонштейн ; под общ. ред. А. Ф. Лосева. – М. : Мысль, 1986. – 607 с.
2. Аристотель. Соч. : в 4 т. / Аристотель. – М. : Мысль, 1984. – Т. 4. – 830 с.
3. Рзаев, А. Г. Насираддин Туси: жизнь и творчество, мировоззрение / А. Г. Рзаев. – Баку : Иршад, 1996. – 266 с.
4. Гулиев, А. И. Идея социальной справедливости в социально-политической мысли Азербайджана / А. И. Гулиев. – Баку : Тэкнур, 2008. – 351 с.
5. Рзаев, А. Г. История политических и правовых учений Азербайджана / А. Г. Рзаев. – Баку : Элм, 2000. – 526 с.
6. Гулиев, А. И. Юридическая энциклопедия / А. И. Гулиев. – Баку : Ганун, 2007. – 1108 с.
7. Алексеев, С. С. Теория права / С. С. Алексеев. – М. : Юристъ, 1994. – 192 с.
8. Малахов, В. П. Философия права / В. П. Малахов. – Екатеринбург : Деловая книга, 2002. – 448 с.
9. Конституция Азербайджанской Республики от 12 ноября 1995 года. – Баку : Ганун, 2016. – 60 с.
10. Конституция Индии [Электронный ресурс] // www.twirpx.com. – Режим доступа: <https://www.twirpx.com/file/641725/>. – Дата доступа: 11.01.2018 ; Конституция Испании [Электронный ресурс] // www.twirpx.com. – Режим доступа: <https://www.twirpx.com/file/231136/>. – Дата доступа: 11.01.2018.
11. Ожегов, С. И. Словарь иностранных слов / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М. : Русский язык, 1986. – 608 с.
12. Оксамытный, В. В. Правомерное поведение личности (теоретические и методологические проблемы) : дис. ... д-ра юрид. наук / В. В. Оксамытный. – М., 2005. – 374 с.
13. Кудрявцев, В. А. Криминальная мотивация / В. А. Кудрявцев. – М. : Наука, 1986. – 304 с.
14. Фромм, Э. Иметь или быть? / Э. Фромм. – М. : Прогресс, 1990. – 330 с.

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РОССИИ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ

Саввин Алексей Михайлович,
заведующий кафедрой общих гуманитарных и социально-правовых дисциплин
Института законоведения и управления ВПА, г. Тула,
кандидат политических наук, доцент

Шалашников Геннадий Васильевич,
доцент кафедры филологии и философии
Института законоведения и управления ВПА, г. Тула,
кандидат философских наук

Понятие инновационного общества является одним из важнейших в современной социологической науке. Его сущность и специфика, по мнению ряда специалистов, рассматривается в контексте развития элементов гражданского общества и современной постиндустриальной экономики. Однако есть определенные особенности, которые подчеркивают специфику формирования инновационного общества в современной России. Рассматривая данный вопрос, следует в начале сказать несколько слов о специфике подходов к рассмотрению генезиса российского гражданского общества.

Российский теоретик права С. С. Алексеев полагал, что в России имеются достаточные «правовые корни», и этим она принципиально не отличается от других европейских государств [1, с. 265]. Согласно другой точке зрения, правовое прошлое России оказывается гораздо более сложным: к своему идеалу наша страна идет не рациональным путем, а через религиозный опыт. Главная идея государства правды, которая она стремится создать, – это подчинение его непреходящим ценностям. В истории России под наслоениями многообразных взглядов и теорий всегда проглядывало желание соблюсти эту изначальную истину, обуздать стихию человеческой воли, добиться подчинения человека этой государственной правде [10, с. 42]. При этом государство правды – это не правовое государство в его западном понимании. Перед ними стоят совершенно разные задачи: первое должно вернуть «правду на землю», для второго характерны только «материальные устремления» [13, с. 76].

Соответственно, одни исследователи видят основу российского гражданского общества в крестьянской общине, православной идеологии и так называемой «соборности». Из работ, написанных в данном ключе, можно назвать труд «История России», авторы которого считают, что единой причиной всех проблем нашей страны в XX в. является отступление от подлинных религиозных основ национальной культуры. Авторы данного труда опираются на идею солидаризма в ее консервативно-религиозной интерпретации русскими эмигрантами. Другие считают (Е. Т. Гайдар и др.) [6, с. 47], что никакого гражданского общества в Российской империи и СССР никогда не существовало и его требуется создать впервые.

В современных условиях инновационное общество не обязательно означает общество технократическое. Если люди сидят в парках, уткнувшись в свои айфоны и айпады, это еще не делает их адептами технократической культуры. Силиконовая долина в том виде, в каком ее себе представляют, в других странах уходит в прошлое. В свое время американский социолог Ричард Флорида в книге «Креативный класс: люди, которые меняют будущее» отмечает: «Мне трудно пропагандировать такие места, как силиконовая долина, которая населена индивидуалистами, не интересующимся ничем за пределами своей собственной жизни. Переход к такому обществу меня беспокоит» [4].

В современных обществах инновационное общество – это общество социальных инноваций, направленное на модернизацию общественных институтов и создание устойчивой основы гражданского общества. Исходя из данной гипотезы, нами было проведено социологическое исследование, цель которого изучить социальное пространство гражданского общества в регионе, вовлеченность граждан в деятельность некоммерческих организаций и отношение граждан к инновационному развитию страны.

Обследование параметров развития элементов гражданского общества проходило в 2015 – 2017 гг. среди студентов тульских вузов и их родителей. Данное исследование не является репрезентативным и носит предварительный характер.

Для описания социального пространства гражданского общества нами были проанализированы следующие параметры:

- доверие и солидарность граждан;
- личная ответственность граждан;
- личная активность граждан.

По мнению подавляющего большинства опрошенных, в отношениях между людьми в той или иной степени следует проявлять осторожность. Только каждый седьмой респондент считает, что большинству людей можно доверять.

По ощущениям примерно 80 % опрошенных, за последнее время уровень доверия людей друг к другу уменьшился. В сознании граждан доминирует представление, что в России среди людей господствует несогласие и разобщенность. Так считает 78 % участников опроса.

Среди тульской молодежи не согласны с заявлением, что в отношениях между людьми необходимо соблюдать осторожность около 2 %. Считает, что людям можно доверять, лишь каждый десятый опрошенный студент-гуманитарий. А 76 % тульских студентов уверены, что среди людей в нашей стране преобладают согласие и одновременно разобщенность. Тем не менее, 28 % тульской учащейся молодежи полагает, что степень доверия людей друг к другу растет так или иначе.

Более 40 % опрошенных чувствуют себя в значительной степени ответственными за то, что происходит в городе, где они проживают. Следует отметить, что социальная дистанция не оказывает существенного влияния на этот параметр. Личная ответственность за то, что происходит во дворе дома, почти совпадает с чувством ответственности за свой город, его облик, его инфраструктуру. По-видимому, этот факт следует интерпретировать как безразличие значительного числа тульских молодых людей к проблемам дома (этот вопрос, разумеется, требует дополнительного отдельного изучения). У почти половины опрошенных требуемой ответственности практически не ощущается.

Абсолютное большинство тех, кто не чувствует ответственности, – это предприниматели в возрасте от 30 до 50 лет. В какой-то степени государственные и муниципальные служащие чувствуют ответственность. Из числа студентов половина респондентов чувствует себя незначительно.

Согласно опросу в г. Туле, абсолютное большинство людей готовы объединиться с другими людьми для совместных действий, если их интересы совпадают. Положительный ответ на этот вопрос дал 90 % респондентов.

Среди тульских студентов процент положительных ответов еще выше – 95 %.

Несмотря на очень высокую самооценку готовности к коллективным действиям, участники опроса скептически относятся к готовности других людей совместно решать какие-либо общественные проблемы. Более половины опрошенных жителей Тулы считают, что такие люди либо не встречаются, либо редки. Тульские студенты еще более пессимистичны. Никто не верит, что видел людей, готовых объединиться.

На первый взгляд опрос показал достаточно высокую степень информированности населения (в том числе студенчества) об общественных и в целом некоммерческих организациях, действующих в городе. Традиционно по количеству упоминаний лидируют организации ветеранов войн и ликвидаторов аварии на ЧАЭС, общества инвалидов и благотворительные организации, движения за охрану природы.

Но в то же время результаты опроса не могут не вызывать тревоги. Среди граждан, давших положительный ответ, указывались «Комитет социальной защиты» и даже УВД. Часть опрошенных свой ответ не конкретизировали, что свидетельствует о подмене желаемым действительного. Среди тульских студентов-гуманитариев часть опрошенных могут вспомнить только названия политических партий и общественно-политических движений, а также сферы деятельности общественных организаций.

Более 90 % опрошенных не могут дать положительного ответа на вопрос: «О каких гражданских инициативах в нашем городе вы знаете или слышали»? В качестве гражданских инициатив назывались «флешмоб» и даже «выборы». Оптимизм внушает факт, что установка на гражданскую пассивность в будущее не транслируется: свою готовность участвовать в деятельности общественных организаций выразили 60 % опрошенных студентов. Тем не менее, нельзя не отметить, что в настоящее время потенциал вовлечения

граждан в деятельность некоммерческих организаций достаточно низкий. Потребуется немалые усилия для включения населения в процесс формирования гражданского общества.

Гражданская активность может рассматриваться как один из ресурсов модернизации страны и региона – технологического обновления и реформирования политической системы. Результаты нашего исследования свидетельствуют о том, что в г. Туле сосуществуют как традиционалистская часть общества, так и люди, в сознании которых доминируют ценности обновления страны. Среди респондентов примерно треть желают жить в эпоху Л. И. Брежнева, Ю. В. Андропова, К. У. Черненко и даже М. С. Горбачева. При этом возраст опрошенных не оказывает существенного воздействия на их ответы. Желания жить в 90-е гг. XX в. никто не изъявил, даже представители современного поколения [11, с. 48].

Среди тульских студентов настоящему времени отдают предпочтение абсолютное большинство опрошенных. Это понятно, поскольку, во-первых, молодежь не может быть обращена в прошлое, во-вторых, знания об истории страны, к сожалению, носит несистемный характер, в-третьих, понимание разницы между первым десятилетием века и настоящим временем сомнительно.

Противоположные позиции двух основных групп населения проявляются не только в отношении того периода, в котором люди хотели бы жить. Не менее важна разница в отношении свободы личности. Политические права и свободы были указаны на последнем месте (после финансового благополучия, семьи и карьеры). По-видимому, мы должны заключить, что современность с расширением политических и личных прав не определяется большинством населения. Примерно такие же результаты были получены и по результатам опросов студентов (следует отметить, что в этом случае пол респондентов не учитывался).

Как видно, в массовом сознании преобладают ценности семьи и благополучия. Это означает, что доля традиционалистов в населении города на самом деле выше. Этот вывод хорошо сочетается с результатами ответа на вопрос «Является ли важным для Вас авторитет и влияние России в мире?» Утвердительный ответ дали абсолютное большинство респондентов, независимо от возраста и профессии.

Очень важными для дальнейшего анализа являются результаты опроса об источниках модернизации страны и факторах, которые не способствуют модернизации. Значительный процент респондентов считает, что у России нет политических и административных ресурсов для перехода к инновационному типу развития. Только 8 % считают, что федеральные и региональные чиновники (оказалось, что нет разницы в массовом сознании между первым и вторым) явно хотят перехода России на инновационный путь развития. Большинство (независимо от возраста) данное утверждение либо отрицает, либо в нем сомневается.

Среди факторов, мешающих модернизации России, лидируют факторы коррупции и некомпетентности лиц, принимающих решения.

Интересно, что тульские студенты выделяют неразвитость гражданского общества как один из приоритетных факторов, тормозящих модернизацию страны. Его выделяет 21 % опрошенных.

Исходя из предположения, что гражданское общество в современных условиях, – это «общество инновационное», нами был проведен экспертный опрос (опрашивались специалисты, имеющие ученую степень кандидата юридических, экономических, политических, философских и исторических наук). На вопрос: «Желают ли, по Вашему мнению, федеральные чиновники перехода России на инновационный путь развития», 40 % опрошенных ответили «Нет» или «Скорее нет». Соответственно, 60 % считают, что это в той или иной степени возможно (ответ «Скорее да»).

В то же время первая группа экспертов отмечает, что федеральные чиновники, тесно связанные с предпринимателями сырьевого сектора, пополняют государственный бюджет и свои личные сбережения от рентного дохода. Инновационная экономика лишает их такой возможности. Кроме того, инновации в сознании федерального государственного служащего отождествляются с нестабильностью и определенными рисками. Вторая группа экспертов исходит из того факта, что, учитывая своеобразную политическую конъюнктуру, сами инновации позволяют получать экономическую ренту (не считая доходов от различного рода личных злоупотреблений).

Аналогичные результаты были получены при ответе на вопрос: «Считаете ли вы, что региональные чиновники хотят перехода России к инновационному пути развития?» Эксперты, ответившие «Нет» или «Скорее нет», отмечают, что региональная элита нуждается в инновациях, только если они финансируются федеральным центром. Это создает видимый экономический эффект и является показателем успеха регионального руководителя. Более того, это главный показатель для дальнейшего продвижения по карьерной лестнице. Эксперты, которые ответили «Да» или «Скорее да», полагают, что у региональных чиновников нет возможности проводить политику, которая противоречит официальной линии федерального центра, но в некоторых случаях создает реальность, существующую только в отчете.

По результатам экспертного опроса ясно, что социальной базой модернизации является малый бизнес (60 %) и крупный бизнес (40 %). В то же время, согласно нашим исследованиям, бизнес – очень инертная сила в политике. Никто не назвал интеллигенцию социальной базой для модернизации. Некоторые эксперты считают, что нет социальной базы для модернизации России, и они очень скептически относятся к потенциалу молодежи.

В свое время, согласно совокупности показателей доверия, личной ответственности и личной деятельности, фонд «Общественное мнение» определил следующие типы респондентов: гражданский тип, тип сообщества, тип активиста и изолированный тип. На основании нашего исследования мы можем заключить,

что опрошенные граждане характеризуются «обывательским типом», особенности которого – высокая солидарность только в непосредственной близости. В то же время у людей такого типа низкий уровень доверия к обществу в целом и слабое чувство ответственности за то, что происходит, даже на средней социальной дистанции. Преобладание этого типа жителей, включая молодежь, указывает на слабость социальной базы для развития гражданского общества в нашем регионе. Запрос общественности о неких гражданских инициативах за пределами узкого круга крайне мал. Кроме того, их организаторы плохо используют каналы связи с общественностью. Более точные показатели социального пространства должны быть получены только путем проведения социологического опроса населения всего региона.

Список использованных источников

1. Алексеев, С. С. *Философия права* / С. С. Алексеев. – М. : Норма, 1998. – 336 с.
2. Бредли, Дж. *Добровольные ассоциации, гражданское общество и самодержавие в поздней имперской России* / Дж. Бредли // *Российская история*. – 2011. – № 2. – С. 3.
3. Гегель, Г. В. Ф. *Философия права* / Г. В. Ф. Гегель // *Соч. – М., 1934. – Т. 7. – С. 211.*
4. Гонтмахер, Е. *Российская модернизация: институциональные ловушки и цивилизационные ориентиры [Электронный ресурс]* / Е. Гонтмахер // *МЭиМО*. – 2010. – № 10. – Режим доступа: https://www.imemo.ru/jour/meimo/index.php?page_id=684&jid=1843. – Дата доступа: 03.02.2018.
5. *Гражданское общество. Мировой опыт и проблемы России* / В. Г. Хорос (гл. ред.) [и др.]. – М. : Эдиториал УРСС, 1988. – С. 46.
6. Гайдар, Е. *Соч. в двух томах. Государство и эволюция. Дни поражений и побед* / Е. Гайдар. – М. : Евразия, 1997. – Т. 1. – С. 45.
7. Елина, О. Ю. *Сельскохозяйственные общества России, 1765 – 1920-е гг.: вклад в развитие агрономии* / О. Ю. Елина // *Российская история*. – 2011. – № 2. – С. 27–45.
8. Заславская, Т. И. *Социетальная трансформация российского общества: деятельностно-структурная концепция* / Т. И. Заславская. – М. : Дело, 2002. – С. 46.
9. Исаев, И. *Евразийство: идеология государственности* / И. Исаев // *Общественные науки и современность*. – 1994. – № 5. – С. 42.
10. Левин, И. Б. *Гражданское общество на западе и в России* / И. Б. Левин // *Полис*. – 1996. – № 5. – С. 107–119.
11. Саввин, А. М. *Перспективы развития гражданского общества в России: предварительный анализ* / А. М. Саввин, Г. В. Шалашников // *Актуальные вопросы высшего профессионального образования и современного российского общества : междисциплинарный сборник научных трудов*. – Вып. 3. – Тула : Папирус, 2012. – С. 86–97.
12. Черниловский, З. М. *Гражданское общество: опыт исследования* / З. М. Черниловский // *Государство и право*. – 1992. – № 6. – С. 47.
13. Шахматов, М. М. *Подвиг власти (опыт по истории государственных идеалов России)* / М. М. Шахматов // *Евразийский временник*. – Берлин, 1923. – Кн. 3. – С. 76.

КОРПОРАТИВИЗМ КАК СПОСОБ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Терещенко Анна Григорьевна,
доцент кафедры гуманитарных и информационных дисциплин
Иркутского института (филиала)
Всероссийского государственного университета юстиции
(Российская правовая академия Министерства юстиции России), г. Иркутск,
кандидат психологических наук

Васильев Николай Гаврилович,
доцент кафедры гуманитарных и информационных дисциплин
Иркутского института (филиала)
Всероссийского государственного университета юстиции
(Российская правовая академия Министерства юстиции России), г. Иркутск,
кандидат философских наук

Корпорация в широком смысле слова в переводе на русский язык (англ. corporation, от лат. *corporatio* – объединение, сообщество) означает общество, союз, группа лиц, объединяемая общностью профессиональных или сословных интересов. Как форма реализации социального капитала корпоративизм сложился в условиях средневекового общества. С изменением исторических, социальных и экономических условий этот социальный институт распался. Со временем в США, Канаде, а затем и в других странах акционерные общества стали называть корпорациями, забыв о том, что они уже существовали в средневековом мире.

В техногенной цивилизации стали доминировать иные идеалы, появилась возможность индивида включаться в самые разные социальные общности и корпорации. Обучение, воспитание и социализация индивида в новоевропейской культурной традиции способствовали формированию у него более гибкого, динамического мышления, чем у человека традиционных обществ. Это нашло отражение и в более сильной рефлексивности обыденного сознания, проявилось в насыщенности обыденного мышления догадками, прогнозами, предвосхищении будущего как возможных состояниях социальной жизни. То есть корпоративизм во многом сохранил свое влияние в целом ряде ситуаций, стал способом организации общественной жизни.

Под корпоративизмом принято понимать особый вид взаимодействия между группами интересов и государством, при котором его участники вырабатывают согласованные рекомендации и решения и участвуют в их реализации [1]. При этом формы и методы взаимодействия не могут находиться в очень широком диапазоне, начиная от либеральных его версий типа «шведской модели» или австрийского «социального партнерства» до жестких схем, существовавших в ряде авторитарных государств («корпоративное государство» Муссолини или Салазара).

В современных условиях проблема корпоративизма стала особенно актуальной. Как отмечают многие исследователи, данная форма отношений получила доминирующее развитие особенно в индустриальных странах [1; 2].

Большинство концепций корпоративизма отказываются от идеи господства демократии, понимаемой как господство большинства, и предполагают ведущую роль таких форм управления, как программы, стратегии, организационные принципы. Заложенные в них технологии опоры на ресурсы (в первую очередь образовательные, культурные, технологические, а потом уже сырьевые) дают больше возможностей малым группам, уникальным культурам, личным инициативам. Корпоративизм не предполагает массовых форм включения в корпоративную жизнь большинства населения, а претендует лишь на одну из технологий управления через разработку принципов и стратегий развития.

Сегодня часто говорят о городах-корпорациях, называя их технополисами, о корпоративных ассоциациях. Однако корпоративизм как принцип организации общественной жизни неоднозначен. В литературе встречаются и опасения по поводу проникновения организованных групп интересов в систему государственной власти, при этом отдельные группы получают привилегированные позиции влияния на формулирование и исполнение государственной политики. Для корпоративных отношений, как отмечает С. Перегудов, характерно то, что группы влияния практически не связаны никакими ответными обязательствами перед государством [1]. Власть и основные социальные ресурсы концентрируются в руках небольших по численности групп, которые стремятся повысить степень своей закрытости. Основой взаимодействия корпоративных групп являются патримониальные отношения, осуществляемые посредством патронажа и клиентских связей, которые формируются внутри элиты субэлитных групп. Патримониальными центрами могут выступать собственные крупнейшие корпораций, элиты правящих партий и т. д. Разные варианты корпоративизма – это мобилизационные модели, направленные на преодоление раскола общества и концентрацию его усилий на решении важнейших задач внешней экспансии, социально-экономического развития, поддержания политической стабильности. Для нынешней России эти задачи чрезвычайно важны.

Современная социально-политическая история и теория дают примеры корпоративизма различных видов: авторитарного, бюрократического, олигархического и социетального (либерального). Корпоративные отношения в современной России стали уже «объективной реальностью», с которой следует считаться. Корпоративизм органично вошел в современную инфраструктуру общества. Раскрытие как позитивных, так и негативных сторон корпоративизма заставляет разобраться в явлении корпоративизма подробнее.

Под «корпоративным типом цивилизации» имеется в виду пространство, организованное в интересах транснациональных корпораций, где реальная власть принадлежит корпорации, а государственные чиновники являются только формальными носителями власти.

Современные экономические структуры имеют сегодня две составляющие: крупные транснациональные компании и «мелкий бизнес». Известно, что крупные компании, обладая огромными возможностями, становятся инертными и перестают быстро реагировать на изменения в окружающей экономической среде. С другой стороны, «малый бизнес» принципиально не способен решать крупные задачи, например обеспечивать развитие инфраструктуры страны.

Самоорганизующиеся системы в обществе (как и в природе) построены по фрактальному принципу, благодаря которому хаотическая система обретает структуру и устойчивость малых элементов, образуются самоподобные комплексы, которые, в свою очередь, являются элементами для более крупных комплексов. Такая устойчивая экономическая инфраструктура обеспечивается совокупностью разномасштабных экономических объектов, образующих фрактальную пирамиду, в основании которой находится множество мелких фирм и находятся самые крупные компании.

Для России эта проблема особенно актуальна в свете выбора между стратегией сырьевого развития, пусть даже высокотехнологичного, и стратегией развития инновационных технологий. Источники инноваций, как и самый тип «первичной» экономической активности на уровне малых предприятий, оказываются тесно связанными с социокультурными особенностями конкретной страны.

Наряду с высшим государственным уровнем механизмы взаимодействия корпораций существуют на отраслевом, региональном и местном уровнях. Существенной особенностью корпоративист-

ских отношений является то, что они могут устанавливаться не только посредством различного рода официальных структур и институтов, но и через неформальные отношения. Для современной России именно этот неформальный, «нерегламентированный» корпоративизм во многом предопределяет важнейшие характеристики общества.

Корпоративизм сегодня представляет развитый институт предпринимательства. Известный социолог Э. Дюркгейм еще в конце XIX в. пришел к выводу, что основным структурообразующим элементом будущего общества станет корпорация, которая, с одной стороны, будет опираться и воспроизводить фундамент корпорации средневековья, с другой, будет принципиально отличаться от нее. Современная корпорация предпринимательского типа – сознательное, добровольное объединение предпринимателей, постиндустриального типа, занимающихся конструированием уникальных схем предпринимательской деятельности для получения дохода [3].

Сегодня крупные корпорации предпринимательского типа в России – наиболее приспособленная форма соединения интересов общества в лице государства, крупных, малых предпринимательских структур, менеджеров, специалистов, рабочих. В рамках корпораций создается свой психологический климат, своя корпоративная культура, позволяющая всем субъектам хозяйственной деятельности удовлетворить свои сложные потребности, которые способствуют развитию личности и адаптации к современным социально-экономическим условиям каждого сотрудника.

В. Г. Чернышов отмечает, что корпорации уже в момент средневековья были целостным социальным организмом, имеющим собственную культуру производства, внутрикорпоративных отношений, высокоразвитые корпоративный дух и этику. Социальный компонент уже в то время во многом определял базовую и особенно социальную стратегию корпорации [4].

Современная корпорация – это структура для социально-экономического и культурного непосредственного взаимодействия человека. Отсюда следует, что на основе корпоративизма создаются благоприятные условия не только для конкуренции экономического состояния, но и сотрудничества на разных кооперативных началах, органически связанных с интеграцией различных видов деятельности человека, к которым ему следует адаптироваться. В этом пространстве логически встраивается стратегия реализации предпринимательских схем человеческой деятельности.

Корпорация требует высокого уровня взаимопонимания ее сотрудников. Корпоративизм создает благоприятные условия для глубокого развития человеческих отношений, формирования целостного образа жизни, высокого уровня развития личности, обеспечивает решение проблемы выживания посредством развития.

Особенности современного корпоративизма во многом обусловлены внешней средой. Фундаментальные изменения происходят не только во внешней среде, но и внутри корпораций. Корпорации становятся все более сложными для управления. Эта сложность проявляется в возрастании и дифференциации проблем, что требует унификации, отходе от стандартных решений, усложняются взаимосвязи между корпорациями (они не только конкурируют, но и сотрудничают друг с другом).

Х. Виссема вскрыл специфику корпоративного предпринимательства XXI в., которую назвал стратегической. Под стратегическим корпоративизмом он понимал синтез предвидения будущего корпорации на основе интуиции, эвристических способностей и стратегического управления [5].

В России особенности стратегии корпоративизма определяются прежде всего самой спецификой современных крупных корпораций предпринимательского типа и чрезвычайной сложностью условий современной внешней среды в мировом корпоративном предпринимательстве.

В основе корпоративной стратегии лежит миссия корпорации, в которой выражается смысл ее существования. Миссия корпорации – это комбинация предвидения и кредо корпорации, т. е. норм и ценностей, которые заключаются в основу деятельности, общий кодекс поведения корпорации как внутри нее, так и в отношениях между людьми. Принцип корпоративизма базируется на корпоративной стратегии и ее совместимости с внешним миром. Необходимо предвидеть тенденции изменения внешней среды, представляющей благоприятные возможности для развития организации, видеть комбинацию видов и схем деятельности и иметь функциональные инновационную и социальную стратегии [6].

В современных условиях активно начинает формироваться строй бизнесменов, которые обладают предпринимательскими способностями. Для развития российского корпоративного предпринимательства необходимы внутрикорпоративные изменения. Прежде всего, целесообразно организовать поиск новых систем управления корпорациями. Это требует от науки решения следующих приоритетных проблем:

- выработки актуальных стратегических ориентиров;
- разработки действенных стимулов предпринимательской деятельности персонала корпорации;
- актуализации контроля за деятельностью управленческих команд корпораций;
- подготовки персонала менеджеров корпорации и освоения парадигмы «выживания посредством развития»;
- перехода от текущей оперативной деятельности по выживанию к стратегическому и ситуационному планированию.

Современные отечественные корпоративные структуры только тогда смогут конкурировать и сотрудничать с транснациональными корпорациями международного класса, когда их опорой будет государство.

Сегодня в России большинство корпораций нуждаются в кардинальном изменении структур бизнеса компаний. Это часто приводит к неоправданным затратам и риску финансовых потерь, как правило, к непредсказуемым результатам.

Для того чтобы организация развивалась, она должна выработать стратегию и тактику в соответствии с законом необходимого разнообразия (закон Эшби: «Только разнообразие может уничтожить разнообразие»). Организация должна обладать достаточными внутренними средствами, настолько разнообразными, чтобы быть готовой отреагировать на постоянные изменения в ее среде и благодаря этому работать и двигаться вперед.

В последние годы ситуация в Российской экономике существенно изменилась: рыночная система сменила административную систему управления, предприятия получили доступ к достижениям НТР, вступили в конкурентные отношения, усилившиеся с расширением деятельности транснациональных корпораций на отечественном рынке. В результате произошедших перемен российские предприятия получили не только новые возможности, но и многочисленные проблемы, требующие для их разрешения постоянных структурных изменений в соответствии с требованиями доминирующих экономических, технологических и социальных тенденций, к которым необходимо адаптироваться.

Таким образом, корпоративизм как форма и способ общественной жизни является адаптивным механизмом для существования современного человека.

Список использованных источников

1. Перегудов, С. П. Новый российский корпоративизм: олигархическое или демократическое / С. П. Перегудов // Полис. – 1998 – № 2. – С. 102–128.
2. Терещенко, А. Г. Системно-синергетический подход к обучению и воспитанию студентов / А. Г. Терещенко, Н. Г. Васильев // Помогаящие профессии: научные обоснования и инновационные технологии / под ред. З. Х. Саралиевой. – Н. Новгород : Изд-во НИСОЦ, 2016. – С. 395–399.
3. Дюркгейм, Э. Ценностные и «реальные» суждения / Э. Дюркгейм // Социологические исследования. – 1991. – № 2. – С. 106–114.
4. Чернышов, В. Г. Корпоративное предпринимательство: от смысла к предмету / В. Г. Чернышов. – М. : Смысл, 2001. – 263 с.
5. Андронов, В. В. Корпоративное предпринимательство: менеджмент, финансы и государственное регулирование / В. В. Андронов. – М. : Экономика, 2003, – 236 с.
6. Васильев, Н. Г. Компаративистский анализ принципа эквивалентности права / Н. Г. Васильев, А. Г. Терещенко // Актуальные проблемы науки в исследованиях студентов, ученых, практиков : сб. науч. ст. Всерос. очно-заочной конф. / Ижевский ин-т ВГУЮ (РПА Минюста России). – Ижевск, 2017. – С. 19–24.

ЦИВИЛИЗАЦИОННО-ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ СОВРЕМЕННОГО НАУЧНОГО ЗНАНИЯ (СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ РАКУРС)

Шишкина Елена Александровна,
профессор Международного юридического института, филиал в г. Астрахани,
доктор социологических наук

Манифестная стадия глобализации, развернувшаяся на рубеже XX – XXI вв., коснулась всех сфер общественных отношений, включая науку, которая остается важнейшим инструментом осмысления объективной реальности и поиска каналов устойчивого развития социальной системы. В то же время, представляя собой одну из сфер общественной жизни, наука испытывает на себе весь комплекс противоречий, с которыми столкнулось человечество в условиях современности. Глобальные экологические дисфункции предстали одной из наиболее сложных проблем цивилизации. Потребность их научного осмысления оказалась сопряженной с необходимостью оценки качества научного знания, в той или иной степени определяющего возможность преодоления конфликта между глобальным сообществом и естественной средой обитания. Изучение цивилизационно-экологических параметров современной науки направило исследовательский вектор на познание закономерностей социальной эволюции, предопределяющей возможность конструирования альтернативных моделей социоприродных отношений.

Расширение диапазона научного видения социальной реальности к концу XX в. следует рассматривать как новый тип научности – неклассический, вместе с которым появляется и неклассическая социология. Рождение такой модели познания связано с цивилизационным расколом и переходом глобального общества на очередную, более высокую ступень развития, в результате чего происходит обновление научной картины мира. Ее главной характеристикой становится сочетание множества объяснений происходящих изменений со строгостью классической методологии. С. А. Кравченко и В. Л. Романов констатируют, что нынешнее столетие знаменует собой «старение» существующих обществ, потому возникает необходимость в формировании нового социального знания и новой социологии, которые в условиях отсутствия строгих данностей

смогли бы прояснить общую картину перемен, выявить потенциал хаоса, диффузных процессов и возможное альтернативное развитие [1, с. 4].

С. И. Григорьев и А. И. Субетто обратили внимание на то, что к исходу XX в. современная наука, хорошо приспособившись к сложившемуся порядку жизни и уравнивая истину с получением пользы, оказалась неспособной к решению стратегических задач человечества, несмотря на свои огромные достижения. И вывести ее из этого состояния можно, лишь нарушив классический порядок общественного развития, традиционно сложившийся социальный интеллект [2, с. 8]. Темпы развития социума значительно опережают возможности науки в ее способности противостоять тем негативным последствиям, которые обусловлены научно-техническим прогрессом. Прежние научные теории не соответствуют требованиям, предъявляемым временем, а новые научные подходы лишь прокладывают себе дорогу в глобальном социопланетарном хаосе, в результате чего «возникает неприятное ощущение дефицита конкретного знания» [3, с. 137]. Потому следует согласиться с А. Согомоновым в том, что сегодняшняя социальная мысль, использующая элементарные понятия классической социологии, спотыкается буквально на ровном месте [4].

В условиях нарастания социоприродных противоречий, ставших важнейшей характеристикой современной цивилизации, возникла острая необходимость в создании такой научной парадигмы, которая способна обеспечить замену экономических ценностей на ценности экологические и сконструировать устойчивые экологосберегающие стили социального поведения. Пока же наука, по мнению Г. Г. Майорова, не только не приблизила человека к природе и самому себе, но, напротив, привела его к отчуждению от природы и к самоуничтожению [5, с. 8]. Ее прогресс предстал лишь как отражение исторической ситуации, неспособной включить в свою теоретическую схему обширные области взаимоотношений между человеком и окружающей средой [6, с. 8].

Альтернативность научного объяснения глобальных перемен имеет высокую значимость в понимании характера развития современной цивилизации. Она позволяет понять, что «история не развивается прямолинейно, она поливариантна» [7, с. 76]. А возрастание роли субъективного фактора в становлении новой научной парадигмы, ориентированной на возрождение социоприродной гармонии, пополняет систему социокультурных характеристик цивилизации понятием «качество». «На этом пути культура способна создавать свои новые шедевры, а также опускаться вниз, до уровня среднецивилизационных» [8, с. 76] стилей существования, формирующих нетребовательность к научному анализу исторических изменений, нескритичность социального сознания по отношению к условиям, в которых живет современное человечество. Снижение качества научного знания в понимании цивилизационных противоречий обусловлено и тем, что с наступлением глобального кризиса общественных отношений социальные процессы приобретают лавинообразный, нерегулируемый характер и переводят процесс развития человечества в подчинение объективным условиям.

Экологосберегающая функция науки состоит в том, чтобы формировать и направлять человеческую энергию в данном обществе, дабы обеспечить его непрерывную деятельность [9, с. 108]. В этом отношении науку интересует не столько механизм эволюции, сколько сам факт ускорения эволюционной динамики. Высокоскоростные антропогенные изменения биосферы в любой момент могут дать толчок для нового ускорения эволюционных перестроек, означающий капитальную перестройку экологических условий на планете. Едва ли к ней готово человечество биологически и социально-экономически [10]. Развитие ноосферы невозможно предотвратить, но возможно замедлить, то есть обеспечить такие условия, в которых скорость преобразования окружающей среды не будет выше скорости нашего приспособления к этой вновь получающейся среде [11].

Развитие неклассического социологического знания не исключает проникновения в суть иных условий, имеющих нефизические характеристики. Э. С. Кульпин сравнивает главный объект традиционных исследований с чем-то оформленным и застывшим, подобным отдельному кадру в киноленте или линейным моделям, скрепленным причинно-следственными связями. Для социоестественных же исследований линейные модели могут быть объектами познания лишь в том случае, когда они способны выявить самодвижение, изменение. При этом междисциплинарность обусловит выявление взаимосвязанных, хотя и не всегда взаимосвязанных параллельных процессов в разных сферах жизни природы и общества [12, с. 7].

Научная картина, характеризующая современные взаимоотношения окружающей среды и общества, сложна и неоднозначна. Под влиянием теорий Г. Спенсера, Э. Дюркгейма, Г. Зиммеля и других европейских классиков социологии в 80-х гг. XX в. рождается новая инвайронментальная парадигма социологии, в рамках которой рассматривается необходимость ценностной политической и экономической переориентации, новых стандартов поведения и нового типа рациональности. Данная социально-экологическая идея в американской социологии во многом связана с европейскими традициями социал-дарвинизма, географической школы эволюционизма и натурализма. В то же время, хотя западная наука и послужила стимулом к необычайно плодотворному диалогу между человеком и природой, некоторые из последствий влияния естественных наук на общечеловеческую культуру далеко не всегда носили позитивный характер. Тем не менее, последние десятилетия привнесли в естествознание значимые перемены, подобные появлению геометрии или грандиозной картины мироздания, нарисованной Ньютоном в «Математических началах натуральной философии». Наука все больше признает, что на всех уровнях – от элементарных частиц до космологии – случайность и необратимость играют важную роль, и значение их возрастает по мере расширения наших знаний. Наука вновь открывает для себя время [13].

Важнейшим вектором научного осмысления противоречий, имеющих место в системе «природа – общество», становится социокультурное измерение природного пространства. Развитие техносферы и рационального мышления, берущего начало в середине XIX в. под влиянием идей М. Вебера, ориентация на умножение материальных благ, в котором видится разрешение социального неравенства и иных общественных проблем, формируют материалистическо-потребительскую культуру и уводят человечество от культуры духовной. В целом этот процесс можно охарактеризовать словами В. И. Данилова – Данильяна и К. С. Лосева, отмечающих, что творческое начало, стремление анализировать и другие интеллектуальные способности человека постоянно вели его к конструированию новых технологий, выступающих стимулом для открытий на новой научной основе еще более изощренных технологий освоения и потребления природных ресурсов [14, с. 74].

Основной опорой современного рационализма выступают классические направления естественно-научной сферы, которые чаще всего оказываются неспособными предсказать последствия антропогенных влияний на окружающую среду. Они не успевают за лавинообразным технологическим процессом, стремительно меняющим естественно-научную картину окружающей природной среды [15, с. 11]. Экология как наука о взаимоотношениях человека со средой обитания также не располагает достаточным знанием, способным обеспечить возможность преодоления социально-экологических противоречий. Потому проблема социоприродных взаимодействий захватывает все междисциплинарное поле познания: от биологии и экологии до политики, экономики, естественных, технических, гуманитарных и социальных наук.

Одним из направлений современного научного знания является синергетика, нашедшая не только множество сторонников, но и такое же множество противников. Однако независимо от этого противоречивого восприятия синергетических концепций представителями научного сообщества следует признать ее междисциплинарную значимость и иные возможности в понимании происходящих сегодня социоприродных взаимодействий. Синергетика раскрывает правила протекания нелинейных процессов, изменения структур, развивающихся в разном темпе, отражает характер связей между частями в сложных эволюционирующих системах, выявляет наличие и функционирование биологической и культурно-исторической памяти. Синергетический подход позволяет понять, в какой мере «развитие научных теорий сопряжено с восхождением на все более высокие ступени абстракции» [16]. Наложение социальных, биологических, физических, технических пространств и полей в системе глобальных социоприродных противоречий позволяет не просто совмещать знания различных научных отраслей, но и выводить общие закономерности, правильно ориентироваться в сложнейшем комплексе современного бытия.

Глобальный социально-экологический кризис обозначил необходимость возрождения культурологического осмысления социоприродных противоречий, определения места и значения духовно-нравственного пространства в научном познании бытия. Е. А. Попов в культурном характере гуманитарного либо естественно-научного знания видит попытки интеграции методологических подходов и концепций, отражающих различные аспекты этики, эстетики, истории духа и души. Современная социология не может оставаться в стороне от общей тенденции оживления знания [17, с. 47, 52]. В рамках современной социологии уже существует ряд направлений, изучающих взаимодействия природы и общества: социология природы, инвайронментальная социология, социальная экология, социология риска, экологическая социология. В целом все они изучают одно – характер влияния антропогенной деятельности на состояние социоприродного пространства и возможные механизмы регуляции противоречий между обществом и средой обитания. Однако имеются и внутриотраслевые отличия.

Так, многообразные понятия и термины, отражающие социально-экологическую проблематику, выступают как конструкты-символы с диапазоном значений в пределах социальных и культурных контекстов. Сложилась традиция стигматизации понятия природы как феномена, которому угрожает опасность вымирания биологических видов, ограничения ресурсов для будущих поколений. Альтернативная символизация естественной среды обитания дается в образе природы как источника чистоты, страдающего от загрязнения, как попытка возврата из современного общества отчуждения в органическое малое сообщество и как целостная экосистема, которую надо сохранить во всем ее разнообразии. Обе разновидности символизации и стигмы анализируются в социологии природы Дж. Урри. Функционалистская экосоциология фокусируется на отношениях социального субъекта и социализированной природы. Направление социальной экологии, созданной в 20-е гг. XX в. социологами Чикагской школы Э. Берджессом, Р. Парком, Р. Макензи, объектом исследования имело поведение человеческой популяции в городской среде. Сегодня социальная экология, идущая от социологии города, по существу применяется как термин, обозначающий университетскую дисциплину. В 80-е гг. XX в., благодаря ряду концептуальных докладов Римского Клуба и Комиссии Организации Объединенных Наций по проблемам среды и развития, в американской социологии возникло направление, получившее название инвайронментальной социологии. Критическая англоязычная социология инвайронментализма вскрывает властный дискурс взаимодействия с окружающей средой и пересекается с критикой глобально планируемого общества. Потребительство представляет собой существенный социальный феномен в теории инвайронментализма. Безусловен факт, что «социальные проблемы в основе своей – проблемы города» [18, с. 4], однако в современных условиях антропогенное влияние на естественную среду приобрело масштабы, далеко выходящие за городские пределы. Это касается и развития экологического туризма, ориентированного на отдых в нетронутых, экологически чистых местах, и экологических проблем околоземного космического пространства, и многих иных явлений, включенных в процесс глобализации.

Социология риска анализирует взаимодействия социума, человека, техногенной и природной среды и связанные с ними риски. Предмет экологической социологии, расположенной на стыке междисциплинарных проблем, аккумулирует понимание о возрастающих взаимовлиянии и взаимозависимости человека и биосферы, фокусирует внимание на взаимодействии общества и среды, естественной и антропогенной. Она «дает информационную базу для осознания отношений между человеком и природой для определения пределов воздействия на природу и для раскрытия причин кризиса экологического мировоззрения [19, с. 21]. Экологическая социология является относительно новой областью знаний, в связи с чем находится в динамичном состоянии своего развития, испытывает противоречивый этап становления. Дискуссии о предмете экологической социологии в одних случаях отдают приоритеты взаимодействию власти, социальных структур и природы, в других главным принципом экологической социологии утверждается возрастающая зависимость общества от биофизических условий существования. В итоге перечисленные концепции неизбежно переплетены между собой. Это переплетение подтверждает концептуальный и логико-семантический анализ соотношения понятий, их сходства и отличия.

С точки зрения автора, весьма обоснованным будет введение в поле научных направлений социологии экологической культуры, ориентированной на изучение общественного экологического сознания, механизмов изменения ценностей и целей современного общества и конкретно экологической культуры. Социология экологической культуры должна выступать в качестве науки, фокусирующей процесс познания на области образа жизни, социального сознания и настроения, социальной безопасности, духовно-нравственного пространства социальных групп и всей социетальной системы.

Изучение взаимодействий человечества и биосферы показывает, как по мере развития науки менялась интерпретация экологической парадигмы, как расширялось ее содержание в связи с учетом факторов антропогенного воздействия. Спецификой современных наук является смена научной картины мира, поиск нового способа познания, его ориентация на системное понимание мира, на фильтрацию всех научных достижений через высокодуховную систему ценностей, способную служить фактором сокращения неблагоприятных тенденций во взаимоотношениях общества и окружающей среды. Сегодня человечество переживает переходный период, который представляет науке ведущую роль в регулировании социоприродных процессов. По мнению И. Пригожина и И. Стенгерс, современная наука представляет собой универсальное послание, содержание которого более приемлемо для других культурных традиций [20]. Одновременно мы должны реально представлять себе возможности человека и его методов, чтобы тем или иным способом попытаться изучить процессы, происходящие в природе [21, с. 3]. Наше современное видение природы и взаимодействия с ней человека подвергаются радикальным трансформациям, направленным в сторону усложнения, многообразия форм и темпоральности.

В современном мире возникает острая необходимость нового миропонимания. В. Савин отмечает, что все процессы в живой и неживой природе описываются нелинейными уравнениями, так как живые системы являются открытыми по веществу и энергии и удалены от термодинамического равновесия. Нелинейная парадигма обнадеживает в тех ситуациях, которые кажутся безнадежными. Существенность малых усилий в критических ситуациях может вывести систему на иную, благоприятную возможность из того спектра возможностей, которым обладает сложная система [22]. Чтобы перестроить общество, нужно изменить человека. Но такую перестройку Е. Н. Князева и С. П. Курдюмов видят не в отсечении представляющегося нежелательным прошлого, поскольку человек есть синтез всех предыдущих стадий эволюции. Необходимо понимать, в чем заключается активная роль человека в процессах коэволюции сложных систем при выборе благоприятного сценария будущего, при каких обстоятельствах действия индивида могут быть существенными для общества, и определить становление нового социального образца поведения [23].

Таким образом, современная наука, будучи включенной во все глобальные геосоциальные процессы, испытывает множество противоречивых изменений, для которых характерны недостаточность классических теорий и подходов к изучению социальной реальности, а также потребность в выведении новых методов познания социоприродных отношений. Полипарадигмальное видение современной картины мира не только расширяет возможности научного поиска, но и открывает перспективы в разработке методологии научных исследований, социального конструирования среды обитания.

Список использованных источников

1. Кравченко, С. А. Социология и вызовы современной социокультурной динамики / С. А. Кравченко, В. Л. Романов // СОЦИС. – 2004. – № 8. – С. 3–11.
2. Григорьев, С. И. Основы неклассической социологии: новые тенденции развития культуры социологического мышления на рубеже XX – XXI веков / С. И. Григорьев, А. И. Субетто. – М. : Русаки, 2000. – 208 с.
3. Данилов-Данильян, В. И. Экологический вызов и устойчивое развитие / В. И. Данилов-Данильян, К. С. Лосев. – М. : Прогресс-традиция, 2000. – 416 с.
4. Согомонов, А. Неузнаваемая узнаваемость постсовременности. [Электронный ресурс] / А. Согомонов // Глобализация и культура. – Режим доступа: <http://www.globalculture.ru/glokalizacija/aleksandr-sogomonov-glokalnost-2.html>. – Дата доступа: 04.04.2018.
5. Майоров, Г. Г. Философия как искание Абсолюта / Г. Г. Майоров. – М. : УРСС, 2004. – С. 28.
6. Привалов, Н. Г. Цикличность в развитии гражданского общества / Н. Г. Привалов // Циклы : материалы IV Междунар. конф., Ставрополь, окт. 2002 г. / Северо-Кавказский гос. тех. ун-т. : в 2 ч. – Ставрополь, 2002. – Ч. 2.

7. Мигولاتьев, А. А. Философия цивилизации / А. А. Мигولاتьев // Социально-гуманитарные знания. – 2003. – № 4. – С. 88–102.
8. Мигولاتьев, А. А. Там же.
9. Фромм, Э. Здоровое общество / Э. Фромм. – М. : Изд-во «Хранитель», 2006. – С. 108.
10. Реймерс, Н. Экология (теория, законы, правила, принципы, гипотезы) / Н. Реймерс. – М. : Журн. «Россия Молодая», 1994. – 367 с.
11. Ермаков, Л. Н. Человек в биосфере (Экология для зеленых) / Л. Н. Ермаков. – Новосибирск : Изд-во «ИСАР-Сибирь», 2002. – 230 с.
12. Кульпин, Э. С. Глобализирующийся мир и генезис ментальности / Э. С. Кульпин // Природа и общество в глобализирующемся мире. Социально-естественная история. Вып. 25 / под ред. Э. С. Кульпина. – М., 2005. – 260 с.
13. Пригожин, И. Порядок из хаоса / И. Пригожин, И. Стенгерс. – М. : Прогресс, 1986. – 432 с.
14. Данилов – Данильян, В. И. Экологический вызов и устойчивое развитие / В. И. Данилов – Данильян, К. С. Лосев. – М. : Прогресс-традиция, 2000. – 416 с.
15. Сосунова, И. А. Методология и методика общественного участия в подготовке и принятии экологически значимых решений / И. А. Сосунова, Н. Г. Рыбальский, Е. Д. Самотесов. – М. : НИА-Природа, РЭФИА, 2004. – 226 с.
16. Пригожин, И. Порядок из хаоса: новый диалог человека с природой / И. Пригожин, И. Стенгерс. – М. : Прогресс, 1986. – 432 с.
17. Попов, Е. А. Перспективы культуроцентричности в социогуманитарном знании / Е. А. Попов // СОЦИС. – 2005. – № 1. – С. 47.
18. Park, R. The City as a Social Laboratory / R. Park // On Social Control and Collective Behavior : Selected Papers / Robert E. Park. ; ed. and with, introduction by Ralph H. Tumer. – Chicago a. London : Phoenix Books, The University of Chicago Press, 1967.
19. Маршак, А. Л. Глобальная экологическая культура общества как фактор формирования социальной толерантности / А. Л. Маршак // Общество и право. – 2003. – № 3. – С. 105.
20. Пригожин, И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой / И. Пригожин, И. Стенгерс. – М. : Прогресс, 1986. – 432 с.
21. Ханжин, Б. М. Проблема практического бессмертия человека / Б. М. Ханжин [и др.]. – М. : Астрахань ; Владимир, 2004. – 96 с.
22. Савин, В. Нелинейное естественно-научное мышление и экологическое сознание [Электронный ресурс] / В. Савин // Русский журн. – Режим доступа: <http://old.russ.ru/politics/20030508-sav.html>. – Дата доступа: 04.04.2018.
23. Князева, Е. Н. Синергетические принципы коэволюции сложных систем [Электронный ресурс] / Е. Н. Князева, С. П. Курдюмов // Сайт С. П. Курдюмова. – Режим доступа: <http://spkurdyumov.ru/globalization/sinergeticheskie-principy-koevolucii-slozhnyh-sistem/>. – Дата доступа: 04.04.2018.

ОЦЕНКА КАЧЕСТВА ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ: МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ

Козачкова Ирина Нурвахитовна,
старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин
Казахской Академии труда и социальных отношений, г. Алматы

Из-за изменений социально-экономических условий и высшего образования в Республике Казахстан при интеграции страны в мировое образовательное пространство необходимо не только удовлетворять требованиям к содержанию и методам обучения, но и оценивать их качество. В мировой практике распространена аккредитация образовательных программ, в которых учреждение получает признание и подтверждение значимости и качества подготовки выпускников на рынке труда.

Вступление Казахстана в Болонский процесс заставляет сосредоточиться на эффективности высшего образования, существенным элементом которого является постоянная оценка его качества. Существует множество методов оценки высшего образования, которые используются в Европе и США. Говоря о процедурах оценки высшего образования, следует отметить, что в Европе высшее образование оценивается как Ассоциацией Европейского университета, Европейской сетью по обеспечению качества в высшем образовании, Европейской комиссией, Национальным союзом студентов в Европе, так и национальными учреждениями и ассоциациями, университетами и министерствами. В США основную роль играют университеты, и многие из них имеют свои собственные оценочные центры и независимые оценочные организации. В США развивается сейчас такой тип оценки; существует даже серия журналов, посвященных оценке высшего образования.

Основными методами оценки, признанными европейцами и американцами, являются оценка, аккредитация, аудит и ранжирование [1]. Оценка как метод в глобальном смысле указывает на обеспечение качества, однако она довольно часто применяется параллельно с другими методами, такими как, например, аудит.

Существует несколько типов оценок, наиболее распространенных на Западе. Во-первых, это «оценка субъекта», которая фокусируется на конкретном предмете, как правило, на всех программах, где изучается предмет. Второй тип оценки – оценка программы, которая фокусируется на мероприятиях в рамках учебной программы. Третья – «оценка учреждения», которая оценивает качество работы университета.

Наиболее распространенными видами оценки, используемыми в Европе и США, являются оценки программ и учебных заведений. Это связано с тем, что другие типы более специфичны и требуют больше усилий для оценки, в то время как эти два популярных типа оценок позволяют достаточно быстро обеспечить понимание состояния университета.

Следующим методом оценки является аккредитация; этот метод в последнее время особенно актуален в европейской системе обеспечения качества образования, особенно в Германии, Норвегии и Нидерландах, где этот метод является основным.

В последнее время аккредитация особенно распространена в Германии, где аккредитованы все новые учебные программы; это позволяет сделать учебные заведения более гибкими для создания новых программ. Недавно в Нидерландах была создана Национальная организация по аккредитации, которая занимается внешней оценкой университетов.

Аудит – это метод, который должен оценивать сильные и слабые стороны механизмов, обеспечивающих качество образования, которые являются общими в учреждении, которое проходит оценку [2]. Это делается в основном для обеспечения мониторинга и совершенствования деятельности университета, обучения и организации. Традиционно аудит наиболее распространен в Великобритании и Ирландии.

Ранжирование – это элемент оценки, в котором сравниваются результаты предметов, программ, учреждений или тем. Это, согласно Европейской ассоциации университетов, ведет к постоянному обмену передовыми методами [3]. Это самый молодой и неисследованный метод оценки. Изучив методологию базовой оценки, необходимо провести небольшой сравнительный анализ европейских и американских систем обеспечения качества в высшем образовании.

Основное различие между европейскими системами оценки высшего образования из США основано на полномочиях правительства в формулировании конечных целей оценки, определении ключевых этапов [4], а также в организации образовательного процесса после применения результатов оценки.

Главной характерной чертой американской системы оценки является развитие самооценки [5], что связано с тем, что до недавнего времени управление государственным университетами в частности и государственными органами в целом было довольно слабым. Несмотря на это, американские университеты всегда стремились улучшить систему образования; акцент в этом вопросе был сделан на систему самооценки, проводимую на уровне высшего учебного заведения.

Говоря о экспертном суждении, важно отметить, что профессиональные организации США, такие как ассоциации врачей или юристов, играют важную роль: они строго оценивают программы университетов, потому что они заинтересованы в повышении престижа своих профессий и получении профессионалов, уверенно ориентирующихся в своей области.

Как мы уже упоминали, система обеспечения качества является многогранной и включает оценку качества образовательных программ в соответствии с требованиями рынка.

Аккредитация дает возможность оценить качество и оценить программы обеспечения качества, соответствующие стандартам качества, установленным профессиональными организациями в составе представителей академической и профессиональной сферы.

В Казахстане [6] сертификация проводится Комитетом по контролю над образованием и наукой Министерства образования и науки; аккредитация осуществляется независимыми аккредитационными агентствами, хотя аккредитация/сертификация во всех странах Евразии, кроме Казахстана, осуществляется государственными органами.

Период действия успешной аккредитации/сертификации во всех государствах Евразийского континента составляет 5 лет. В Казахстане период действия сертификации составляет 5 лет, а срок действия аккредитации – до 7 лет, в зависимости от стандартов независимых аккредитационных агентств.

В Казахстане успешное завершение сертификации оформляется приказом Комитета по контролю над образованием и выдается сертификат в случае успешной аккредитации. В России дается свидетельство о государственной аккредитации программ для проведения образовательной деятельности и выдачи государственных дипломов.

Таким образом, все евразийские государства выдают документы, подтверждающие успешное завершение институциональной и программной аккредитации. Успешное завершение процедур аккредитации/сертификации дает университетам возможность осуществлять образовательные мероприятия в аккредитованных районах. В Казахстане, кроме того, университет имеет право на получение образовательных грантов.

Аккредитация включает несколько этапов. Основными этапами аккредитации являются:

- самоанализ/самоотчет (самоаккредитация/самооценка);
- внешний обзор/экспертиза;
- решение об аккредитации/сертификации.

В Республике Казахстан самопроверка/самоотчет проводится дважды – до сертификации и аккредитации. Для проведения внешней проверки формируется комиссия, состоящая из государственных служащих,

учебных заведений и будущих работодателей. Председатель Комиссии является одним из сотрудников Департамента контроля над качеством Министерства образования. Для внешней проверки/обзора в Беларуси формируется комиссия, состоящая из государственных служащих, образовательных учреждений и будущих работодателей. Председатель Комиссии является одним из сотрудников Департамента контроля над качеством Министерства образования. Но особенностью процедур аккредитации в Беларуси является то, что программа аккредитации разрабатывается Комиссией и одобряется Министерством образования. В других странах существуют специальные программы, порядок и правила процедуры аккредитации/сертификации.

Решение об аккредитации/сертификации в Беларуси выдается приказом Департамента контроля качества образования, который служит основанием для Министерства образования выдать свидетельство о государственной аккредитации.

В Республике Казахстан решение о сертификации принимается приказом Комитета по контролю над образованием и наукой, а решение об аккредитации принимает аккредитационное агентство. Еще одна особенность Республики Казахстан заключается в том, что университеты имеют право выбирать любое агентство по аккредитации, указанное в Национальном реестре. В Беларуси и России критерии и требования к аккредитации регулируются положениями их стран, тогда как в Республике Казахстан стандарты аккредитации и критерии для каждого аккредитационного агентства формируются независимо. В целом требования к аккредитации заключаются в следующем:

- соблюдение законов об образовании;
- соблюдение критериев заявленного типа университета;
- соответствие ресурсов указанным требованиям;
- соответствие содержания и качества образования требованиям государственных образовательных стандартов;
- эффективная система управления качеством;
- успешная исследовательская работа;
- хорошие условия для жизни и обучения студентов;
- высококвалифицированные преподаватели.

Таким образом, оценка аккредитации определяет логику и эффективность учебного процесса, формирование и реализацию стратегических целей, степень интеграции результатов в общество. Процесс подготовки к аккредитации эффективно помогает университету проанализировать завершение внутренней самооценки в соответствии с требованиями для оценки качества образовательных программ и оказывает эффективное влияние на критический анализ существующих образовательных программ университета, направленных на улучшение и соответствие современным требованиям высшего образования.

Сравнивая международный опыт оценки качества высшего образования, мы можем заключить, что Казахстан выбрал наиболее подходящие методы оценки.

Список использованных источников

1. Процедуры оценки качества в Европейском высшем образовании. Исследование ЕСОК [Электронный ресурс] // Международная стратегическая группа экспертов. – Режим доступа: www.iseg.ru/sessions/s6/dieced.doc. – Дата доступа: 14.03.2018.
2. Quality Assurance: A Reference System for Indicators and Evaluation Procedures [Electronic resource] // European Association of Universities. – Mode of access: http://www.eua.be/eua/jsp/en/upload/ELU_EN.1082042243703.pdf. – Date of access: 14.03.2018.
3. Процедуры оценки качества в Европейском высшем образовании. Исследование ЕСОК [Электронный ресурс] // Международная стратегическая группа экспертов. – Режим доступа: www.iseg.ru/sessions/s6/dieced.doc. – Дата доступа: 14.03.2018.
4. Акматов, А. А. Оценка качества образования: обзор международного опыта [Электронный ресурс] / А. А. Акматов. – Режим доступа: <http://www.edc.in.kg/conference1/13.doc>. – Дата доступа: 14.03.2018.
5. Boud, D. The move to self-assessment: liberation or a new mechanism for oppression? Assessment in Higher Education [Electronic resource] / D. Boud // Central Queensland University, Australia. – Mode of access: <http://www.leeds.ac.uk/educol/documents/00002954.htm>. – Date of access: 14.03.2018.
6. Naric-kazakhstan.kz [Electronic resource]. – Mode of access: <http://narc-kazakhstan.kz/ru/realizatsiya-bolonского-protseсса/obespechenie-kachestva-obrazovaniya>. – Date of access: 14.03.2018.

СТРУКТУРА ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

Одинцова Екатерина Владимировна,
начальник отдела мониторинга здоровья
Центра медицинской профилактики Астраханской области, г. Астрахань

Научный руководитель: *Шишкина Елена Александровна,*
профессор Международного юридического института, филиал в г. Астрахани,
доктор социологических наук

В российской науке сегодняшнего дня потребность пересмотра научных подходов к здоровому образу жизни (ЗОЖ) определяется рядом факторов, препятствующих эффективному использованию современных достижений социологических знаний в сфере сохранения и поддержания здоровья общества. Современность диктует создание таких условий, в которых «проблема улучшения здоровья населения – это и проблема изменения научной парадигмы отечественной медицины, здравоохранения. Только превращение здоровья из средства в цель, то есть обретение такой категорией, как здоровье, статуса фундаментальной ценности, создает необходимые субъективные предпосылки для разработки, принятия и практической реализации адекватной политики по охране здоровья населения» [1, с. 7].

В 2011 году Генеральной Ассамблеей ООН была принята Политическая декларация по неинфекционным заболеваниям, на базе которой ВОЗ разработала глобальную систему мониторинга, предназначенную для динамичного наблюдения за прогрессом в области профилактики и борьбы с основными неинфекционными заболеваниями, факторами риска их возникновения. Согласно декларации, глобальными направлениями системы мониторинга являются информационно-разъяснительная работа, повышение профессиональной и общественной осведомленности в сфере укрепления механизмов борьбы с наиболее опасной патологией (к их числу ВОЗ относит сердечно-сосудистые заболевания, рак, хронические болезни легких и диабет). Формирование новой повестки дня охватывало три аспекта устойчивого развития: устойчивость окружающей среды, социальную интеграцию и экономическое развитие. В число факторов риска система мониторинга включала: вредное употребление алкоголя, недостаток овощей и фруктов в рационе, недостаточную физическую активность, чрезмерное потребление соли, употребление табака, повышенное содержание глюкозы в крови, повышенное кровяное давление, избыточный уровень холестерина. Все эти риски в значительной мере являются результатом образа жизни, привычек, культурных традиций, индивидуальных и социальных установок на конкретные модели поведения, что подчеркивает необходимость закрепления навыков здорового образа жизни в их преодолении.

Тем не менее, перечнем рисков, включенным в систему мониторинга ВОЗ, не было предусмотрено изучение экологического здоровья, в то время как «экологическая компетентность – обязательный компонент профессиональной деятельности любого специалиста» [2, с. 8]. Без этой составляющей становятся невозможными получение достоверных данных об условиях распространения неинфекционных заболеваний и реализация одной из базовых стратегий, заданной глобальной системой мониторинга ВОЗ, – устойчивости окружающей среды. Поэтому автор видит необходимость во внесении в обозначенный спектр программы изучения и формирования экологического здоровья как базового показателя устойчивости окружающей среды, а в систему здорового образа жизни – экологической культуры как способа укрепления экологического здоровья.

Изучение современной структуры здорового образа жизни показывает, что его научная концептуализация опирается на традиционные схемы, слабо учитывающие или не учитывающие вовсе изменения, происходящие в обществе в течение последних десятилетий. Большинство исследований по-прежнему ориентируется на оценку таких социальных пороков, как курение, пьянство, наркомания и токсикомания, сексуальная распущенность, а также факторы, обеспечивающие сохранение здоровья, – гигиену, спорт, туризм, рациональное питание. В стандартно-обобщенном виде структура ЗОЖ может быть представлена совокупностью таких элементов, как «рациональный режим труда и отдыха; двигательная активность; полноценное питание; соблюдение правил личной гигиены, закаливание и массаж; гармоничные сексуальные отношения; культура межличностного общения и психофизическая регуляция; отсутствие вредных привычек» [3].

Все представленные компоненты хотя и являются важнейшими составляющими изучаемого феномена и играют несомненную роль в сохранении здоровья, но далеко не полностью отражают те стороны современной жизни, которые выступают источником новых рисков, нуждающихся в самом разностороннем осмыслении. Сегодня «понятие здорового образа жизни не конкретизировано с точки зрения устойчивости, типичности и социально-исторической специфичности входящих в него компонентов» [4, с. 59–63]. Это не только затрудняет оценку социальных процессов, происходящих в современном мире, но и не позволяет интегрировать в систему здорового образа жизни все условия, принимающие участие в оздоровительных практиках, в то время как «глобализация дает новые возможности для улучшения здоровья населения через факторы, его определяющие, и вместе с тем несет в себе новые угрозы здоровью» [5, с. 23]. Потому следует согласиться с Ю. П. Лисицыным, считающим, что здоровый образ жизни – это не просто все то, что благотворно влияет на здоровье людей. Речь также идет обо всех компонентах самых различных видов деятельности, направленных на охрану и улучшение здоровья [6, с. 97]. Это мнение разделяет и Э. Н. Вайнер, отмечающий, что вариантов здорового образа жизни может быть столько, сколько существует условий жизни [7, с. 19].

Актуализация оценки рисковенных условий жизни показывает, что сегодня с позиций здорового образа жизни не рассматриваются такие стороны социального пространства, как экологическая культура (о чем было сказано выше), информационная культура, первичная профилактика онкологических заболеваний, профилактика заболеваний немедикаментозными средствами (фитотерапией). Полностью не изучены с позиций здоровья культура речи и влияние на него деструктивных форм коммуникаций (брань, нецензурная лексика). За рамками научного интереса с позиций структуры ЗОЖ остались также вопросы просветительской работы. А исследование таких проблем, как конфликты, взаимоотношения в семье, влияние СМИ, влияние трудовой деятельности на здоровье, как правило, имеют самостоятельную предметную область, не входящую в формат здорового образа жизни.

Изменение палитры общественных отношений в современной России и разрушение системных связей между наукой и практикой привели к необходимости обновления всей концептуальной картины здорового образа жизни, конструированию междисциплинарных подходов и обоснований, построению новых действенных проектов, включающих социокультурное пространство как важнейшее условие, моделирующее необходимые стили поведения. «Тенденции развития науки подводят исследователей к необходимости разработки системного подхода на диалектической основе как единой общенаучной методологии» [8, с. 18]. Важнейшим интегративным средством познания феномена здорового образа жизни R. Manoff считает моделирование, с помощью которого возможны анализ изучаемого феномена как саморазвивающейся системы, приведение к общему знаменателю параметров физического, психического и социального развития человека. В рамках моделирования происходит также определение источников внутреннего саморазвития личности и условий формирования положительных тенденций в жизнедеятельности человека. Практическая значимость моделирования позволяет рассматривать с различных сторон систему профилактических мероприятий по формированию здорового образа жизни [9, с. 228–294].

На этом основании автор выделяет в структуре здорового образа жизни две группы факторов, которые могут быть представлены как группа традиционного типа, включающая общезвестные модели ЗОЖ, и группа современного типа, соответствующая тем стилям жизни, которые стали характерными в условиях глобализирующегося общества (см. табл.).

Таблица – Структура ЗОЖ

Традиционный тип ЗОЖ	Современный тип ЗОЖ
Гигиена	Экологическая культура
Физкультура и спорт, двигательная активность	Информационная культура
Рациональный режим труда и отдыха	Первичная профилактика онкологических заболеваний
Полноценное питание	Немедикаментозная профилактика заболеваний
Закаливание	Культура речи
Психофизическая регуляция	
Здоровые сексуальные отношения	
Туризм	
Отсутствие вредных привычек	

Таким образом, современное научно-практическое видение структуры здорового образа жизни определяется множеством форм социальной жизнедеятельности и требует обновления концептуальных подходов к пониманию данного феномена путем включения в исследовательское поле новых, не изученных ранее с позиций ЗОЖ сторон социокультурных практик. Предлагаемая автором структура ЗОЖ предполагает рассматривать ее в постоянном обновлении и расширении.

Список использованных источников

1. Решетников, А. В. Общество и здоровье: современное состояние и тенденции развития с позиций социологии медицины / А. В. Решетников // Общество и здоровье: современное состояние и тенденции развития : сб. докл. / под ред. А. В. Решетникова. – М. : Изд-во Первого Моск. гос. ун-та им. И. М. Сеченова, 2013. – Т. 1. – 458 с.
2. Алексеев, С. В. Экологическая культура и социализация подрастающего поколения / С. В. Алексеев // На пути к устойчивому развитию России. Экологическая культура. – 2008. – № 44. – С. 5–8.
3. Основные компоненты здорового образа жизни [Электронный ресурс] // Doctor-V.ru. – Режим доступа: <http://doctor-v.ru/med/osnovnye-komponenty-zdorovogo-obraza-zhizni/>. – Дата доступа: 03.04.2018.
4. Фролова, Ю. Г. Здоровый образ жизни как объект психологического исследования / Ю. Г. Фролова // Психологический журн. – 2010. – № 1 (25). – С. 59–63.
5. Демин, А. К. Общественное здоровье России и глобализация / А. К. Демин // Здоровье человека: социогуманитарные и медико-биологические аспекты / под ред. Б. Г. Юдина. – М. : Ин-т человека РАН, 2003. – С. 23–26.
6. Лисицын, Ю. П. Здоровье населения и современные теории медицины : монография / Ю. П. Лисицын. – М. : Медицина, 1982. – 358 с.
7. Вайнер, Э. Н. Валеология / Э. Н. Вайнер. – 3-е изд., испр. – М. : Флинта ; Наука, 2005. – 528 с.
8. Пригожин, А. И. Современная социология организаций / А. И. Пригожин. – М., 1955. – 257 с.
9. Manoff, R. K. Social marketing: new imperative for public health / R. K. Manoff. – New York : Praeger, 1985 // Elsevier Inc. – 1988. – Vol. 11, N 2. – P. 155–156.

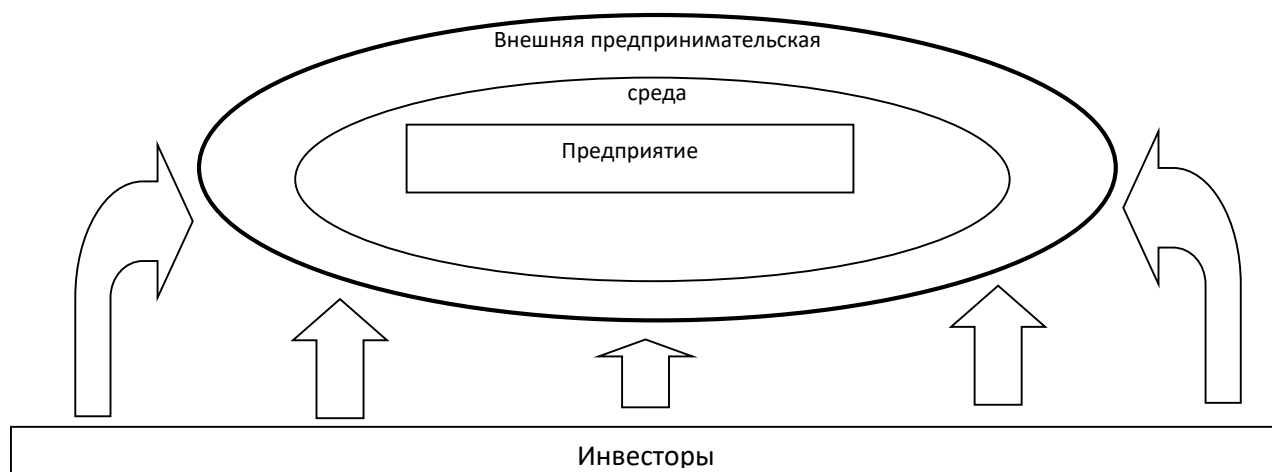
СЕКЦИЯ 4 ЭКОНОМИКА ШЕСТОГО ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО УКЛАДА – ЭКОНОМИКА БУДУЩЕГО

СОСТАВЛЯЮЩИЕ ЭЛЕМЕНТЫ ИНВЕСТИЦИОННОГО КЛИМАТА

Максимов Игорь Борисович,
доцент кафедры экономической теории и институциональной экономики
Байкальского государственного университета, г. Иркутск,
кандидат экономических наук

При характеристике экономических условий в различных странах или регионах используются различные показатели, главными из которых, на наш взгляд, являются предпринимательская среда и инвестиционный климат.

Под предпринимательской средой понимают благоприятные социально-экономические, политические, гражданско-правовые условия (ситуации), обеспечивающие экономическую свободу дееспособным гражданам для занятия предпринимательской деятельностью. Она представляет интегрированную совокупность различных (объективных и субъективных) факторов, позволяющих предпринимателям добиваться успехов в реализации поставленных целей, в осуществлении предпринимательских проектов и договоров и получении прибыли. Предпринимательская среда подразделяется на внешнюю, независимую от самих предпринимателей, и внутреннюю, которая формируется непосредственно предпринимателями. Соотношение между составляющими предпринимательской среды можно представить в виде схемы (рис. 1).

Рисунок 1 – Формирование предпринимательской среды для инвестора

Предприятие в этой системе является конечной точкой приложения средств, где реализуются конкретные проекты. А привлекательность каждого проекта будет определяться привлекательностью всех составляющих предпринимательской среды.

Похожим по своей экономической сущности на категорию «предпринимательская среда» является понятие «инвестиционный климат». Под инвестиционным климатом обычно понимается совокупность политических, социально-экономических, социальных, культурных, организационно-правовых и географических факторов, присущих той или иной стране, привлекающих или отталкивающих инвесторов вкладывать свои средства в ту или иную хозяйственную систему (экономику страны, региона, предприятия).

Как видно из определений, данные категории являются практически идентичными. Инвестиционный климат является более популярным понятием, и его оценка влияет на формирование предпринимательской среды. Инвестиционный климат может рассматриваться на уровне страны, отрасли, региона, предприятия. Составляющие инвестиционного климата страны и региона определяют внешнюю предпринимательскую среду, а факторы инвестиционного климата самого предприятия относятся к внутренней предпринимательской среде.

В совокупности понятий, формирующих состояние инвестиционного климата в экономике, системообразующей категорией является инвестиционная привлекательность страны в целом, региона, отрасли, предприятия или корпорации. Поскольку в определении инвестиционного климата речь идет о факторах, привлекательных или непривлекательных для инвесторов, то в экономических публикациях понятие «инвестиционный климат» нередко трактуется как синоним понятию «инвестиционная привлекательность» или

же инвестиционная привлекательность рассматривается как составной элемент инвестиционного климата. Нередко в инвестиционный климат включают и инвестиционную активность.

На наш взгляд, трудно согласиться с данными трактовками, поскольку само слово «привлекательность» предполагает субъективные оценки возможных инвесторов, а не сочетание объективных признаков. Более того, инвестиционная активность – это, скорее, результат благоприятного инвестиционного климата и инвестиционной привлекательности, а не составляющая этого климата. Климат может быть благоприятным, а активность довольно низкой, например, при отсутствии у инвестора достаточных ресурсов. По нашему мнению, правомернее было бы рассматривать инвестиционный климат как базу для комплексных оценок степени инвестиционной привлекательности той или иной экономики (или отдельных ее подсистем), а инвестиционную активность – как фактическую степень реализации инвестиционных возможностей экономических субъектов.

Таким образом, инвестиционная привлекательность (или непривлекательность) – субъективная оценка инвестором страны, региона или предприятия по поводу принятия решения о вложении своих средств, соответственно, в страну, регион или предприятие. Субъективная оценка складывается на основе анализа объективных характеристик предполагаемого объекта инвестирования, главной и практически все охватывающей характеристикой данного объекта является инвестиционный климат. Инвестиционная привлекательность, как и инвестиционный климат, может рассматриваться на уровне страны, отрасли, региона, предприятия. Предприятие в этой системе является конечной точкой приложения средств, где реализуются конкретные проекты. А привлекательность каждого проекта будет определяться привлекательностью всех названных составляющих. Другими словами, для стратегического инвестора не будут достаточно убедительными аргументы инвестирования средств в предприятие, если, несмотря на всю финансовую выгодность проекта, риск политической и экономической нестабильности в государстве сведет на нет любые усилия по привлечению инвестора.

Однако для экономического анализа более важным является изучение не субъективных характеристик, а объективных понятий, каковым и является категория «инвестиционный климат». В связи с этим необходимо выяснить, из каких составных элементов состоит инвестиционный климат.

На наш взгляд, инвестиционный климат включает в себя два основных элемента: инвестиционный потенциал и инвестиционные риски. Первый из данных двух элементов непосредственно связан с емкостью инвестиционного пространства, второй – с его надежностью. Категория инвестиционный потенциал, как правило, не вызывает особых разногласий среди экономистов. Инвестиционный потенциал – характеристика возможностей данной территории с точки зрения вложений капитала. Он включает в себя основные экономические и социальные реальности данной территории, наиболее существенные для инвесторов.

К основным составляющим инвестиционного потенциала можно отнести следующие:

Ресурсный потенциал:

- запасы минерального топлива;
- гидроэнергетические ресурсы;
- запасы руд цветных металлов;
- запасы железной руды;
- запасы сырья для химической промышленности;
- запасы нерудных полезных ископаемых;
- лесной фонд;
- площадь сельскохозяйственных угодий и др.

Производственный потенциал:

- валовой национальный (региональный) продукт;
- численность занятых в экономике;
- число предприятий и организаций и др.

Инфраструктурный потенциал:

- плотность железнодорожной сети;
- плотность автодорог;
- степень телефонизации и др.

Инновационный потенциал:

- число организаций, выполняющих научные разработки;
- число промышленных предприятий, занимающихся инновационной деятельностью;
- объем расходов на НИОКР и др.

Институциональный потенциал:

- число коммерческих банков и их филиалов;
- число малых предприятий;
- число страховых компаний и др.

Финансовый потенциал:

- сумма поступлений по налоговым платежам и другим доходам;
- прибыль предприятий и организаций и др.

Потребительский потенциал:

- соотношение доходов населения и стоимости потребительской корзины;
- сумма вкладов населения в банковские учреждения.

Трудовой потенциал:

- число лиц с высшим и средним профессиональным образованием в численности населения трудоспособного возраста;
- число лиц с высшим и средним профессиональным образованием в численности занятых в экономике и др.

Все перечисленные факторы влияют на емкость инвестиционного пространства, характеризуют возможные масштабы и направления инвестиционной деятельности на данной территории.

Гораздо большие разногласия вызывает категория «инвестиционные риски». Уровни этих рисков делают пространство надежным, привлекательным для инвестора или ненадежным, куда он не станет вкладывать средства даже при высоком инвестиционном потенциале.

Уровень инвестиционных рисков накладывает ограничения на инвестиционный потенциал, иными словами, инвестиционные риски – это своеобразные рамки, в пределах которых инвестор может использовать инвестиционный потенциал. Чем ниже уровень инвестиционных рисков, тем полнее может использоваться инвестиционный потенциал, полное его задействование теоретически возможно при полном отсутствии инвестиционных рисков. Поэтому важной задачей для инвестора является изучение возможных инвестиционных рисков и поиск путей снижения их уровней, преодоление негативных последствий их действия.

На наш взгляд, начиная исследования инвестиционных рисков, целесообразно выделить в них следующие основные разновидности (группы) инвестиционных рисков:

1. Макроэкономические – на федеральном уровне.
2. Региональные – на уровне субъектов федерации.
3. Внутрифирменные инвестиционные риски – на уровне корпорации, фирмы.

Наиболее важным представляется оценка рисков первого и второго уровней, поскольку риски на последующем уровне в значительной степени зависят от этих групп рисков. Что же касается третьего уровня инвестиционных рисков, то внутрифирменный риск является разновидностью предпринимательского риска, связанной с внутрифирменной инвестиционной деятельностью и вызванной специфическими для каждого инвестиционного проекта или отдельного предприятия особенностями этой деятельности. Такие инвестиционные риски непосредственно проявляются на уровне отдельных предприятий, корпораций, но могут быть усилены макроэкономическими или региональными рисками. Для оценки внутрифирменных инвестиционных рисков обычно используются различные финансовые коэффициенты, их состав определяется исходя из целей и глубины анализа финансового состояния инвестируемой фирмы. К основным показателям оценки данных рисков относятся сроки строительства инвестиционных объектов, оборачиваемость капитальных активов, прибыльность капитала, финансовая устойчивость, ликвидность инвестиционных активов и т. п.

Макроэкономические инвестиционные риски обусловлены внешними по отношению к инвестору обстоятельствами макроэкономического характера (такими, например, как коррумпированность государственного аппарата, уровень преступности и др.). Макроэкономические (страновые) инвестиционные риски воздействуют в одинаковой степени на вероятные результаты осуществления любых инвестиционных проектов в данной стране или регионе. Поэтому количественные значения таких рисков обязательно должны учитываться в государственном регулировании инвестиционных процессов и в расчетах показателей эффективности инвестиционных проектов.

В целом по теориям страновых инвестиционных рисков российских экономистов можно отметить, что нет четкой классификации инвестиционных рисков на уровне страны. Большинство современных российских аналитиков занимается составлением рейтингов инвестиционного климата и инвестиционных рисков на уровне отдельных регионов или субъектов РФ. Тем не менее, иностранный инвестор ориентируется прежде всего на инвестиционный климат страны, а потом уже на уровень инвестиционных рисков регионов и предприятий, поэтому важно выделить, какие составляющие следует относить к уровню странового риска.

На наш взгляд, в круг составляющих инвестиционных рисков данного уровня можно отнести следующие (по степени глубины их влияния на инвестиционный климат):

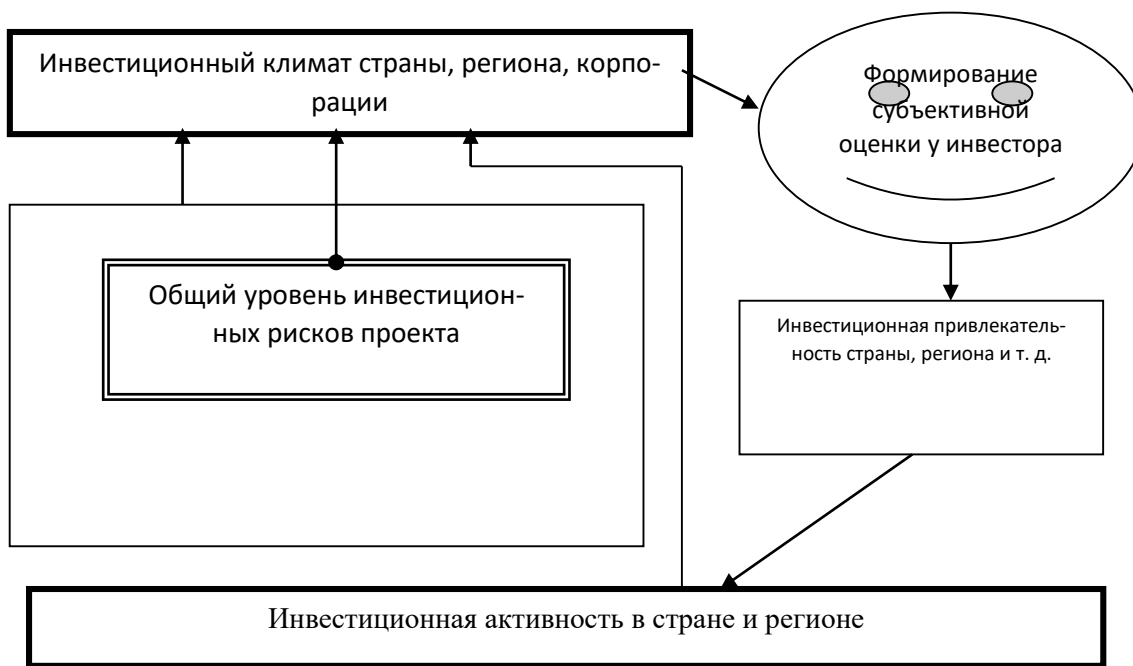
- риск потерь от коррупции;
- криминальный риск;
- политический риск;
- правовой риск, в том числе риск законодательных изменений;
- риски финансовой сферы, в том числе инфляционный и валютный риски.

В целом, по нашему мнению, именно перечисленные выше риски проявляются на уровне государства и именно они требуют первостепенного решения, то есть именно их следует в первую очередь снижать. Ниже по рангу, но отнюдь не по значению в классификации инвестиционного климата идет характеристика возможностей инвестирования в различные субъекты Федерации.

Уровень инвестиционных рисков накладывает ограничения на инвестиционный потенциал, иными словами, инвестиционные риски, на наш взгляд, – рамки, в пределах которых инвестор может ис-

пользовать инвестиционный потенциал. По определению понятно, что чем ниже уровень инвестиционных рисков, тем полнее может использоваться инвестиционный потенциал, полное его задействование теоретически возможно при полном отсутствии инвестиционных рисков. Инвестиционный климат формирует у инвестора собственную оценку объекта инвестирования – инвестиционную привлекательность, которая реализуется в практических действиях, отражающихся в категории «инвестиционная активность». Сама активность также оказывает влияние на инвестиционный климат: чем она выше, тем благоприятнее инвестору кажется инвестиционный климат.

Таким образом, инвестиционный климат формируется под влиянием инвестиционного потенциала и инвестиционных рисков. Взаимосвязь и соподчиненность изложенных выше понятий можно выразить в виде схемы (рис. 2).

Рисунок 2 – Взаимосвязь основных элементов инвестиционного процесса

Инвестиционный климат любой хозяйственной системы характеризуется чрезвычайным динамизмом и постоянно меняется в лучшую или худшую сторону. Это особенно справедливо применительно к современным российским условиям, поэтому очень актуальна задача мониторинга инвестиционного климата.

В мировой практике наиболее распространены три варианта подобного мониторинга. Первый отслеживает состояние инвестиционного климата страны без выделения отдельных хозяйственных систем (экономических зон, регионов, отраслей). На таком мониторинге специализируется большинство зарубежных консалтинговых фирм. Второй вариант (двухуровневый) предусматривает осуществление мониторинга как для страны в целом, так и для отдельных регионов. Третий – предполагает проведение мониторинга по регионам и отраслям, а также по крупнейшим предприятиям, банкам и т. п. (многоуровневый мониторинг).

ПАТЕНТНАЯ АКТИВНОСТЬ КАК ОТРАЖЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ¹

Некрасов Сергей Александрович,

старший научный сотрудник

Центрального экономико-математического института РАН, г. Москва,

советник Российского фонда высоких технологий,

кандидат экономических наук, кандидат технических наук

Жизненный цикл любого технического решения включает в себя зарождение, выход на рынок, развитие и последующее вытеснение новыми разработками. В качестве примера рассмотрим электромагнитный телеграф. Изобретен в 1832 году в России Павлом Львовичем Шиллингом. Коммерческая эксплуатация началась через пять лет в Лондоне. А менее чем через полтора века – в 1982 году в Великобритании была отправлена последняя телеграмма. Завершение эпохи телеграфных сообщений в Индии – крупнейшем пользователе телеграфа в мире – 2013 год, в Бельгии – 2017 год. Скорость протекания процессов в научно-технической сфере возрастает: значительно более скоротечными по сравнению с телеграфом оказались жизненные циклы паровоза, кинескопа, катушечного магнитофона, еще более короткими – кассетного и видеоманитофона, которые, в свою очередь, по факту оказались «долгожителями» по сравнению с пейджером, факсом, плазменным телевизором, дискетой, не говоря уже о CD- и DVD-дисках и т. д. Происходит сокращение жизненных циклов технических решений, которые порой стали меньше смены поколения людей, обычно определяемого в 25 лет. Соответственно, сокращается и период, на протяжении которого любой микроэкономический агент может получать дивиденды в результате использования ранее полученных результатов и обеспечивать относительно устойчивое существование без перехода на внедрение новых разработок.

Время реализации того или иного проекта, основанного на совокупности определенных технических решений, зачастую превышает период выхода на рынок аналогов. А достижение на их основе как минимум аналогичных результатов с меньшими издержками обуславливает необходимость замены не выработавших свой ресурс изделий. Это относится не только к утилизации исправных вполне функциональных приборов в бытовом секторе (электронно-лучевые телевизоры, мониторы и т. п.), но и к достаточно капиталоемким инфраструктурным проектам – например, закрытию в США в 2012 – 2016 гг. не выработавших свой ресурс шестиатомных энергоблоков суммарной мощностью более 4,6 ГВт, а также к перспективе закрытия в 2017 – 2025 гг. еще 10 блоков суммарной мощностью более 8,5 ГВт в результате их вытеснения солнечной и ветровой энергетикой с бездотационной стоимостью генерации ~30 долл. США за МВтч – более чем в два раза более низкой, чем на новых АЭС [24].

Если по завершении жизненного цикла технического решения вопросов о целесообразности дополнительных капитальных вложений в его техническое совершенствование, как правило, не возникает, то в середине, а тем более на начальных этапах целесообразность следования тем или иным путем вовсе не очевидна и требуются независимые подходы к выбору вектора направления технологических изменений. В качестве примера из сегодняшней жизни можно привести отказ одних производителей от проведения новых разработок по совершенствованию бензиновых и дизельных двигателей в пользу исследований в области электромобилей и усилия других, включая отечественный автопром, по дальнейшему развитию двигателей внутреннего сгорания.

Так как самая короткая дорога та, которую хорошо знаешь, при выборе между рядом альтернатив без дополнительных механизмов стимулирования внедрения инноваций выбор делается в пользу ранее подтвержденных, апробированных технических решений. Это может диктоваться не только консерватизмом взглядов и/или избеганием ответственности за неопределенность, всегда сопутствующую любым нововведениям, но в первую очередь определяется рыночными механизмами: вложенные деньги должны окупиться. И до тех пор, пока ранее освоенные решения приносят прибыль, не косметические, а ключевые, меняющие основы технологического процесса нововведения являются исключением, а не правилом на уровне любого отдельного хозяйствующего субъекта, цель которого, согласно законам рыночной экономики, максимизация прибыли. Поэтому можно привести десятки примеров, приобретения ведущими корпорациями авторских прав на разработки, вытесняющие применяемые в текущий момент и обеспечивающие ожидаемую прибыльность накатанные решения, с целью «положить новые разработки под сукно».

Данная проблема практически не имеет решения на уровне микроэкономики. Любой хозяйствующий субъект, выпадающий из общего тренда, не выдержит конкуренции и с намного большей вероятностью покинет рынок, чем перейдет на новый качественный уровень в своем технологическом развитии. Ключевым фактором является сложившаяся система взаимоотношений – среда, в которой ведут деятельность отдельные микроэкономические агенты. Поэтому решение находится за границами экономики фирмы. В случае возможности в рамках отдельной отрасли формирования инновационно-восприимчивой среды [9, с. 30–34], оно может находиться на мезоуровне [16, с. 805], либо, как правило, на макроэкономическом уровне.

¹ Работа подготовлена по результатам исследования, поддержанного Российским фондом фундаментальных исследований (проект № 17-06-00304).

На макроуровне – уровне экономики как целого – производственную функцию можно записать как

$$P \sim L^l \times S^s \times C^c \times T^t, \quad (1)$$

где P – уровень производства в обществе;

L – трудовые ресурсы;

l – коэффициент эластичности по труду;

S – земля как совокупность производительных возможностей территории;

s – коэффициент эластичности по земле;

C – капитал как совокупность технических средств производства;

c – коэффициент эластичности по капиталу;

T – технология производства;

t – коэффициент эластичности по технологии.

Каждый из множителей определяет вклад соответствующего фактора производства в общий объем выпуска продукции. Экономика рабовладения соответствует доминированию фактора труда L ; феодальная – фактора земли S ; капиталистическая – фактора капитала C ; технократическая – фактора технологий T . В определенный исторический период какой-либо из факторов производства дает максимальный объем прироста производительности общества, что и определяет доминирующий способ производства. В последние десятилетия намечается трансформация приоритетов от фактора капитала к фактору технологий в полном соответствии с утверждением Г. Менша о том, что «инновации преодолевают депрессию» [23].

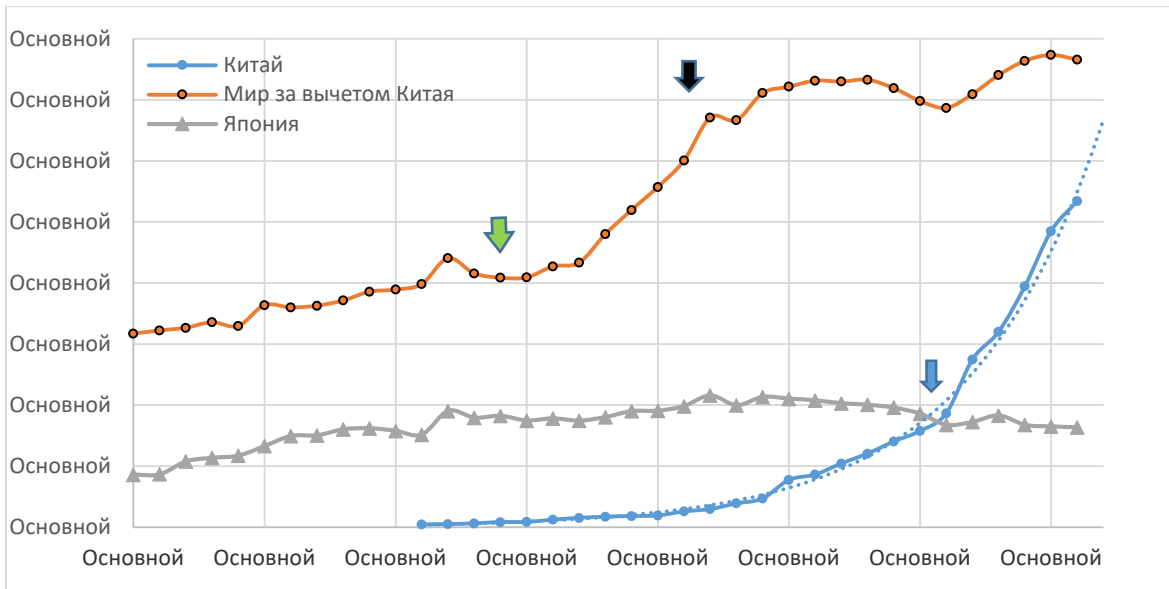
Приведем аргументацию, что в перспективе именно технологии и первенство в исследованиях и разработках будут определять успешность экономики тех или иных стран. А высокий темп освоения новых знаний и создания инновационной продукции уже являются ключевыми факторами, определяющими конкурентоспособность национальных экономик (Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации, 2016).

Созданию любой инновационной продукции предшествует этап ее разработки, который, как правило, завершается оформлением документального подтверждения новизны полученного результата. В большинстве случаев таковым является патентная заявка. Поэтому динамика количества ежегодно подаваемых патентных заявок отражает как инновационный потенциал на сегодняшнем этапе, так и возможность наращивания промышленного производства новой наукоемкой продукции в перспективе. Отмечается качественное изменение динамики количества патентных заявок в мире – его более быстрый рост с последнего пятилетия XX в. [19].

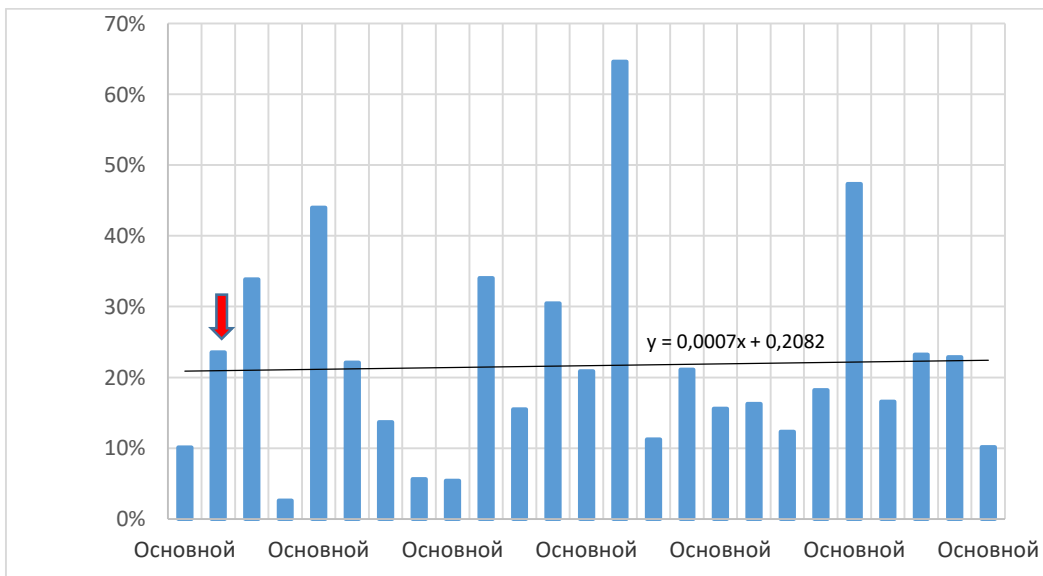
Причину данного явления можно выявить при его раздельном рассмотрении: мир без учета Китая и Китая отдельно (рис. 1). Дифференциация обусловлена тем, что в Китае, начиная с 1993 года и по настоящее время, среднее увеличение количества патентных заявок составляет ~20 %/год (рис. 2) и его доля в 2016 году в общем количестве патентных заявок в мире превысила 41 %. При этом более чем вдвое превышающий динамику ВВП рост с достоверностью 0,995 аппроксимируется экспоненциальной зависимостью на протяжении четверти века (рис. 3). По количеству поданных патентных заявок Китай опередил Россию в 1997 году, а в 2016 году превысил 1 млн штук, что больше их общего количества в мире по состоянию на 1999 год. Поэтому объяснить наблюдаемую геометрическую прогрессию эффектом старта с низкой базы, характерным для всех кривых, имеющих логистическую форму, не представляется возможным. В итоге даже если прекратится дальнейший рост ежегодно подаваемых патентных заявок в Китае, накопленное количество новых знаний позволит ему заместить сегодняшнюю номенклатуру выпускаемой продукции на более технологичную и наукоемкую, с большей добавленной стоимостью, тем самым обеспечив положительную динамику ВВП как минимум на ближайшее десятилетие.

Взаимосвязь динамики экономического роста и количества патентных заявок является характерной чертой не только китайской экономики. На кривой динамики патентных заявок Японии можно выделить два периода: рост до 1990 года (год начала эпохи «потерянных десятилетий») и стабилизация с дальнейшим снижением их количества по настоящее время. Динамика количества патентных заявок Японии и Китая (две нижние линии на рис. 1) отражает трансформацию соотношения экономического потенциала стран Севера и Юга. Их точка пересечения, отмеченная синей стрелкой 2011 года, – это следующий год после того, как Япония перестала быть второй экономикой мира и уступила это место Китаю. Через два года доля Японии среди подаваемых патентных заявок стала меньше доли не только Китая, но и США.

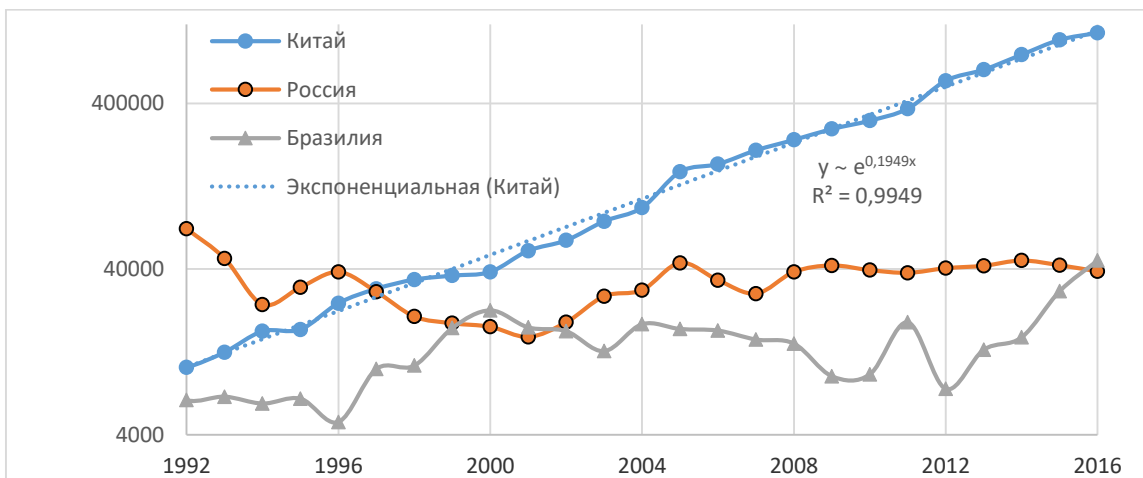
Анализируя верхнюю кривую – мир без учета Китая, следует отметить не только ранее упомянутое изменение скорости увеличения количества патентных заявок в 1995 – 1997 гг., но и снижение наклона кривой после 2002 года (зеленая и черная стрелки на рис. 1). То есть на уровне мировой экономики как целого после относительно непродолжительного периода 1995 – 2002 гг. прирост производственной функции (1) в части развития технологий все в большей степени обеспечивается китайскими компаниями.

Рисунок 1 – Количество патентных заявок во всем мире без учета Китая, Китая и Японии (млн шт. в год)

Рисунок 2 – Величина годового роста количества патентных заявок в Китае (%/год)

Рисунок 3 – Динамика количества патентных заявок Российской Федерации, Китая и Бразилии (шт. в год, полулогарифмическая шкала)

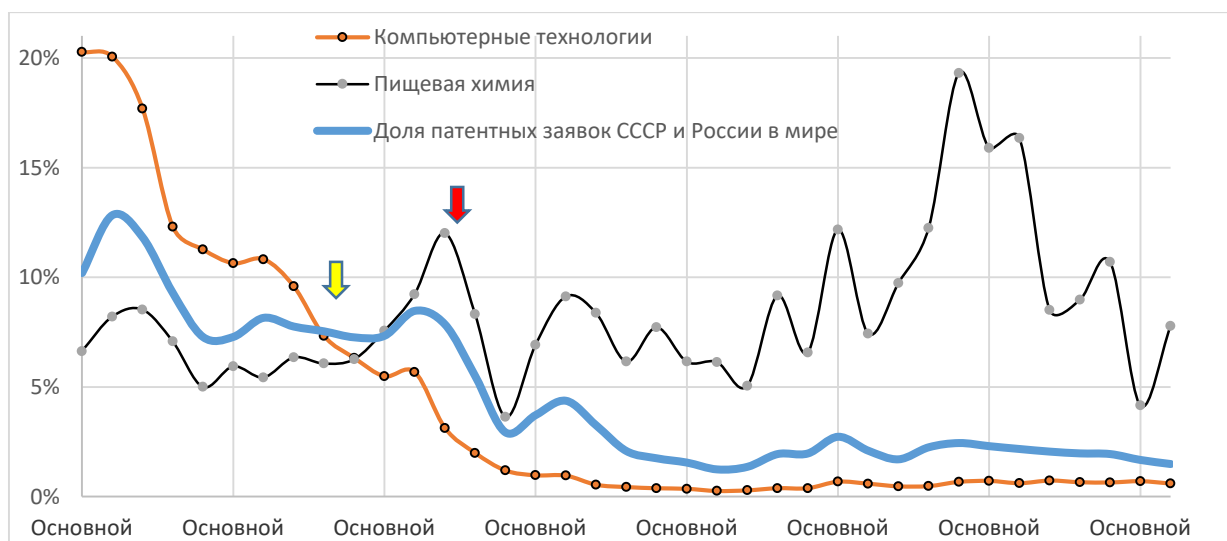
Кривая динамики количества патентных заявок России (рис. 3) отражает ключевые этапы отечественной экономики. Деструктивные явления «лихих девяностых» отразились в снижении поданных заявок с 70 до 15 тыс. в год. Частичное восстановление промышленного производства в последующую пятилетку после четырехкратного снижения курса национальной валюты соответствует корректировке их числа до 43 тыс. в год. Неизменное на протяжении 2006 – 2014 гг. количество патентных заявок иллюстрирует отсутствие положительных сдвигов в российской экономике, а снижение их количества на 15 % после 2014 года указывает на новый этап дальнейшего вытеснения России на периферию научно-технического прогресса, отражая влияние второй волны экономического кризиса, санкций и т. п.

Вызывает интерес взаимосвязь экспоненциального роста в 2012 – 2016 гг. количества патентных заявок в Бразилии, закладывающего фундамент для ее экономического роста на новом качественном уровне, и событий 2016 года, приведших к импичменту президента страны.

Однако более информативным является выявление не столько закономерностей общего тренда, отражающего результаты научно-технической деятельности в том или ином государстве, сколько анализ изменения распределения патентных заявок по различным направлениям технологического развития. Согласно классификации Всемирной организации интеллектуальной собственности (WIPO)², любое изобретение, соответствующее требованиям, необходимым для выдачи патента, относится к одной из 35 групп, в совокупности охватывающих практически все области научно-технической деятельности (см. табл.). С целью облегчения восприятия показаны не абсолютные значения, а доли, соответствующие тому или иному направлению в общем распределении.

Доля России среди всех патентных заявок составляет 1,5 %. По некоторым направлениям происходит значительное отставание по сравнению с этим уровнем (соответствует значению менее 1 в столбце 3 таблицы). В наибольшей мере это относится к полупроводникам, аудиовизуальным технологиям, ИТ-методам управления, цифровой связи. В других отраслях происходит опережение своих средних показателей. Это пищевая химия, микроструктуры и нанотехнологии, анализ биологических материалов, в меньшей степени двигатели, насосы, турбины и гражданское строительство.

Покажем на одном графике динамику 1980 – 2016 гг. доли СССР, а после 1992 года – России по направлениям, имеющим максимальные значения в столбцах 2 и 3 таблицы. Также изобразим изменение доли СССР, а после 1992 года – России в общем количестве всех патентных заявок (рис. 4), которая в 1980 году составляла 10,2 %, в 1981 году – 12,8 %, в 2001 году – 1,2 %, в 2009 году – 2,4 %, в 2016 году – 1,5 %.

Рисунок 4 – Изменения долей патентных заявок по компьютерным технологиям и пищевой химии в 1980 – 2016 гг. СССР (России) в мире, а также доли СССР (России) в общем количестве патентных заявок

² Concept of a Technology Classification for Country Comparisons / <http://www.wipo.int/portal/en>.

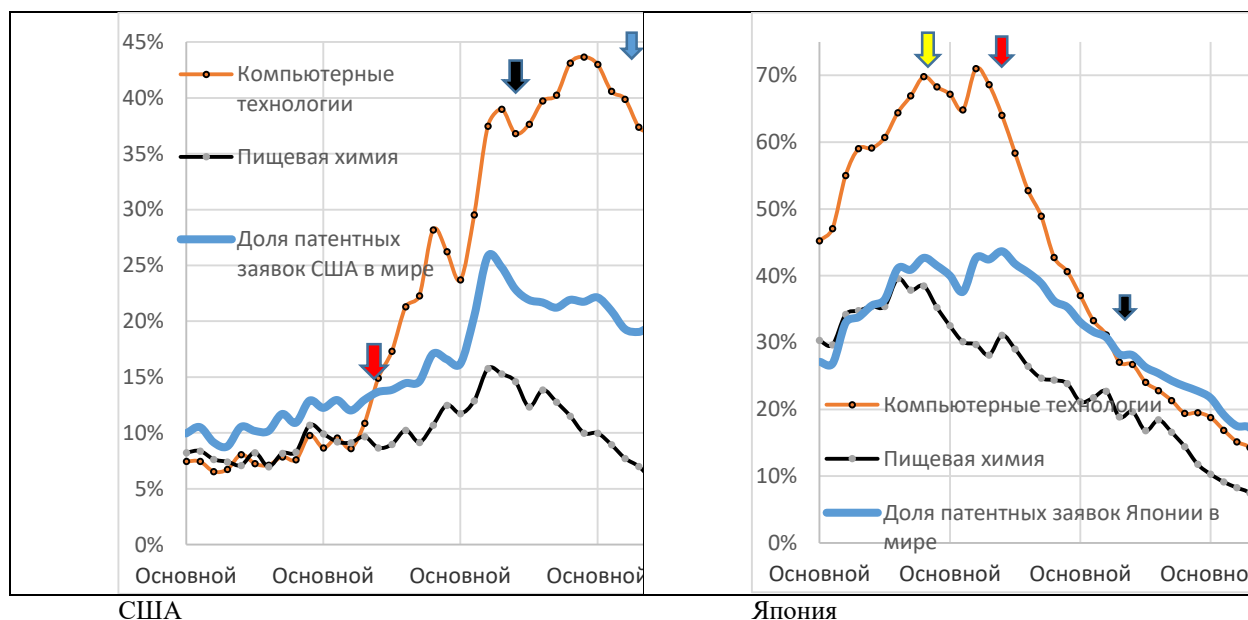
Таблица – Распределение патентных заявок по различным направлениям технологического развития

	Доля направле- ния в мире в 2016 году	Доля направле- ния в Рос- сии в 2016 году	Соотношение развитости (успешности) направления Россия/ мир (столбец 2/ столбец 1)	Изменение доли в мире, 1980 – 2001 гг.	Изменение доли в мире, 2001 – 2011 гг.	Измене- ние доли в мире, 2011 – 2016 гг.	Измене- ние доли России, 2001 – 2011 гг.	Измене- ние доли в России, 2011 – 2016 гг.
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Электрические машины	7,0 %	3,9 %	0,56	0,78	1,18	1,03	0,90	1,18
Аудиовизуальные технологии	2,9 %	1,2 %	0,40	1,63	0,82	0,73	1,87	1,09
Телекоммуникация	2,0 %	1,3 %	0,63	2,31	0,72	0,71	1,78	0,73
Цифровая связь	5,1 %	1,7 %	0,34	6,27	1,78	1,12	3,85	0,68
Основные процессы коммуникации	0,6 %	0,6 %	1,02	0,66	0,69	0,68	1,81	0,74
Компьютерные технологии	7,4 %	3,0 %	0,40	2,62	1,28	1,03	1,35	1,46
ИТ-методы управления	1,7 %	0,5 %	0,29	30,26	1,20	1,25	1,58	1,69
Полупроводники	3,0 %	0,7 %	0,23	2,55	1,05	0,69	1,18	0,97
Оптика	2,5 %	1,0 %	0,40	1,42	0,82	0,75	1,03	1,14
Измерительная техника	4,9 %	5,8 %	1,18	0,69	1,17	1,12	0,84	1,06
Анализ биологических материалов	0,6 %	1,5 %	2,57	1,90	0,93	0,88	1,22	1,03
Технологии контроля	2,1 %	1,5 %	0,71	1,01	0,91	1,35	1,45	1,11
Медицинская техника	4,5 %	6,6 %	1,47	1,95	1,19	0,99	0,73	1,04
Органическая тонкая химия	2,4 %	2,7 %	1,16	0,64	0,90	0,78	1,09	0,91
Биотехнология	2,1 %	2,3 %	1,06	3,33	0,95	0,88	1,73	1,21
Фармацевтика	4,1 %	4,3 %	1,05	1,81	1,12	0,99	0,96	0,83
Полимеры макромолекулярной химии	1,8 %	1,3 %	0,74	0,77	0,82	1,09	1,25	1,05
Пищевая химия	2,5 %	12,9 %	5,22	1,01	1,45	1,41	1,53	0,98
Химия основных материалов	3,1 %	2,9 %	0,93	0,68	1,01	1,17	0,72	1,05
Металлургия и материалы	2,5 %	3,6 %	1,42	0,49	1,12	1,13	0,81	0,70
Технологии покрытия поверхности	1,7 %	1,5 %	0,89	0,86	1,11	0,88	0,75	0,99
Микроструктуры и нанотехнологии	0,2 %	0,5 %	2,80	141,84	2,98	0,86	7,96	0,78

	Доля направле- ния в мире в 2016 году	Доля направле- ния в Рос- сии в 2016 году	Соотношение развитости (успешности) направления Россия/ мир (столбец 2/ столбец 1)	Изменение доли в мире, 1980 – 2001 гг.	Изменение доли в мире, 2001 – 2011 гг.	Измене- ние доли в мире, 2011 – 2016 гг.	Измене- ние доли России, 2001 – 2011 гг.	Измене- ние доли в России, 2011 – 2016 гг.
Химические технологии	2,4 %	3,2 %	1,30	0,60	0,94	1,11	0,65	0,99
Экологические технологии	1,8 %	2,0 %	1,09	0,93	1,04	1,18	0,85	1,00
Обработка	2,8 %	1,7 %	0,59	0,73	0,82	1,11	1,24	0,98
Станки	3,0 %	2,6 %	0,88	0,52	1,00	1,15	0,71	0,85
Двигатели, насосы, турбины	2,5 %	4,6 %	1,84	0,75	1,04	0,90	0,69	1,10
Производство текстиля и бумаги	1,5 %	0,8 %	0,51	0,74	0,65	0,87	1,09	0,86
Специальные машины	3,6 %	4,7 %	1,29	0,68	0,87	1,24	0,89	1,09
Тепловые процессы и устройства	1,7 %	1,3 %	0,76	0,60	1,07	0,98	0,72	0,73
Механические элементы	2,7 %	3,4 %	1,24	0,69	0,90	1,03	0,87	1,26
Транспорт	4,3 %	5,3 %	1,24	1,03	0,91	1,14	1,25	1,25
Мебель, игры	2,6 %	1,3 %	0,51	1,34	0,90	1,10	1,55	1,09
Прочие потребительские товары	2,0 %	2,2 %	1,13	0,97	0,92	1,03	2,08	0,80
Гражданское строительство	3,6 %	5,6 %	1,53	0,76	0,91	1,10	0,80	1,03
Неклассифицируемые заявки	0,9 %	0,3 %						

В начале 1980-х гг. каждая пятая патентная заявка в области компьютерных технологий в мире имела отечественное происхождение и доля СССР в этом направлении составляла ~20 %. В 2001 году она снизилась на два порядка – до 0,2 %; к 2011 году увеличилась до 1,2 %, а в 2016 году, перед анонсированием задачи построения цифровой экономики, составила 0,6 %. В итоге произошло пятикратное снижение значимости отрасли (далее будем называть ее успешностью) в национальной инновационной системе: замещение двукратного опережения по сравнению со средней долей СССР по всем направлениям (20,3 % против 10,2 % в 1980 году) на относительное отставание в 2,5 раза (0,6 % против 1,5 % в 2016 году). До 1987 года кривая компьютерных технологий находилась выше кривой общей доли СССР – успешность этого технологического направления была выше единицы. Качественно картина поменялась в 1988 году (отмечено желтой стрелкой), что по срокам совпало с завершением потери СССР статуса государства-лидера технологического развития. И несмотря на то, что доля патентных заявок СССР, а впоследствии Российской Федерации не снижалась на протяжении еще пяти лет (интервал до красной стрелки), после принятия закона о предприятии, сломавшего систему государственного планирования и управления, предоставившего руководителям объединенных предприятий чрезвычайные полномочия, практически освободив их от ответственности за свои действия, была пройдена точка невозврата в развитии отечественного технологического потенциала.

Сделаем предположение, что успешность в ведущем технологическом направлении (в 1980 – 2016 гг. это компьютерные технологии) является параметром контроллинга, анализ которого позволяет определять перспективность развития всей национально-исследовательской системы. Для аргументации построим кривые, аналогичные представленным на рис. 4 для стран-лидеров по количеству патентных заявок в различные периоды времени, на долю которых до 2002 года приходилось более половины всего их количества, – США и Японии (рис. 5).

Рисунок 5 – Изменения долей патентных заявок по компьютерным технологиям и пищевой химии в 1980 – 2016 гг. США и Японии в мире, а также доли США и Японии в общем количестве патентных заявок

Можно видеть, что в 1993 году, отмеченном также, как и на предыдущем рисунке, красной стрелкой, ускорилось развитие компьютерных технологий в США, успешность этого направления превысила единицу, динамика сохранялась до 2002 года. В последующее десятилетие доля американских патентных заявок в мире в этой области стабилизировалась на уровне 40 %. Перелом тренда произошел в 2011 году в результате доминирования Китая во всех направлениях, доля которого в компьютерных технологиях в 2011 – 2016 гг. возросла с 18 до 37,5 % (успешность менее единицы возросла с 0,85 до 0,91).

Практически аналогичную, но смещенную в прошлое на 17 лет картину демонстрирует кривая доли японских патентных заявок по компьютерным технологиям в мире: рост до 1987 года, стабилизация в 1987 – 1993 гг. и изменение тренда, продолжающееся по настоящее время. Успешность этого направления стала меньше единицы в 2002 году, и вначале технологическое, а впоследствии и экономическое лидерство Японии в целом ряде смежных с компьютерными технологиями отраслях перешло к другим странам. Отметим, что перелом начала 1990-х гг. по времени совпал с экзогенным для национальной исследовательской системы событием: запуском схлопывания далеко не естественным образом образованного финансового пузыря в Японии – ситуации, когда балансовая стоимость основных средств Японии стала больше стоимости фиксированных активов США, капитализация Токийской фондовой биржи была больше капитализации самой крупной фондовой биржи в мире – Нью-Йоркской, а из десяти крупнейших мировых банков семь были японскими.

Мы видим подтверждение высказанного утверждения [13] о происходящем замещении значимости капитала технологиями в производственной функции. Хотелось бы его конкретизировать: не просто технологиями, а разработками по ключевым направлениям, определяющим технологическое лидерство. В качестве аргументации отметим, что в обеих странах снижение доли патентных заявок по компьютерным технологиям обусловило сокращение доли страны во всех патентных заявках в мире так же, как это произошло в СССР в 1980-х гг. (рис. 4). То есть в государстве успешность развития ведущего технологического направления в мире (в последние сорок лет – это компьютерные технологии) является параметром контроллинга состояния национальной инновационной системы, а поддержка ее величины более единицы – необходимое условие обеспечения его технологического суверенитета.

Противоположная картина наблюдается в области пищевой химии. Это направление не является приоритетным в развитии практически всех национальных исследовательских технологических систем, кроме России и Китая. В 2006 – 2016 гг. его успешность в США уменьшилась с 0,64 до 0,23; в Японии – с 0,73 до 0,37 (рис. 5); в Германии с 0,37 до 0,07; Франции – с 0,71 до 0,27; Великобритании – с 0,26 до 0,1; Нидерландах – с 1,97 до 0,65; Швейцарии – с 1,12 до 0,3, и т. д. Среди всех патентных заявок по направлению «пищевая химия» почти 70 % их количества в 2016 году принадлежали Китаю, который обеспечивает его прирост в XXI в., что отражает приоритеты в обеспечении национальной безопасности государства с огромным населением. Из оставшихся 30 % более четверти приходилась на Россию. Если в начале 1980-х гг. только каждая 15-я заявка в этой отрасли имела советское происхождение и соотношение было 6,6 % и 10,2 %, то к 2009 году положение изменилось, и уже почти каждая пятая заявка была российской (19,3 % против 2,4 % – доли России в 2009 году). На рис. 4 мы видим, что наиболее интенсивно этот процесс происходил в 1988 – 1993 гг. – период времени (выделен стрелками), когда понятие технологического суверенитета едва ли было применимо к государству, подготавливаемому к приватизации, в котором произошло снижение промышленного производства в ключевых отраслях экономики на порядок, а в некоторых случаях и более (в приборостроении, станкостроении, авиации, в выпуске промышленных роботов и т. п.). По состоянию на 2016 год, доля отечественных разработок в области пищевой химии составила 7,8 %, что в 5,2 раза выше вклада России в общее количество патентных заявок по всем направлениям. В итоге рост успешности отрасли в 1980 – 2016 гг. превысил 8-кратную величину. Таким образом, если мы сопоставим значимость пищевой химии и компьютерных технологий в СССР и России по количеству патентных заявок, то увидим ее изменение более чем в 40 раз.

Сравнение успешности в этих двух технологических направлениях представляет интерес не только потому, что первое является основой технологического суверенитета любого промышленно развитого государства, что в значительно меньшей степени можно утверждать о втором, но и потому, что вклад в общее количество патентных заявок по направлению «компьютерные технологии» достаточно равномерно вносят все страны в соответствии с уровнем своего технологического развития.

Кроме компьютерных технологий, в отечественной инновационной системе в период 1980 – 2016 гг. произошло снижение успешности в таких областях, определяющих развитие базовых отраслей промышленности, как станкостроение, обработка, контроль, электрические машины.

Среди областей, где увеличилась успешность отечественных исследований за 35 лет, можно выделить три группы:

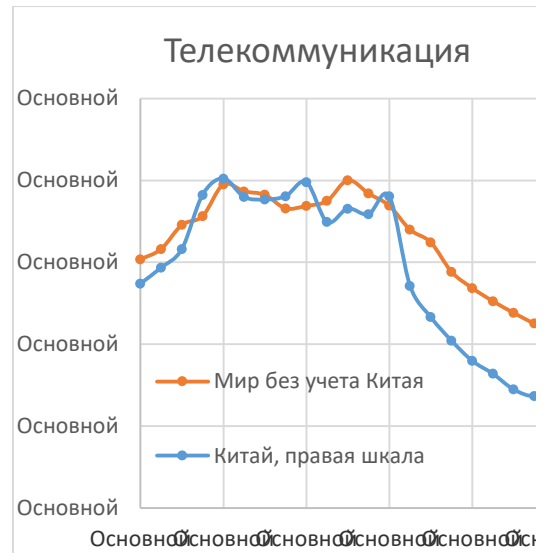
- начавшие развитие во всем мире после 1980 года: микроструктуры и нанотехнологии, ИТ-методы управления, цифровая связь;
- ассоциированные с медициной: фармацевтика, биотехнологии, медицинская техника, анализ биологических материалов;
- соответствующие концепции развития общества потребления: пищевая химия, мебель, игры, прочие потребительские товары.

Отметим, что в новых отраслях (первая группа), кроме микроструктур и нанотехнологий, успешность России значительно меньше единицы ~0,3 (см. табл.). Отсюда следует вывод, что, помимо создания благоприятных или ингибирующих условий для развития инновационной активности в целом в государстве, можно создавать условия для трансформации вектора технологического развития общества, как это происходило путем замещения развития базовых отраслей промышленности в СССР на отрасли, в наибольшей степени соответствующие задаче построения общества потребления.

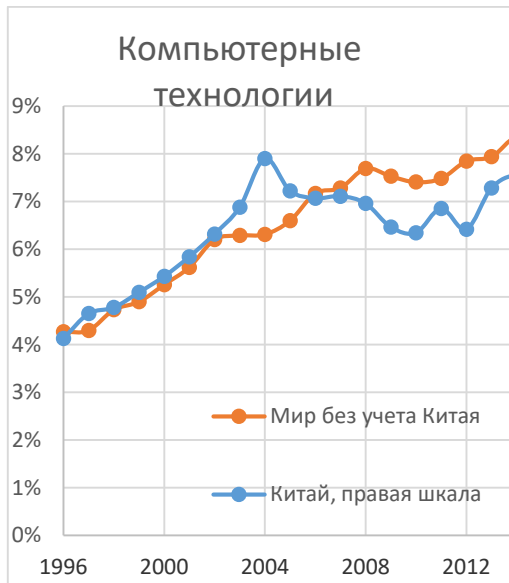
Теперь более подробно посмотрим, какие направления в мире в последнее десятилетие показывают положительную динамику, а какие, наоборот, находятся на спаде и в перспективе едва ли смогут стать основой для новых технологических укладов [1, с. 141–162; 6, с. 37–45]. Как следует из рис. 1, количество патентных заявок в мире без учета Китая в 2006 – 2016 гг. практически не изменилось. Основной мировой прирост обеспечивают китайские разработчики. Для того чтобы в Китае какому-либо направлению сохранить свою долю, «нужно бежать со всех ног, чтобы только остаться на месте». Поэтому на рис. 6 так же, как и на рис. 1, будем рассматривать мир без Китая и Китай отдельно, представляя данные независимо.

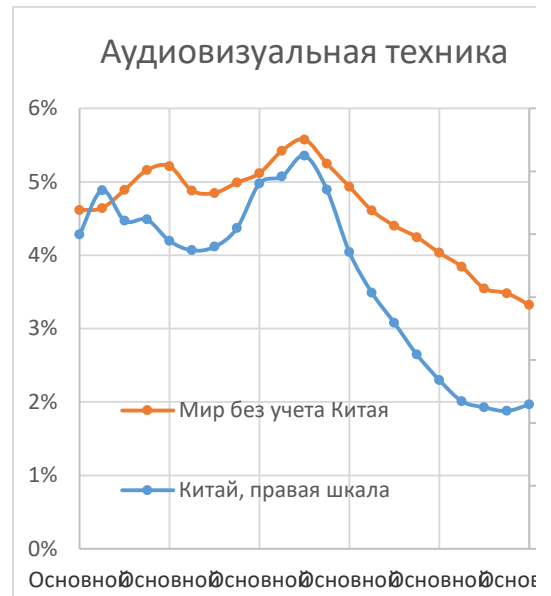
(1)

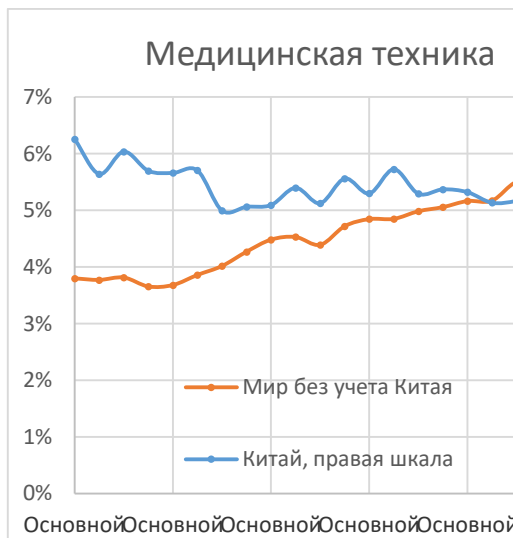
(4)

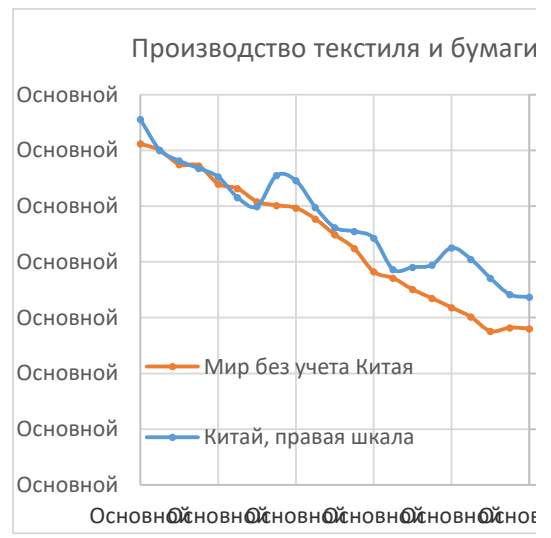
(2)

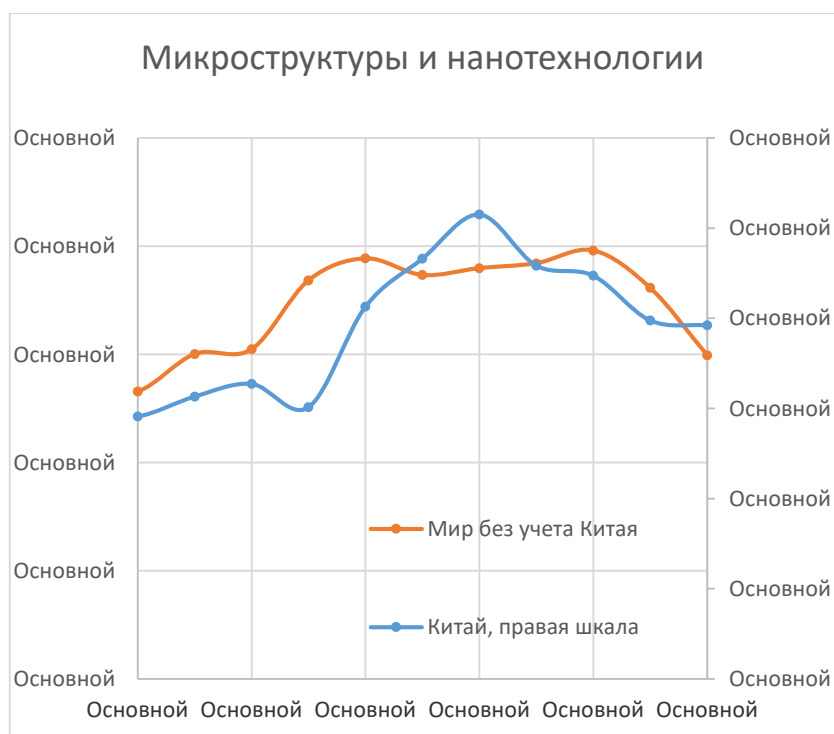
(5)

(3)

(6)

(7)

Рисунок 6 – Динамика изменения долей, приходящихся на технологические направления в мире без учета Китая и в Китае по наиболее успешным направлениям технологического развития (1, 2, 3), находящимся на спаде (4, 5, 6), а также по направлению микроструктуры и нанотехнологии (7) (по данным ВОИС)

Мы видим определенную схожесть динамики развития технологических направлений в мире и в Китае. Коэффициент корреляции инновационного поля Китая и мира растет на протяжении последнего десятилетия и в 2016 году составил 0,896 (корреляция с миром за вычетом Китая находится в диапазоне 0,7 – 0,8). То есть профиль технологического развития Китая в определенной степени совпадает с профилем технологического развития мира.

Отметим применимость к анализу перспектив дальнейшего развития различных направлений технологического развития в мире теории бостонской консалтинговой группы (БКГ) о делении в рамках экономики фирмы продуктов на четыре группы [21, с. 7–8]:

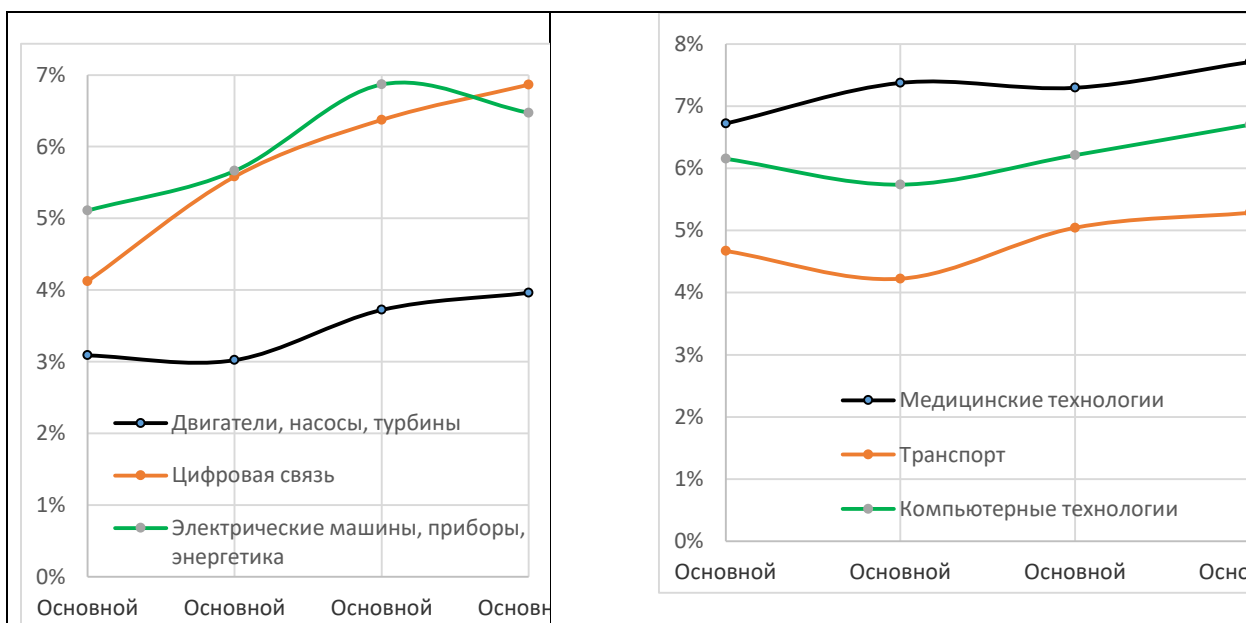
- имеющих малую долю рынка и находящихся на подъеме;
- имеющих большую долю рынка, находящихся на подъеме;
- находящихся на спаде, но все еще обеспечивающих значительный объем продаж;
- находящихся на спаде и не достигших в предыдущее время большой доли рынка (Волкова, 2006).

В рамках подобной классификации распределение технологических направлений в мире выглядит следующим образом (параметры классификации – значения столбиков 2 и 7 таблицы):

- ИТ-методы управления;
- цифровая связь, компьютерные технологии, биотехнология, медицинская техника, мебель и игры, транспорт, двигатели, насосы, турбины, электрические машины, приборы и энергетика, специальные машины;
- телекоммуникация (3 – Telecommunications), производство текстиля и бумаги, аудиовизуальная техника, станки, органическая тонкая химия, химические технологии, тепловые процессы и устройства, экологические технологии, технологии покрытия поверхности, полупроводники, анализ биологических материалов, оптика, пищевая химия;
- основные коммуникационные процессы (5 – Basic communication processes), микроструктуры и нанотехнологии.

Отметим, что появление направления «микроструктуры и нанотехнологии» в четвертой группе противоречит публикациям, обосновывающим его перспективность [3, с. 6061–6075; 15, с. 32–43].

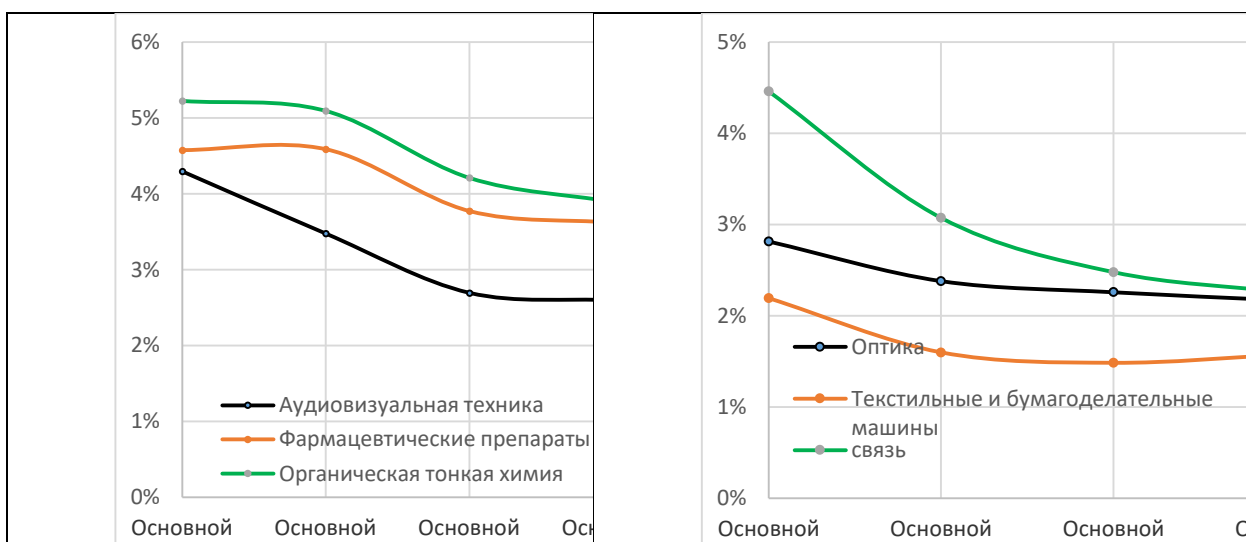
Правомочность применения подобной классификации подтверждает рассмотрение динамики количества патентных заявок не только в масштабах ВОИС, но и на региональном уровне, например в рамках Европейского патентного офиса (ЕПО)³. Из представленной на рис. 7, 8, 9 динамики количества патентных заявок, поданных в ЕПО по ряду технологических направлений, видна ее идентичность с данными ВОИС.

(1)

(2)

Рисунок 7 – Направления исследований в устойчиво развивающихся отраслях экономики (по данным ЕПО)

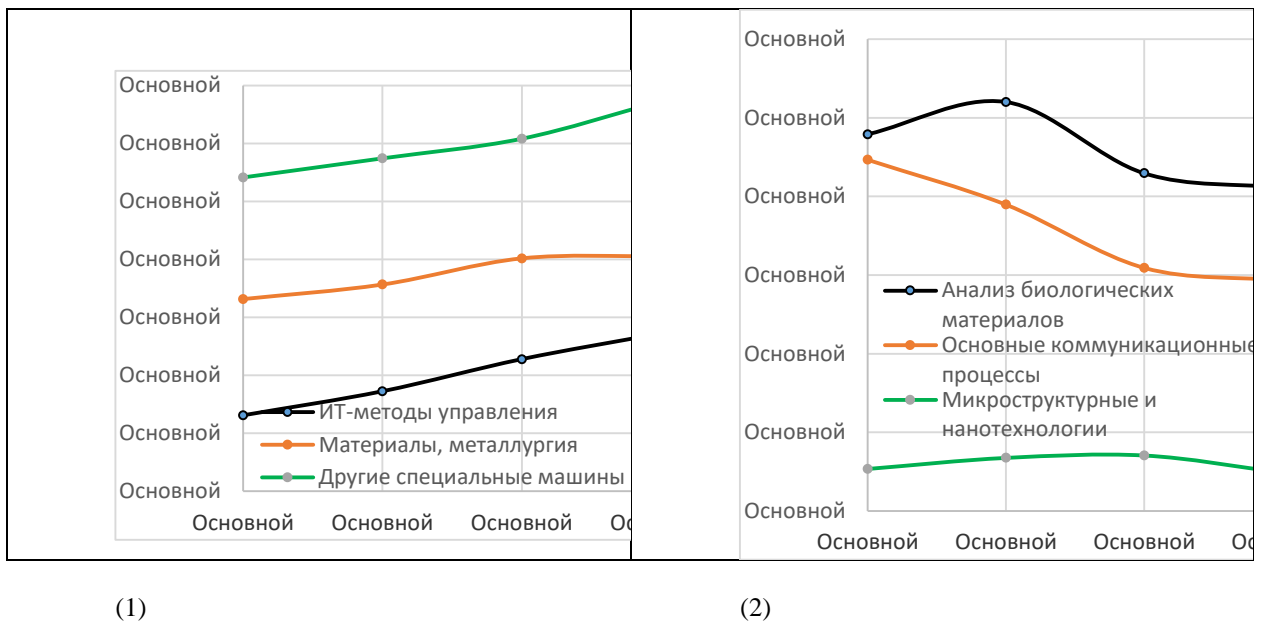
(1)

(2)

Рисунок 8 – Направления исследований в отраслях, находящихся на спаде активности (по данным ЕПО)

³ <https://www.epo.org>.

Рисунок 9 – Направления исследований с незначительной долей рынка, показывающие положительную (1) и отрицательную (2) динамику (по данным ЕПО)

Одним из выводов теории БКГ является целесообразность исключения в максимально быстрые сроки из номенклатуры фирмы товаров, попавших в четвертую группу. Эта группа тянет компанию вниз, лишает свободных денежных средств, съедает ресурсы. По направлению «микроструктуры и нанотехнологии» доля патентных заявок в России в 2,8 раза превышает российскую долю во всех патентных заявках (см. табл.). Но как из анализа динамики патентных заявок по данным ВОИС, так и по данным ЕПО, несмотря на эффект низкой базы (количество исследований по нему не превышает 0,25 %, чтократно меньше по сравнению с другими направлениями), это направление на протяжении последних пяти лет находится на спаде. Поэтому следует повторить, теперь уже опираясь на выводы из теории бостонской консалтинговой группы, утверждение о целесообразности перераспределения ресурсов, сконцентрированных в этом направлении на других, существенно более перспективных областях исследований [8, с. 419–429], например, медицинской технике, транспорте, механических элементах, двигателях, насосах, турбинах, гражданском строительстве.

Представляет интерес выделить наиболее успешные направления в различных странах:

- в США это компьютерные технологии, основные процессы коммуникации, цифровая связь;
- в Германии: транспорт, механические элементы, двигатели, насосы, турбины;
- в Великобритании: гражданское строительство, анализ биологических материалов, прочие потребительские товары;
- в Нидерландах: гражданское строительство, специальные машины, обработка;
- в Швейцарии: измерительная техника, прочие потребительские товары, мебель, игры;
- во Франции: транспорт, двигатели, насосы, турбины, механические элементы;
- в Италии: прочие потребительские товары, гражданское строительство, обработка;
- в Японии: мебель, игры, оптика, производство текстиля и бумаги;
- в Китае: пищевая химия, станки, экологические технологии;
- в Индии: органическая химия, фармацевтика, биотехнология;
- в Корее: полупроводники, ИТ-методы управления, аудиовизуальные технологии;
- в Бразилии: органическая тонкая химия, полимеры молекулярной химии, фармацевтика;
- в Мексике: органическая тонкая химия, фармацевтика, биотехнология;
- в Канаде: гражданское строительство, биотехнология, медицинская техника;
- в России: пищевая химия, микроструктуры и нанотехнологии, анализ биологических материалов;
- в Украине: фармацевтика, органическая тонкая химия, анализ биологических материалов.

Мы видим, что в ряде стран приведенные технологии могут быть объединены в более общие кластеры: в США это цифровизация экономики, в Германии и Франции – машиностроение; в Индии, Бразилии и Украине, а также в некоторой степени в Канаде – фармацевтическая химия и медицина.

Разнонаправленность динамики количества патентных заявок по различным направлениям отражает теорию смены технологических укладов и позволяет более точно спрогнозировать те направления, которые с наибольшей вероятностью будут определять новый технологический уклад. Однако остается еще ряд вопросов, требующих дополнительного исследования. Одним из них является объяснение динамики степени диверсификации патентной активности в мире. Если мы построим значения индекса

Херфиндаля – Хиршмана распределения патентных заявок по всем направлениям в мире без учета Китая, то увидим, что в 1980 – 1995 гг. происходил рост уровня диверсификации патентных исследований (рис. 10).

Рисунок 10 – Динамика индекса Херфиндаля – Хиршмана количества патентных заявок в мире без учета Китая

Он сменился стабилизацией 1995 – 2002 гг., сопровождаемой относительно краткосрочным ростом количества патентных заявок в мире без учета Китая (период так же, как на рис. 1, отмечен зеленой и черной стрелками). В это время произошло замещение 1/8 доли ежегодно подаваемого количества патентных заявок с японских на американские (рис. 5), что привело к удвоению 13 %-й доли США до 26 % при снижении доли Японии с 43 до 30 %. Основной причиной стало замещение 40 % японской доли в компьютерных технологиях преимущественно на американскую (рост доли США с 9 до 39 % и снижение доли Японии с 71 до 31 %).

После этого наблюдается изменение тренда роста равномерности технологического развития по всем направлениям на противоположный – повышение специализации. Одновременно происходит практическая стабилизация (рост менее 1 %/год) количества патентных заявок в мире без учета Китая. Следует выделить два этапа этого процесса: первый – 2002 – 2008 гг. и второй, начавшийся в 2011 году (начало отмечено синей стрелкой). Можно видеть определенную аналогию динамики кривой на рис. 9 в эти два периода времени. Исходя из утверждения, что производственная функция (1) определяет экономическое развитие, можно сделать рекомендацию о том, что следует подготовить план минимизации негативного влияния на отечественную экономику событий в случае повторения в мировой экономике в 2018 году событий, аналогичных событиям 2008 года.

Очевидно, что простое замещение одной группы технологий (одного технологического уклада) на другой вовсе не подразумевает скоординированность динамики количества патентных заявок по всем направлениям. Еще более удивительным является этот феномен, если на него взглянуть как на результат суммирования разнонаправленных действий исследователей, инженеров, ученых всех стран на протяжении 35-летнего интервала. С одной стороны, по-видимому, большинство творческих людей, результаты деятельности которых обладают признаками новизны, необходимыми и достаточными для подтверждения патентной заявки, едва ли смогут спрогнозировать свои результаты на ближайшие несколько лет. Во всяком случае, если бы упомянутого выше П. Л. Шиллинга за несколько лет (кратно меньшее время рассматриваемого 35-летнего интервала) до открытия телеграфа спросили о факте, а тем более о сроках открытия, то это вызвало бы его удивление. А с другой стороны, факт кооперативности деятельности десятков тысяч научных школ в сотнях стран можно видеть на рис. 10.

С математической точки зрения рост индекса объясняется опережающим ростом доли наиболее емких технологических направлений:

- компьютерных технологий и цифровой связи, что находит отражение в цифровизации экономики;
- электрических машин, что проявляется в снижении стоимости и стремительном росте объемов генерации возобновляемых источников энергии, замещении ими традиционных источников энергии;
- технологий в области измерительной техники.

На эти четыре технологические направления приходится почти четверть всех патентных заявок, и доля каждой из них устойчиво увеличивается в 2001 – 2016 гг. Помимо них, дополнительно отметим технологии, увеличивающие свою долю в общем количестве на протяжении этого периода. Это ИТ-методы управления, медицинская техника, двигатели, насосы, турбины, металлургия и материалы, а в последние пять лет к ним присоединились технологии в области контроля и транспорта. Но выделение этих направлений, определяющих характер кривой на рис. 10 в 2001 – 2016 гг., никоим образом не объясняет причины факта скоординированности их роста с единовременным сокращением исследований по отраслям, имеющим небольшие

доли. В противоположность растущим направлениям, которые, по-видимому, станут основой нового технологического уклада, выделим те области, где доля снижалась достаточно интенсивно – производство текстиля и бумаги, органическая тонкая химия, оптика, основные процессы коммуникации, телекоммуникация, аудиовизуальные технологии, а также к ним в последние 5 лет присоединились микроструктуры и нанотехнологии.

В заключение составим список дат, выделенных стрелками на рисунках:

1988 год – в СССР: снижение успешности разработок по компьютерным технологиям ниже порогового значения, критического для обеспечения технологического суверенитета, начало действия законов, разрушивших систему планирования и двухконтурную финансовую систему; в Японии: прекращение роста доли в компьютерных технологиях, непропорциональное увеличение значимости капитала.

1993 год – конец двухполярного мира; в России: завершение потери технологического суверенитета, точка невозврата системы советов; в Японии: перелом тренда удержания лидерства как в компьютерных технологиях (начало снижения доли с 70 до 10 % в настоящее время), так и среди всех поданных патентных заявок (начало снижения доли с 44 до 12 %), начало эпохи потерянных десятилетий; в США: перелом в отношении значимости компьютерных технологий в национальной исследовательской системе, начало роста доли в компьютерных разработках с 9 до 43 % за 17 лет; в Китае: началократно превышающей скорость роста ВВП (~20 %/год) роста количества патентных заявок, продолжающегося по настоящее время и описываемого с достоверностью 0,995 экспоненциальной зависимости.

1995 год – интенсификация патентной активности в мире: изменение многодесятилетнего тренда умеренного роста количества патентных заявок на ихкратно более высокий прирост; завершение периода диверсификации научных разработок по различным направлениям технологического развития.

2002 год – завершение 7-летнего периода интенсификации патентной активности, возврат к долгосрочному тренду роста количества патентных заявок ~1 % в год, переход от диверсификации научных исследований к специализации во всем мире без учета Китая преимущественно на компьютерных технологиях и цифровой связи, электрических машинах, технологиях в области измерительной техники; в Японии: снижение успешности компьютерных разработок менее единицы, постепенный переход технологического лидерства к другим странам; в США: переход к стабилизации интенсивности разработок в области компьютерных разработок.

2011 год – изменение конфигурации лидеров по количеству поданных патентных заявок: Япония, США, Китай на Китай, США, Япония; за год до этого уступка лидерства Японии Китаю по объему ВВП; в США: изменение тренда по удержанию роста доли количества патентных заявок в компьютерных технологиях на снижение; рост доли Китая в 2011 – 2016 гг. в разработках по компьютерным технологиям с 18 до 37,5 % и среди всех поданных патентных заявок с 21 до 41 %.

Таким образом, происходит замещение основного вклада в рост производственной функции мировой экономики с капитала на технологии. Количество поданных патентных заявок является интегральным показателем эффективности совершенствования технологического развития. Распределение количества патентных заявок по направлениям отражает выбранный обществом вектор технологического развития. Сокращается время, в течение которого можно обеспечить устойчивую хозяйственную деятельность на основе ранее полученных технологических решений.

Мировой прирост количества патентных заявок в основном обеспечивается китайскими исследователями. Успехи экономического развития Китая отражаются в росте количества патентных заявок ~20 %/год на протяжении 1992 – 2016 гг. В результате его доля превысила 41 % в 2016 году. Замещение сегодняшней номенклатуры товаров на более наукоемкую продукцию с большей добавленной стоимостью на основе новых знаний, ежегодно формулируемых более чем в 1 млн патентных заявок в год, обеспечит положительную динамику ВВП Китая как минимум на ближайшее десятилетие.

Успешность развития по ключевому научно-технологическому направлению, которым на протяжении более сорока лет являются компьютерные технологии, является показателем контроллинга эффективности развития научно-исследовательской системы государства, а ее значение более единицы – необходимым условием обеспечения технологического суверенитета.

Соотношение количества патентных заявок по различным направлениям, определяя вектор развития общества, задается не только сменой технологических укладов, но и путем формирования благоприятных условий для развития одних направлений и негативных для других. Оно может трансформироваться десятикратно, о чем свидетельствует 40-кратный рост значимости исследований в пищевой химии по сравнению с компьютерными технологиями в СССР и России в 1980 – 2016 гг.

Доля патентных заявок по направлению микроструктуры и нанотехнологии как в мире, так и в Европе не превышает 0,25 %, и, несмотря на возможность реализации эффекта старта с низкой базы, она сокращается в 2011 – 2016 гг. Поэтому усилия, прикладываемые к наращиванию этого направления в России, целесообразно перенаправить на развитие направлений, имеющих в мире положительную динамику, в которых успешность отечественных разработок превышает среднероссийские показатели: медицинскую технику, транспорт, механические элементы, двигатели, насосы, турбины, гражданское строительство.

Успешные технологические направления России (доля России в которых выше среднероссийской доли в общем количестве патентных заявок выше единицы), а именно пищевая химия, микроструктуры и нанотехнологии, анализ биологических материалов, имеют достаточно низкие шансы стать базой нового

технологического уклада, так как доля патентных заявок в мире по этим направлениям сокращается в последние пять лет. При этом как по наиболее динамично растущим направлениям, так и по имеющим максимальную долю среди всех патентных заявок в мире (первая и вторая группа согласно классификации БКГ) успешность России имеет весьма скромные показатели, что предполагает необходимость корректировки приоритетов в поддержке различных направлений отечественных инноваций.

Процесс диверсификации исследований по различным направлениям научно-технологического развития, происходивший в 1980 – 1995 гг., сменился на значительно более быстрый рост количества патентных заявок, а также специализацию, о чем свидетельствует изменение характера динамики индекса Херфиндаля – Хиршмана количества патентных заявок.

Список использованных источников

1. Акаев, А. А. Современный финансово-экономический кризис в свете теории инновационно-технологического развития экономики и управления инновационным процессом / А. А. Акаев // Системный мониторинг. Глобальное и региональное развитие. – М. : УРСС, 2009. – С. 141–162.
2. Алексеев, А. В. Приоритеты государственной политики создания инновационной экономики в Рос. Федерации / А. В. Алексеев. – Новосибирск : Ин-т экономики и организации промышленного производства СО РАН. – 423 с.
3. Архипова, М. Ю. Статистический мониторинг инновационной активности в сфере нанотехнологий. XII Всероссийское совещание по проблемам управления ВСПУ-2014 / М. Ю. Архипова. – М. : ИПУ РАН. – С. 6061–6075.
4. Валиева, О. В. Институциональная среда инноваций : теоретический и прикладной аспект / О. В. Валиева // Мир экономики и управления. – 2007. – Т. 7. – Вып. 2. – С. 134–143.
5. Волкова, О. Н. Управление затратами на протяжении жизненного цикла продукта и компании / О. Н. Волкова // Экономический анализ: теория и практика. – 2006. – № 10. – С. 66–72.
6. Глазьев, С. Ю. Формирование новой институциональной системы в условиях смены доминирующих технологических укладов / С. Ю. Глазьев // Науч. тр. Вольного экономического общества России. – 2015. – № 1. – С. 37–45.
7. Гохберг, Л. М. Стратегия 2020: новые контуры российской инновационной политики / Л. М. Гохберг, Т. Е. Кузнецова // Форсайт. – 2011. – Т. 5, № 4. – С. 8–30.
8. Грачев, И. Д. Управление инновационным развитием экономики России. Новый подход / И. Д. Грачев, С. А. Некрасов // Вестн. РАН. – 2011. – Т. 81, № 5. – С. 419–429.
9. Грачев, И. Д. Инновационно восприимчивая среда – основа перехода угольной отрасли к устойчивому развитию / И. Д. Грачев, С. А. Некрасов // Уголь. – 2013. – № 1. – С. 30–34.
10. Данилин, И. В. Основные направления научно-технического сотрудничества во внешней политике России / И. В. Данилин // Интеграционные процессы в современном мире. – М. : ИМЭМО РАН, 2010. – С. 123–131.
11. Комков, Н. И. Условия и направления реформирования российской науки / Н. И. Комков // Проблемы прогнозирования. – 2005. – № 3. – С. 1–16.
12. Кузнецов, В. И. Анализ результатов научно-технической деятельности в России сквозь призму патентной активности / В. И. Кузнецов, Г. С. Сагиева // Экономика, статистика и информатика. Вестн. УМО. – 2010. – № 5. – С. 89–95.
13. Лавровский, И. К. Демократия и рынок / И. К. Лавровский. – М. : Контакто, 2010. – 210 с.
14. Львов, Д. С. Экономика развития / Д. С. Львов. – М. : Экзамен, 2002. – 512 с.
15. Маасацура, И. Современное состояние сферы нанотехнологий: анализ патентов / И. Маасацура, Т. Озаки // Форсайт. – 2008. – Т. 2, № 3. – С. 32–43.
16. Мезоэкономика развития / под ред. Г. Б. Клейнера. – М. : Наука, 2011. – С. 805. – (Серия «Экономическая наука современной России»).
17. Мишулина, О. А. Статистический анализ и обработка временных рядов / О. А. Мишулина. – М. : МИФИ, 2004. – С. 180.
18. Нижегородцев, Р. М. Технологическая безопасность государства / Р. М. Нижегородцев // Мировая экономика и международные отношения. – 1997. – № 10. – С. 110–115.
19. Плакиткин, Ю. А. О концепции инновационного развития ТЭК до 2030 г. и ее взаимосвязи с основными трендами инновационного развития мировой экономики / Ю. А. Плакиткин. – М. : АльфаМонтанБюро, 2010. – 92 с.
20. О стратегии научно-технологического развития Российской Федерации [Электронный ресурс] : Указ Президента Рос. Федерации, 1 дек. 2016 г., № 642 // Официальный интернет-портал правовой информ. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102416645>. – Дата доступа: 03.02.2018.
21. Хендерсон, Брюс Д. Продуктовый портфель / Брюс Д. Хендерсон // Бостонская консалтинговая группа BCG Review : Дайджест. – М. : Бостонская консалтинговая группа, 2008. – Вып. 2. – С. 7–8.

22. Штельман, И. Р. Патентная активность российских организаций и предприятий: проблемы и пути решения / И. Р. Штельман // Инновационные технологии в образовании и науке : сб. материалов междунар. конф., Чебоксары, 7 мая 2017 г. : в 2 т. – Чебоксары, 2017. – С. 303–307.

23. Mensch, G. Stalemate in Technology – Innovations Overcome the Depression / G. Mensch. – New York : Ballinger, 1979. – 241 p.

24. Preserving America's Clean Energy Foundation //Third way. – Mode of access: <http://www.third-way.org/report/preserving-americas-clean-energy-foundation>. – Date of access: 30.02.2018.

ПРИНЦИПЫ И ЗАДАЧИ ПОСТАНОВКИ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНЧЕСКОГО УЧЕТА НА ПРЕДПРИЯТИИ

Шишлова Светлана Евгеньевна,
доцент кафедры менеджмента, управления персоналом и экономики
Института законовения и управления ВПА, г. Тула,
кандидат экономических наук, доцент

Современные стандарты управленческого учета предполагают, что его основополагающим принципом следует считать ориентированность на обеспечение топ-менеджеров и руководства компаний объективной и разноплановой информацией, а также решение задач менеджмента разных уровней прав и степени ответственности. Получаемые данные всегда должны опережать решения, которые принимают руководители предприятия.

Таким образом, можно говорить о том, что методология управленческого учета основывается на том, что расходы, прибыль и другие результаты бизнес-деятельности необходимо с той или иной степенью вероятности определить до их непосредственного получения. В процессе ведения управленческого учета менеджеры должны выбрать наиболее оптимальный вариант, который и будет впоследствии включен в план и бюджет, исполнение которых должно контролироваться методом учета фактических величин. Выявленные отклонения от начального плана, сметных инвестиций и нормативов необходимы для того, чтобы на их основе были приняты меры, обеспечивающие то, чтобы расходы и результаты соответствовали заданным в процессе планирования величинам. При необходимости может быть скорректирован и сам план.

Управление бизнес-деятельностью компании является сложным комплексным процессом, вот почему и учетная управленческая система учета должна отвечать основным требованиям управления, поэтому она тоже достаточно сложна и включает в себя множество обязательных процедур. Следует также учитывать, что и состав компонентов учетной системы может изменяться в соответствии с изменяющимися потребностями управления и бизнес-целями предприятия.

Основные принципы управленческого учета:

- поддержание непрерывности бизнеса компании;
- применение общих планово-учетных единиц измерения, позволяющих производить оценку результатов работы бизнес-подразделений организации;
- разносторонность и аналитичность, дающие полные данные об объектах учета;
- преемственность и неоднократное использование различной информации при осуществлении управления;
- использование бюджетного метода управления финансами, затратами, бизнес-деятельностью;
- формирование показателей внутренней отчетности в качестве базы для коммуникации между разными управленческими уровнями;
- периодичность, соответствующая производственному и коммерческому циклам компании, установленным ее учетной политикой.

Стандарты управленческого учета предполагают, что совокупность представленных выше принципов и методов обеспечивает эффективность системы управленческого учета.

Ключевые задачи управленческого учета состоят в следующем:

- определение расходов;
- осуществление контроля;
- планирование;
- принятие руководством решений.

Система управленческого учета должна реализовывать функции управления в сфере:

- структурных подразделений;
- производственных процессов;
- используемых в бизнес-деятельности ресурсов;
- показателей эффективности работы предприятия.

Согласно стандартам управленческого учета, выбор учетной системы определяется спецификой работы предприятия, составом осуществляемых ею хозяйственных операций и необходимостью предоставления финансовой отчетной документации, сформированной по определенным принципам, заинтересованным

лицам. Для реализации стратегических целей управления можно использовать как управленческий, так и финансовый виды учета. Их сравнение возможно при применении различных критериев, однако функционально каждый из них опирается на интересы пользователей учетных данных:

- пользователями информации в финучете являются менеджеры, кредиторы и инвесторы компании, а в управленческом – исключительно менеджеры;
- цели применения данных у пользователей различаются: в финучете инвесторам и кредиторам необходима возможность получения перспективной оценки эффективности бизнес-деятельности предприятия, включая его финансовую устойчивость, ликвидность и кредитоспособность; в управленческом же учете топ-менеджменту нужна ежедневная информация, требующаяся для принятия правильных управленческих решений;
- требования к данным определяются целями конечных пользователей: в финучете это не столь оперативно полученная, зато достоверная и полная информация, в управленческом же сотрудникам более важны оперативные данные, однако объективные и экономически обоснованные;
- методология учетных данных также задается требованиями к ним: в финучете основные стандарты достоверности, полноты и понятности для широкого круга пользователей определены международными правилами; основные принципы управленческого учета предполагают наличие баланса между оперативностью и достоверностью, а также полнотой информации, которая фиксируется в локальных актах.

Постановка на предприятии управленческого учета всегда начинается с проведения анализа его бизнес-деятельности и действующей на настоящий момент системы учета. Основой внедрения учетной управленческой системы должны быть производственные процессы компании, поскольку основанный не на физических процессах управленческий учет будет работать некорректно и не сможет помочь при формировании верных стратегических решений. Это объясняется тем, что функционирование бизнес-процессов обеспечивает большое число сотрудников предприятия, при этом каждый из них сосредоточен на своем производственном участке. Использование же четко разработанных стандартов управленческого учета способно повысить эффективность работы компании путем определения наиболее перспективных путей ее развития и правильным решением повседневных задач.

В последние десятилетия менеджеры как высшего, так и среднего звена проявляют все больший интерес к ведению управленческого учета. Уже никому не придет в голову спорить с тем, что этот вид учета представляет собой один из важнейших инструментов управления любой компанией. Преимущество управленческого учета состоит в том, что он позволяет повысить оперативность и уровень качества принимаемых руководством предприятий решений, максимизировать результаты и строго контролировать возможные бизнес-риски.

Сейчас в большинстве организаций функционируют информационные системы, изначально ориентированные на сотрудников – внутренних пользователей. Постоянно увеличивается спрос на консалтинговые услуги, связанные с вопросом постановки системы управленческого учета. Однако часть руководителей и владельцев предприятий еще не полностью осознали важность управленческого учета, из-за чего неясно понимают необходимость его внедрения. Причиной этого часто становится недостаток информации о роли управленческого учета в системе управления компанией.

Управленческий (или внутренний) учет – это сбор, идентификация, фиксирование, обобщение, проведение анализа и дальнейшая передача внутренним пользователям данных, нужных для управления фирмой. Собранные таким образом сведения востребованы во время подготовки информации, полезной для принятия стратегических решений, в дальнейшем отражающихся в различных планах и контроле их выполнения. Согласно утверждению Ю. В. Фадеевой «...качество учетно-аналитической информации можно определить как совокупность свойств, отражающих степень эффективности практического использования информации, формируемой на всех этапах осуществления деятельности организации в бухгалтерском учете и отчетности для выполнения задач, поставленных в процессе управления организацией, и для принятия различных решений» [1, с. 198].

В связи с этим можно резюмировать, что управленческий учет – это система информационного обеспечения процесса планирования и контроля на уровнях управления, начиная со стратегии и заканчивая оперативным бюджетом.

Две основные особенности данного вида учета:

- ориентированность на внутреннего пользователя;
- оперативность получения информации.

Первая особенность характеризует самую суть управленческого учета. Потребность конкретного менеджера в данных, необходимых ему для принятия решения и контроля, зависит от его специализации и его положения в иерархии компании. Поэтому система может включать многие элементы управленческого учета в зависимости от данной специфики.

Так, она может представлять собой комплексную информационную систему, обеспечивающую руководителей всех уровней нужными данными о положении дел в каждой из функциональных областей – на производстве, в продажах, финансах и т. п. Но может быть создана и локальная система, формирующая данные для узкого круга руководителей или в границах какой-либо определенной сферы деятельности (оперативный учет или финансовые показатели).

По этой причине некоторые топ-менеджеры ошибочно полагают, что этот тип учета является просто подсистемой бухучета и замыкается исключительно на области финансов. В связи с этим формируется представление о наличии общей методики ведения внутреннего учета, схожей с правилами учета бухгалтерского. Но учет управленческий является, скорее, подходом к созданию информационной системы компании, ориентированной на пользователей, чем универсальной методикой. Так, управленческий учет может и не соприкаться с бухгалтерским и не использовать финансовые показатели. В каждом конкретном случае выбор конфигурации системы учета остается за руководителем. Этот выбор должен производиться в соответствии с актуальными потребностями менеджмента в информации и существующими ресурсами, которые могут быть задействованы для формирования корпоративной информационной структуры.

Оперативность управленческого учета обусловлена тем, что данные, требующиеся для быстрого вынесения решений, будут полезны лишь тогда, когда они поступают своевременно. Этапы управленческого учета при построении сложной системы, охватывающей все уровни корпоративного управления, и требование оперативного получения информации приводят к пониманию необходимости автоматизации процедур учета, потому что ее обработка вручную не позволит получить данные тогда, когда они срочно нужны.

Для того, чтобы быть в полной мере работоспособной, система управленческого учета должна включать следующие составляющие:

- центры ответственности;
- формы управленческой отчетности;
- первичную учетную документацию;
- контролируемые показатели;
- учетные регистры, используемые для группировки данных;
- учетные процедуры получения, обработки и предоставления информации.

Целью организации учета по центрам ответственности является получение возможности измерения результатов работы рядовых менеджеров, а также возможности своевременно отслеживать появление отклонений в фактических значениях показателей от планируемых и обнаруживать причины этого явления. При этом центрами ответственности следует считать сотрудников, имеющих определенные полномочия и несущих ответственность за исполнение конкретных управленческих функций, для которых действуют целевые величины контролируемых показателей.

Например, при постановке финансового учета можно выделить центры ответственности за прибыль и расходы, доходы и инвестиции. В случае, когда система учета ограничена только одним подразделением компании, центры ответственности могут определяться согласно результатам декомпозиции основных сфер бизнес-деятельности. Так, служба главного инженера в промышленной компании может иметь центры ответственности в области достижения показателей в технологическом обеспечении, техническом обслуживании и ремонте, промышленной безопасности и экологии, развитии предприятия и прикладных научных разработках, обеспечении производства ресурсами.

Проблему принятий инвестиционных решений традиционно рассматривают в условиях определенности, риска и неопределенности. Эти условия определяются в зависимости от того, располагает ли лицо, принимающее решение (ЛПР), точной информацией, или информация о результатах решения неточна или неполна [2, с. 53].

Чтобы информация в управленческом учете собиралась и обрабатывалась целенаправленно, нужно строго определить комплекс показателей, которые будут контролироваться по центрам их ответственности. Для этого необходимо выполнить следующее:

- определить основную цель бизнес-деятельности подразделений, охватываемых учетной системой. Цель работы подразделения определяется общей целью компании;
- разбить главную цель на отдельные задачи и подцели. В итоге должен получиться комплект задач, для каждой из которой можно будет определить свои контролируемые параметры. Задачи и подцели распределяются по уровню управления (по стратегии, планам по ее реализации, бюджетам и т. п.). В зависимости от нужд менеджмента учет должен представить показатели как для всех уровней, так и для отдельных;
- следующим этапом должно стать определение набора показателей, которые бы отражали результаты выполнения задач. Целесообразно выделять две группы показателей: ключевые и вспомогательные. Первые оценивают работу организации или отдельной службы либо подразделения в целом, характеризуя уровень достижения ключевой бизнес-цели. Вторые должны отражать стадию исполнения требований и ограничения при достижении целей;
- после того, как будут разработаны многочисленные контрольные показатели, нужно будет распределить их по выделенным центрам ответственности. Это поможет также установить соответствие состава задач в рамках центров ответственности измерениям результатов их деятельности;
- итоговым действием должно стать проведение определения целевых значений контролируемых показателей в рамках планирования. Эти показатели могут быть как показателями, отражающими результаты исполнения планов (величина доходов, расходов, прибыли в денежном выражении), так и отправной точкой при формировании планов. Так, после определения целевого уровня рентабельности продаж можно разрабатывать план мероприятий для его достижения.

Основная задача управленческого учета – формировать фактические данные о величинах контролируемых показателей и предоставлять их внутренним пользователям.

Еще одним ключевым моментом остается определение учетных периодов – временных интервалов, после окончания которых становятся доступными данные о величинах показателей. Как показывает практика, более короткий учетный период способствует повышению оперативности учета. Однако определение непродолжительных периодов учета намного усложняет некоторые учетные процедуры, делает его ведение более трудоемким и повышает уровень требований к профессионализму занятых в учетном процессе специалистов.

Инициатива постановки учета в компании всегда должна исходить от ее руководства, которое сначала должно определиться с собственными потребностями в получении данных для управления. Внедрение управленческого учета требует организации рабочей группы, чей руководитель должен иметь не только обширные знания в данном вопросе, но и авторитет, поскольку ему должны быть предоставлены масштабные полномочия в плане получения нужных данных от подразделений. Часто для внедрения управленческого учета привлекаются внешние организации, специализирующиеся в данной сфере деятельности. В любом случае процессы формализации потребностей и организации управленческого учета на предприятии всегда происходят с участием приглашенных консультантов, входящих в рабочую группу.

На каждом из этапов постановки учета нужно решить изложенные ниже задачи:

- определить функциональные области, где необходимо создание или оптимизация управленческого учета;
- выявить элементы действующего на предприятии внутреннего учета в выделенных функциональных областях и оценить их адекватность существующим бизнес-процессам, а также потребностям руководства;
- разработать концепцию управленческого учета и план мероприятий по его организации;
- сформировать структуру зон ответственности топ-менеджеров;
- определить основные элементы системы учета и ее регламент;
- организовать консультационное сопровождение внедрения;
- внедрить учетную систему.

Одним из основных аспектов эффективной работы системы является ее регламентация. Во время внедрения учета на предприятии должно быть разработано соответствующее Положение, где должны быть отражены:

- цели и задачи управленческого учета, ключевые принципы его создания, главные понятия;
- структура центров ответственности;
- набор контролируемых показателей и определяющий их алгоритм;
- формы первичной и отчетной документации;
- процедура формирования документов;
- определение графика документооборота учета.

Когда формирование регламентов будет завершено, начинается непосредственное внедрение системы управленческого учета, которое предполагает:

- обучение пользователей;
- апробацию отдельных учетных процедур на реальных данных учетного цикла;
- корректировку сформированных регламентов на основе их пробной эксплуатации;
- утверждение регламентов;
- изменение действующих или внедрение новых автоматизированных систем.

Присутствие заданной эффективности принимаемых управленческих решений и, как следствие, эффективность функционирования предприятия в целом определяются наличием оперативной, точной и полной информации, отражающей различные аспекты финансово-хозяйственной деятельности предприятия. Именно этим обусловлена необходимость формирования соответствующей учетной системы, в рамках которой такая информация могла собираться, обрабатываться и предоставляться менеджерам, ответственным за принятие решений на различных уровнях иерархии организационной системы управления предприятием [3, с. 332].

Список использованных источников

1. Фадеева, Ю. В. Формирование информации в регистрах бухгалтерского учета / Ю. В. Фадеева // Современные проблемы права и управления : 7-я Междунар. науч. конф. : сб. докладов. – Тула : Ин-т законовведения и управления ВПА, 2017. – С. 195–201.
2. Фадеева, Ю. В. Новые управленческие возможности при использовании опционного подхода к анализу инвестиционных решений / Ю. В. Фадеева, Ю. В. Киселевич // Изв. Тульского гос. ун-та. Экон. и юрид. науки. – 2017. – № 1-1. – С. 53–60.
3. Никонова, М. Р. Цель управленческого учета и его роль в управлении предприятием / М. Р. Никонова, С. Е. Шишлова // Современ. проблемы права и управления : 7-я Междунар. науч. конф. : сб. докладов. – Тула : Ин-т законовведения и управления ВПА, 2017. – С. 331–337.

СОВРЕМЕННЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА В ТУРИСТСКО-РЕКРЕАЦИОННОЙ СФЕРЕ РОССИИ

Яковлева-Чернышева Анна Юрьевна,
проректор по научной работе и инновационным технологиям
Международного инновационного университета, г. Сочи,
доктор экономических наук, доцент

Согласно определению, приведенному на официальном сайте Министерства экономического развития Российской Федерации, государственно-частное партнерство (ГЧП) – это «юридически оформленное на определенный срок и основанное на объединении ресурсов, распределении рисков сотрудничество публичного партнера, с одной стороны, и частного партнера, с другой стороны, осуществляемое на основании соглашения о государственно-частном партнерстве, в целях привлечения в экономику частных инвестиций, обеспечения доступности и повышения качества товаров, работ, услуг, обеспечение которыми потребители обеспечено полномочиями органов государственной власти и органов местного самоуправления» [1].

В экономической литературе отмечается, что «государственно-частное партнерство является механизмом согласования и регулирования интересов государства и бизнеса, обеспечения взаимовыгодного сотрудничества, целью которого является обеспечение и реализация программ и проектов социально-экономического развития регионов» [2].

Обоснованность и актуальность развития разнообразных форм взаимодействия государства и бизнеса в рамках ГЧП подтверждается опытом многих зарубежных стран, а также современными тенденциями развития этого явления в России, где с середины 2000-х гг. ему уделяется определенное внимание в теории и практике государственного управления [3].

Как форма взаимоотношений государства и бизнеса ГЧП характеризуется рядом специфических признаков, к которым относятся:

- осуществление взаимодействия в зоне ответственности государства;
- удовлетворение общественных потребностей (например, развитие инфраструктуры) за счет привлечения ресурсов частных инвесторов;
- использование специфических форм распределения ответственности, разграничения рисков между участниками, базирующихся на заключении соглашения, в котором обеспечивается четкое разделение прав и обязанностей, соотношение рисков и выгод, распределение ресурсов и результатов, соответственно вкладываемых и получаемых каждой из участвующих сторон в течение оговоренного периода времени [4].

В практике экономической деятельности разных стран функционирует и развивается множество форм ГЧП, в том числе:

- контракты на осуществление общественно значимых видов деятельности, в том числе на поставку продукции, выполнение работ и оказание услуг для государственных нужд;
- договоры аренды (лизинга) по государственному имуществу;
- концессионные соглашения, заключаемые на строительство или модернизацию инфраструктурных объектов, когда объекты государственной собственности передаются в управление бизнес-структурам;
- соглашения о разделе продукции;
- совместные предприятия [5].

Также при рассмотрении различных организационных форм ГЧП можно использовать классификацию, разработанную Всемирным банком и включающую следующие группы:

- контракты по управлению и аренде (Management and Lease Contracts);
- концессионные соглашения (Concessions);
- гринфилд-проекты (Greenfield Projects, или проекты «с нуля»);
- передача собственности (Divestitures, или участие в капитале) [6].

В экономической литературе отмечается, что возможность привлечения финансовых ресурсов частного сектора в те сферы, развитие которых находится в ведении государства, однако при этом требует расходов, намного превосходящих возможности государственного бюджета, – это одно из важнейших преимуществ ГЧП. Такая ситуация характерна почти для всех инфраструктурных объектов, особенно стратегических объектов, которые не могут быть переданы в частную собственность по известным причинам [7]. Следовательно, ведущим мотивом для участия органов государственной власти в проектах ГЧП можно признать все возрастающую потребность в реализации социально значимых проектов, которые сложно осуществить в запланированные сроки только с помощью бюджетных средств, в предоставлении общественно значимых услуг (например, медицинских), за оказание которых государственные и муниципальные службы несут ответственность. Заинтересованы в развитии ГЧП и предприниматели, которые получают доступ в новые для них сферы экономики, прямую государственную поддержку, возможности долговременного размещения инвестиций под устраивающие гарантии и др. Население страны (особенно отдельных регионов) также заинтересовано в развитии различных форм ГЧП. При этом оно выступает, с одной стороны, в качестве потребителя, нуждающегося в более доступных и качественных

товарах и услугах, а с другой – как инвестор, поскольку получает возможность участвовать в реализации проектов ГЧП при помощи специально создаваемых финансовых механизмов [8].

Таким образом, ГЧП – это действенный инструмент, позволяющий преодолеть несовершенства рыночной системы хозяйствования и проблемы, возникающие при осуществлении прямого государственного регулирования. При реализации проектов ГЧП в результате совместного использования уникальных характеристик и преимуществ государственного и частного секторов экономики возникает своего рода синергетический эффект.

На сегодняшний день, если рассмотреть распределение реализуемых проектов ГЧП по разным отраслям экономики, оно довольно неравномерно. Так, наиболее широкое распространение данные проекты получили в сфере автодорожной инфраструктуры, причем как на федеральном уровне, так и на региональном и муниципальном. В рамках проектов ГЧП создаются также системы контроля безопасности правил дорожного движения, весогабаритного контроля, поддержания общественного порядка. Одной из привлекательных и перспективных с точки зрения дальнейшего развития механизмов ГЧП является отрасль здравоохранения, поскольку в ней гарантированы финансовые потоки, поступающие через систему обязательного медицинского страхования и от дополнительных платных услуг. Также необходимо отметить сферу жилищно-коммунального хозяйства (тепло-, водо-, электроснабжения, переработки твердых бытовых отходов) [9].

Развиваются различные формы ГЧП и в туристско-рекреационной сфере разных стран мира. В ряде публикаций отмечается, что актуальность внедрения механизмов ГЧП в туристско-рекреационной сфере России не вызывает сомнений [2, 10, 11]. При этом указывается, что в ходе развития практики ГЧП в данной области экономической деятельности сформировалось два основных направления:

- создание особых экономических зон туристско-рекреационного типа;
- формирование туристических (туристско-рекреационных) кластеров [10].

К основным предпосылкам обоснованности использования различных форм ГЧП в туристско-рекреационной сфере относятся:

- значимость социальной функции туристско-рекреационной деятельности;
- необходимость обеспечения устойчивого воспроизводства туристско-рекреационных ресурсов;
- высокий уровень капиталоемкости оказания туристско-рекреационных услуг;
- комплексный межотраслевой характер туристско-рекреационного обслуживания [12].

Особенностью туристско-рекреационной сферы является то, что возможность оказания качественных услуг во многом определяется уровнем развития инфраструктуры. Учитывая, что в течение последних лет в результате сокращения расходов государственного бюджета Российской Федерации наблюдалось снижение объемов государственных вложений в инфраструктуру, можно согласиться с утверждением, что «ГЧП остается одним из реальных инструментов вовлечения внутренних резервов в развитие общественной инфраструктуры и общего роста российской экономики в текущих условиях» [13]. Особенно это актуально для туристско-рекреационной сферы, поскольку формирование и развитие необходимой инфраструктуры является важным условием роста эффективности использования туристско-рекреационных ресурсов, совершенствования деятельности туристско-рекреационных организаций, а также создает мультипликативный эффект, стимулирующий развитие большого числа вспомогательных и обслуживающих отраслей из смежных секторов экономики. В результате создаются благоприятные условия для положительной динамики темпов развития региональной и национальной экономики в целом, а не только сектора, специализирующегося на оказании туристско-рекреационных услуг [14].

Сущность, специфика, рассмотренные выше преимущества, которые создает ГЧП для государства, бизнеса и населения, являются основой для его использования в качестве механизма решения важнейших задач инфраструктурного характера, необходимого для обеспечения эффективного функционирования и развития туристско-рекреационной сферы в Российской Федерации. Вместе с тем до настоящего времени этот механизм в полной мере не работает.

Ниже представлены некоторые проблемы, препятствующие эффективному использованию механизмов ГЧП для развития инфраструктуры в туристско-рекреационной сфере:

- недостаточно развитая практика оценки существующих мощностей инфраструктуры, их соответствия текущим потребностям и планирования (прогнозирования) перспективных потребностей в туристско-рекреационной инфраструктуре;
- несоответствие между существующими элементами бюджетной системы и теми формами финансирования, которые предпочтительны при реализации проектов ГЧП;
- недостаточный уровень проработки нормативной правовой базы, необходимой для успешной реализации проектов ГЧП в туристско-рекреационной сфере, на всех уровнях (федеральном, региональном, муниципальном);
- отсутствие системно проводимой государственной политики по управлению развитием ГЧП в туристско-рекреационной сфере России.

Решение перечисленных проблем позволит обеспечить более эффективную реализацию инфраструктурных проектов ГЧП в туристско-рекреационной сфере. Для этого необходимо сконцентрировать усилия на следующих важнейших направлениях:

- переход к системному проведению мероприятий по оценке и планированию (прогнозированию) развития туристско-рекреационной инфраструктуры;

- повышение эффективности управления проектами ГЧП в туристско-рекреационной сфере;
- повышение доступности финансирования, привлекаемого для реализации проектов ГЧП в туристско-рекреационной сфере;
- развитие нормативной правовой базы и совершенствование правоприменительной практики реализации проектов ГЧП в туристско-рекреационной сфере.

В заключение отметим, что эффективность взаимодействия государства и бизнеса в рамках ГЧП характеризуется в том числе уровнем социально-экономического развития как страны в целом, так и ее туристско-рекреационной сферы, перспективы привлечения инвестиций в социально значимые сегменты экономики. Развитие сотрудничества государства и предпринимателей является одним из важных направлений государственной политики в туристско-рекреационной сфере, ставящей своей основной целью повышение качества жизни граждан и обеспечение в связи с этим политической и экономической стабильности в стране. Все изложенное выше определяет актуальность дальнейшей разработки данного направления научных исследований.

Список использованных источников

1. Государственно-частное партнерство [Электронный ресурс] // М-во экон. развития Рос. Федерации. – Режим доступа: <http://economy.gov.ru/minrec/activity/sections/privgovpartnerdev/>. – Дата доступа: 07.02.2018.
2. Яковенко, О. В. Государственно-частное партнерство как одно из направлений развития туризма на федеральном и региональном уровнях [Электронный ресурс] / О. В. Яковенко, Г. С. Ферару // Региональная экономика и управление : электрон. науч. журн. – 2016. – № (45). – Режим доступа: <http://eee-region.ru/article/4504/>. – Дата доступа: 02.04.2018.
3. Савченко, И. И. Государственно-частное партнерство в России: современное состояние и проблемы развития / И. И. Савченко [и др.] // Изв. ДВФУ. Экономика и управление. – 2015. – № 1. – С. 99–112.
4. Ефимова, Л. И. Некоторые модели государственно-частных партнерств: тенденции и зарубежный опыт [Электронный ресурс] / Л. И. Ефимова. – Режим доступа: www.eatc.ru/rus/doc.id_71.book_1.php. – Дата доступа: 02.04.2018.
5. Яковлева-Чернышева, А. Ю. Современные тенденции формирования механизмов государственно-частного партнерства в санаторно-курортной сфере России / А. Ю. Яковлева-Чернышева // Вестн. Ун-та Рос. акад. образования. – 2017. – № 1. – С. 73–76.
6. Победин, А. А. Государственно-частное партнерство как инструмент управления социально-экономическим развитием муниципальных образований [Электронный ресурс] / А. А. Победин, Д. В. Федулов // Вопросы управления. – 2015. – Вып. 36. – Режим доступа: <http://vestnik.uapa.ru/ru/issue/2015/05/09/>. – Дата доступа: 02.04.2018.
7. Кудрявцева, Ю. В. Государственно-частное партнерство в сфере туризма как инструмент защиты национальных интересов страны / Ю. В. Кудрявцева // Власть. – 2013. – № 3. – С. 91–94.
8. Яковлева-Чернышева, А. Ю. Государственно-частное партнерство как инструмент оптимизации кластерного взаимодействия в рекреационной сфере / А. Ю. Яковлева-Чернышева // Транспортное дело России. – 2011. – № 1. – С. 120–122.
9. Ломовцева, О. А. Тенденции развития общественной инфраструктуры и механизмов государственно-частного партнерства в России / О. А. Ломовцева, О. А. Герасименко // Науч. ведомости Белгородского гос. ун-та. – 2016. – № 3. – С. 40–47. – (Серия «Экономика. Информатика»).
10. Дорожков, Н. Д. Развитие государственно-частного партнерства в сфере туризма / Н. Д. Дорожков, Ю. А. Купчинская // Бизнес-образование в экономике знаний. – 2016. – № 2 (4). – С. 20–24.
11. Булгакова, А. А. Интеграция возможностей саморегулируемых организаций и государственно-частного партнерства в развитии санаторно-курортных услуг [Электронный ресурс] / А. А. Булгакова // Теория и практика соврем. науки. – 2015. – № 6. – Режим доступа: http://modern-j.ru/osnovnoy_razdel__6_6_/. – Дата доступа: 02.04.2018.
12. Яковлева-Чернышева, А. Ю. Теоретико-методологические аспекты управления предпринимательством в санаторно-курортной сфере / А. Ю. Яковлева-Чернышева // Механизмы решения проблем социально-экономического развития : коллективная монография / под общ. ред. Г. Ю. Гуляева. – Пенза : Наука и просвещение, 2016. – С. 36–49.
13. Яковлева-Чернышева, А. Ю. Управление предпринимательством в рекреационном кластере : дис. ... д-ра экон. наук / А. Ю. Яковлева-Чернышева. – СПб., 2012. – 252 с.
14. Ганелин, М. Инфраструктура России. Инвестиции сократить нельзя увеличить. Обзор АО «Газпромбанк» [Электронный ресурс] / М. Ганелин, Я. Яковлев, М. Тайц // Газпромбанк. – Режим доступа: http://www.gazprombank.ru/upload/iblock/482/GPB_Infrastructure_update_250615.pdf. – Дата доступа: 02.04.2018.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ И РОССИЙСКАЯ СПЕЦИФИКА УПРАВЛЕНИЯ РИСКАМИ ИПОТЕЧНОГО КРЕДИТОВАНИЯ

Емельянов Антон Владимирович,
аспирант Международного инновационного университета,
Нижегородский институт, г. Нижний Новгород

Научный руководитель: *Смирнов Николай Александрович,*
доцент Международного инновационного университета,
Нижегородский институт, г. Нижний Новгород
кандидат экономических наук, доцент,

Ипотечное кредитование – один из наиболее обеспеченных и надежных видов кредитования в банковском секторе, однако в этой области существует множество рисков по целому ряду причин. Этим рискам подвержены как кредиторы и инвесторы, так и непосредственно заемщики, которые прибегают к ипотеке. В свете последних событий на мировом финансовом рынке анализ рисков ипотечного кредитования целесообразно провести в тесной связи с анализом кризиса ликвидности на рынке США и в целом мирового финансового кризиса. Это важно не только в аспекте влияния американского кризиса на мировые рынки, в том числе и рынок России, но и потому, что зарубежный опыт развития самой мощной системы ипотечного кредитования раскрывает причины, пути развития и изменения ипотечной системы.

Цель: изучение и обобщение международного опыта управления рисками ипотечного жилищного кредитования.

Информационная основа исследования: электронные ресурсы сети Интернет, научные публикации по вопросам ипотечного кредитования, приведенные в зарубежной и отечественной научной литературе, материалы, используемые финансовыми и кредитными институтами и органами государственного управления по развитию ипотеки.

Результаты исследования и их обсуждение. Риски можно разделить на несистематические и систематические. Несистематическими рисками называются риски, свойственные конкретной местной экономике. Большинство ипотечных рисков относятся к систематическим рискам. Систематические риски не носят специфического (индивидуального) или местного характера.

Заемщик как потребитель продукта ипотечного кредитования прежде всего подвержен рыночному риску. Этот вид риска может появиться при резком снижении цен на жилье. Для заемщика это плохо потому, что, приобретая в кредит дорогую квартиру, он рассчитывает, что ее стоимость по крайней мере не уменьшится за то время, пока он будет возвращать кредит. В противном случае переплата за квартиру будет слишком велика. Маловероятное, но возможное резкое падение цен на жилье – плохой вариант развития событий и для заемщика, и для кредитора. Заемщик должен выплачивать по кредиту больше, чем он рассчитывал, а банк в случае невозврата кредита не может в полной мере компенсировать свои потери путем продажи залоговой собственности. Подобная ситуация имела место на американском рынке. В конце 2006 года закончился бум на рынке недвижимости США и последовало резкое снижение цен на жилье. Зимой 2007 года в США начались проблемы с ипотечными кредитами, выданными неблагонадежными кредиторами по низким процентным ставкам. Согласно условиям кредитования американских банков, кредиторы позволяют сначала выплачивать невысокие платежи по ипотеке, но по истечении определенного периода размер ежемесячных платежей растет. Данная политика привела к тому, что для многих заемщиков платежи по кредитам стали непосильными. Падение цен на недвижимость с одновременным повышением инфляции в США и ставки рефинансирования привели к удорожанию стоимости кредитов и к последующим дефолтам по ипотеке. Летом 2007 года произошло немногим менее двухсот тысяч дефолтных случаев, что, по скромным оценкам, означает, что каждая семисотая семья в Соединенных Штатах Америки лишилась дома.

Ипотечный кризис США раскрывает сущность риска ликвидности, когда в результате неспособности исполнения своих обязательств перед клиентами, инвесторами и кредиторами закрылось три инвестиционных фонда, вскоре за ними последовали еще несколько. Около пятидесяти ипотечных организаций в Соединенных Штатах Америки прекратили свою деятельность. Необходимо отметить, что в нашей стране кризис ликвидности имеет противоположную схему – он становится не следствием ипотечного кризиса и высокими ипотечными рисками, а наоборот: падение цен на углеводороды, отток иностранного капитала, мировой кризис, падение уровня инвестиций, рост стоимости иностранной валюты по отношению к рублю, и другое увеличили риски в сфере ипотечного кредитования и банковской деятельности в целом.

Регулирование риска ликвидности осуществляется в законодательном порядке путем установления специальных нормативов и ограничения деятельности ипотечных кредиторов только низкорискованными операциями. Риск ликвидности является только риском кредитора и прямого отношения к заемщику не имеет [4].

Также заемщики подвергаются риску изменения валютного курса. Такой риск актуален только для валютных займов. Банк в этом случае ничем не рискует, основная доля риска ложится на плечи заемщика. Происходит это из-за того, что обязательства по кредитам рассчитываются в долларовом эквиваленте, а доходы заемщика в большинстве своем имеют рублевый номинал. Защитить свой доход,

направляемый на накопление первоначального взноса и на погашение кредита, от возможных резких колебаний валютного курса достаточно сложно. С этой задачей при необходимости лучше могут справиться специальные брокерские фирмы. В настоящее время такой риск до сих пор существует в России в связи с нестабильной ситуацией на рынке.

Российская специфика рисков ипотечного кредитования заключается в том, что большая часть объектов недвижимости, которая строится по ипотечным программам, не закончена к тем срокам, которые изначально оговорены в контракте. Риски, связанные с «затянувшейся стройкой», автоматически переключаются с инвестора (заемщика) на банк, который выдает ипотечный кредит. Учет этих рисков ипотечными банками является характерным для российской действительности. Другим специфическим моментом российской экономики, который имеет огромное влияние на риски кредитования при формировании ипотечных активов, является высокий уровень инфляции. Так, по данным Банка России, инфляция за 2015 год составляла 12,9 %, за 2016 год – 5,4 % и лишь в последнее время начала снижаться, составив за 2017 год 2,5 % [2]. Высокая инфляция влияет на межбанковскую учетную ставку, в результате чего ипотечный банк ежегодно теряет деньги.

Третьим важным моментом является то, что в России цены на недвижимость постоянно растут. Именно на этом построена политика ипотечного кредитования в нашей стране. Если в определенный момент стоимость жилья начнет резко падать, то ипотечные банки рискуют потерять большую часть своих денежных ресурсов. Процесс управления рисками включает определение видов рисков; количественную оценку, создание резерва на покрытие риска; анализ рисков и рассмотрение возможных вариантов минимизации вызванных ими потерь; формулирование политики по управлению рисками; осуществление провозглашенных мер, слежение за рисками, соблюдение заданных параметров [3]. От эффективного управления рисками, их сбалансированного распределения между субъектами ипотечного кредитования зависят надежность и устойчивость ипотечных кредитных институтов.

В настоящее время Банк России, при формировании ограничений банковских рисков, ориентируется на опыт банковских систем развитых стран. В основе зарубежных систем управления банковскими рисками лежат определенные стандарты, коэффициенты, которых должен придерживаться банк для достижения максимальных результатов. Международный опыт в области построения эффективных систем банковского надзора представляется в значительной мере оправданным. С целью стимулирования должного управления рисками надзорные органы многих стран ввели определенные требования к достаточности капитала. Принципы базельского комитета подчеркивают обязанность органа банковского надзора устанавливать минимальные требования к достаточности капитала банков. Во всех странах, применивших стандарт достаточности капитала, показатели достаточности капитала с учетом риска существенно возросли. Данный стандарт играет важнейшую роль с точки зрения обеспечения финансовой стабильности, надежного функционирования банковских систем. За прошедшие полтора десятилетия он широко внедрялся в странах с развивающейся и переходной экономикой. Так как экономика в таких странах работает более эффективно, появилась необходимость повысить минимальное значение достаточности капитала с 8 до 15 %. Российские нормативы кредитного риска следуют основам регулирования деятельности национальных банковских систем западных стран.

Так, например, в Италии в целях сокращения кредитных рисков установлен ряд ограничений в области кредитования: банки имеют право предоставлять одному или группе связанных заемщиков ссуды в размере, не превышающем 25 % капитала банка. Кроме этого, для эффективного управления кредитным риском иностранные банки используют систему сбора информации о кредитоспособности клиентов, а также сведений о полученных и не погашенных ими кредитах. Например, во Франции такая система позволяет получить информацию о заемщике и о уже имеющейся у него общей сумме кредитов. Всякий банк, желающий получить информацию о клиенте, перед тем как выдать или увеличить ему сумму кредита, вправе обратиться за услугами к этой службе. Система позволяет более эффективно регулировать риск невозврата денежных средств.

Политика кредитного учреждения и государства в области ипотечных стандартов, политика создания потенциально безрисковых активов не менее важна в вопросах уменьшения кредитного риска. Параметры базового кредита должны соответствовать общепринятым стандартам: общей сумме кредита, объему первичного платежа за недвижимость, доходам, минимальному стажу работы на последнем месте, возрасту заемщика и т. д. Правильно установленные стандарты значительно снижают кредитный риск и повышают уровень возвратности кредита. При этом необходимо отметить, что жесткие критерии выбранных стандартов значительно снижают доступность кредита, тем более в инфляционных условиях. Здесь должна быть выбрана оптимальная золотая середина, которая не может быть постоянной, а должна меняться в соответствии с экономическими изменениями. Один из общегосударственных обязательных стандартов, установленных в США, – коэффициент кредитоспособности (доступности кредита). Этот коэффициент показывает максимально допустимые пределы (рамочные стандарты) отношений полных затрат заемщика на жилье (взносы за кредит и оплата всех жилищных услуг, включающая коммунальные платежи, арендную плату, налоги на недвижимость) к общим семейным доходам. Общепринятый стандарт – 28 – 30 %. В мировой практике существует еще один важный показатель надежности и доступности ипотечного кредита, который выражает отношение стоимости недвижимости к годовому доходу семьи – коэффициент ОЦД. В странах сбалансированной рыночной экономики этот показатель в пределах 3 – 4, в высокоразвитых странах – 2 – 3,5. В целом считается, что рынок жилья и рынок ипотечного кредита могут нормально функ-

ционировать, если коэффициент ОЦД не превышает 4,5. Коэффициент, характеризующий отношение стоимости жилья к совокупному семейному годовому доходу в России, высок из-за искаженной стоимости жилья, достаточно сильно приближенной к западным ценам и в ряде случаев превышающей их, и крайне низких доходов граждан. В настоящее время в России данный показатель не может выдержать критики, так как он более чем в 10 раз выше средних рыночных показателей. Более точно этот показатель рассчитывается, исходя из средней стоимости приобретаемой недвижимости, которая варьирует в пределах 1:10 [1].

В дополнение можно отметить, что кредитные риски увеличиваются или уменьшаются в зависимости от многих других критериев и показателей. В частности, это виды собственности на недвижимость, принадлежность заемщиков к той или иной профессии. Банк оценивает риски относительно каждого клиента. Особое внимание обращается на сумму накоплений клиента по отношению к его среднемесячному заработку, наличие ценных активов, которые возможно продать в целях погашения кредита в случае потери места работы. Также банк имеет возможность применять индивидуальные меры по снижению рисков конкретного заемщика, например: дополнительное страхование собственности в случае зависимости источника доходов от указанной собственности, установление индивидуальных предельных коэффициентов, увеличение суммы первоначального взноса и т. д.

Таким образом, рынку ипотечного кредитования, безусловно, свойственны классические риски. Однако с учетом специфики данного сектора управление рисками ипотечных активов требует пристального изучения и глубокого понимания процессов, происходящих на мировом рынке. В свою очередь, опыт регулирования банковских систем зарубежных стран наглядно показывает несостоятельность подхода, делающего акцент на выделении приоритетных сфер банковской деятельности. Установление Банком России единых требований к банкам по соблюдению обязательных нормативов для создания условий устойчивого развития и стабильного функционирования банковского сектора в настоящее время представляется оправданным.

Список использованных источников

1. Фальковский А. В. Риски кредитования и диверсификация ипотечных активов / А. В. Фальковский // Бизнес: Экономика, маркетинг, менеджмент. – 2014. – № 3. – С. 21–28.
2. Инфляция на потребительском рынке: информационно-аналитический материал [Электронный ресурс] // Банк России. – 2018. – № 1. – Режим доступа: http://www.cbr.ru/statistics/inf/Infl_01012018.pdf?pid=macro&sid=inf. – Дата доступа: 03.04.2018.
3. Берестова, Ю. С. Риски ипотечного кредитования: причины, последствия и способы их минимизации / Ю. С. Берестова // Вестн. Челябинского гос. ун-та. – 2009 – № 1. – С. 81–88.
4. Журавлев, В. А. Риски на рынке ипотечного кредитования // В. А. Журавлев / Социально-экономические и технические системы: исследование, проектирование, оптимизация. – 2007. – № 1. – С. 12.

ПОНЯТИЕ ФИНАНСОВОЙ БЕЗОПАСНОСТИ МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Ковеза Богдан Тарасович,
аспирант Международного инновационного университета, г. Сочи

Научный руководитель: *Зайков Владимир Полиевктович,*
профессор кафедры экономики, информационных и технических дисциплин
Международного инновационного университета, г. Сочи,
доктор экономических наук, доцент,

С общих позиций, под финансовой безопасностью понимается создание и проявление таких финансовых условий, которые бы гарантированно обеспечивали формирование и движение общественного продукта при нормальном функционировании системы управления национальной экономикой. В научной публикации [1] нами рассмотрены различные варианты классификации финансовой безопасности: не только по виду создаваемого общественного продукта, но по специфичным признакам (субъект финансовых отношений, участник финансового рынка, направление государственной финансовой политики и т. д.). В развитие видовой классификации и в целях выяснения специфики понятия «финансовая безопасность» в настоящей статье рассматриваются данный термин применительно к объекту исследования – «муниципальное образование».

Актуальность исследования финансовой безопасности территориальных образований, и в частности муниципальных, обуславливается ярко выраженной территориальной спецификой, влияющей в совокупности на уровень финансовой безопасности (географическое положение рассматриваемой территории, климатические условия, наличие (отсутствие) природных ресурсов, полезных ископаемых численность населения и уровень его благосостояния, наличие в регионе (муниципальном образовании) ведущих (градообразующих) предприятий, деловая активность бизнеса, развитость транспортной (финансовой, инженерной, социальной) инфраструктуры и т. д. В плане обеспечения финансовой безопасности муниципального образования на должном уровне перед органами местного самоуправления ставится задача финансового обоснования объема

требуемого местного бюджета и выработки эффективных мер по его наполнению, а также организация муниципального финансового контроля по эффективному использованию сформированных бюджетно-финансовых ресурсов. Стратегическое обеспечение финансовой безопасности муниципального образования позволяет достигать в долгосрочном периоде стабильно высоких темпов социально-экономического развития, повышать качество оказываемых муниципальных услуг, поддерживать необходимые условия для осуществления малого и среднего бизнеса, обеспечивать рост инвестиционной привлекательности рассматриваемой территории. Однако на практике реализация мер по достижению такой стратегической цели сопровождается большими сложностями, вызванными несовершенством нормативно-правовой базы местного самоуправления, отсутствием грамотной, четко продуманной муниципальной финансовой политики (особенно в части ее налоговой составляющей), несовершенством применяемых инструментов межбюджетного регулирования и т. д. Отметим, что и теоретико-методологический базис для обоснования этих мер, обеспечивающих финансовую безопасность муниципальных образований, в настоящее время развит недостаточно. Единая концепция финансовой безопасности отечественных муниципальных образований отсутствует, а в научных публикациях задача обеспечения финансовой безопасности зачастую не имеет четкого выражения и подменяется уже известными подходами в области формирования местного бюджета и его оценки с помощью бюджетных индикаторов (показателей).

Тем не менее, попытки концептуального осмысления понятия финансовой безопасности муниципального образования рядом авторов все же предпринимаются. Например, в [2] анализируется финансовая безопасность муниципального образования как противостояние внешним финансовым угрозам России и предлагается механизм «комплексного обеспечения финансовой безопасности», включающий три основных элемента:

- финансовый потенциал муниципального образования;
- инструменты бюджетного федерализма;
- методы управления денежно-кредитной сферы.

Данная позиция разделяется рядом других авторов, высказывающих тезис о необходимости создания системы национальной экономической безопасности, которая формировалась бы «индуктивным методом от муниципальной безопасности к региональной» и в дальнейшем интегрировалась бы в национальную экономическую безопасность [3, с. 18]. На наш взгляд, такая позиция представляется дискуссионной.

Действительно, отдельно взятые регионы в силу своей достаточной экономической развитости, выделяются лучшим социально-экономическим положением (такие как Москва, Санкт-Петербург, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, Московская область, Республика Татарстан [4]) и могут в определенной мере влиять на общий уровень экономической и в целом финансовой безопасности Российской Федерации, оставаясь при этом финансово-устойчивой, независимой территорией, способной эффективно нейтрализовать внешние и внутренние финансовые угрозы. Но заметим, таких регионов не так уж и много – 10 – 15. Что же касается муниципальных образований, то полномочия и бюджетно-финансовые ресурсы, которыми обладают органы местного самоуправления, существенно меньше по сравнению с региональными, следовательно, воздействовать на национальную финансовую безопасность им гораздо сложнее. С другой стороны, справедлив тезис о том, что в целях обеспечения устойчивых темпов социально-экономического развития в России необходимо поддерживать высокий уровень финансовой безопасности всех территориальных единиц (субъектов РФ, муниципальных образований) на всех звеньях государственного и муниципального управления.

В аналитической оценке финансовой безопасности муниципального образования часто используются бюджетные индикаторы-показатели, такие как индикаторы доходного потенциала, бюджетной обеспеченности [5; 6, с. 122–125], а для определения типа финансовой безопасности – ряд численных показателей бюджетной устойчивости (соотношение темпов роста налоговых и неналоговых доходов и безвозмездных поступлений, коэффициенты бюджетной автономии и бюджетного покрытия) [7]. Финансовая устойчивость местного бюджета, таким образом, рассматривается авторами в «неразрывной связи» с финансовой безопасностью, при этом степень этой устойчивости предлагается определять рядом качественных критериев и индикаторов состояния бюджета (сбалансированность доходов и расходов бюджета, бюджетная самостоятельность, бюджетная платежеспособность и т. д.).

Нами предлагается в дополнение к «чисто бюджетным» показателям оценки использовать показатели инвестиционного свойства, полагаем, что именно они непосредственным образом, количественно определяют уровень финансовой безопасности муниципальных образований. Кроме того, следует учитывать тот факт, что большинство российских муниципальных образований, не имея достаточной собственной финансовой базы, хронически испытывают недостаток финансирования бюджетных расходов на местную экономику, и выходом из этой ситуации в условиях снижающегося объема субсидирования из вышестоящего бюджета могут быть инвестиции. По нашему мнению, в числе основных показателей финансовой безопасности инвестиционной группы, должны иметь место:

- объем инвестиций в основной капитал муниципальных предприятий инженерной инфраструктуры;
- динамика инвестиций в развитие предприятий ведущих отраслей местной экономики;
- ввод в действие новых социальных объектов (учреждений образования, здравоохранения, центров комплексного социального обслуживания и т. д.);
- динамика инвестиций в реконструкцию объектов жизнеобеспечения;

- объемы и динамика финансового инвестирования (акции, корпоративные облигации) муниципальных предприятий;
- количество и объемы финансирования региональных инвестиционных проектов в развитие муниципального образования.

Комментируя последний пункт, отметим, что в целях создания благоприятных финансовых условий для осуществления инвестиционной деятельности и поддержки новых предприятий сравнительно недавно в российскую экономическую практику введено понятие «региональный инвестиционный проект». Участник (им может быть и муниципальное предприятие) вправе применять к налоговой базе по налогу на прибыль пониженные ставки:

- в федеральный бюджет в течение 10 лет – 0 %;
- в бюджеты субъектов РФ в течение 5 лет – не более 10 %;
- в течение следующих 5 лет – не менее 10 %.

Заметим, что указанные налоговые преференции будут действовать для участников региональных инвестиционных проектов до 01.01.2029 и, безусловно, будут способствовать повышению уровня финансовой безопасности муниципальных образований, в которых функционирует такой участник проекта (предприятие).

В завершение отметим, что, изучая проблему финансовой безопасности муниципальных образований, необходимо обратить внимание на то, что приоритетной стратегической задачей органов местного самоуправления является обеспечение устойчивых темпов социально-экономического развития. В этой связи местным органам власти необходимо уделять как можно больше внимания практическому решению проблемы обеспечения финансовой безопасности муниципального образования в рамках своих полномочий и использовать все возможности для расширения местной финансовой базы и привлечения инвестиционных ресурсов.

Список использованных источников

1. Зайков, В. П. Понятие финансовой безопасности: классификация, направления развития, инвестиционно-налоговый аспект / В. П. Зайков, Б. Т. Ковеза // Вестн. ун-та Рос. акад. образования. – 2017. – № 3. – С. 74–81.
2. Беркимбаев, Р. Б. Финансовая безопасность местного самоуправления – основа национальной безопасности [Электронный ресурс] / Р. Б. Беркимбаев // КиберЛенинка. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/finansovaya-bezopasnost-mestnogo-samoupravleniya-osnova-natsionalnoy-bezopasnosti>. – Дата доступа: 10.03.2018.
3. Руденко, М. Н. Роль и место экономической безопасности муниципального образования в современной экономической системе России / М. Н. Руденко, М. В. Шляпина // Экономическая безопасность: проблемы, перспективы, тенденции развития : материалы Междунар. науч.-практ. конф., 15 дек. 2014 г. : в 2 ч. / Перм. гос. нац. исслед. ун-т. – Пермь, 2014. – Ч. 1. – 454 с.
4. Рейтинг социально-экономического положения субъектов Рос. Федерации по итогам 2016 года [Электронный ресурс] // Россия сегодня. – Режим доступа: <http://rating.ru/regions/20170530/630063754.html>. – Дата доступа: 10.03.2018.
5. Никифорова, А. А. Факторы финансовой устойчивости и безопасности местного бюджета : автореф. ... дис. канд. экон. наук / А. А. Никифорова. – Волгоград, 2007. – 26 с.
6. Вареникова, А. Ю. Исследование финансово-бюджетной безопасности муниципального образования / А. Ю. Вареникова // Проблемы управления безопасностью сложных систем : Труды XXI Междунар. конф. / под ред. Н. И. Архиповой, В. В. Кульбы. – М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2013. – 550 с.
7. Абрамова, Д. С. Проблемы обеспечения финансово-бюджетной безопасности муниципального образования [Электронный ресурс] / Д. С. Абрамова, Н. Б. Дворядкин // Теория и практика современной науки. – 2017. – № 2 (20). – Режим доступа: <http://www.modern-j.ru>. – Дата доступа: 10.03.2018.

СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ ОРГАНИЗАЦИИ

Марусич Виолетта Юрьевна,
преподаватель кафедры менеджмента
Института экономики и управления
Северо-Кавказского федерального университета, г. Ставрополь

Научный руководитель: *Елена Юрьевна Шацкая,*
кандидат экономических наук, доцент

Персонал является одним из наиболее сложных объектов управления в организации, так как в отличие от материальных факторов производства персонал владеет возможностью принимать решения и давать критическую оценку предъявляемым к нему требованиям. Персонал также имеет личные интересы и крайне чувствителен к управленческим воздействиям, реакция на которые не определена.

Система управления персоналом – это совокупность приемов, методов, технологий организации работы с персоналом [2, с. 42].

Существуют различные модели построения системы управления персоналом в организации. Применение той или другой модели для конкретной организации зависит от ее организационной структуры. Организационная структура определяет взаимоотношение между функциями, исполняемыми сотрудниками организации, а также выражается в таких формах, как разделение труда, создание специализированных подразделений, иерархия должностей и т. д.

Организационная структура системы управления персоналом – это совокупность взаимосвязанных подразделений данной системы и должностных лиц [1, с. 18].

Подразделения выполняют разнообразные функции, их совокупность составляет службу управления персоналом (кадровую службу). Роль и место службы управления персоналом в структуре всей организации определяется ролью и местом каждого специализированного подразделения данной службы, а также организационным статусом ее прямого руководителя.

Особенности развития системы управления персоналом, ее роль в организационной системе устанавливают характеристики ее главных факторов: объекта и субъекта, целей системы, ее функций и структуры [5, с. 633].

Объекты системы управления персоналом:

- работники;
- рабочие группы;
- трудовой коллектив.

Субъекты системы управления персоналом:

- функциональный управленческий персонал;
- линейный управленческий персонал.

Первоначальным этапом проектирования и создания системы управления персоналом организации является формулировка целей данной системы. Для разных организаций цели системы управления персоналом имеют различия в зависимости от характера деятельности организации, объемов производства, стратегических задач и т. д. Обобщение опыта зарубежных и отечественных организаций позволяет выразить главную цель системы управления персоналом организации как обеспечение организации персоналом, его эффективное использование, профессиональное и социальное развитие [1, с. 56].

Анализируя совокупность организационных целей, можно выделить следующие категории целей организации: экономические, научно-технические, коммерческо-производственные и социальные.

Экономические цели обращены на достижение расчетной величины прибыли.

Научно-технические цели связаны с обеспечением заданного научно-технического уровня продукции, а также с повышением производительности труда за счет совершенствования технологий.

Производственно-коммерческая цель связана с производством и реализацией продукции в объемах, необходимых для получения планового уровня прибыли.

Социальные цели организации заключаются в достижении заданного уровня удовлетворенности работников.

На основании принятых целей формируется набор задач, которые подразумевают мотивацию, обучение сотрудников и использование других технологий.

Работа с кадрами должна вестись постоянно, чтобы можно было вовремя набирать нужных сотрудников, проводить ротацию, обнаруживать проблемы демотивации. В противном случае на предприятии снижается эффективность, в том числе и по причине падения производительности труда [4, с. 47].

Как правило, организации, нацеленные на реализацию функций управления персоналом, включают в себя подсистему линейного руководства организации, а также ряд функциональных подсистем управления персоналом (например, подсистема найма, подсистема обучения и развития и т. д.).

В рамках подобной системы происходит учет взаимосвязей между отдельными аспектами управления персоналом, который выражается в разработке конечных целей управления персоналом организации, в определении путей их достижения, а также в создании соответствующего механизма управления, обеспечивающего комплексное планирование и организацию управления персоналом организации.

Функции, которые должна реализовать система по управлению персоналом, близко переплетены между собой.

Если стратегия на предприятии определена, тогда и функции будут более эффективны. Функции бывают:

- функция планирования персонала;
- управления наймом и учетом персонала;
- оценки, обучения и развития персонала;
- управления мотивацией персонала;
- управления социальным развитием;
- правового обеспечения управления персоналом;
- информационного обеспечения управления персоналом;
- обеспечения нормальных условий труда;
- линейного руководства.

Иногда реализация перечисленных функций на предприятии выполняется разными службами. Например, необходимые задачи осуществляют отдел кадров, учебный центр, отдел по начислению заработной платы и т. д. [3, с. 15].

Таким образом, правильно спроектированная система управления персоналом, учитывающая специфику работы организации и текущую экономическую ситуацию, считается одним из ключевых факторов, способствующих достижению поставленных компанией целей. XX в. стал веком постепенного выявления и осознания роли такого мощного фактора управления, как персонал. Все виды ресурсов в организации являются по своей природе ограниченными. Но время выявило уникальную особенность фактора персонала – его потенциал практически неограничен, и благодатной задачей руководства любой организации является его постоянное раскрытие и развитие [5, с. 632].

Список использованных источников

1. Банько, Н. А. Управление персоналом / Н. А. Банько // Волгоград : ВолгГТУ, 2016. – 96 с.
2. Горбатова, М. И. Методы управления персоналом / М. И. Горбатова. – Кемерово : Юнити, 2008. – 155 с.
3. Иванова-Швец, Л. А. Управление персоналом / Л. А. Иванова-Швец. – М. : ЕАОИ, 2008. – 200 с.
4. Филин, С. Управление человеческими ресурсами / С. Филин // Алматы : Ин-т директоров, 2011. – 209 с.
5. Настинова, Ц. С. Управление персоналом в современных условиях / Ц. С. Настинова // Молодой ученый. – 2016. – № 8. – С. 632–634.

ВОЗМОЖНОСТИ СОВМЕСТНОГО ПРИМЕНЕНИЯ LEAN И AGILE В ЛОГИСТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ОРГАНИЗАЦИИ

Павлович Марина Ивановна,
научный сотрудник центра частноправовых и социально-экономических исследований
НИИ TiCO Международного университета «МИТСО», г. Минск,
магистр экономических наук

Lean (англ. «бережливый») и Agile (англ. «гибкий») – самостоятельные концепции оптимизации издержек и организации гибкого управления любыми процессами или явлениями, в основе которых лежит поток.

В 1999 году американский ученый Дж. Б. Нейлор предложил комбинированную концепцию, объединившую в себе гибкость Agile и бережливость Lean, – Leagile. Парадигма «гибкой бережливости» Leagile, как и ее основообразующие элементы, изначально была сформулирована для сферы производства. Дальнейшее исследование Lean, Agile и Leagile в более чем 200 трудах западных ученых было сосредоточено на определении линии «водораздела» между элементами бережливости и гибкости:

- могут ли Lean и Agile применяться одновременно в различных бизнес-процессах организации или в рамках одного процесса, но на разных этапах;
- на каких стадиях жизненного цикла продукта и для каких продуктов (стандартизированных или инновационных) целесообразно применять Lean, Agile или их комбинацию.

В результате в научной среде сформировались различные взгляды на возможность совместного применения концепций Lean и Agile ввиду свойственной каждой из них специфики.

Приоритетом концепции бережливости Lean является снижение потерь, в том числе прямых и альтернативных издержек и любой не создающей ценность деятельности, а также повышение точности прогнозирования спроса для поддержания высокого уровня сервиса. Тогда как концепция Agile, впервые появившаяся в среде разработки программного обеспечения, предполагает мгновенную адаптацию к изменчивым характеристикам спроса и подвижной, динамичной макросреде. Наиболее показательным примером потенциальной конфронтации, которая может возникнуть вследствие концептуальных отличий Lean и Agile, являются гибкий и бережливый подходы к управлению запасами.

Мгновенное удовлетворение спроса по Agile требует поддержания высокого уровня текущих запасов, а устранение потерь (в том числе издержек иммобилизации капитала в запасах) по Lean предполагает применение механик JIT (англ. just-in-time – поставка точно в срок), MTO (англ. made-to-order – производство/поставка под заказ) и даже транзитных поставок и полного отказа от создания запасов.

Аналогично поддержание высокого уровня сервиса по Agile связано с дополнительными издержками (транспортными, складскими, транзакционными), то есть экономический результат обеспечивается за счет привлечения дополнительных ресурсов, в то время как Lean стремится повысить производительность существующей ресурсной базы и устранить потери ресурсов. Таким образом, в основе Agile и Lean лежат, по сути, противоположные подходы к организации цепи поставок – экстенсивный и интенсивный соответственно.

По мнению Ригби [1, с. 27], элементы концепции бережливости позволяют обеспечить потребителей продукцией высокого качества (благодаря снижению производственного брака и улучшению технологий)

и по низким ценам (благодаря снижению себестоимости за счет устранения непроизводительной деятельности и потерь ресурсов); Agile, в свою очередь, способна обеспечить организации преимущество в конкурентной борьбе за потребительский сегмент со специфическими нуждами (повышенными требованиями к уровню обслуживания или к степени кастомизации продукта) и высокой платежеспособностью спроса [2, с. 9–10].

При таком разграничении предметных областей элементы Lean и Agile, по мнению Ригби, не вступают в конфронтацию в процессе управления цепью поставок.

В отличие от Ригби, Санчез и Наги [3, с. 357] видят Lean и Agile на различных уровнях управленческой иерархии: Lean – это набор тактик продуктивного использования ресурсов, а Agile – стратегия функционирования в условиях непрогнозируемой или сложно прогнозируемой конъюнктуры рынка.

Таким образом, Санчез и Наги устанавливают отношения подчинения между Lean и Agile, представляя Lean инструментом реализации Agile-стратегии.

Кристофер [4, с. 41–42] оспаривает утверждение, что концепция Lean единственно применима в условиях стабильного спроса, а значит, высокой релевантности его прогнозов. Откуда следует, что в интерпретации Кристофера Lean и Agile становятся конкурирующими управленческими парадигмами, и безусловное конкурентное преимущество при прочих равных имеет та из них, которая способна обеспечить более быстрый отклик на изменение качественных и количественных характеристик спроса – Agile.

В то же время на практике условие «прочих равных» не соблюдается, а релевантность той или иной парадигмы, по Кристоферу, определяется существующей бизнес-стратегией организации, ее позицией на рынке, уровнем информационной энтропии в системе, а также степенью вовлеченности потребителя в процесс создания ценности.

В современных научных исследованиях западной школы рассматривается возможность применения элементов гибкости и бережливости для управления не только материальным, но и сопутствующим ему информационным потоком.

«Линией водораздела» в этом контексте могут стать подразделения одного предприятия (Agile-ориентированный отдел продаж и сервисное бюро против Lean-ориентированного производства и финансового департамента) или фокусная организация и другие участники цепи поставок. Так, Наим и Гослинг [5, с. 347] выделяют два типа отношений Lean и Agile в цепи поставок на уровне участников макрологистической системы:

- Agile-поставщик и Lean-снабжение (в фокусной организации);
- Lean-поставщик и Agile-снабжение (в фокусной организации).

Отечественные и иные русскоязычные авторы не проводят декомпозицию концепции Leagile и не устанавливают отношений соподчинения, противоположности или противоречия между Lean и Agile как элементами концепции. Тогда как подобная декомпозиция позволила бы объяснить и избежать ошибок внедрения концепции, найти применение Leagile в других областях хозяйственной деятельности или в новых условиях макросреды.

Более того, если разработке проблемы бережливого производства и обобщению существующих практик Lean Production посвящено определенное число научных работ, то проблема применения концепции Lean в дистрибуции и на уровне всей цепи поставок не освещена ни в одном фундаментальном труде отечественных авторов. Отдельные аспекты концепции гибкого управления Agile в цепи поставок рассматриваются в работах В. И. Сергеева («динамические цепи поставок»), Д. А. Иванова («адаптивные цепи поставок»), О. Б. Маликова («эластичные цепи поставок»), датированных началом 2000-х и в дальнейшем не актуализированных.

Чтобы понять, за счет чего достигается синергетический эффект от совместного применения бережливого и гибкого подхода в управлении цепью поставок, и максимизировать этот эффект, рассмотрим подробнее основные компоненты концепций Lean и Agile.

Термин «Lean production» («тощее/бережливое производство») впервые был предложен Джоном Крафчиком в его труде «Машина, которая изменила мир» (1990 год) для обозначения особого подхода к производству, разработанного компанией «Тойота» и существенно отличавшегося от подхода, применяемого крупными американскими автопроизводителями. Тем не менее, основные принципы бережливого производства начали формироваться еще задолго до возникновения термина «Lean production».

В 1913 году Генри Форд создал первую в мире модель производственного потока, в основу которого легло перемещение обрабатываемого изделия между процессами с использованием конвейера. Форд был первым, кто заявил о существовании прямой зависимости между скоростью процесса и величиной производственных затрат и предположил, что запасы, замедляя скорость процесса, вызывают потери как самих ресурсов, вовлеченных в него, так и прибыли, которая могла бы быть получена при своевременном прохождении ресурсов по потоку.

Понятие операций, не создающих ценность, было предложено инженером и ученым Фрэнком Гилбертом, заметившим, как каменщик, возводящий стену, производит дополнительное действие, значительно замедляющее основной процесс: наклоняется, чтобы взять следующий кирпич. Выдвинутое Гилбертом предложение складывать кирпичи на тумбу рядом с рабочим стало решением проблемы оптимизации трудозатрат и привело почти к трехкратному увеличению скорости выполнения работы. Впоследствии понятие деятельности, потребляющей ресурсы (материальные, временные, финансовые), но не создающей ценность, легло в основу термина «muda» в концепции Lean.

В 1934 году в Японии репрофилирование текстильной фирмы «Тойода» в автопроизводителя «Тойота» стало отправной точкой разработки принципов Lean и самой концепции бережливого производства

в том виде, в котором они известны в настоящее время. Кардинальная смена профиля деятельности компании заставила ее руководство создать принципиально новую систему менеджмента качества, основанную на непрерывном изучении и совершенствовании каждой стадии производственного процесса. Данная политика реализовывалась на практике группами специалистов, получившими название «кайдзен»-групп. Позже понятием «кайдзен» в концепции Lean назовут непрерывное совершенствование деятельности с вовлечением всего персонала в постоянную работу по сокращению потерь – «muda».

Lean-принципы справедливо считать принципами антикризисного управления не только ввиду их природы, но и предпосылок, обусловивших их окончательное формирование и внедрение в хозяйственную практику.

В середине XX в. в послевоенной Японии платежеспособный спрос населения объяснимо снизился и продолжал свои негативные тенденции. Единственным выходом из ситуации стало бы снижение себестоимости, а единственной возможностью такого снижения в условиях огромной импортной зависимости был эффект масштаба, недостижимый при существовавшем уровне покупательной способности населения.

В поисках решения данной проблемы для своего предприятия Таиши Оно, основатель компании Тойота, посетил США и, ознакомившись с системой работы местных супермаркетов, пришел к выводу, что производство продукции должно основываться не на планируемых объемах продаж (push-стратегия, выталкивание), а на реальном спросе (pull-стратегия, вытягивание).

Именно Таиши Оно объединил все передовые методы повышения эффективности производства и построил собственную уникальную систему, получившую название «Производственная система Тойота», или «Toyota Production System» (TPS), которая наряду с принципом JIT («точно-в-срок») и другими методами эффективного производственного менеджмента легла в основу концепции Lean.

Таким образом, несмотря на то, что именно Производственную систему Тойота считают фундаментальной основой концепции Lean, на формирование принципов бережливости оказали влияние идеи теоретиков и практиков в различных областях – от производства и торговли до психологии менеджмента и организации труда [6, с. 64–66]. Это предопределило универсальность Lean-принципов и позволило концепции бережливости выйти за границы производственного звена, в смежные области хозяйственной деятельности и качественно иные системы (IT, здравоохранение, финансовый сектор).

Таким образом, Lean – это концепция менеджмента, нацеленная на рациональное сокращение размеров производственного заказа, снижение себестоимости, устранение потерь материальных, финансовых, временных и трудовых ресурсов, повышение производительности труда и качества продукции через повышение квалификации персонала и внедрение гибких производственных технологий.

Комплексность инструментария концепции Lean и междисциплинарность ее теоретических основ предопределили возможность применения Lean-практик за пределами производственного звена.

Концепцию Lean и Agile объединяет их производственный характер, однако в отличие от Lean, возникшей в сфере материального производства, Agile берет свое начало в сфере разработки программных продуктов. Благодаря универсальному характеру методологического аппарата, как и Lean, Agile сегодня находит применение в различных областях хозяйственной деятельности.

Методологический аппарат Agile включает набор принципов функционирования гибкой системы и ее базовых ценностей. Интерпретация принципов Agile без привязки к предметной области (в оригинале – разработке ПО) приведена ниже:

- наивысший приоритет – удовлетворение потребностей клиента;
- готовность к изменениям на любой стадии выполнения заказа;
- регулярная актуализация продукта;
- взаимодействие с клиентом на всех стадиях выполнения заказа;
- делегирование полномочий, аутсорсинг;
- единая информационная среда для всех участников процесса;
- главная метрика эффективности – качество продукта и сервиса;
- масштабируемость и открытость системы для новых участников;
- внимание к техническому совершенству и качеству проектирования системы;
- минимизация лишней работы;
- самоорганизация внутренних участников системы;
- регулярный контроллинг операций и процессов.

Данные принципы гибкого функционирования в условиях подвижной макросреды и изменчивого покупательского спроса развивают в себе четыре главные ценности Agile:

- приоритет человеческого капитала перед основным и оборотным;
- приоритет качества продукта и сервиса;
- вовлеченность потребителя в процесс создания ценности;
- готовность к изменениям.

Как производственная концепция Agile оформилась в конце 90-х гг. XX в. и долгое время рассматривалась в качестве альтернативы Lean.

Группа британских исследователей во главе с Мартином Кристофером (Крэнфилдский университет) переосмыслила элементы концепции в контексте управления цепями поставок, определив Agile как набор

бизнес-практик, организационных структур, информационных систем, логистических процессов и операций, а также мировоззрений [4, с. 44].

Основная характеристика, которой можно описать Agile-ориентированную систему, – это гибкость (адаптивность, реактивность).

Гибкость (отзывчивость, адаптивность) цепи поставок предполагает своевременную реакцию соответствия на качественные и количественные изменения спроса. В этом смысле приоритетом в Agile является не эффективность (efficiency), которая достигается за счет снижения издержек (устранения потерь), а результативность (effectiveness), под которой понимается факт доступности продукта, соответствующего требованиям клиента к количеству, качеству и времени выполнения заказа [4, с. 37].

Таким образом, Кристофер и его соавторы противопоставляют концепцию гибкости Agile концепции бережливости Lean, нацеленной на повышение рентабельности операций и процессов.

Составными элементами Agile и одновременно характеристиками, по которым производится экспертная оценка адаптивности цепи поставок, являются:

- бдительность (alertness);
- доступность (accessibility);
- решительность (decisiveness);
- оперативность (swiftness);
- маневренность (flexibility) [6].

Бдительность (alertness) в методологии Agile является обязательным условием реактивности цепи поставок: прежде чем реагировать на изменения среды, их необходимо констатировать и идентифицировать.

На практике рыночная бдительность предполагает отслеживание сезонных и других тенденций спроса, закономерностей потребления продукта, а также получение и анализ обратной связи от покупателей, обмен рыночной информацией с поставщиками и клиентами (розницей), совместное планирование.

Обнаружив изменения среды, организация должна иметь возможность быстрого доступа к релевантным данным, необходимым для принятия управленческого решения. Доступ к информации вдоль всей цепи поставок является ключевым требованием для обеспечения гибкости цепи. Участникам цепи поставок необходимо организовать обмен данными о фактическом спросе в режиме реального времени, об уровне запасов, спецификациях продуктов.

Таким образом, доступность (accessibility) в контексте гибких цепей поставок – это возможность быстрого доступа к релевантным данным (о продажах, об уровне запасов и другой коммерческой информации партнеров-участников). То, насколько важное значение имеет доступ участников цепи поставок к коммерческой информации контрагентов, подчеркивается тем фактом, что сама суть концепции Agile в цепи поставок представляют как создание и управление виртуальным предприятием – метапредприятием, объединяющим цели, ресурсы, технологии и данные фокусной организации и ее партнеров на базе интегрированной информационной системы [7; 8]. На практике достаточную для Agile-ориентированной системы доступность информации могут обеспечить только распределенные информационные системы (distributed databases), самое совершенное воплощение которых представляет собой блокчейн.

Для создания гибкой цепи поставок недостаточно быстро обнаруживать изменения макросреды и иметь доступ к рыночной информации, необходимо принимать рациональные управленческие решения в ответ на эти изменения. В связи с чем важное место в элементной базе Agile занимает решительность (decisiveness), которая представляет собой не столько личную характеристику лица, принимающего решение, сколько необходимую систему поддержки принятия решений (СППР) и ее методологию. На практике наиболее жизнеспособными методами поддержки принятия решений в управлении цепью поставок, которая представляет собой множество взаимосвязанных участников (агентов), руководствующихся собственными интересами и соображениями максимизации своего результата (прибыли), являются имитационное и агентное моделирование.

Оперативность (swiftness) реализации принятых решений зависит от наличия в микрологистической системе фокусной организации необходимых производственных мощностей и инфраструктуры или возможности аутсорсинга. Оперативность – краеугольный элемент всей концепции Agile, поскольку именно она характеризует фактическую способность организации адаптироваться к изменениям среды и достигать результативности (effectiveness).

Наконец под маневренностью (flexibility) в Agile понимается готовность к изменению существующих тактик, реинжинирингу бизнес-процессов и текущей конфигураций цепи поставки в ответ на изменения среды. Маневренность достигается в результате наличия в системе всех вышеперечисленных элементов Agile.

В табл. 1 в элементной базе Agile приводится в соответствие обеспечивающая ее материально-техническая база.

Таблица 1 – Материально-техническая база Agile

Состав элементной базы Agile	Состав материально-технической базы Agile
Бдительность	Первичная и вторичная информация; ЭВМ
Доступность	Распределенные информационные системы (ПО)
Решительность	СППР (ЭВМ и методология); административный ресурс и квалифицированная экспертиза
Оперативность	Производственные и логистические мощности
Маневренность	Все вышеперечисленное

Таким образом, Lean и Agile занимают противоположные стороны в компромиссе «эффективность – результативность», и если Agile рассматривают, скорее, как организационную стратегию, то Lean единогласно признают производственной стратегией, или стратегией управления.

В табл. 2 обобщены основные отличия в функционировании бережливой и гибкой систем под управлением концепций Lean и Agile соответственно.

Таблица 2 – Отличительные особенности функционирования Lean- и Agile-систем

Характеристика	Бережливая система (Lean)	Гибкая система (Agile)
1	2	3
Состав материального потока	Традиционные товары	Инновационные товары, новинки, товары с быстрым моральным износом (электроника, одежда)
Характер потребительского спроса	Прогнозируемый	Стохастический
Диверсификация ассортимента	Низкая	Высокая
Жизненный цикл продукта	Длинный	Короткий
Конкурентное преимущество (потребительские триггеры)	Цена	Доступность товара (наличие)
Рентабельность продаж	Низкая	Высокая
Последствия дефицита	Отложенные финансовые и репутационные издержки	Незамедлительные финансовые и репутационные издержки
Механизм закупок	Закупать товары на основе прогнозов спроса	Согласовывать коммерческие и логистические мощности с емкостью рынка
Механизм прогнозирования	Алгоритмический	Экспертный
Информационная поддержка бизнес-процессов	Очень желательна	Обязательна

Примечание – Источник: [9].

Таким образом, из вышеперечисленного следует, что в рамках логистической системы одной организации Lean и Agile могут применяться следующим образом:

- на разных уровнях цепи поставок (вниз по цепи – Lean-подход, вверх по цепи – Agile-подход);
- для продуктов с различными характеристиками спроса (Lean – для поддающегося прогнозированию спроса, Agile – для стохастического);
- на различных стадиях жизненного цикла продукта (Agile – на этапе выхода на рынок, когда продукт является инновационным и спрос невозможно спрогнозировать в отсутствие исторических данных; Lean – на этапе зрелости или спада, когда известны модели потребления продукта, рынок насыщен, прибыль перестает расти или начинает падать).

Список использованных источников

1. Ригби, Д. К. Embracing Agile: как освоить процесс, который преобразует управление / Д. К. Ригби, Д. Сазерленд, Х. Такеучи // Harvard Business Review. – 2016. – Vol. 5 – P. 40–50.
2. Maskell, B. The Age of Agile Manufacturing / B. Maskell // Supply Chain Management : an International Journal. – 2011. – Vol. 6, iss. 1. – P. 5–11.
3. Sanchez, L. M. A review of agile manufacturing systems / L. M. Sanchez, R. Nagi // International Journal of Production Research. – 2011. – Vol. 39, No 16. – P. 356–360.
4. Christopher, M. The Agile Supply Chain: Competing in Volatile Markets / M. Christopher // Industrial Marketing Management. – 2011. – Vol. 29, No 1. – P. 37–44.

5. Naim, M. M. On leanness, agility and leagile supply chains / M. M. Naim, J. Gosling // International Journal of Production Economics. – 2011. – No 131 (1). – P. 342–354.
6. Gligor, D. M. The five dimensions of supply chain agility [Электронный ресурс] / D. M. Gligor // Supply Chain Executive Insight. – Mode of access: <http://www.supplychainquarterly.com/topics/Strategy/20151022-the-five-dimensions-of-supply-chain-agility/>. – Date of access: 06.04.2018.
7. Иванов, Д. А. Управление цепями поставок / Д. А. Иванов. – СПб. : Изд-во Политех. ун-та, 2009. – 660 с.
8. Иванов, Д. А. Виртуальные предприятия: оперативная кооперация в логистике [Электронный ресурс] / Д. А. Иванов // Коммерческий директор. – Режим доступа: <http://www.cfin.ru/management/manufact/virtual.shtml>. – Дата доступа: 07.04.2018.
9. Konecka, S. Lean and Agile Supply Chain Management Concepts in the Aspect of Risk Management / S. Konecka // Electronic Scientific Journal of Logistics. – 2010. – Vol. 6. – P. 23–31.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ «ПРОЦЕСС» ПРИ ВНЕДРЕНИИ БИЗНЕС-ПРОЦЕССОВ КОМПАНИИ

Трембач Ксения Ивановна,
старший преподаватель Новомосковского института (филиал)
Российского химико-технологического университета
им. Д. И. Менделеева, г. Новомосковск

Буравова Алена Андреевна,
старший преподаватель Новомосковского института (филиал)
Российского химико-технологического университета
им. Д. И. Менделеева, г. Новомосковск

Процесс – это устойчивая, целенаправленная последовательность действий, преобразующих ресурсы (входы) в некоторые продукты (выходы), представляющие ценность для потребителя.

Процесс – это повторяющаяся последовательность действий, именно повторяемость – ключевой признак любого процесса.

Если какая-то последовательность действий в организации воспроизводится раз в день, раз в неделю, раз в месяц или хотя бы раз в год, вероятнее всего, речь идет именно о процессе [1, с. 135].

В хорошо организованной и структурированной компании на долю процессов приходится около 40 – 60 % деятельности сотрудников, вся остальная деятельность малоструктурирована: совещания, коммуникации между сотрудниками, обучение и пр.

Обычно выделяют 4 типа процессов в компании:

1. Основные процессы.
2. Обеспечивающие процессы.
3. Процессы развития.
4. Процессы управления.

У каждого процесса есть потребитель – клиент, который заинтересован в результатах процесса.

Целью любого процесса является удовлетворение клиента.

Не может быть процесса без клиента.

В каждом процессе необходимо идентифицировать ключевые характеристики. Ими являются входы в процесс, выходы, исполнители процесса, клиенты и поставщики, а также владелец процесса.

Рассмотрим их более подробно.

Входы в процесс – это материальные или нематериальные ресурсы, которые нужны, чтобы процесс выполнялся.

Выходы – это продукты и услуги, которые являются результатами процесса.

Исполнители процесса – сотрудники компании, выполняющие определенные функции в процессе.

Клиенты – потребители результатов процесса.

Поставщики – лица или организации, обеспечивающие процесс ресурсами.

Владелец процесса – это лицо, которое обладает достаточными полномочиями, властью, ресурсами, чтобы обеспечить успешное выполнение процесса и достижение его цели. Владелец процесса имеет полномочия изменять его, улучшать и совершенствовать.

Очень часто управление компанией отождествляют только с процессным подходом, когда вся деятельность организации описана и регламентирована; никаких действий не происходит без четкого регламента; компания работает как отлаженная машина.

На самом деле это не только невозможно, но и вредно.

Регламентация процессов – это только один из способов координации деятельности людей.

Кроме него, существует еще 5 способов координации, которые в различных соотношениях имеются в каждой компании.

Известный исследователь организационных систем Генри Минцберг называет процессные методы управления «стандартизацией деятельности». При этом он выделяет следующие методы координации, широко используемые в менеджменте [2, с. 78]:

1. Прямая координация. Начальник отдает приказы подчиненным и контролирует их исполнение. Так функционируют подразделения вооруженных сил.

2. Взаимное согласование. Решения вырабатываются в ходе взаимодействия равноправных членов команды. Это принцип функционирования инновационных, творческих коллективов.

3. Стандартизация целей. Сотруднику ставятся цели; средства их достижения он выбирает самостоятельно. Так действуют дивизиональные подразделения компаний, руководители которых обладают высокой степенью самостоятельности.

4. Стандартизация квалификации. Методы и приемы работы отрабатываются в ходе обучения специалиста. В своей трудовой деятельности, отличающейся высокой сложностью, сотрудник действует самостоятельно. Так работают хирурги, адвокаты, преподаватели, консультанты.

5. Корпоративная идеология. Всех сотрудников компании объединяют общие ценности, понимание единых целей и идеологических установок. Поэтому каждый сотрудник в своей деятельности руководствуется своим пониманием того, как «правильно» поступать в той или иной ситуации. На таких принципах построена деятельность миссионеров религиозных организаций и разведчиков, находящихся на вражеской территории.

Таким образом, процессный подход в действительности имеет свои ограничения; он не всегда работает, не всегда возможен, и в любой организации он охватывает лишь часть деятельности. В одних организациях он занимает большую долю, в других – меньшую.

Поэтому важно понимать, что хорошее управление основывается не только на процессном подходе, но и на целом ряде других методов координации, которые должны действовать в каждой организации в тех или иных пропорциях.

Список использованных источников

1. Репин, В. Процессный подход к управлению / В. Репин // Моделирование бизнес-процессов / В. Репин, В. Елиферов. – М. : Манн, Иванов и Фербер, 2013. – 544 с.

2. Панин, И. Н. Процессный подход в управлении предприятием и саморегулирование его деятельности / И. Н. Панин, Л. Д. Подлипаев, А. С. Панфилов. – М. : Гелиос АРВ, 2009. – 320 с.

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ 1. ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЛЫКИ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ ШЕСТОГО ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО УКЛАДА	4
<i>Абдулина Аксункар Турсуновна</i>	
25-ЛЕТИЕ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН С РЕСПУБЛИКОЙ КЫРГЫЗСТАН: СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА	4
<i>Акбаева Лейла Наурызбаевна, Акбаева Акмарал Наурызбаевна, Глеубаев Советхан Баянович</i>	
ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ КАЗАХСКОЙ ЭТНОЭСТЕТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ	9
<i>Пчелкина Елена Витальевна</i>	
ПРОСВЕЩЕНИЕ АРЕСТАНТОВ В ТЮРЕМНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ АСТРАХАНСКОЙ ГУБЕРНИИ В XIX – 20-Е ГОДЫ XX ВЕКА	12
<i>Пчелкина Елена Витальевна, Кузнецова Надежда Владимировна</i>	
К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ФОРМИРОВАНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ПЕРИОДА «ВЕЛИКИХ РЕФОРМ» И КОНТРРЕФОРМ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX ВВ.)	14
<i>Болохонов Борис Сергеевич</i>	
ОБ ИСТОКАХ ДЕЛЕНИЯ СУДОПРОИЗВОДСТВ НА ВИДЫ	19
СЕКЦИЯ 2. ВЛИЯНИЕ СИСТЕМ ПРАВА ПОСТСОВЕТСКИХ ГОСУДАРСТВ НА ПРОЦЕССЫ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ ШЕСТОГО ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО УКЛАДА	21
<i>Ажинурина Динара Ажинуровна</i>	
СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ДИНАМИКИ РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРОГРАММ АДАПТАЦИИ ЭТНИЧЕСКИХ РЕПАТРИАНТОВ В СТРАНАХ БЛИЖНЕГО И ДАЛЬНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ	21
<i>Алиев Ильхам Малик оглы</i>	
О НОРМОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ	24
<i>Алимова Жанья Хайруловна</i>	
ОБ АСПЕКТАХ МОДЕРНИЗАЦИИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ И СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН	27
<i>Афанасьева Татьяна Ивановна</i>	
О СМЫСЛЕ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА	32
<i>Бахур Олег Иванович, Примаченок Анатолий Андреевич</i>	
СУИЦИД: ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫМИ И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫМИ СРЕДСТВАМИ	35
<i>Вабищевич Светлана Степановна</i>	
ОБЩЕЕ ТРЕБОВАНИЕ ДОБРОСОВЕСТНОСТИ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ	39
<i>Василевич Григорий Алексеевич</i>	
О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ЗАРУБЕЖНОЙ ПРАКТИКИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ В ПУБЛИЧНОЙ СФЕРЕ	41
<i>Василевич Дмитрий Григорьевич</i>	
К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕСТВОВАНИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ОБЛАСТИ ТРАНСПЛАНТАЦИИ ОРГАНОВ И ТКАНЕЙ ЧЕЛОВЕКА	43
<i>Ветрила Елена Валерьевна</i>	
АКСИОМЫ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ПРАВЕ	45
<i>Витушко Владимир Александрович</i>	
КОНТИНУАЛЬНОЕ ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВООТНОШЕНИЕ: СТРУКТУРА И СОДЕРЖАНИЕ	48
<i>Грибков Александр Васильевич</i>	
К ВОПРОСУ О НЕОСТОРОЖНОМ СОУЧАСТИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ	54
<i>Дедковский Андрей Александрович</i>	
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ В КОНТЕКСТЕ СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОГО АНАЛИЗА МЕЖДУНАРОДНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА	56
<i>Ермолаева Юлия Николаевна, Соколов Максим Виталиевич</i>	
ПРАВОВАЯ ЭКСПЕРТИЗА НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ: ТИПИЧНЫЕ ОШИБКИ НОРМОТВОРЧЕСТВА	58
<i>Задорожня Галина Владимировна</i>	
К ВОПРОСУ О КОНСТИТУЦИОННОМ ПРИНЦИПЕ РАВЕНСТВА ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ	61
<i>Калиева Гульмира Садуакасовна</i>	
ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН	63
<i>Калинина Ольга Евгеньевна, Шемчук Алексей Владимирович, Воронов Александр Владимирович</i>	
ОСОБЕННОСТИ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ДОГОВОРА КУПЛИ-ПРОДАЖИ НЕДВИЖИМОГО ИМУЩЕСТВА	67

<i>Кенжибекова Эльмира Полатовна</i> УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КОРЫСТНО-НАСИЛЬСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН.....	70
<i>Лепехин Алексей Алексеевич</i> КАСПИЙСКИЙ РЕГИОН: ПРОБЛЕМЫ И ПОИСК ПУТЕЙ РЕШЕНИЯ.....	73
<i>Маньковский Игорь Александрович</i> РОЛЬ СОВРЕМЕННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРОЦЕССЕ ПОДГОТОВКИ ЮРИДИЧЕСКИХ КАДРОВ В УСЛОВИЯХ ПОСТРОЕНИЯ ЭКОНОМИКИ ШЕСТОГО ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО УКЛАДА	76
<i>Мартыненко Игорь Эдуардович</i> НЕМАТЕРИАЛЬНОЕ КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ: НОВЫЕ ПОДХОДЫ В КОДЕКСЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ О КУЛЬТУРЕ	78
<i>Матвийчук Анатолий Васильевич</i> К ВОПРОСУ О СПЕЦИФИКЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ ГОСУДАРСТВА	81
<i>Овсянникова Эльвира Александровна, Зачесса Елена Николаевна</i> ПОЛНОМОЧИЯ СУДЕБНОГО ПРИСТАВА ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ УСТАНОВЛЕННОГО ПОРЯДКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУДОВ.....	84
<i>Омарова Юлия Алильевна, Пакреев Владимир Геннадьевич</i> РЕЖИМ КОММЕРЧЕСКОЙ ТАЙНЫ КАК СРЕДСТВО ОХРАНЫ РЕЗУЛЬТАТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	89
<i>Осипов Михаил Юрьевич</i> ПРОБЛЕМЫ ПОДГОТОВКИ ЮРИСТОВ В СФЕРЕ БИЗНЕСА	93
<i>Рахвалова Марина Николаевна, Рыбаченко Анжелика Юрьевна</i> ОБРАЩЕНИЕ ВЗЫСКАНИЯ НА ЧАСТЬ ЕДИНСТВЕННОГО ПРИГОДНОГО ДЛЯ ПОСТОЯННОГО ПРОЖИВАНИЯ ЖИЛОГО ПОМЕЩЕНИЯ ПО ОБЯЗАТЕЛЬСТВАМ ЕГО СОБСТВЕННИКА	98
<i>Рыбак Сергей Вячеславович</i> АДВОКАТ СВИДЕТЕЛЯ: ГОТОВ ЛИ ЗАКОНОДАТЕЛЬ ИДТИ ДАЛЬШЕ?	99
<i>Сайлибаева Жанеля Юрсуновна</i> УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРАВОНАРУШЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С БАНКРОТСТВОМ, ПО УГОЛОВНОМУ КОДЕКСУ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН.....	101
<i>Середа Ирина Михайловна</i> МЕЖДУНАРОДНОЕ УГОЛОВНОЕ ПРАВО КАК ОТРАСЛЬ ПРАВА.....	105
<i>Федощева Наталья Николаевна</i> ОСОБЕННОСТИ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ С УЧАСТИЕМ ПОТРЕБИТЕЛЯ.....	106
<i>Шемет Вадим Сергеевич</i> ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ МЕЖДУНАРОДНОМУ ТЕРРОРИЗМУ В ФОРМАТЕ ШАНХАЙСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОТРУДНИЧЕСТВА.....	109
<i>Шиенок Владимир Петрович</i> ГУМАНИСТИЧЕСКАЯ МЕТОДОЛОГИЯ И МЕХАНИЗМ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПОВЕДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА	114
<i>Шишко Георгий Борисович</i> ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ТРУДА ИНВАЛИДОВ, РАБОТАЮЩИХ В НАДОМНОЙ ФОРМЕ.....	115
<i>Шишковац Иван Иванович</i> О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ БЕЛОРУССКОЙ МОЛОДЕ- ЖИ В УСЛОВИЯХ СОЗДАНИЯ ЭКОНОМИКИ ШЕСТОГО ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО УКЛАДА	119
<i>Щенникова Лариса Владимировна</i> К ВОПРОСУ О МЕТОДОЛОГИИ ВЕЩНО-ПРАВОВОГО ИССЛЕДОВАНИЯ.....	122
<i>Абулкаирова Ботагоз Темирбулатовна</i> ГЕНЕЗИС ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПОДМЕНУ РЕБЕНКА	124
<i>Бабенкова Элеонора Вилориковна</i> Научный руководитель: <i>Славская Наталья Владимировна</i> ДОПУСТИМОСТЬ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ И СУДЕ.....	127
<i>Буранбаева Салима Рахмановна</i> СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВАЯ СТРАТЕГИЯ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ КАК САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ ПРИНЦИП УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ.....	130
<i>Гигель Андрей Александрович</i> Научный руководитель: <i>Вабищевич Светлана Степановна</i> КОНСТРУКЦИЯ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА И ПРОБЛЕМА АФФИЛИРОВАННОСТИ ЛИЦ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	133

<i>Гладкая Екатерина Николаевна</i>		
Научный руководитель: <i>Маньковский Игорь Александрович</i>		
СИСТЕМА ВЕЩНЫХ ПРАВ В ГРАЖДАНСКОМ КОДЕКСЕ РСФСР 1922 ГОДА И ГРАЖДАНСКОМ КОДЕКСЕ БССР 1964 ГОДА: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ	135	
<i>Еременко Ростислав Сергеевич</i>		
О ГЛАВНОЙ ОСОБЕННОСТИ РОССИЙСКОЙ КОНСТИТУЦИИ (К 25-ЛЕТИЮ ПРИНЯТИЯ ОСНОВНОГО ЗАКОНА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ)	139	
<i>Киселева Людмила Алексеевна</i>		
К ВОПРОСУ О ДИСТАНЦИОННОЙ РАБОТЕ	141	
<i>Ковалевич Дмитрий Игоревич</i>		
Научный руководитель: <i>Витушко Владимир Александрович</i>		
СТИМУЛИРОВАНИЕ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ	143	
<i>Козельский Илья Александрович</i>		
Научный руководитель: <i>Четян Минас Андреевич</i>		
ДОПУСТИМОСТЬ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ И СУДЕ	144	
<i>Куневич Георгий Георгиевич</i>		
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СИСТЕМЫ РЕСПУБЛИКАНСКИХ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ, ПОДЧИНЕННЫХ ПРАВИТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ (1991 – 2017 годы)...	148	
<i>Лукашук Татьяна Васильевна</i>		
Научный руководитель: <i>Витушко Владимир Александрович</i>		
ДОГОВОР ТРАНСПОРТНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ	157	
<i>Новикова Юлия Николаевна</i>		
Научный руководитель: <i>Осипов Михаил Юрьевич</i>		
ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНВЕСТИЦИОННЫХ ОТНОШЕНИЙ С УЧАСТИЕМ ГОСУДАРСТВА	159	
<i>Оразалиева Батима Сейтхановна</i>		
ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЕ НАЛОГОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА	161	
<i>Османова Зейнеп Жалалиевна</i>		
ПОНЯТИЕ УГОЛОВНОГО ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА: КРАТКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС И СОВРЕМЕННЫЙ ВЗГЛЯД НА ПРОБЛЕМУ	166	
<i>Радьков Константин Михайлович</i>		
Научный руководитель: <i>Маньковский Игорь Александрович</i>		
ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ	170	
<i>Суслов Андрей Александрович</i>		
Научный руководитель: <i>Белькова Елена Геннадьевна</i>		
ДОЛЖЕНСТВОВАНИЯ КАК ОБЪЕКТЫ ОТКАЗА	173	
<i>Турабаева Дана Сейтхановна</i>		
СУДЕБНАЯ РЕФОРМА В СВЕТЕ ИСПОЛНЕНИЯ ПЛАНА НАЦИИ «100 ШАГОВ СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА»	175	
<i>Фокина Елена Михайловна</i>		
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОЦЕНОЧНЫХ ПОНЯТИЙ В НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫХ АКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	177	
<i>Чижик Екатерина Владимировна</i>		
ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОКУРОРА ПРИ РАЗРЕШЕНИИ ВОПРОСОВ, СВЯЗАННЫХ С ИСПОЛНЕНИЕМ ПРИГОВОРА	180	
<i>Шавырина Оксана Владимировна</i>		
ПРАВА ЖИЛИЩНО-СТРОИТЕЛЬНОГО КООПЕРАТИВА	182	
<i>Шемет Антон Вадимович</i>		
ВАССЕНААРСКИЕ ДОГОВОРЕННОСТИ КАК ОДИН ИЗ МЕЖДУНАРОДНЫХ РЕЖИМОВ ЭКСПОРТНОГО КОНТРОЛЯ	186	
<i>Юрчиков Роман Игоревич</i>		
Научный руководитель: <i>Колесникова Надежда Аркадьевна</i>		
НАИМЕНОВАНИЕ МЕСТА ПРОИСХОЖДЕНИЯ ТОВАРА КАК ОБЪЕКТ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ГРАЖДАНСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ	188	
СЕКЦИЯ 3. ШЕСТОЙ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ УКЛАД ЭКОНОМИКИ: ФИЛОСОФСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ И СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПОСТРОЕНИЯ.....		192
<i>Калкаева Несебели Бакитовна</i>		
ВЛИЯНИЕ СМИ НА ПРАВОСОЗНАНИЕ МОЛОДЕЖИ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН	192	
<i>Каргаполова Екатерина Владимировна, Студинова Дарья Сергеевна</i>		
КУЛЬТУРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ НАСЕЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ	195	

<i>Копбаева Жанар Саулебековна, Курмангалиева Ляззат Казбеккызы</i>	
ПРОЕКТИРОВАНИЕ КАК ВЕДУЩИЙ МЕТОД В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ	199
<i>Кузнецова Надежда Владимировна, Сабанина Наталья Олеговна, Грунин Максим Петрович</i>	
ЦЕННОСТНАЯ СФЕРА ЛИЧНОСТИ КАК ФАКТОР ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕФОРМАЦИИ ЛИЧНОСТИ.....	204
<i>Курбанов Габил Сурхай оглы</i>	
К ВОПРОСУ СООТНОШЕНИЯ НОРМ НРАВСТВЕННОСТИ И ЭКОНОМИКИ В СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРИОД	207
<i>Саввин Алексей Михайлович, Шалашиников Геннадий Васильевич</i>	
ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РОССИИ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ.....	211
<i>Тереценко Анна Григорьевна, Васильев Николай Гаврилович</i>	
КОРПОРАТИВИЗМ КАК СПОСОБ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.....	214
<i>Шишкина Елена Александровна</i>	
ЦИВИЛИЗАЦИОННО-ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ СОВРЕМЕННОГО НАУЧНОГО ЗНАНИЯ (СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ РАКУРС).....	217
<i>Козачкова Ирина Нурвахитовна</i>	
ОЦЕНКА КАЧЕСТВА ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ: МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ	221
<i>Одинцова Екатерина Владимировна</i>	
Научный руководитель: <i>Шишкина Елена Александровна</i>	
СТРУКТУРА ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ	224
СЕКЦИЯ 4. ЭКОНОМИКА ШЕСТОГО ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО УКЛАДА – ЭКОНОМИКА БУДУЩЕГО	226
<i>Максимов Игорь Борисович</i>	
СОСТАВЛЯЮЩИЕ ЭЛЕМЕНТЫ ИНВЕСТИЦИОННОГО КЛИМАТА.....	226
<i>Некрасов Сергей Александрович</i>	
ПАТЕНТНАЯ АКТИВНОСТЬ КАК ОТРАЖЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ	230
<i>Шишлова Светлана Евгеньевна</i>	
ПРИНЦИПЫ И ЗАДАЧИ ПОСТАНОВКИ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНЧЕСКОГО УЧЕТА НА ПРЕДПРИЯТИИ	245
<i>Яковлева-Чернышева Анна Юрьевна</i>	
СОВРЕМЕННЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА В ТУРИСТСКО-РЕКРЕАЦИОННОЙ СФЕРЕ РОССИИ.....	249
<i>Емельянов Антон Владимирович</i>	
Научный руководитель: <i>Смирнов Николай Александрович</i>	
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ И РОССИЙСКАЯ СПЕЦИФИКА УПРАВЛЕНИЯ РИСКАМИ ИПОТЕЧНОГО КРЕДИТОВАНИЯ.....	252
<i>Ковеза Богдан Тарасович</i>	
Научный руководитель: <i>Зайков Владимир Полиевктович</i>	
ПОНЯТИЕ ФИНАНСОВОЙ БЕЗОПАСНОСТИ МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ	254
<i>Марусич Виолетта Юрьевна</i>	
Научный руководитель: <i>Елена Юрьевна Шацкая</i>	
СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ ОРГАНИЗАЦИИ	256
<i>Павлович Марина Ивановна</i>	
ВОЗМОЖНОСТИ СОВМЕСТНОГО ПРИМЕНЕНИЯ LEAN И AGILE В ЛОГИСТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ОРГАНИЗАЦИИ	258
<i>Трембач Ксения Ивановна, Буравова Алена Андреевна</i>	
ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ «ПРОЦЕСС» ПРИ ВНЕДРЕНИИ БИЗНЕС-ПРОЦЕССОВ КОМПАНИИ.....	263